

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

ТОМЪ IV.

БѢЛОРУССІЯ И СИБИРЬ

А. Н. ПЫПИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., № 28.

1892.

(1884)

Оканчивая изданіе, которое замедлилось, сверхъ моихъ предположеній, не малымъ количествомъ дополненій, внесенныхъ при новой обработкѣ, — я напому о назначеніи этого труда. Онъ имѣлъ въ виду не столько тѣсный кругъ специалистовъ, сколько болѣе широкій кругъ образованныхъ любителей народовѣдѣнія и начинающихъ этнографовъ: исторія этнографіи, указывающая и основные результаты, ею приобрѣтенные, тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ вопросомъ о народѣ, который становится чѣмъ далѣе, тѣмъ, кажется, все болѣе господствующимъ интересомъ общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ эта исторія намѣчаетъ приемы и особенно настоятельныя задачи дальнѣйшаго изслѣдованія.

Я предполагалъ остановиться на главнѣйшихъ замѣчаніяхъ, которыя были вызваны книгой, но въ концѣ концовъ отложилъ это намѣреніе. По сущности предмета — по связи этнографіи съ развитіемъ понятій о народной жизни и народности — я долженъ былъ коснуться теорій этого рода, философско-историческихъ и общественныхъ, которыя въ разное время излагались и получали то или другое значеніе въ нашей литературѣ; встрѣтиться съ противорѣчіемъ, особливо съ предвзятыми мнѣніями, было здѣсь неизбежно. Спорить съ такими мнѣніями — дѣло неблагодарное, потому что бесплодное; внимательный читатель съумѣетъ разобратся въ замѣчанія критики по предметамъ, имѣющимъ цѣлую обширную литературу и о которыхъ мнѣ также случалось говорить подробнѣе въ другихъ работахъ. Съ одной стороны упрекали меня, что я оспаривалъ извѣстныя ученія, какъ уже утратившія силу, — когда, въ дѣйствительности, онѣ въ измѣненной отчасти или въ той же формѣ цѣлы по сію минуту, а съ другой мнѣ ста-

[REDACTED]

[REDACTED]

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе.

Отдѣлъ первый. Бѣлоруссія.

Глава I.—Историческія замѣчанія. Стр. 3—24.

Древнія времена. Бѣлорусское племя, 3.

Вліянія Литвы и Польши, 7. Отношенія къ Москвѣ, 11.

Положеніе западно-русскаго народа въ XVIII вѣкѣ, 13.

Раздѣлы Польши, присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи, 17. Возстановленіе русской народности и православія, 19.

Времена Павла, Александра I, Николая; польское возстаніе, 20.

Новѣйшее положеніе западнаго края, 21.

Глава II.—Бѣлоруссія въ эпоху присоединенія. — Труды польскихъ ученыхъ. Стр. 25—44.

Названіе Бѣлоруссіи, 25.

Понятія о странѣ и народѣ въ эпоху присоединенія: «Записки путешествія» академика Севергина, 26.

Труды польскихъ ученыхъ стараго времени: Линде по поводу «Опыта російской библіографіи» Сопикова, 28.

Голембѣвскій, Бандтке, Іосифъ Лукашевичъ, Балинскій, Нарбуттъ, Іосифъ Ярошевичъ, Игн. Даниловичъ и др., 38.

Этнографъ въ эмиграціи: Рышинскій, 41.

Глава III.—Пѣсенные сборники Чечота, Зенкевича; книга гр. Евстафія Тышкевича. —Пробы бѣлорусской литературы. Стр. 45—64.

Янъ Чечоть, 45. Ромуальдъ Зенкевичъ, 55.

Литературное движеніе въ Вильнѣ съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ: книга гр. Тышкевича, 57.

Польскіе взгляды на Бѣлоруссію, 58.

«Бѣлорусская литература»: Маньковский и его «Энеида». Янъ Барщевскій; Дунинъ-Марцинкевичъ, 60.

Глава IV.—Русскія работы по бѣлорусской этнографіи. Стр. 65—84.

Путешествіе импер. Екатерины II, 65.

Двадцатые и тридцатые года; труды протоіерея Ив. Григоровича, 68.

П. М. Шпилевскій, 72.

Сборникъ пѣсенъ 1853 г., 77.

Бѣлорусская этнографія въ трудахъ Географ. Общества, 77.

Книга Безъ-Корниловича, 79.

Труды офицеровъ генеральнаго штаба по описанію западнаго края: А. Корева, П. Бобровскаго, И. Зеленскаго, М. Цебрикова, 79.

Глава V.—Въ шестидесятихъ годахъ. Стр. 85—100.

Политическое броженіе начала 1860-хъ годовъ; вліяніе крестьянской реформы на пониманіе положенія западнаго края, 85.

Польское возстаніе.—Тонъ русской литературы: «Вѣстникъ» Говорскаго, «Вѣсть» Скарятина; газета «День», 88.

Мѣры къ возстановленію русской народности въ западномъ краѣ, 97.

Глава VI.—Новыя этнографическія изысканія. Стр. 101—124.

Необходимость изслѣдованій историческихъ и этнографическихъ, 101.

Атласы Эркerta и Риттга; замѣчанія Кояловича и Бобровскаго, 102.

Вопросъ о возстановленіи чистой русской народности. Преобразование Виленскаго Музея, 110.

Труды этнографическіе: сборники Гильтебрандта, Руберовскаго, Дмитріева, Крачковскаго, 121.

Глава VII.—Новѣйшее время. Стр. 125—173.

Пробужденіе научныхъ интересовъ, 125.

Труды археографическіе: мѣстные сборники актовъ, 1843—1848 г.; работы Археографическихъ комиссій въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, 126.

Труды А. П. Сапунова, 129.

«Памятники» западно-русской старины въ изданіи г. Батюшкова, 131.

Труды по исторіи Бѣлоруссіи и западно-русской церкви, 137.

М. О. Кояловичъ, 138.

Труды по старой бѣлорусской письменности. Книга о Скоринѣ, г. Владимірова, 139.

Труды этнографическіе. Сборникъ пѣсенъ, П. А. Безсонова, 141.

Планъ экспедиціи въ западный край, предполагаемой Географическимъ Обществомъ, 146.

Ив. Ив. Носовичъ, 148.

Сборники П. В. Шейна, 154.

Описаніе Могилевской губерніи, А. С. Дембовецкаго, 158.

Сборники Е. Р. Романова, 162.

Исслѣдованія о бѣлорусскомъ языкѣ, 166.

Новѣйшіе труды; работы польскихъ этнографовъ, 169—173.

Отдѣлъ второй. Сибирь.

Общія замѣчанія. Стр. 177—182.

Глава I.—Первыя открытія въ Сибири. Стр. 183—215.

Давнее знакомство русскихъ съ Сибирью; покореніе, 183.

Древнее новгородское сказаніе «о челоуѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ», изслѣдованное Д. Н. Анучинимъ; отраженіе этого сказанія въ иностранныхъ описаніяхъ путешествій и картахъ XVI вѣка, 185.

Занятіе всего пространства Сибири, 193.

Старыя русскія плаванія по Ледовитому океану, 194.

Морскія путешествія иностранцевъ, 195.

Разысканія о дальнемъ востокѣ: атаманъ Петровъ и Елычевъ; Василій Тюменецъ; казаки Петлинь и Мундовъ; Николай Спаарій, 196.

Иностранныя описанія Сибири до XVII столѣтія, 201.

Исаакъ Масса, 203.

Юрій Крижаничъ, 211.

Николай Витзень и др., 213.

Глава II.—Восемнадцатый вѣкъ.—Ученныя экспедиціи. Стр. 216—234.

Историческое значеніе занятія Сибири. Результаты его для распространенія географическихъ знаній и другихъ научныхъ изслѣдованій, 216.

Первыя научныя работы при Петрѣ. Геодезисты въ Тобольскѣ и въ Камчаткѣ. Мессершмидтъ, 218.

Таббертъ-Штраленбергъ, 220.

Григорій Новицкій, 221.

Путешествія Беринга, 223.

Вторая камчатская экспедиція: Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, Делиль, Фишеръ, Стеллеръ, Крашенинниковъ, 224.

Георгъ Гмелинъ и его книга, 225.

Глава III.—Путешествіе аббата Шаппа и «Антидотъ». Стр. 235—246.

Глава IV.—Русскіе географическіе поиски и иностранная литература о Сибири до конца XVIII вѣка. Стр. 247—277.

Плаванія Шестакова. Открытія Гвоздева. Осмотръ сѣвернаго берега Сибири: Прончищевъ, Лаптевы, Челюскинъ, 247.

Предпріятія промышленниковъ: Басовъ, Трапезниковъ, Неводчиковъ, Прибыловъ. Экспедиціи Виллинга и Сарычева, 250.

Плаванія Шалаурова и Ляхова, 251.

Г. И. Шелеховъ. Основаніе Россійско-Американской компаніи, 251.

Ученныя экспедиціи. Палласъ и его «студенты» Зуевъ и Соколовъ, 255.

Георги, 258. Фалькъ, 260.

Иностранныя книги и путешествія. Делиль. Шульцъ. Переводы изъ Миллера. Самуилъ Энгель. Штелинь. Вогонди. Вильямъ Коксъ, 261.

Лессепсъ. Сиверсъ. Беньовскій. Белькуръ. Вагнеръ. Французскіе эмигранты, 267.

Глава V.—Время Александровское и Николаевское, до сороковыхъ годовъ. Стр. 278—289.

Ученныя предпріятія XIX вѣка, 278.

Путешествія Александровскаго времени: плаванія Крузенштерна и Лисянскаго, Геденштрома, Хвостова и Давыдова, Головинна, Коцебу, Литке. Путешествія Врангеля, Анжу, Козьмина и Матюшкина; Кохрэнъ, 279.

Николаевское время: Ледебуръ, Ганстенъ, Эрманъ, 284.

«Землеводѣніе» Риттера и «Средняя Азія» Александра Гумбольдта, 286. Экспедиція Миддендорфа, 287.

Глава VI. — Сороковые года. — Дѣятельность Географическаго Общества по изученію Сибири. — Новѣйшія экспедиціи. Стр. 290—311.

Русскія пріобрѣтенія въ Азіи. Объединеніе научныхъ силъ и изысканій съ основаніемъ Географическаго Общества, 290.

Русское изданіе «Землеводѣнія Азіи» Риттера. «Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи», П. П. Семенова, 292.

Новыя экспедиціи. Забайкальская экспедиція Ахте. Изслѣдованіе Амурской и Невельской и Козакевичъ, 293.

Восточно-сибирская экспедиція Географическаго Общества: труды Шварца, Радде, Шмидта, Глена, 295.

Сибирскій Отдѣлъ Геогр. Общества, съ 1851 г. Вилуйская экспедиція: труды Маака, 297.

Раздвоеніе Сибирскаго Отдѣла на Восточный и Западный, съ 1878 г., 302.

Исслѣдованія въ средней Азій. Пржевальскій, 304.

Г. Н. Потанинъ, 305.

И. С. Поляковъ. М. И. Венюковъ, 308.

Глава VII.—Польская литература о Сибири.—Новыя путешествія западно-европейскія и американскія. Стр. 312—333.

Глава VIII.—Сибирская исторіографія до конца XVIII-го вѣка. Стр. 324—350.

Задачи для сибирской исторіографіи, 324.

Древнія извѣстія. Начало сибирскаго лѣтописанія: архіепископъ Кипріанъ; Савва Есиповъ; Строгоновская лѣтопись, 326.

Лѣтопись Кунгурская или Ремезовская; лѣтопись Черепанова. Отношенія лѣтописныхъ текстовъ, 327.

Старыя описанія географическія. Иностраннныя карты. Русскіе «чертежи» и «росписи» XVII вѣка, 332.

Чертежъ стольника Годунова и шведская копія Прютца, 334.

Чертежъ Семена Ремезова и другія описанія Сибири; статьи Хронографовъ, 336.

Историческіе труды Г.-Фр. Миллера, 339.

І. Э. Фишеръ, 348.

Глава IX.—Новѣйшая литература по исторіи и описанію Сибири. Стр. 351—377.

Г. И. Спасскій. П. А. Словцовъ. Труды Семивскаго, Корнилова, Пестова, Степанова и др. Н. А. Абрамовъ. Труды Кривошапкина, Завалишина, 351.

Статистика Сибири. Старыя переписи. Труды Штера, Гагемейстера. Статистическіе комитеты. Новѣйшія предпріятія ген.-губ. Игнатьева и министръства госуд. имуществъ, 361.

Сборники старыхъ актовъ. Историческія сочиненія И. В. Щеглова, В. К. Андріевича, В. И. Вагина, С. С. Шашкова, А. В. Оксенова, И. И. Тыжнова, 363.

Новѣйшіе описательные труды и путешествія: Е. В. Адриановъ, Голод-

никовъ, В. П. Сукачевъ, П. А. Голубевъ, М. В. Загоскинъ, М. И. Орфановъ, Н. Астыревъ и др., 369.

Описанія балетристическихъ, 372.

Труды П. М. Ядринцева, 373.

Глава X.—Этнографія сибирскихъ инородцевъ. Стр. 378—412.

Инородцы, какъ первоначальные старожилы Сибири, 378.

Исслѣдованія о сибирскихъ древностяхъ: труды Попова, Агапитова, Адрианова, Радлова, Клеменца; Ядринцева и др., 379.

Этнографическая исторія инородцевъ, 383.

М. А. Кастренъ, 387.

М. П. Веске, 396.

Исслѣдователи-туземцы: Дорджи Банзаровъ, Чоканъ Валихановъ; бурятскіе этнографы; Катановъ и др., 397.

Литература объ инородцахъ, 401.

Исслѣдованія о языкѣ и народной поэзіи сибирскихъ тюрковъ, В. В. Радлова; труды миссіонера Вербицкаго, 404.

Этнографическая карта Гаардта, 405.

Вопросъ о сибирскихъ инородцахъ въ книгѣ Н. М. Ядринцева, 409.

Глава XI.—Этнографія и бытовая исторія русскаго населенія Сибири. Стр. 413—000.

Этнографическое опредѣленіе русскаго населенія Сибири, 413.

Процессъ водворенія въ Сибири русской власти и русской народности; исслѣдованія г. Буцинскаго, 415.

Отношеніе русской власти и населенія къ инородцамъ; смѣшеніе русскихъ съ туземцами, 427.

Вліяніе другихъ условій, территорій, климата и промысла на измѣненіе типа русской народности, 431.

Бытовое вліяніе исключительнаго административнаго положенія Сибири: нравы сибирскихъ воеводъ и правителей, 433.

Научный вопросъ о сибирскомъ типѣ русской народности, 435.

А. П. Щаповъ; біографія; сибирскія работы, 436.

Исслѣдованія П. А. Ровинскаго, Д. Н. Анучина, 441.

Этнографическія исслѣдованія сибирскаго народнаго быта. «Записки и замѣчанія о Сибири», Е. А. Авдѣевой, 443.

С. И. Гуляевъ, 446.

Отдѣльные этнографическіе матеріалы, 447.

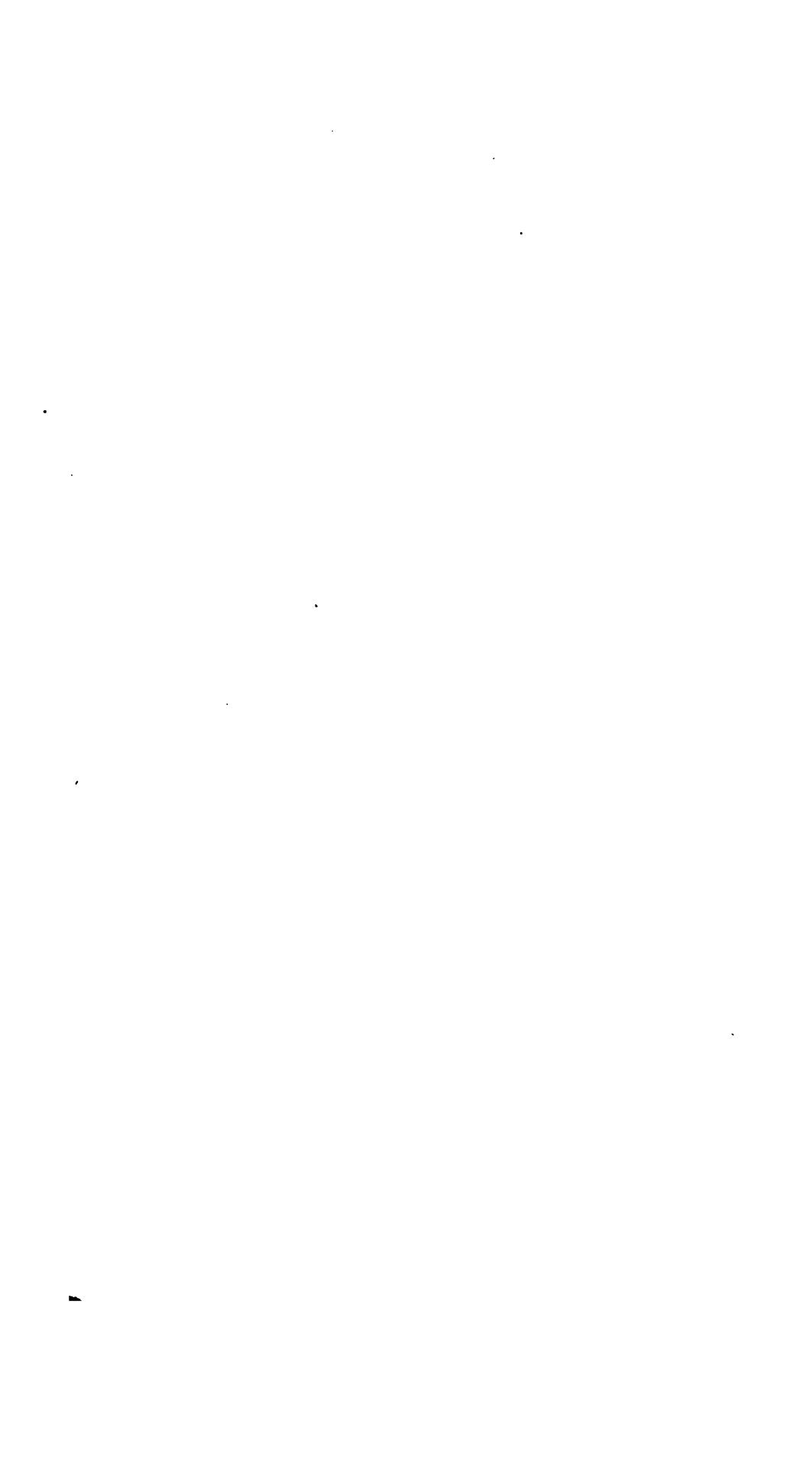
Новѣйшее оживленіе сибирскихъ изученій, 450—452.

Заключеніе, 453—457.

Дополненія (В. Н. Добровольскій; А. Н. Веселовскій; О. Д. Батюшковъ; В. О. Миллеръ; Г. Н. Потанинъ; Северинъ Удзѣла и Адамъ Закревскій; М. С. Грушевскій; А. А. Потебня; А. Титовъ; статистическія работы по Восточной и Западной Сибири; «Верхоянскій сборникъ»; труды бурятскихъ этнографовъ), 458—462.

Указатель, стр. 463—488.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.
БѢЛОРУССІЯ.

ГЛАВА I.

Историческія замѣчанія.

Древнія времена.—Бѣлорусское племя.—Вліянія Литвы и Польши.—Отношенія къ Москвѣ.—Положеніе западно-русскаго народа въ XVIII вѣкѣ.—Раздѣлы Польши: присоединеніе Бѣлоруссин.—Возстановленіе русской народности и православія.—Времена Павла I, Александра I, Николая.—Польское возстаніе.—Новѣйшее положеніе западнаго края.

Можетъ быть поставленъ вопросъ: существуетъ ли „бѣлорусская этнографія“, т.-е. слѣдуетъ ли трактовать отдѣльно матеріалъ, относящійся къ этой западной отрасли русскаго племени? Существуетъ ли самая бѣлорусская народность?

Бѣлорусское племя обратило на себя особенное вниманіе нашей этнографіи только въ послѣднія десятилѣтія, именно со времени послѣдняго польскаго возстанія. До тѣхъ поръ у насъ интересовались Бѣлоруссией и знали ее очень мало сравнительно съ тѣми, довольно многочисленными и частію прекрасными, работами по изученію этого края, какія сдѣланы были особенно въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Со времени польскаго возстанія, относительно бѣлорусской народности сдѣлано было чуть не открытіе: масса общества, прежде имѣвшая очень смутное представленіе о западномъ краѣ, вслѣдствіе переполоха, произведеннаго возстаніемъ, внезапно увлеклась соображеніемъ, что этотъ край—русскій. Это соображеніе было для большинства какъ будто новостью, и эта новость усердно пропагандировалась: къ мѣропріятіямъ административнымъ, утверждавшимъ русскія качества этого края, присоединились въ томъ же смыслѣ мѣропріятія публицистическія и ученыя — въ области археологіи и этнографіи. Доказывалось не только то, что край этотъ—русскій, но что западно-русская или бѣлорусская народность даже не существуетъ: до такой степени она составляетъ то же единое русское племя

безъ всякаго отличія отъ его коренной массы, что „Бѣлоруссія“ есть только географическій терминъ ¹⁾).

На этомъ основаніи не было бы надобности выдѣлять бѣлорусскую народность и подвергать ее спеціальному изученію; между тѣмъ это дѣлалось давно и дѣлается до сихъ поръ. Въ чемъ же дѣло? Что бѣлорусское племя, по своему происхожденію и по основнымъ чертамъ своего этническаго характера, принадлежитъ къ общему русскому цѣлому, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: въ послѣднее время, наблюденія надъ языкомъ и бытомъ убѣждаютъ, что вѣтъ бѣлорусская находится въ ближайшемъ родствѣ именно съ великорусскою отраслю, въ противоположность отрасли малорусской, болѣе отдаленной отъ обѣихъ,—по сказать, что нѣтъ никакихъ этнографическихъ отличій бѣлорусскаго племени, значить отказаться отъ изслѣдованія. Существованіе бѣлорусскаго „племени“ не подлежитъ сомнѣнію: вопросъ идетъ только о томъ, насколько и въ какихъ сторонахъ своего характера это племя отличается отъ того великорусскаго, которое составило зерно и господствующую народность русскаго государства? Отвѣтъ на это даютъ исторія племени, его языкъ и бытовые черты.

Писанная исторія не знаетъ на пространствѣ древней Руси единого однороднаго племени и, напротивъ, указываетъ цѣлый рядъ племенъ, которыя лѣтописецъ очевидно считаетъ принадлежащими къ одному цѣлому, но на частной отдѣльности которыхъ онъ настаиваетъ, упоминая нѣсколько разъ, что это были отдѣльные роды, сѣвшіе на разныхъ мѣстахъ и имѣвшіе каждый свои обычаи; нѣкоторымъ изъ этихъ родовъ, въ самой глубинѣ Россіи, онъ приписывалъ даже ляхское происхожденіе, какъ въ Новгородѣ особеннымъ образомъ отличаетъ „словенъ“. Племенные названія приведены у Нестора весьма отчетливо, съ указаніемъ географическаго положенія; впоследствии эти племенные названія забываются (слѣдъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранился въ мѣстныхъ географическихъ названіяхъ соответственныхъ краевъ) и входятъ въ употребленіе названія „земель“ или княженій. Начинавшееся объединеніе, которое создавалось близкой родственностью племенъ, христіанствомъ, господствомъ

---

¹⁾ Такъ, напр., говорится въ книгѣ, предназначенной для популярнаго чтенія: „Названіе Бѣлоруссія есть географическій терминъ и не имѣетъ особеннаго этнографическаго значенія, такъ какъ ни особенной народности, ни даже особеннаго племени бѣлорусскаго не существовало (только Костомаровъ признаетъ шесть особенныхъ народностей, въ томъ числѣ и бѣлорусскую)“... Способъ выраженія неясный: потому что „особенная народность“ и „особенное племя“—одно и то же. Но дальше, въ той же статьѣ, упоминается особенное „нарічіе бѣлорусское“. См. Энциклопедическій Словарь, Березина, в. v.

князей одной династіи, возникшей письменностью, военными походами и развивавшимися торговыми сношеніями, это объединеніе не могло, однако, скоро стереть тѣхъ мѣстныхъ бытовыхъ особенностей, какія существовали раньше; какъ въ цѣлой жизни древней Руси новая культура, открывшаяся съ христіанствомъ, долго не могла преодолѣть стараго обычая (благочестивые люди еще въ XIV столѣтіи жалуются на народное двоевѣріе, слѣды котораго хранились, какъ извѣстно, долго послѣ), такъ, въ частности, новыя условія быта долго не могли стереть и тѣхъ отличій, какія отдѣляли въ древности разныя части русскаго племени другъ отъ друга. „Поляне“, „древляне“, „радимичи“, „вятичи“, „дреговичи“, „кривичи“ и т. д. ко временамъ лѣтописца уже не называются этими именами и обозначаются политическими названіями земель и княженій, но безъ сомнѣнія еще оставались полянами, древлянами и т. д. по старымъ племеннымъ особенностямъ. Публицисты, полагавшіе, что Бѣлоруссія есть только географическій терминъ, т. е. что бѣлоруссы не отличаются ничѣмъ отъ всякаго русскаго, забываютъ, какъ произошло образованіе позднѣйшихъ отдѣлковъ русскаго племени: считаемъ не лишнимъ остановиться на этомъ, потому что въ этихъ рѣшеніяхъ отражается довольно обыкновенное въ популярномъ обращеніи непониманіе, и онѣ еще плодятъ это непониманіе. Многимъ у насъ какъ будто кажется, напр., что бѣлоруссы (какъ и малоруссы) составляютъ просто отрасль вполне сформированнаго уже въ древности, цѣльнаго русскаго народа, отрасль впоследствии болѣе или менѣе попорченную, тогда какъ главный русскій народъ, создавшій единое государство, остался „чистымъ“, подлиннымъ, неиспорченнымъ русскимъ народомъ. Но простыя показанія новыхъ историческихъ и филологическихъ изслѣдованій представляютъ дѣло совсѣмъ иначе: этого древняго единаго „чистаго русскаго“ народа не было; онъ только началъ складываться въ извѣстную цѣльность въ то время, когда первобытная жизнь русской земли была нарушена разнородными внутренними и внѣшними событіями. Въ средѣ племенъ начиналось сближеніе, бывшее предвѣстіемъ того объединенія, которое совершилось потомъ въ Москвѣ и которое имѣло своимъ гнѣздомъ и наиболѣе удобной почвой княжества сѣверо-восточныя; между тѣмъ, къ тому же и немного болѣе позднему времени, произошелъ внѣшній разгромъ русскихъ земель съ нашествіями татаръ и литовцевъ, и когда на сѣверо-востокѣ, наперекоръ татарскому игу, созрѣваетъ московское единоедержавіе, русскій юго-западъ, покоренный Литвою, образуетъ особое княженіе, и черезъ политическія связи съ Польшей начинаетъ тяготѣть волею и неволею къ этой послѣдней. Весьма возможно, что въ другихъ историческихъ условіяхъ, напр., если бы

московское царство сложилось и окрѣпло не къ XVI—XVII вѣку, а нѣсколькими столѣтіями раньше, иначе сложилась бы и жизнь племенная,—но въ тѣхъ данныхъ, какія образовались съ татарскимъ и литовскимъ нашествіями, съ политическимъ разъединеніемъ и ослабленіемъ всего тогдашняго русскаго міра, жизнь племенная стала невольно сживаться съ тѣми условіями, какія давались внѣшними событіями. Русскій сѣверъ былъ отдѣленъ отъ русскаго юга и запада; скрѣпились отдѣльныя племенные группы, подъ вліяніемъ различныхъ бытовыхъ условій, и тѣ зародыши племенной индивидуальности, которые могли бы стереться въ общеніи съ другими частями своего собственнаго родного цѣлаго, теперь начинаютъ развиваться отдѣльно, все больше давая мѣсто частнымъ отличіямъ. Въ эту среднюю эпоху уже опредѣляются тѣ характерныя черты, которыя лежатъ въ основѣ трехъ главныхъ нынѣшнихъ отраслей русскаго племени: великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго. Образование ихъ шло почти параллельно. И замѣтимъ, что въ основѣ процесса, совершавшагося въ языкѣ, лежали все-таки не однѣ упомянутыя внѣшнія причины, которыя играли только второстепенную роль, а гораздо болѣе давнія мѣстныя племенные стихіи; отличія русскаго сѣвера и юга по языку возводятъ теперь, въ отдѣльныхъ случаяхъ, еще къ XI-му вѣку, и если представить себѣ, что объ этомъ русскомъ языкѣ XI-го вѣка мы имѣемъ только весьма неполныя свидѣтельства, то можно думать, что діалектическія отличія были болѣе обширны, чѣмъ намъ теперь извѣстно. Отличія русскаго сѣвера и запада менѣе значительны, чѣмъ отличія сѣвера и юга, и наблюдаются въ памятникахъ позднѣе, но, во всякомъ случаѣ, онѣ являются раньше, чѣмъ началось польское вліяніе, которое такъ сильно возобладало въ бѣлорусской письменности и книжности съ XV—XVI вѣка, и въ которомъ находили прежде единственную причину отдаленія бѣлорусской рѣчи отъ великорусской.

Такимъ образомъ, бѣлорусскій языкъ или нарѣчіе не происходитъ отъ великорусскаго, а развивается одновременно съ нимъ изъ близкихъ родственныхъ, но отдѣльныхъ племенныхъ элементовъ и въ весьма различной политической и бытовой обстановкѣ.

Различіе бѣлорусскаго нарѣчія отъ великорусскаго, какъ мы замѣтили, гораздо меньше, чѣмъ различіе великорусскаго и малорусскаго: сѣверныя русскія племена (на востокъ и западъ) были ближе другъ къ другу, и въ настоящее время нѣкоторые филологи полагаютъ возможнымъ считать бѣлорусское нарѣчіе какъ бы вѣтвью южно-великорусскаго. Дальнѣйшія изслѣдованія бѣлорусскаго языка и обычая безъ сомнѣнія ближе опредѣлятъ эти степени родства и процессъ образованія нынѣшнихъ этнографическихъ отличій; но оче-

видно во всякомъ случаѣ, что основой бѣлорускаго племени и нарѣчія были тѣ старыя племена, которыя сидѣли на сѣверо-западѣ древней Руси, кривичи, дреговичи и пр., и въ особенности первые, главными пунктами которыхъ были Полоцкъ, Изборскъ и Смоленскъ, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ очень древняго времени распространялись и далѣе на востокъ, содѣйствуя русской колонизаціи бассейна Оки и верхней Волги, гдѣ потомъ возобладало племя великорусское. Такимъ образомъ, съ одной стороны, племена западнаго края участвовали своими отпрысками въ образованіи самого племени великорусскаго; съ другой, оставаясь на мѣстѣ, сохранили и развивали отдѣльно свои первоначальныя мѣстныя особенности. Тѣ объединительныя стремленія, которыя возникаютъ въ русскомъ племени съ самаго начала древней исторіи въ христіанствѣ, въ общей грамотѣ, одной княжеской династіи и пр., — по внѣшнимъ препятствіямъ не были доведены до конца и хотя надолго оставили слѣды и въ западной Руси, но затѣмъ все болѣе сильное дѣйствіе стали оказывать другія условія, гдѣ исторія западнаго края пошла уже особнякомъ, гдѣ все больше терялась прежняя связь съ массою русскаго восточнаго племени. Это были отношенія литовскія и польскія, вмѣшательство католицизма и уни, все возраставшее вліяніе польскаго политическаго строя, измѣненіе нравовъ и обычаевъ въ смыслѣ этого строя и т. д. Эти отношенія достаточно извѣстны; прибавимъ только, что въ объясненіи ихъ до сихъ поръ остаются неточности, внушаемыя новѣйшими политическими враждами и пристрастіями. Польско-русскія отношенія на западѣ изображаются обыкновенно у нашихъ новѣйшихъ популярныхъ историковъ какъ одинъ рядъ насилій, гдѣ въ жизнь русскаго западнаго племени врываются внезапно чуждые элементы и гдѣ народъ, покинутый высшими сословіями, остается безгласной жертвой—до тѣхъ поръ, пока его право восстанавлиется въ послѣдніе вѣка вмѣшательствомъ, успѣвшей вырасти подлѣ, могущественной русской имперіи... Въ дѣйствительности, событія шли не такъ внезапно и не однимъ путемъ насилія. Бывало, старинные историки изображали, напр., начало русско-литовскихъ отношеній въ родѣ какого-то неожиданнаго театральнаго эффекта: „изъ глубины лѣсовъ вышло племя невѣдомое, дикое, воинственное, съ жаждою завоеваній; во главѣ его сталъ грозный воевода, онъ овладѣлъ русскими землями и т. д.; это племя была Литва, его предводитель былъ страшный Гедиминъ“, и т. д. Оставалось непонятно, откуда взялось дикое воинственное племя и какъ могъ внезапно совершиться переворотъ, поставившій на мѣстѣ западно-русскихъ земель новое сильное „литовское княжество“. Похоже на это разсуждаютъ иногда и новѣйшіе популярные историки. На самомъ дѣлѣ, внезап-

ности не было: западные княжества давно уже, задолго до Гедимина, были знакомы съ Литвой, бывали съ ней въ мирныхъ отношеніяхъ или встрѣчались въ войнахъ; давно русская стихія оказывала вліяніе на Литву, такъ, что позднѣйшія явленія въ жизни литовскаго княжества были подготовляемы уже болѣе ранними связями. Литва получила господство политическое, но русская культура взяла верхъ, потому что была выше грубаго литовскаго быта; основаніе литовскаго княжества въ русскихъ земляхъ стало какъ будто только смѣной княжеской династіи или сліяніемъ двухъ династій,—но уже вскорѣ положеніе дѣлъ усложнилось отношеніями къ Польшѣ. Соединеніе Литвы съ Польшей при Ягеллѣ было пока соединеніе виѣшнее, и не крѣпкое. Литовское княженіе еще долго, въ теченіе почти двухъ столѣтій, сохраняло свою внутреннюю русскую жизнь и ревниво охраняло свою отдѣльность, но мало-по-малу, въ долгихъ политическихъ отношеніяхъ съ государствомъ иного характера и иной религіи, эта отдѣльность ослабѣвала, и съ конца XVI вѣка русская стихія все больше подпадаетъ польскому вліянію, политическому, религіозному и культурному. Съ этого времени въ особенности начинается полонизація высшаго и частью средняго класса, которая была тяжкимъ ущербомъ для дѣла западно-русской народности; высшее сословіе, разъ вступивъ на эту дорогу, обыкновенно уже окончательно отрывалось отъ своего народа. Входя въ составъ польскаго панства, оно принимало вмѣстѣ и католичество; свой народъ становился чужимъ, и какъ матеріальное, такъ и нравственное состояніе народа, предоставленнаго самому себѣ, дошло, наконецъ, до самаго бѣдственнаго упадка. Слѣдующія поколѣнія ополченнаго панства уже совсѣмъ забывали о своемъ русскомъ происхожденіи и умножали ряды шляхетской націи. Народъ, частью полунасильственно, былъ обращаемъ въ католицизмъ или унию, частью былъ пренебреженъ и въ массѣ сберегъ старый языкъ, обычаи, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы защитить свое преданіе, — какъ могъ народъ защитить свое преданіе на югѣ.

Это были, безъ сомнѣнія, весьма печальныя страницы въ исторіи русской народности. Но что было причиной ея прискорбнаго паденія? Популярныя исторіи причину всего видятъ въ ненасытной и злобной пропагандѣ католицизма и въ измѣнѣ русскаго боярства. Католическая церковь, какъ извѣстно, давно питала планы распространить свое господство на русскій востокъ; ея представители не всегда отличались духомъ христіанской любви, и для цѣлей вѣры слишкомъ часто употреблялись средства не весьма правдивыя и гуманныя—какъ это бываетъ донинѣ едва ли не во всѣхъ исповѣданіяхъ, но въ лучшихъ людяхъ бывало, безъ сомнѣнія, и совершенно

искреннее убѣжденіе, что именно эта церковь была „единоспасающая“—точно такъ же, какъ въ средѣ принимавшихъ католичество русскихъ бывали люди, получавшіе то же убѣжденіе, или угнетаемые чувствомъ своего собственнаго церковнаго упадка. Подобнымъ образомъ, замѣна своей народности польскою бывала иногда расчетомъ грубаго личнаго честолюбія и выгоды, но едва ли не чаще бывала результатомъ естественной борьбы двухъ различныхъ культуръ—результатомъ непредназначеннымъ. Трудно себѣ представить поголовную „измѣну“, всеобщее предательство; столь широкое явленіе, какъ колонизація высшаго сословія, имѣло не однѣ мелко-эгоистическія основанія, и не только отрицательныя, но и положительныя причины. И дѣйствительно, эти причины были и заключались, съ одной стороны, въ политическомъ значеніи шляхетства, значеніи, которое отвѣчало естественнымъ стремленіямъ боярства пріобрѣсти самостоятельную роль, и съ другой—въ болѣе высокой степени культуры, какая представлялась польскимъ бытомъ высшихъ сословій. Что касается перваго, то извѣстно, что польская шляхетская вольность не только въ западной Руси, но и въ самой восточной Россіи бывала не разъ предметомъ сочувствій русскаго боярства, и не только въ XVI—XVII вѣкѣ, но и въ XVIII-мъ. Въ русскомъ государствѣ стремленія подобнаго рода остались безуспѣшны, встрѣтивъ слишкомъ сильную преграду въ безусловномъ самодержавіи; но тамъ примѣръ былъ на-лицо и подражаніе было совершенно возможно. Въ дѣлѣ образованія, Польша XVI—XVII-го вѣка представляла примѣръ такого развитія школы, ученыхъ и литературныхъ интересовъ, какого не бывало въ русскихъ земляхъ, ни въ Москвѣ или Новгородѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Вильнѣ. Россія XVI-го вѣка едва выступала изъ мрака, принесеннаго татарскимъ игомъ; образованнымъ иноземцамъ она казалась страной варварскою и по нравамъ, и по отсутствію ученыхъ школъ, о которомъ почти неизмѣнно упоминаютъ иностранные путешественники того времени. Польша въ этомъ послѣднемъ отношеніи, напротивъ, шла въ уровень съ западною Европой: она приняла дѣятельное участіе въ движеніи гуманизма, въ исторіи котораго имѣла своихъ знаменитыхъ представителей; въ нее перешло и то религіозно-научное возбужденіе, какое сопровождало реформацію; въ самой Польшѣ реформа нашла ревностныхъ сторонниковъ, и какова бы ни была соціальная подкладка протестантскаго движенія въ Польшѣ, оно затрогивало слишкомъ глубоко величайшіе интересы мысли и религіознаго чувства и, мимо практическихъ социальныхъ побужденій, не могло не подѣйствовать на умы своихъ приверженцевъ и не становиться искреннимъ убѣжденіемъ и образовательной силой. Если въ самой московской Россіи, среди твердо установив-

шагося православнаго преданія и быта, прорывались въ извѣстныхъ ересяхъ идеи характера рационалистическаго и протестантскаго, то естественно, что здѣсь, въ свободномъ заявленіи подобныхъ идей, среди открытаго установленія протестантскихъ общинъ и богослуженія, эти идеи получали возможность открытаго распространенія. Происходило невиданное броженіе умовъ и, какъ извѣстно, кромѣ протестантовъ польскихъ появились и протестанты западно-русскіе. Если въ этомъ броженіи одни изъ русскихъ остались вѣрны православію, другіе увлекались протестантствомъ, третьи переходили въ католицизмъ, то, очевидно, была здѣсь не одна грубая измѣна, но и отраженіе великаго религіозно-образовательнаго спора и борьбы, которые наполняли тогда весь западно-европейскій міръ и касались слишкомъ важныхъ вопросовъ человѣческой мысли и совѣсти. Польское (и западно-русское) протестантство имѣло дѣйствительно убѣжденныхъ послѣдователей, — какъ таковыхъ же имѣло, вѣроятно, и польско-русское католичество.

Извѣстно, какъ западно-европейская реформація, сначала поразившая католическую церковь своимъ неожиданнымъ и необычнымъ распространеніемъ, вызвала, наконецъ, въ этой церкви реакцію, которой удалось уничтожить многіе плоды, приобрѣтенные реформой. Эта реакція была страстная, фанатическая почти до безумія, но вмѣстѣ тонко рассчитанная и, по принципу, не останавливавшаяся передъ „средствами“, которыя всѣ должна была освящать цѣль. Іезуитскій орденъ, который былъ высшимъ выраженіемъ этой реакціи, явился въ Польшѣ бороться съ реформой, а вмѣстѣ и съ православіемъ. Извѣстенъ способъ дѣйствій іезуитства, который былъ бѣдствіемъ не только для западной Руси, но и для самой Польши, отождествивъ всю политическую судьбу разноплеменнаго и разновѣрнаго государства съ темной и ожесточенной религіозной нетерпимостью. Здѣсь опять мрачная сила іезуитства направлена была не спеціально на одно русское православіе, но и на само польское разновѣрство; то-есть, опять мы встрѣчаемся съ цѣлымъ стихійнымъ явленіемъ европейской исторіи, которое отразилось на судьбѣ западно-русскаго народа. Но въ прискорбныхъ событіяхъ XVI — XVII-го вѣка была сторона, дававшая въ будущемъ выходъ изъ исторической дилеммы. Религіозное образовательное движеніе XVI-го вѣка и необходимость защиты православія противъ католицизма, а также и протестантства, положили основаніе южной и западной русской школѣ и литературѣ, которыя были первымъ предвѣстіемъ вступленія русскаго народа на путь общечеловѣческаго просвѣщенія. Рядомъ съ этимъ, получили начало тѣ церковныя братства, дѣятельность которыхъ распространилась отъ Вильны до Кіева и Львова и была сильнымъ орудіемъ

самозащиты русскаго народа въ эти тяжелые вѣка. Что юго-западные школы были устроены по западному католическому образцу, это извѣстно; самымъ языкомъ преподаванія дѣлался языкъ латинскій; форма братствъ была также заимствованная, — но въ эти чужія формы было вложено самостоятельное содержаніе: это была, съ одной стороны, возможность обороны противъ подавляющаго вліянія католической церковности и науки, и съ другой — явилась здѣсь великая нравственная сила народнаго самосознанія. Изъ новой школы выходили просвѣщенные іерархи, создавшіе обильную церковно-полемическую литературу, которая не уступала католической въ обширной учености своего времени; изъ этой же школы выходили не разъ и отчаянные борцы за русскую народность въ козацкихъ возстаніяхъ... Важность юго-западной школы для всего хода обще-русскаго просвѣщенія теперь оцѣнивается достаточно, но, безъ сомнѣнія, оцѣнится еще выше, когда ближе будетъ разработана эта сложная и интересная эпоха. Извѣстно, что русская юго-западная школа получила, наконецъ, большое вліяніе въ самой Москвѣ, несмотря на всю подозрительность московскихъ руководящихъ людей ко всему, что носило какой-либо западный, дѣйствительно или мнимо латинскій оттѣнокъ, — и впослѣдствіи это вліяніе отразилось видною полосой въ ходѣ нашего образованія въ XVIII вѣкѣ: наша духовная школа сохранила почти до нашихъ дней слѣды своего стараго юго-западно-русскаго источника въ латинскомъ духѣ. Въ концѣ XVII-го вѣка, наканунѣ Петровской реформы, въ жизни московской Россіи несомнѣнно готовилось и частью совершалось своего рода преобразование подъ вліяніями этой юго-западной школы, — преобразование, затертое и заслоненное потомъ болѣе широкой и радикальной реформой Петра, но давшее и самому Петру подготовку и многихъ исполнителей для его плановъ ¹⁾).

Замѣтимъ, что это движеніе, совершавшееся въ юго-западной Россіи въ XVI—XVII столѣтіяхъ, возникало совершенно независимо отъ Россіи московской. Здѣсь были свои волненія и свои бѣды, неизвѣстныя въ московской Россіи, — какъ всякаго рода церковное броженіе, внутреннія политическія столкновенія съ Польшей, какъ уни, іезуитская реакція и преслѣдованіе, какъ возстанія козацкія, въ которыхъ свою долю участія имѣла и Бѣлая Русь; но здѣсь же созрѣвало и народное сопротивленіе, однимъ изъ выраженій котораго было упомянутое образовательное движеніе, созданное одними юго-западными силами и отсюда потомъ распространившееся на москов-

¹⁾ На это обратилъ вниманіе г. Шляпкинъ въ книгѣ: „Св. Димитрій Ростовскій“ (Слб. 1891), гдѣ собраны также любопытные факты разнообразныхъ польскихъ вліяній въ старой до-Петровской Москвѣ.

скую Россію. Общее было одно—старое православное преданіе, которое разрабатывалось здѣсь съ извѣстнымъ своеобразнымъ оттѣнкомъ, который и былъ замѣченъ въ Москвѣ, стоявшей за свою односторонность. Здѣсь уже издавна складывались формы жизни, вышедшія изъ особыхъ условій края; издавна было свое русское законодательство; до послѣдняго времени держался русскій языкъ, какъ языкъ суда, администраціи и самого „литовскаго“ двора; въ первые годы XVI вѣка дѣлается замѣчательная попытка перевода библии, „доктора“ Франциска Скорины; сюда бѣжитъ гонимый въ Москвѣ первый русскій типографщикъ; сюда уходитъ князь Курбскій и примыкаетъ къ совершавшемуся здѣсь религіозно-полемическому и образовательному движенію; здѣсь печатается первая русско-славянская библия; здѣсь основывается рядъ русскихъ типографій, дѣлающихъ массу изданій прежде, чѣмъ печатное дѣло установилось въ Москвѣ; наконецъ, здѣсь образуются новыя формы общественной дѣятельности въ видѣ церковныхъ братствъ и появляются первые опыты русской науки въ юго-западныхъ школахъ... Все это совершалось въ своей мѣстной средѣ и носило на себѣ ея извѣстный отпечатокъ, въ которомъ было много несходнаго съ тогдашнимъ московскимъ типомъ нравовъ и понятій, но который тѣмъ не менѣе былъ русскимъ. Нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ происходили эти явленія, закрѣпили эту мѣстную особенность юго-западной жизни и дали ей своего рода историческое право.

Въ XVII-мъ столѣтіи типъ юго-западнаго человѣка носилъ свои опредѣленные черты, которыя видимо отличали его отъ человѣка московскаго. На югѣ долгими историческими судьбами сложилась цѣлая особая народность, которая для сѣверныхъ русскихъ казалась столь чуждой, что могла даже называться „черкасской“; русскіе западные были „литовскіе люди“: руководясь непосредственнымъ соображеніемъ, что русское можетъ быть только такое, какое оно было въ Москвѣ, московскіе люди не думали о томъ, что это западное русское издавна жило особнякомъ отъ восточной Руси и тѣмъ самымъ могло пріобрѣсти свои несходныя черты; москвичи полагали, напротивъ, что эти черты пришли исключительно изъ польскаго, „латинскаго“ вліянія. Извѣстно, какими недоразумѣніями и недоувѣріемъ сопровождались первыя встрѣчи московскихъ людей съ учеными кіевлянами и бѣлоруссами (не прошло поль-вѣка, и въ самую Москву нахлынули не только латинскія, но и нѣмецкія вліянія); эти недоразумѣнія являлись и при встрѣчахъ на мѣстѣ съ населеніемъ западнаго края, напр., въ походахъ царя Алексѣя Михайловича въ „Литву“. Совершенно понятно, что московскіе русскіе относились враждебно къ уни, которая — какъ было съ самаго начала ясно въ

предположеніяхъ ея начинателей и въ самомъ выполненіи — была только шагомъ къ католичеству; но они не совсѣмъ сходились и съ самими западными православными ¹⁾). Это послѣднее представляется страннымъ: повидимому, русскіе явились для православныхъ защитниками ихъ дѣла и должны бы встрѣтить полное сочувствіе, — но и здѣсь сказалась историческая разниа нравовъ и культуры, дѣлившая двѣ отрасли одного племени.

Со второй половины ХVII-го вѣка, Россія волею и неволею все больше втягивается въ русско-польскія отношенія юго-западнаго края и вмѣшивается въ дѣла русскаго православнаго народа, находившагося подъ польскимъ владычествомъ. Факты этой исторіи, тѣсно связанной съ судьбою всего польскаго государства, извѣстны: дѣло завершилось къ концу ХVIII-го столѣтія тремя раздѣлами Польши. Въ чемъ же заключалось теперь отношеніе русскаго правительства (представлявшаго собою русское національное начало) къ *народу* юго-западной Руси? Историки Малороссіи и Западной Россіи не разъ указываютъ въ этомъ отношеніи имперіи къ юго западнымъ отраслямъ русскаго народа длинный рядъ недоразумѣній, взаимнаго непониманія, даже раздраженія, причемъ это послѣднее могло съ полною силой высказываться только съ сильнѣйшей стороны. Въ этомъ недоразумѣніи дѣйствовали весьма различныя причины: политика прежнихъ вѣковъ мало думала о народныхъ массахъ и ихъ желаніяхъ; этими массами распоряжались какъ чисто служебною силой, распредѣляли ихъ по простому территоріальному разсчету, дѣлили земли, не обращая вниманія на желаніе или нежеланіе ихъ населеній; народныя стремленія играли при этомъ самую послѣднюю роль. Такимъ образомъ могло и теперь произойти, что въ раздѣлахъ Польши цѣлые милліоны русскаго народа отошли въ руки Австріи, гдѣ они владѣли съ тѣхъ поръ странное и печальное существованіе. Нерѣдко обвиняютъ ХVIII-й вѣкъ, или „петербургскій періодъ“, его политику и дипломатію, не умѣвшія понимать „русскаго дѣла“, и т. п. Справедливость требуетъ добавить, что тѣ соображенія о „русскомъ дѣлѣ“, на которыя опираютъ теперь эти обвиненія, въ то время не существовали не только въ видахъ правительствъ, но и въ понятіяхъ

---

¹⁾ Въ 1655 г., при взятіи Вильны Алексѣемъ Михайловичемъ, — униатское монашество и вѣрное униі духовенство торопилось при появленіи русскихъ бѣжать изъ Вильны наравнѣ съ іезуитами. Въ самой средѣ *православнаго* духовенства, численная сила котораго въ Вильнѣ и вообще въ княжествѣ теперь сильно упала сочувствія къ Москвѣ не были ни особенно горячи, ни особенно прочны, и отнюдь не всеобща. См. Васильевскаго, „Очеркъ исторіи города Вильны“, въ „Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи“, вып. 6-й, Спб. 1874, стр. 55.

самой массы русскаго общества, не говоря о „народѣ“, не имѣвшемъ понятія о политическихъ дѣлахъ; — кромѣ того, у приверженцевъ исключительнаго націонализма эти соображенія и въ настоящее время не отличаются особой ясностью и послѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ, XVIII-е столѣтіе вообще не помышляло о народѣ, „народъ“—это была подневольная, служебная,—въ громадномъ числѣ и въ самой имперіи, и въ южномъ и западномъ краѣ, о которомъ шло дѣло, прямо крѣпостная, — масса, не имѣвшая никакого голоса, состоявшая и, по тогдашнему мнѣнію, долженствовавшая состоять подъ полной, исключительной опекой; въ самомъ русскомъ общественномъ строѣ другой взглядъ на этотъ предметъ, самая слабая попытка говорить въ защиту народа принимались за покушеніе противъ цѣлости государственнаго порядка, — и если положеніе вопроса было таково у себя дома, относительно народа, составлявшаго самую русскую имперію, то нельзя было ожидать, чтобы другая точка зрѣнія была примѣнена къ такому же крѣпостному народу другого государства. Очевидно, что главной основой для дѣйствій правительства были здѣсь соображенія чисто внѣшнія, политическія. Съ точки зрѣнія „народной“, выставляемой въ настоящее время, дѣло Польши и юго-западнаго русскаго края должно было бы рѣшиться въ XVIII-мъ вѣкѣ совершенно иначе, чѣмъ оно рѣшалось: Польша должна бы быть оставлена въ покоѣ въ ея этнографическихъ границахъ и у нея не должны были быть отнимаемы средства къ внутреннему преобразованію, которое предвидѣлось, а Россія могла бы стремиться только къ освобожденію того русскаго населенія, которое чувствовало нарушенными свои народныя и религіозныя права. Въ XVIII-мъ вѣкѣ о народности не думали вовсе, выдвигался на сцену вопросъ религіозный, защита правъ „диссидентовъ“, а главнымъ образомъ имѣлись въ виду цѣли политическія—уничтоженіе безпокойнаго сосѣда и увеличеніе государственной территоріи. Было чистой случайностью, что въ трехъ раздѣлахъ Польши на долю Россіи достались западныя и южныя земли, населенныя русскимъ племенемъ, а, напримѣръ, Пруссія достались земли польскія и литовскія ¹⁾; причина была въ географическомъ положеніи земель,—въ другомъ углу бывшаго польскаго государства, по этой же географической причинѣ, Австрія получила два, три милліона русскаго населенія, совершенно однороднаго съ жителями Волыни и Подоля!.. ²⁾. Въ послѣднее время въ оправданіе

¹⁾ Впослѣдствіи даже и Пруссія доставались русскія земли.

²⁾ Въ послѣднемъ историческомъ результатѣ, который мы можемъ наблюдать теперь, черезъ сто лѣтъ послѣ раздѣловъ, оказывается, что польскія земли на западѣ послужили только къ усиленію нашихъ политическихъ враговъ, — между прочимъ, путемъ настоящаго племеннаго поглощенія (въ Пруссіи), на подобіе того, какъ было *нѣкогда съ балтійскими и полабскими славянами.*

политики императрицы Екатерины доказываютъ, что мысль о раздѣлахъ Польши принадлежала не русскому правительству, а Фридриху II-му (теперь это опять отвергается), но вопросъ инициативы довольно безразличенъ, когда мысль была выполнена обѣими сторонами. Что касается до русскаго народа и общества,—о которыхъ надо вспомнить, если идетъ рѣчь о „народномъ вопросѣ“ юго-западнаго края,—то, какъ замѣчено, они не имѣли здѣсь голоса, а можетъ быть, и мнѣнія: народъ былъ безучастенъ къ событіямъ далекимъ и мало понятнымъ, и носился съ собственнымъ тяжелымъ положеніемъ; общество было едва ли не столь же безучастно — не зная дѣлъ западной Руси, съ которою не имѣло никакихъ ближайшихъ соотношеній; единственное, чтò могло быть понятно, это — враждебный инстинктъ къ Польшѣ, который не проходилъ съ XVII-го вѣка и до нашихъ дней. Въ существѣ западно-русскаго движенія прошлаго вѣка, въ борьбѣ ослабѣвающаго православнаго населенія противъ религіозныхъ утѣсненій, несомнѣнно бился живой историческій нервъ; происходившія событія имѣли несомнѣнное цѣльно-русское національное значеніе и съ полнымъ правомъ могли бы возбудить интересъ въ обществѣ, себя сознающемъ и имѣющемъ возможность выражать свое сознаніе, — но того и другого не было въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка, и интересъ отсутствовалъ. Здѣсь опять, какъ во второй половинѣ XVII-го вѣка, мы встрѣчаемся съ фактомъ историческаго разъединенія и отчужденія: западная отрасль племени такъ долго жила отдѣльною жизнію, такъ долго была частью чужого государства, что это разъединеніе и было понятно, а болѣе высокое представленіе о народной солидарности, о народномъ правѣ и т. п. не существовало. Какъ въ старину самые настоящіе русскіе западнаго края были, по понятію людей московскаго царства, „литовскіе люди“, такъ и теперь люди „бѣлорусскіе“ были порядочно чужды русскому обществу: исторія была мало знакома, народныя стремленія — мало вразумительны; „Бѣлоруссія“ была новая страна съ тѣми же помѣщиками и крестьянами; помѣщики были поляки (не столько чистые поляки, сколько ополченные старые русскіе землевладѣльцы), а въ этомъ качествѣ они именно и были близки русскому помѣщичьему обществу, какъ съ другой стороны Бѣлоруссія доставила новый матеріалъ для раздачи крестьянъ; здѣсь, какъ и въ Малороссіи, „освобождаемый“ отъ Польши русскій народъ оставался въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ, и крѣпостное право упрочилось силою русской администраціи.

Такимъ образомъ, возсоединеніе русскихъ земель имѣло, по преимуществу, характеръ политическій; опѣ подпали русскому административному распоряженію, но были еще далеки отъ національнаго

слиянія; ни русскіе въ имперіи не считали этихъ земель тождественными съ Россіей, ни мѣстные русскіе не утратили своей бытовой и культурной особенности. Одинъ изъ историковъ этого края, новѣйшій бѣлорусскій патріотъ, ревностный партизанъ объединенія, самъ приводитъ цѣлый длинный рядъ примѣровъ этого историческаго разногласія и недоразумѣній, въ эпоху присоединенія. Въ XVIII вѣкѣ, православные элементы юго-западнаго края, издавна различнымъ образомъ связанныя съ православною жизнью московской Россіи, ожидали отъ сильной имперіи помощи въ своемъ трудномъ положеніи въ польскомъ государствѣ. Надежды на Россію особенно оживились съ воцареніемъ Елисаветы Петровны и придали новое мужество мѣстнымъ православнымъ въ борьбѣ за права своей церкви; но имъ пришлось долго ожидать помощи, между тѣмъ какъ унія дѣлала все новыя приобрѣтенія въ западномъ и частію юго-западномъ краѣ. Доходило до того, что въ средѣ самихъ уніатовъ являлась, наконецъ, реакція противъ излишняго усердія тѣхъ ревнителѣй уніи, которые торопились все болѣе сближать и, наконецъ, смѣшать ее съ католицизмомъ; на насилія самъ народъ сталъ, наконецъ, отвѣчать насиліемъ. Таковы были событія въ Малороссіи въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, напр., гайдамацкія возстанія и уманьская рѣзня 1768 года. Если не случилось подобныхъ возстаній въ Бѣлоруссіи, то лишь потому, что здѣсь народная масса была гораздо болѣе подавлена и не имѣла внѣшнихъ способовъ сплотиться для сопротивленія. Борьба западныхъ православныхъ и крестьянскія возстанія на югѣ указывали, гдѣ заключались причины волненій и въ чемъ состояли народные желанія, но эти желанія не нашли себѣ русской поддержки. Гайдамацкія возстанія въ польскихъ земляхъ были усмирены русскими войсками: „подавлена была даже Запорожская Сѣчь, причемъ эти православные ужасные люди показали именно русскую доблесть. Когда у нихъ передъ приходомъ русскаго войска поднялись толки, что нужно биться и съ русскими, то большинство рѣшило, что нельзя воевать противъ русской царицы“.

„Къ величайшему прискорбію,—продолжаетъ г. Кояловичъ,—все это дѣло подавленія народнаго возстанія въ Украинѣ вели русскіе люди, или не понимавшіе западно-русскихъ народныхъ дѣлъ, или даже преданные полякамъ. Русскій посолъ въ Варшавѣ, наводившій не разъ ужасъ на польскихъ крикуновъ о вольности и заставлявшій польскіе сеймы дѣлать чтó ему было угодно, князь Репнинъ, въ дѣйствительности, былъ другомъ поляковъ, не бунтовавшихъ противъ Россіи, и былъ всегда весьма недружелюбенъ къ русскимъ западной Россіи... Еще болѣе былъ расположенъ къ полякамъ усмиритель гайдамаковъ, генералъ Кречетниковъ...“

„Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, въ усмиреніи гайдамаковъ сдѣлано было много вопіющихъ ошибокъ и несправедливости. Такъ, усмирённые раздѣлены были на двѣ группы и русскіе подданные препровождены для наказанія на восточную сторону Днѣпра, что было совершенно естественно, а другіе—подданные польскаго государства—передапы польскимъ властямъ. Новыми ужасами поражена была украинская земля... Мало того, польскіе паны, не участвовавшіе въ барской конфедераціи, старались обратить русскія войска въ средство для возстаповленія своей распатанной помѣщичьей власти надъ русскими крестьянами своей страны, и не разъ достигали этого“... ¹⁾).

Въ 1772 году произошелъ первый раздѣлъ Польши. По словамъ того же автора, „раздѣлъ этотъ произведенъ такъ, что Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, а самая богатая по землѣ и энергіи народа Украина, къ изумленію и прискорбію русскаго населенія ея, осталась подъ властію Польши, и, что еще болѣе странно, къ этому раздѣлу привязалась держава, не положившая никакихъ трудовъ для усмирёнія буйной Польши, именно Австрія, получившая даромъ, къ великой обидѣ русскаго народа, Галицію, не выдававшуюся ни польской, ни даже русской смутой, хотя несомнѣнно тяготѣвшую и къ Украинѣ, и къ Россіи вообще“ ²⁾).

Присоединеніе къ Россіи имѣло такое дѣйствіе, что унія стала исчезать въ этомъ краѣ сама собой, безъ всякихъ усилій со стороны правительства и даже безъ всякихъ заботъ о ея сохраненіи со стороны уніатовъ; но совершенному ея паденію помѣшало само правительство—извѣстнымъ указомъ о вѣротерпимости, по которому всѣ должны были спокойно оставаться въ своей вѣрѣ. Этотъ указъ насильственно задержалъ въ уніи многихъ, которые были уже готовы бросить ее; разрѣшеніе переходить въ православіе дано было только черезъ нѣсколько лѣтъ по настояніямъ Конисскаго. „Въ то же время,—говоритъ тотъ же историкъ,—Екатерина II сдѣлала другую ошибку, еще труднѣе поправимую. Чтобы надежнѣе привлечь къ Россіи поляковъ Бѣлоруссіи и отвлечь ихъ отъ польскаго фанатическаго духовенства, Екатерина не уничтожила въ этой странѣ іезуитовъ, а, напротивъ, ввѣрила имъ воспитаніе бѣлорусскаго юношества, а остальную латинскую іерархію Бѣлоруссіи старалась направить на путь самостоятельной, независимой жизни подъ руководствомъ извѣстнаго гуманнаго латинскаго митрополита, Сестренцевича. Іезуиты—эти всемірные развратители вѣрующихъ латинскаго закона—страшно развра-

¹⁾ Лекціи по исторіи Западной Россіи, Коляковича, 2-е изд. Сиб. 1884, стр. 292—293.

²⁾ Тамъ же, стр. 294, 295.

тили бѣлорусскую интеллигенцію, приготовили фанатиковъ и латинства, и полонизма, а гуманный Сестренцевичъ сталъ загонять въ латинство уніатовъ. Сдавленные со всѣхъ сторонъ уніаты сами стали защищать себя“ ¹⁾. Дѣло въ томъ, что между уніатами обнаружилось стремленіе къ очищенію уніи отъ ея католическихъ прибавокъ и къ сближенію ея съ православіемъ.

Для остальныхъ русскихъ земель, оставшихся подъ властію Польши, прежній польскій порядокъ вещей продолжался еще двадцать лѣтъ до новыхъ раздѣловъ, хотя движеніе въ пользу православія продолжало созрѣвать. Въ 1793 году произошелъ второй раздѣлъ Польши, въ память котораго была выбита медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью: „Отторженное возвратихъ“. Надпись была вѣрна въ томъ смыслѣ, что возвращались въ самомъ дѣлѣ области, когда-либо принадлежавшія къ Россіи, и русская жизнь въ нихъ восстанавлилась; но ошибочна въ томъ отношеніи, что второй раздѣлъ не возвращалъ всѣхъ русскихъ областей Польши. „По второму раздѣлу къ Россіи отошли только часть Бѣлоруссіи по Динабургъ, Минскъ и Пинскъ, и часть западной Малороссіи отъ Пинска до Каменца-Подольскаго, почти по прямой линіи. Остальная часть Бѣлоруссіи, до Нѣмана и дальше, и Волынь до Галиціи и Холмской области остались за Польшей“ ²⁾. Галиція и часть Холмской области оставались, еще по первому раздѣлу, за Австріей.

Страшное раздраженіе поляковъ послѣ второго раздѣла имѣло слѣдствіемъ возстаніе Костюшки, которое окончилось третьимъ и окончательнымъ раздѣломъ Польши въ 1795 году. Къ Россіи отошла западная часть Бѣлоруссіи и восточная часть Литвы; Пруссіи досталась Литва за Нѣманомъ, сѣверная половина Польши съ Варшавой и даже часть бѣлорусскаго племени въ Подлѣсѣ и нынѣшній бѣлостокскій уѣздъ гродненской губерніи; Австрія получила южную Польшу и еще болѣе вѣззалась въ русскую Холмскую область. Этотъ раздѣлъ удержался не долго. Наполеоновскія войны снова пробудили надежду поляковъ на самостоятельное политическое существованіе, но герцогство варшавское продержалось недолго, и съ вѣнскаго конгресса установились тѣ политическія границы Польши и юго-западныхъ русскихъ земель, какія существуютъ до сихъ поръ ³⁾.

Второй и третій раздѣлы опять усилили движеніе уніатовъ къ православію и, по счету г. Кояловича, въ 1794 и въ началѣ 1795 г.,

¹⁾ Тамъ же, стр. 312, 313. Объ уніатскихъ отношеніяхъ подробнѣе см. въ спеціальной книгѣ того же автора: „Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“. Спб. 1873.

²⁾ Тамъ же, стр. 306.

³⁾ Кромѣ присоединенія Кракова къ Австріи въ 1847 г.

присоединилось къ православію больше трехъ милліоновъ униатовъ, но не безъ волненій и насилій, по его собственному указанію; вся Малороссія и восточная часть Бѣлоруссіи какъ-будто не знали уни, и она оставалась только въ западной части Бѣлоруссіи, наиболѣе затронутой польскимъ и католическимъ вліяніемъ ¹⁾).

Но успѣхъ возстановленія русской и православной стихіи въ западномъ краѣ былъ непродолжителенъ. Положеніе вещей сильно измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Павла. Какъ извѣстно, этотъ императоръ сожалѣлъ о печальной участи поляковъ; онъ выказалъ свое вниманіе къ Костюшкѣ, освободилъ много поляковъ изъ сибирской ссылки, возвращалъ имъ конфискованныя имѣнія, уже отданныя русскимъ, возстановилъ дѣйствіе Литовскаго Статута, отъ котораго въ восточной Бѣлоруссіи успѣли уже отвыкнуть, и, словомъ, открылъ дорогу къ возстановленію старыхъ польскихъ порядковъ,—конечно, съ тѣмъ вліяніемъ бытовымъ, какое они производили въ старое время. Страна снова очутилась подъ польскими воздѣйствіями и въ польскихъ рукахъ. „Два обстоятельства сразу,—говоритъ историкъ,—упрочивали то и другое еще при императорѣ Павлѣ. Поляки при немъ введены въ русское дворянство и русское чиновничество. Передъ ними открылась вся широта правъ русскаго дворянства и стремленій русскаго чиновничества. Ихъ власть въ западной Россіи на дѣлѣ стала гораздо сильнѣе, крѣпче, чѣмъ во времена польскаго государства. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если вспомнить, что тогда было въ Россіи крѣпостное право, которое должно было лечь новою тягостью на западную Россію. Польское хлопство—неоспоримо худшее состояніе, чѣмъ крѣпостная зависимость въ Россіи; но, при слабости польскаго государства, особенно при его разложеніи, хлопство въ западной Россіи часто было очень страшно панамъ. Отъ него они часто не могли спокойно спать и потому принуждены были иногда противъ воли давать ему льготы. Россія съ своей государственной организаціей, полной силы и способной всегда возстановить порядокъ, избавляла польскихъ пановъ отъ этого страха. Они могли спокойно

¹⁾ Мы приводили отзывъ г. Кояловича, чтобы дать примѣръ взгляда, весьма популярнаго въ послѣднее время, съ отрицкомъ бѣлорусскаго анти-польскаго раздраженія. Крайности взгляда, представляемаго г. Кояловичемъ, замѣчены были даже писателемъ, принадлежащимъ въ сущности къ тому же славянофильско-народническому лагерю: де-Шуде называлъ толки о позанофильствѣ Репнина *фразой* („Послѣдній польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій“, „Заря“, 1871, кн. 9, стр. 136) и судить о событіяхъ осмотрительнѣе; но и онъ признаетъ, что послѣ присоединенія западнаго края къ Россіи „старый польскій экономическій и социальный порядокъ оставался перушнымъ“ (тамъ же, кн. 7, стр. 260). О взглядахъ самой имп. Екатерины на польско-русскія отношенія западнаго края см. у Соловьева, „Ист. Россія“, т. XXVI, и Костомарова, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“.

давить хлopa, лишеннаго всякой возможности и надежды обуздать пана. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій западной Россіи, къ императору Павлу нашла доступъ и латинская іерархія“ ¹⁾).

Въ то время принимались усиленные мѣры къ подавленію революціонныхъ началъ, распространявшихся изъ Франціи, и считалось нужнымъ общее дѣйствіе всѣхъ консервативныхъ и религіозныхъ силъ безъ различія исповѣданій. Іезуиты проникли даже во дворецъ; католическая іерархія западнаго края вновь получила значеніе; православная пропаганда противъ уніи остановлена и уніатскія епископства получили прежнее вліяніе. „Словомъ, западная Россія едва сдѣлала рѣшительный шагъ къ восточной Россіи, какъ столь же рѣшительно должна была отступить назадъ къ Польшѣ“.

Это положеніе вещей еще болѣе укрѣпилось въ правленіе императора Александра. Извѣстны его отношенія къ польскому вопросу: его великодушіе простиралось до того, что на вѣнскомъ конгрессѣ онъ явился ревностнымъ защитникомъ польскихъ интересовъ даже противъ своихъ союзниковъ; извѣстны его планы относительно Польши, противъ которыхъ возставалъ Карамзинъ ²⁾). Поляки ожидали, что къ царству польскому будетъ присоединена западная Россія; конституціонное устройство, введенное въ Польшѣ (предположенное также и для Россіи, но оставшееся неосуществленнымъ), напоминало полякамъ о формахъ прежней политической жизни и какъ будто съ вѣдома и сознанія самой власти ставило ихъ выше русскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, это устройство порождало недоразумѣнія; преувеличенныя надежды мѣшали благоразумію — уже въ царствованіе Александра происходили конституціонныя столкновенія и, въ результатъ, росли раздраженіе, ненависть къ русскому господству, заговоры, тайныя общества, наконецъ, въ первые годы царствованія импер. Николая — открытое возстаніе, закончившееся суровымъ усмирениемъ, совершеннымъ уничтоженіемъ конституціи, удаленіемъ множества дѣятелей возстанія, и въ томъ числѣ многихъ даровитѣйшихъ людей, или въ ссылку или въ эмиграцію съ ея болѣзненными и безплодными волненіями. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ совершенно было извѣстное, на этотъ разъ окончательное, воссоединеніе уніатовъ. Въ 1862 году — новое возстаніе, и въ 1863 — новое усмиреніе.

¹⁾ Чтенія по ист. Зап. Россіи, стр. 317—318. Выше (т. III, стр. 272 и др.) мы приводили параллельныя указанія о томъ, какъ совершенно такимъ же образомъ укрѣплялось крѣпостное господство польскихъ помѣщиковъ надъ русскими крестьянами въ южной Россіи.

²⁾ Но и въ знаменитой запискѣ Карамзина, 1819 г., вопросъ о западномъ краѣ ставится опять только съ вѣншей политической стороны, и нѣтъ рѣчи объ его народной и социальной сторонѣ.

Такова была вкратцѣ исторія отношеній западно-русскаго края къ государству, котораго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ былъ составной частью. Несмотря на раздѣлы прошлаго столѣтія, прервавшіе старое польское владычество, этотъ край былъ такъ тѣсно связанъ съ Польшей прежнею исторіею и ея культурными вліяніями, что и долго впослѣдствіи тянулъ къ Польшѣ въ той или другой степени, въ томъ или другомъ отношеніи. И, несмотря на то, что этотъ западный край былъ несомнѣнно русскій по массѣ своего населенія и историческому преданію и что, поэтому, его сліяніе съ русскимъ цѣлымъ представлялось весьма естественнымъ, — исторія этого воссоединенія указываетъ, что оно не было, однако, простымъ сліяніемъ тождественныхъ стихій: западная Русь нуждалась въ обезпеченіи своей церковной жизни и въ народномъ освобожденіи, — и, нашедши, до извѣстной степени, первое, долго не нашла второго; что Россія, въ этихъ отношеніяхъ къ западному краю, руководилась гораздо менѣе чувствомъ національнаго единства, чѣмъ внѣшними политическими соображеніями. Оттого историкъ, смотрѣвшій на событія съ точки зрѣнія интересовъ западнаго края, находилъ столько поводовъ скорбѣть о томъ, что такъ часто забывались, въ эпоху присоединенія, самыя жизненные потребности западно-русскаго народа, такъ часто, даже освобожденный, онъ отдавался опять въ жертву тому же прежнему господству чужой церкви, народности и культуры. Если въ историческихъ преданіяхъ, при всемъ единствѣ племени, западно-русскій край издавна представлялъ свои мѣстныя особенности относительно Руси восточной; если его быть государственный складывался впервые въ тѣ же отдаленные вѣка, когда, совсѣмъ отдѣльно, полагались первыя основанія московскаго единодержавія; если потомъ, въ теченіе многихъ столѣтій, западный край жилъ въ политическомъ единствѣ съ Польшей и подъ сильными вліяніями ея быта, не прекращавшимися, въ сущности, до 1860-хъ годовъ, а въ послѣднихъ отголоскахъ даже до нашихъ дней, — то нѣтъ мудренаго, что народность этого края могла приобрѣсти такія особенныя черты, которыя заставляютъ отличать ее, какъ особый оттѣнокъ русскаго національнаго цѣлага. Это самое чувствовалось въ XVII столѣтіи, когда московскіе люди продолжали считать своихъ западныхъ братьевъ людьми „литовскими“, а послѣдніе съ нѣкоторой недовѣрчивостію относились къ москвитянамъ; и въ XVIII вѣкѣ, когда при самомъ возвращеніи „отторженнаго“, на западный край смотрѣли скорѣе какъ на польскій, чѣмъ какъ на русскій; и даже въ настоящемъ столѣтіи, когда до послѣднихъ возстаній русская власть сама содѣйствовала поддержанію здѣсь господства польскаго элемента надъ русскимъ.

Новый взгляд на народныя отношенія западнаго края возникаетъ болѣе или менѣе сознательно, только съ 60-хъ годовъ, съ послѣдняго польскаго возстанія. До тѣхъ поръ русское общество почти не задавало себѣ вопроса о характерѣ и судьбѣ этого края. Нужно было сильное потрясеніе, нужно было, чтобы оно стало предметомъ европейскихъ толковъ, чтобы польскій вопросъ чуть не повелъ къ политическому вмѣшательству, — для того, чтобы вопросъ о западномъ краѣ сталъ, наконецъ, и передъ нашими общественнымъ сознаниемъ... Мы вдругъ открыли, всего съ 1860-хъ годовъ, что западный край есть край русскій; поняли, что до тѣхъ поръ онъ былъ заброшенъ, что нужно изучить его, дать возможность его русской народности освободиться отъ чужого гнета и т. д... Почему не случилось этого раньше? — на это отвѣтить, кажется, не трудно. Тотъ внутренній порядокъ вещей, который господствовалъ въ русскомъ обществѣ до половины 50-хъ годовъ, оставлялъ общество почти равнодушнымъ въ вопросахъ подобнаго рода; оно не имѣло голоса даже въ дѣлахъ, касавшихся самымъ тѣснымъ образомъ его собственныхъ интересовъ, и тѣмъ болѣе были ему недоступны предметы политическаго характера, каковы были дѣла польскія и бѣлорусскія. Политическая литература и публицистика не существовали: не было достаточнаго знанія самой исторіи; рѣчь о народѣ и требованіяхъ народнаго блага была невозможна: — для всѣхъ подобныхъ вопросовъ давалось готовое оффиціальное рѣшеніе, не подлежащее обсужденію. Результатомъ было, во-первыхъ, незнакомство общества съ положеніемъ вещей, а наконецъ равнодушіе. Впослѣдствіи наше общество не разъ выниди за его безучастіе къ дѣламъ западной Руси, къ этому животрепещущему интересу русской народности — ставили это на счетъ оторванности отъ „почвы“, отступленію отъ народныхъ началъ и т. п.; но упомянутыя обстоятельства должны очень ограничить эти обвиненія. Возможность общественного участія къ этимъ вопросамъ явилась только съ тѣхъ поръ, когда сама русская жизнь была до известной степени освобождена отъ лежавшихъ на ней стѣсненій; западно-русскій вопросъ могъ стать предметомъ общественного интереса лишь съ тѣхъ поръ, какъ начались преобразованія прошлаго царствованія, какъ явилась нѣкоторая свобода печати и совершилось освобожденіе крестьянъ.

Въ это время и сдѣлано было упомянутое открытіе. Къ сожалѣнію, однако, открытіе сдѣлано было среди чрезвычайныхъ событій, вліяніе которыхъ и отразилось на истолкованіи западно-русскаго вопроса.шло усмиреніе польскаго возстанія; для опроверженія польскихъ притязаній, находившихъ отголосокъ въ европейской печати

и дипломатіи, надо было доказывать, что западный край есть край русскій; для истребленія всѣхъ корней возстанія сочтено было нужнымъ принимать крутыя мѣры, какъ уничтоженіе польскаго землевладѣнія, удаленіе польскихъ людей, заглаживаніе самыхъ историческихъ слѣдовъ польскаго пребыванія въ краѣ. Среди внутреннихъ тревогъ, взволновавшихъ въ тѣ же годы само русское общество, и подъ внушеніями еще ранѣе начавшейся и тогда вполне раскрышейся реакціи, исполнителями дѣла остались люди извѣстнаго консервативнаго оттѣнка, и, въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ времени, вопросъ устраненъ былъ отъ свободнаго обсужденія въ общественномъ мнѣніи и печати. Взамѣнъ того, послѣ первыхъ крутыхъ мѣръ, въ самой администраціи западнаго края происходили перемѣны, которыя, въ глазахъ наиболѣе ревностныхъ бѣлорусскихъ патріотовъ и публицистовъ славянофильскихъ, казались даже отступленіемъ отъ настоящей защиты русскаго дѣла въ западномъ краѣ, а съ другой стороны, адвокатами мѣстнаго польскаго интереса явились люди, которыхъ точка зрѣнія была крѣпостническая; независимое сужденіе о предметѣ рисковало только навлечь инсинуаціи съ разныхъ сторонъ и дѣйствительно высказывалось очень рѣдко... Введеніе новаго порядка, возстановленіе русской народности въ западномъ краѣ, совершаясь рядомъ съ репрессивными мѣрами противъ поляковъ, носило также какой-то принудительный характеръ, и основнымъ мотивомъ возстановленія русской народности являлось не столько вниманіе къ особенностямъ и бытовымъ преданіямъ мѣстнаго русскаго народа, сколько обычное административное стремленіе къ одноформенности. Извѣстно, что для этого дѣла на мѣстѣ употреблены были люди, вызванные изъ Петербурга и внутреннихъ губерній, люди, обыкновенно раньше незнакомые съ краемъ, неприготовленные понять его особенности, и которые, наконецъ, искореняя польское, желали искоренять и мѣстное русское, гдѣ оно было не похоже на русскій бытъ внутренней Россіи—та же старая черта взаимнаго непониманія и невниманія къ этнографическимъ и историческимъ особенностямъ западнаго края. Это послѣднее возмущало, наконецъ, и тѣхъ, болѣе просвѣщенныхъ, изъ нашихъ изслѣдователей, которымъ въ то время случалось жить и дѣйствовать въ краѣ ¹⁾).

Съ этихъ только поръ, съ 60-хъ годовъ, начинается первое серьезное этнографическое изученіе западнаго края въ нашей литературѣ. Оно успѣло выразиться потомъ нѣсколькими замѣчательными трудами, хотя до сихъ поръ представляетъ много немаловажныхъ про-

¹⁾ Дальше мы приведемъ подобныя отзывы г. Безсонова.

бѣловъ, какъ подобныя пробѣлы остаются и въ цѣломъ пониманіи положенія этого края... Обзоръ всего хода бѣлорусской этнографіи, начинающейся—прежде всего въ польской литературѣ—съ первыхъ годовъ нашего столѣтія, указать, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вообще вопросъ о западномъ краѣ представлялся русскому обществу.

ГЛАВА II.

Бѣлоруссія въ эпоху присоединенія. — Труды польскихъ ученыхъ.

Названіе Бѣлоруссіи. — Понятіе о странѣ и народѣ въ эпоху присоединенія: „Записки путешествія“ академика Севергина. — Труды польскихъ ученыхъ: Линде по поводу „Опыта“ Сопикова. — Голембѣвскій, Бандтке, Іосифъ Лукашевичъ, Базинскій, Нарбуттъ, Іос. Ярошевичъ, Игн. Даниловичъ и др. — Этнографъ въ эмиграціи: Рыпинскій.

Историки, кажется, до сихъ поръ не доискались, когда въ первый разъ появляется имя „Бѣлой Руси“. Официальное употребленіе этого имени — въ царскомъ титулѣ — начинается съ 50-хъ годовъ XVII вѣка, съ литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича; въ латинскихъ документахъ Alba Russia извѣстна уже въ XVI вѣкѣ. Происхожденіе имени было, вѣроятно, народное: кромѣ Бѣлой, была и Русь Черная, Русь Красная, Червонная. Нашимъ стариннымъ историкамъ названіе Бѣлоруссіи было неясно; Карамзинъ не разъ упоминаетъ Татищеву, который подъ этимъ именемъ разумѣлъ области ростовскую и суздальскую ¹⁾; съ другой стороны, титулъ царя Бѣлой Россіи упоминается въ иноземныхъ актахъ въ примѣненіи къ московскому царю еще при Иванѣ III, въ 1471 году. Географическое опредѣленіе нынѣшней Бѣлоруссіи также остается до сихъ поръ неустановленнымъ. „Подъ именемъ Бѣлоруссіи, — читаемъ мы въ авторитетныхъ книгахъ ²⁾, — разумѣютъ губерніи витебскую и моголевскую“;

¹⁾ Ист. госуд. Росс. II, пр. 262, 884.

²⁾ См. Географическій Словарь Россійской имперіи, изд. Импер. Русск. Геогр. Общ., подъ ред. П. Семенова. Т. I. Спб. 1863, стр. 371. Точно также, напр., въ Журналѣ мин. вн. дѣлъ, 1846, т. XIV, стр. 81; но въ статьѣ Шпилевскаго, Журналъ минист. просв. 1846, приб. кн. 1, стр. 5: „бѣлорусскія губерніи — мнѣшая“.

между тѣмъ, на этнографической картѣ, изданной Географическимъ Обществомъ въ 1875, мы найдемъ бѣлорусское племя раскинутымъ по огромному пространству всего западнаго края, болѣе или менѣе сплошными массами; по указанію этой карты и другимъ источникамъ—оно распространено, кромѣ губерній витебской и моголевской, также въ губерніяхъ виленской, гродненской, минской, сувалкской, смоленской, черниговской, псковской, наконецъ, небольшими поселеніями даже въ ковенской, тверской, московской и др. Цѣльнаго обзора этого племени мы еще не имѣемъ, такъ что до сихъ поръ недостаточно ясно, насколько оно однообразно или варьируется отъ псковской губерніи до черниговской и отъ Бѣлостока до Дорогобужа въ губерніи смоленской ¹⁾).

Въ эпоху присоединенія, русская наука и литература едва начинали свои труды по изученію Россіи, и немудрено, что бѣлорусскій край долго не находилъ достаточно къ себѣ вниманія; его считали исполнѣ или по большей части польскимъ и чужимъ. Въ началѣ столѣтія онъ былъ въ томъ смутномъ положеніи, о которомъ мы упоминали, и одно изъ первыхъ, если не первое, ученое путешествіе въ этотъ край, сдѣланное академикомъ Севергинымъ, даетъ любопытный образчикъ тогдашнихъ понятій русскаго общества объ этой странѣ. Севергинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, человѣкъ съ разнообразными и обширными знаніями, и однакоже въ его путешествіи ²⁾ обнаруживается чрезвычайно странное представленіе объ историческомъ положеніи и свойствахъ западнаго края. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда Севергинъ дѣлалъ свое путешествіе, здѣсь совершалась та реакція польскаго вліянія, которая началась въ царствованіе Павла и особенно усилилась при Александрѣ I. Послѣ разгрома, постигшаго Польшу при Екатеринѣ, теперь снова мелькала въ будущемъ перспектива реставраціи, и въ

моголевская и витебская“. Въ другомъ мѣстѣ, онъ прибавляетъ сюда и часть смоленской, и т. д.

Въ книгѣ: „Бѣлоруссія и Литва“ (Спб. 1890) находимъ слѣдующее опредѣленіе: „Въ настоящее время подъ Бѣлоруссіею въ тѣсномъ смыслѣ извѣстны двѣ нынѣшнія губерніи Моголевская и Витебская, за исключеніемъ трехъ уѣздовъ послѣдней — Динабургскаго, Люцинскаго и Рѣжицкаго. Но бѣлоруссы живутъ также въ губерніяхъ Минской и Гродненской, за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ ихъ, занятыхъ малороссами, въ большей части Виленской губерніи, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла ея, и въ Смоленской губерніи“.

¹⁾ Этнографическая карта бѣлорусскаго племени также при „Чтеніяхъ“ г. Колловича.

²⁾ Записки путешествія по западнымъ провинціямъ Россійскаго государства или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802 году академикомъ Васильемъ Севергинымъ. 1803. Продолженіе Записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ русскаго государства, и пр. 1804.

польскомъ обществѣ началась оживленная дѣятельность для укрѣпленія своихъ національныхъ силъ. Западный край, или такъ-называемая „Литва“, въ ихъ глазахъ была сама Польша; дѣйствительно, высшій классъ былъ здѣсь едва ли уже не вполне польскимъ, но оставалась народная масса, далеко не ополяченная и казавшаяся, по прежнимъ примѣрамъ, небезопасной въ силу своего русскаго характера и православія, и которая должна была быть объединена въ польскомъ смыслѣ. Началась новая работа для распространенія полонизма и католицизма или униі, съ цѣлью достигнуть однородности населенія и обезпеченія политическаго положенія. Севергинъ, отправляясь въ путь, получилъ отъ тогдашняго попечителя виленскаго учебнаго округа и члена главнаго управленія училищъ, князя Чарторыйскаго, порученіе осмотрѣть училища западнаго края и очутился какъ разъ въ средѣ этой польской и католической пропаганды, среди іезуитовъ и польскаго дворянства: онъ взглянулъ на западный край именно глазами этихъ послѣднихъ до того, что мѣстныхъ православныхъ, т.-е. своихъ собственныхъ единовѣрцевъ, онъ, по католической терминологіи, называетъ „схизматиками“. Въ городѣ Дручинѣ, по словамъ его, монашествующіе ордена были —

„шисматики, базилиане и піары. Первые имѣли только двѣ бѣдныя, деревянные церкви, да и монашествующихъ особъ было только двѣ: одинъ престарѣлый игуменъ и другой моложе. Извѣстно (!), что шисматики отличаются отъ унеатовъ тѣмъ, что сіи послѣдніе повинуются папѣ, а первые — патриарху цариградскому. Одѣяніе шисматиковъ подобно одѣянію грекороссійскихъ монашествующихъ особъ. Также расположеніе церкви и обряды при богослуженіи во всемъ почти подобны руссійскимъ (!). Находясь въ прусской *) части Польши и не умѣя, впрочемъ, ни слова по руссійски (!), совершаютъ они богослуженіе по руссійскимъ церковнымъ книгамъ. Обыкновенное грекороссійскъ привѣтствіе въ праздникъ Христова Воскресенія: *Христосъ воскресъ* и отвѣтъ на сіе: *во истину воскресъ* также и у нихъ въ употребленіи. О семъ обстоятельстве упоминаю я потому, что слышалъ сіе отъ нихъ самъ, находясь здѣсь въ самую недѣлю Свѣтлы Пасхи.

„Говоря о шисматикахъ, не лзя не упомянуть имѣ также о унеатахъ. Исповѣданіе и особливо богослуженіе унеатовъ во всемъ сходно съ богослуженіемъ шисматиковъ. Какъ въ прусской, такъ и въ руссійской части Польши называютъ они себя руссійцами. Церкви ихъ суть обыкновенно бѣдныя деревянные, а священники отличаются отъ шисматиковъ тѣмъ, что не имѣютъ монашескаго ихъ одѣянія. При семъ примѣтити должно, что бѣдный простой народъ, болѣею частію, унеаты, а богатые и дворяне суть чистые католики. Унеаты называются также базилианами. Нѣтъ почти села, какъ въ прусской, такъ и въ руссійской Польшѣ, гдѣ бы не было унеатской церкви... Простой народъ, болѣею частію, юродливъ и грубъ, исповѣдаетъ унеатскую вѣру, и весьма склоненъ къ невѣжеству“ 2).

*) По тогдашнему.

2) Записки, стр. 92 — 94; Продолженіе записокъ, стр. 94 — 95, 164 — 165; Сх-

Первыя этнографическія изслѣдованія въ западномъ краѣ сдѣланы были въ польской литературѣ. Начальныя десятилѣтія XIX-го вѣка отмѣчены въ этой литературѣ особеннымъ оживленіемъ, и, между прочимъ, сильнымъ возбужденіемъ интересовъ научныхъ. Національныя испытанія пробудили въ польскомъ обществѣ, кромѣ патриотическихъ увлеченій, и сознаніе необходимости просвѣщенія, и время имп. Александра I отмѣчено разцвѣтомъ польской науки, которому считаютъ необходимымъ отдать справедливость даже злѣйшіе враги полонизма ¹⁾.

„Въ 1803 году, — говоритъ г. Кояловичъ, — восстановлена была виленская іезуитская академія подъ именемъ университета. Іезуитская сущность—подавленіе въ странѣ всего русскаго, православнаго — осталась въ новомъ университетѣ неприкосновенною, только обставлена была современными научными усовершенствованіями и воплощена больше прежняго въ полонизаціи. Польская національная наука выступила въ виленскомъ университетѣ *съ такимъ величіемъ, съ какимъ никогда не являлась во времена польскаго юсударства*. Тутъ собраны были *лучшія дарованія*, тутъ было *все разнообразіе высшаго заведенія*... На другомъ пунктѣ западной Россіи, въ Малороссіи, именно въ Кременцѣ, подлѣ древней православной обители почаевской, давно уже, впрочемъ, захваченной уніатами и бывшей тогда въ ихъ рукахъ, устроилась главная колонія Виленскаго университета—Кременецкій лицей, подъ управленіемъ Чацкого, главнаго совѣтника Чарторыйскаго или, лучше сказать, руководителя его“... ²⁾.

Указанныя самимъ историкомъ черты Виленскаго университета называются имъ дальше „обманчиво-величественными“,—но въ польской литературѣ виленская и кременецкая научная и литературная дѣятельность оставила весьма существенное вліяніе, а въ свое время такой „обманчивости“ вовсе не находило и русское общество,—тѣмъ болѣе, что эта дѣятельность произвела обильные и наглядные научные труды. Если припомнить состояніе тогдашнихъ русскихъ университетовъ, которое, за исключеніемъ университета Московскаго, гдѣ начиналась нѣкоторая самостоятельная жизнь—было по истинѣ младенческое, то надо будетъ умѣрить требовательность относительно университета Виленскаго, который могъ похвалиться тогда многими знаменитыми именами. И кромѣ университета, польская литература

хомунова, Исторія Росс. Акад. IV (Сборникъ II Отд. Акад., т. XIX), стр. 58 и слѣд.

¹⁾ Ср. сочувственныя отзывы Костомарова объ образовательномъ движеніи въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка, которымъ воспитано было дѣйствовавшее теперь поколѣніе. „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, изд. 3-е. Спб. 1886, I, 156 и слѣд.

²⁾ Чтенія, стр. 821.

того времени имѣла многихъ замѣчательныхъ писателей, которые пользовались большою извѣстностью и въ тогдашней русской литературѣ. Такъ, извѣстны были имена Снядецкихъ, Почобута, Чацкаго, Линде, Бродзинскаго, Лелевеля, Лобойки, Даниловича и др., писателей старыхъ и молодыхъ; въ дѣятельности ихъ между прочимъ сказывалась тогда живая струя славянскаго народнаго романтизма, оставшаяся не безъ вліянія и въ нашей литературѣ. Въ области поэзій, это было время разцвѣта Мицкевича. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, что эти десятилѣтія, до 30-хъ годовъ, были рѣдкимъ и любопытнымъ примѣромъ взаимнаго интереса, проявлявшагося и съ русской, и съ польской стороны,—и, чтобы правильно оцѣнить отношенія того времени, надо припомнить эту роль тогдашней польской литературы. Польское общество того времени носилось съ мыслию о возстановленіи своей родины; это не была одна лишенная всякой реальной основы „интрига“—была здѣсь и возможность искренняго убѣжденія: полу-независимая, конституціонная Польша была мыслию самого русскаго императора; поляки увѣрены были въ высокомъ достоинствѣ польской образованности, и оно въ значительной степени признавалось въ тогдашней русской литературѣ. Въ журналахъ десятихъ и двадцатыхъ годовъ перѣдко сообщаются свѣдѣнія о польской литературѣ, и переводы польскихъ сочиненій по исторіи, археологіи; съ уваженіемъ называются имена Линде, Снядецкихъ, Лелевеля, Даниловича; идеи Казимира Бродзинскаго приводятся въ доказательство важности изученія народной поэзій; наконецъ, являются переводы съ польскаго и по занимающему насъ предмету, и это были у насъ, кажется, первыя свѣдѣнія по бѣлорусской этнографіи. Мы и начнемъ съ этихъ польскихъ опытовъ.

Здѣсь вопросъ о бѣлорусской народности бывалъ, понятно, окрашенъ особеннымъ образомъ. Въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ въ первый разъ складывается тотъ этнографическій взглядъ, который отличалъ потомъ польскихъ этнографовъ даже до новѣйшаго времени. Послѣ всѣхъ политическихъ переворотовъ польская земля все еще представлялась патріотамъ въ тѣхъ границахъ, какія она имѣла до раздѣловъ: на цѣлое столѣтіе „Польша въ границахъ 1772 года“ оставалась неизмѣннымъ идеаломъ и чуть не существующимъ фактомъ; русскія части ея, присоединенныя къ Россіи, считались „заграбленными“ „наѣздомъ“, по тѣсно связанными съ Польшею всею исторіей, характеромъ и сочувствіями самихъ жителей; исторія и характеръ опредѣлялись распространеніемъ полонизма въ этихъ краяхъ въ старое время, а сочувствія измѣнялись присутствіемъ въ

¹⁾ Томъ III.

этихъ краяхъ колонизированнаго высшаго и, частью, средняго сословія, дѣйствительно тяготѣвшихъ къ Польшѣ. Составъ „польскаго народа“ опредѣлялся по территоріямъ старой Польши; это были— „Корона“, „Литва“ и „Русь“. Корона—это было царство польское, старая собственная Польша, метрополія польской народности; Литва—старое княжество литовское, гдѣ само литовское племя занимало меньшее мѣсто, а главную долю составляли западные русскіе, или бѣлоруссы; Русь означала собственно южную Русь—Малороссію (нѣкогда принадлежавшую Польшѣ въ составѣ „Малой Польши“), которая считалась настоящимъ русскимъ (по вмѣстѣ полу-польскимъ) племенемъ въ отличіе отъ московитовъ или россянъ, племени, испорченнаго восточными примѣсями. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о тѣхъ двусмысліяхъ, какими наполнено было въ польской литературѣ это толкованіе отношеній Польши и Руси: подобное двусмысліе господствовало и въ толкованіи „Литвы“. Невозможно было, конечно, смѣшать собственную Литву и русское населеніе западнаго края; но что касается до послѣдняго, то сначала, можетъ быть, просто по незнанію, а потомъ и намѣренно польскіе этнографы никакъ не отождествляли (русскую) „Литву“ съ племенемъ русскимъ въ имперіи и представляли ее особымъ народомъ. Этому косвенно помогало или соотвѣтствовало то обстоятельство, что сами русскіе, какъ мы видѣли, слабо припоминали, и въ московскія, и въ новѣйшія времена, свое единство съ бѣлоруссами. По книжной памяти о древнихъ кривичахъ, польскіе этнографы называли русскихъ жителей западнаго края „кривичанскими“ или „кревицкими славянами“, и довольно настойчиво повторяли это имя, не существующее въ дѣйствительности. Названіе это заходило потомъ даже въ русскія сочиненія... Какъ дальше увидимъ, этотъ этнографическій предразсудокъ или тенденція не мѣшали, впрочемъ, искреннему интересу польскихъ этнографовъ къ изученію западнаго края.

Одинъ изъ первыхъ научнымъ образомъ разсматривалъ этотъ вопросъ знаменитый Линде. Поводъ къ тому дали ему „Опытъ россійской библіографіи“ Сопикова (первый томъ вышелъ въ 1813 году) и изслѣдованіе о Литовскомъ Статутѣ. Въ русской литературѣ Сопиковъ былъ первымъ, весьма замѣчательнымъ для своего времени библіографомъ. Къ своему „Опыту“ онъ приложилъ свѣдѣнія о началѣ книгопечатанія и распространеніи его въ земляхъ славянскихъ и въ Россіи. Между прочимъ, онъ первый у насъ говорилъ съ нѣкоторой подробностью о книгопечатной дѣятельности въ западной Руси XVI—XVII вѣка и далъ первое подробное описаніе знаменитой библии Скорины—книги, по его отзыву, „прерѣдкой“. По его указанію, этой книги не имѣлось въ самой академіи; Добровскій, въ быт-

ность свою въ Вильнѣ и Варшавѣ, не могъ, при всемъ стараніи, отыскать тамъ ни одной книги библіи Скорины; Сопиковъ старательно разыскивалъ экземпляры этого изданія и по частямъ видѣлъ ихъ въ библіотекѣ моск. госуд. архива иностранныхъ дѣлъ, въ библіотекахъ графа Ѳ. А. Толстого и Дубровскаго, въ московской духовной типографіи, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ библіотекахъ московскаго профессора Баузе и П. Я. Чаадаева ¹⁾; въ своемъ описаніи Сопиковъ помѣстилъ много выписокъ изъ этой рѣдкой книги. Объ обстоятельствахъ развитія западно-русскаго книгопечатанія онъ сообщаетъ, впрочемъ, немного; онъ знаетъ только, что были „славяно-россіяне“ или православные, „въ польскихъ краяхъ пребывающіе“, и о бѣлорусскомъ языкѣ дѣлаетъ только слѣдующее замѣчаніе: „Подъ именемъ бѣлорусскаго языка разумѣтся нарѣчіе жившихъ въ Бѣлоруссіи и въ Польшѣ благочестивыхъ греческаго исповѣданія людей. Монахи въ тѣхъ странахъ, жившіе до исхода XVII-го столѣтія, почти всѣ свои богословскіи и поучительныя сочиненія писали симъ языкомъ. Онъ есть смѣсь, составленная изъ языковъ: славянскаго, русскаго, польскаго, а частію и латинскаго“ ²⁾.

„Опытъ“ Сопикова вызвалъ замѣчательный для своего времени разборъ Линде, напечатанный въ 1816 году ³⁾. Самуилъ-Богумиль Линде (родомъ изъ Торуня, или Торна, 1771—1847) изучалъ филологію въ лейпцигскомъ университетѣ и послѣ былъ тамъ лекторомъ польскаго языка; еще живя въ Лейпцигѣ, онъ пользовался вниманіемъ и помощью Потоцкихъ, Колонтая, Нѣмцевича, Оссолинскаго; въ 1804 вызванный прусскимъ правительствомъ въ Варшаву, онъ сталъ директоромъ лицей, основаннаго въ 1804 году, и много работалъ по учебному вѣдомству. По основаніи варшавскаго университета Линде былъ назначенъ директоромъ публичной библіотеки. Важнѣйшимъ трудомъ его былъ знаменитый Словарь польскаго языка, вышедшій въ шести большихъ томахъ въ Варшавѣ въ 1807—1814 годахъ ⁴⁾.

Этотъ Словарь, плодъ громаднаго труда, гдѣ введены уже сравненія между славянскими нарѣчіями и до нѣкоторой степени присоединенъ элементъ историческій, былъ важнымъ явленіемъ въ цѣломъ

¹⁾ См. „Опытъ“ I, стр. 6—18, 25—45.

²⁾ „Опытъ“, I, стр. 167, прим. Въ примѣръ бѣлорусскаго языка онъ приводитъ выписку изъ книги: „Лекарство на ошалый смыслъ человѣчій“ (переводъ изъ Іоанна Златоуста, пресвитера Даміана, на славянскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ. Острогъ, 1607 г.). „Опытъ“, стр. 106—107.

³⁾ „O literaturze rosyjskiej“, въ журналѣ „Pamiętnik Warszawski“. 1816, czerwiec (іюнь), стр. 125 и д. Русскій переводъ, въ извлеченіи, въ „Вѣстн. Евр.“, Каченовскаго, 1816, ч. 90, № 21, стр. 110, и № 23, стр. 280 и д.

⁴⁾ Второе изд. съ дополненіями, сдѣланное Августомъ Вѣлевскимъ и Вагилевичемъ. Львовъ, 1854—1860.

развитіи славянскаго возрожденія, какъ одинъ изъ первыхъ трудовъ высокаго научнаго достоинства, обобщавшихъ славянскій матеріалъ, а въ польской литературѣ онъ сталъ національнымъ памятникомъ. Имя Липде приобрѣло великую славу, которая, между прочимъ, высоко цѣнилась и въ русской литературѣ. Разборъ русской книги показывалъ въ польскомъ критикѣ тотъ болѣе широкій интересъ научнаго общенія съ русской литературой, о которомъ мы говорили выше, и хорошую ученую школу, какой не доставало русскому библиографу-любителю ¹⁾). Указавъ пробѣлы и неточности въ изложеніи исторіи славянскаго книгопечатанія у Сопикова, Липде дополняетъ его собственными указаніями, — изъ которыхъ приведемъ нѣсколько подробностей. Западно-русскіе писатели, повидимому, представлялись для Липде въ какомъ-то двойственномъ видѣ. Они какъ будто казались ему польскими. Липде упрекаетъ Сопикова, что тотъ, упоминая, напр., о старыхъ чешскихъ библіяхъ, не помѣщаетъ библий польскихъ, напр., по крайней мѣрѣ, библии Буднаго, — „тѣмъ болѣе, что г. Сопиковъ не упустилъ сказать о катехизисѣ того же автора для простыхъ людей русскаго языка, изданномъ въ Несвижѣ ²⁾). Вообще, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о польскихъ сочиненіяхъ даже тѣхъ нашихъ авторовъ, которые и въ церковномъ языкѣ, и въ польскомъ равно были искусны, напр., Мелетія Смотрицкаго, Галатовскаго, Барановича, Коссова, Саковича, Зизанія; да и въ такихъ случаяхъ молчитъ, когда одно и то же самое сочиненіе издано было особо на церковномъ языкѣ и особо на польскомъ, напр., Мелетія Смотрицкаго Апологія и Плачъ (Өриность)“... ³⁾). Приводя далѣе упомянутое выше замѣчаніе Сопикова о бѣлорусскомъ языкѣ, Липде прибавляетъ, что „будетъ имѣть случай сравнить этотъ языкъ со старымъ славянскимъ“.

Обращаясь къ подробностямъ литературы церковнаго языка, Липде дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, очевидно для своихъ соотечественниковъ. „Если бы кто, бывъ предубѣжденъ противъ литературы церковнаго языка, могъ подумать, будто бы она содержитъ въ себѣ книги, единственно къ богослуженію греческой церкви относящіяся, и слѣдственно намъ чуждыя, тому я скажу въ отвѣтъ, что въ нашемъ Краковѣ вышли первыя на церковномъ языкѣ изданія; что Кіевъ, Супрасль, Почаевъ, Несвижъ, Львовъ, Вильно и пр. участвовали въ печатаніи книгъ церковныхъ; что имена князей Острожскихъ, Радзивилловъ, Соломерецкихъ, графовъ Ходкевичей прославились покровительствомъ сей отрасли литературы славянской; что Литовскіе Ста-

¹⁾ Позднѣе, Липде издалъ польскій переводъ первой и единственной тогда исторіи русской литературы, Греча, съ своими дополненіями.

²⁾ „Опытъ“, т. I, № 552.

³⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1816, ч. 90, стр. 118.

туты, первый и третій, вышли на русскомъ языкѣ; что всѣ Ягеллоны, даже до Сигизмунда-Августа въ Литвѣ писали по-русски, давали грамоты и привилегіи, а по словамъ нашего Бандтке (въ его исторіи книгопечатанія), кажется, нѣкоторые изъ нихъ не слишкомъ сильны были въ польскомъ языкѣ, и что, по крайней мѣрѣ; Казимиръ Ягеллонъ раньше зналъ по-русски, чѣмъ по-польски; прибавлю, что какъ языкъ церковный никогда не былъ чуждымъ Польшѣ (?), равнымъ образомъ и его литература никогда не могла быть ей чуждою¹⁾.

Эта „Польша“, которой никогда не былъ чуждымъ славянскій языкъ, представлялась тѣмъ западно-русскимъ краемъ, который и по прежнимъ, и по теперешнимъ польскимъ понятіямъ составлялъ нераздѣльную часть этого государства.

Въ дополненіе къ примѣрамъ бѣлорусскаго языка, приведеннымъ у Сопикова, Линде указываетъ еще поученіе св. Кирилла Іерусалимскаго объ „Антихристѣ и его знакахъ“, напечатанное въ Вильнѣ въ 1596 году, на одной сторонѣ бѣлорусскимъ языкомъ и славянскими буквами, а на другой — по-польски и готическимъ шрифтомъ. Эту книгу Линде считалъ важною потому, что она давала возможность наглядно сравнивать бѣлорусскія слова съ польскими; оба языка оказывались, на его взглядъ, почти сходными и различіе состояло только въ грамматическихъ окончаніяхъ именъ и глаголовъ²⁾. Это сходство, котораго на дѣлѣ не было въ такой степени между народнымъ бѣлорусскимъ и польскимъ, здѣсь могло бросаться въ глаза потому, что въ книжномъ западно-русскомъ языкѣ, уже съ XVI-го столѣтія, является много лексическихъ заимствованій изъ языка польскаго.

Обозрѣвая, на основаніи работы Сопикова и собственныхъ матеріаловъ и соображеній, исторію старо-славянскаго книгопечатанія и литературы, Линде приходилъ къ выводу, что ихъ развитіе шло по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Въ этомъ движеніи онъ указываетъ сильное участіе Польши, такъ какъ первыя церковно-славянскія типографіи явились въ Краковѣ и въ той западно-русской „Литвѣ“, которую онъ отождествляетъ съ Польшей. Затѣмъ,—говоритъ онъ,—наступаетъ „новое явленіе“, „та важная эпоха, когда русскій языкъ, новая отрасль славянскаго, съ такою быстротою поднялась и расширилась, что уже совершенно затмѣваетъ послѣднюю и беретъ верхъ надъ старинною“, и когда „то участіе, которое полики имѣли въ старинной славянской литературѣ, равно какъ и въ русской“,—прекращается.

Таковы были понятія о положеніи западно-русскаго языка у пи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 122—123. См. также стр. 242—243.

²⁾ Тамъ же, стр. 240—243.

сателя, который былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ славянскихъ ученыхъ того времени. Прибавимъ встать, что Линде уже тогда, за нѣсколько лѣтъ до знаменитой статьи Востокова, съ которой считаютъ возникновеніе мысли объ исторіи славянскаго языка, высказывалъ мимоходомъ любопытныя соображенія о возможности историческаго изученія языка; эти соображенія показались очень странными русскому переводчику его статьи, Каченовскому, но на самомъ дѣлѣ угадывали будущій вопросъ науки. По поводу отношеній западно-русскаго и польскаго языка, Линде замѣчалъ: „можно бы весь составъ славянскаго языка *хронологически* расположить на эпохи такимъ образомъ: 1) на эпоху предславянскую; 2) на эпоху славянскую; 3) на эпоху нарѣчій; 4) на эпоху макаронизмовъ, послѣдованія вѣковъ, сосѣдствъ, связей политическихъ и торговыхъ и пр.“ Каченовскій, передавая эти слова, сопровождаетъ ихъ недоумѣвающими возраженіями; объ эпохѣ „предславянской“ онъ спрашиваетъ: „а что мы найдемъ въ этой эпохѣ?“—объ эпохѣ „славянской“: „гдѣ она?“—и въ заключеніе говоритъ: „сомнѣваемся, чтобы къ чему-нибудь послужило такое раздѣленіе“¹⁾. Но именно къ подобному раздѣленію приходила позднѣйшая наука: Линде, очевидно, думалъ, что наука можетъ поставить вопросъ о той до-исторической эпохѣ, когда славянскій языкъ еще не выдѣлился въ особую отрасль, той эпохѣ, которая называется теперь арійскою; эпоха славянская обозначаетъ тотъ, предполагаемый теперь наукою, періодъ, когда славянская отрасль уже выдѣлилась изъ арійскаго цѣлаго, но еще сохраняла свое единство и не дѣлилась на отдѣльныя группы племенъ и нарѣчій, и т. д.

Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, что польскіе этнографы, чтобы отличить языкъ южный или западный русскій (малорусскій или бѣлорусскій) отъ русскаго (великорусскаго, литературнаго), называютъ именно первый „русскимъ“, а второй—„россійскимъ“. Такъ это дѣлаетъ и Линде, вѣроятно, безъ всякой тенденціи (явившейся послѣ), а просто по привычкѣ, потому что народъ западнаго края изстари назывался русскимъ, а народъ русскаго государства для отличія давно назывался у поляковъ²⁾, по политическому названію *юсу дарства*, московскимъ, а позднѣе — россійскимъ. Каченовскій, чтобы передать эту разницу, употребляетъ такое различеніе: польское названіе „русскій“ (т.-е. западно-русскій) онъ передаетъ словомъ: „русьскій“ и замѣчаетъ: „перевожу: русьскою языкъ, чтобы не смѣшивать съ нашимъ русскимъ; сей послѣдній у поляковъ назы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 239—240, прим.

²⁾ Какъ и у западныхъ европейцевъ стараго времени, и у самихъ западныхъ и

вается въ просторѣчїи московскимъ, а на письмѣ россійскимъ; подъ русскимъ же разумѣютъ они употребляемый жителями губерній: минской, кievской, волынской и подольской¹⁾.

Выше упомянуто, что Линде предполагалъ заняться сравненіемъ бѣлорускаго языка со старымъ славянскимъ. Это было сдѣлано имъ въ другомъ трудѣ, вышедшемъ въ томъ же 1816 году—въ изслѣдованіи объ одномъ изъ старѣйшихъ и знаменитыхъ памятниковъ западно-русскаго языка, Литовскомъ Статутѣ²⁾. Въ этой книгѣ, представляющей подробный трактатъ о различныхъ редакціяхъ и переводахъ знаменитаго законодательнаго памятника, Линде въ особой главѣ останавливается на языкѣ и письмѣ Литовскаго Статута. Этотъ языкъ былъ русскій, но въ какомъ отношеніи находится онъ къ господствующему русскому языку и къ языку церковному? По мнѣнію Линде, выраженіе „русскій языкъ“ часто употребляется не совсѣмъ точно, и онъ указываетъ, что даже одинъ изъ тогдашнихъ польскихъ ученыхъ авторитетовъ, Чацкій, смѣшивалъ языкъ Статута и съ церковнымъ языкомъ, и съ „россійскимъ“, а также, напр., языкъ древняго перевода Новаго Завѣта считалъ началомъ той русской литературы, которая въ XVIII вѣкѣ имѣла Ломоносова и Державина. „При всемъ томъ,—замѣчаетъ Линде,—россіянину, который съ восторгомъ декламируетъ стихотворенія Ломоносова, Державина и т. д., и греко-россійскій духовный, который на память знаетъ славянскую біблію, не пойметъ и одной статьи русскаго Литовскаго Статута, до такой степени, что найдено было нужнымъ издать переводъ Литовскаго Статута на языкъ россійскій“³⁾. Такъ какъ языкъ, на которомъ былъ писанъ и печатанъ Литовскій Статутъ, ничѣмъ не отличается отъ языка въ книгѣ Зизанія (Поученіе св. Кирилла объ Антихристѣ), который у Сопикова названъ бѣлорусскимъ, то и Линде находилъ въ этомъ основаніе называть языкъ Литовскаго Статута бѣлорусскимъ. Приводя параллельную выписку одного мѣста въ Статутѣ на языкѣ подлинника и въ старомъ польскомъ переводѣ, Линде находитъ, что здѣсь лишь немногія слова потребовали бы объясненія для поляка; главная разница заключается въ грамматическихъ окончаніяхъ именъ и глаголовъ. Линде замѣчаетъ при этомъ, что, благо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 122. Эта нелѣпность различія „русскаго“ отъ „русскаго“ не помѣшала, однако, этому термину войти у насъ въ употребленіе для обозначенія западно-русскаго языка, и въ послѣдній разъ этотъ терминъ употреблялся въ официальномъ учебникѣ исторіи русской словесности, составленномъ въ 1860-хъ годахъ, если не ошибаемся, извѣстнымъ академикомъ Н. И. Давыдовымъ.

²⁾ O Statucie Litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość, przez M. Sam. Bog. Linde; w Warszawie, 1816. 4°.

³⁾ O Statucie Lit., стр. 12. Линде разумѣетъ новый русскій переводъ, изданный въ 1811.

даря чистотѣ стили русскаго Литовскаго Статута, языкъ его стараго и очень близкаго польскаго перевода считается образцовымъ, вслѣдствіе отсутствія тѣхъ макаронизмовъ, которые въ то время начали крайне искажать польскій языкъ. Несмотря на эту близость съ польскимъ, въ русскомъ языкѣ Литовскаго Статута есть довольно выражений, хотя извѣстныхъ полякамъ, по болѣе или менѣе непривычныхъ; другія употребляются въ иномъ смыслѣ; далѣе, есть въ Статутѣ довольно много словъ, или очень далеко, или совершенно отходящихъ отъ польскаго и, напротивъ, близкихъ къ „россійскому“ или къ церковному, или наконецъ совсѣмъ чуждыхъ славянщицѣ. Приводя мнѣніе Сопикова, что бѣлорусскій языкъ представляетъ смѣсь славянскаго (Линде толкуетъ: церковнаго), русскаго (Линде толкуетъ: російскаго), польскаго и отчасти латинскаго, Линде замѣчаетъ, что здѣсь пропущена еще одна составная часть бѣлорусскаго языка, а именно — пѣмцекіе макаронизмы, которые въ немъ тѣ же, что въ польскомъ, а можетъ быть, и пришли на Русь изъ Польши.

Такъ опредѣлялъ Линде складъ бѣлорусскаго языка. Онъ не отождествлялъ его ни съ языкомъ русскимъ, ни съ польскимъ. Въ его взглядѣ были, конечно, неточности. Напр., то обстоятельство, что для практическаго употребленія въ новѣйшее время потребовался новый переводъ съ бѣлорусскаго языка XV — XVI вѣка, ничего не говоритъ противъ исторической принадлежности самаго языка; для новѣйшаго читателя понадобился бы также точно переводъ и другихъ старыхъ русскихъ памятниковъ. Далѣе, тотъ разрядъ бѣлорусскихъ словъ, который Линде отмѣтилъ въ Статутѣ какъ совсѣмъ чуждые польскому языку и даже всей остальной славянщинѣ, этотъ разрядъ совершенно совпадаетъ съ народнымъ русскимъ языкомъ. Истина была въ томъ, что, при несомнѣнномъ единствѣ происхожденія и основныхъ чертъ языка бѣлорусскаго съ русскимъ (россійскимъ, великорусскимъ), первый представлялъ свои мѣстные отличія, какія въ древности отличали, напр., языкъ средней Руси, новгородскаго сѣвера, кievско-галицкаго юга; что впослѣдствіи, отдѣлившись политически, бѣлорусское племя переживало особыя вліянія, отразившіяся на его языкѣ, а именно, во-первыхъ, развились его давнія звуковыя особенности, пропавшія — внѣ воздѣйствія общей русской письменности — въ языкѣ книжный, а во-вторыхъ, размножились „макаронизмы“ изъ языковъ латинскаго, польскаго и пѣмцекаго, и складъ рѣчи сталъ принимать польскіе обороты.

Второе и третье десятилѣтія пинѣшняго вѣка отмѣчены все болѣе распространяющимся интересомъ къ народности и народной поэзіи. Польская литература того времени воспринимала этотъ интересъ едва ли не больше тогдашней русской, и первымъ изученія бѣлорус-

ской народности появляются въ трудахъ польскихъ этнографовъ-любителей. Липде уже воспользовался народнымъ бѣлорусскимъ матеріаломъ для своего польскаго словаря. Ходаковский, который самъ былъ уроженецъ западнаго края, между прочимъ странствовалъ и въ Бѣлоруссіи, особенно въ восточной ея части, и, по словамъ Безсонова, сборникъ пѣсенъ Ходаковскаго разошелся послѣ его смерти по разнымъ рукамъ и часть собранія бѣлорусскаго осталась въ бумагахъ Калайдовича ¹⁾). Въ польскихъ журналахъ того времени нерѣдко помѣщались небольшія статьи о бѣлорусскомъ бытѣ, преданіяхъ, бѣлорусскія пѣсни, и отсюда переводились въ русскихъ журналахъ. Такъ, напр., явилась въ виленскомъ журналѣ 1817 г. статья г-жи Чарновской о мифологическихъ преданіяхъ бѣлорусскаго народа ²⁾), которая потомъ дважды переведена была на русскій ³⁾). Въ томъ же виленскомъ журналѣ помѣщена была статья Игнатія Шидловскаго, одного изъ виленскихъ „шубравцевъ“, о свадебныхъ обрядахъ въ минской губерніи ⁴⁾). Затѣмъ, въ русскихъ журналахъ двадцатыхъ годовъ не разъ появляются статьи о западной русской исторіи и народности, или переведенныя изъ польскихъ книгъ и журналовъ, или составленныя мѣстными уроженцами съ польскимъ образованіемъ и писавшими по-русски ⁵⁾).

¹⁾ См. „К. О. Калайдовичъ, біографическій очеркъ“ и пр. Безсонова, въ „Р. Бесѣдѣ“, 1860, и въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. ист. и древн. 1862, кн. 3; „Бѣлорусскія пѣсни“, изд. П. Безсонова, Москва, 1871, стр. XXI.

²⁾ Maria Czajnowska, „O zabytkach mitologii słowiańskiej, dochowanych w zwyczajach wiejskiego ludu na Białej Rusi“, въ Tygodn. Wileński, 1817, № 34, стр. 396—408.

³⁾ „Остатки славянскаго баснословія въ Бѣлоруссіи“, „Вѣстн. Евр.“ 1818, ч. 102, стр. 53—56, 111—119 (наблюденія относятся къ могилевской губерніи), и та же статья „Остатки славянской мифологіи, сохранившіеся у бѣлорусскихъ поселянъ“, въ „Сѣверномъ Архивѣ“, 1822, т. IV, стр. 463—473.

⁴⁾ Ign. Szydlowski, „O obrzędach weselnych ludu wiejskiego w gub. Mińskiej“, Tygodn. Wileński, 1819, т. I, стр. 1 и 81. Біографію этого Шидловскаго см. въ книгѣ гр. Тышкевича: *Opisanie powiatu Borysowskiego*, Wilno, 1847, стр. 277—286.

⁵⁾ Напр., „О происхожденіи законовъ, имѣвшихъ силу въ Польшѣ и Литвѣ“, изъ статьи Оадде Чацкаго, въ Dziennik Wil., въ „Вѣстн. Евр.“ 1824, ч. 135—137. — „Пѣглый взглядъ на исторію Литвы“, изъ Бандтке, „Вѣстн. Евр.“ 1826, ч. 146.

— „Народные праздники, увеселенія, повѣрья и суевѣрные обряды жителей Бѣлоруссіи“, „Вѣстн. Евр.“ 1823, ч. 158—статья Казимира Фалютинскаго, присланная секретарю московскаго Общества исторіи и древностей изъ Виленскаго университета; авторъ—уроженецъ витебской губерніи, которую онъ и описываетъ; наблюденія его относятся до простаго народа уніатскаго обряда.

— „Праздники, забавы, предразсудки и суевѣрные обряды простаго народа въ новогрудскомъ повѣтѣ лиговско-гродненской губерніи“, Мухлинскаго; переводъ съ польскаго. „Вѣстн. Евр.“ 1830, ч. 172.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, польская этнографія продолжаетъ обращаться къ народной жизни Бѣлоруссіи, отчасти вводя ее въ общія изслѣдованія о польской старинѣ и народности, отчасти изслѣдуя ее въ отдѣльности, хотя опять съ польской точки зрѣнія. Таковы были труды Лукаша Голэмбѣвскаго (1773 — 1849), въ свое время имѣвшаго большую извѣстность въ ряду этнографовъ эпохи славянскаго возрожденія, а позднѣе оцѣняемаго менѣе высоко, потому что онъ, какъ и большинство тогдашнихъ любителей не только въ польской, но и въ другихъ славянскихъ литературахъ, не отличался строгою критикою, и притомъ не мало пользовался рукописями стараго польскаго собирателя, Андрея Китовича (1728—1804). Изъ этнографическихъ сочиненій Голэмбѣвскаго извѣстны: „Lud polski, jego zwyczaje i zabawy“ 1830; „Ubiory w Polsce od najdawniejszych czasów aż do chwil obecnych“ 1830; „Domy i dwory w Polsce“, 1830; „Gry i zabawy“ и пр., 1831. Здѣсь, особенно въ книгѣ „Польскій народъ“, приведены, рядомъ съ польскими, и черты бѣлорусскаго быта, и даже нѣсколько пѣсенъ, переписанныхъ польскими буквами и съ ихъ мотивами.

Подобнымъ образомъ польскіе изслѣдователи давно посвящали труды географіи, исторіи и археологіи западнаго края и Литвы. Ихъ сочиненія въ первой половинѣ столѣтія были почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о западномъ краѣ и для русской литературы, а иногда сохраняютъ свое значеніе до сихъ поръ. Напомнимъ главнѣйшіе изъ подобныхъ трудовъ. Таковы были, между прочимъ, книги Юрія Самуила Бандте (1768—1835) по исторіи польскаго и литовскаго книгопечатанія ¹⁾, очень извѣстныя русскимъ библіографамъ; сочиненія Іосифа Лукашевича (1799—1873) по исторіи реформаціи и школъ въ Польшѣ и Литвѣ, т.-е. западно-русскомъ краѣ, сочиненія, которыя цитируются и донынѣ ²⁾; обширный трудъ по исторической географіи и статистикѣ Польши и Литвы, Михаила Балинскаго (1794 — 1863),—который вмѣстѣ съ Лелевелемъ былъ основателемъ „Виленскаго Ежедневника“ и принималъ дѣятельное участіе въ тогдашнемъ польскомъ литературномъ и научномъ движеніи въ западномъ краѣ, — и Тимофея Липинскаго (1797 — 1856), трудолюбиваго историка и археолога ³⁾.

¹⁾ Historia drukarni krakowskich, Краковъ, 1815; Historia drukarni w Krolestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem, тамъ же, 1826.

²⁾ O kościołach Braci Czeskich w dawnej Polsce, Poznań 1835; Dzieje kościołów wyznania helweckiego na Litwie, 2 т., 1844; Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnej Małopolsce, 1853; Historia Szkół w Koronie i w W. X. Litewskiem, 4 т., 1849—51.

³⁾ Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana, 3 тома (въ 4 книгахъ), Warsz. 1843 — 50. Балинскому принадлежитъ соб-

Въ особенномъ интересѣ, съ которымъ велось въ польской литературѣ изученіе западнаго края, „Литвы“, можно было замѣтить, наконецъ, любопытную черту — выдѣленіе особаго мѣстнаго элемента. Г. Безсоновъ, успѣвшій довольно хорошо присмотрѣться къ историческимъ и общественнымъ отношеніямъ западнаго края, видѣлъ въ этомъ интересѣ цѣлый переворотъ. „Пятидесятые года нашего столѣтія, — говоритъ онъ — были счастливы: стороны, обреченныя вѣчно бороться и спорить, но вовсе ничѣмъ не обязанныя враждовать, ненавидѣть и ѣсть другъ друга, начали рѣшительно искать сближенія, какого-нибудь *modus vivendi*, какой-нибудь возможности жить и дѣйствовать вмѣстѣ. Политическое событіе, нѣкогда силотившее ихъ суровою силой и именемъ Литвы, отозвалось вновь: усиленно стали всѣ принимать названіе Литвы, литовцевъ, литовскаго, и подъ этимъ названіемъ дѣйствовать, по возможности вмѣстѣ, сообщая, не всегда къ одной, но, по крайности, къ нѣсколькимъ сходнымъ цѣлямъ. Недостойно было бы насъ, по обычаю другихъ, видѣть и здѣсь хитрое укрывательство польщизны, или предлогъ затереть все русское: не диво, если полякъ, не имѣя возможности жить въ семьъ качествѣхъ, преобразался въ литовца, а Русь одѣвалась Литвою, чтобы отличить себя отъ извѣстнаго руссизма; въ сей формѣ полякъ все-таки давалъ отпоръ исключительности польской, какъ давало нѣкогда литовское княжество, а Русь все-таки выводилась на сцену, хотя и подъ собирательнымъ, политическимъ нѣкогда, теперь же народнымъ именемъ — Литвы. То была просто и естественно искомая формула хоть какого-либо примиренія. Еще живъ былъ ветеранъ, великій Нарбуттъ, родоначальникъ сего дѣла и направленія“¹⁾.

Теодоръ Нарбуттъ (1784—1864), учившійся въ Виленскомъ университетѣ, потомъ инженеръ русской службы, во время финляндской войны 1809 года получилъ сильную контузію, которая причинила глухоту и заставила его покинуть службу, и съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ свой досугъ изученію исторіи своей „литовской“ родины. Результатомъ были обширные труды по исторіи западнаго края²⁾. Польскіе критики признаютъ въ немъ „пламенную любовь къ про-

ственно третій томъ, заключающій описаніе Литвы, т.-е. западнаго края. Границей описанія авторы ставили 1794 годъ, конецъ „старой Польши“, и описаніе расположено по политическому дѣленію областей (Великая Польша, Малая Польша, Литва; воеводства, земли, города), существовавшему до 1773 года. — Балинскому принадлежатъ также: *Opisanie statystyczne miasta Wilna*, 1835, и — *Historya miasta Wilna*, 2 тома, 1836—37.

¹⁾ Бѣлорусскія Пѣсни, стр. XXV.

²⁾ *Dzieje starożytne narodu Litewskiego*, 9 томовъ, Wilno, 1835—41; *Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, obyczajowym, archeologicznym* и т. д., Wilno, 1846; *Pomniejsze pisma historyczne*, 1856 и др.

шедшему своей провинціи“ и признають важность его трудовъ какъ богатаго матеріала, но укоряють за недостатокъ критики; иное впечатлѣніе произвели его труды на г. Безсонова. „Не говоря о печатныхъ сочиненіяхъ Нарбутта,—замѣчаетъ онъ,—его бумаги, которыя удалось намъ въ тревожное время спасти отъ гибели тотчасъ по его смерти и бережно перевезти на храненіе въ Виленскій музей (и это мы считаемъ отраднѣйшимъ дѣломъ жизни), съ тысячами его очерковъ, соображеній, замѣтокъ, составляютъ для всего края, въ томъ числѣ Бѣлой Руси, такое сокровище, какового еще не собирали для нея другіе поляки и русскіе“ ¹⁾.

Отчасти въ томъ же смыслѣ мѣстнаго патріотизма, отчасти съ польской точки зрѣнія, сдѣланъ былъ потомъ длинный рядъ изслѣдованій по исторіи западнаго края, неравнаго достоинства, но часто и донинѣ сохраняющихъ свою важность. Таковы труды Іосифа Ярошевича (1793 — 1860),—воспитанникъ, а потомъ профессоръ Виленскаго университета по польско-литовскому праву и статистикѣ, онъ много работалъ по исторіи Литвы ²⁾; труды Игнатія Даниловича (1789 — 1863), воспитанника Виленскаго университета, потомъ профессора въ Вильнѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и въ Москвѣ, и наконецъ работавшаго въ Петербургѣ, многозаслуженнаго ученаго, странническаго жизнь котораго и труды, наполовину въ польской, наполовину въ русской наукѣ, какъ будто отвѣчали обоюдному положенію самой его родины ³⁾; Іосифа-Игнатія Крашевскаго, знаменитаго польскаго беллетриста, которому принадлежитъ между прочимъ, обширная исторія Вильны ⁴⁾; Николая Малиновскаго (1799—1865); Казимира Стадницкаго (род. 1808); Шайнохи (1818—1868) и др., до повѣйшихъ трудовъ по польской исторіи, касавшихся болѣе или менѣе тѣсно и исторіи западнаго края, до трудовъ Шуйскаго, Бобржинскаго, недавно умершаго ксендза Калинки и т. д., которые принадлежатъ уже современной литературѣ. Первые изъ названныхъ именъ принадлежатъ старому поколѣнію, работавшему въ то время, когда русская исторіографія едва касалась западнаго края: точка зрѣнія этихъ трудовъ, какъ спеціально польскихъ, такъ и мѣстно-патріотическихъ, была, очевидно, другая, по эти изслѣдованія положили начало,—ими

¹⁾ Безсоновъ, тамъ же.

²⁾ Главное сочиненіе: *Obraz Litwy pod względem jej oświaty i cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku*, 3 части, Вильно, 1844—45.

³⁾ Его подробная біографія въ „Біографическомъ Словарѣ“ Кіевскаго университета, s. v.

⁴⁾ *Wilno od początków jego aż do roku 1750*, четыре тома, Вильно, 1838—40. (см. также: *Litwa, starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłowia, podania*, 2 тома, Warszawa, 1847—50; *Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy*, 2 т., 1840 и др.

пользовалась и должна еще пользоваться русская исторіографія, но она должна теперь пополнить ихъ съ другой стороны, на основаніи новыхъ источниковъ, въ прежнее время частію не принятыхъ во вниманіе, частію неизвѣстныхъ, и съ новой точки зрѣнія, которой надо только пожелать болѣе широкаго, дѣйствительно народнаго, горизонта.

Подобнымъ образомъ польскимъ ученымъ принадлежатъ первыя разысканія въ области археологіи западнаго края, временъ историческихъ и до-историческихъ. Таковы были труды гр. Евстафія и Константина Тышкевичей, Пржездзецкаго, Киркора и др.

Болѣе спеціальныя польскія работы по этнографіи западнаго края появляются съ конца тридцатыхъ годовъ и иногда, въ извѣстной степени, также носятъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго патріотизма, какимъ отличаются пѣкоторые изъ „литовскихъ“ историковъ. Таковы были, напр., сборники Чечота, Зепкевича и др., на которыхъ дальше остановимся подробнѣе. Здѣсь укажемъ пока одну книжку, стоящую особнякомъ и принадлежащую въ эмиграціонной литературѣ. Это — книжка Александра Рыпинскаго, по характеру параллельная съ книжкой Яворскаго, о которой мы говорили прежде ¹⁾: какъ Яворскому вспоминалась родная Украина, въ которой видѣлась ему земля политически-польская, и какъ у него польскій патріотизмъ сливался съ малорусскимъ въ смыслѣ польскаго украинофильства, такъ другой эмигрантъ вспоминаетъ на чужбинѣ родную Бѣлоруссію, народъ которой трудно было представить польскимъ, но который, по крайней мѣрѣ, автору хотѣлось видѣть польскимъ ²⁾.

Это были лекціи, читанныя авторомъ въ Парижѣ въ литературномъ кружкѣ изъ польскихъ эмигрантовъ, и книжка проникнута настроеніемъ, какое вообще наполняло эмиграцію. Въ удрученномъ нравственномъ состояніи, въ трудныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, эмигранты жили вообще прошедшимъ, и нравственной опорой была только надежда на реставрацію, надежда смутная, которую вообще можно было питать одной фантазіей, несбыточными разсчетами — не столько на свои силы, сколько на чужую помощь. Эмиграція порождала въ лучшихъ умахъ крайне идеалистическую поэзію

¹⁾ Томъ III, гл. IX.

²⁾ Вотъ полное заглавіе этой, вѣроятно, рѣдкой теперь книжки: „Białoruś. Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. przez Alexandra Rypińskiego, członka akademii przemysłu, rolnictwa, rękodziel i handlu francuzkiego. Czytano: na posiedzeniu towarzystwa literackiego polskiego w Paryżu r. 1839 mca. listopada 21 dnia. Paryż. W księgotłoczni J. Margylskiego, 1840. 16°. 228 стр. Г. Безсоновъ (Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIII) ошибочно называетъ автора книжки Рыпинскимъ.

или мистицизмъ; людей предприимчивыхъ толкала на отчаянную роль заговорщиковъ и эмиссаровъ; инымъ представлялись ошибки прежняго времени и желаніе исправить ихъ обращеніемъ къ народу; но вообще родина представляла имъ со всею прелестью, какую она приобрѣтаетъ на чужбинѣ и когда она потеряна безвозвратно... Въ началѣ своей книжки Рыпинскій замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ творецъ „Валепрода“ и Богданъ Залѣсскій коснулись народной жизни Литвы и Украины, польская молодежь съ жаромъ обратилась къ народнымъ сокровищамъ польской литературы. Авторъ — по словамъ его — „родился далеко отъ гнѣзда родной рѣчи Пястовъ, отъ сильной польщизны Скарги, Трембецкихъ, Нарушевичей или Кохановскихъ“; онъ извиняется, что, можетъ быть, въ его рѣчи проскользнетъ иногда провинциализмъ, который поразитъ уши его слушателей, но онъ надѣется, что ихъ суровый судъ замѣнится снисхожденіемъ, когда они узнаютъ, что онъ говоритъ имъ польскимъ языкомъ „глубокой Бѣлоруссіи“, языкомъ, „которому насъ — далеко за Двину, до Великихъ Лукъ и Пскова, съ оружіемъ въ рукахъ, научилъ когда-то Баторій и который мы до настоящаго дня старательно бережемъ, какъ драгоценнѣйшее наше сокровище, на самыхъ глазахъ врага, у воротъ его столицъ, за сто миль отъ Варшавы, несмотря на вліяніе искажающей Москвы, заливающее насъ кругомъ. Это сокровище завѣщали намъ польки, наши матери“. Въ Польшѣ, простирающейся, по мнѣнію автора, отъ Балтійскаго моря до Черпаго и отъ Салы до воротъ Смоленска, „на этомъ разноцвѣтномъ, но въ одно сливающимся пространствѣ“, находятся новыя, еще не собранныя источники языка, исторіи и поэзіи, „о которыхъ мы еще и не слышали, несмотря на множество открытій. Эти сокровища и надо разыскивать и собирать — изъ нихъ создается святыня чисто національная, передъ которой поблѣкнуть чужіи заимствованія, какими наполнена еще польская литература“.

Понятно, что, по мнѣнію автора, Бѣлая Русь есть та же Польша. „Эта Русь, *насколько она есть и будетъ польскою*, составляетъ нераздѣльную часть нашего дорогаго отечества... Живетъ здѣсь простой народъ славянскаго племени, издавна тѣсно породнившійся съ семьею ляховъ, честный, но убогій, и мало извѣстный даже собственной отчизнѣ его, Польшѣ, хотя онъ любитъ ее выше всего“. Съ давнихъ временъ этотъ народъ былъ предметомъ спора сосѣдей; но ихъ нападенія остались тщетны, народъ уцѣлѣлъ — „чтобы доказать имъ, что онъ самъ можетъ выбрать себѣ господина, и чужихъ владѣтелей (*paŋzucopuch pajezdźców*) не хочетъ знать“. Затѣмъ, „онъ выбралъ себѣ, наконецъ, Польшу за мать, бросился вмѣстѣ съ Литвой въ ея заботливыя объятія и прильнулъ къ ней со всей сыновней

любовью". Авторъ соглашается, что „татарскій наплывъ москалей“ затронулъ „своимъ азіатизмомъ“ эту страну ближе, чѣмъ какую-нибудь другую часть Польши, но онъ никогда не проникалъ „въ глубь сердца“ народа, какъ проникла Польша, и не умѣлъ съ нимъ слиться въ одно тѣло и душу. По словамъ автора, русинъ, т.-е. бѣлоруссъ, отдаляется отъ москаля и даже питаетъ отвращеніе ко всему московскому. Въ этомъ не малую долю играетъ и разница религіи, потому что „схизма есть для его народа синонимъ язычества“. Бѣлорусскій языкъ, по мнѣнію автора, также соединяетъ бѣлоруссовъ тѣснѣе съ Польшею, чѣмъ съ Москвою: „этотъ языкъ не такъ силенъ, какъ у нашихъ украинцевъ, менѣе *отатаренъ*, чѣмъ у жителей Москвы или Казани, не въ такой степени церковный, какъ галиційскій, но все-таки имѣетъ свою оригинальную народную печать, которая значительно отдаляетъ его отъ всѣхъ тѣхъ языковъ и этимъ самымъ, какъ мнѣ кажется, всего больше приближаетъ его къ польскому“ ¹⁾).

Въ такомъ видѣ представляется автору бѣлорусская народность, которая, въ существѣ, признается имъ только какъ ступень къ польской. Вся книжка носитъ слѣдующее посвященіе: „первому изъ бѣлорусскихъ мужичковъ (kmiotków), который сначала выучился читать, а потомъ говорить и мыслить по-польски, этотъ мой благой трудъ, въ знакъ высокаго почтенія и похвалы, посвящаю и для него печатаю“ ²⁾. Приступая къ самымъ пѣснямъ, авторъ приводитъ въ эпиграфѣ знаменитые стихи Мицкевича о народной пѣснѣ („O pieśni gminna“ и пр.), приглашаетъ патріотовъ изучать ея наивную, простую поэзію, думаетъ, что когда-нибудь она станетъ источникомъ постоянной національной музыки и дастъ Польшѣ музыкальную славу, „какъ до сихъ поръ оружіе и мужество ея сыновъ не знаютъ въ Европѣ высшаго образца“. Авторъ говоритъ, что еще въ то время, когда не дали своихъ сборниковъ ни Вацлавъ Залѣскій, ни Жегота Паули, онъ уже записывалъ пѣсни, и „записанныя бережно хранилъ у самаго сердца, когда, наконецъ, стеченіе всѣмъ намъ извѣстныхъ политическихъ событій, лишивши насъ нашего отечества, ли-

¹⁾ Между прочимъ, авторъ упоминаетъ, что говорилъ объ этомъ предметѣ со многими москалями и что одинъ только „ученный“, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, согласился съ нимъ, что языкъ бѣлорусскій не есть московскій и имѣетъ больше польскихъ оборотовъ и выраженій, чѣмъ всѣ другія „такъ-называемыя“ русскія нарѣчія (стр. 22—25). Авторъ при этомъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кюхельбекерѣ, котораго онъ зналъ въ Динабургѣ на пятомъ году его пребыванія въ этой крѣпости;—но въ этихъ свѣдѣніяхъ есть и чепуха.

²⁾ Хотя бѣлорусскій языкъ, по мнѣнію автора, самый близкій къ польскому; въ другомъ мѣстѣ (стр. 37) онъ самъ находитъ, что въ устахъ бѣлорусса „Polaczyszyna jak po grudznie idzie“.

пило и меня моего сокровища". Теперь онъ сообщаетъ только то, что сберегъ на память. Авторъ останавливается на различныхъ разрядахъ пѣсенъ, приводитъ отрывки, уцѣлѣвшіе въ воспоминаніи, описываетъ относящіеся къ нимъ обряды (напр., свадебные), танцы, игры, увеселенія; упоминаетъ о пробахъ популярнаго шуточного стихотворства на бѣлорусскомъ языкѣ и т. д. ¹⁾. Наконецъ, книжка пересыпана воспоминаніями о временахъ польской свободы и славы, выраженіями озлобленія противъ москалей, негодованія противъ дурныхъ патріотовъ польскихъ (напр., филиппика противъ чиншевой шляхты), поощреніями бѣлоруссамъ изучать польскій языкъ.

Настоящимъ этнографическимъ матеріаломъ книжка Рыпинскаго не богата и здѣсь нечего ожидать научной точности; она любопытна, какъ эпизодъ эмиграціонной литературы и отголосокъ исключительнаго польскаго взгляда на бѣлорусскую народность,—тѣмъ не менѣе, этнографъ-собираетель можетъ и изъ нея заимствовать нѣкоторыя частности, не лишеныя значенія и сами по себѣ, и по ихъ польскому освѣщенію. Авторъ не замѣчаетъ внутренняго противорѣчія всей своей книжки; онъ съ жаромъ говоритъ о необходимости изученія народности,—въ данномъ случаѣ бѣлорусской, ждетъ здѣсь открытія національной святости, и въ то же время признаетъ эту народность только какъ польскую и, собственно говоря, желаетъ ей исчезнуть.

---

¹⁾ Содержаніе всей книжки слѣдующее: Wstęp. — Dział I. Ogólne uwagi. — II. Spiewy: A, Religijne (разумѣются церковные стихи униатовъ); B, Weselne; C, Zalobne; D, Historyczne. Dodatek: B-bis, Weselne; E, Robocze; F, Ulotne; G, Spiewy Nianek; H, Taneczne. — III. Tańce. — IV. Gry i zabawy. — V. Dożynki. — VI. Makaronizm. — VII. Poemat. — VIII. Przysłowia. — XI. Muzyka.

ГЛАВА III.

Пѣсенные сборники Чечота, Зенкевича; книга гр. Евст. Тышкевича.—Провы вѣлорусской литературы.

Янъ Чечоть.—Ромуальдъ Зенкевичъ.

Литературное движеніе въ Вильнѣ.

Книга гр. Евстафія Тышкевича.

Польскіе взгляды на Вѣлоруссію.

„Вѣлорусская литература“: Маньковский и его „Энсида“. Янъ Барщевскій. Дунинъ-Марцинкевичъ.

Съ 1837 года началъ появляться рядъ пѣсенныхъ сборниковъ Чечота—до послѣдней, вышедшей въ 1846 году ¹⁾.

¹⁾ Эти книжки въ настоящее время рѣдки, и потому укажемъ ихъ подробнѣе:

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach. Wilno, 1837. 8°. VIII и 106 стр.; 107—111, оглавленіе пѣсень. Безъ имени издателя; предисловіе помѣчено 1834 годомъ.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno, 1839. 8°, 118 стр.; 119—124, оглавленіе. Безъ имени.

— Piosnki wieśniacze z nad Dźwiny. Książeczka trzecia. Wilno. 8°. XII и 89 стр.; 90—94, оглавленіе. Безъ имени; съ эниграфомъ изъ Кохановскаго: „I ogasz ubogi śpięwa—Choć od pracój aż omdlęwa“; посвященіе, въ стихахъ: „Ukochanym kniotkóm z nad Niemna i Dźwiny“, и предисловіе.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie sławiano-krewickiej. Wilno, 1844. 8°, XVIII и 129 стр.; 131—137, оглавленіе, опечатки, объявленіе о книгахъ. Безъ имени; посвященіе въ стихахъ: „Do broczynym Panóm i Rządcom ich majątności, troskliwym o dobry byt włościan“.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna, Dniepra i Dniestra. Wilno, 1845. 8°, XII и 103 стр.; 105—108, оглавленіе; посвященіе въ стихахъ: „Zasnym i bogobojnym Panienkom i Panicom“. Безъ имени.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno, 1846. 8° XXXIV и 123 стр.; 125—129, оглавленіе; 131—134, опечатки въ прежнихъ книжкахъ. Посвященіе въ стихахъ памяти Станислава Сташица. Предисловіе, отъ 1845, впервые подписано именемъ собирателя.

Янъ Чечотъ родился въ новогрудскомъ уѣздѣ, минской губ.,— неизвѣстно, въ какомъ году, но, вѣроятно, въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, потому что онъ былъ сверстникомъ Мицкевича, съ которымъ учился вмѣстѣ въ первоначальной школѣ въ Новогрудѣ (эти „повѣтовые школы“ послѣ іезуитовъ были въ рукахъ доминиканцевъ). Чечотъ былъ потомъ товарищемъ Мицкевича и въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ они были дружны, дѣлили впечатлѣнія тогдашней возбужденной умственной жизни и романтическаго патріотизма, и когда основалось, или возобновилось, въ 1817 г. полу-тайное общество „филоматовъ“, то Чечотъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ былъ въ числѣ первыхъ изъ тогдашней виленской академической молодежи которые посвящены были основателями кружка въ его идеи. Патріотизмъ, гуманность и просвѣщеніе были основной мыслью этого кружка. Онъ просуществовалъ недолго; въ двадцатыхъ годахъ это движеніе было замѣчено, началось извѣстное слѣдствіе Новосильцова; многіе изъ профессоровъ Виленскаго университета были удалены; „филматы“ арестованы и высланы изъ Вильны и изъ края. Чечотъ отправленъ былъ, въ 1823 г., въ Оренбургъ, гдѣ пробылъ, кажется, больше десяти лѣтъ; по возвращеніи на родину, онъ былъ бібліотекаремъ у Адама Хрептовича въ извѣстномъ имѣніи его Щорсахъ, затѣмъ, по смерти Хрептовича, поселился въ деревнѣ и умеръ въ 1847 въ Друскеникахъ ¹⁾.

По разсказу біографа Мицкевича, Чечотъ былъ человѣкъ мягкаго чувства, воспріимчивый и впечатлительный, въ своемъ добродушіи иногда раздражительный именно противъ тѣхъ, кому былъ преданъ. Эта мягкость личнаго чувства отражается, какъ увидимъ, и на его сборникахъ. Этнографія, которую представляютъ его книжки, была особая. Школа, которую Чечотъ прошелъ въ юности, привила ему съ одной стороны народный романтизмъ—въ томъ кругѣ, гдѣ онъ жилъ, читали Бродзинскаго, знали Ходаковскаго и первыя этнографическія работы, появившіяся тогда, между прочимъ, именно въ виленскихъ

¹⁾ Zdanowicz-Sowiński, Rys dziejów liter. polskićj, т. III, 1876, стр. 85—86, 695—696; Chmielowski, Adam Mickiewicz, zagryz biograficzno-literacki, Kraków i Warszawa, 1886, I, стр. 38, 94 (характеристика личности Чечота), 173—4, 197, 208, 221, 250—1, 292—3, 303—4, 308—9; 457. О Щорсахъ есть довольно свѣдѣній въ польской литературѣ. О нихъ говоритъ и Шпилевскій въ своемъ Путешествіи по Полѣсью и Бѣлор. краю: „Это древнее достояніе знаменитой бѣлорусской фамиліи Хрептовичей замѣчательно своимъ великолѣпнымъ каменнымъ дворцомъ, роскошнымъ садомъ и богатѣйшею бібліотекою во дворцѣ, обязанною хранящимися въ ней рѣдкими книгами и рукописями нынѣшнему владѣльцу своему, извѣстному ученому археологу Адаму Хрептовичу“. „Современникъ“ 1853, т. 40-й, стр. 56. Щорсы—въ минской губ., между Новогрудкомъ и Минскомъ; см. о нихъ и о Хрептовичѣ (ум. 1844) также Zdanowicz-Sowiński, III, стр. 706.

изданійхъ; рядомъ съ этимъ, онъ былъ филантропъ, принимавшій близко къ сердцу матеріальное положеніе „народа“, т.-е. крестьянъ... Той эпохъ польской литературы и общественности у насъ приписываютъ обыкновенно или явную, или затаенную интригу и пропаганду полонизма; мы замѣчали уже, что въ отношеніи польскихъ патріотовъ къ западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотрѣть на этотъ край, какъ на издавнюю часть ихъ польскаго отечества,—тѣмъ больше, когда съ русской стороны въ тѣ годы общественный интересъ къ этому краю почти не существовалъ ¹⁾. Множество этихъ поляковъ, патріотовъ и писателей, были именно уроженцы этого края; „народъ“ края не былъ польскій, но они по старой памяти считали его своимъ, давно съ ними связаннымъ, и въ ту эпоху развитіи народнаго романтизма ихъ интересъ направился и на этотъ народъ, какъ и на народъ собственно литовскій, и народъ польскій. Таково отношеніе къ западно-русскому народу у Чечота,—отношеніе непосредственное, почти наивное; ему, повидимому, не приходитъ въ голову, что народъ, которому онъ посвящаетъ свои изученія, есть именно самый русскій. Чечотъ настаиваетъ на простой красотѣ его поэзіи, на необходимости знакомиться съ этимъ народомъ и особенно облегчить его положеніе. Объ этомъ положеніи онъ принимается говорить нѣсколько разъ, обращаясь не столько къ полякамъ, сколько къ *намъ*, говоритъ не о народности, а о крѣпостныхъ, которыхъ участь ему страстно хотѣлось бы видѣть улучшенной; объ этнографической наукѣ онъ думаетъ всего меньше; повидимому, даже мало о ней знаетъ.

Свою первую книжку онъ начинаетъ въ предисловіи такими словами: „Крестьяне наши, народъ добрый, смиренный, трудолюбивый, почтенный, должны возбуждать въ насъ самыя доброжелательныя къ нимъ чувства. Съ ними мы можемъ быть счастливы. За работу ихъ рукъ удѣляя имъ труды нашей мысли и просвѣщенія, мы можемъ умножить всеобщее благо. Не будемъ думать, чтобы мы не могли отъ нихъ чему-нибудь научиться. Мы многому научимся изъ познанія ихъ состоянія и быта; найдемъ у нихъ преданья, сказки, повѣсти, и чрезвычайно обильна будетъ жатва нѣсенъ, дающихъ узнать ихъ трогательныя, прекрасныя, даже тонкія и глубокія чувства. Не будемъ думать, что только каждый городъ или провинція имѣетъ своего ученаго пѣвца; мы увидимъ, что почти каждая деревня имѣла и можетъ имѣть своего не ученаго, но отъ души и сердца пѣвца. Я замѣтилъ, что на разстояніи нѣсколькихъ миль, даже полъ-мили,

---

¹⁾ Дальше укажемъ, что это простое объясненіе предоставлялось и болѣе спокойнымъ русскимъ наблюдателямъ въ новѣйшее время.

поются уже совершенно иныя пѣсни. Какое это сокровище для ученаго пѣвца и наблюдателя! Сколько тамъ невынужденной и свѣжей поэзіи! Будемъ слушать охотно ихъ пѣсенъ свадебныхъ, дожинковыхъ, купальскихъ и другихъ, и мы не разъ пріятно проведемъ время, и, что важнѣе, пріобрѣтемъ большую привязанность къ нашимъ добрымъ земледѣльцамъ"... Онъ жалѣетъ, что со стороны пановъ или ихъ управителей оказывается невниманіе или прештствіи къ исполненію народныхъ обычаевъ, между тѣмъ какъ участіе въ нихъ сблизило бы обѣ стороны... „Отъ дѣтскихъ лѣтъ искренно любя нашихъ милыхъ и добрыхъ крестьянъ,—продолжаетъ Чечотъ,—я хочу представить имъ доказательство моей привязанности“...

Какъ мало было у него этнографическаго пониманія, видно изъ того, что этотъ сборникъ—какъ и другіе, кромѣ лишь послѣднихъ его книжекъ—представляетъ не подлинныя бѣлорусскія пѣсни, а ихъ *польскіе переводы* и „подражанія“. „Я не слишкомъ держался оригинала,—замѣчаетъ онъ простодушно,—однако нѣкоторыя пѣсни переведены дословно; другимъ я болѣе или менѣе близко подражалъ“. Впрочемъ онъ предоставлялъ себѣ въ другое время издать пѣсни и съ подлиннымъ текстомъ (что потомъ и сдѣлалъ).

Таковы и вторая, и третья книжки Чечота (пѣсни купальскія или свято-янскія, свадебныя, дожинковыя, дѣтскія и „различныя“). Въ предисловіи къ третьей книжкѣ онъ пишетъ: „Какъ сначала я думалъ, что на небольшомъ разстояніи пѣсни по деревнямъ бываютъ различны, такъ при дальнѣйшемъ собираніи ихъ я убѣдился, что даже на большихъ разстояніяхъ пѣсни бываютъ совершенно сходны или только съ небольшими измѣненіями въ словахъ. Нѣманъ и Бѣлица не близки къ Двинѣ, Березипѣ и Ленельскому краю, и однако пѣсни сходны; похожи на нихъ и пѣсни на Вилии въ Завилейскомъ краѣ. Кто ихъ переносилъ? Не печать и письмо, но память, сердца и уста братскихъ племенъ“. Нѣкоторыя изъ этихъ сходныхъ пѣсенъ онъ перевелъ для сравненія, но повтореніемъ другихъ не хотѣлъ отягощать своего сборника. О способѣ своего собиранія онъ на этотъ разъ говоритъ слѣдующее: „Сборникъ этотъ мнѣ было легко сдѣлать: занятому своими обязанностями на мѣстѣ, мнѣ не надо было ходить или ѣздить по деревнямъ, а только попросить достойныхъ и любезныхъ паненокъ, которыя, безъ большого труда и хлопотъ, безъ принужденія или оплаты, какъ это случалось другимъ собирателямъ сельскихъ пѣсенъ, прямо отъ своихъ собственныхъ прислугъ или вызванныхъ изъ деревни селянокъ могли и могутъ записать столько пѣсенъ, сколько пожелается собирателю. И дѣйствительно, онѣ одиѣ только способны у насъ собирать эти пѣсни. Наши поселяне—не знаю, поютъ ли когда-нибудь; а поселянки, слишкомъ скром-

ныя и несмѣлыя, стыдятся проговорить свои пѣсни передъ мужчиной; начнутъ усмѣхаться, говорить, что въ ихъ пѣсняхъ нѣтъ ничего хорошаго, и, покраснѣвши отъ стыда, ничего не скажутъ. А милой паненкѣ расскажутъ, къ паненкѣ онѣ бѣгутъ съ радостью, говоря:— вотъ еще я припомнила хорошую пѣсенку!..“

Но эту картину заслоняетъ у него другая мысль. „Этотъ милый и прекрасный образъ, присутствующій въ моемъ сердцѣ, я долженъ помрачить печальной мыслью о положеніи составителей и составительницъ сельскихъ пѣсенъ. Какъ изъ пѣсенъ съ Нѣмана, такъ и изъ пѣсенъ съ Двины, я позволилъ себѣ устранить несчастную водку, не разъ въ нихъ воспоминаемую, и замѣнить ее медомъ и пивомъ, которые теперь почти неизвѣстны поселянамъ. Водка есть гибель нашихъ поселянъ. Первый грошъ—отъ водки, говоритъ помѣщикъ и управитель; первое зло, говоритъ каждый разсудительный человѣкъ. Сердце болитъ, видя, какъ многочислѣннѣйшій и трудолюбивѣйшій классъ населенія часто приходитъ въ такую нужду, къ какой всего скорѣе приводитъ пьянство“... И „этнографъ“ углубляется въ разсужденіе о бѣдствіяхъ народнаго пьянства; въ пѣсняхъ онъ даже удалилъ названіе водки. Въ концѣ Чечоть говоритъ, что былъ бы счастливъ, если бы его трудъ помогъ веселѣе справлять дожинки и купалу, еслибы онъ хоть сколько-нибудь уменьшилъ пьянство, составляющее истинную бѣду для поселянъ. Онъ не будетъ искать для нихъ похвалы; она явится для чувствительныхъ душъ въ самой этой книжкѣ. „Имъ также (этимъ поселянамъ), какъ достойнымъ посвященія ихъ собственнаго труда, я посвящаю эту милую мнѣ забаву, исполненный святой надежды, что въ каждой благородной душѣ она возбудитъ истинную христіанскую любовь къ моимъ любимымъ крестьянамъ-авторамъ“.

Только уже въ четвертой книжкѣ Чечоть, вызванный, наконецъ, и критикой, далъ образчики „первотворныхъ“ пѣсенъ, т.-е. на ихъ подлинномъ бѣлорусскомъ языкѣ, который онъ назвалъ „славяно-кревическимъ“. Въ этомъ названіи могла быть тенденціозность, но Чечоть не самъ его выдумалъ, и его собственный интересъ остается опять главнымъ образомъ филантропическій.

„Поэзія, называемая теперь народною, сельскою (gminna),—говоритъ онъ въ предисловіи,—въ древніе вѣка была общей всѣмъ нашимъ предкамъ: господская, княжеская, словохъ, народная (narodowa); поэтому она должна бы быть достойна вниманія даже у тѣхъ, которые не хотѣли бы видѣть ничего хорошаго въ томъ, что есть только сельское, крестьянское. Нашимъ крестьянамъ мы обязаны сохраненіемъ старинныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Имъ и за это мы должны быть благодарны. Подчиняясь сами влиянію сосѣднихъ племенъ и

цивилизациі Европы, мы легче измѣнялись, чѣмъ они, а черезъ это забыли и тѣ пѣсни, какія отдаленная прабабка не одного изъ насъ пѣла за пражей, можетъ быть, въ той же самой деревнѣ съ своими единокровными, которыхъ потомство, отъ недостатка заслугъ въ краѣ, осталось въ состояніи зависимости. И сама поэзія кривицкая подчинилась вліянію поэзіи украинской и польской. По нѣкоторымъ пѣснямъ это можно было положительно наблюдать. Теперь она сильно подчиняется вліянію народной поэзіи російской, переносимой войсками, квартирующими по деревнямъ. Быть можетъ, и народная поэзія литовская—если бы мы имѣли изданіе ея пѣсень—представляла бы подобныя произведенія, переводы или подражанія съ кривицкаго. Поэтому было бы любопытнымъ дѣломъ для прилежнаго изслѣдователя поэзіи и древности собирать самому сельскія пѣсни, быть на свадьбахъ и другихъ обрядахъ. Безъ этого нельзя ни сохранить должнаго порядка въ ихъ послѣдовательности, ни знать обрядовъ, какъ нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать, какія пѣсни остались отъ давнихъ временъ, и какія и какъ появляются вновь, такъ какъ и въ настоящее время могутъ быть тамъ-и-сямъ пѣвцы и пѣвицы, создающіе новыя пѣсни по собственному вдохновенію. Это, можетъ быть, теперь рѣже, чѣмъ бывало въ старину, потому что, во-первыхъ, старинная пѣсня особенно уважается, а во-вторыхъ, поселене не такъ теперь одушевлены, чтобы легко могли браться за новыя созданія. Отсюда происходитъ заимствование пѣсень отъ солдатъ, квартирующихъ или возвращающихся въ большомъ числѣ изъ службы въ родныя деревни“.

Такимъ образомъ, Чечотъ самъ пришелъ къ заключенію, что собраніе пѣсень черезъ наненокъ не есть наилучшій способъ ихъ добыванія, и увидѣлъ, что для полноты наблюденія нужно отмѣчать „послѣдовательность“ пѣсень и обряды, что было совершенно справедливо. Передъ нимъ мелькаетъ мысль объ особенностяхъ народнаго пѣсеннаго языка, который кажется ему очень „бѣднымъ“ и „несовершеннымъ“, потому что не имѣетъ словъ для отвлеченныхъ понятій и выражаетъ ихъ „фактомъ“, т.-е. образомъ. Онъ дѣлаетъ заключеніе о древности пѣсень изъ частыхъ упоминаній о Дунаѣ, о морѣ, о виноградѣ: славянскіе предки долго должны были блуждать по берегамъ Дуная и пить дунайскую воду, чтобы имя этой рѣки запомнилось такъ крѣпко. У Чечота мелькаетъ мысль и о томъ, почему народная поэзія отличается своимъ особымъ складомъ, непохожимъ на складъ нашей искусственной поэзіи; но простодушный взглядъ на народную пѣсню сказался опять въ слѣдующемъ: авторъ заявляетъ, что къ народнымъ пѣснямъ онъ прибавилъ (къ счастью, въ особой рубрикѣ) нѣсколько „своихъ собственныхъ, по-крестьянски

составленныхъ пѣсень“, на бѣлорусскомъ языкѣ, съ польскимъ переводомъ. „Быть можетъ, онѣ проникнуть какъ-нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ къ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ правдивности?“

Далѣе: „Какъ переводчикъ, я долженъ былъ бы описать всю жизнь моихъ *авторовъ*. Я много думалъ объ этомъ, даже читалъ о нихъ нѣсколько книгъ, хотѣлъ разсказать многое, но, размысливши болѣе, замолчалъ, и довольно будетъ съ меня, если укажу благосклоннымъ читателямъ источники, изъ которыхъ они сами могутъ почерпнуть свѣдѣнія о состояніи крестьянъ и мысли объ улучшеніи ихъ быта“. И вмѣсто ожидаемыхъ археологическихъ и этнографическихъ указаній, Чечоть приводитъ рядъ сочиненій, посвященныхъ въ польской литературѣ крестьянскому вопросу съ конца прошедшаго столѣтія, сообщая ихъ главное содержаніе и оканчивая указомъ имп. Александра I, 1817 г., о крестьянахъ курляндской губерніи. „Предлагая вниманію благосклонныхъ читателей эти драгоценные труды,—заключаетъ онъ,—внушенные истинно христіанскими чувствами и основанные на опытѣ и чистомъ разумѣ, я считаю себя свободнымъ отъ печальной необходимости гореванья надъ нищетой и бѣдственнымъ бытомъ любимыхъ поселянъ. Пусть каждый обратится на минуту къ своему сердцу, и сердце его скажетъ болѣе, чѣмъ я сумѣлъ бы сказать“.

Пѣсень „первотворныхъ“ помѣщено здѣсь по десяти съ Нѣмана и Двины. Пѣсни бѣлорусскія собственнаго сочиненія Чечота написаны въ складѣ народныхъ и заключаютъ обыкновенно какое-нибудь поученіе, которое авторъ хотѣлъ бы внушить поселянамъ.

Пятая книжка мало интересна: нѣсколько пѣсень съ Нѣмана и затѣмъ пѣсни украинскія, взятые, кажется, исключительно изъ Вацлава Залѣскаго и Жеготы Паули,—то и другое только въ переводахъ; наконецъ, опять пѣсни собственнаго сочиненія, по-польски.

Наиболѣе любопытна шестая книжка, послѣдній трудъ Чечота. Въ предисловіи онъ жалѣетъ, что не имѣетъ достаточно научныхъ свѣдѣній, чтобы дать грамматическо-историческій очеркъ „кревицкаго“ языка; онъ долженъ ограничиться лишь немногими замѣтками, какія ему встрѣтились. Полное изученіе этого языка, которымъ еще на памяти автора (по словамъ его) любили, бывало, говорить старыя паны, на которомъ нѣкогда писались официальные акты, сдѣлано будетъ какимъ-нибудь знающимъ человекомъ, можетъ быть, крестьяниномъ, который, усвоивши научныя знанія, примѣнитъ ихъ къ объясненію хорошо ему извѣстнаго, родного языка.

Немногія замѣчанія Чечота, почерпнутыя изъ собственныхъ наблюденій, въ свое время были едва ли не первой, нѣсколько отчетливой, характеристикой бѣлорусскаго нарѣчія; онъ отмѣчаетъ особенности его звуковъ и формъ (стр. VII—XXV). По его мнѣнію, „кревицкое нарѣчіе занимаетъ середину между польскимъ, русскимъ и украинскимъ: украинскій, или полянскій, въ своемъ строѣ и стихосложеніи болѣе сходенъ съ польскимъ, кревицкій—съ русскимъ“. Ему представился и вопросъ правописанія „кревицкаго“ нарѣчія; онъ видитъ трудность его въ различныхъ случаяхъ и, не имѣя возможности рѣшить дѣла, особливо по поводу нѣсколькихъ пѣсенъ, онъ хочетъ писать такъ, какъ выговаривается... Ему не приходитъ въ голову, что наилучшее „правописаніе“ для этого языка было бы не польское, а „русское“.

„Познанію кревицкаго языка,—продолжаетъ авторъ,—помогло бы прислушиванье къ домашнему разговору крестьянъ; но это было бы нелегко для одѣтаго въ сюртукъ, и ему надо бы развѣ переодѣться въ сермягу и идти, какъ чужому человѣку, на вечерницы или въ корчму. Но гораздо болѣе удобный способъ научиться языку и дѣлать надъ нимъ наблюденія былъ бы тотъ, если бы кто сталъ слушать и съ точностью записывать сказки, выучившись заранѣе искусству быстрого письма: потому что это—литература, съ давнихъ вѣковъ сохранившаяся въ памяти крестьянъ и до сихъ поръ еще нетронутая. Это была бы гораздо болѣе сильная сокровищница языка, чѣмъ коротенькія пѣсенки, въ которыхъ всего чаще встрѣчаются только выраженія любовныя и нѣтъ выраженій, рисующихъ другія чувства и представленія. Это рѣчь скупая и неотесанная, бѣдная словами ¹⁾ и всѣми выраженіями умственныхъ понятій; но, все-таки, она, какъ и всякая, должна имѣть свои особенности и оригинальность.

„Не могу,—продолжаетъ онъ,—безъ какой-то милой тревоги вспомнить забытыя сказки, которыя я слышалъ и зналъ въ мои дѣтскіе годы. Въ нихъ часто заключена прекрасная нравственная мысль“... И онъ вспоминаетъ нѣсколько сказочныхъ сюжетовъ, знакомыхъ ему съ дѣтства. Онъ уже думалъ о собираніи сказокъ, но жалѣетъ, что „никто еще у насъ ихъ не цѣнитъ и не окажетъ дѣйствительной помощи, а самъ я, при плохомъ здоровьѣ и подобномъ пренебреженіи къ этимъ плодамъ народной фантазіи и остаткамъ старины, до сихъ поръ не въ состояніи заняться этимъ милымъ и полезнымъ для отечественной литературы трудомъ“. Онъ призываетъ другихъ,

¹⁾ „Uboga w greszowniki“—раньше авторъ указывалъ бѣдность народнаго языка словами, выражающими отвлеченныя понятія.

у кого найдется больше удобства и силъ, заняться этой заброшенной литературой, „которая, какъ пѣсни, была нѣкогда общей предкамъ пановъ и бѣдняковъ“: „пусть другіе, болѣе сильнымъ и слышнымъ голосомъ, захотятъ уважать и собирать эти крестьянскія, или лучше, народныя повѣсти и пѣсни“...

Не имѣя возможности, по ихъ нежеланію, назвать имена паненовъ и пань, сообщавшихъ ему пѣсни, Чечоть находитъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, указать мѣстности, изъ которыхъ идутъ пѣсни. „Быть можетъ, въ далекомъ будущемъ, пробудится въ комъ-нибудь любопытство узнать, не поются ли въ тѣхъ же мѣстахъ тѣ же пѣсни“, — и онъ подробно указываетъ мѣстности по Нѣману и Двинѣ, откуда взяты пѣсни, помѣщенные во всѣхъ его прежнихъ книжкахъ; пѣсни съ нижняго Днѣпра поются въ Липовецкомъ повѣтѣ: „нѣсколько изъ нихъ я получилъ отъ простого солдата, тамошняго уроженца, а другія — отъ одного почтеннаго всендза, который жилъ тамъ въ молодости“; больше достать онъ не могъ; а пѣсни съ Днѣстра взяты изъ книгъ, печатанныхъ во Львовѣ (сборники Залѣскаго и Паули).

„Относительно вліянія польскаго, російскаго и украинскаго языка на кревицкій можно бы сказать, что это вліяніе сильнѣе на діалектъ наднѣманскій, чѣмъ на наддвинскій, — такъ какъ сторона наддвинская не имѣетъ постояннаго квартированія войскъ и больше отдалена отъ Мазовша и Украйны, чѣмъ сторона наднѣманская. Въ новогрудскомъ краѣ хлопцы съ охотой перенимаютъ російскія пѣсни отъ солдатъ, и ими уже оглашаются поля, напр. въ Щорсахъ ¹⁾, отъ ѣдущихъ на почлегъ съ лошадьми, а иногда слышится онѣ тамъ и въ устахъ женщинъ при жнитвѣ, или отзываются въ пѣньѣ дворовыхъ женщинъ, которыя также переносятъ въ деревни и какую-нибудь, по своему передѣланную, польскую пѣсню. Поэтому-то, въ настоящемъ небольшомъ сборникѣ, я помѣстилъ больше пѣсень обрядовыхъ, живныхъ, и даже нѣсколько пѣсень, какія поются надъ дѣтской колыбелью, такъ какъ онѣ несомнѣнно мѣстныя“.

Пословицы, собранныя въ той же книжкѣ (стр. 106—120, почти до двухъ сотъ), почти всѣ, по словамъ собирателя, слышаны и вспомнаны съ дѣтскихъ лѣтъ; онѣ повторяются и между шляхтой. Собиратель расположилъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы облегчить послѣдующимъ собирателямъ ихъ дополненіе и, потомъ, приведеніе въ систему по содержанію. Чечоть сожалеетъ, что не могъ сличить ихъ съ изданными пословицами другихъ славянскихъ народовъ, такъ какъ не имѣлъ подъ рукою книгъ. „Все это остается кому-нибудь болѣе дѣятельному и счастливому, о которомъ, дай Богъ,

¹⁾ Гдѣ Чечоть былъ бібліотекаремъ у Хрептовича.

чтобы мнѣ удалось услышать“. Онъ жалѣетъ дальше, что не было еще до тѣхъ поръ описанія обрядовъ и игръ тамошняго края,—ему извѣстно только описаніе свадьбы въ Борисовскомъ повѣтѣ ¹⁾),—нѣтъ описанія домашняго быта, убогой утвари и народныхъ кушаньевъ. „Если бы кто захотѣлъ и сдумѣлъ, могъ бы сдѣлать себѣ чрезвычайно пріятной деревенскую жизнь, занявшись собираніемъ обо всемъ этомъ свѣдѣній полезныхъ, любопытныхъ и желанныхъ. Теперь каждый жалѣетъ, что наши лѣтописцы, Длугошъ или Стрыйковский, не собирали народныхъ пѣсенъ и преданій, о которыхъ упоминаютъ только мимоходомъ; когда-нибудь, черезъ нѣсколько вѣковъ, будутъ жалѣть и справедливо упрекать нынѣшнее время, если мы не соберемъ заботливо и не передадимъ потомкамъ этихъ памятниковъ; потому что, хотя деревенскій людъ (gmin) есть вѣрный и нелегко перемѣнчивый хранитель мѣстныхъ свѣчаевъ и обычаевъ, но съ ходомъ цивилизаціи или даже съ перемѣной мѣстныхъ (политическихъ) отношеній и онъ долженъ измѣняться и не можетъ сохранить въ чистотѣ образъ жизни, проходящей въ этой юдоли, и однако потомки любятъ всматриваться въ обличье своихъ прадѣдовъ; сохранимъ же его для ихъ чувствительности и, угаснувъ, еще пробудимъ въ сердцахъ ихъ болшую привязанность и память о настоящемъ вѣкѣ“.

Наконецъ, онъ сожалеетъ, что „кревицкій“ языкъ до сихъ поръ не нашелъ изслѣдователя, когда даже небольшія славянскія племена на Западѣ еще въ концѣ XVI-го вѣка имѣли свои грамматики и словари. На „кревицкомъ“ языкѣ Чечоту извѣстенъ только катехизисъ, недавно передъ тѣмъ изданный въ Вильнѣ, но и того онъ не видалъ. „Теперь именно пора вознаградить это нерадѣніе прошлыхъ вѣковъ и заняться составленіемъ грамматики и словаря кревицкаго нарѣчія, когда, съ небольшими исключеніями, оно еще остается въ своей чистотѣ; потому что, еслибъ и захотѣли когда-нибудь учить крестьянъ другому нарѣчію, они не поймутъ его достаточно, не имѣя на своемъ собственномъ объясненія его словъ... Если мы рады видѣть остатки кельтскаго или герульскаго языка, то, быть можетъ, когда-нибудь будутъ возбуждать такое же и не праздное любопытство и памятники кревицкаго нарѣчія, которое—сомнительно, чтобы стало письменнымъ и образовалось самостоятельно“ ²⁾).

¹⁾ Tygodnik Wileński, 1819.

²⁾ Это названіе бѣлорусскаго языка въ первый разъ пошло, кажется, отъ Нарбутта. Ср. позднѣйшее замѣчаніе Сырокомли: „Происходитъ ли названіе кривичанъ отъ литовскаго слова: Krywe? и должно ли поэтому доказывать до-историческое братство (pobratymstwo) ихъ племени и вѣры съ Литвой?—Этой мысли, брошенной впервые Ватсономъ, а нынѣ доказываемой историкомъ Литвы, Т. Нарбуттомъ, мы не чувствуемъ себя въ правѣ ни поддерживать, ни опровергать“. Teka Wileńska, 1857, № 1, стр. 225.

Далѣ, въ книжкѣ помѣщенъ небольшой словарь къ пѣсвннымъ текстамъ, съ польскимъ переводомъ, и собраніе идіотизмовъ или особенныхъ выраженій „кревицкаго“ языка, наконецъ этимологическія замѣчанія и статейка о сходствѣ славянскихъ языковъ съ санскритомъ, изъ книжки Маевского ¹⁾).

Мы остановились дольше на книжкахъ Чечота потому, что онѣ представляютъ довольно характерное явленіе польской этнографіи относительно бѣлорусской народности, и притомъ онѣ рѣдки и у насъ мало извѣстны. Изъ того, что мы цитировали, кажется, ясно, что въ Чечотѣ мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ какой-нибудь лукавой тенденціи, а съ искреннимъ любителемъ, который зналъ бѣлорусскій языкъ и народъ съ дѣтства и, воспринявъ въ своей школѣ народный романтизмъ и человѣчное отношеніе къ народу, примѣнялъ теперь это давнее настроеніе. Къ специальному этнографическому изученію онъ былъ приготовленъ очень мало,—въ началѣ не понималъ, напримѣръ, даже того, что народная поэзія можетъ стать предметомъ научнаго интереса только на ея подлинномъ языкѣ: только въ послѣднихъ своихъ книжкахъ онъ помѣщаетъ „первотворныя“ бѣлорусскія пѣсни и приходитъ къ заключенію, что лучший способъ собирать произведенія народа—не черезъ паненокъ, а прямо изъ народныхъ устъ и въ самой обстановкѣ обычаевъ и обрядовъ. Его этнографическія наблюденія неразрывны съ мыслью о тяжеломъ бытовомъ положеніи крѣпостного народа, о которомъ онъ говоритъ съ несомнѣнно искреннимъ участіемъ. Жаль, конечно, что пѣсни, сообщенныя имъ только въ переводахъ, почти пропадаютъ для изслѣдованія и остаются только косвеннымъ матеріаломъ для сличенія ²⁾).

Не больше Чечота приготовленъ былъ къ этимъ изученіямъ Ромуальдъ Зенкевичъ, издавшій сборникъ бѣлорусскихъ пѣсень въ 1851 году ³⁾. Намъ не встрѣтилось о немъ біографическихкихъ свѣдѣній; по указанію г. Безсонова ⁴⁾, это былъ почтенный мѣстный учитель,

¹⁾ „O Sławianach i ich pobratimcach. Cześć pierwsza, obejmująca Rozprawy o języku Samskryckim, tudzież o literaturze Indian“, przez W. S. Majewskiego. Warszawa, 1816.

²⁾ Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIII.

³⁾ Г. Безсоновъ упоминаетъ изъ этого времени еще познанскій сборникъ „изъ околицъ Алексоты“, какъ заключающій польскіе переводы „съ литовско-жмудскаго и отчасти бѣлорусскаго“, по эта книжка: „Pieśni ludu Nadniemeńskiego z okolic Aleksoty, zebrał i przełożył Karol M. Br....i (Brzostowski). Z dołączeniem do niektórych melodyj“. Poznań, 1844 (16°, 129 стр., 51 пѣсня, изъ которыхъ при 8-ми приведенъ литовскій оригиналъ,—и поэма изъ народныхъ преданій) не представляетъ ничего бѣлорусскаго, а только литовское.

⁴⁾ Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zbierał i przekładał Romuald Zienkiewicz. Kowno, 1851. 8°. XVII (пред. и оглавленіе) и 414 стр.

доживавшій свой вѣкъ въ крайней бѣдности и слѣпотѣ. Его отношеніе къ дѣлу было почти столь же простодушное, какъ у Чечота, но онъ пошелъ дальше тѣмъ, что къ своему польскому переводу уже вездѣ прилагаетъ *en regard* бѣлорусскій подлинникъ, переданный, по обычаю, польской азбукой. Главная доля сборника состоитъ изъ пѣсенъ надъ рѣками Пиной, Припетью и Цной (болѣе 200 пѣсенъ, стр. 1—377) и затѣмъ прибавлено нѣсколько пѣсенъ изъ волинскаго Полѣсья, съ Буга, въ окрестностяхъ Любomla. Въ небольшомъ предисловіи онъ указываетъ въ пѣсняхъ прелесть первобытной поэзіи, чуждой всего искусственнаго, и интересъ ихъ какъ остатка далекой древности: „эти именно соображенія побудили меня къ собиранію народныхъ пѣсенъ, а пріютъ, который — когда лодка моя разбилась — я, во мракѣ вѣчной ночи (намекъ на его слѣпоту), находилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ пинскомъ краѣ, въ домѣ князей Іеронимовъ Друцкихъ-Любецкихъ, далъ мнѣ къ этому удобный случай“. Пѣсни онъ помѣщалъ „безъ всякихъ измѣненій и передѣлокъ, какъ ихъ слышалъ въ пѣніи“; въ расположеніи—руководился временемъ, когда онѣ поются народомъ, причѣмъ помѣстилъ и краткое описаніе обрядовъ; но полное объясненіе собиратель оставлялъ историкамъ и археологамъ. Въ переводѣ—говоритъ онъ,—старался вѣрно передать духъ и внѣшнюю форму подлинника; но самъ сознается, что иной разъ желалъ придать пѣснямъ, слишкомъ отрывочнымъ, болѣшую цѣльность—и переводы выходили обширнѣе подлинника. Кое-гдѣ Зенкевичъ уклонился отъ передачи нѣкоторыхъ подробностей, непріятныхъ для польскаго уха, хотя сохранилъ ихъ въ бѣлорусскомъ подлинникѣ пѣсни ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вдается въ небольшія миеологическія объясненія—его параллели взяты иногда изъ библейскихъ сказаній, а особенно изъ греческой миеологии; конечно, объясненія совершенно отрывочны и случайны ²⁾.

Далѣе, мы встрѣчаемъ еще одну работу Зенкевича: „Объ урочищахъ и обычаяхъ пинскаго народа и также о характерѣ его пѣсенъ“ ³⁾: это—заслуживающее вниманія описаніе нѣкоторыхъ урочищъ

¹⁾ Напр., на стр. 282: звѣздочка свѣтитъ—*nie dla ciebie, wgaży wuçu, Łazze*—эти слова остались непереуведенными. Пѣсна о Гонтѣ, предводителѣ уманьской рѣзни, и его казни (стр. 394—398), оканчивается нравоученіемъ (угрозой) не для поляковъ, а для украинцевъ.

²⁾ Первый небольшой сборникъ Зенкевича, изъ 34 пѣсенъ, напечатанъ былъ еще въ 1847 году въ „Атенеѣ“ Крашевскаго (*Athenaeum, pismo zbiorowe, Wilno*, ч. IV, стр. 146—186: *„Pieśni ludu, zebrane w Pińszczyźnie i przełożone“* и пр.), а еще ранѣе онъ далъ образчикъ бѣлорусскихъ пѣсенъ въ изданіи Киркора: *„Rade-gast“*, 1843. Пѣсни „Атенеа“ представляютъ нѣкоторые варианты въ записи, иногда болѣе, кажется вѣрные, чѣмъ въ изданіи 1851 г., иногда—наоборотъ.

³⁾ *Biblioteka Warszawska*, 1852, т. IV, стр. 505—527; продолженія, въ 1853-мъ,

пинскаго края, связанныхъ съ народными преданьями, и описаніе обычаевъ, колядскихъ, свадебныхъ и пр., служащее комментариемъ къ пѣснямъ.—Зенкевичъ умеръ въ 1868 г. ¹⁾).

Время съ тридцатыхъ до начала шестидесятыхъ годовъ представляетъ въ польской литературѣ значительное развитіе интереса къ изученію западно-русскаго края. Виленскій университетъ, закрытый послѣ возстанія въ 1832 г., успѣлъ возбудить умственную жизнь; Вильна оставалась однимъ изъ главныхъ центровъ польскаго литературнаго движенія, въ которомъ здѣсь участвовали и нѣкоторые изъ бывшихъ профессоровъ университета. Такимъ отголоскомъ прежняго была дѣятельность Чечота. Въ сороковыхъ годахъ Крашевскій издавалъ въ Вильнѣ свой „Атенеѣ“, Киркоръ (съ псевдонимомъ Jan ze Śliwina) издавалъ періодическіе сборники „Radehast“ и „Teka Wileńska“; въ Вильнѣ работали мѣстные изслѣдователи, какъ Ярошевичъ, Балинскій, гр. Тышкевичъ, Сырокомля и другіе, — трудами которыхъ, особливо первыхъ, обильно пользовались потомъ первые русскіе изслѣдователи исторіи и этнографіи западнаго края. Такъ, Іосифъ Ярошевичъ, авторъ упомянутой раньше книги объ исторіи „Литвы“, бывший профессоръ виленскаго университета, писалъ о статистикѣ и этнографіи Гродненской губерніи ²⁾; въ томъ же „Атенеѣ“ Крашевскаго помѣщены были этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ кобринскаго уѣзда той же губерніи ³⁾; извѣстному поэту Сырокомлѣ (Кондратовичу) принадлежитъ монографія о Минскѣ, современномъ и историческомъ ⁴⁾; далѣе, изслѣдованія по исторіи и этнографіи края Н. Малиновскаго и особливо Киркора, труды котораго наполовину принадлежатъ русской литературѣ и о которомъ скажемъ далѣе. Одно изъ лучшихъ произведеній этой польско-бѣлорусской этнографіи есть книга гр. Евстафія Тышкевича, составившаго себѣ почетную извѣстность особливо археологическими трудами: „Описаніе Борисов-

у насъ не было подъ руками. Раньше онъ помѣстилъ статью: „O kurhanach i grodziskach powiatu Oszmianskiego“, въ „Атенеѣ“ Крашевскаго, 1848, V, стр. 119—128.

¹⁾ Encyklop. Powszechna, Огпельбранда, а. в.

²⁾ Materiały do statystyki i etnografii Gubernji Grodzieńskiej. Powiat Bielski, — „Athenaeum“, 1848, т. VI, стр. 168—186. Здѣсь, между прочимъ, замѣтки о народномъ бытѣ бѣлоруссовъ, о тяжеломъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ сравнительно съ государственными, два образчика пѣсенъ, указаніе на другіе образчики въ книгѣ Войницкаго, 1836, и въ 1-мъ выпускѣ „Ondyny“ друскеницкой, 1846.—Эта статья Ярошевича (Статистико-этногр. свѣдѣнія о Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи) явилась по-русски въ „Гродн. Губ. Вѣдом.“ 1848, 20—22.

³⁾ Kilka zagadów z życia ludu wiejskiego w Kobryńskiem. Przez K., — „Athenaeum“, 1850, ч. IV, стр. 165—187.

⁴⁾ Mińsk, „Teka Wileńska“, 1857, № 1, стр. 173—232; № 2, стр. 183—204. Въ исторіи этого края Сырокомля считаетъ, что Слово о полку Игоревѣ есть поэма бѣлорусская и что Балиъ жилъ именно въ Минскѣ; см. „Teka“, I, стр. 208.

Книга составлена мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, который сформанъ былъ гр. Тышкевичемъ какъ предводителемъ (маршалкомъ), подъ его предсѣдательствомъ, и по порученію г. А. А. Церовскому, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, „разному начальнику“, которому „обязаны своимъ разнороднымъ статистическія работы въ имперіи“. Книга даетъ подробное и обстоятельное описаніе по тѣмъ предметамъ, какіе указывались въ статистическихъ программахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ отдѣлѣ этнографическомъ, быть можетъ, давала больше, чѣмъ тогда требовалось этими программами.

Въ свѣдѣніяхъ статистическихъ (о пространствахъ, границахъ, населеніи и пр.), указаны историческія данныя о судьбѣ края отъ древнихъ до новыхъ временъ, археологическіе остатки, свѣдѣнія о орудіяхъ и мѣстечкахъ, церквахъ православныхъ и католическихъ; географическое и естественно-историческое описаніе края, далѣе, описаны хозяйство, хлѣбныя растенія, промыслы; свѣдѣнія медицинскія; образованіе, научныя собранія, — наконецъ, народная жизнь (стр. 286—446). Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщено множество любопытныхъ данныхъ, описаній обрядовъ съ сопровождающими ихъ пѣснями. Здѣсь выдѣлены особенно двѣ статьи: обряды деревенскаго народа съ береговъ Березины, собранные въ Побережьи и Скуплинѣ въ 1846 г., Е. М., и свадебные обряды въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ приходѣ Гаенскомъ, наблюдавшіеся въ 1800, 1801 и 1802 гг. съ нѣкоторыми пѣснями; это послѣднее есть работа Игн. Шидловскаго, перепечатанная изъ его журнала 1819 г. ²⁾ Далѣе, описаніе обрядовъ жнивныхъ съ ихъ пѣснями; народное чарованіе, суевѣрія, примѣты; собраніе пословицъ, расположенныхъ по рубрикамъ бытовыхъ отношеній и нравственныхъ понятій.

Въ западномъ краѣ и послѣ паденія польскаго государства шла та же польская жизнь, въ иныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, даже поддержанная русскою властью. Здѣсь, какъ и на Украинѣ, польское крѣпостное право надъ русскими приобрѣло болѣе спокойную прочность; іезуитство было уничтожено въ 1773 въ Польшѣ, но въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, было сохранено наперекоръ папской буллѣ, потому что іезуиты счумѣли здѣсь выставить себя вѣрнѣйшими подданными, и когда въ самой Польшѣ (до послѣдняго раздѣла) началось и сильно развивалось движеніе въ болѣе свѣжемъ

¹⁾ Opisanie powiatu Boryowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o Obyczajach, Spiewach, Przysłowiach i Ubiorach ludu, Gusiach, Zabo-
bonach i t. d. Wilna, 1847. 446 и 43 стр.

²⁾ Tygodnik Wileński, 1819, т. VII, стр. 1 и 81.

просвѣтительномъ духѣ, въ западномъ краѣ еще долго господствовала іезуитская школа въ старомъ духѣ. Высшіе классы оставались и подъ русскимъ владычествомъ тѣмъ же, чѣмъ были прежде, и судьба народа оставалась та же. Образовательное движеніе, начавшееся въ Польшѣ, наконецъ проникло и сюда и выразилось основаніемъ Виленскаго университета; съ развитіемъ новой литературы, гдѣ, какъ упомянуто, нашла мѣсто довольно распространенная (хотя неглубокая) народно-романтическая струя, умственная жизнь получила новую складку: возникъ интересъ къ народнымъ массамъ. Нельзя было не видѣть, что въ западномъ краѣ эти массы были въ громадномъ большинствѣ чужды польской національности — русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ-либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти иныя средства просвѣщенія и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ средствъ и путей польскихъ. Рядомъ съ этимъ была любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенностямъ, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чужды были народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ; многіе изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно полонизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „застѣнковой“, „околичной“ шляхтѣ — тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни, и въ мѣстномъ патриотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патриотизмъ былъ „бѣлорусскій“, но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій — по любви къ территоріальной родинѣ, ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самого бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ считался... Мы замѣчали уже, что въ этомъ взглядѣ на западный край какъ на край польскій у насъ видать неисправимую злонаправленность польскихъ патриотовъ, и повторимъ, что съ другой стороны, напротивъ, по вѣковой исторической судьбѣ края они весьма естественно приходили къ этой точкѣ зрѣнія: польская цивилизація, католицизмъ или унія, польскій языкъ и, наконецъ, польскій патриотизмъ казались единственнымъ путемъ, какой могъ предстать на-

роднымъ массамъ этого края... Намъ самимъ представляется обыкновенно, что или государство, или ходъ просвѣщенія должны только объединять инородные элементы подъ русское цѣлое; то же самое казалось полякамъ: сначала они объединяли государственной силой, потомъ присоединялась къ ней сила культурная, и послѣ паденія государства эта послѣдняя оставалась, и дѣйствительно—вслѣдствіе разныхъ условій, и между прочимъ нашего собственнаго признанія и содѣйствія — оказывала свое дѣйствіе. Съ XVI-го вѣка, и даже раньше, культурная жизнь инородныхъ областей Польши складывалась въ польскую форму; теперь, при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, продолжалось то же: польская литература украшалась именами „литвина“ Мицкевича, „украинцевъ“ Богдана Залѣскаго и Гошинскаго, „бѣлорусса“ Сырокомли и т. д., и если полякамъ трудно было увѣриться, что для Украйны окончательно наступилъ иной періодъ и путь развитія, то для бѣлорусской народности они такого пути еще не видѣли: она оставалась въ сферѣ польскаго культурнаго господства, — и сами русскіе долго не подозрѣвали возможности и необходимости наступленія иныхъ отношеній.

Въ сороковыхъ годахъ, когда совершались упомянутые польскіе этнографическіе труды по изученію бѣлорусскаго края, мѣстные патриоты говорили о „бѣлорусской литературѣ“, радовались ея возникновенію и желали ей успѣховъ. Какая же это была литература? — Всего меньше она была на бѣлорусскомъ языкѣ: она понималась, главнымъ образомъ, территоріально; это была литература польская, относившаяся къ Бѣлоруссіи, изображавшая ея природу, нравы и обычаи, мѣстные особенности — въ томъ числѣ она касалась народнаго, а иногда вмѣщала въ себѣ и сочиненія на бѣлорусскомъ языкѣ. Словомъ, это была польская провинціальная литература. Ея начатки возникали въ самой средѣ обыденной жизни; въ частныхъ явленіяхъ мѣстнаго быта находились матеріалъ для легкой беллетристики, шутки и домашней сатиры; часто эта литература была письменная, ходила по рукамъ, любопытная и иногда только туземцамъ понятная; иной разъ она касалась и народной жизни; наконецъ, эти попытки выступали и на обще-литературную сцену... Укажемъ два-три примѣра.

Этотъ мѣстный интересъ сталъ сказываться еще съ конца прошлаго столѣтія, и любопытно, что однимъ изъ первыхъ его проявленій была здѣсь, какъ и въ малорусской литературѣ, Энеида наизнанку, переложенная на бѣлорусскіе народные нравы и на бѣлорусскомъ языкѣ. Авторомъ этой „Энеиды“ былъ нѣкто Маньковский, проживавшій въ Могилевѣ и бывшій потомъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. По словамъ польскаго мѣстнаго историка, эта поэма, изображающая, подъ

видомъ героевъ Виргиліевой поэмы, быть богатыхъ бѢлорусскихъ хлопцовъ,—чисто народна по своему духу и формѣ, и представляетъ совершеннѣйшій образецъ бѢлорусской шутки и юмора, и вмѣстѣ чистѣйшій образецъ бѢлорусскаго языка. „Энеида“ Маньковскаго пользовалась великой популярностью въ средѣ мелкой шляхты, ходила въ рукописяхъ, стихи ея заучивались, но о самомъ авторѣ извѣстно было (и, кажется, осталось) очень мало ¹⁾.

Опуская другихъ писателей польскихъ, которые изображали бѢлорусскій край и его жизнь, какъ Каз. Буйницкій, Александръ Гроза, Лада-Заблонецкій и другіе, упомянемъ еще о писателѣ, котораго бѢлорусско-польскіе мѣстные патріоты называли въ сороковыхъ годахъ „львомъ“ этой литературы. Это былъ Янъ Барщевскій, род. въ 1794 г. БѢлорусскій уроженецъ (его родина—витебская губ.), онъ принадлежалъ къ той многочисленной, но бѣдной шляхтѣ этого края, которая, по словамъ его польскаго біографа, „не имѣя сознанія о своей сущности, имѣетъ наиболѣе народныхъ жизненныхъ элементовъ и сохраняетъ съ несглаженнымъ цивилизаціею характеромъ наиболѣе народныхъ воспоминаній. Этотъ бѣдный классъ шляхты, имѣющій такія близкія связи съ классомъ народа сельскаго, что почти сливается съ нимъ, представляетъ собой переходъ и соединеніе этихъ двухъ сословій“,—которымъ Барщевскій и посвятилъ свое перо. Онъ учился въ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ, еще въ школѣ приобрѣлъ репутацію стихотворца и писалъ стихотворенія и „орачіи“ на торжественные школьные случаи; возвращаясь домой на вакаціи, онъ занимался стихотворствомъ другого рода, писалъ шуточные стихи и каррикатуры, которые очень нравились, такъ что бѣдный поэтъ былъ желаннымъ гостемъ у „застѣнковой“ шляхты своего края, которая вознаграждала его творчество натурой—мѣрой гороху, пшеницы и т. п. Эта самая шляхта доставила ему типы, которые онъ изображалъ потомъ въ своихъ повѣстяхъ; нѣкоторые его стихи, на бѢлорусскомъ языкѣ, приобрѣтали большую популярность, расходились „по всей БѢлоруссіи“ (говоритъ его біографъ) и, „наравнѣ съ Маньковскимъ“, ставили его во главѣ истинно-народныхъ бѢлорусскихъ писателей“. Онъ отправился потомъ въ Петербургъ, былъ гувернеромъ, учителемъ греческаго и латинскаго языковъ, а дѣлтомъ уходилъ пѣшкомъ въ свою БѢлоруссію; съ нимъ, въ шапкѣ, были его тетрадки, писанныя стариннымъ почеркомъ и старинной орфографіей; свое время проводилъ онъ въ народной и полу-народной мелко-шляхетской средѣ, которую зналъ совершенно. Свою печатную литературную дѣятель-

¹⁾ Отрывокъ этой поэмы напечатанъ былъ въ „Маякѣ“, 1845, т. XXIII, Сѣтъ, стр. 33—39: „Отрывокъ изъ Энеиды павзанку на бѢлорусскомъ крестьянскомъ нарѣчїи“.

ность онъ началъ изданіемъ періодическаго сборника „Niezabudka“, которому приписываютъ ту заслугу, что онъ будилъ интересъ къ литературѣ въ томъ кругу, гдѣ до тѣхъ поръ единственнымъ чтеніемъ были календари. Барщевскій началъ стихотворными балладами изъ народнаго быта и преданій и затѣмъ перешелъ къ рассказамъ, которые составили основаніе его литературной репутаціи. Польскіе критики сороковыхъ годовъ ставили его очень высоко ¹⁾).

Съ нынѣшней и русской точки зрѣнія, рассказы Барщевского, пожалуй, не представятъ такихъ достоинствъ, какія видѣлись польскимъ критикомъ; изображенія быта не идутъ глубоко, отношеніе къ народу остается покровительственное — но и неясное; нѣтъ того непосредственнаго интереса къ народу, который былъ бы нуженъ и для цѣлей искусства, и диктовался бы мыслью о социальномъ положеніи народа. Но въ тогдашнихъ условіяхъ, когда и въ русской литературѣ только еще готовилось это простое, гуманно-реальное представленіе народа въ понятіяхъ общественныхъ и художественныхъ, а литература польская была еще болѣе далека отъ подобнаго представленія, рассказы Барщевского могли явиться любопытною новостью, пріятною для мѣстныхъ патріотовъ изображеніями быта ихъ родины, а также пріятною и для тѣхъ, кто уже думалъ, что должны установиться иныя, болѣе человѣчныя отношенія къ хлопству. Рассказы построены очень просто: авторъ пріѣзжаетъ на родину и живетъ у своего дяди, шляхтича Завальни, мѣстнаго старожилы, знающаго весь околотовъ, и встрѣчаетъ у него разнородныя лица, которыя и проходятъ въ рассказѣ съ цѣлымъ рядомъ исторій, рисующихъ мѣстную жизнь, народныя нравы, суевѣрія и т. п. Рассказъ ведется въ тонѣ добродушнаго юмора, съ образчиками народной рѣчи и пѣсни ²⁾).

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ выступалъ съ своими сочиненіями на бѣлорусскомъ языкѣ мѣстный патріотъ Винцентій Дунинъ-Марцинкевичъ, котораго одна пьеса на бѣлорусскомъ языкѣ давалась даже въ Минскѣ на сценѣ съ большимъ успѣхомъ ³⁾).

¹⁾ См. собраніе рассказовъ Барщевского: *Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach przez Jana Barszczewskiego. Poprzedzone krytycznym rzutem oka na literaturę Białoruską przez Romualda Podbereskiego. Wydał Jan Eynlerling. Petersburg, 1844 — 1846, 4 книжки. Ср. письмо Головинскаго къ Мих. Грабовскому, „Pielgrzym“, 1843, т. II, июнь.*

²⁾ Имя этого писателя появлялось тогда и въ русской литературѣ; см. „Очерки сѣверной Бѣлоруссіи“, Яна Барщевского, въ „Иллюстраціи“, 1846, № 10.

³⁾ Это была „Sielanka“, комедія въ 2 д., Вильно, 1846. Затѣмъ имъ были изданы „Haron, powieść białoruska, z prawdziwego zdarzenia, w języku białoruskiego ludu napisana. Mińsk, 1855 (здѣсь же и другія стихотворенія и пьесы на польскомъ языкѣ); „Wieczernice“, тамъ же, 1855; „Ciekawys? — przeczytaj“, 1856, гдѣ, кромѣ польскаго стихотворства, помѣщены: „Kupała, powiastka ludowa, w białoruskiem narzeczu“;

Въ художественномъ отношеніи произведенія его не требуютъ критики; они любопытны только какъ бытовая черта. Въ предисловіи къ своему „Галону“, авторъ объясняетъ, что въ своей пьесѣ „имѣлъ въ виду, чтобы наши обыватели, въ выборѣ на помощь себѣ официалистовъ (управляющихъ), обращали попечительное вниманіе на ихъ характеръ и нравы: потому что они, злоупотребляя иногда ввѣренной имъ властью, для собственныхъ выгодъ притѣсняютъ трудолюбивый народъ и чрезъ это, часто самымъ невиннымъ (т.-е., конечно, со стороны самихъ пановъ) образомъ, навлекаютъ на пановъ его ненависть... И для того также я писалъ на языкѣ крестьянъ, чтобы пьеса, иной разъ прочитанная имъ въ праздничный день, могла привлечь ихъ сердца къ панамъ и тѣмъ же соединить ихъ интересомъ общей выгоды, и вмѣстѣ, чтобы уничтожить то, какъ будто врожденное, отвращеніе, съ какимъ нашъ крестьянинъ относится къ служенію краю“. Въ примѣръ для крестьянъ и въ совѣтъ помѣщикамъ выставляется, напр., трудолюбивый и добродѣтельный „хлопекъ“, который получаетъ отъ пана награду; авторъ пишетъ на бѣлорусскомъ языкѣ особое „повиншованіе“ въ стихахъ, которыми „войтъ Наумъ“ поздравляетъ панну въ день ея именинъ и т. п.

Прибавимъ еще, что тотъ же Марцинкевичъ сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Пана Тадеуша“ (первая часть, Вильно, 1856). Другой польско-бѣлорусскій писатель, Даревскій-Верига, кромѣ собственныхъ сочиненій, сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Конрада Валленрода“, оставшійся, впрочемъ, ненапечатаннымъ. По словамъ Киркора, „известный польскій поэтъ Сырокомля (Людвигъ Кондратовичъ) не только отлично зналъ языкъ бѣлорусскій, но зналъ народъ, любилъ его, понималъ его нужды, его желанія, проникалъ всю глубину его чувства, зналъ его преданія, поговорки. Поэтому не удивительно, что его бѣлорусскіе пѣсни особенно любимы народомъ. Ихъ поютъ вездѣ, хотя немногіе уже знаютъ, кто былъ ихъ авторомъ“ ¹⁾).

„Dudarz białoruski, czyli wszystkiego potrosze“. Mińsk, 1857, гдѣ опять, среди польскихъ пьесъ, помѣщены „Szczegółuskie Dożynki“, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ нарѣчій. Шилевскій упоминаетъ о „Селянѣхъ“ Марцинкевича какъ объ „известной народной опереткѣ“ („Пантеонъ“, 1854, т. XV, стр. 51).

¹⁾ „Живописная Россія“, изд. Вольфа, т. III, 1882, стр. 327. Одинъ изъ писателей этой бѣлорусско-польской литературы, Казимиръ Буйницкій, издавалъ въ 40-хъ годахъ въ Вильнѣ періодическій сборникъ: „Rubon, pismo zbiorowe, poświęcone rozryteckiej rozgrywce“, гдѣ было дано мѣсто и интересу народно-поэтическому. Здѣсь участвовали, между прочимъ, известный польскій критикъ и этнографъ Мих. Грабовскій (большая статья: O gminnych ukraińskich podaniach, т. VI, 1845, стр. 145—218, главнымъ образомъ, на основаніи неизданныхъ собраній г. Кулиша), Киркоръ (Jan ze S.), Чечотъ (стихотворенія), гр. Платеръ (по археологін), и др. Въ V-мъ томѣ этого сборника, 1845, помѣщена статья: Rzut oka na poezję ludu Białoruskiego

Въ 1864 году дружокъ польско-бѣлорусскихъ писателей издалъ „Альбомъ“ въ случаю прибытія въ Вильну императора Александра II, въ немъ выражены вѣстныя патріотическія чувства и добрыя пожеланія. Въ „Альбомѣ“ который поднесетъ былъ императору Кир-доманъ и другие лица, принявъ участіе Одынецъ, помѣстившій въ него стихотвореніе, а между прочимъ, Валентій Коротыньскій, на- писавшій о немъ стихотвореніе отъ имени народа на бѣлорускомъ языкѣ. Въ томъ же „Альбомѣ“ въ немъ настроеніе было искреннее: выражено наискорѣе патріотическія чувства противъ вилевскаго „Альбома“ какъ противъ злостнаго „Альбома“.

С другой стороны Яковлевский имеет заслужить и для другого
для литературы: в 1901 году вышел по рубкам книжка „Съ поли-
тическия воззрѣнія“. Впечатлѣніе въ 1918 восстанія ²⁾).

Не видя отраженій въ другихъ явленіяхъ этой „блорус-
ской“ литературы, мы не имеемъ въ ней вообще отраженіе польскаго
судьбы въ моральномъ край какъ въ составную часть и польской тер-
риторіи и польской индивидуальности, и только въ самое последнее
время, когда польскій элементъ стало возникать представленіе
какимъ должно быть крайній пунктъ края, гдѣ требовалъ себя вни-
маніе и потому проявилъ элементъ бело-русскій.

... в 1918 году в Бухаринском — итебской губ.; здесь, ...
... в 1918 году в Бухаринском — итебской губ.; здесь, ...
... в 1918 году в Бухаринском — итебской губ.; здесь, ...

Воспоминания писателя того времени. Опять Клячко, писал по этому поводу один патриот, Корнелий Уейский, несколько статей в журнале „Z dystem rozarów“, написал не только о Клячке, но и о других писателях, в частности о Оленике, Игнатии Ходзьку, Николае Гумановиче, Клячке и о других. Вспомнил он „Dziennik Literacki“, 1860, в котором он писал: „...здесь в Лодзях, Петровиче и т.д.“, Корнелий Уейский, стр. 11—20.

[illegible]

...назад от старого Казанца в „Балтийской Рос-
сии“

ГЛАВА IV.

РУССКІЯ РАБОТЫ ПО БѢЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ.

Путешествіе имп. Екатерины II.—Двадцатые и тридцатые годы.—Протоіерей Григоровичъ.—П. М. Шпилевскій.—Сборникъ пѣсенъ, 1853.—Изданія Географическаго Общества.—Книга Безъ-Корниловича.—Труды офицеровъ генеральнаго штаба по описанію западнаго края: А. Коревы, П. Бобровскаго, И. Зеленскаго, М. Цебрикова.

Рѣзкій поворотъ въ судьбѣ бѣлорусской этнографіи начинается съ послѣдняго польскаго возстанія. Въ русскомъ обществѣ, можно сказать, въ первый разъ явилось тогда нѣсколько отчетливое представленіе о западномъ краѣ какъ о русскомъ, и лишь около того времени началось первое внимательное и научнымъ образомъ поставленное изслѣдованіе западно-русской вѣтви русской народности. Это было новое, послѣ уничтоженія униі, „возсоединеніе“ западнаго края съ русскимъ центромъ; къ сожалѣнію, дѣло, поднятое въ 1863 году въ исключительныхъ обстоятельствахъ, до сихъ поръ остается натянутымъ, неяснымъ и обоюднымъ. Интересъ общества къ западно-русскому вопросу не былъ, или не могъ быть, полный: въ сущности онъ былъ поставленъ только съ тѣсно политической точки зрѣнія, почти исключительно въ смыслѣ анти-польскихъ репрессалій, и собственно народно-общественная сторона дѣла не нашла въ то время, да и послѣ, возможности выясниться и высказаться...

Упомянутое возсоединеніе русской народности было очень запоздалое: главные части бѣлорускаго края почти уже сто лѣтъ находились въ соединеніи съ имперіей, и можно было бы ожидать, что національныя инстинкты ранѣе окажутъ свое дѣйствіе и произведутъ то сліяніе, о которомъ стали такъ много говорить съ 60-хъ годовъ. Причины этой запоздалости отчасти отмѣчены выше. Сліяніе возможно лишь тогда, когда для него работаютъ не однѣ внѣшнія, но и внутреннія силы, не только политическія, но и общественныя,

народныя, образовательныя. Между тѣмъ, какъ мы видѣли раньше, сама власть долгое время смотрѣла на западный край какъ на вполнѣ или наполовину польскій, и такъ-называемый культурный, и вмѣстѣ владѣльческій, классъ былъ въ самомъ дѣлѣ польскій или колонизованный до такой степени, что русская доля его была почти незамѣтна, оставалась почти безъ вліянія. Русское общество, до конца 50-хъ годовъ, было почти чуждо западно-русскому вопросу: оно не имѣло никакого голоса въ предметахъ, имѣвшихъ какой-нибудь политическій отбѣнокъ, и занято было тѣми заботами своего внутренняго развитія, какія оставались ему доступны и которыми сами по себѣ были слишкомъ серьезны, настоятельны и требовали не малыхъ усилій,—между тѣмъ западно-русскій вопросъ былъ именно политическій и народно-общественный. Говорить о „народѣ“ въ сколько-нибудь широкомъ и серьезномъ смыслѣ слова не было возможности до тѣхъ поръ, пока нельзя было коснуться существенной стороны его быта—крѣпостного права. Въ западномъ краѣ народный вопросъ былъ въ особенности вопросъ крѣпостной, тѣмъ болѣе мудреный, что владѣльческой стороной являлся классъ иноплеменный или почти иноплеменный. По всѣмъ обстоятельствамъ времени вопросъ оставался недоступнымъ для общественнаго мнѣнія, а вмѣстѣ для литературы: говорить о бѣлорусскомъ народѣ, какъ и принимать слишкомъ близко къ сердцу интересы народа русскаго (велико-русскаго) значило бы прежде всего говорить объ освобожденіи, о правѣ народа на лучшее гражданское положеніе, на школу и т. д. Не мудрено, что до начала новаго царствованія научный и общественный интересъ русскаго общества къ западному краю оставался отрывочнымъ и поверхностнымъ; не мудрено также, что первая, болѣе широкая мысль о предметѣ явилась только тогда, когда, при польскомъ возстаніи 1862—1863 года, оказалось, что небреженіе къ народному положенію западнаго края можетъ повлечь къ политической опасности или, по крайней мѣрѣ, къ политическому затрудненію и неудобству...

Одной изъ первыхъ и едва ли не первой русской книгой о западномъ краѣ былъ офиціальный путеводитель, изданный по поводу путешествія въ Бѣлоруссію импер. Екатерины II въ 1780 году ¹⁾. Книга начинается географическимъ описаніемъ мѣстностей и горо-

---

¹⁾ „Топографическія примѣчанія на знатнѣйшія мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстничества. 1780. При Спб. Импер. Акад. Наукъ“. Мал. 8°. Было сдѣлано заразъ два изданія: одно, снабженное гравюрными орнаментами—147 стр., другое, лишь съ немногими украшеніями—133 стр., но оба печатаны однимъ наборомъ. Описаніе Бѣлоруссіи—стр. 42—121, по первому изъ этихъ изданій.

довъ, лежащихъ на пути изъ Петербурга въ Бѣлоруссію (Красное Село, Ямбургъ, Нарва и пр.), и затѣмъ переходитъ къ описанію Бѣлоруссіи по тогдашнимъ намѣстничествамъ (полоцкое и могилевское) и ихъ уѣздамъ.

„Сія новая страна,—говорится здѣсь о Бѣлоруссіи,—коей краткое описаніе здѣсь слѣдуетъ, присоединена паки въ Россіи подъ благополучнымъ и славнымъ царствованіемъ Екатерины II. Название *Бѣлоруссіи* или *Бѣлой Россіи* разные писатели различно производятъ; иные думаютъ, что сіе названіе произошло отъ сибѣговъ; другіе—отъ обыкновенія восточныхъ народовъ называть Россійскихъ государей *бѣлыми царями*; иные же—отъ освобожденія податей (ибо всѣ неплатежныя земли изъ стари въ Россіи назывались *Бѣлыми землями*), когда сія страна подпала *Литовскому* владѣнію; но всѣ сіи догадки неосновательны,—сибѣгами не одна Бѣлоруссія покрывается; въ нашествіи татаръ на Россію прочія ея области не были симъ именемъ названы; отъ бѣлой или безоброчной земли тѣмъ менѣе производить можно, что Литва не могла попустить покоренной оружіемъ землѣ быть отъ всѣхъ податей свободною; въ свойствѣ же или цвѣтѣ земли нѣтъ никакого различія отъ околныхъ странъ. И такъ, вѣроятно, что сіе названіе дано произвольно сей завоеванной части отъ *Литвы* въ 14-мъ столѣтіи для различія отъ прочихъ странъ Россіи, какъ-то: *Великой, Малой и Червонной Россіи*“. Нѣкогда эта страна принадлежала русскимъ великимъ князьямъ, потомъ Россія была расхищена на части, но русскіе государи, начиная съ вел. князя Іоанна Васильевича, „начали паки присоединять оторванныя части“ — княжества черниговское, сѣверское, Смоленскъ; наконецъ, въ 1772 г., „все обстоятельствами временъ потерянное приобщено и утверждено подъ державу Екатерины II“. „Премудрыя узаконенія, утвердившія въ Россіи правосудіе... и показавшія всякому состоянію прямой свой долгъ, прямыя свои выгоды и прямыя свои упражненія“ (и между прочимъ доставившія „обществу дворянъ существенныя ихъ преимущества“), теперь „озарили и новопріобрѣтеныя области“, —внутренняя жизнь которыхъ подъ прежнимъ (польскимъ) владѣніемъ изображается самыми мрачными красками.

Названная книжка сообщаетъ о возвращенномъ русскомъ краѣ только внѣшнія топографическія и историческія свѣдѣнія, мало останавливаясь на вопросѣ о русскихъ свойствахъ населенія и его быта, что вообще забывалось за соображеніями политическими. Заѣзжіе русскіе, которымъ случалось бывать въ краѣ проездомъ и по службѣ, видѣли иногда и эту сторону западно-русскаго быта ¹⁾, но въ лите-

¹⁾ См., напр., Записки Добрынина, Мертваго и др., изданныя, впрочемъ, только въ новѣйшее время.

ратурѣ этотъ предметъ оставался незатронутымъ; и какъ мало даже въ образованномъ кругу понимались эти народныя отношенія Бѣлорусси, примѣръ этому мы указывали выше въ Запискахъ академика Севергина, которому край казался просто польскимъ, а его православные жители—„схизматиками“.

Въ концѣ концовъ, положеніе вещей должно было, однако, выясняться, и когда это выясненіе не достигалось средствами общественности, на него наводило научное изслѣдованіе—исторія и этнографія. Мы упоминали выше, что въ нашихъ журналахъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, начинаютъ появляться отдѣльныя этнографическія извѣстія о западномъ краѣ, взятыхъ изъ мѣстныхъ польскихъ источниковъ. Что касается до изслѣдованій историческихъ, то русская наука уже скоро заняла въ этомъ предметѣ самостоятельное положеніе. Древность западнаго края для историковъ польскихъ не могла не представляться болѣе или менѣе чуждой. Западный край вступаетъ въ политическія связи съ Польшей лишь съ конца XIV столѣтія, а тѣснѣе сближается съ нею только съ конца XVI столѣтія, съ люблинской уніи; русскій языкъ оставался въ литовскомъ княжествѣ языкомъ офиціальнымъ и придворнымъ и держался въ административномъ употребленіи даже въ XVII столѣтіи, но полякамъ онъ оставался чуждымъ—для нихъ край и его жизнь становились близки и понятны лишь съ распространеніемъ польскаго управленія, нравовъ, языка и католической церкви; собственно русское стало казаться все больше и больше провинціализмомъ и простонародностью. Между тѣмъ для историка русскаго западно-русская старина могла быть съ самаго начала совершенно доступна и понятна; о ней говорила та же старая лѣтопись, которая говорила о Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Галичѣ, потомъ Твери, Москвѣ, и т. д.; старый лѣтописецъ говорилъ о русскихъ племенахъ древняго западнаго края наравнѣ со всѣми другими русскими племенами; князья, владѣвшіе этимъ краемъ, были тѣ же князья Рюрикова рода; здѣсь была та же православная русская церковь, тотъ же народъ и языкъ, словомъ, это была естественная составная часть древняго русскаго цѣлаго. Такъ дѣло и было излагаемо въ „Исторіи“ Карамзина. Десятые и двадцатые года нынѣшняго столѣтія отличались особеннымъ возбужденіемъ историческаго интереса къ старинѣ, отчасти подъ вліяніемъ Карамзина, отчасти независимо отъ него, параллельно и въ помощь ему; историческія, филологическія и археологическія разысканія Калайдовича, Востокова, Малиновскаго, Арцыбышева, Успенскаго, Гіммонца, Эверса, Круга, Лерберга и т. д., все больше расширяли горизонтъ русской исторіографіи и, между прочимъ, въ сторону западнаго края. Въ этомъ послѣднемъ направленіи уже съ двадца-

тыхъ годовъ началъ работать извѣстный бѣлорусскій ученый, протоіерей Иванъ Григоровичъ, поддерживаемый знаменитымъ капцлеромъ Румянцовымъ. Протоіерей Григоровичъ (1792 — 1852) былъ сынъ православнаго священника въ г. Пропойскѣ (потомъ въ Гомелѣ), могилевской губерніи; онъ не былъ собственно бѣлорусъ (отецъ его былъ родомъ изъ Малороссіи), но онъ выросъ въ западномъ краѣ, учился потомъ въ петербургской духовной академіи, откуда снова вернулся на родину; здѣсь былъ назначенъ священникомъ и начальникомъ духовной школы въ мѣстечкѣ Гомелѣ (впослѣдствіи уѣздный городъ), принадлежавшемъ тогда графу Румянцову. Въ 1831 году онъ былъ переведенъ въ Петербургъ священникомъ—сначала въ финляндскій полкъ, потомъ къ церкви Аничковскаго дворца, былъ сдѣланъ членомъ Россійской академіи и Археографической комиссіи вскорѣ послѣ основанія этой послѣдней. Еще при поступленіи въ духовную академію Григоровичъ былъ извѣстенъ Румянцову, который назначилъ ему стипендію. Григоровичъ хорошо зналъ древніе языки и пристрастился къ занятіямъ русской древностью, которымъ, вѣроятно, помогла хорошая классическая школа. Живя студентомъ въ Петербургѣ, онъ бывалъ въ ученомъ обществѣ Румянцова и, вернувшись въ Бѣлоруссію, продолжалъ историческія занятія и сношенія съ извѣстѣйшими тогда филологами и археологами, какъ митрополитъ Евгеній, Калайдовичъ, Лобойко, Зубрицкій и др. Въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ сочиненіе по исторіи западно-русской церкви, оставшееся ненапечатаннымъ, а затѣмъ рѣшилъ собрать древніе акты, относящіеся къ исторіи западнаго края; при помощи Румянцова, онъ получилъ разрѣшеніе осматрѣть могилевскіе архивы, нѣсколько грамотъ доставилъ ему Румянцовъ, и изъ этого матеріала составилось изданіе, первая (и единственная) часть котораго вышла въ 1824 году ¹⁾. Собранные здѣсь акты, на русскомъ и польскомъ языкѣ, простираются отъ половины XV до XVII вѣка, и трудъ Григоровича былъ у насъ первымъ опытомъ обратиться къ самымъ источникамъ западно-русской исторіи, въ ея средніе вѣка, опытомъ, который впослѣдствіи продолженъ былъ массою изданій историческихъ актовъ западнаго края и гдѣ опять Григоровичъ работалъ раньше другихъ въ Археографической комиссіи. Въ Петербургѣ, въ 1834 году, онъ издалъ „Переписку папъ съ русскими государями“ и сочиненія знаменитаго бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго (который, по матери, приходился ему двоюроднымъ дѣдомъ), а вступивъ въ Археографическую комиссію, рабо-

¹⁾ Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ. Часть 1-я. Москва, 1824, 4°. Книга издана была гр. Румянцовымъ.

талъ преимущественно надъ двумя вещами: дополненіемъ иностранныхъ документовъ о Россіи, собранныхъ А. И. Тургеневымъ, и редакціей древнихъ русскихъ актовъ, особливо актовъ, относящихся къ западной Россіи ¹⁾. Наконецъ, о. Григоровичъ занимался составленіемъ бѣлорускаго словаря; только часть его была напечатана до смерти ²⁾.

Великая заслуга этой дѣятельности не требуетъ большихъ объясненій. Исторія—за отсутствіемъ другихъ средствъ общественнаго сознанія—оставалась однимъ изъ главныхъ основаній для пониманія судьбы и положенія современнаго наличнаго народа; изученіе исторіи должно было опереться на первыхъ источникахъ, и надъ этими источниками работалъ Григоровичъ. Иное изъ нихъ уже являлось въ польской литературѣ, гдѣ бѣлорусскіе памятники издавались въ польской переписи, какъ еще въ прошломъ столѣтіи сдѣланъ былъ сборникъ старыхъ польскихъ (и западно-русскихъ) государственныхъ актовъ, какъ теперь явился „*Latopisiec Litwy i Kronika ruska*“ въ первомъ изданіи Даниловича (Вильна, 1827) или „*Zbiór praw Litewskich*“, Дзялынскаго (Познань, 1836) и т. д.; нужно было, наконецъ, издать эти старыя памятники въ ихъ подлинномъ видѣ и въ болѣе полномъ собраніи. Необходимымъ былъ и словарь бѣлорусскій, чтобы выяснить окончательно вопросъ о характерѣ языка, который поляки хотѣли понимать или какъ лингвистическую смѣсь, или даже какъ простое мѣстное нарѣчіе польскаго языка, и который для русскихъ оставался, въ сущности, неясенъ до словарныхъ работъ Носовича и до новѣйшихъ изслѣдованій о его звукахъ и формахъ... Но труды Григоровича оставались только специальными, подготовительными трудами и началомъ для дальнѣйшей научной разработки предмета, а въ его представленіяхъ о языкѣ была еще немалая неопредѣленность и неточность. Труды Григоровича, какъ выше замѣчено, были началомъ тѣхъ обширныхъ изданій, которыя сдѣланы были потомъ Археографическими комиссіями въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, а также и другими учрежденіями и лицами.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ изслѣдованія о Бѣлоруссіи были все еще скудны. Въ основанномъ тогда „Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ“, который велся въ первое время Надеждинымъ, и въ подобномъ изданіи министерства государственныхъ иму-

¹⁾ Григоровичу принадлежитъ редакція первыхъ четырехъ томовъ этого изданія археогр. комиссій; надъ пятымъ онъ началъ работать.

²⁾ Планъ этого словаря, въ сокращеніи, напечатанъ былъ въ „Отчетѣ“ П-го отдѣленія академіи за 1848 г., а вполнѣ—въ его біографіи („Очеркъ жизни протоіерея І. І. Григоровича“, Н. Григоровича, въ „Страничкахъ“, 1861, т. II, стр. 308—388), стр. 332—337, прим.

щество стали появляться небольшія статьи о западномъ край съ официальными свѣдѣніями статистическими и особливо хозяйственными,—но очень мало статей общихъ, которыя могли бы служить не для одной характеристики внѣшняго быта, но и для объясненія мѣстныхъ общественныхъ и народныхъ отношеній. Статьи послѣдняго рода рѣдки. Таковы были, напр., „Замѣтки о Бѣлоруссіи ¹⁾”; это не болѣе какъ отрывочныя путевыя замѣтки, сдѣланныя чело-вѣкомъ, мало приготовленнымъ къ наблюденію и, кажется, не имѣвшимъ для того и времени; основнымъ его впечатлѣніемъ остается то, что этотъ край, нѣкогда чисто русскій, несмотря на воссоединеніе (при которомъ надо было предположить вліяніе русской власти и русской жизни), все еще носилъ польскій характеръ ²⁾.

Изъ работъ собственно этнографическихъ можно опять отмѣтить рядъ небольшихъ отрывочныхъ статей въ журналахъ и газетахъ ³⁾.

¹⁾ Н. С. Щукина; см. Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1846, т. XIV, стр. 1—49.

²⁾ Напр. „Въ Витебскѣ (авторъ ѣхалъ изъ Петербурга) господствуетъ уже польскій языкъ. Дворяне и чиновники говорятъ между собою и съ жидами по-польски. Они привыкли воображать себя поляками, потому что предки ихъ, волею и неволею, приняли католическій законъ и два съ половиною столѣтія были подданными Польши. Но вотъ уже прошло три четверти вѣка, какъ они возвращены Россіи: пора бы и обрусѣть опять! Дамы и дѣвицы лучшаго круга почти всѣ говорятъ по-французски, а по-русски съ грѣхомъ пополамъ“ (стр. 16).

„Долговременное пребываніе Бѣлоруссіи подъ польскимъ владѣтельствомъ измѣнило архитектуру нашихъ церквей: онѣ построены здѣсь по образцу католическихъ, въ одинъ этажъ и съ двумя колокольнями. Отъ католиковъ, кромѣ того, перенято и многое другое; такъ, напримѣръ, простой народъ при входѣ въ церковь становится на колѣни и пѣлуется погъ, а грамотные, въ продолженіе литургіи, читаютъ молитвенникъ“ (стр. 29).

„...Дворяне здѣшніе (въ могилевской губ.) почти всѣ исповѣдуютъ ученіе западной церкви и говорятъ между собою испорченнымъ (?) польскимъ языкомъ. Нѣтъ нужды, что въ древности были здѣсь русскія княжества... Нѣтъ нужды, что настоящіе поляки, жители царства польскаго, оскорбляются (?), когда чужіе навязываются имъ въ родство: вѣковыя привычки, хотя и принаты насильно, упорны какъ застарѣлыя раны. Есть нѣсколько помѣщиковъ чисто русскихъ; есть и туземцы, исповѣдующіе православіе; но ихъ очень немного... Въ каждомъ помѣщикѣ замѣтны болѣе или менѣе слѣды полученнаго въ молодости образованія... Воспитаніе женскаго пола такое же, какъ у насъ. Въ отдаленныхъ уѣздахъ дѣвицы вовсе не знаютъ по-русски, кромѣ тѣхъ немногихъ, которыя воспитаны въ институтахъ“... (стр. 33 — 34). Въ упомянутомъ замѣчаніи, что чистые поляки оскорбляются, когда „чужіе“ (т.-е. люди западнаго края) „навязываются имъ въ родство“, авторъ, кажется, ошибался или былъ неточенъ; напротивъ, какъ мы не разъ упоминали, польская точка зрѣнія состояла въ томъ, что западный край есть нераздѣльная часть польской національной территоріи.

Отзывы о положеніи крестьянъ—самые печальныя (стр. 35—39). Вообще авторъ жалуется, что „Бѣлоруссія худо изслѣдована, и того хуже описана“ (стр. 21).

³⁾ Напр., въ „Маякѣ“: „Слова два о языкѣ и грамотности Бѣлой Руси“, Цито-

Въ мѣстныхъ изданіяхъ, губернскихъ вѣдомостяхъ и „памятныхъ книжкахъ“, которыя начинаютъ издаваться по губерніямъ съ пятидесятихъ годовъ, все чаще являются статьи, посвящаемыя особливо статистикѣ, а частію и этнографіи края ¹⁾. Въ „Виленскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“, издававшихся тогда по-русски и по-польски, и въ „Памятныхъ книжкахъ“ (которыя въ 1850 — 54 гг. выходили подъ редакціей Киркора), помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей по старинѣ и этнографіи западнаго края и особенно виленской губерніи; это были по преимуществу работы Киркора ²⁾. Впослѣдствіи труды его являются въ изданіяхъ Географическаго Общества.

Къ собственной этнографіи принадлежать за это время довольно многочисленные труды Шпилевскаго (Пав. Мих., 1827—1861). Шпилевскій родился или провелъ дѣтство въ захолустьяхъ Бѣлоруссіи ³⁾, и видимо наслушался съ дѣтства сказокъ, пѣсенъ, видывалъ обряды, потомъ не мало и читалъ. Его работы были новостью въ нашей этнографической литературѣ и характеризуютъ, между прочимъ, ея тогдашнее состояніе. Послѣ первыхъ небольшихъ работъ, онъ помѣстилъ въ 1846 году нѣсколько статей въ „Журналѣ министерства просвѣщенія“ подъ псевдонимомъ „Древлянскаго“ ⁴⁾; это — работы очень юношескія, нерѣдко совсѣмъ простодушныя. Въ этнографіи и

вича, 1843, т. IX, Смѣсь, стр. 38; „Бѣлорусскія поговорки“, В. Васильева, 1844, т. XV, Смѣсь, стр. 29, и 1845, т. XXII, стр. 58; XXIII, стр. 144; „Памятники бѣлорусской письменности“, А. Кавелина, т. XXIII. Выше упомянуто, что здѣсь напечатанъ былъ и отрывокъ бѣлорусской „Энеиды навязанку“, Маньковскаго.

Въ „Москвитинѣ“:— „Гедьки“, П. Кушина, рассказъ изъ бѣлорусской жизни съ нѣсколькими пѣснями, плясовыми и свадебными, 1843, т. IV, стр. 383—412.

Въ „Моск. Вѣдомостяхъ“:— „Бѣлоруссія, этнографическій очеркъ“, А. Васковскаго, 1854, № 148—149, 152—153, и др.

¹⁾ Укажемъ, напр., „Путевныя замѣтки о западной и юго-западной Россіи“, К. И. Арсеньева, въ „Вилен. Губ. Вѣдом.“ 1846, № 21 — 23, и его же „Статист. очерки Россіи“, Спб. 1848;— „Бѣлорусскія пословицы“, собранныя и объясненныя новозибковскимъ протоіереемъ, К. Мальчевскимъ, въ „Могил. Губ. Вѣдом.“ 1850, № 40—42, 45, и др.

²⁾ „Исторія, географія, этнографія и статистика западныхъ губерній, и виленской въ особенности“, „Вил. Губ. Вѣдом.“ 1847, № 15—19 и дал.; „Этнографія вил. губерніи“, тамъ же. 1848, № 1; въ „Пам. книжкѣ виленской губерніи“ на 1852 г.: „Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отеч. исторіи въ вил. губерніи“ и пр., и „Очерки городовъ вил. губерніи“.

³⁾ Ср. „Современникъ“ 1853, іюль, отд. II, стр. 13. „...Родной бѣлорусскій языкъ... нѣкогда, въ годы младенчества и дѣтства, раздавался въ ушахъ моихъ, когда добрая старушка-няня убаюкивала меня фантастическими сказками о шапочкѣ-невидимкѣ, о заклятыхъ князьяхъ и княжнахъ, о Бабѣ-ягѣ костяной-ногѣ“.

⁴⁾ „Бѣлорусскія народныя преданія (повѣрья)“, въ прибавленіяхъ къ Журн. мин. просв. 1846, кн. I, стр. 4 — 25; кн. IV, стр. 85 — 125; 1852, Литер. приб., № 3, стр. 1—32 (послѣдняя статья уже съ подписью Шпилевскаго).

особливо въ міеологіи онъ былъ самоучка, между тѣмъ на этотъ разъ его тянуло именно къ міеологіи. Собирая народныя преданія, Шпилевскій увѣренъ, что находитъ въ нихъ самое прямое продолженіе языческой древности, и насчитываетъ у бѣлоруссовъ цѣлыя десятки языческихъ „боговъ“ и „богинь“, которыхъ описываетъ иногда съ большими подробностями—ихъ вида, одѣянія, ихъ добрыхъ и злыхъ дѣйствій... Въ примѣръ довольно привести его толкованія „толоки“ (то, чтó у великоруссовъ называется обыкновенно „помочью“); по объясненію Шпилевского, бѣлорусская „толока“ есть „покровительница жатвы и плодородія“, и въ пѣсняхъ, которыя поются при случахъ толоки, онъ находитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ Цереру ¹⁾.

Въ 1853 Шпилевскій напечаталъ еще одно свое изслѣдованіе изъ области бѣлорусской міеологіи ²⁾, любопытное по приведенномъ здѣсь народнымъ повѣрьямъ и разсказамъ, насколько они достовѣрны.

Въ томъ же году, Шпилевскій началъ два ряда статей о Бѣлоруссіи, въ „Пантеонѣ“ и въ „Современникѣ“ ³⁾.

Первыя представляютъ, въ отдѣльныхъ главахъ, пересказъ народныхъ бѣлорусскихъ преданій и сказокъ, и описаніе различныхъ обрядовъ и обычаевъ съ принадлежащими къ нимъ пѣснями. Въ предисловіи Шпилевскій, повторяя нѣсколько словъ изъ прежней статьи о бѣлорусскихъ преданіяхъ, указываетъ богатство сохранившихся въ бѣлорусскомъ народѣ древнихъ языческихъ преданій—о духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдмахъ, заклятыхъ людяхъ, русалкахъ, оборотняхъ и другихъ страшилищахъ, преданій, которыя, по его словамъ, „съ теченіемъ времени облеклись только въ поэтический вымыселъ и приняли живописный колоритъ въ устахъ разсказчика“... „Такова Бѣлоруссія въ настоящее время!.. И потому не можетъ не обращать на себя вниманіе образованнаго человѣка—русскаго, желающаго ознакомиться съ древнимъ бытомъ своихъ единоплеменныхъ собратьевъ... Насъ интересуютъ преданія и вѣрованія древнихъ грековъ и римлянъ, мы пишемъ объ ихъ нравахъ, міеологіи, языкѣ, даже пир-

¹⁾ Журн. мин. пр. 1846, приб. IV, стр. 111—118.

²⁾ „Изслѣдованіе о вовкалакахъ на основаніи бѣлорусскихъ повѣрій“, Москвитининъ, 1853, т. II, ч. 5, стр. 1—30.

³⁾ „Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ“; Пантеонъ, 1853, т. VIII, кн. 4, Смѣсь, стр. 71—96; т. IX, кн. 5—6, стр. 1—20, 1—34; т. X, кн. 7, стр. 15—56; 1854, т. XV, кн. 5—6, стр. 21—44, 47—68 (здѣсь одной статьи мы не имѣли подъ руками); 1856, кн. 1, стр. 1—30; кн. 3; стр. 1—28.

— „Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю“, Современникъ, 1853 г., т. XXXIX, стр. 75—98; т. XL (іюль и августъ), стр. 1—26, 89—110; 1854 г., XLVIII, стр. 1—58; 1855, т. LI, стр. 1—62.

пешствахъ и обѣдахъ; отчего жъ не писать о родной Бѣлоруссiи, которая такъ богата своими самобытными нравами, мiеологіею, языкомъ и, наконецъ, игрищами и празднествами". Авторъ не замѣтилъ, что была разница въ интересѣ греческихъ и бѣлорусскихъ преданій, а научное значеніе изслѣдованія русскихъ народныхъ преданій, въ то время уже намѣченное въ первыхъ трудахъ Буслаева и Аванасьева, осталось ему не ясно; его интересъ остается народно-романтическимъ; его привлекаетъ меньше этнографія, чѣмъ поэзія и живописный колоритъ.

Вотъ предметы, на которыхъ онъ останавливается въ своемъ разсказѣ: Сестра чаровница, преданіе минской губерніи;—Бѣлорусская ярмарка (бытовая картина);—Колядныя повѣчерки, вечернія собранія дѣвицъ во время рождественскихъ святокъ, оканчивающіяся съ разсвѣтомъ (по замѣчанію автора, повсемѣстный обычай въ Бѣлоруссiи);—Свадебные обряды у поселянъ могилевской и минской губерніи („малыя запоины“, „большія запоины“, „змовины“ или сговоръ, печенье караваевъ, выкупъ неvěсты, пріемъ жениха, одѣваніе неvěсты, „поѣздъ въ церковь“, „веселье“, т.-е. свадебная пирушка, „переносины“, т.-е. перѣздъ неvěсты къ жениху) съ относящимися къ этимъ обрядамъ пѣснями;—„Медвѣжье ушко“, преданіе витебской и отчасти смоленской губерніи (собственно сказка, приуроченная къ мѣстности);—Обряды поселянъ витебской и минской губерній при уборкѣ хлѣба съ полей (покрыванье поля, зажинки и дожинки съ относящимися сюда пѣснями);—„Волшебный цвѣтокъ“, преданіе могилевской, минской и витебской губерній (т.-е. опять сказка);—Юрьевъ день, народные обычаи и повѣрья по случаю этого дня и двѣ пѣсни;—Молодиковая недѣля (т.-е. первое воскресенье послѣ новолунія, когда совершается богослуженіе передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, или такъ-называемыя „прощи“), мѣстный бытовой очеркъ опять съ пѣснями;—„Золотая щука“, преданіе витебской губерніи (опять сказка);—Свадебные обряды у застѣнковцевъ (околичанъ) витебской губерніи, съ пѣснями (застѣнковцы или застѣнковая шляхта есть особый классъ въ родѣ однодворцевъ, занимающій середину между настоящей шляхтой и простонародіемъ и въ быту своемъ сохранившій также много старины);—Игрища (опять съ пѣснями);—Чары, заговариванья, суевѣрія и предрасудки (по словамъ автора, отрывокъ изъ большого сборника);—Родины и крестины, опять съ пѣснями;—Похороны и поминки съ образчиками причитаній;—Волочобники, повсемѣстное бѣлорусское обыкновеніе (такъ называются особаго рода пѣвцы, которые ходятъ на Пасху по деревнямъ съ поздравленіями), съ нѣсколькими волочобными пѣснями;—„Глѣбушкины слезки“, пре-

даніе могилевской и минской губерній,—опять нѣчто въ родѣ сказки съ мѣстнымъ приуроченіемъ.

Такое разнообразное содержаніе этихъ статей Шпилевского. Онъ упоминаетъ однажды, что еще въ юности много слышалъ и записывалъ народныхъ пѣсень, преданій и т. п., и, какъ видимъ, много пѣсень, повѣрій, описаній обычаевъ разсѣяно въ его разсказахъ. Къ сожалѣнію, ни у него не было никакой этнографической школы, ни въ общихъ литературныхъ понятіяхъ того времени еще не было достаточно распространено представленіе о должномъ отношеніи къ памятникамъ народнаго быта и поэзіи; поэтому многое въ его сообщеніяхъ получаетъ только беллетристическій интересъ и не имѣетъ достаточной научной достовѣрности. Такъ, напр., его сказки—не запись народнаго текста, а собственное изложеніе сюжета, съ литературными украшеніями, которыя, по необходимости, подрываютъ довѣріе и ко всему тексту. Изъ большого числа пѣсень, вставленныхъ въ его разсказы, многія, вѣроятно, записаны имъ самимъ, но не одинъ разъ мы встрѣчали, повидимому, простое заимствованіе изъ сборниковъ Чечота и Тышкевича, нигдѣ, однако, не оговоренное; самъ Шпилевскій выдаетъ обыкновенно эти пѣсни за собранныя имъ самимъ ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ для будущихъ изслѣдователей нѣсколько сличеній.

— Пѣсня, въ „Пантеонѣ“, 1853, кн. 5, стр. 4, параллельна съ пѣсней у Тышкевича, стр. 291:

Сягодня заручники	Siagodnia zaguczynki
Богъ намъ давъ;	Boh nam dau;
Працивъ надзельки	Praciu paniadzielku
Богъ намъ давъ,	Boh nam dau,
И шлі дары на три сталы	Szli dary, na try staly;
Таму-сяму па падарачку	Tamu siamu pa padarku,
Нашему NN (такому-то)	Naszamu Janeczku
Три падарачки	Try padareczki
Богъ яму давъ, и проч.	Boh jamu dau, и пр.

— Тамъ же „Пант.“, стр. 7: „Прийхали заручники“ = Тышкевича, стр. 290 „Przyjeschali zaguczyniki“, съ небольшимъ варіантомъ въ одномъ словѣ.

— Тамъ же „Пант.“, стр. 9=Тышк., стр. 294:

Благославице, людзи,	Blahaslawicie, ludzie,
Близкіе сусѣдзи	Blizkije susiedzi,
Гѣтаму дзѣцiacи	Hetomu dziciaci
Каравай замасиць и пр.	Karawaj zamiasić, и пр.

Но пропущенное здѣсь у Шпилевского—находится у Тышкевича сполна. Другія каравайныя пѣсни также сходны.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 15: „Моя мамачка; приступъ къ столачку“ и пр.= Тышк. стр. 326: „Moja mateczka, prystup k stolaczku“.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 16: „Цяпёръ я сѣла міжъ шипшынничку“ и пр.= Тышк., стр. 327: „Ciaper ja sieła miż szypszyniczku“.

Другой рядъ статей Шпилевскаго представляетъ путешествіе по бѣлорусскому краю, начатое изъ Варшавы. Это—разсказъ о подробностяхъ пути, дорожныхъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, съ описаніемъ городовъ и мѣстечекъ, съ картинами природы, историческими и археологическими подробностями. Путешествіе написано вообще легко и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, слишкомъ мелочныхъ, эпизодовъ, не лишено занимательности, а въ свое время и новизны; впрочемъ и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, это сочиненіе не замѣнено другимъ подобнымъ. Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ авторъ самъ обращается къ источникамъ по исторіи края, онъ видимо пользуется готовыми матеріалами, особливо польскими, хотя, по обыкновенію, ихъ не указываетъ. Такъ, напр. въ описаніи минской губерніи и тамошняго народнаго быта онъ пользуется упомянутой книгой Тышкевича и выписываетъ изъ нея, не упоминая о ней ¹⁾. Разсказъ кончается описаніемъ игуменскаго края.

Бѣлорусское племя Шпилевскій считаетъ едва ли не древнѣйшимъ изъ славянскихъ племенъ и самымъ древнимъ изъ племенъ русскихъ; живя издавна на своихъ мѣстахъ, бѣлоруссы сохранили

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 17: Таткавъ куточакъ“=Тышк., стр. 334: „*Tatko kutocek*“, и пр.

— „Пантеонъ“, 1853, кн. 6, стр. 19 и далѣе, пѣсни живныя, отчасти сходны съ Тышк., стр. 395 и слѣд., хотя не тождественны.

— „Пантеонъ“, 1853, кн. 7, стр. 40, пѣсня на Юрьевъ день: „Ой, яду я на улачку, а бычки бушуць“=въ сборникѣ Чечота, 1846, стр. 2—3: „*Oj wyjdę ja na ułeczku, byczki buszują*“.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 51, любопытная пѣсня, которую Шпилевскій самъ слышалъ и записалъ съ устъ одной пѣвицы: „Туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ“ и пр., совершенно сходна съ пѣсней у Чечота, стр. 56: „*Tuman, tuman, tuman, tuman na dalinie*“, и пр., съ малевыми разнициами, вѣроятно, ошибками у Шпилевскаго противъ Чечота.

— „Пантеонъ“, 1854, кн. 5, стр. 32—43: „Лецаць птушачки на три стадачки“ и пр., записанная вѣроятно самимъ Шпилевскимъ, представляетъ сокращенное соединеніе двухъ пѣсенъ у Чечота, 1846, стр. 40: „*Leciać ptuszczyki na trzy stadeczki*“, и стр. 15: „*Zazulko, zazulko da nie holosno*“.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 31: „Да пристань, Боже, пристань“=Чечота, стр. 14; у Шпил. съ небольшимъ пропускомъ.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 33: „Знаць табѣ... замужъ хочетца“ и пр.=Чечота, стр. 42: „*Znać tabie... замуż choczec się*“.

— „Пантеонъ“, 1854, кн. 6, въ описаніи чаръ, стр. 67—68, не оговоренная выписка изъ Тышкевича, стр. 410.

— „Пантеонъ“, 1856, кн. 3, стр. 4—7, длинная пѣсня волоочобниковъ изъта цѣлкомъ у Тышкевича, стр. 389—391, безъ одной подробности, выпущенной у Шпилевскаго, вѣроятно по цензурному соображенію, и находящейся у Тышкевича.

¹⁾ См. „Современникъ“, 1853, т. XL, стр. 89 и далѣе, и „*Opisanie powiatu Wargowskiego*“, Тышкевича; Шпилевскій упоминаетъ только археологическія изслѣдванія этого польскаго ученаго, и не мало другихъ книгъ.

наибольше подлинной славянской старины; оттого они и теперь отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ народной поэзіи и преданій ¹⁾...

Въ 1853, вышло въ Петербургѣ первое отдѣльное собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ ²⁾. Неизвѣстная составительница этой книжки, указавъ въ предисловіи богатство бѣлорусской поэзіи, желала представить свой сборникъ „какъ матеріалъ для ученыхъ“; пѣсни собраны преимущественно въ быховскомъ уѣздѣ могилевской губерніи, но общепотребительность ихъ и въ другихъ уѣздахъ той губерніи побуждала дать книгѣ общее названіе. „При всѣхъ стараніяхъ объ умноженіи сборника числомъ пѣсенъ“, собирательница была увѣрена, что даже въ быховскомъ уѣздѣ найдется еще много пѣсенъ кромѣ тѣхъ, какія вошли въ ея книгу; это было справедливо, но дальше указано обстоятельство, отнимающее у книжки значеніе „какъ матеріала для ученыхъ“: „я ни въ чемъ не измѣнила пѣсень, писала такъ, какъ слышала; но не сохранила особенностей бѣлорусскаго выговора, и приняла русскій алфавитъ“. Замѣчаніе объ „алфавитѣ“ показываетъ, что на мѣстѣ еще въ 1850-хъ годахъ казалось новостью употреблять для тамошняго русскаго языка русскую азбуку. Въ сборникѣ помѣщено больше ста пѣсенъ, иногда прекрасныхъ по поэтическому обороту и обрядовому содержанію; къ сожалѣнію, онѣ потеряли подлинность въ пересказѣ; при пѣсняхъ свадебныхъ сдѣлано краткое описаніе обряда.

Наконецъ, бѣлорусская этнографія была затронута въ компетентныхъ ученыхъ обществахъ. Во-первыхъ,—въ Обществѣ Географическомъ. Съ перваго же тома „Этнографическаго Сборника“ (1853—1854), издававшагося Обществомъ, въ немъ появляются матеріалы о западно-русскомъ краѣ. Здѣсь помѣщена статья объ Острипскомъ приходѣ (виленской губ., лидскаго уѣзда), профессора литовской семинаріи Юркевича (I, стр. 283—293). Редакторъ этой части „Сборника“, К. Д. Кавелинъ, доискиваясь племенной принадлежности этого прихода, обращался не только къ изданной передъ тѣмъ (1852 г.) „Этнографической картѣ“ Кёппена, но даже къ маленькой картѣ Шафарика: такъ были скудны подручныя свѣдѣнія. Въ самой статьѣ языкъ тамошняго населенія изображается, какъ „смѣсь русскаго съ польскимъ“, но „ближе къ русскому“.

Во второмъ томѣ „Сборника“ (редакторомъ его былъ опять Кавелинъ) помѣщена цѣлая обширная статья: „Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ“ (стр. 111—268), въ составъ которой вошли свѣдѣнія, полученные Обществомъ отъ разныхъ лицъ изъ западнаго края въ

¹⁾ См. соображенія его по этому предмету въ „Современникѣ“, 1853, т. XI, стр. 71 и дал.

²⁾ „Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собраны Е. П.“ Спб. 1853. 8°. III и 86 стр.

1848—50 годах. Въ томъ числѣ, наиболѣе подробное, „превосходное“ этнографическое описаніе въ отвѣтъ на программу Общества доставилъ г. Анимелле, вольноотпущенный одного помѣщика; это описаніе было положено въ основу статьи и дополнено другими сообщеніями, полученными отъ помѣщиковъ, священниковъ, учителей и даже отъ земскаго исправника. Статья Анимелле даетъ обстоятельные отвѣты на программу Общества и сообщаетъ свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ народнаго быта въ Бѣлорусскіи, отъ внѣшнихъ подробностей—устройства избы, двора—до обычаевъ, суевѣрій, языка, частію пѣсенъ, и т. д. Авторъ обратилъ вниманіе на различія въ бытѣ и самомъ языкѣ поселянъ православныхъ и католиковъ (у послѣднихъ больше въ ходу словъ, взятыхъ съ польскаго), привелъ народный календарь, и т. д.

Въ третьемъ томѣ „Сборника“ находимъ: „Замѣтки о западной части гродненской губерніи“ (стр. 47—115, безъ имени автора) съ историческими извѣстіями о старинѣ этого края и образчиками языка, и обширный „Этнографическій взглядъ на виленскую губернію“, А. Киркора (стр. 115—276). Здѣсь даны: географическое описаніе губерніи, распредѣленіе племенъ (литовскаго и бѣлорусскаго), народные обычаи, народный календарь, указаніе мѣстностей, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи, наконецъ, краткій словарь бѣлорусскаго языка (называемаго у автора „бѣлорусско-кривичанскимъ“, стр. 193—201) и собраніе „кривичанскихъ“ пѣсенъ (стр. 201—276). Пѣсни, можетъ быть, частію собраны были самимъ авторомъ изслѣдованія, но значительная доля взята изъ прежнихъ сборниковъ ¹⁾).

Изслѣдованія о бѣлорусской народности нашли мѣсто и въ изданіяхъ русскаго отдѣленія Академіи. Въ „Извѣстіяхъ“ этого отдѣленія за 1852 г. помѣщены были „Бѣлорусскія пословицы и поговорки“, собранныя И. Носовичемъ, о трудахъ котораго подробнѣе скажемъ дальше; въ слѣдующемъ году напечатанъ былъ сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ П. Шилевскаго; наконецъ, помѣщались въ томъ же изданіи отчеты И. Микуцаго объ его изслѣдованіяхъ въ западномъ краѣ по языку литовскому и также бѣлорусскому...

Въ пятидесятыхъ годахъ дѣлаются и попытки историческаго изученія западнаго края. Таковы были: книга И. Боричевскаго: „Православіе и русская народность въ Литвѣ“ ²⁾; книга О. Турчиновича: „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ“ (Спб. 1857),

¹⁾ Напр., стр. 201—212 изъ Чечота, 1846, стр. 17—32; стр. 212—223 изъ той же книги, стр. 46—62, и т. д.; только въ „Сборникѣ“ Геогр. Общества пѣсни переписаны русской азбукой.

²⁾ Спб. 1851, напечатано сначала въ „Христіанскомъ Читеніи“.

то и другое—самые общіе обзоры политической и церковной исторіи западнаго края. Рядомъ съ ними можно упомянуть: „Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся“, генераль-маіора М. О. Безъ-Корниловича (Спб. 1855)—гдѣ, кромѣ историческихъ подробностей о цѣломъ краѣ и разныхъ его мѣстностяхъ, собраны также данныя статистическія о мѣстныхъ промыслахъ и торговлѣ, наконецъ, подробности этнографическія. Книга—отрывочная, съ извѣстнымъ личнымъ знаніемъ мѣстнаго быта, но съ весьма случайными свѣдѣніями историческими и этнографическими. Авторъ знакомъ, между прочимъ, съ польскими источниками, и, вѣроятно, они отразились въ смутныхъ объясненіяхъ мѣстной этнографіи. Упомянувъ о „древнихъ кривичахъ“, Безъ-Корниловичъ замѣчаетъ, что „соединенные съ славянами (?) ихъ потомки, бѣлоруссы, съ принятіемъ христіанской вѣры, хотя забыли идоловъ, но до сихъ поръ сохранили свой особенный типъ въ обычаяхъ, предразсудкахъ, языкѣ, забавахъ“ и пр. Далѣе: „народъ кривичанскій занималъ всю витебскую губернію, южную часть псковской, сѣверо-западную часть смоленской и сѣверную половину губерній могилевской и минской, къ чему неоспоримымъ доказательствомъ служатъ *самое нарѣчіе бѣлорусскаго языка*, до сихъ поръ оставшееся въ разговорномъ, хотя *обрустломъ* (?), *языкъ*, употребляемомъ жителями тѣхъ мѣстъ“¹⁾—фраза не весьма грамотная и показывающая, что „кривичей“ авторъ, вслѣдъ за нѣкоторыми польскими писателями, принималъ какъ будто за особое отъ русскихъ племя, только смѣшавшееся съ ними²⁾.

Наконецъ, изысканія о западномъ краѣ предприняты были, съ новой точки зрѣнія, въ военномъ ученомъ вѣдомствѣ.

Выше мы упоминали³⁾, что генеральный штабъ, уже съ 1837 по 1854, производилъ статистическія работы, которыя имѣли три изданія и предназначались исключительно для военныхъ потребностей генеральнаго штаба и вѣдомствъ провіантскаго и комиссаріатскаго. Для публики эти изданія не были доступны. Послѣ крымской войны, военное министерство положило собрать черезъ офицеровъ генеральнаго штаба возможно полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о губерніяхъ и областяхъ Россіи, какъ для своихъ собственныхъ

¹⁾ Стр. 1—2.

²⁾ На стр. 19 авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Надо полагать, что названіе *Кривичи* произошло отъ испорченнаго переписчиками (?), а можетъ быть, и самими лѣтописцами слова *крѣивася*, *крѣиватися*, означающаго первосвященника“, т.-е. что они были происхожденія *литовскаго*?

³⁾ Томъ II, гл. X, стр. 305—306.

потребностей, такъ и вообще для обогащенія свѣжими данными русской географіи и статистики.

Въ 1857, 1858 и 1859 году, департаментъ генеральнаго штаба издалъ на этотъ предметъ особыя инструкціи и программы; съ этого послѣдняго года назначенныя лица приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія, и съ 1861 года сталъ выходить рядъ изданій, посвященныхъ отдѣльнымъ губерніямъ. Однимъ изъ первыхъ явилось описаніе Виленской губерніи, составителемъ котораго былъ г. Корева ¹⁾. Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: географическое и топографическое описаніе губерніи; жители; промышленность; образованность; частный и гражданскій бытъ; управленіе; свѣдѣнія о городахъ и мѣстечкахъ, наконецъ, приложения. Кромѣ личнаго ознакомленія съ территоріей губерніи, авторъ, какъ исполнитель официальнаго порученія, имѣлъ въ распоряженіи множество данныхъ, доставленныхъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ и другими официальными вѣдомствами, воспользовался литературой мѣстныхъ описаній, русскихъ и польскихъ, наконецъ, личнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ специалистовъ. Изъ литературы о западномъ краѣ авторъ называетъ Нарбутта, Балинскаго, Крашевскаго („Litwa"), историко-статистическія работы Киркора, П. Кукольника (о литовцахъ), Чацкаго и В. Григорьева (о евреяхъ), Мухлинскаго (о татарахъ западнаго края), проф. Юндзилла (ботаника), гр. Платера (зоологія), Порай-Кошица (о мѣстномъ дворянствѣ). Изъ этихъ и особенно дѣловыхъ официальныхъ источниковъ авторъ собралъ множество свѣдѣній о разныхъ отношеніяхъ мѣстнаго быта; этнографія затронута мало, и это—слабѣйшая часть книги. Авторъ, хотя трудолюбиво изучавшій край, видимо такъ и остался въ недоумѣніи относительно того, какіе „славяне" населяютъ виленскую губернію. Пользуясь своими польскими источниками и не имѣя ни прямого знакомства съ народомъ, ни этнографической школы, авторъ продолжаетъ говорить о „кривичанскихъ славянахъ", не подозревая, что это просто—русскіе. Его опредѣленія очень запутаны. „Славяне, населяющіе виленскую губернію,—по словамъ автора,—кромѣ выходцевъ изъ Великороссіи, великороссіянь, раздѣляются на бѣлоруссовъ, черноруссовъ и кривичей" (стр. 390),—такъ они раздѣлены и на этнографической картѣ, приложенной къ книгѣ; историческія свѣдѣнія о Литвѣ весьма темны, и авторъ считаетъ нужнымъ доказывать, что они принадлежатъ къ кавказскому племени,—религія ихъ изображается заимствованной то у грековъ, то у индѣйцевъ (стр. 290

¹⁾ Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Виленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ А. Корева. Спб. 1861. VIII, IV и 804 стр. съ нѣсколькими картами.

—292). „Виленская губернія представляет огромное разнообразіе въ населеніи, изъ котораго *только* славяне и литовцы ¹⁾ *не отличаются* между собою большимъ различіемъ ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ; остальные затѣмъ народы ²⁾, считающіе своею колыбелью Азію, по языку, обычаямъ и нравамъ, не только разнятся отъ коренныхъ жителей, но не имѣютъ ничего общаго и между собою“ ³⁾... Авторъ приводитъ (стр. 635 и дал.) „извлеченіе изъ нѣсенъ славянъ“, т.-е. бѣлоруссовъ, которыхъ называетъ и „племенемъ кривичанскимъ“; пѣсни взяты изъ текстовъ Киркора. Свѣдѣнія о мѣстной литературѣ (стр. 598—600) отрывочны и неясны.

Вторымъ трудомъ военныхъ статистиковъ по описанію западно-русскаго края было описаніе Гродненской губерніи, г. Бобровскаго ⁴⁾. Это — громадный и уже гораздо болѣе обстоятельный трудъ, по той же программѣ, но съ болѣе подробными экскурсіями въ исторію и съ большимъ количествомъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ разнаго рода официальныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ, изъ специальной литературы и, наконецъ, изъ сообщений мѣстныхъ обывателей и знатоковъ края. Гораздо больше дано здѣсь мѣста и этнографія (глава III: народонаселеніе по племенамъ; гл. V: народный бытъ). Въ „историческомъ обзорѣ о происхожденіи“ племенъ авторъ, вѣроятно, уже подъ влияніемъ начавшихся въ то время толковъ о національной принадлежности западнаго края, доказываетъ историческими памятниками и языкомъ наличной массы населенія, что страна, занимаемая нынѣ гродненской губерніей, была и есть *русская*, что „почти съ самаго образованія Руси, *тѣра и языкъ* славянскихъ племенъ между Припечью и Нѣманомъ всегда находились въ тѣсной связи съ славянскими племенами, жившими на сѣверъ, югъ и востокъ отъ этой губерніи“. За исключеніемъ неточности выраженія, это было справедливо.

Въ частности, на основаніи Шафарика, Ярошевича и другихъ писателей, а также на основаніи свѣдѣній, „собранныхъ черезъ при-

¹⁾ А они-то и составляютъ главную массу „огромнаго разнообразія“.

²⁾ Это—евреи и немногочисленные нѣмцы, татары и цыганы.

³⁾ Укажемъ еще замѣчаніе о литовцахъ: „Каково бы ни было происхожденіе литовскаго народа и въ какую бы эпоху онъ ни поселился въ предѣлахъ нынѣшней Литвы, исторія этого народа, быть можетъ, до сихъ поръ оставалась бы тайною для человечества (!), еслибы жители Швеціи, Норвегіи и Даніи, извѣстные подъ именемъ скандинавовъ или нормановъ, не вызвали литовцевъ къ исторической дѣятельности“...

⁴⁾ Матеріалы, и пр. Гродненская губернія. Составилъ членъ Импер. Русск. Геогр. Общества, генеральнаго штаба подполковникъ П. Бобровскій, 2 ч. Сиб. 1863. Больш. 8°; XXII и 866 стр.; VIII и 1074 стр., съ нѣсколькими картами, планами и родословными таблицами.

къ западно-русскому краю? Авторъ пересматриваетъ старыя давно исчезнувшія названія племенные (кривичи, дреговичи), послѣдующія названія края по княженіямъ и землямъ, припоминаетъ мнѣнія старыхъ и новыхъ, польскихъ и русскихъ, этнографовъ и историковъ, начиная съ Карпинскаго (автора Географическаго словаря, Вильно, 1766) и продолжая Карамзинымъ, Балинскимъ, Ярошевичемъ, Сыромлей, Турчиновичемъ, К. И. Арсеньевымъ, Киркоромъ, указываетъ противорѣчія, которыя совсѣмъ спутываютъ представленіе о дѣйствительномъ этнографическомъ характерѣ края ¹⁾. Относительно „бѣлоруссовъ“ и „черноруссовъ“ авторъ замѣчаетъ: „послѣднія два прозванія сохранились и по настоящее время, несмотря на то, что обѣ эти родныя вѣтви одного и того же племени славянскаго, элемента чисто русскаго, слились уже до такой степени, что теперь, по нашему мнѣнію, *нѣтъ* уже *никакой возможности* указать на тѣ характеристическія черты, которыя отличали бы одно населеніе отъ другого“. Онъ предполагаетъ, что въ польское время могла быть кака-нибудь разница между этими отѣнками, можетъ быть, есть и теперь; „но такъ какъ до сихъ поръ никто еще, кажется, не занимался подобными этнографическими изслѣдованіями, то мы рѣшительно отказываемся указать на тѣ мѣстности минской губерніи, которыя заняты тѣмъ или другимъ племенемъ“. Авторъ замѣчаетъ также, что онъ не понимаетъ, какую разницу находилъ Киркоръ между „славянами-бѣлоруссами“ и „славянами-кривичами“, тѣмъ больше, что дальше самъ Киркоръ считалъ вѣтъ сомнѣнія, что „нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, есть именно то самое, которое употребляли древніе кривичи“ ²⁾.

¹⁾ См. т. I, стр. 401 — 411. Авторъ замѣчаетъ, напр. (стр. 407): „Обивчивость понятія о границахъ Черной Руси и Бѣлоруссіи и привычка приурочивать послѣднее названіе исключительно къ Могилевской и Витебской губерніямъ были, вѣроятно, причиною, что не только въ разговорномъ языкѣ, но и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, подъ именемъ Литвы разумѣютъ и Минскую губернію или, по крайней мѣрѣ, сѣверную ея часть“ — между тѣмъ какъ литовцевъ въ этой губерніи почти совсѣмъ нѣтъ. Такъ это названіе „Литва“ было точно употреблено Арсеньевымъ (Статист. очерки, стр. 179), а на основаніи его г. Егунцовъ, въ своемъ изслѣдованіи „О среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи“ (Отеч. Зап. 1852), говоря о скудномъ состояніи хозяйства въ этомъ край, прямо приписываетъ его — безпечности и безпримысленности *литовскаго племени*, котораго тутъ вовсе нѣтъ.

²⁾ Тамъ же, I, стр. 408. Дальше, стр. 411, и самъ авторъ считаетъ населеніе минской губ. состоящимъ изъ бѣлоруссовъ, „черноруссовъ“ и полѣсьян (эти послѣдніе — малоруссы).

Собственной этнографіи, какъ мы сказали, авторъ не касается. Мѣстныя бытовныя отношенія, повидимому, остались ему иногда не совсѣмъ ясны. Ему кажется, напр., что въ прежнее время ополченіе высшаго класса совершалось только принудительными средствами (I, стр. 411), или, тамъ же: „Благодаря усердію забывен-

Наконецъ, изъ этого рода изслѣдованій упомянемъ книгу г. Цебрикова о Смоленской губерніи ¹⁾. Сѣверо-восточные уѣзды ея заняты населеніемъ великорусскимъ (по счету г. Цебрикова, до 520.000); юго-западные — бѣлорусскимъ (до 600.000). Авторъ останавливался, между прочимъ, и на этнографическихъ чертахъ быта и народной поэзіи смоленскихъ бѣлоруссовъ и частию великоруссовъ ²⁾. Собранный здѣсь этнографическій матеріалъ заслуживаетъ вниманія, хотя весьма не обширенъ и не свободенъ отъ ошибокъ или неточностей, которыя, какъ мы видѣли, почти неизмѣнно сопровождаютъ прежнія описанія западнаго края у наблюдателей не-спеціалистовъ ³⁾.

нихъ іезуитовъ и римскаго духовенства, католичество — этотъ чуждый элементъ — пустило здѣсь сильныя корни не только въ высшемъ классѣ, но и въ значительной части простого народа, бывшихъ униатахъ, и теперь еще отличающихся какимъ-то непонятнымъ равнодушіемъ (?) въ дѣлѣ вѣры". Но вѣдь у нихъ дѣйствіе католичества и униіи уже прекращено; гдѣ же причина равнодушія?

¹⁾ Матеріалы, к пр. Смоленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ М. Цебриковъ. Спб. 1862.

²⁾ О племенныхъ отличіяхъ населенія, стр. 125—127; нравы и обычаи, народныя праздники, мѣстные повѣрья и предразсудки (съ образчиками пѣсенъ), стр. 258—316. Описаніе свадебныхъ обычаевъ великорусскихъ заимствовано изъ статьи Геннади, въ „Вѣстникѣ“ Географ. Общества, 1852, кн. IV.

³⁾ Напр., стр. 126: „Пространство, занимаемое нынѣ Смоленскою губерніею, въ древнія времена было заселено кривичами, — народомъ славянскаго племени. Впослѣдствіи, потомки *коренныхъ* обитателей описываемаго края, находясь продолжительное время подъ владѣтельствомъ Литвы и Польши, *слились* съ польскими и литовскими выходцами. *Это обстоятельство* послужило причиною племенного различія, замѣчаемаго нынѣ въ народонаселеніи смоленской губерніи“. — Напротивъ, именно не слились, что и составляетъ причину существующаго племенного различія; откуда было бы оно, если бы племена „слились“? Подобныя неточности и въ историческихъ свѣдѣніяхъ о краѣ.

ГЛАВА V.

Въ шестидесятихъ годахъ.

Политическое броженіе начала 1860-хъ годовъ.—Вліяніе крестьянской реформы на пониманіе положенія западнаго края.—Польское возстаніе.—Тонъ русской литературы. „Вѣстникъ“ Говорскаго, „Вѣсть“ Скарятина; газета „День“.—Мѣры къ восстановленію русской народности въ западномъ краѣ.

Въ 1861 году обнаружилось въ царствѣ польскомъ политическое броженіе, которое потомъ все больше возростало и въ 1862 г. развилось до попытокъ открытаго возстанія. Волненіе уже вскорѣ отразилось на западномъ и частью даже на юго-западномъ краѣ. Въ мысляхъ поляковъ все это была та же Польша: „Корона“, „Литва“ и такъ-называемая „Русь“ (западная Малороссія), изъ которыхъ состояла Польша до-раздѣльная, должны были теперь добыть снова государственную независимость и вмѣстѣ заявить о своемъ политическомъ и „національномъ“ единствѣ. Возстаніе окончилось, какъ слѣдовало ожидать, самымъ печальнымъ образомъ. Далеко не всѣ классы самого польскаго народа раздѣляли политическое возбужденіе; въ западномъ краѣ въ возстаніи приняла участіе только немногочисленная польская доля населенія, а масса оставалась пассивнымъ, сначала боязливымъ, потомъ несомнѣнно враждебнымъ зрителемъ совершавшихся кровавыхъ сценъ; на юго-западѣ, гдѣ процентъ польскаго населенія былъ совсѣмъ ничтожный, попытки возстанія оказались абсолютно неудачными. Какъ эти событія отразились на постановкѣ историческаго и этнографическаго вопроса?

Самая возможность этихъ печальныхъ событій являлась слѣдствіемъ историческаго и этнографическаго недоразумѣнія, долго покрывавшаго западно-русскій край и въ которомъ болѣе или менѣе повинны были обѣ стороны. Фактически, польскій элементъ господствовалъ въ западномъ краѣ какъ землевладѣльческій и культурно-бытовой; русскій

народъ, со времени перваго раздѣла и вплоть до начала 60-хъ годовъ, до 19-го февраля 1861 г., былъ крѣпостнымъ подвластнымъ населеніемъ, которое здѣсь, какъ и въ самой Россіи, не имѣло и не могло имѣть никакого голоса, никакой защиты ни своего гражданскаго, ни даже національнаго положенія. Въ теченіе почти ста лѣтъ послѣ паденія своего государства, польская часть населенія, высшій его классъ, привыкла считать себя хозяевами края, его гражданскими интеллигентными представителями; никто ей въ томъ не противорѣчилъ, и хотя правительство сурово карало рѣдкіе примѣры политическихъ протестацій, отголосковъ возстанія 1831 года, но власть охраняла крѣпостное право польскихъ или полонизованныхъ помѣщиковъ надъ русскимъ народомъ, и это питало иллюзію польскихъ патриотовъ, считавшихъ край польскимъ въ отношеніи національномъ. Въ западномъ краѣ, какъ мы видѣли, развилась съ начала нынѣшняго столѣтія оживленная образовательная и литературная дѣятельность, средоточіемъ которой былъ Виленскій университетъ и которая продолжалась здѣсь и по закрытіи университета. Вильна, вмѣстѣ съ Варшавой, Краковомъ, Львовомъ, Познанью, была однимъ изъ главныхъ пунктовъ польской литературной и общественной жизни и здѣсь складывался особый („литовскій“) оттѣнокъ польской поэзіи и литературы; въ западномъ краѣ, въ богатыхъ имѣніяхъ польскихъ аристократовъ собирались обширныя бібліотеки, научныя и художественныя коллекціи (напр. въ Несвижѣ, Щорсахъ и пр.); польскіе мѣстные ученые предпринимали изслѣдованія о древностяхъ, топографіи, исторіи, этнографіи, статистикѣ, естественной исторіи края — изслѣдованія, которыми много пользовались потомъ и донинѣ русскіе изыскатели, направившіе сюда свои труды съ 1860-хъ годовъ... Правда, дѣйствительная сущность историческихъ и народныхъ отношеній западнаго края начала уже выясняться и съ другой точки зрѣнія: тѣ изслѣдованія историческія или то собираніе историческаго и этнографическаго матеріала, которое начиналось въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ русской литературѣ, не могли не проливать много свѣта на положеніе вещей, — но эти изслѣдованія оставались пока мѣстными книжными, мало проникали въ общество и еще меньше вліяли на административное и социальное состояніе западно-русскаго народа... Одинъ разъ прошла въ краѣ сильная полоса историческаго движенія — въ уничтоженіи уніи (1839): этотъ знаменательный фактъ могъ бы навести мѣстное общество на новыя мысли о положеніи народнаго вопроса, но бытовая рутина была еще такъ сильна, что это событіе произвело, кажется, меньше впечатлѣнія и дѣйствія, чѣмъ можно было бы ожидать. Съ другой стороны, въ самомъ русскомъ

обществѣ относительно западнаго края продолжалось прежнее незнаніе и равнодушіе.

Нужны были большіе перевороты и шумныя событія, чтобы заставить, наконецъ, оглянуться на прошедшее и на современное состояніе западнаго края. Во внутренней жизни русскаго общества такимъ переворотомъ были реформы, заявленныя и частію исполненныя въ началѣ прошлаго царствованія, — реформы, которыя подѣйствовали не только на развитіе понятій общественныхъ и гражданскихъ, но расширили горизонтъ историческій и этнографическій, а затѣмъ и сознаніе національное. Въ первый разъ рѣчь о народѣ имѣла уже не одинъ платоническій характеръ, но говорила о народѣ настоящемъ, объ его юридическомъ и социальномъ положеніи. Крестьянская реформа поднимала вопросъ и о западно-русскомъ народѣ, на которомъ до тѣхъ поръ лежала крѣпостная пелена, скрывавшая его и отъ общественнаго мнѣнія, и отъ научнаго изслѣдованія. Едва объявлена была реформа, произошли другія событія, сдѣлавшія западный край предметомъ напряженнаго вниманія. Старое недоразумѣніе, лежавшее на отношеніяхъ западно-русскаго края, высказалось, наконецъ, самымъ острымъ образомъ, когда вспыхнуло польское возстаніе. Поляки въ послѣдній разъ выставили фантомъ Польши 1772 года, и западный край сдѣлался сценой мнимо-народнаго возстанія. Нѣкоторое колебаніе, съ какимъ правительство отнеслось сначала къ польскимъ волненіямъ, вскорѣ смѣнилось самыми крутыми мѣрами. Онѣ вскорѣ возымѣли свое дѣйствіе: возстаніе было окончательно подавлено и начались репрессаліи. Возбужденіе общественной массы, или патріотической публицистики было тѣмъ сильнѣе, что польское возстаніе, сдѣлавшись предметомъ европейскихъ толковъ, послужило поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству, которое было отвергнуто весьма рѣшительно русскимъ правительствомъ, что еще усилило патріотическіе взрывы. Въ то время, когда правительство должно было объяснять, что западный край есть край русскій по громадному большинству населенія и вмѣстѣ православный, та же тема создала цѣлую литературу въ газетахъ, журналахъ, книгахъ и брошюрахъ.

Въ это время русское общество въ первый разъ узнало съ достовѣрностію объ этнографическомъ составѣ западнаго края и получило понятіе объ его исторіи.

Къ сожалѣнію, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ вопросъ ставился большею частію столь исключительно, съ такой крайней нетерпимостью, которыя исключали безпристрастіе и спокойную оцѣнку фактовъ. Для тѣхъ, кто былъ нѣсколько знакомъ съ исторіей Польши и западной Руси, кто присмотрѣлся къ достаточно извѣстнымъ и ранѣе

примѣненіямъ старой западно-русской литературы и современной русской поэзіи, было совершенно ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ настоящимъ русскимъ народомъ; но такъ какъ раньше большинство этого не знало, то это становилось открытіемъ, которое считали нужнымъ доказывать не простымъ, спокойнымъ объясненіемъ факта, но съ полемическимъ озлобленіемъ. Спокойныхъ разсужденій считалось всего менѣе: въ разгарѣ усмиренія писатель, который захотѣлъ бы говорить о предметѣ не въ принятомъ тонѣ, подвергался осужденію въ равнодушій въ національному дѣлу или даже въ извѣстѣ. Воинствующая печать и дѣйствительно бросала подобнаго рода намеки или даже прямые обвиненія противъ тѣхъ, кто не принималъ тогда участія въ этомъ походѣ противъ всего польскаго ¹⁾. Факты, какъ мы сказали сейчасъ, были очевидны и не требовалось большого напряженія, чтобы доказать существованіе западно-русскаго кризиса: но, во-первыхъ, для справедливой оцѣнки западно-русскихъ затрудненій надо было признать въ полной мѣрѣ, чѣмъ были онѣ криведены между прочимъ и съ русской стороны, а во-вторыхъ, когда спорный вопросъ рѣшался военнымъ истребленіемъ повстанцевъ и смертными казнями, простое человѣческое чувство запрещало нападать надъ побѣжденнымъ и слабымъ непріятелемъ,—и это человѣческое чувство, конечно, больше отвѣчало настоящему національному достоинству... Воинствующая публицистика находила поощрѣніе въ своему озлобленію въ тонѣ заграничной польской печати, доходившей нерѣдко до великихъ нелѣпостей; но сторонѣ правой можно было не соперничать съ нею въ этомъ тонѣ.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ тогдашняго положенія вопроса въ литературѣ.

Что западно-русскій вопросъ былъ для огромнаго большинства нашего общества новостью, можно было судить уже изъ того, что о немъ заговорили вдругъ въ 1862—1863 году, когда за годъ передъ тѣмъ о немъ не было и рѣчи. Та часть литературы, которая особенно горячо взялась за этотъ предметъ, иногда прямо сознавалась, что вопросъ прежде былъ забытъ и русскому обществу неизвѣстенъ. Вотъ эпизодъ изъ своего рода манифеста подъ заглавіемъ: „Изъ Москвы къ православнымъ бѣлоруссамъ не изъ крестьянъ, преимущественно къ бѣлорусскому духовному сословію“, подписаннаго „Редакціею газеты „День“, ея сотрудниками и всѣми сочувствующими съ нею“:

¹⁾ Напомнимъ характерный примѣръ въ запрещеніи журнала „Время“ за статью г. Станкова „Роковой вопросъ“.

„Мы виноваты передъ вами—простите насъ,—писала редакція „Дня“. — Событія раскрыли намъ глаза, заслѣпленные польскою ложью, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыли и всю бездну нашей вины. Мы, русское общество, какъ будто забыли про существованіе Бѣлорусси; мы долго косились въ невѣдѣніи о той глухой, безвѣстной, но тѣмъ не менѣе достославной, святой борьбѣ, которую вели бѣлоруссы за свою народность и вѣру — съ могучими, сильными, искусными и богатыми, со всѣхъ сторонъ окружавшими ихъ, врагами—польщиною и латинствомъ. Какіе высокіе подвиги совершало ты, бѣлорусское духовенство—бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной,—подвиги долготерпѣнія и мученичества! Ты старалось уберечь и поддержать въ народѣ до лучшихъ временъ, сквозь всѣ превратности исторіи и насильственно наложенную унию,—преданія православія и память о единствѣ со всею великою Русью.. И ты уберегло и поддержало ихъ; лучшія времена настали, и оправдывается божественное слово: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“.

„По испитіи ваши подвиги безпримѣрно велики, хотя творились они въ тишинѣ и во мракѣ, безъ блеску и треску, безъ тѣхъ громкихъ рукоплесканій, въ которыхъ пріемлютъ себѣ земную мзду за геройскіе подвиги своего алчнаго патріотизма ваши угнетатели поляки. Ваша борьба была тѣмъ труднѣе, что вы боролись честнымъ оружіемъ духа, или нравственнымъ христіанскимъ путемъ къ честной цѣли, тогда какъ враги ваши, по іезуитскому правилу, что цѣль оправдываетъ всякія средства, — противоположали вамъ адскія козни и злоухищренія. Ваша борьба была еще тѣмъ труднѣе, что все богатое, мощное, владѣющее землею сословіе, ваша русская шляхта соблазнились выгодами власти, прельстились на житейскія удобства и почести, и продали за нихъ православіе и русскую народность. Они ополячились, окатоличились; они, какъ это всегда бываетъ съ отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его вѣры,—и тѣмъ не менѣе вы, духовнымъ мечомъ, отстояли русскую землю... Хвала вамъ по всей Россіи! Только теперь исполнѣ начинаемъ мы здѣсь познавать всю мѣру добра, совершеннаго вами, все достоинство вашихъ дѣлъ,—удивляемся вамъ, благословляемъ васъ и песемъ вамъ дань нашего братскаго сочувствія и участія.

„Премудрость Божія послала нынѣ Бѣлоруссін рядъ испытаній, которыми какъ въ горнилѣ, искушаясь и очищаясь, бѣлорусскій народъ возрождается къ новой жизни. Онъ въ первый разъ выступилъ на поле исторіи, какъ историческій дѣятель; онъ явилъ себя міру въ первый разъ, какъ народъ,—русскій народъ,—господинъ и хозяинъ той земли, которую поляки всюду прославили Польшей,—и ничто и никто отнынѣ не отниметъ у него этой части. Польскій мятежъ обличилъ врага, котораго Россія, изъ благодушія, пригрѣвала у себя на груди, обнаружилъ предъ цѣлою Россіей и всѣмъ свѣтомъ коварство, дерзость и презрѣніе къ русскому народу польскаго или ополяченнаго дворянства, и возбудилъ законную месть народную. Настоящіе событія—это какъ бы баяя напикбытія для Бѣлоруссін, по выраженію Апостола; это ея крещеніе въ новую, общую съ Россіей, духовную и гражданскую жизнь, крещеніе—въ неповинной крови зарѣзанныхъ поляками крестьянъ, замученныхъ и повѣшеныхъ поляками священниковъ бѣлорусскихъ — Прокоповича, Кононасевича, Рапацкаго, дьячка Іозефовича, учителя Смольскаго и многихъ другихъ! Отнынѣ уже не пановать надъ вами гордой польскою шляхтѣй, наглымъ польскимъ официалистамъ и мелкой польскою чиновничьей челядью! Пусть ихъ уберутся къ себѣ домой, въ Польшу. Отнынѣ русская земля должна стать

русскою во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, чтобы не было польскаго духу ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать... Спѣшите же изгладить послѣдніе признаки польскаго господства въ вашей несчастной странѣ, залечить общественныя раны, нанесенныя вамъ польскимъ гнетомъ, и такъ укрѣпить духовныя силы вашей народности, чтобы и мысль о былой когда-то здѣсь Польшѣ не могла взойти на сердце поляку!"

Итакъ мы, русское общество, *забыли* о существованіи Бѣлоруссіи, мы коснѣли въ *невыдѣлѣ* о той борьбѣ, которая совершалась тамъ цѣлые вѣка; только теперь *начинаемъ познавать* ту пользу, какая принесена была общему дѣлу русской національности борьбой бѣлорускаго народа за свое существованіе, и только теперь, когда польскій мятежъ обнаружилъ „предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ“ настоящее положеніе вещей, мы являемся съ своими сочувствіями и помощію. Признаніе было совершенно справедливо: западный край былъ дѣйствительно забытъ; но и теперь общественное и литературное отношеніе къ нему было не таково, каково должно бы быть... Правительственная власть явилась со всею своею силою, чтобы подавить возстаніе, и успѣшно сдѣлала свое дѣло; но то, что должно бы было сдѣлано силою общественною, было крайне неудовлетворительно. Мы упоминали, что общественное дѣйствіе, по всѣмъ обстоятельствамъ времени, ограничилось тогда только одною долею литературы; здѣсь оказалось не столько разъясненіе выступившихъ на сцену сложныхъ отношеній, — завѣщанныхъ исторіей, приводимыхъ настоящими потребностями населенія, — сколько продолженіе тѣхъ репрессалій, которыя совершались въ военныхъ и административныхъ дѣйствіяхъ. Литература, присвоившая себѣ роль исключительно патріотической, ознаменовала себя политической травлей, терявшей, наконецъ, всякое нравственное достоинство, и въ концѣ концовъ оставила вредныя послѣдствія и для западнаго края, и для самого русскаго общества.

Не останавливаясь на дѣятельности газетъ, проводившихъ въ особенности политическую идею, или на газетѣ „День“, гдѣ западно-русскій вопросъ послужилъ поводомъ къ новому повторенію извѣстныхъ теорій, приведемъ нѣсколько эпизодовъ изъ одного изданія, теперь забытаго, которое было тогда специально посвящено вопросамъ западной и юго-западной Россіи. Это былъ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, предпринятый въ 1862 году Ксенофонтомъ Говорскимъ, лицомъ, до того времени неизвѣстнымъ въ литературѣ. Это былъ, кажется, учитель семинаріи въ западномъ краѣ; онъ началъ изданіе именно въ то время, когда совершались первые факты польскаго возстанія; журналъ выходилъ сначала въ Кіевѣ, потомъ (съ

сентября 1864 г.) перенесенъ былъ въ Вильну ¹⁾. Журналъ Говорскаго посвятилъ себя исключительно борьбѣ противъ полонизма, въ которомъ заключалось и католичество, и защитѣ западно-русской народности и православія, и на дѣлѣ сталъ однимъ изъ такихъ друзей, которые бываютъ хуже враговъ. Вся исторія западнаго края представлялась журналу только съ одной точки зрѣнія: польская интрига и католическое насиліе; ничего другого въ этой исторіи не было; „интрига“ простиралась такъ далеко, что журналъ усматривалъ ее даже въ такихъ явленіяхъ самой русской жизни, которыя, между прочимъ, сами направлялись противъ полонизма. Тѣ мнѣнія, высказывавшіяся въ тогдашней русской литературѣ, которыя не совпадали съ теоріями „Вѣстника“, называемы были безъ церемоніи измѣной; и хотя журналъ занятъ былъ обличеніемъ польскихъ притязаній на западный и юго-западный край, но онъ съ крайней злобой возставалъ противъ какого-нибудь движенія въ мѣстныхъ народностяхъ: такъ, „Вѣстникъ“ Говорскаго въ особенности потрудился надъ распространеніемъ той полезной идеи, что украинофильство есть не что иное, какъ подвохъ польской интриги... Въ журналѣ печатались на первомъ планѣ старыя документы изъ исторіи западнаго края, которые свидѣтельствовали объ угнетеніяхъ русской церкви и народности; далѣе статьи по исторіи края въ томъ же обличительномъ направленіи, помѣщались повѣсти (главными беллетристами „Вѣстника“ были Кулишъ, въ первый годъ изданія; Н. Сементовскій, написавшій повѣсть изъ временъ князей Святослава и Владиміра; извѣстный Шигаринъ, изображавшій разные неодобрительные поступки поляковъ; далѣе, въ послѣдующихъ годахъ изданія, — Калугинъ, писавшій романы изъ XIV-го вѣка и драмы изъ еврейскаго быта; Скурховичъ, Вольперъ, Ольшвангеръ и другіе, столь же извѣстные авторы; были, наконецъ, свои стихотворцы, писавшіе не весьма тонкія, но очень злобныя басни на тему польской интриги и т. п.); въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала собирались свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, рассказывалось объ истребленіи повстанскихъ бандъ, съ удовольствіемъ говорилось о казняхъ предводителей, шла полемика съ польскими газетами, и т. д. Отдѣлъ публицистическій велся съ большимъ жаромъ, впадавшимъ въ семинарскій и въ полицейскій.

¹⁾ Изданіе началось съ половины 1862 года, и годъ изданія продолжалъ и потомъ считаться отъ іюля до іюля. Съ 1867 г. годъ изданія сталъ считаться съ января. Съ этого же года, кромѣ „редактора-издателя“, Говорскаго, журналъ подписывалъ еще „редакторъ-сотрудникъ, Ив. Эрмичъ“. Съ 1870 года журналъ, по болѣзни Говорскаго, велся однимъ Эрмичемъ и прекратился на 4-й книжкѣ 1871 г. Въ это время умеръ и Говорскій.

Въ первомъ годѣ изданія была помѣщена статья: „Что такое хлопоманіи, и кто такіе хлопоманы?“ Здѣсь ¹⁾ обличается хлопоманія польская, то движеніе, которое, исходя изъ увлеченій польскаго романтическаго украинофильства, приняло теперь политическую тенденцію, въ предположеніи (вскорѣ опровергнутомъ фактами), что малорусскій народъ можетъ быть вовлеченъ въ возстаніе; но отъ этой польской хлопоманіи журналъ—на первый разъ—совершенно отграничилъ хлопоманію малорусскую: въ этой послѣдней видѣлось ему естественное стремленіе къ народу, желаніе содѣйствовать его образованію и вмѣстѣ протестъ противъ польской пропаганды.

„Наши русинофилы убѣждены, — говорилъ безыменный авторъ статьи, — что просвѣщать народъ посредствомъ одного великорусскаго языка и ограничиваться одною великорусскою литературою—значитъ лишитъ здѣшняго русскаго человѣка тѣхъ средствъ къ самозащитѣ, которыя даны ему Богомъ, затруднять здѣсь успѣхи русскаго просвѣщенія и почти что цѣлкомъ предавать нашъ народъ въ руки опытныхъ и изобрѣтательныхъ пропагандистовъ, поляковъ, тѣмъ болѣе, что населеніе юго-западныхъ губерній болѣе свыклось, болѣе знакомо съ польскимъ, чѣмъ съ великорусскимъ языкомъ, и лучше его понимаетъ, чѣмъ нарѣчіе великорусское, въ особенности литературное; они полагаютъ, что единственное средство спасти здѣшняго русскаго человѣка отъ польской пропаганды состоитъ въ томъ, чтобы, подражая тактикѣ опытныхъ нашихъ враговъ, стараться поднять здѣшнее русское нарѣчіе въ глазахъ самого народа, доставлять ему просвѣщеніе на его родномъ, наиболѣе понятномъ для него нарѣчій, какъ можно болѣе писать и печатать необходимо нужнаго для народа на этомъ его нарѣчій; но писать и печатать русскою азбукю, и такимъ образомъ, опираясь на богатства общерусской литературы и просвѣщенія, привязывать его къ общерусской литературѣ. Слѣдую такому убѣжденію, они употребляютъ всѣ силы, чтобы учить народъ на его родномъ нарѣчій, издавать на этомъ русскомъ нарѣчій руководства и народныя книги, наиболѣе приуроченныя къ понятіямъ, убѣжденіямъ, взглядамъ и потребностямъ народа, и такимъ образомъ въ противность дѣятельности поляковъ распространять въ народѣ русскую грамотность и просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ давать этому народу наиболѣе средствъ къ самозащитѣ. На это-то и направлена теперь вся ихъ дѣятельность. Итакъ, дѣятельность ихъ почти исключительно—дѣятельность просвѣгительная, не заключающая въ себѣ ничего политическаго, кромѣ развѣ противодѣйствія польской пропагандѣ посредствомъ распространенія русской грамотности и просвѣщенія, и кромѣ стремленія выяснитъ и оживитъ для всего русинскаго племени ближайшее его духу начало, связывающее всѣхъ его членовъ, отъ Мармароша и Сава до Дона въ одно нераздѣльное дѣло и составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ естественное званіе, прочно связывающее все это племя съ остальною Русью.

„Такой взглядъ на стремленіе и дѣятельность нашихъ русинофиловъ вынесень нами изъ непосредственнаго, *безпристрастнаго наблюденія* надъ ними. Насколько вѣренъ этотъ взглядъ, и насколько на самомъ дѣлѣ ошибочны, ложны стремленія и дѣйствія нашего молодого поколѣнія, предоставляемъ

¹⁾ „Вѣстникъ“, 1862—1863 гг., т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 139—156.

раскрыть времени. Смотри на это наше молодое поколѣніе съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ въ немъ не что иное, какъ ту силу, которую въ лицѣ образованныхъ нашихъ молодыхъ людей, сближавшихся, сросшихся душою съ русскимъ народомъ здѣшнихъ областей, съ его интересами и стремленіями, выставляетъ самъ нашъ православный народъ противъ дѣятельности ложныхъ хлопомановъ и противъ всякаго подавляющаго внѣшняго вліянія. А потому понятно, почему поляки и ихъ хлопоманы видятъ въ нихъ самыхъ опасныхъ для себя враговъ и прибѣгаютъ къ разнымъ клеветамъ, іезуитскимъ выходкамъ и наговорамъ, чтобы парализовать возростаніе этой нашей народной силы... зная свойства и средства польскихъ пропагандистовъ вести борьбу съ врагами, и свойства и качества нашихъ загнанныхъ русинофиловъ, мы имѣемъ полное право считать эти слухи злобною клеветою на наше молодое поколѣніе... *Неразумно, грѣшно и позорно* для насъ оставаться далѣе подвѣяніемъ польскаго общественнаго мнѣнія относительно нашего же родного молодого поколѣнія, допускать полякамъ вносить вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашихъ же братьевъ и наслѣдниковъ; неразумно, говорю, и грѣшно намъ съ враждою, подозрительностью и непріязнью отвращаться отъ нашихъ младшихъ братій изъ-за какихъ-нибудь ихъ крайностей и увлеченій, и тѣмъ подрывать наши общественныя силы и, быть можетъ, вводить наше молодое поколѣніе еще въ большія крайности“.

Но если въ ноябрѣ 1862 года таковъ былъ взглядъ, вынесенный изъ „безпристрастнаго наблюденія“ надъ движеніемъ малорусскаго молодого поколѣнія; если было тогда „неразумно, грѣшно и позорно“ допускать вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашу же братью и наслѣдниковъ, то уже въ началѣ 1863 года „безпристрастный взглядъ“ былъ брошенъ и „позорное, грѣшное и неразумное“ стало для Говорскаго гражданскою обязанностью и добродѣтелью: Говорскій начинаетъ озлобленныя нападенія на украинофильство. Не видно, по какому сигналу начались эти нападенія, но они превзошли всякую мѣру приличія и литературнаго достоинства. Смерть Шевченка, въ которомъ, при всемъ несочувствіи къ характеру его произведеній, нельзя было не признать замѣчательнаго поэта и утрата котораго вызвала глубокую скорбь въ средѣ его земляковъ,—для „Вѣстника“ послужила поводомъ къ статьѣ по истинѣ гнусной ¹⁾: это былъ цѣлый потокъ ругательствъ, и главною причиною всякихъ недостатковъ Шевченка оказывалось то, что онъ былъ неблагороднаго происхожденія. Мысль объ изданіи книгъ для народнаго чтенія на малорусскомъ языкѣ, которую излагалъ Костомаровъ въ „Основѣ“, встрѣчена была градомъ обвиненій, какъ мысль едва не измѣнническая ²⁾. Здѣсь было уже сказано, что мысль о книжкахъ на малорусскомъ языкѣ идетъ „не отъ Бога“ (слѣдовательно?),

¹⁾ 1862—1863, т. IV, апрѣль, IV, стр. 32—42: „Эпизоды изъ жизни Шевченка“, II. М.—съ.

²⁾ 1863—1864, т. I, июль, III, стр. 1—6.

а вскорѣ въ другихъ статьяхъ было разъяснено, что украинофильство есть именно вѣтвь польской интриги—знаменитая тема, которая потомъ повторалась множество разъ и благополучно дожила, съ своими результатами, до нашихъ дней.

Эти образчики показываютъ, каково было отношеніе „Вѣстника“ къ народному вопросу. Еслибы въ Бѣлоруссіи было какое-нибудь мѣстное движеніе въ видахъ оживленія народной массы, пробужденія ея изъ вѣковой умственной спячки какою-нибудь книжкой на доступномъ для нея языкѣ, „Вѣстникъ“, очевидно, усмотрѣлъ бы и здѣсь „руку“—во-первыхъ, діавола, а во-вторыхъ, польской интриги. И вообще журналъ относился ко всякой заботѣ о народномъ образованіи неодобрительно: въ той же книжкѣ помѣщена статья „Кіевскія впечатлѣнія“, гдѣ авторъ, изобразивъ простодушную вѣру кіевскихъ богомольцевъ, приходитъ къ убѣжденію о ненужности и вредѣ самой грамотности, кромѣ церковно-славянской.

„Спрашивается: нужна ли для *этихъ людей* (богомольцевъ, представляющихъ весь народъ) грамотность, о которой въ послѣднее время поднялось столько хлопотъ?..“

Нынѣшніе евреи,—разсуждаетъ авторъ,—всѣ грамотны, но на ихъ умѣ „лежитъ покрывало“; раскольники почти всѣ умѣютъ читать и—остаются раскольниками.

„А извѣстная личность, боящаяся ладану (!), умнѣе и грамотнѣе всѣхъ ихъ, и евреевъ, и раскольниковъ, знаетъ превосходно всѣ языки и литературу древнюю и новую (!), едва ли даже не онъ (кто?) и заправляетъ всею свѣтскою литературой, какъ средствомъ проводить въ массы вредныя вѣрованія и убѣжденія; онъ самъ даже *вѣруетъ и трепещетъ*, да что толку съ этой дьявольской вѣрой этого колоссальнаго дьявольскаго просвѣщенія“ ¹⁾. Статья подписана: „Странникъ“ и не вызвала никакого замѣчанія редакціи.

Взглядъ на просвѣщеніе, какъ на дьявольское ²⁾, достаточно рисуетъ понятія „Вѣстника“. Это была смѣсь стариннаго „Маяка“ (одинъ изъ его питомцевъ, И. Кулжинскій, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ „Вѣстника“), позднѣйшей „Домашней Бесѣды“ съ прибавкою новыхъ „политическихъ“ идей. Оказывалось, что въ русской литературѣ, даже между весьма извѣстными именами, гнѣздились враги отечества. Такъ относился „Вѣстникъ“ къ Костомарову и ко всему украинофильству ³⁾. Въ 1863 году г.

¹⁾ Тамъ же, стр. 14.

²⁾ Выше, въ числѣ представителей этого просвѣщенія, названы, напр., Писеогоръ (sic), Платонъ, Аристотель и „нѣзъ новѣйшихъ знаменитостей“ Адамъ Смитъ и Маколей (!).

³⁾ Передъ тѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, намъ случилось, однако, видѣть Ксе-

Н. Страховъ написалъ статью подъ названіемъ „Роковой вопросъ“, имѣвшую въ виду указать культурную сторону польскаго вопроса, которая могла объяснить, въ извѣстной степени, преобладавшее прежде вліяніе польскаго элемента въ западномъ краѣ. Статья (не совсѣмъ отвѣчавшая обычному ходу мыслей г. Страхова) имѣла, какъ извѣстно, самыя печальныя послѣдствія: кромѣ того, что автору пришлось выслушать строгій репримандъ „Р. Вѣстника“ и принести повинную, журналъ Достоевскаго, гдѣ она была напечатана, былъ закрытъ. Въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго Н. Н. Страховъ, положившій столько труда на обличеніе западныхъ и западническихъ лжеученій, оказался въ ряду „недоучившихся публицистовъ, словно державшихъ конкурсъ по части Геростратовскихъ подвиговъ глумленія надъ всѣмъ, что составляло доселѣ основу силы и славы человѣческихъ обществъ вообще и Россіи въ особенности“,—или даже г. Страховъ превзошелъ ихъ всѣхъ: Говорскій „еще не видалъ такого циническаго, такого звѣрскаго ковырянья въ язвахъ своей жертвы, какимъ обезсмертилъ себя авторъ этой статьи“... Этотъ авторъ сравнивается заразъ съ Иудой, съ Хамомъ и Геростратомъ.

Всѣ мѣры, принимавшіяся тогда въ западномъ краѣ, встрѣчались „Вѣстникомъ“ съ величайшими сочувствіями; журналъ исполненъ былъ самыми истребительными намѣреніями относительно всего польскаго, и когда, напримѣръ, славянофилы, настаивая на обрусеніи западнаго края, все-таки допускали существованіе этнографической Польши, „Вѣстникъ“ и ей желалъ и пророчилъ полную гибель и сочинилъ даже, на извѣстную тему, „новую польскую пѣсню“:

Kiedy Polska nie zginieła,
Niech że zginie,—my tak chcemy! и т. д. ¹⁾.

Такого рода журналъ явился въ литературѣ спеціальнымъ защитникомъ „русскаго дѣла“ въ западномъ краѣ. Очевидно, желая идти въ параллель къ тому способу дѣйствій, какой былъ принятъ въ краѣ во времена генерала Муравьева, журналъ выходилъ изъ предѣловъ литературной постановки вопроса; тонъ его былъ необузданное озлобленіе, приправленное ссылками на „истинное христіанство“.

Говорскій высказывалъ увѣренность, что его журналъ именно представляетъ самую чистую русскую народность, ея содержаніе и ея требованія; въ послѣдствіи, по смерти Муравьева, онъ ссылался на письмо, въ которомъ Муравьевъ воздавалъ похвалу патріотической

нофонта Говорскаго у Костомарова: былъ ли тогда тотъ же Костомаровъ человѣкомъ невреднымъ, или издатель „Вѣстника“ приходилъ къ нему въ качествѣ согладата?

¹⁾ Тамъ же, 1862—1863, июнь, стр. 153.

дѣятельности „Вѣстника“ и ея пользѣ. Говорскій даже приписывать себѣ честь поднятія самаго вопроса о западной Руси гораздо раньше „Катковъ, Аксаковъ и Кояловичей“ ¹⁾).

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ у журнала Говорскаго нашелся достойный его противникъ,—газета „Вѣсть“. Погода нѣсколько пере-мѣнилась: западно-русскій вопросъ затронуть былъ съ новой точки зрѣнія. „Вѣсть“, которая вообще брала на себя защиту дворянскаго землевладѣнія и, для своихъ благихъ цѣлей, сыпала обвиненіями въ сенъ-симонизмъ не только противъ изданій, болѣе или менѣе повинныхъ въ либерализмъ, но и противъ самихъ славянофиловъ, эта „Вѣсть“ взяла подъ свое покровительство и дворянское землевладѣніе въ западномъ краѣ, которое было польское. Такимъ образомъ допускалось нѣкоторое отрицаніе прежней, такъ сказать, только истребительной точки зрѣнія на польскій элементъ западнаго края; но и самое отрицаніе прежней крайности, при общемъ характерѣ „Вѣсти“, не внушало сочувствія; дѣйствительныхъ разъясненій положенія все-таки не было ²⁾).

¹⁾ Въ примѣчаніи къ одной статьѣ, гдѣ упоминалось, что униатское духовенство ненавидитъ г. Кояловича, высказавшаго мысль о подложности мощей извѣстнаго Іосафата Кунцевича, редакція „Вѣстника“ писала:

„Авторъ ошибается; не М. О. Кояловичъ первый высказалъ свою (?) мысль о подложности мощей Кунцевича, а К. А. Говорскій, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1858 году въ Витебскѣ, подъ заглавіемъ: „Жизнь Іосафата“ (читай: Іосафата) „Кунцевича“, потомъ перепечатанной въ 1862 г. въ издаваемомъ имъ журналѣ „Вѣстникъ Зап. Россіи“ и, наконецъ, въ изданной имъ вновь монографіи Кунцевича, въ 1865 г. въ Вильнѣ, и переведенной въ 1866 году на французскій языкъ и напечатанной въ Берлинѣ. Кстати, мы должны замѣтить здѣсь, *однажды навсегда*, что всякая *инициатива* по рѣшенію, такъ названнаго въ нашей прессѣ, польскаго вопроса, принадлежитъ не Катковымъ, Аксаковымъ и Кояловичамъ, какъ многіе напрасно думаютъ, но именно Говорскому,—документальнымъ, слѣдовательно, неоспоримымъ доказательствомъ сего служить издававшаяся имъ неофіціальная часть „Витебскихъ Губ. Вѣдомостей“ за 1857 и 1858 годы, разныя, изданныя имъ, брошюры до 1860 г. и преимущественно издаваемый имъ съ 1862 года „Вѣстникъ Западной Россіи“. *Прииди и виждь!*“ „Вѣстн. Зап. Россіи“, 1867, т. III, кн. 9-я, отд. IV, стр. 232.

²⁾ Въ разгарѣ полемики высказывались, однако, изрѣдка вещи, не лишенныя справедливости или, по крайней мѣрѣ, требовавшія вниманія. Такъ, въ газетѣ „Новое Время“, издававшейся тогда прежнимъ сподвижникомъ Скаряттина, Юматовымъ и Киркоромъ, читаемъ замѣчаніе (принадлежавшее Юматову), что „дѣятельность край-ней польской партіи, направленная противъ Россіи, ничего не можетъ принести, кромѣ новыхъ несчастій для польскаго народа. Дѣятельность *нашихъ собственныхъ* крайнихъ патріотовъ ничего не принесетъ, кромѣ вреда для Россіи и для всего славянскаго міра: обѣ стороны вѣстѣ и каждая порознь работаютъ не для Россіи и не для Польши. Онѣ безсознательно работаютъ, какъ мы говорили и прежде, единственно въ пользу Пруссіи“ (см. „Новое Время“ 1868, № 157, также № 147, 158 и пр.). „Вѣстникъ“ Говорскаго, полемизируя съ этой газетой (1868, т. III, кн. 7-я, отд. III, стр. 1—15), не нашелся, что отвѣчать на этотъ пунктъ; а злободѣя жур-

Для остальной печати „Вѣстникъ Западной Россіи“ казался „мрачнымъ сонмищемъ“, напоминавшимъ Магницкаго и Рунича. Споръ съ нимъ былъ бесполезенъ и, пожалуй, не безопасенъ, и существованіе такого „органа“ само по себѣ объясняло, почему западно-русскій вопросъ вообще былъ представленъ въ тогдашней литературѣ такъ односторонне.

Обратимся къ этнографическимъ фактамъ.

Мы видѣли, что порывъ искренности заставилъ воинствующихъ публицистовъ сознаться, что мы *забыли* о западномъ краѣ, что мы даже не интересовались, что въ немъ дѣлается. Это сознаніе подтверждено было голосами изъ самой Бѣлоруссіи, повторенными и въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго ¹⁾. „Вина всему этому (слабости русскаго дѣла въ западномъ краѣ въ прежнее время) лежитъ, очевидно, глубже, тамъ, въ великорусскомъ обществѣ, въ его ученыхъ членахъ, въ его преподавателяхъ, въ его литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что было сдѣлано великорусскими людьми, чтобы распространить въ своемъ обществѣ правильный взглядъ на Бѣлоруссію, на эту несчастную Бѣлоруссію? Гдѣ сколько-нибудь порядочныя, общедоступныя сочиненія, которыя бы вѣрно изображали нашу горькую долю?“ Корреспондентъ указываетъ, что въ руководствахъ по русской исторіи недостаточно разъяснялись происхожденіе Бѣлоруссіи и перевороты, въ ней происходившіе, что Бѣлоруссіей считали обыкновенно только могилевскую и витебскую губерніи, а затѣмъ остальнымъ западнымъ губерніямъ давали названіе „Литвы“, не растолковавши, въ какомъ смыслѣ и по какой причинѣ это дѣлается, такъ что читатели остаются въ убѣжденіи, что въ этой такъ-называемой Литвѣ дѣйствительно живутъ одни литовцы и поляки, между тѣмъ какъ литовцы составляютъ большинство населенія только въ ковенской губерніи, а во всѣхъ остальныхъ огромное большинство составляютъ бѣлоруссы, а поляки вездѣ—меньшинство.

Въ упомянутомъ воззваніи редакціи „Дня“, послѣ сознанія въ томъ, что мы забыли Бѣлоруссію, слѣдовало увѣщаніе бѣлорусскому духовенству, чтобы оно „разучилось по-польски“, чтобы оно перестало употреблять польскій языкъ, вошедшій у него въ привычку во времена польскаго господства и странный въ то время, когда западный край давно возвратился къ Россіи. „Посудите сами: можете ли вы назваться представителями русской народности (а другихъ опатамъ и не имѣетъ), если вы въ вашихъ семействахъ избѣгаете рус-

на, что Пруссія умѣетъ справляться съ поляками, что „лехиты такъ боятся нѣмцевъ“, что „пруссаки — мастера ступшевывать полонизми“, это злорадство, конечно, только подтверждало мысль „Новаго Времени“.

¹⁾ 1863—1864, т. I, июль, стр. 79—80, выписка изъ газеты „День“.

скаго языка и говорите по-польски? Какого уваженія и довѣрія можете вы ожидать отъ мѣстнаго русскаго народа, если вамъ ближе, сроднѣе и сподручнѣе языкъ враговъ его вѣры и народности?.. Одушевитесь же всѣ, всѣ, безъ различія пола и возраста, истинною, плодотворною любовью къ вашей народности!.. Пусть русская дѣвица, не выучившаяся говорить по-русски, не найдетъ себѣ жениха между вами; пусть русскій, употребляющій вмѣсто русскаго польскій языкъ, изгонится изъ вашего общества и лишится друзей. Страхните же съ себя дремоту, вялость, дряблость, весь соръ и пыль, наметенный на васъ исторіей“, и т. д.

Относительно этого пункта въ Вильнѣ уже скоро были приняты мѣры. Рѣшеніе вопроса начато было приказомъ по полиціи виленайскаго полиціймейстера, гдѣ, кромѣ распоряженій относительно наблюденія за порядкомъ въ костелахъ, на гуляньяхъ и т. п., недопущенія какой-либо одежды, имѣющей хотя тѣнь революціонной пропаганды, кромѣ производства „разновременно постепенныхъ обысковъ въ домахъ“, уничтоженія польскихъ вывѣсокъ, приказано было еще: „всѣ лавки, магазины, заѣзжіе дома, трактиры, кондитерскіе, аптеки и гостиницы вновь осмотрѣть, и если еще гдѣ-нибудь отыщется веденіе счетовъ на польскомъ языкѣ, или же замѣчены будутъ разговаривающіе на этомъ *чуждомъ странъ языкѣ*, то о всѣхъ тотчасъ же донести мнѣ“ ¹⁾).

Между тѣмъ тотъ же бѣлорусскій корреспондентъ „Дня“ только что рассказывалъ, что въ дѣйствительности этотъ „чуждый странъ языкъ“ господствовалъ не только между поляками, не только между бѣлоруссами, но проникалъ и въ самыя русскія семьи. Корреспондентъ приписывалъ это „шаткости и неопредѣленности взгляда великорусскихъ людей“ на западный край, вслѣдствіе чего „происходить и то въ высшей степени грустное явленіе, что великорусскіе люди, особенно если разсчитываютъ водвориться у насъ навсегда, *ополячиваются* сами или, по крайней мѣрѣ, *ополячиваютъ* свое потомство, жепившись на полькахъ, причемъ приводятъ въ свое оправданіе извѣстную поговорку: съ волками жить—по волчьи быть“. Чиновники бѣлорусскіе, происходище не изъ шляхты, обыкновенно остаются вѣрны своей національности, но не имѣютъ значенія; а чиновники изъ шляхты, жившей нѣкогда по польскимъ обычаямъ— „съ ногъ до головы заражены польскимъ духомъ, и только православная вѣра мѣшаетъ имъ окончательно слиться съ поляками, бредятъ унией“ ²⁾, посѣщаютъ почти исключительно костелы, употреб-

¹⁾ „Вѣстникъ“, 1863—1864, т. III, мартъ, стр. 356.

²⁾ Замѣтимъ, что изображаются 60-е годы—черезъ четверть столѣтія послѣ окончательнаго уничтоженія униі въ западномъ краѣ.

ляютъ постоянно польскій языкъ дома, въ обществѣ, на гуляньяхъ, читаютъ только польскихъ авторовъ“ и пр. Наконецъ, въ духовенствѣ, „языкъ польскій такъ глубоко въѣлся въ его плоть и кровь, что, во-первыхъ, часто во время литургіи слышишь его употребленіе между церковно-служителями, и, во-вторыхъ, есть пастыри, которые *исповѣдуютъ* своихъ прихожанъ по-польски“ ¹⁾.

Авторъ объяснилъ бы дѣло еще полнѣе, еслибы вникнулъ въ то, отчего же произошла эта „шаткость взгляда“ великорусскихъ людей на западный край: безпристрастная исторія указала бы дѣйствительный характеръ отношеній, — но въ ту минуту о безпристрастной исторіи думали всего меньше...

Господство польскаго языка въ средѣ бѣлорусскаго духовенства, указанное печатью, повело также къ официальному вмѣшательству церковной власти; епархіальное начальство разсылало не разъ запрещенія духовенству употреблять въ домашней жизни польскій языкъ.

Другой корреспондентъ „Дни“ ²⁾, разсуждая о разныхъ мѣрахъ къ обрусенію западнаго края, относительно данной минуты указывалъ — „такое положеніе: напр., въ Вильнѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного русскаго врача (за исключеніемъ, конечно, полковыхъ), ни содержателя типографіи, гостинницы или кофейной, и вообще, за вычетомъ двухъ-трехъ портныхъ, ни одного русскаго ремесленника... и, такимъ образомъ, на каждомъ шагу чувствуется потребность, если не говорить, то, по крайней мѣрѣ, понимать по-польски“...

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда здравый смыслъ сталъ отчасти вступать въ свои права, мы находимъ въ самомъ „Вѣстникѣ“ Говорскаго признанія иного рода. Не одинъ разъ, касаясь вопроса о бѣлорусскомъ духовенствѣ, онъ объяснялъ, что въ условіяхъ западно-русской жизни въ бытъ духовенства естественно проникали польскія черты и самый языкъ, и что надо, наконецъ, признать эти мѣстныя особенности, не вредящія политическимъ цѣлямъ власти. Самъ „Вѣстникъ“ возстаетъ противъ мелочныхъ обвиненій, съ какими обрушивались на западно-русскихъ людей за эти мѣстныя особенности ихъ быта.

„Духовенство (западно-русское), — говорилъ журналъ, — оскорбляютъ подозрѣніемъ въ недостаткѣ... даже благонадежности политической... Подслушанное кѣмъ-либо въ семействѣ здѣшняго духовенства польское слово, подмѣченный въ священнической избѣ образокъ съ латинскою или польскою надписью, замѣченное, въ существѣ дѣла ничтожное, сомнительное и безразличное, отступленіе отъ православ-

¹⁾ Тамъ же, 1863—64, I, июль, стр. 85—88.

²⁾ 1864, № 1.

ной обрядности Великороссіи, даже самый покрой платья и условія жизни женскаго пола—все это ставится въ укоръ здѣшнему духовенству, а нерѣдко и въ строку, не только писанную, но и печатную... Чтѣ наростало вѣками, отъ того нельзя освободиться моментально“ ¹⁾). Совершенно справедливо.

Въ другой разъ говорится о положеніи духовенства юго-западнаго, подпадавшаго тѣмъ же вліяніямъ польскимъ, какъ и сѣверо-западное,—и объясняется, почему польскій языкъ становится господствующимъ въ его домашнемъ быту и какой грубой ошибкой было бы дѣлать изъ этого обвиненіе противъ западно-русскаго духовенства ²⁾).

---

¹⁾ „Вѣстникъ“, 1869, т. II, кн. 5-я, отд. III, стр. 17.

²⁾ Между прочимъ, говорится здѣсь: „у насъ польскій языкъ до послѣдняго времени игралъ такую роль, какую теперь играетъ французскій языкъ въ высшихъ кругахъ нашего русскаго общества“, и пр. „Вѣстникъ“, 1867, т. III, кн. 8-я, отд. II, стр. 88—89.

ГЛАВА VI.

НОВЫЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗЫСКАНІЯ.

Необходимость изслѣдованій историческихъ и этнографическихъ. — Атласы Эркерта и Риттиха; замѣчанія Кояловича и Вобровскаго. — Вопросъ о возста-
вленіи чистой русской народности. — Преобразование Вилenskaго музея. —
Труды этнографическіе: сборники Гильтебрандта, Руберовскаго, Дмитріева,
Крачковскаго.

Тревожныя событія въ Польшѣ и западномъ краѣ вызвали и дру-
гую дѣятельность для выясненія положенія вещей. Нужно было, на-
конецъ, опредѣлить дѣйствительныя историческія и этнографическія
отношенія края; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство хотѣло дать отвѣтъ
на запросы и толки европейской дипломатіи и печати: для той и
другой цѣли послужили изданіе двухъ атласовъ западнаго края и
одна работа Археографической комиссіи, о которой скажемъ далѣе.

Въ началѣ 1863 года вышло въ Петербургѣ французское изданіе
этнографическаго атласа г. Эркерта ¹⁾, предназначенное для чита-
телей европейскихъ. Въ слѣдующемъ году это изданіе вышло но-
русски ²⁾. Около того же времени вышелъ другой атласъ — извѣст-
ный подъ именемъ атласа г. Риттиха ³⁾.

---

¹⁾ „Atlas ethnographique des provinces, habitées en totalité ou en partie par les Polonais“.

²⁾ „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“. Полк. Р. Ф. Эркерта. Слб. 1864 (72 стр.), съ атласомъ.

³⁾ „Атласъ народонаселенія западно-русскаго края, по исповѣданіямъ. Составленъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ канцеляріи заведывающаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное (Первое для публики)“. Слб. 1864. Потомъ вышла еще: „Карта народонаселенія августовской и люблинской губерній по исповѣданіямъ и племенамъ“. Слб. (1865)—на двухъ большихъ листахъ, по двѣ карты на каждую губернію.—Въ „Атласѣ“ предисловіе и таблицы—на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Атласъ г. Эркерта можно назвать официальнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ составленъ въ особенности по официальнымъ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ (за 1858 годъ), къ которымъ присоединяются и многіе другіе статистическіе источники; но атласъ не былъ, кажется, исполненіемъ официального порученія и задуманъ былъ по собственной инициативѣ автора ¹⁾, чѣмъ и должна объясняться нѣкоторая особенность его мнѣній. Въ брошюрѣ, приложенной къ атласу, авторъ излагаетъ свои взгляды на историческій и этнографическій характеръ края. Какъ опредѣлить племенной составъ края, о которомъ шла тогда спорная рѣчь въ дипломатіи, правительственныхъ мѣропріятіяхъ и литературѣ? Г. Эркертъ хотѣлъ быть непристрастнымъ судьей въ этихъ сложныхъ отношеніяхъ и приходилъ къ убѣжденію, что въ западномъ краѣ ничто не опредѣляетъ черты, разграничивающей *русскую* народность отъ *польской*, такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ—„въ западной Россіи, съ сравнительно немногими исключеніями, всѣ славянскіе обитатели православнаго исповѣданія должны считаться русскими, а всѣ тѣ, которые исповѣдуютъ католическую религію, поляками. Этотъ способъ воззрѣнія не во всѣхъ случаяхъ и не абсолютно правиленъ (для волынской, подольской и кіевской губерній онъ правильнѣе, нежели для бѣлорусскихъ губерній); но, говоря относительно, онъ чрезвычайно вѣренъ. Если за основаніе дѣленія принять одинъ только языкъ, то численное отношеніе между русскими и поляками не мало измѣнилось бы въ пользу русскаго населенія и въ ущербъ польскаго“ (стр. 6). Авторъ замѣчаетъ, что этотъ взглядъ на разграниченіе русской и польской народности фактически раздѣляютъ тамъ и простой народъ, русскій и польскій, гражданскія и военныя власти, духовенство, помѣщики и квартировавшіе въ краѣ русскія войска, — и что „чѣмъ ниже степень просвѣщенія, на которой стоятъ народы, сравниваемые между собою въ національномъ отношеніи, тѣмъ важнѣе и рѣшительнѣе значеніе вѣроисповѣданія, какъ способъ разграниченія народностей“ (стр. 10).

Далѣе г. Эркертъ говоритъ объ исторической судьбѣ края и накопецъ о современномъ этнографическомъ положеніи. Приводимъ два

¹⁾ Сколько мы знаемъ, г. Эркертъ, пруссакъ по происхожденію и подданству, перешелъ изъ прусской гвардіи въ русскую около 1850 года, по личной рекомендаціи прусскаго короля имп. Николаю; служилъ въ московскомъ полку, въ началѣ 1860-хъ годовъ былъ полковникомъ и около этого времени назначенъ командиромъ стрѣлковаго баталіона, потомъ стрѣлковой (5-й) бригады въ западномъ краѣ, и командовалъ ею долго; затѣмъ онъ получилъ дивизію на Кавказѣ. Около середины восьмидесятыхъ годовъ онъ вышелъ въ отставку изъ русской службы генералъ-лейтенантомъ и уѣхалъ на житье въ Берлинъ. Въ послѣдніе годы онъ издалъ обширный трудъ „Кавказъ“.

его замѣчанія. „Католическіе бѣлоруссы... по своему образу мыслей, привычкамъ и роду жизни — совершенные поляки. Даже православные по большей части, за неимѣніемъ русскихъ молитвенниковъ, придерживаются католическаго обычая читать въ церкви молитвы изъ польскихъ молитвенниковъ. Вслѣдствіе этого его высокопреосвященство митрополитъ литовскій, въ концѣ 1863 года, счелъ необходимымъ снова подтвердить тамошнему православному духовенству, чтобы оно усугубило стараніе вывести у прихожанъ изъ употребленія польскія молитвы и польскіе молитвенники и замѣнить ихъ молитвами и молитвенниками на славянскомъ или русскомъ языкахъ. Въ то же время православному духовенству литовской епархіи предписано, чтобы въ *священно-служительскихъ семействахъ* было прекращено употребленіе польскаго языка“ ¹⁾.

Въ тогдашнихъ предположеніяхъ о необходимости исправить національное положеніе западнаго края считалось, между прочимъ, нужнымъ привлечь въ западный край чисто русскія силы: однимъ казалось, что нужны русскіе чиновники для замѣны ими чиновничества польскаго, оказавшагося вреднымъ для западнаго края; другіе находили необходимымъ усиленіе русскаго землевладѣнія (правительство, какъ извѣстно, употребило эти мѣры, призывая массами русскихъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній и передавая польскія конфискованныя имѣнія на льготныхъ условіяхъ благонадежнымъ русскимъ лицамъ); г. Эркертъ полагалъ, что въ западномъ краѣ есть уже большая сила, дѣйствующая въ національномъ русскомъ смыслѣ.

„Важнѣйшею связью, которая съ 1831 года практически соединяла русскій западъ съ русскимъ востокомъ, или, какъ мы готовы бы были сказать, *лучшимъ національнымъ, сильнымъ звеномъ* между ними и самымъ живительнымъ дуновеніемъ воздуха изъ Великой Россіи, постоянно сохранявшимъ свою чистоту и свѣжесть, было пребываніе огромнаго количества войска въ западномъ краѣ, которое, вслѣдствіе своихъ своеобразныхъ (?) зимнихъ стоянокъ, приходило въ самое непосредственное и близкое соприкосновеніе съ тамошнимъ русскимъ крестьяниномъ“ (стр. 60).

Атласъ, составленный подполковникомъ Риттихомъ, подъ руководствомъ П. Н. Батюшкова, изданъ былъ первоначально не для

¹⁾ Стр. 65—66. Ср. распоряженіе литовской духовной консисторіи: „объ усугубленіи мѣръ, чтобы никто изъ православныхъ не ходилъ къ богослуженіямъ въ костелы и не употреблялъ польскихъ молитвенниковъ“, въ „Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи“ 1864—65, т. I, августъ, отд. IV, стр. 233—237 (изъ „Лит. Епарх. Вѣдомостей“), и „предложеніе митрополита Іосифа литовской консисторіи о подтвержденіи духовенству воспитывать своихъ дочерей во всемъ по русскому православному образованію“, тамъ же, т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 49—50.

публики, а только для официального употребленія. Только второе изданіе было выпущено для публики. Составленіе его начато было еще въ 1859 году г. Батюшковымъ, который завѣдывалъ устройствомъ православныхъ храмовъ въ западныхъ губерніяхъ; въ основаніи атласа лежали данныя, доставленныя министерству внутр. дѣлъ особыми чиновниками, командированными въ бѣлорусскій край для осмотра и возобновленія ветхихъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. По даннымъ министерства и по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ центральныхъ вѣдомствъ, составлены были первоначально (въ 1860—1861 г.) карты губерній витебской, могилевской и минской; но затѣмъ, съ развитіемъ церковно-строительнаго дѣла и съ поступленіемъ новыхъ матеріаловъ статистическихъ и этнографическихъ, явилась возможность приступить къ составленію вѣроисповѣднаго атласа всего западнаго края имперіи. Окончательный сводъ матеріала, его разработка и провѣрка съ официальными документами разныхъ вѣдомствъ и учеными статистическими изслѣдованіями, также какъ распредѣленіе на картахъ мѣстностей по исповѣданіямъ и племенамъ, производились г. Риттихомъ. Атласъ состоитъ изъ десяти картъ: одной общей и девяти отдѣльныхъ картъ, для каждой губерніи ¹⁾. Къ каждой картѣ приложены обильныя статистическія цифры на поляхъ и въ отдѣльныхъ большихъ таблицахъ; кромѣ того, въ началѣ атласа помѣщена не вошедшая въ первое изданіе синхронистическая таблица древнихъ княжествъ западнаго края, составленная Сербиновичемъ ²⁾. Предисловіе къ атласу, объясняющее способъ его составленія, заканчивается словами: „Составленный не по гадательнымъ и голословнымъ предрѣшеніямъ, только извращающимъ истину, но основанный на самыхъ точныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, атласъ по вѣроисповѣданіямъ служить лучшимъ опроверженіемъ лживыхъ понятій, распространяемыхъ недоброжелателями Россіи о народномъ составѣ нашего западнаго края, который, несмотря на отпечатокъ, оставленный на немъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ, составляетъ въ религіозномъ, племенномъ и историческомъ отношеніяхъ неотъемлемую органическую часть русскаго государства“. Въ началѣ заглавія поставленъ девизъ: „*veritas salusque publica*“.

Таковы были двѣ обширныя работы, предназначенныя къ устраненію той недостаточности свѣдѣній о западномъ краѣ, которая создавала упомянутыя „лживыя понятія“ и была дѣйствительно источ-

¹⁾ Эти губерніи были: могилевская, витебская, минская, виленская, гродненская, ковенская, кievская, подольская, волынская.

²⁾ „По руководству русскихъ и польскихъ писателей: Карамзина, Павлищева, Парбута, Крашевскаго, Ярошевича и друг. и согласно съ изданными Археографическою комиссіею древними государственными актами Литвы“.

никомъ многихъ печальныхъ и политически вредныхъ заблужденій. Нечего говорить о томъ, какъ важно было, что наконецъ подобные труды появились; жаль было одно, что они не появились нѣсколькими десятками лѣтъ раньше, и отсутствіе ихъ въ прежнее время рисуетъ ту роль западно-русского вопроса и въ обществѣ, и даже въ самомъ правительствѣ, на какую мы раньше указывали ¹⁾).

Атласы Риттиха и Эркerta имѣли немалое значеніе въ разъясненіи темнаго вопроса. Они встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ въ средѣ людей, заинтересованныхъ вопросомъ, и вызвали нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ важности. По поводу французскаго изданія атласа Эркerta сдѣлалъ сообщеніе въ собраніи Географическаго Общества г. Кояловичъ ²⁾. Онъ замѣчалъ многія неточности атласа, напр., уменьшеніе бѣлорусскихъ поселеній, объяснялъ по картѣ историческіе пути распространенія польской стихіи и, между прочимъ, причины, почему это вліяніе въ прежніе вѣка и до послѣдняго времени встрѣчало такъ мало отпора съ бѣлорусской стороны. Указавъ, напр., на ужасную обстановку бѣлорусскихъ поселеній во многихъ мѣстахъ западнаго края, какъ въ бѣдной болотистой странѣ печально-знаменитаго бассейна Припети, онъ говоритъ: „На такой почвѣ, въ

¹⁾ Первые нѣсколько правильныя изученія этого вопроса предприняты были, кажется, въ 1830-хъ и въ 1840-хъ годахъ, въ министерство Перовскаго, когда въ первый разъ поставлена была задача официальныхъ статистическихъ изслѣдованій. Въ ту пору обращено было вниманіе и на западный край, но работы частью были отрывочны, частью оставались въ неизданномъ видѣ, въ родѣ канцелярской тайны, пока ими не воспользовались офицеры генер. штаба въ своихъ описаніяхъ. Въ 1861 году издана была статистическая работа М. Лебекина, о которой можно упомянуть здѣсь ради нѣкоторыхъ ея странностей. („О племенномъ составѣ народонаселенія западнаго края российской имперіи“ въ Запискахъ Географическаго Общества, 1861, кн. III, и перепечатана въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, 1862—1863, т. II, октябрь). Лебекинъ, состоявшій при Центральномъ статистическомъ комитетѣ, пользовался официальными данными, но удивительнымъ образомъ смѣшавши современную статистику съ лѣтописными извѣстіями о древнихъ жителяхъ края, исчисляетъ здѣсь не только тѣ племена, какія находятся въ наличности въ западномъ краѣ, но и тѣ, которыхъ въ настоящее время совсѣмъ не имѣется, а которые были здѣсь развъ въ X—XII-мъ вѣкахъ. Напр., онъ не только даетъ цифру великороссіянъ, малороссіянъ, поляковъ, литовцевъ, но ему *известно съ достовѣрностію*, что въ западномъ краѣ находятся поляне (108.453), древляне (196.900), кривичи (23.016), волыняне (93.744), тиверцы и угличи (8.398), хорваты (17.228); въ числѣ инородцевъ указаны ятваги съ цифрой 30.927. Такимъ образомъ, когда историки полагали, что тѣ или другія древнія племена безслѣдно исчезли въ позднѣйшемъ племенномъ объединеніи, какъ, напр., какиенбудъ древляне или тиверцы и угличи, или погибли въ исторической борьбѣ, какъ ятваги, Лебекинъ въ какихъ-то неисповѣдимыхъ источникахъ находилъ ихъ даже въ настоящую минуту и указывалъ ихъ численность не только въ тысячахъ, но даже въ десяткахъ и единицахъ, и притомъ не только вообще, но даже въ частныхъ цифрахъ по уѣздамъ!

²⁾ Въ маѣ 1863; оно напечатано въ „Днѣ“, 1863, № 20.

такомъ положеніи, само собою разумѣется, не легко могла выработаться любовь къ родному и энергическія ея выраженія. Легче могло развиваться, напротивъ, желаніе пересоздаться въ кого угодно, въ великорусса или поляка, лишь бы какъ-нибудь выйти изъ тяжелаго положенія. Этой измѣнчивости своему родному элементу много способствовало самое нарѣчіе бѣлорусское, которое, при неоспоримо русскомъ строѣ, представляетъ собою, однако, поразительную середину между русскимъ и польскимъ языками¹⁾. Онъ припоминалъ также нѣкоторые историческіе факты, которые съ другой стороны объясняютъ эту слабость бѣлорускаго племенного и религіознаго отпора. Напримѣръ, послѣ перваго раздѣла Польши и наканунѣ послѣдняго, въ Минскѣ еще кипѣла вѣковая борьба, и—„кипѣла очень оригинально. Въ 1794 году, въ то время, когда дипломатія рѣшала вопросъ о послѣднемъ раздѣлѣ Польши, когда народу можно было, по-видимому, бросить борьбу, въ полной увѣренности, что она рѣшится извнѣ и въ его пользу, минскіе церковные братчики, гласить преданіе, три дня бились съ поляками изъ-за ограды своей братской церкви. Но—какая странность! Въ скоромъ времени (когда все уже рѣшилось) имъ пришлось жаловаться, что великорусскіе монашествующіе устраниютъ ихъ отъ историческаго участія въ дѣлахъ своей церкви. Самая братская церковь переименована изъ древняго имени Петропавловской въ Екатерининскую! Я не даромъ привелъ этотъ фактъ. Я вижу въ немъ бесплодное выраженіе физической силы и несчастное выраженіе моральной бѣлорусской силы“.

Въ послѣднихъ не совсѣмъ ясныхъ словахъ авторъ желалъ сказать, вѣроятно, что новая власть не хотѣла или не умѣла показать вниманія и уваженія къ мѣстному преданію и обычаю, въ которыхъ и была нравственная сила бѣлорускаго населенія; вмѣсто того, прямо вводился русскій ходячій обычай, въ которомъ офиціальная сухость бюрократіи соединялась съ бытовою грубоватостью. Вводимое, многими сторонами своими, было чуждо мѣстному населенію, принималось по необходимости, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ социальное преимущество все-таки осталось за поляками, бѣлоруссы не получили и теперь достаточно нравственно-общественныхъ опоръ для сопротивленія старому польскому преобладанію,—и, къ удивленію, мы читаемъ у историковъ Бѣлоруссіи, что именно съ конца прошлаго вѣка и совершалась, съ особеннымъ успѣхомъ, колонизація западнаго края.

Нѣчто подобное этому, какъ увидимъ дальше, повторилось въ Бѣлоруссіи и въ 1860-хъ годахъ... ¹⁾.

¹⁾ Любопытно, что г. Колловичъ, не по примѣру другихъ тогдашнихъ объединителей и официальныхъ историковъ, признавалъ великій трудъ и историческую роль Малороссіи. „Я не могу,—говоритъ онъ,—не признавать *необыкновенныхъ подвиговъ*

Г. Кояловичъ заканчивалъ призывомъ „дружнаго участія великорусскихъ общественныхъ силъ“ для блага западнаго края...

Изъ другихъ отзывовъ, явившихся по поводу атласовъ Эркerta и Риттиха ¹⁾, остановимся еще на подробной статьѣ г. Бобровскаго, представлявшаго извѣстный авторитетъ по указанному выше труду его о гродненской губерніи. Г. Бобровскій ²⁾ вообще отозвался объ атласѣ Эркerta съ похвалами, хотя находилъ числовыя погрѣшности въ разграниченіи поляковъ отъ бѣлоруссовъ, характеристику разныхъ племенъ (въ брошюрѣ) считалъ слабою и неполною. Главною теоретической и практической ошибкой Эркerta г. Бобровскій считалъ его взглядъ, что за основу разграниченія народностей русской и польской въ западномъ краѣ должно быть принято вѣроисповѣданіе. По мнѣнію г. Бобровскаго, въ этомъ случаѣ нѣтъ другого исходнаго пункта, кромѣ языка: „самъ г. Эркертъ чѣмъ, какъ не языкомъ, руководствовался при разграниченіи бѣлоруссовъ отъ малоруссовъ, литовцевъ и латышей отъ бѣлоруссовъ и поляковъ—а между тѣмъ не хочетъ признать такого же принципа для разграниченія поляковъ отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ“. Если бѣлоруссы, по замѣчанію Эркerta, не называютъ себя этимъ именемъ, то они—„говорятъ по бѣлорусски, следовательно чувствуютъ и думаютъ по-русски“. Собственное толкованіе этого предмета у г. Бобровскаго было слѣдующее:

„Бѣлоруссы, не зная того, что они бѣлоруссы, сохранили и въ обыденной рѣчи, и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ свои опредѣленные, національныя, логическія формы, свой духъ, свой опредѣленный характеръ—свои нравы ³⁾, свои обычаи и т. п. Вѣроятно, не безъ извѣстно г. Эркерту, что у бѣлоруссовъ, независимо отъ вѣры во Христа, и притомъ безразлично—по греческому или латинскому обряду, остаются еще глубокія вѣрованія въ нѣкоторыя естественныя явленія, какъ въ нѣчто необыкновенное, предубѣжденія, вѣра въ колдовство и чародѣйство; въ этомъ независимо отъ Евангелія заключается ихъ книга судебъ, ихъ мораль, загадка и разгадка ихъ существованія (?).

малороссійскаго племени, совершенныхъ для защиты родного западно-русскаго дѣла... Малороссійское племя выработало твердое сознаніе, что народная западно-русская сила неодолима, и обставило его *длинными преданіями*. Оно первое возстановило исторически прерванную народную связь Западной Россіи и Великой Россіи“.

¹⁾ Напр., еще отзывъ г. Кояловича въ „Р. Инвалидѣ“, 1864, № 174; „Спб. Вѣдом.“, 1864, № 68 и др.

²⁾ „Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племенного разграниченія славянъ западной Россіи?“ (по поводу атласа Эркerta). „Р. Инвалидѣ“, 1864, № 75, 80.

³⁾ Вѣроятно такъ: въ подлинникѣ „права“.

„Исполняя всё христіанскіе обряды какъ бы безсознательно, бѣлорусъ — я говорю о большинствѣ, о крестьянахъ — будь онъ православный или католикъ, имѣетъ свои убѣжденія, свою нравственную философію и передаетъ все это вмѣстѣ съ языкомъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это суевѣріе... сопутствуетъ ему отъ колыбели до могилы и всегда неразлучно съ его языкомъ; въ этомъ-то и надобно искать племенного разграниченія здѣшнихъ *славянъ* (?), тутъ выясняется и племенное отличіе бѣлоруссовъ, и происхожденіе ихъ отъ одного корня съ великоруссами“...

Г. Бобровскій предостерегаетъ и отъ излишняго довѣрія къ тѣмъ показаніямъ, какія наблюдатель можетъ встрѣтить на мѣстѣ.

„И всендзъ, и помѣщикъ, — говоритъ онъ, — никогда не скажутъ о бѣлоруссѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, что онъ — бѣлорусъ или русскій, а скажутъ: литовецъ... Поговорите съ этимъ литовцемъ, и вы услышите бѣлорусскую рѣчь.

„Мы имѣемъ этнографическіе списки отъ священниковъ и нѣкоторыхъ всендзовъ гродненской губерніи, доставленные намъ въ числѣ другихъ матеріаловъ при исполненіи возложеннаго на насъ порученія ¹⁾. На спискахъ *тѣхъ и другихъ* прихожане, какъ православные, такъ и католики, названы литовцами и тутъ же приложены образчики языка — вы думаете: литовскаго; нѣтъ, бѣлорусскаго или малороссійскаго...

„Ксендзъ это дѣлалъ потому, что эти бѣлоруссы когда-то входили въ число народностей литовскаго государства. Мы видимъ тутъ не политическую ошибку, какъ думаетъ г. Эркерть, а политическую правду и весьма грубую этнографическую ошибку“.

Другими словами, въ польскомъ и западно-русскомъ употребленіи до послѣдняго времени оставалось старое мѣстное обозначеніе края, державшееся здѣсь прежде въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и повторявшееся потомъ безсознательно. Любопытно опять, что сто лѣтъ русскаго господства не измѣнили этой исторически отжившей номенклатуры.

Вообще въ бѣлоруссѣ, полѣшукѣ (жителѣ Полѣся), бужанинѣ, г. Бобровскій видитъ „древнѣйшій типъ славянина, правда изувѣченнаго, но твердаго и терпѣливаго въ своихъ страданіяхъ“. „По своему образу мыслей, говоритъ г. Э., привычкамъ и роду жизни бѣлоруссы (гродненской губерніи) — совершенные поляки. Нѣтъ, г. Эркерть, — пишетъ г. Бобровскій, — вы смотрите на Бѣлоруссію по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ палацовъ и костеловъ, встрѣчавшихся по маршруту (?)“.

¹⁾ Т.-е. описанія гродненской губерніи.

Изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, что два наблюдателя вынесли весьма несходное впечатлѣніе, хотя оба жили на мѣстахъ, имѣли въ рукахъ массу officialнаго и частнаго матеріала (намъ не думается, чтобы г. Эркерть руководился указаніями палацовъ и костеловъ: мнѣнія его были, кажется, довольно самостоятельны). Очевидно, что изслѣдованіе еще не установилось, что непривычный предметъ не поддавался опредѣленію на первый взглядъ. Это оказалось и въ общемъ результатѣ полу-officialныхъ и чисто-officialныхъ изслѣдованій Эркерта и Риттиха. Сличая ихъ данныя, г. Бобровскій отмѣтилъ весьма значительную разницу: какъ мы видѣли, Эркерть въ разграниченіи народности русской и польской придавалъ особое значеніе различію вѣроисповѣдному; атласъ Риттиха былъ именно вѣроисповѣдный, и тѣмъ не менѣе въ ихъ показаніяхъ ¹⁾ открывалась слѣдующая разница (откидываемъ дроби):

	по Риттиху:	по Эркерту:
русскихъ	2.854.000	2.531.000
поляковъ	383.000	791.000
литвы и латышей . .	713.000	529.000
(затѣмъ, евреевъ, нѣмцевъ, татаръ и пр.).		
всего	4.485.000	4.294.000

Замѣтимъ, что у Эркерта не считаются военные, но число ихъ, по словамъ г. Бобровскаго, не соотвѣтствуетъ разности между обѣими цифрами населенія этихъ губерній, потому что число всѣхъ военно-служащихъ, съ женами и дѣтьми, не превосходило тогда 150.000. По одной гродненской губерніи, которую специально изслѣдовалъ самъ г. Бобровскій, разница польскаго населенія вышла слѣдующая: Эркерть считалъ здѣсь поляковъ 270.000, а Бобровскій насчитывалъ всего 83.000. Разница такъ громадна, что въ ея основѣ, очевидно, лежитъ отсутствіе точнаго правила разграниченія, неясность самой сущности вопроса для кого-нибудь изъ изслѣдователей, а можетъ быть, для обоихъ.

Повидимому, г. Бобровскій справедливо указывалъ существенное значеніе языка и народнаго преданія, какъ отличительной этнографической черты; но, съ другой стороны, не совсѣмъ ошибался и г. Эркерть — онъ ставилъ вопросъ на практическую почву и находилъ не безъ основанія, что въ данныхъ условіяхъ вѣроисповѣдное отличіе было едва ли не важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ говорили тогда въ одинъ голосъ, что католичество тѣсно связано съ полонизмомъ, и дѣйствительно, церковная католическая іерархія, священство и цер-

¹⁾ Приводимыя ниже цифры относятся къ губерніямъ западнаго края, имѣющимъ бѣлорусское населеніе, именно къ могилевской, минской и значительной части гродненской, виленьской и витебской.

веро-западный край былъ менѣе ополяченъ, чѣмъ по прошествіи 31-го года, когда только-что былъ подавленъ нѣмѣшскій мятежъ. Не поучительно ли это показаніе?...

„Повторяемъ еще разъ: въ настоящее время дѣло идетъ о нравственномъ завоёваніи западнаго края Россіи, а это завоёваніе не можетъ быть совершенно иначе, какъ при самомъ живомъ, при самомъ дружномъ содѣйствіи со стороны всей Россіи, со стороны всего русскаго общества. Нравственныя силы нашего общества, за отсутствіемъ средствъ къ ихъ упражненію, дѣйствительно, не очень велики, но мы надѣемся, что ихъ хватило бы для этого дѣла, лишь бы только дана имъ была возможность свободно дѣйствовать порознь и сообща, и лишь бы стремленія къ общепользнымъ цѣлямъ встрѣчались съ сочувствіемъ, а не съ тревожными и напрасными опасеніями“ ¹⁾.

Это было очень справедливо, потому что дѣйствительное объединеніе западнаго края съ русскимъ центромъ не могло быть достигнуто одними канцелярскими или военно-административными мѣрами. Требовалось объединеніе жизненное, а эти мѣры были дѣломъ чисто внѣшнимъ, направлялись на поверхностныя проявленія, а внутри идущая жизнь могла продолжать свое прежнее теченіе, отзываясь на эти мѣры равнодушіемъ или пассивнымъ сопротивленіемъ, замыкаясь въ самое себя и создавая внѣшнее единство, подъ которымъ могъ скрываться старый разладъ и взаимное непониманіе. Къ сожалѣнію, оно такъ и было. Изложенный взглядъ, какъ мы сказали, былъ въ существѣ вѣренъ; къ сожалѣнію, жизнь русскаго общества, изъ котораго должно бы исходить объединяющее вліяніе (по признанію самой газеты), не представляла тѣхъ условій самостоятельности, при которыхъ только и возможно было бы желаемое нравственное воздѣйствіе. Нужно было бы прежде всего, чтобы западно-русскій вопросъ въ самомъ русскомъ обществѣ могъ быть обсужденъ съ его разныхъ сторонъ, обсужденъ искренно и открыто, — но этой возможности не было, и тотъ самый кругъ, отъ имени котораго говорила вообще упомянутая газета, не преминулъ бы обвинить въ „измѣнѣ“ тѣхъ, кто рѣшился бы указать иныя, упускаемыя изъ виду стороны предмета, а съ другой стороны диктаторскія полномочія, съ которыми тогда управлялся западный край, закрывали его отъ общественнаго мнѣнія. Прошли десятки лѣтъ, пока могли явиться въ печати иныя взгляды на положеніе края въ 1860-хъ годахъ ²⁾, чѣмъ тѣ, какіе въ то время были обязательны. Характеръ принимавшихся тогда мѣръ заставлялъ ожидать соответственныхъ результатовъ; слухи, доходившіе изъ края, не были особенно благоприятны, и рассказы и воспоминанія о томъ времени, напечатанные въ по-

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“, 1864, № 126.

²⁾ *Истор.*, вѣстие, напечатанные недавно, рассказы покойнаго Н. В. Берга и другіе мемуары о томъ времени.

слѣдніе годы, вопліѣ ихъ подтверждаютъ: напр., усиленный вызовъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній далъ вообще не весьма удачный контингентъ дѣятелей, которые шли только на упомянутую „приманку“ и не только не создавали нравственного общенія, но отталкивали мѣстныхъ жителей, такъ что и съ приходомъ этихъ „русскихъ дѣятелей“ нравственное объединеніе не устанавлилось; свойство мѣропріятій, крутое и, что называется, экстра-легальное, также мало способствовало водворенію мирныхъ отношеній, среди которыхъ могла бы возникнуть нравственная связь, хотя бы въ первыхъ пачаткахъ. Не вдаваясь въ этотъ предметъ, укажемъ одинъ образчикъ, отмѣченный даже въ тогдашней литературѣ. Въ „Голосѣ изъ гродненской губерніи“ ¹⁾ мы читаемъ: „Въ средѣ великорусскихъ чиновниковъ нашлись и такія личности, которымъ не мѣсто въ нашемъ краѣ, требующемъ великаго самопожертвованія, теплой любви, разумной дѣятельности и твердой честности отъ служащихъ здѣшнему народному дѣлу, которые прибыли къ намъ, кажется, для того только, чтобы безъ разбора все разрушать, ломать и ничего не созидать, которые, не желая или не умѣя понять и сообразиться съ положеніемъ, нуждами и духомъ здѣшнихъ обитателей, самымъ грубымъ образомъ оскорбляютъ наше духовенство, много пострадавшее въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ за свою любовь къ св. вѣрѣ и русскому народу и, кажется, своими страданіями заслужившее нѣкоторое уваженіе, любовь и поддержку. Онѣ, эти личности, подрываютъ святое и плодотворное довѣріе пасомыхъ къ своимъ пастырямъ и своими грубыми, деспотическими поступками убиваютъ развивающееся теперь въ народѣ чувство законности—это необходимое условіе мира и благоденствія каждаго общества и государства“. Повѣсть объ этомъ дѣлѣ подробно разсказана въ гродненской корреспонденціи и была не единственнымъ примѣромъ своего рода...

Въ ряду мѣръ, которыя принимались тогда для обрусенія края, одной изъ особенно замѣтныхъ было „преобразование“ Виленскаго музея древностей. Въ этой довольно странной исторіи характерно отразилось двойственное состояніе края, причемъ „преобразование“ не разрѣшило исторической и этнографической двойственности. Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ 1856 году основанъ былъ въ Вильнѣ, съ Высочайшаго соизволенія, музей древностей, который долженъ былъ заключать въ себѣ предметы, относящіеся къ исторіи западнаго края Россіи, съ цѣлью, содѣйствуя сохраненію памятниковъ древности, доставить возможность воспользоваться ими къ изученію края; въ рескриптѣ наследника цесаревича, подъ покровительствомъ кото-

¹⁾ „День“, 1864, № 29.

раго долженъ былъ существовать вновь открывшійся музей, высказано было также, что музей долженъ былъ содѣйствовать „къ вѣдшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прочими областями Россіи“. Основаніе музея было вполнѣ дѣломъ графа Евстафія Тышкевича, извѣстнаго археолога; онъ передалъ сюда собственную обширную коллекцію древностей и другихъ замѣчательныхъ предметовъ и былъ тогда же назначенъ попечителемъ музея; затѣмъ стали поступать другія пожертвованія отъ мѣстныхъ помѣщиковъ; въ 1858 году, къ пріѣзду имп. Александра II въ Вильну, составленъ былъ наскоро каталогъ музея. При томъ состояніи социальномъ, какое въ то время еще продолжалось; при томъ положеніи этнографическихъ изученій, которыя велись въ то время въ польской литературѣ и едва начинались въ русской, понятно, что въ средѣ тогдашнихъ польскихъ основателей музея старина западнаго края понималась именно въ томъ смыслѣ, какъ привыкли издавна понимать ее въ польскомъ обществѣ. Историческая и этнографическая принадлежность края была темнымъ вопросомъ для самихъ русскихъ изслѣдователей; въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ они не понимали слова „Литва“ въ приложеніи къ губерніямъ съ бѣлорусскимъ населеніемъ, и старый политическій терминъ считали также и обозначеніемъ племени, для поляковъ этотъ терминъ оставался еще въ употребленіи, какъ живое историческое преданіе; не только польскіе, но и русскіе этнографы все еще видѣли здѣсь какихъ-то „кривичанскихъ славянъ“, а одинъ русскій этнографъ (Лебединъ) находилъ еще въ 1861 году въ западномъ краѣ не только кривичей, но древлянъ, дреговичей, тиверцевъ, даже итвыговъ... Не будемъ при томъ думать, чтобы польскіе основатели музея были какіе-нибудь радикалы, которые съ злонамѣренной тенденціей хотѣли бы удалить изъ музея (какъ ихъ послѣ въ томъ обвиняли) всякій слѣдъ русской старины: напротивъ, это были мѣстные патріоты (въ томъ „литовскомъ“ смыслѣ, какъ ихъ характеризовалъ г. Безсоновъ), далеко не чуждавшіеся связи съ русскою наукой; графъ Тышкевичъ принималъ участіе въ работахъ московскаго Археологическаго Общества и его имя пользовалось уваженіемъ въ средѣ русскихъ ученыхъ; Киркоръ доставлялъ свои труды въ Географическое Общество въ Петербургѣ, писалъ и по-польски, и по-русски; труды писателей этого круга долго служили для русскихъ изслѣдователей полезнымъ руководствомъ въ изученіи западно-русской старины, какъ труды Нарбутта, Крашевскаго, Ярошевича, Малиновскаго, гр. Тышкевича, Царчевскаго и т. д.; г. Безсоновъ, въ своемъ трудѣ по бѣлорусской этнографіи, съ признательностью называетъ эти и другія имена лицъ, служившихъ съ пользой дѣлу научнаго изслѣдо-

ванія западнаго края... Однимъ словомъ, точка зрѣнія, руководившая основателемъ Виленскаго музея древностей, не была какой-либо новой выдумкой; это былъ привычный взглядъ интеллигенціи западнаго края, въ то время не только неоспоренный съ русской стороны, но признаваемый; присутствіе польскаго элемента въ западномъ краѣ, его участіе въ исторіи „Литвы“ съ очень давнихъ и до очень недавнихъ временъ не возбуждало сомнѣній, хотя историческая роль Польши осуждалась съ русской точки зрѣнія; въ новѣйшихъ официальныхъ изслѣдованіяхъ западнаго края, произведенныхъ офицерами генеральнаго штаба, были выведены цѣлыя сотни тысячъ польскаго и католическаго населенія... Въ одно прекрасное утро все это должно было переимѣниться. Крутыя мѣры, принимавшіяся въ западномъ краѣ съ 1863 года, захватили въ началѣ 1865 года и Виленскій музей. Хотя сами официальные статистики генеральнаго штаба (Риттихъ, Зеленскій, Бобровскій) находили въ западномъ краѣ сотни тысячъ польскаго населенія, въ приказѣ виленскаго полиціймейстера польскій языкъ названъ былъ „чуждымъ странѣ“; весьма понятно, что съ этой точки зрѣнія и Виленскій музей, въ которомъ собрано было не мало остатковъ польской старины западнаго края, терялъ право на существованіе ¹⁾. Въ февралѣ 1865 года, въ Археологической комиссіи, состоявшей при музеѣ, происходило засѣданіе, съ какимъ-то злорадствомъ описанное въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго ²⁾ какъ своего рода *coup d'état* или скандалъ. Въ собраніи участвовало вновь вступившее туда военное лицо, которое заявило въ своей рѣчи о необходимости преобразованія музея и истребленія его польскаго духа ³⁾.

¹⁾ Замѣтимъ еще, что въ то же время, когда офицеры генеральнаго штаба не подтверждали вывода виленскаго полиціймейстера относительно польскаго языка и вывода преобразователей Виленскаго музея, дѣлалось—опять въ официальной средѣ—другое статистическое исчисленіе, разнорѣчившее съ выводами полиціймейстера. Въ статьѣ А. В. Рачинскаго: „Типографская дѣятельность Вильны въ періодъ 1854—65 года“, помѣщенной въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, 1866, № 35, отношеніе славяно-русскаго печатанія къ латинско-польскому было опредѣлено, по статистическимъ цифрамъ какъ 152 : 1216. Эта цифра повторена и въ официально издаваемыхъ „Памятникахъ русской старины въ зап. губерніяхъ имперіи“, г. Батюшкова, вып. 6-й. Сиб. 1874, стр. 174.

²⁾ 1864—1865, т. II, декабрь (1864; цензурное дозволеніе 25-го марта 1865), стр. 234—241.

³⁾ Рѣчь начиналась такими словами: „Наука есть святыня, какъ и религія: религія есть вѣра въ истину, наука есть путь къ оной. Слѣдовательно, всякое искаженіе науки, равно какъ и религіи, изъ-за личныхъ выгодъ и для политическихъ цѣлей, есть святотатство“.

Далѣе въ рѣчи говорилось, что музеи должны быть хранилищами исторической истины и быть „зерцалами“ современнаго состоянія науки въ извѣстной мѣстности, и что было бы анахронизмомъ, еслибы музей продолжалъ „отражать разсѣявшійся

Тышкевичъ, и гдѣ изъ нѣскольکو извѣстныхъ русскихъ ученыхъ находился г. Безсоновъ, служившій тогда въ западномъ краѣ, принялась за дѣло очень ревностно. Понятно, что музей, составлявшійся другимъ кругомъ людей съ прежними понятіями объ историческихъ преданіяхъ края, былъ энергически очищаемъ новыми распоряженіями, считавшими польскій элементъ совершенно чуждымъ краю. Было бы долго передавать подробности этого разбора; довольно сказать, что большое число предметовъ отчислено было въ четвертый разрядъ и что дебаты не сохранили спокойствія, приличнаго научнымъ разсужденіямъ. Въ концѣ концовъ, графъ Тышкевичъ, не присутствовавшій по болѣзни въ послѣднихъ собраніяхъ комиссіи, прислалъ (29-го марта 1865 г.) отзывъ, въ которомъ, при всей трудности своего тогдашняго положенія, рѣшился высказать свое мнѣніе о совершившемся преобразованіи и тѣхъ обвиненіяхъ, какія были направлены на устроителей музея.

Гр. Тышкевичъ объяснялъ, что, присутствуя въ комиссіи, онъ подписывалъ ея протоколы не потому, чтобы всегда соглашался съ мнѣніями другихъ ея членовъ, а потому, что одинъ его голосъ противъ пяти голосовъ противнаго мнѣнія не могъ имѣть значенія, и, слѣдовательно, его особые мнѣнія могли бы только дать поводъ думать, что онъ затрудняетъ успѣшный ходъ дѣйствій комиссіи; теперь, когда главная работа кончена и предметы, подлежащіе исключенію изъ музея, уже назначены, онъ рѣшался „заявить свое мнѣніе не въ видѣ протеста или официальнаго особаго мнѣнія, но собственно какъ выраженіе своихъ убѣжденій по предметамъ, имѣющимъ непосредственное соотношеніе съ занятіями комиссій“. Онъ объяснялъ ту историческую точку зрѣнія, съ которой основывался музей, и тотъ провинціальный интересъ, который естественно присоединялся къ мѣстной коллекціи. „Основывая музей въ Вильнѣ, я имѣлъ въ виду древности и памятники польскіе, но мѣстные, т.-е. литовско-русскіе. Подъ словомъ: „Виленскій музей“ — я разумѣлъ и разумѣю собраніе предметовъ, кои бы, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражали жизнь и дѣянія литовско-русскаго народа во всѣхъ эпохахъ его историческаго существованія. Не думая и не заботясь о томъ, чтобы собираемые предметы представляли только свѣтлые моменты изъ исторіи и дѣяній моихъ предковъ или чтобы изображенія ихъ непремѣнно были прекрасны, я желалъ только, чтобы они были похожи и служили точными снимками съ прошедшаго, на непреложныхъ началахъ исторіи. Я думалъ, что если въ лифляндскомъ и курляндскомъ музеумахъ собраны предметы временъ владычества рыцарей, въ финляндскомъ—Швеціи, въ керченскомъ и одесскомъ—татаръ, то это отнюдь не доказывало, что помянутые музеумы забо-

тились о собраніи предметовъ, напоминающихъ нѣмецкое, шведское и татарское владычества, но старались только собрать все, что бы могло нагляднымъ образомъ знакомить съ минувшими судьбами тѣхъ мѣстностей, для которыхъ музеумъ предназначался.—Такъ понимая значеніе провинціального музеума, я, конечно, не исключалъ и тѣхъ предметовъ, кои относились къ эпохѣ владычества Польши въ этой странѣ. Но, при всемъ томъ, могу сказать сознательно, въ Виленскомъ музеумѣ собственно польскихъ предметовъ почти нѣтъ. Все, что есть,—это мѣстное, литовско-русское”.

Ему приходилось разбирать, какого рода предметы подлежали исключенію изъ музея по новымъ требованіямъ. „На основаніи предписаніи г. главнаго начальника края, комиссія обязана была исключить предметы, напоминающіе временное владычество Польши и относящіеся къ польской исторіи. Извѣстно, что до 1569 года здѣшній край сохранилъ полнѣйшую политическую самостоятельность. Федеративнаго союза съ Польшею ни одинъ историкъ не назоветъ владычествомъ. Извѣстно, что поляки не только не могли здѣсь пріобрѣтать собственности, но даже занимать служебныя должности. Литовско-русское дворянство строго за этимъ наблюдало и свято сохраняло права свои. Въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, губерніи эти возвращены Россіи. Слѣдовательно, по буквальному смыслу предписанія, исключенію подлежатъ только тѣ предметы, кои относятся къ эпохѣ съ 1569 по 1795 годъ, и только такіе, которые въ непосредственной связи съ польскимъ владычествомъ или польскою исторіею. Но комиссія не сооблаговолила обратить вниманія на эту неопровержимую историческую истину”.

Онъ указываетъ, что комиссія къ предметамъ, подлежащимъ исключенію, т.-е. напоминающимъ владычество Польши, отнесла даже предметы повѣйшіе,—напримѣръ, знаки масонской ложи „Казиміръ Великій“ („когда,—замѣчаетъ графъ Тышкевичъ,—этотъ Казиміръ никогда не господствовалъ надъ этой страной и умеръ еще до женитьбы Ягайлы на внучкѣ его Ядвига“), или барельефъ въ память парижскаго конгресса 1856 г., изображающій торжество императора Александра, исключенный потому только, что подъ нимъ подпись скульптора Казиміра Ельскаго, сдѣлавшаго этотъ барельефъ. Гр. Тышкевичъ „ссылался на судъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всѣхъ ученыхъ мужей въ Россіи, и заранѣе твердо убѣждаетъ, что не найдется ни одного, который допустилъ бы даже мысль исключить изъ музеума, напр., портретъ такой знаменитой личности, какъ канцлера Льва Сапѣги, этого извѣстнаго издателя перваго Литовскаго Статута на русскомъ языкѣ, этого знаменитаго автора достопамятнаго письма, необходимого всѣми историками, къ Юсафату Кунцевичу, въ защиту

православных". Онъ недоумѣвалъ, почему исключенъ изъ музея портретъ русскаго генерала Коссаковскаго, повѣшеннаго мятежниками во время народнаго движенія въ Вильнѣ, въ 1794 г., за свою преданность великой Екатеринѣ,—въ то время, когда русское правительство воздвигаетъ въ Варшавѣ памятникъ полякамъ, павшимъ жертвою мятежа за свою преданность правительству. Онъ не понималъ, почему должны были быть исключены изъ музея портреты и бюсты такихъ людей, какъ преданный Россіи митрополитъ Жилинскій, какъ пользовавшіеся европейскою извѣстностью Франкъ и Снядецкіе, какъ основатель обсерваторіи Почобутъ, историкъ Нарбуттъ, „котораго безпристрастный, добросовѣстный трудъ до сихъ поръ служить богатымъ матеріаломъ для всѣхъ русскихъ историковъ“, какъ основатели разныхъ челоуколюбивыхъ заведеній въ Вильнѣ, здѣшніе уроженцы, жившіе уже подъ русскою властью... Просьба графа Тышкевича состояла только въ томъ, чтобы назначенные къ исключенію предметы были вновь подробно разсмотрѣны, сообразно съ точнымъ смысломъ предписанія главнаго начальника края и „имѣя въ виду научныя начала и историческую истину въ отношеніи дѣйствительной эпохи владычества здѣсь Польши“.

На этотъ разъ въ комиссіи предсѣдательствовалъ не попечитель учебнаго округа, а одинъ изъ ея военныхъ членовъ, которымъ и составленъ былъ отвѣтъ на письмо графа Тышкевича. Отвѣтъ былъ очень рѣзкій, и въ немъ давалось понять, что письмо было дѣйствіемъ, которое могло бы быть истолковано въ смыслѣ политической неблагонадежности ¹⁾.

Вся эта исторія производитъ весьма печальное впечатлѣніе. Первый мотивъ къ преобразованію музея былъ, конечно, политическій, и скорѣе можно было бы понять, еслибы что-нибудь случилось съ музеемъ въ самомъ разгарѣ страстей, въ періодъ возстанія; но возстаніе было давно укрошено, и вопросъ научный могъ бы рѣшиться болѣе спокойно въ кругу спеціалистовъ. Возможно, что въ музей находились предметы, которые не совсѣмъ отвѣчали его назначенію и особливо данной минутѣ, но устраненіе ихъ могло бы совершиться

¹⁾ Подробная исторія этого преобразованія Виленакаго музея была изложена въ протоколахъ двадцати-четырехъ засѣданій комиссіи съ 1-го марта по 27-е апрѣля 1865 года. См. „Дневникъ засѣданій комиссіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ Виленакомъ музеумѣ древностей“, въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, 1864—1865, т. III, апрѣль, отд. I, стр. I—VI и 1—74. Преобразованіе музея было довершено г. Батюшковымъ; позднѣе, во время управленія западнымъ краемъ генерала Потапова, г. Батюшковъ „настоялъ на исключеніи изъ музея всѣхъ 256 предметовъ, призванныхъ неподлежащими храненію въ немъ, и распорядился отправкой ихъ въ Московскій Румянцовскій музей“. См. „Р. Старину“, 1887, май, стр. 555.

болѣе мирно, какъ это соотвѣтствовало бы дѣлу науки; тенденціозность, которую указывали въ маломъ числѣ предметовъ, относящихся къ исторіи собственно русскаго начала въ западномъ краѣ, легко могла бы быть устраниена (и это было бы желательно для полноты *мѣстнаго музея*) прибавленіемъ новыхъ предметовъ этого русскаго характера. Что касается удаленія предметовъ изъ эпохи польскаго владычества, оно, очевидно, было не научно: изъ исторіи нельзя было вычеркнуть существовавшего факта, и это былъ бы просто пробѣлъ, какъ, съ другой стороны, удаленіе предметовъ походило на боязнь передъ призракомъ, неприличную для господствующей власти: странно было бы думать, что присутствіе старинныхъ вещей въ историческомъ музеѣ можетъ навлекать какую-либо опасность для русской народности; сопоставленные съ предметами иного рода, которые говорили бы о племенной устойчивости и борьбѣ западно-русскаго народа за свое религіозное и національное право,—эти предметы теряли бы свой односторонній смыслъ и получили бы только свое настоящее значеніе историческаго остатка; далѣе, Виленскій музей былъ, очевидно, мѣстный музей западнаго края, и въ немъ должны были занять мѣсто предметы, принадлежавшіе къ мѣстной исторіи и этнографіи; политически—это былъ край русскій, но этнографически въ немъ были не только бѣлоруссы, но и литовцы, и поляки, даже татары и евреи. Наконецъ, въ самомъ отвѣтѣ предсѣдателя комиссіи относительно основателя музея признавалось, что доселѣ графъ Тышкеничъ показывалъ „несомнѣнную преданность“ правительству, и призналась „благая цѣль“, съ какою онъ основывалъ музей; прибавимъ, что онъ вложилъ въ него много своихъ личныхъ цѣнныхъ пожертвованій, наконецъ, что это былъ ученый уважаемый и за пределами своей родины ¹⁾). По крайней мѣрѣ его личное участіе въ самомъ основаніи учрежденія, получавшаго теперь новое направленіе, заслуживало болѣе терпимости и вниманія.

Какъ бы то ни было, исторія Виленскаго музея была характернымъ отраженіемъ господствовавшего настроенія. Литература, служившая этому настроенію, принимала воинственное, обличительное

¹⁾ Въ отдѣлѣ предметовъ каменнаго періода числится 747 экземпляровъ (говоритъ въ описаніи современнаго Виленскаго музея). Для провинціального музея это количество довольно богатая, тѣмъ болѣе, что въ ней есть экземпляры, не встрѣчаемые даже въ болѣе богатыхъ собраніяхъ. Коллекція эта тѣмъ драгоценнѣе, что она ея происхожденія мѣстнаго, такъ какъ только незначительная часть ея имѣетъ происхожденіе Тышкеничемъ изъ Швеціи. За эту коллекцію музей въ 1879 году получилъ почетный отзывъ отъ Антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ. „Вѣстникъ архивн. и ист.-стат. извѣст. Ст. Путеводитель и историческая справочная книжка“. Вильна, 1882.

паправленіе: невозможно было спокойное сужденіе не только о повѣйшихъ, но и давно прошедшихъ событіяхъ и отношеніяхъ.

Собственно этнографическіе труды этого времени были немногочисленны. Той школѣ, о которой мы сейчасъ говорили, принадлежить собственно только одинъ сборникъ, вышедшій въ Вильнѣ въ 1866 году ¹⁾. Въ обширномъ предисловіи сборника, которое подписано г. Гильтебрандтомъ, даются отрывочныя и безсвязныя свѣдѣнія о значеніи народнаго творчества, объ исторіи края, о разрядахъ пѣсенъ, о чертахъ бѣлорускаго языка, и ведется, кромѣ того, полемика съ поляками (заднимъ числомъ) и евреями. Научное значеніе этихъ свѣдѣній очень умѣренное и, повидимому, меньше занимало издателя, чѣмъ война противъ враговъ русской народности ²⁾. Собственной научной работы издателя было очень немного: нѣсколько вѣйшихъ сравненій бѣлорусскихъ пѣсенъ съ великорусскими; замѣчанія о бѣлорусскомъ нарѣчій, взятыя изъ вторыхъ рукъ; свѣдѣнія о народномъ бытѣ, выписываемыя изъ газетныхъ корреспонденцій; описаніе обрядовъ, заимствуемое у Шпилевскаго и т. п. — все это, снабженное такой же защитой „русскаго дѣла“, какъ въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго. Характеристика пѣсенъ крайне неумѣлая, путанная, противорѣчивая. Наибольшая доля пѣсенъ доставлена учениками молодечненской учительской семинаріи.

Подробную и весьма правильную оцѣнку этого сборника, произведенія тогдашней виленской науки, далъ г. Безсоновъ, самъ также въ Вильнѣ работавшій и видѣвшій близко дѣятельность этой науки. „Вызванный нами въ край,—говоритъ г. Безсоновъ,—для серьезнаго развитія молодыхъ силъ на благодарномъ поприщѣ и весьма скоро обособившійся, въ ряду тогдашнихъ полонофаговъ и жиждовъ, издатель (этого сборника) самъ не собиралъ пѣсенъ среди народа Бѣлой Руси и только отпечаталъ добытое другими собирателями. Изъ 300 набранныхъ такимъ образомъ, отчасти перепечатанныхъ пѣсенъ, къ типическимъ бѣлорусскимъ собственно относится менѣе половины: остальное—къ малорусскимъ или смѣшаннымъ... Издатель не задалъ себѣ труда даже хотя бы слегка провѣрить полученное отъ другихъ,

¹⁾ „Сборникъ паматниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ. Изданіе редакціи Виленскаго Вѣстника“. Выпускъ первый. Вильна, 1867, СХVІІІ и 300 стр., мал. 8°. Первый выпускъ остался и единственнымъ.

²⁾ Эта война начинается съ первыхъ же страницъ предисловія, и въ число предполагаемыхъ враговъ отечества попалъ даже г. Зотовъ, издававшій тогда съ Бауманомъ „Иллюстр. Газету“, гдѣ помѣщена была статья, не понравившаяся г. Гильтебранду: послѣдній ядовито замѣчаетъ, что журналъ „издается, кажется, русскими, но, повидимому, не считающими себя за таковыхъ“ (стр. VІІ). Но, сколько извѣстно, В. Р. Зотовъ не отрекался отъ своей принадлежности къ русской народности и государству.

внимательнымъ обращеніемъ къ самому народу, наблюденіемъ его быта и живого нарѣчія. У него не собраны, а какія попадаются, не выдѣлены и не разъяснены характерныя черты мѣстнаго народнаго быта... Разумѣется, у издателя пѣсни „дышатъ особеннымъ озлобленіемъ и ненавистью“ противу пановъ и всячески проклинаемыхъ поляковъ, а когда пѣсня говоритъ: „не дивуйтесь, добры люди, что мужикъ гуляетъ, у него есть достатокъ по милости Божьей, да и панъ хорошо его знаетъ, только бы не экононы (управляющіе), мужикъ самъ былъ бы паномъ“, — это переводится издателемъ: „по милости Божьей и панской—*иронія*—у него всего довольно“, такъ что не знаешь, кѣмъ же тутъ сочинена иронія... „Всего же любопытнѣе,—продолжаетъ г. Безсоновъ,—отношеніе издателя къ мѣстнымъ евреямъ, которыхъ онъ глубоко ненавидитъ и которыхъ печать въ его время совѣтовала переселять въ степи, а порою загнать и въ море. Онъ признается, что въ пѣсняхъ „говорится о нихъ немного, всего, кажется, два раза“, и только объясняетъ это скудостью своего сборника, выражая надежду, при дальнѣйшихъ выпускахъ, „достичь другихъ результатовъ“. Тѣмъ не менѣе въ скудномъ своемъ сборникѣ онъ посвящаетъ 23 страницы охотѣ на евреевъ... Пересчитавши затѣмъ цѣлый рядъ еврейскихъ преступленій (они „находятся подъ особымъ покровительствомъ поляковъ“, скверняютъ муку на про Свиры и вино на богослуженіе, занимаются поддѣлкою денегъ, совершаютъ поджоги и разбой, они — лѣнтяи и тунеядцы, у нихъ „бездна пороковъ“, они „составляютъ государство въ государствахъ“ и т. д.) и поставивши имъ въ вину даже и „значительное увеличеніе количества еврейскихъ головъ“ (1), происходящее отъ ихъ цѣломудрія, которое кажется ему превратнымъ, г. Гильтебрандтъ ожидалъ, что народныя пѣсни непременно должны выразить этотъ его взглядъ на евреевъ... „Внутренняго быта евреевъ,—замѣчаетъ на это г. Безсоновъ,—по собственному признанію, г. Гильтебрандтъ не вѣдаетъ, а пѣсни, подлежащія изданію, то же почти ничего не говорятъ о евреяхъ. Къ чему же распространяться? „Распространялись мы о евреяхъ съ нѣкоторою подробностью для того, — пишетъ г. Гильтебрандтъ,—чтобы показать, что крестьяне *непременно должны* сохранить въ пѣсняхъ воспоминанія о еврейскомъ гнетѣ и насиліяхъ“. Они обязаны исполнить сей приказъ издателя... Евреямъ поставлено въ вину и то, что „заря свободы“, открывшаяся крестьянамъ 19-го февраля, была „смутно (?) встрѣчена евреями“... „Разумѣется,—продолжаетъ г. Безсоновъ,—сколько ни выражено здѣсь знаковъ благодарности тогдашнему попечителю округа г. Корнилову, отъ подобнаго изданія не много выиграла Бѣлоруссія, разъясненіе народнаго быта и печатаніе „памятниковъ творчества“: даже

этнографія, въ самомъ узкомъ смыслѣ, не найдетъ чѣмъ воспользо-ваться“,—потому что нѣтъ здѣсь ни подробностей объ обрядахъ и обычаяхъ, ни правильнаго распредѣленія пѣсенъ, ни какой-нибудь системы передачи бѣлорусскаго нарѣчія, такъ что Бѣлая Русь является у г. Гильтебрандта, подобно древней Польшѣ, какимъ-то новымъ Вавилономъ племенъ и нарѣчій. „Мы можемъ только пожалѣть,—заключаетъ г. Безсоновъ,—что молодые таланты вступаютъ на такой скользкій путь, естественно приманчивый лишь извѣстнаго рода старцамъ, которые усердно обрабатывали симъ способомъ край изъ-за своихъ расчетовъ“.

Еще раньше оказались нѣкоторыя другія подробности изданія, мало послужившія его научной репутаціи, а именно, въ сборникѣ отерты былъ цѣлый рядъ пѣсенъ поддѣльныхъ, грубаго сочинительства которыхъ издатель не сумѣлъ замѣтить. Въ разборѣ „Сборника“ г. Гильтебрандта въ „Вѣстникѣ Европы“, 1866 ¹⁾, указана, напр., подѣльная пѣсня, гдѣ является на сцену „Чернобогъ“ ²⁾; затѣмъ, „заклинательная пѣсня“, гдѣ упоминаются древнія божества Ладѣ и Дивѣ ³⁾; далѣе, пѣсня „Изъ-за Слуцка, изъ-за Клецка“ и „Я Гриць козакъ“ ⁴⁾; наконецъ, еще одна пѣсня, „записанная“ однимъ изъ сотрудниковъ г. Гильтебрандта: „Отъ села до села“, которая на дѣлѣ взята изъ „Гайдамакъ“ Шевченка, и сочинена имъ ⁵⁾.

Любопытно, что пѣсня о Чернобогѣ, о Ладѣ и Дивѣ и еще одна пѣсня, направленная противъ ляховъ—въ цѣломъ „три прекрасныя пѣсни“, по словамъ издателя, сообщены были г. Кояловичемъ; между тѣмъ эта пѣсня, вмѣстѣ съ двумя другими, изъ которыхъ одна также была заподозрѣна критикой, явилась уже раньше въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, и пѣсня о Чернобогѣ показана записанною въ Несвижѣ ⁶⁾.

¹⁾ Т. IV, отд. 3, стр. 19—22; разборъ написанъ Н. И. Костомаровымъ.

²⁾ № CXVIII, стр. 115—116.

³⁾ № CXX, стр. 117—118.

⁴⁾ № VI, стр. 7 и № CXVI, стр. 111—113.

⁵⁾ № XCIX, стр. 93—94, „Съ такою-то неразборчивостію составлялся этотъ сборникъ,—замѣчалъ критикъ „Вѣстника Европы“, — хотя большая часть пѣсенъ и дѣйствительно записаны отъ народа, но многія изъ нихъ переправлены, подправлены, приправлены, и потому остается желать, чтобы народныя произведенія западнаго края впередъ являлись въ такихъ сборникахъ, которые бы могли служить матеріаломъ и для науки“.

⁶⁾ „Вѣстникъ“, 1864—1865, т. II, январь, IV, стр. 423—426: „О народныхъ пѣсняхъ минской губерніи“, статья А. С. Позднѣйшіе критики также не сомнѣвались въ подложности пѣсенъ о Чернобогѣ и Дивѣ; см. Безсонова: „Бѣлорусскія пѣсни“, стр. XLIX—L; Антоновича и Драгоманова: „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, I. стр. XXI. Кажется, впрочемъ, что эти критики не знали статьи „Вѣстника“.

Изъ другихъ трудовъ этого времени замѣтимъ еще только собраніе пѣсенъ, составленное приходскимъ учителемъ Н. Руберовскимъ и хорошо записанное ¹⁾, и нѣсколько другихъ небольшихъ собраній пѣсенъ, сказокъ, описаній обычаевъ и т. д., которыя печатались въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Памятныхъ книжкахъ“ западнаго края и бывали нерѣдко результатомъ добросовѣстнаго изученія. Такою мѣстною работой были также труды М. Дмитриева, который издалъ потомъ свое собраніе отдѣльно ²⁾ — книжка безпритязательная, но и весьма неумѣлая ³⁾. Въ мѣстныхъ изданіяхъ появились и первыя работы Юл. Крачковскаго; позднѣе онъ издалъ болѣе обширный трудъ, на которомъ мы остановимся дальше.

Въ семидесятыхъ годахъ положеніе вопроса измѣнилось къ лучшему. Правда, на мѣстѣ междо-племенные отношенія не исправлись; мѣстные или заѣзжіе русскіе патріоты продолжали считать лучшую защиту русскаго дѣла въ крайней нетерпимости и травлѣ элементовъ края не-русскихъ и даже элементовъ мѣстно-бѣлорусскихъ, когда они были не совсѣмъ похожи на чиновническое понятіе о русской народности, — по крайней мѣрѣ, дѣло измѣнилось несомнѣнно къ лучшему въ области науки. Высокая постановка этнографическаго вопроса въ лучшихъ произведеніяхъ нашей науки повліяла благотворно; и жизнь западно-русскаго народа стала, наконецъ, находить спокойное изслѣдованіе, съ цѣлями науки и внѣ той „злобы дня“, которая была прежде дѣйствительною злобою.

Европы“; по крайней мѣрѣ, они не замѣтили другихъ ошибокъ и поддѣлокъ, какія тамъ были уже указаны. Ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ“, Кіевъ, 1886, стр. I—III.

¹⁾ Оно печаталось въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, 1867, № 75—77. Его же: „Свадебные обряды крестьянъ минскаго уѣзда“. „Вил. Вѣстн.“, 1868, № 8, „Мянск. губ. Вѣдомости“, 1869, № 31.

²⁾ Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, М. А. Дмитриева. Вильна, 1869. 264 стр., мал. 8°.

³⁾ См. разборъ ея у г. Романова, стр. III—IV. Сказки этого сборника раньше были сообщены Дмитриевымъ Аванасьеву (см. Нар. Р. Сказки, вып. 3, изд. 2-е, М. 1885—86), и въ этомъ пунктѣ обвиненія г. Романова несправедливы.

ГЛАВА VII.

НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Пробужденіе научныхъ интересовъ.

Труды археографическіе: мѣстные сборники актовъ, 1843 — 1848; работы Археографическихъ комиссій въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ. — А. П. Сапуновъ. — „Памятники“ западно-русской старины въ изданіи г. Батюшкова. — Мѣстные описанія. — М. О. Кояловичъ. — Труды по старой бѣлорусской письменности.

Исслѣдованія этнографическія. — П. А. Безсоновъ. — Планъ экспедиціи Географическаго Общества. — И. И. Носовичъ. — П. В. Шейнъ. — А. С. Дембовецкій. — Е. Р. Романовъ и др. — Исслѣдованія о бѣлорусскомъ языкѣ.

Наиболѣе плодотворнымъ для изученія Бѣлоруссіи было новѣйшее время, послѣ того страннаго періода, о которомъ мы желали дать понятіе въ предыдущихъ главахъ. Наука не имѣетъ мѣста въ воинствующихъ, исполненныхъ нетерпимости и вражды, настроеніяхъ общества, и дѣйствительно, какъ ничтожны были мнимо-научные опыты предшествующаго періода, такъ изобильны результаты изслѣдованій, задуманныхъ съ непосредственною любовью къ народу и съ однимъ стремленіемъ найти историческую истину. Нельзя сказать, правда, чтобы прежнее настроеніе совсѣмъ исчезло, но, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ нимъ твердо обозначилось направленіе чисто научное.

Зачатки этого послѣдняго появляются, впрочемъ, и гораздо раньше. Однимъ изъ такихъ зачатковъ было то обращеніе къ первымъ источникамъ западно-русской исторіи, которое мы отмѣтили выше въ трудахъ протоіерея Григоровича. Съ нихъ начинается длинный рядъ изданій древнихъ актовъ по исторіи западной и юго-западной Россіи, которые въ нашей литературѣ давали первую прочную опору для реставраціи дѣйствительнаго историческаго положенія вещей въ этомъ краѣ. Подробное изложеніе археографическихъ трудовъ въ

этой области не входитъ въ нашу задачу; мы укажемъ только главные пункты этой дѣятельности, насколько результаты ея важны и въ смыслѣ этнографическомъ.

Первымъ послѣ „Архива“ протоіерея Григоровича и „Актовъ“, относящихся къ исторіи западной Россіи* (надъ которыми онъ также работалъ въ Археографической комиссіи), было изданіе, предпринятое въ Вильнѣ въ 1843 году ¹⁾. Изданіе сдѣлано по инициативѣ мѣстнаго губернатора Семенова, трудомъ мѣстныхъ дѣятелей ²⁾. Грамоты города Вильны, составляющія первую часть собранія, были уже изданы въ концѣ прошлаго столѣтія въ польскомъ собраніи Дубинскаго; но это послѣднее, напечатанное вопреки подлинникамъ въ польской переписи, было кромѣ того весьма неисправно; здѣсь, напротивъ, документы напечатаны на языкѣ и алфавитомъ подлинниковъ, и второй томъ изданія представлялъ документы, еще никогда не изданные. Напечатанные памятники относятся ко времени съ конца XIV-го столѣтія до царствованія Анны Ивановны, и для тогдашней русской критики представляли новизну по своему этнографическому значенію. „Первый, получаемый отсюда, результатъ,—говоритъ тогдашній критикъ,—состоитъ въ неопровержимой, освобождаемой отъ всякой тѣни сомнѣнія, увѣренности, что языкъ русскій былъ языкъ господствующій въ такъ-называвшейся нѣкогда Литвѣ, даже и въ то время, когда она была соединена уже съ Польшею. Языкъ этотъ является и народнымъ, и государственнымъ, то-есть дѣловымъ, официальнымъ. На немъ совершаются гражданскіе акты, пишутся судебныя опредѣленія, даются велико-княжескія и королевскія грамоты. Правда, въ послѣднемъ случаѣ, языкъ латинскій, въ то время общій дипломатическій языкъ всей Западной Европы, идетъ и здѣсь объ руку съ русскимъ... но языкъ этотъ, вводимый насильственно, отвергался употребленіемъ, такъ что, при распубликованіи, само правительство находилось вынужденнымъ документы латинскіе переводить по-русски“. Упомянувъ о помѣщенномъ въ томъ же собраніи универсалѣ короля Іоанна-Казимира отъ 1667 года, гдѣ предписывается сноситься впредь съ царемъ московскимъ и его боярами на языкѣ не русскомъ, а польскомъ, критикъ замѣчаетъ: „доказа-

¹⁾ „Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей, и по разнымъ предметамъ“, и второе заглавіе по-польски: „Zbiór dawnych dyplomatów i aktów miast Wilna, Kowna, Trok, prawosławnych monasterów, cerkwi, i w różnych sprawach“. Вильна, 2 тома.

²⁾ Это были бывшій редакторъ „Виленскаго Курьера“, Марциновскій, помощникъ трибунальнаго архиваріуса Нарбутъ, православный священникъ Корсакевичъ, производитель дѣлъ статистическаго комитета Лхимовичъ; кромѣ того, упомянуты, какъ содѣйствовавшіе изданію, одинъ игуменъ, архимандритъ и учитель ковенской гимназіи.

тельство, съ одной стороны, повсюднаго еще употребленія въ Литвѣ, а съ другой, возникшаго уже со стороны польскаго правительства предубѣжденія противъ старо-древняго, народнаго духа и языка русскаго! Наконецъ, критикъ еще разъ дѣлаетъ общее заключеніе: „И такъ, кто можетъ теперь еще колебаться и оспаривать, что такъ-называемое Великое Княжество Литовское, всегда и во всѣхъ частяхъ своихъ, даже въ тѣхъ, гдѣ находится сердце собственно Литвы, было русское? При отсутствіи всѣхъ другихъ доказательствъ, достаточно бы было одного этого неумолчно вопіющаго свидѣтельства. Языкъ русскій могъ имѣть такое повсюдное и постоянное владычество не иначе, какъ при рѣшительномъ перевѣсѣ и преобладаніи народонаселенія русскаго. Это не былъ языкъ мертвый, которому надо было учиться изъ книгъ, какъ, напримѣръ, въ то время языкъ латинскій, или нашъ церковно-славянскій. Это тотъ самый языкъ, который до-нынѣ живетъ въ устахъ нѣсколькихъ милліоновъ людей, всегда и вездѣ называвшихъ себя русскими, языкъ, который, въ отличіе отъ другихъ вѣтвей своего могучаго корня, носить скромное имя „нарѣчія бѣлорусскаго“, и теперь въ большей части западныхъ областей имперіи—туземнаго народнаго. Впрочемъ, изданные теперь документы, и кромѣ языка, въ самомъ содержаніи своемъ, представляютъ очевидныя доказательства, что край и народъ, которымъ они принадлежать, были русскіе; что они не знали для себя другого имени, какъ имя Руси; что въ нихъ господствовали русскій духъ и русскіе нравы; что, наконецъ, вѣра, главное начало народной и общественной жизни, была въ нихъ, издревле и постоянно, православная русская“ ¹⁾.

Подобнымъ образомъ изданы были акты минскаго края ²⁾, изготовленные временною Минскою комиссіею, въ которой принимали участіе тотъ же А. В. Семеновъ, ректоръ минской семинаріи архимандритъ Геласій, упомянутый прежде археологъ графъ Тышкевичъ и др. ³⁾.

Наконецъ, начинается обильный рядъ изданій, сдѣланныхъ спеціальными вѣдомствами въ Петербургѣ, Вильнѣ и Кіевѣ. Въ 1850 годахъ, подъ вліяніемъ поднятаго тогда вообще археографическаго

¹⁾ Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1843, часть II, стр. 269—275.

²⁾ Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Минскъ, 1848.

³⁾ Этими изданіемъ много воспользовался Шпилевскій въ своемъ путешествіи по Полѣсью и Бѣлорусскому краю, „Современникъ“, 1853, въ описаніи минской губерніи.

Огнѣтымъ здѣсь еще изданіе М. Круповича: Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею владѣній. Ч. I. Вильно, 1858.

вопроса, стали заботиться о приведеніи въ извѣстность стараго архивнаго матеріала въ западномъ и юго-западномъ краѣ и о сосредоточеніи его въ нѣсколькихъ главныхъ центрахъ, какъ для officialнаго употребленія (напр., для удостовѣренія шляхетскихъ правъ и т. п.), такъ и для цѣлей исторіографіи ¹⁾. При этихъ вновь образованныхъ архивахъ стали появляться изданія, которыя хотя передавали только малѣйшую часть ихъ содержанія, но, сравнительно съ прежними, открывали первую возможность близкаго ознакомленія съ исторіей и давнимъ бытомъ русскаго запада и юга. Археографическая коммиссія въ Петербургѣ въ 1860 годахъ возобновила дѣло изданія западно-русскихъ актовъ, не продолжавшееся со смерти протоіерея Григоровича, и подъ редакціей Костомарова начали выходить „Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи“ ²⁾. Она же предприняла въ „Русской Исторической Библіотекѣ“ важное изданіе памятниковъ старой западно-русской полемиической литературы, разбѣянной въ рукописяхъ или въ рѣдкихъ изданіяхъ, мало доступной, но необходимой для изученія XVI-го и XVII-го вѣка южно- и западно-русской исторіи. Областные археографическія коммиссіи были также весьма дѣятельны. Въ Кіевѣ Археографическая коммиссія или „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ“, основанная въ 1846 году, издала въ „Памятникахъ“ и въ „Архивѣ юго-западной Россіи“ массу изслѣдованій и документовъ, имѣющихъ отношеніе и къ Руси сѣверо-западной. Первымъ началомъ Виленской коммиссіи было то изданіе актовъ, о которомъ мы выше упоминали: послѣ того она бездѣйствовала, или не существовала, и была возобновлена уже въ 1860 годахъ, послѣ польскаго возстанія. Центральный Виленскій архивъ древнихъ актовъ основанъ въ 1852 году и въ немъ собраны городскія актовыя книги изъ губерній виленской, минской, гродненской и ковенской съ древнѣйшихъ временъ и до послѣдняго года XVIII-го столѣтія: изъ этого собранія мѣстная „Коммиссія для разбора древнихъ актовъ“—иначе, Виленская археографическая коммиссія—издала съ 1860 годовъ двѣнадцать томовъ актовъ судовъ городскихъ, земскихъ, трибунальных,

¹⁾ Ср. объ этомъ статью виленскаго архиваріуса центральнаго архива, Н. Горбачевского: „О центральномъ архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ губерній: виленской, гродненской, минской и ковенской“, въ „Вѣстникъ Зал. Россіи“, 1869, т. II, кн. 5-я, отд. II, стр. 44—54; кн. 6-я, отд. II, стр. 65—86; „Жизнь и дѣятельность Иваницева“, А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876; статьи В. Лилина: „Виленскій Центральный архивъ“, въ „Сборникъ Археологическаго Института“, Калачова. Спб. 1880, кн. I, отд. I, стр. 22—33; „Витебскій Центральный архивъ“, тамъ же, кн. III, отд. I, стр. 55—62; „Витебскій архивъ бывшаго генералъ-губернаторства“, тамъ же, кн. VI, отд. I, стр. 50—59 и др.

²⁾ До сихъ поръ 13 томовъ.

два тома писцовыхъ книгъ писцаго староства и пр. Кроме того особая коммиссія образована была въ Вильпѣ при учебномъ округѣ, собиравшая и издававшая, независимо отъ Археографической коммиссіи, „Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси“ (десять томовъ). Укажемъ здѣсь также „Описаніе рукописей Виленской публичной бібліотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ“, составленное Ф. Добрянскимъ (Вильна, 1882). Третій центральный архивъ былъ устроенъ въ 1862 г. въ Витебскѣ для храненія древнихъ актовыхъ книгъ губерній витебской и моголевской и для ихъ разработки и изданія (всего до двухъ тысячъ книгъ и 1,800 отдѣльных документовъ; въ томъ числѣ 26 книгъ XVI ст., 262 книги XVII-го и остальные XVIII-го). Архивъ доставляетъ матеріалы какъ для историческаго изученія края, такъ и для опредѣленія правъ на имущество по записямъ. Изданіе, подъ редакціей архиваріусовъ, начато было въ 1871 г. ¹⁾ и заключаетъ до сихъ поръ прихода-расходныя книги города Могилева (съ 1679 до первыхъ годовъ XVIII-го в.), акты изъ книгъ витебскаго и полоцкаго земскаго суда, полоцкаго, моголевскаго и витебскаго магистрата, кричевской магдебургии, городскихъ книгъ витебскаго воеводства и земскаго суда; журналъ, веденный іезуитами съ 1714 по 1813 годъ, и т. д. Многіе изъ актовъ латинскихъ и польскихъ снабжены переводами. При XVII-мъ томѣ явился въ первый разъ указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій. Наконецъ, имѣется въ виду изданіе указателя ко всѣмъ выпускамъ и подробная опись имѣющихся въ архивѣ дѣлъ, что конечно значительно облегчитъ пользованіе обширнымъ матеріаломъ.

Въ послѣдніе годы ревностнымъ дѣятелемъ по изслѣдованію мѣстной исторіи явился г. Сапуновъ (Алексѣй Парфен.). Уроженецъ витебской губерніи (род. 1852), онъ получилъ первоначальное образованіе въ сельскомъ училищѣ, потомъ въ витебской гимназіи, и затѣмъ перешелъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ по филологическому факультету въ 1873. Съ тѣхъ поръ состоитъ учителемъ древнихъ языковъ въ витебской гимназіи ²⁾. Первымъ и главнѣйшимъ его трудомъ была „Витебская Старина“ ³⁾. Составитель собралъ въ этой книгѣ всякаго рода историческіе документы для мѣстной исто-

¹⁾ Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и моголевской, хранящихся въ Центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданіе подъ редакцію архиваріуса сего архива Сазонова (съ 188-, М. Л. Веревакина) Витебскъ, 1871—91, двадцать одинъ томъ.

²⁾ По сообщенію г. Романова.

³⁾ Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Томъ I. Витебскъ, 1888. Томъ IV, 1885. Томъ V, 1888.

ность, запутанность которого зависѣла
 положенія западной Россіи, и до-
 и вводное изслѣдованіе
 переводомъ для евро-
 большей частью
 польскихъ,
 изъ
 в-
 ль-
 вѣры
 сія, съ
 да—пе-
 край; по
 ли сподна

домянуть, на
 вымъ: „Памят-
 даваемые съ вы-
 дошло въ 1885
 также полемиче-
 та въ русской лите-
 въ Польшѣ, отразив-
 имперіи,—говорится
 е общество было *мало*
 положеніемъ этого края.
 нія были крайне неполны
опатренино искажая факты,
 ныхъ губерній въ ложномъ
 менія завѣтныхъ польскихъ
 вторили ихъ неправдѣ, мы,
существовать, потому что были не

à éclaircir l'histoire des provinces occi-
 ports avec la Russie et la Pologne. Спб.
 русскіе и польскіе тексты съ французскимъ
 Мелевели и этнографическая карта запад-

географическая комиссія сдѣлала еще обшир-
 изданіе: „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.
 скаго съ королевствомъ польскимъ“. Спб. 1869.
 или годовщина Люблинской уніи“, въ Журн. мин.
 192.

довольно знакомы съ нашимъ роднымъ достояніемъ и, слѣдовательно, не могли съ надлежащимъ авторитетомъ опровергать ложь. Отъ незнанія нами фактовъ и произошла та громадная сила польской интриги, которая едва не успѣла увѣрить не только иностранцевъ, но, къ сожалѣнію, и многихъ русскихъ, преданныхъ своей родинѣ, что единственное право наше на западныя окраины имперіи основано только на одномъ завоеваніи, тогда какъ оно истекаетъ изъ присущихъ всему западному краю основныхъ русскихъ началъ и изъ самаго склада исторической жизни Россіи“.

Это — та же точка зрѣнія, съ которой мы уже встрѣчались; но собственныя слова предисловія о маломъ знакомствѣ нашемъ съ западнымъ краемъ (которое не подлежало сомнѣнію) могутъ указать, что въ польскихъ понятіяхъ о предметѣ могло иногда вовсе не быть „преднамѣренной лжи“ и „интриги“, а совершенно искренняя увѣренность въ правахъ польской народности въ этомъ краѣ: польское государство, языкъ, обычай, наконецъ католичество или унія нѣсколько вѣковъ имѣли здѣсь преобладающее значеніе, и если мы сами „безмолствовали“, то полякамъ оставалось спокойно утверждаться въ своемъ мнѣніи, хотя бы оно было ошибочно. Такимъ образомъ обличенія „польской интриги“ имѣютъ видъ поздняго мщенія за собственное забвеніе о западно-русской окраинѣ. Исторически было бы неточно сказать, что всему западному краю присущи были „основныя русскія начала“ (разумѣя тѣ, какія развились въ Великой Россіи со временъ московскаго царства), потому что въ дѣйствительности историческая жизнь западной Руси, съ литовскаго завоеванія въ XIV вѣкѣ и до раздѣловъ въ концѣ XVIII вѣка, шла отдѣльно и иначе, чѣмъ въ Руси восточной. Старымъ основнымъ началомъ оставалось православіе; но внутренній политическій бытъ складывался иначе, и развившееся въ великорусскомъ племени самодержавіе вошло здѣсь въ силу только съ постепеннымъ присоединеніемъ южныхъ и западныхъ земель къ Россіи въ позднѣйшее время; русское образованіе, литература, нравы долго и по присоединеніи оставались западному краю мало знакомы.

Далѣе, указавъ, что съ 1863 года въ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ правительствомъ и частными лицами, было возстановлено въ истинномъ свѣтѣ уже не мало фактовъ въ отношеніяхъ этнографическомъ, историческомъ и религіозномъ, предисловіе продолжаетъ: „Но памятники западной русской старины еще донинѣ мало извѣстны публикѣ. Съ ними, между тѣмъ, связано много народныхъ преданій и легендъ, помогающихъ уясненію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ; они служатъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ той непреложной истины, что пространство, занимаемое нынѣ западными губер-

ніями, составляет древнее достояніе Россіи и что господствовавшая тамъ вѣра, съ самаго введенія христіанства, была православная: Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ относятся еще къ до-христіанской въ Россіи эпохѣ, иные — къ княженію равноапостольнаго Владиміра и удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей, иные же — къ мрачнымъ временамъ борьбы мѣстнаго православія съ пришлымъ латинствомъ, при насильственномъ введеніи поликами и іезуитами религіозной уніи и польскихъ обычаевъ въ странѣ искони русской и православной“.

Чтобы ознакомить публику съ остатками этихъ древностей, т. с. Батюшковъ съ высочайшаго соизволенія, при осмѣтрѣ, въ 1862 году, православныхъ церквей западнаго края, поручилъ художнику московской оружейной палаты, Струкову, снять вѣрные изображенія древностей, встрѣчавшихся на пути по бѣлорусскимъ и юго-западнымъ губерніямъ, а также по холмскому уѣзду люблинской губерніи. Для дальнѣйшаго исполненія технической части предпринятаго труда, высочайше повелѣно было пригласить академика Солнцева, съ цѣлью провѣрки и окончательной отдѣлки рисунковъ, которые, вмѣстѣ съ историческими и археологическими матеріалами, должны были войти въ составъ предполагаемаго изданія. На первый разъ изданіе должно было ограничиться четырьмя губерніями: витебской, могилевской, волынской и подольской; впоследствии оно перешло эти предѣлы.

Въ первый годъ (1868) вышло четыре выпуска этого изданія. Это были небольшіе атласы въ листъ, гдѣ заключались планы изображаемыхъ городовъ, рисунки развалинъ, остатковъ старыхъ фресокъ и надписей и выпѣшняго вида реставрированныхъ церквей; къ рисункамъ присоединены были только самыя краткія историческія объясненія. Выпускъ первый посвященъ Владиміру-Волынскому и селу Зимнѣ (близъ этого города) съ церковью, построенною, по преданію, Владиміромъ Святѣмъ; второй выпускъ — городу Луцку. Въ третьемъ выпускѣ помѣщены историческій очеркъ города Острога, планъ его, родословная князей Острожскихъ, виды развалинъ и современныхъ церквей. Въ четвертомъ выпускѣ — историческій очеркъ города Овруча, планъ его, рисунки развалинъ древнихъ церквей и проекты ихъ возобновленія, рисунки „могилы Олега“ (овручскаго) и „Ольгинныхъ бань“ — среди каменнаго ложа рѣки Уша.

Съ выпуска пятаго составъ изданія измѣнился. Выпуски 5-й и 6-й (1870—74) представляютъ, кромѣ альбома рисунковъ, обширный текстъ въ двухъ квартантахъ, а именно замѣчательный „Очеркъ исторіи города Вильны“, В. Г. Васильевского, и приложенія. Это — цѣлый, внимательно исполненный трактатъ и въ нашей литературѣ едва ли не первый образчикъ детальной мѣстной исторіи изъ запад-

наго края. Понятно, что исторія города связана здѣсь съ цѣлой политической исторіей „литовской Руси“ и съ древнѣйшихъ временъ города доведена до эпохи послѣднихъ раздѣловъ. Въ приложеніяхъ къ 6-му выпуску, въ числѣ (на этотъ разъ гораздо болѣе подробныхъ) объясненій къ рисункамъ и снимкамъ, помѣщены „Матеріалы для западно-русской старопечати“ (т.-е. для ея исторіи), съ описаніемъ нѣкоторыхъ старѣйшихъ изданій, и затѣмъ „Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русской старопечати церковно-славянскаго шрифта“.

Шестымъ выпускомъ изданіе должно было окончиться; но въ предисловіи сказано было, что „издатель, которому высочайшею волею ввѣрено веденіе этого дѣла, считаетъ своею нравственною обязанностью заявить, что, не взирая на всѣ его старанія, ему не удалось придать общей законченности труду“; нѣкоторые отдѣлы православной западно-русской археологіи были только-что начаты, изображенія многихъ пѣматниковъ древности должны были быть отложены за недостаткомъ мѣста и т. п. Въ послѣдній выпускъ вмѣщено было чтѣ можно, и дѣйствительно, планъ остался невыполненнымъ, и въ цѣломъ „памятники русской старины въ западно-русскомъ краѣ“ представлялись слишкомъ скудными, хотя несомнѣнно и въ этомъ видѣ изданіе было весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу небогатую историческую литературу о западной Россіи.

Въ томъ же предисловіи указано другое обстоятельство. Замѣтимъ предварительно, что къ тексту выпуска 5-го поставлены эпитафійомъ слова германскаго канцлера Бисмарка, обращенныя на германскомъ рейхстагѣ къ польскимъ депутатамъ, 20-го марта (1-го апрѣля) 1873 года ¹⁾; кромѣ того, весь альбомъ 5-го выпуска и половина альбома въ 6-мъ выпускѣ (рисунки въ краскахъ) исполнены были въ Германіи. „Эта связь настоящаго изданія съ Германіей, — говоритъ предисловіе, —...завершилась рескриптомъ Его Величества Императора Германскаго на имя издателя и письмомъ къ издателю же имперскаго канцлера князя Бисмарка“, изреченіе котораго, какъ мы сказали, взято было эпитафійомъ къ русскому изданію. „Это послѣднее обстоятельство, а равно пребываніе князя Бисмарка, въ апрѣлѣ 1873 года, въ Петербургѣ, побудили издателя поднести его свѣтлости пятый выпускъ „Памятниковъ“, вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ объяснялись задачи изданія“... Приведши тексты рескрипта и писемъ, предисловіе продолжаетъ:

¹⁾ Это были слѣдующія слова: „die Bevölkerung theilt nicht die Fiction, die sie machen, dass die polnische Herrschaft gut gewesen wäre; ich kann mit voller Gewissheit versichern: sie war ganz herzlich schlecht und darum wird sie nie wieder kommen“.

„Читатель, вѣроятно, замѣтитъ, какъ въ рескриптѣ Его Величества Императора Германскаго, такъ и въ письмѣ князя Бисмарка, знакомаго съ русскимъ языкомъ, что въ обоихъ этихъ документахъ одобряется ученое достоинство изданія, сопровождаемое наглядными художественными изображеніями. Такое же одобреніе и желаніе видѣть этотъ трудъ „продолжающимся“ выражается во многихъ письмахъ, полученныхъ издателемъ отъ нашихъ государственныхъ лицъ и ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ“.

Это настояніе на символической связи русскаго дѣла съ Германіей, не кажется намъ ни нужнымъ, ни, по существу, вѣрнымъ. Что старое правленіе польское было дурно, объ этомъ нечего узнавать отъ князя Бисмарка; это давно признали сами разумѣйшіе поляки — тогда еще, когда у нихъ было свое обширное государство; къ этому выводу приходили давно и русскіе историки, самые обыкновенные. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ словахъ не было никакого открытія, а кромѣ того, съ русской стороны едва ли уместно искать опоръ своему внутреннему дѣлу въ политикѣ другого государства, съ которымъ въ данномъ случаѣ солидарность была бы вовсе не желательна. Намъ странно грозить Польшѣ (или польскому элементу въ западномъ краѣ) прусскими словами; наше и нѣмецкое отношеніе къ Польшѣ различны или, по крайней мѣрѣ, должны бы быть различны. Въ той „національной“ политикѣ, — которая даетъ въ послѣднія десятилѣтія столько извращенныхъ явленій, — государственное значеніе одной національности предполагается требующимъ истребленія всѣхъ иныхъ племенныхъ элементовъ, и Пруссія дѣйствительно ставитъ задачу полной германизации своей Польши. Задача политическая сходится тамъ съ племенной нетерпимостью, а вмѣстѣ и съ культурнымъ превосходствомъ нѣмцевъ надъ поляками; но эти условія не совсѣмъ повторяются у насъ, и въ особенности то обстоятельство, что поляки, сколь мы къ нимъ ни враждебны, принадлежатъ къ тому славянскому племени, въ которомъ для насъ предполагается возвышенная „миссія“. Наша враждебная нетерпимость къ Польшѣ не можетъ не отражаться, и въ дѣйствительности отражается, вреднымъ образомъ на нашихъ между-славянскихъ отношеніяхъ вообще. Въ концѣ концовъ, для нашей національной „миссіи“, если только она существуетъ въ томъ видѣ, какъ у насъ ее постоянно изображаютъ, точка зрѣнія князя Бисмарка вовсе не полезна: польскій вопросъ долженъ представляться намъ нѣсколько иначе.

Но изданіе памятниковъ не остановилось, однако, на 6-мъ вопросѣ. Правда, черезъ очень длинный промежутокъ времени, вышли въ 1885 году еще два выпуска альбома и объяснительный текстъ въ

двухъ томахъ ¹⁾). Какъ первые выпуски состояли главнымъ образомъ изъ рисунковъ съ краткими объясненіями, такъ въ послѣднихъ главную роль играетъ текстъ. Холмская Русь, исторіи и описанію которой посвящены два послѣдніе выпуска „Памятниковъ“, составляла одинъ изъ наиболѣе забытыхъ и наименѣе извѣстныхъ уголковъ юго-западной Руси, и настоящее изданіе представляетъ много любопытныхъ данныхъ, освѣщающихъ исторію этого края. Кромѣ того, здѣсь много статей, гораздо больше относящихся къ общимъ историческимъ вопросамъ западной Руси. Такъ, кромѣ статей о самомъ городѣ Холмѣ, старыхъ монастыряхъ и церквахъ и отдѣльных мѣстностяхъ холмскаго края, мы находимъ здѣсь статьи: „Греко-уніаты въ царствѣ польскомъ (1864 — 1866) и князь Черкасскій“; „Холмско-подляскіе православные монастыри“ (Н. Н. Петрова); „Сплетскій архіепископъ Маркъ-Антоній Господиѣвичъ и его значеніе въ южно-русской полемической литературѣ XVII-го вѣка“ (его-же); „Нѣсколько словъ о старинной картѣ царствъ галицкаго и владимірскаго“ (Я. Головацкаго); „Монастыри въ юго-западной Россіи вообще и Креховскій монастырь“ (его-же); въ восьмомъ выпускѣ: „О границахъ польской короны и великаго княжества литовско-русскаго“ (С. Шолковича); „Люблинскій съѣздъ 1569 года“ (И. Малышевскаго); „Памятники русской старины въ г. Люблинѣ“ (А. Лонгинова); „Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ“, и пр. (Н. Петрова); „Кириллъ Терлецкій“ и „Ипатій Потѣй“ (Ор. Левицкаго); „Уніатскій лжемученикъ Іосафатъ Купцевичъ“ (Н. Петрова); „Устная народная словесность въ Холмской и Подляской Руси“ (Н. Страшкевича), и т. д.

Наконецъ, въ пятнадцатомъ году вышла третья книга, посвященная тому же предмету ²⁾. Предисловіе объясняетъ, что мысль объ этой книгѣ возникла вслѣдствіе появленія VII—VIII выпуска „Памятниковъ“, что цѣль ея—широкое распространеніе вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ мѣстностяхъ присланинскаго края, что она предназначена въ пособіе преподавателямъ въ школахъ и вообще лицамъ, близко стоящимъ къ народу въ нашихъ западныхъ окраинахъ. Книга составлена профессоромъ кievской духовной ака-

¹⁾ Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпуски седьмой и восьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ. Варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885. Больш. 8°, 432 и 567 стр.

²⁾ Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2 хромолитографіями, 45 гравюрами и картой Володиміро-Галицкой земли. Спб. 1887, XVI, 216 и 62 стр.

деи Петровымъ, при содѣйствіи проф. Малышевскаго, и представляетъ обстоятельный сводъ данныхъ о судьбѣ края съ древности и до настоящаго времени, въ связи съ общей исторіей западной и юго-западной Руси; новѣйшія событія въ этомъ краѣ, гдѣ до послѣдняго времени совершались прискорбныя религіозныя столкновения, изложены съ ихъ официальной стороны ¹⁾.

Новѣйшимъ изданіемъ этой серіи была книга, посвященная Бѣлоруссіи ²⁾. Это — обзоръ западно-русской исторіи съ древнихъ и до новѣйшихъ временъ, — за послѣдніе вѣка особенно въ церковномъ отношеніи, — составленный проф. Н. И. Петровымъ, при содѣйствіи Н. П. Малышевскаго; второй отдѣлъ книги, состоящій изъ „объясненій къ рисункамъ“, археологическихъ и историческихъ, есть въ особенности трудъ М. И. Городецкаго.

Для исторіи западной Руси, кромѣ общихъ сочиненій по исторіи Россіи и исторіи русской церкви, въ цѣломъ ея составѣ или въ крупныхъ періодахъ, могутъ служить сочиненія по исторіи южной Россіи, касающіяся и Руси сѣверо-западной, и нѣсколько трудовъ, посвященныхъ специально Бѣлоруссіи. Напр. послѣ книги О. Турчиновича (Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1857), труды Ив. Бѣльяева: „Разказы изъ русской исторіи“ (т. IV: „Исторія Полоцка или сѣверо-западной Руси“. М. 1872); В. Завитевича: „Область дреговичей какъ предметъ археологическаго изслѣдованія“ (въ Трудахъ Кіевской дух. академіи, 1886); М. Довнара-Запольскаго:

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“, 1887, май, стр. 551 — 561, помѣщена статья, заключающая обзоръ трудовъ и общественной дѣятельности П. Н. Батюшкова, гдѣ въ особенности подробно изложены его административныя и издательскіе труды по западному краю съ 1860-хъ годовъ. Обращая читателя къ этой интересной статьѣ, замѣтимъ только, что не совсѣмъ понятна здѣсь характеристика извѣстнаго генерала Потапова, нѣкоторое время управлявшаго западнымъ краемъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Статья замѣчаетъ, что когда П. Н. Батюшковъ назначенъ былъ въ Вильну попечителемъ учебнаго округа, въ краѣ „царило *анти-русское* направленіе Потапова“, — а самъ г. Батюшковъ характеризуется какъ „русская сила“... Такая характеристика нуждалась бы въ болѣе точномъ объясненіи: генералъ Потаповъ, челоѣкъ русскаго происхожденія, занималъ передъ назначеніемъ въ Вильну весьма довѣренный постъ по управленію III отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи и, покинувъ Вильну, сохранилъ довѣріе высшей власти, которая едва ли могла поощрять „анти-русское направленіе“. Въ самой статьѣ упоминается, что г. Батюшковъ былъ даже „приглашенъ на постъ попечителя самимъ Потаповымъ“; правда, это объясняется какъ „обобщенное недоразумѣніе“, — между ними дѣйствительно произошли потомъ несогласія, — но генералъ Потаповъ вѣроятно имѣлъ все-таки понятіе о характерѣ приглашаемаго лица? Словомъ, это время ждетъ еще историческихъ объясненій.

²⁾ Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутр. дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ одной хромолитографіей, 99 гравюрами и картой. Спб. 1890. „Литва“ разумѣется здѣсь только въ историческомъ значеніи русско-литовскаго княжества.

ди
и
!

138

„Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до конца XII-го столѣтія“ (Кіевъ. 1891; отдѣльно изъ „Унив. Извѣстій“ 1890—91); Н. Мазышевскаго: „Очеркъ исторіи Турова“ (въ „Твореніяхъ св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго“. Кіевъ, 1880); Н. Дашкевича: „Борьба культуръ и народностей въ Литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшею“ (въ К. Универс. Изв., 1884); Чистовича: „Очерки западно-русской церкви“ (Спб. 1882, 2 тома); Н. Петрова: „Очеркъ исторіи Базилианскаго ордена“ (въ Трудяхъ Кіевской духовной академіи, 1870—72); Ю. Крачковскаго: „Очерки униатской церкви“ (въ московскихъ „Чтеніяхъ“, 1871). Изъ трудовъ г. Сапунова отмѣтимъ здѣсь: „Ипфлянты, историческія судьбы края, извѣстнаго подъ именемъ Польскихъ Ипфлянть“ (въ Памятной книжкѣ Вит. губерніи, и отдѣльно, 1887) и изданное имъ „Житіе преп. Евфросиніи, княжны полотскія“ (по тремъ редакціямъ, Витебскъ, 1888).

Новѣйшая церковно-бытовая исторія сѣверо-западной Россіи излагается въ многочисленныхъ сочиненіяхъ и запискахъ объ уничтоженіи уніи. Таковы „Записки“ митр. литовскаго Іосифа Сѣмашко, архіеп. Антонія Зубко; сочиненія П. О. Бобровскаго („Русская греко-униатская церковь въ царствованіе имп. Александра I“, въ Журн. мин. просв. 1889), „Записки“ В. Лужинскаго (Правосл. Собесѣдникъ, 1884—85) и др.

Много историческихкихъ подробностей разсѣяно въ мѣстныхъ описаніяхъ, памятныхъ книжкахъ губерній ¹⁾ и т. д.

Наиболѣе ревностнымъ дѣятелемъ западно-русской исторіографіи былъ за послѣднее время проф. духовной академіи въ Петербургѣ, Мих. Осип. Кояловичъ. Онъ родился въ 1828, въ одномъ мѣстечкѣ гродненской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ 1841 онъ поступилъ въ духовное училище въ Супрасль, откуда въ 1845 перешелъ въ семинарію въ Вильнѣ и затѣмъ въ 1851 посланъ на казенный счетъ въ петербургскую духовную академію. По окончаніи курса, онъ представилъ какъ магистерскую диссертацию извѣстное сочиненіе: „Литовская церковная унія“. Назначенный сначала преподавателемъ въ рижскую, потомъ въ петербургскую семинарію, онъ уже вскорѣ, въ 1856, получилъ въ духовной академіи кафедру сравнительнаго богословія, а потомъ русской исторіи. Во время польскаго возстанія г. Кояловичъ приглашенъ былъ Ив. Аксаковымъ къ участию въ газетѣ „День“, потомъ „Москвѣ“ и „Руси“, гдѣ, какъ и вообще

¹⁾ Напр.: „Витебскъ и уѣздные города Вит. губерніи“, Семеновскаго. Спб. 1864; „Историко-статистическое описаніе Мянской епархіи“, архим. Николая. Спб. 1864; „Краткое описаніе Ковенской губерніи“. К. Гуковскаго. Ковно, 1888, и др., съ какими встрѣтятся далѣе.

въ своихъ сочиненіяхъ, былъ горячимъ защитникомъ національныхъ интересовъ своей родины противъ польскихъ притязаній. Изъ его трудовъ мы упоминали выше „Чтенія по исторіи западной Россіи“, его замѣчанія объ этнографическихъ атласахъ Эркерта и Риттиха. Послѣ первой книги объ уніи была издана имъ „Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“ (Спб. 1873); въ Археографической комиссіи онъ принималъ участіе въ изданіи упомянутаго раньше сборника „Документовъ“ (1865), редактировалъ изданіе „Дневника Люблинскаго сейма“ и т. д. Послѣднимъ большимъ трудомъ его была „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ“. Наконецъ, рядъ статей въ духовныхъ изданіяхъ, въ Журналѣ мин. просвѣщенія, рѣчи въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ ¹⁾).

Въ ряду изслѣдованій о бѣлорусской письменности наиболѣе важнымъ трудомъ является книга П. В. Владимірова: „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“ (Спб. 1888)—первое обстоятельное изслѣдованіе объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ западной Руси въ началѣ XVI вѣка. Въ объясненіи эпохи, въ которой происходила дѣятельность Скорины, авторъ говоритъ постоянно о „юго-западной“ Руси, объединяя такимъ образомъ историческія условія сѣверо- и юго-западной Руси, въ которыхъ дѣйствительно было много общаго, и самые результаты, въ которыхъ были однако свои отличія: Вильна, которая была средоточіемъ сѣверо-западной Руси, отличалась многими чертами отъ Кіева и Львова, какъ вообще сѣверный край отъ южнаго; здѣсь, напр., были ближе и начались раньше западныя образовательныя вліянія. Основа „русскаго языка“ Скорины была бѣлорусская. Тотъ же авторъ остановился особо на западно-русской письменности въ „Обзорѣ южно-русскихъ и западно-

---

¹⁾ Біографическія данныя взяты изъ статьи П. Быкова, „Нива“, 1891, № 8. Авторъ статьи, изображая г. Кояловича специальнымъ патріотомъ, къ сожалѣнію перешелъ мѣру благоразумія. По словамъ его, „любовь къ родинѣ и пламенный патріотизмъ г. К. не прошли ему даромъ: и поляки, и полякующіе (?) російскіе космополиты возненавидѣли русскаго ученаго, имя котораго старались забросать грязью“. Появленіе „Исторіи русскаго самосознанія“ будто бы „вызвало настоящую сенсацію въ лагерѣ тайныхъ и явныхъ недруговъ отечества нашего“. Мы этого не припомнимъ; но напомнимъ, что книга г. Кояловича вызвала въ особенности разборъ Костомарова, отнесшагося къ ней несочувственно („Вѣстн. Евр.“, 1885, кн. 4-я). Поклонникъ г. Кояловича поступаетъ слишкомъ предпримчиво, если литературныхъ противниковъ его тотчасъ зачисляетъ въ разрядъ „тайныхъ или явныхъ недруговъ нашего отечества“; замѣтимъ, что самъ г. Кояловичъ не отличался умѣренностью въ своихъ сужденіяхъ, не мудрено, что это вызвало и рѣзкіе отвѣты.

Когда этотъ листъ приготовленъ былъ къ печати, газеты принесли извѣстіе о кончинѣ М. О. Кояловича 23 августа, 1891.

русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.⁴⁾, опять объединяя ихъ въ одно цѣлое. Вообще, авторъ различаетъ въ этой письменности, для древнѣйшаго времени, особенности мѣстныхъ нарѣчій—киевскія, галицко-волинскія и западно-русскія. Въ памятникахъ XV—XVI в. онъ замѣчаетъ относительно языка два теченія: западно-русское, поддерживавшееся официальнымъ правописаніемъ и языкомъ грамотъ, съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія, и южно-русское, съ особенностями мѣстныхъ говоровъ, и съ правописаніемъ, преимущественно такъ-называемымъ средне-болгарскимъ. По содержанію, эта сѣверо-западная письменность только въ послѣднее время начинаетъ привлекать вниманіе изслѣдователя. Въ древнемъ періодѣ она представляетъ только общіе памятники церковной литературы, поученія, лѣтописи; затѣмъ, когда западная Русь обособилась политически отъ Руси восточной, московской,—время отъ XIV до половины XVI в. въ литературномъ развитіи юго-западной Руси, за исключеніемъ такихъ культурныхъ явленій, какъ книгопечатаніе, отличается бѣдностью⁵⁾. Съ XVI-го вѣка развивается то церковное движеніе, которое отчасти было вызвано общимъ религіознымъ возбужденіемъ тѣхъ временъ (протестантство пропикало въ самую русскую среду), а особенно борьбою съ католичествомъ и унией,—движеніе, не однажды изложенное нашими историками и составившее одно изъ первыхъ широкихъ проявленій умственной жизни, отразившееся потомъ и въ Москвѣ.

Въ среднемъ періодѣ западно-русской письменности, съ XV-го вѣка, любопытно довольно значительное количество переводныхъ произведеній популярнаго характера — апокрифическихъ книгъ, легендъ и повѣстей, взятыхъ съ польскаго, чешскаго, сербскаго и латинскаго языка. Эти переводы продолжались и въ XVII столѣтіи и переходили потомъ въ нашу популярную литературу⁶⁾.

⁴⁾ Въ „Чтеніяхъ“ Кіевскаго историческаго Общества Нестора лѣтописца, т. IV, и отдѣльно, Кіевъ, 1890.

⁵⁾ Владиміровъ, „Обзоръ“, стр. 5.

⁶⁾ Указанія объ этомъ послѣднемъ въ моемъ „Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ“, Спб. 1857.

— Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ изъ Познанскаго сборника XVI в. изданы и объяснены А. Веселовскимъ: „Изъ исторіи романа и повѣсти“, вып. 2. Спб. 1888. О языкѣ этого сборника, ст. А. Брикнера: Ein weissarussischer Codex miscellaneus, въ „Архивѣ“ Ягича, т. IX.

— Житіе св. Алексѣя человека Божія, въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка (съ польскаго или чешскаго), издано съ объясненіями П. В. Владимірова, въ Журн. мин. просв. 1887, октябрь.

— Изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII в., А. С. Архангелъ, „Чтеніяхъ“ Моск. общ. исторіи и древностей, 1888.

Обращаемся къ трудамъ чисто-этнографическимъ. По времени, однимъ изъ первыхъ было здѣсь изданіе г. Безсонова ¹⁾, ограничившееся однимъ первымъ выпускомъ первой части. Г. Безсоновъ же давно началъ интересоваться и заниматься бѣлорусской народнѣй поэзіей; въ 1860-хъ годахъ онъ самъ одно время находился на гузбѣ въ западномъ краѣ, именно въ Вильнѣ, гдѣ между прочимъ принималъ участіе въ упомянутомъ выше „преобразованіи“ Виленаго музея,—но остался тамъ не долго. Повидимому, онъ успѣлъ орошо присмотрѣться къ порядку вещей, господствовавшему въ краѣ, хотя вращался тамъ въ кругѣ дѣятелей, не отличавшихся безпристрастнымъ пониманіемъ вещей, но въ его позднѣйшихъ сужденіяхъ о тамошнихъ дѣлахъ не мало правдивыхъ признаній. Онъ вился въ Вильну служить „русскому дѣлу“, по при всей своеобразности его народническихъ взглядовъ, при всей исключительности его зорій и ученыхъ мнѣній (перѣдко абсолютно несостоятельныхъ), нѣ все-таки такъ много занимался стариной и народно-поэтическимъ творчествомъ, что ему были понятны тѣ многоразличныя развитія, на которыя раздѣлялась народная жизнь въ ея вѣковой судьбѣ, ему казались оправданными исторически тѣ мѣстныя особенности, а которыя распадался русскій народъ. Онъ готовъ былъ видѣть народную жизнь въ широкомъ разнообразіи ея проявленій и не думалъ, что онѣ вправѣ существовать только по канцелярскому или описисторскому шаблону. Тогдашнее положеніе русскаго дѣла въ западномъ краѣ не казалось ему правильнымъ, именно по недостатку вниманія къ народно-историческому характеру сѣверо-западной Руси, о совершенному равнодушію и прямому нежеланію понять этотъ рай.

„Край, политически и государственно, сдѣлался совершенно русскимъ,—говорилъ г. Безсоновъ,—и въ семъ-то отношеніи политическомъ, наиболѣе обезпеченномъ, не перестаетъ оставаться и обѣщаетъ долго еще оставаться *большимъ мѣстомъ* Россіи... Всякій, бывавшій и живавшій въ краѣ, знаетъ по себѣ, какъ, при сдержанномъ политически покоѣ, и видимомъ ровномъ ходѣ дѣлъ, чувствуются ежеминутно и на каждомъ шагѣ какое-то безпокойство, тревога, зыблемость; при малѣйшемъ качаніи вы отъ видимаго равновѣсія переходите непосредственно къ жгучему политическому вопросу, который изъ всего, самаго мелочнаго, готовъ возгорѣться. — Сепаратизмъ“ во всемъ мірѣ у людей образованныхъ разумѣется

¹⁾ „Бѣлорусскія пѣсни съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ черками народнаго обряда, обычая и всего быта. Издавъ Петръ Безсоновъ, издѣланными Общества Любителей Россійской Словесности“. Часть I, выпускъ I. Москва, 871. LXXXI, III стр. опечатокъ в 176 стр. въ два столбца.

только въ политическомъ отношеніи; не придетъ въ голову примѣнять это названіе тамъ, гдѣ говоритъ особое нарѣчіе, творится свое народное творчество, исповѣдуется иная вѣра, дѣйствуютъ мѣстныя силы, общество развивается въ мѣстномъ духѣ, однимъ словомъ, кипитъ и совершенствуется мѣстная жизнь внѣ политики. Потребно лишь равновѣсіе элементовъ ея, и самъ собою вырабатывается перевѣсъ тому, кому судила господство изначала мѣстная исторія; успѣхъ и подъемъ бѣлорусскій, хотя бы самый мѣстный изъ мѣстныхъ, не былъ бы никогда сепаратизмомъ, напротивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ одно время, успѣхомъ русскимъ, а будущее политическое Россіи лучше всего было бы этимъ обезпечено съ корня. Напротивъ, исключительность того, что вовсе не мѣстное, а впрочемъ, и не настолько общее, чтобы привиться къ мѣстному или замѣнить его, неравновѣсіе развивающихся сторонъ и отсутствіе управляющаго какого-либо не-политическаго элемента, непоследовательность системы и скудость плодотворной организаціи, когда жизнь ни съ какой уже стороны не кипитъ и не развивается, напротивъ, толчется въ одной сумятицѣ, ибо стихіи все же остаются на дѣлѣ разнородны—такія явленія, говоримъ, хотя бы не политическія, граничатъ съ тревогой политической, какъ разъ въ нее переходятъ и, при малѣйшемъ качаніи на одну сторону, превращаются въ дѣйствительный сепаратизмъ... Последствія падаютъ именно на среду не-политическую, и всего болѣе бѣлорусскую, какъ чуждую всякаго рода ловкости и уловки. Такъ сказать, некогда жить и развиваться всему прочему, когда дѣйствуетъ одно политическое, притомъ еще вооруженное, а невооруженное, по образцу заданному, вооружается чиновными тенденціями, всегда насторожѣ, всегда чего-то боится, что-то преслѣдуетъ и караетъ, съ чѣмъ-то, почти неосязаемымъ и невидимымъ, борется до упадка силъ, отъ чего-то само страдаетъ и страдаетъ весьма реально. Благо-состояніе для представителей государства симъ путемъ не наживается: средства, доходы и избытки поглощаются дороговизной, поднимающейся въ краѣ по баснословному барометру, или переходятъ, какъ всякое богатство, въ руки евреевъ... Когда весь главный интересъ въ скорлупѣ, внутреннее зерно и яйцо, разумѣется, сохнетъ, портится, выѣтривается. Это уже не опасность сепаратизма, ибо нечему сепарировать, а опасность недуга, тяжелой ампутаціи и смерти. Государство обнимаетъ собою все и со всѣмъ соприкасается, но не можетъ стать на мѣсто всего и все собою замѣнить; если некому и нечему жить въ государствѣ, ему самому не можетъ быть выгоды Государство не въ силахъ сдѣлать всего“... ¹⁾).

¹⁾ Бѣлорусскія Пѣсни, стр. VIII—IX.

Въ этомъ темномъ, дурно написанномъ изложеніи высказано однако вѣрное пониманіе порядка вещей въ западномъ краѣ. Составитель сборника вынесъ изъ своего опыта вообще довольно безотрадный взглядъ на положеніе бѣлорускаго народнаго дѣла. „Не льстимъ себя, какъ прежде,—говорить онъ по поводу своего труда,—какими-нибудь практическими послѣдствіями вблизи: для государственной и общественной практики, для историческихъ рѣшеній, для науки и образованія, для воспитанія пріемовъ и способовъ людей управляющихъ или изучающихъ, для ознакомленія ихъ съ бѣлорусскимъ міромъ, для умѣнья жить съ народомъ и дѣйствовать ему на пользу, даже для пользы самой народности. Всѣ эти бывшія мечты разбились о дѣйствительность, которая очевидно вовсе ничего не требуетъ, ни въ чемъ не нуждается и ничего не признаетъ въ этомъ родѣ“... ¹⁾. Самъ авторъ, однако, думалъ, что вниманіе къ народной жизни было бы именно необходимо, такъ какъ, если мы желаемъ поднятія русской народности въ западномъ краѣ, то оно здравымъ и прочнымъ образомъ можетъ совершиться только на почвѣ *мѣстной жизни*, съ привлеченіемъ ея собственныхъ стихій и съ возбужденіемъ ихъ дѣятельности. Г. Безсоновъ не считалъ возможнымъ, чтобы могла развиваться литература на бѣлорусскомъ языкѣ,—она не создавалась тогда, когда это было возможно, въ прежніе вѣка западно-русской жизни, а теперь время для этого прошло, и враги „сепаратизма“ могутъ успокоиться. Была мѣстная литература *польская*, но она питалась чужими соками; собственно бѣлорусской литературы особой нѣтъ и не можетъ быть; по мѣстная стихія все-таки существуетъ. Если бѣлорусскій крестьянинъ возьмется за перо, онъ будетъ писать уже по-русски, но нужно, чтобы онъ сохранилъ сознательный интересъ къ своему; литература паносная, лишенная этой мѣстной стихіи, не оплодотворитъ народной жизни... „Если *ютовая* литература принесется въ край сверху или со стороны, она не вызоветъ и не оплодотворитъ литературной дѣятельности мѣстной изъ среды такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ, которые въ языкѣ своемъ, вкусѣ, понятіяхъ, выраженіяхъ и пріемахъ, воспитались и выросли на преданіяхъ былой письменности мѣстной; примѣровъ такихъ, чтобы мѣстные уроженцы литературы продолжали дѣйствовать на мѣстѣ и въ мѣстныхъ интересахъ, пока нѣтъ еще, по крайности, видныхъ и крупныхъ; возможенъ еще возвратъ ихъ къ литературѣ польской, а пожалуй, и къ новой нѣмецкой (?). Хотя бы заносная литература именovala себя „русской“, хотя бы стремилась поддѣлываться подъ „бѣлорусскую“... она останется для мѣстной жизни всегда чуждою

¹⁾ Стр. LVIII.

маскою, и, по меньшей мѣрѣ, великорусскою, можетъ быть московскою, какъ нѣкогда и звали ее, отчасти и зовутъ понынѣ... Это будетъ принесенная книга, листъ, бумага, бланка, не жизнедѣятельность. Крестьянству подавно она будетъ чужда, какъ съ перваго раза и непонятна; она не подыметъ его къ дѣятельности обновленной, дальнѣйшей, лучшей. Натурализація, извѣстная въ политическомъ смыслѣ, здѣсь немыслима. А между тѣмъ, дѣйствительная натура, природное устное творчество, страдаетъ. Необходимо, чтобы русская литература возникала здѣсь же, на мѣстныхъ началахъ, мѣстными побужденіями, интересами, образами, силами мѣстныхъ уроженцевъ и дѣятелей, изъ жизни мѣстной, единственно основной и живой,—а такова только жизнь народная; чтобы первое слово русской литературы началось здѣсь съ послѣдняго слова бѣлорускаго, вылетѣвшаго изъ устъ, раздавагося въ слухъ; чтобы это послѣднее слово, гранича съ самымъ первымъ литературнымъ, принадлежало мѣстному парѣчию и народному пѣснотворчеству. Воспитаніе въ семъ направленіи для крестьянства, шагомъ выше обученія въ народномъ училищѣ, для другихъ классовъ—внѣ крестьянства—школа и наука, библіотеки и музеи, общества, учрежденія и центры литературные научные, художественные, урокъ, примѣръ, образецъ образованности, и все въ томъ же единомъ направленіи; вотъ что необходимо, ибо единство можетъ быть плодотворно. Тогда явится мѣстный поэтъ, писатель, ученый, художникъ для края и всей Россіи (авторъ приводитъ въ примѣръ Гоголя—малорусса—въ русской литературѣ, Мицкевича—бѣлорусса—въ польской). А тѣ, кои судьбою исторической и политической берутъ на себя этотъ вызовъ перваго слова, воспитаніе, училище, школу для края, для Бѣлороссіи, и съ тѣмъ для всей Россіи: понятно, какова должна быть ихъ собственная литература, если она не хочетъ быть чужою и заносною, если хочетъ мѣстнаго примѣненія и оплодотворенія. Она прежде всего сама и на себѣ самой должна показать примѣръ; ей нельзя безнаказанно отвращаться отъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ интересовъ, современныхъ и историческихъ; нельзя же ей не знать мѣстной устной рѣчи или вѣковаго развитія рѣчи мѣстной письменной; творить безъ матеріала, изъ ничего, едва ли выгодно и привлекательно, а въ творествѣ никакомъ, даже государственномъ, не обойтись безъ творчества народнаго“... ¹⁾).

Не будемъ передавать дальнѣйшихъ разсужденій г. Безопова объ исторіи бѣлорускаго народнаго творчества и языка, разсужденій, слишкомъ часто изложенныхъ въ его обычной, многословной иногда

¹⁾ Стр. LXIX—LXXI.

до невразумительности манерѣ и не безъ обычныхъ странностей (въ родѣ сближенія русскаго сказочнаго *Ивана съ еракійскимъ Эваномъ*), но приведенныя слова любовитны, какъ противовѣсь общераспространеннымъ тогда толкамъ объ обрусеніи западнаго края. Въ самомъ дѣлѣ, странно было читать въ то время, даже въ изданіяхъ людей, которые сами себя считали и другими считались за патентованныхъ знатоковъ, защитниковъ и печальниковъ русской народности, что мы должны предпринять *обрусеніе—русскаю* края, того края, который тѣми же самыми людьми выставлялся, противъ польскихъ притязаній, за чистѣйшій русскій, со всѣми „давними основами русской народности“, а вслѣдъ затѣмъ оказывался столь не-русскимъ и столь попорченнымъ, что надо было его выправить и по настоящему обрусить,—для чего, какъ мы упоминали, публицисты совѣтовали даже отправить въ западный край русскихъ (т.-е. собственно московскихъ, потому что лишь московское выдавалось за настоящее русское) нянекъ. Г. Безсоновъ вступился за мѣстную народность, которая составляетъ историческій отгѣнокъ цѣлаго племени, которая въ прежніе вѣка *независимо* отъ *московской* народности выносила тяжелую борьбу за обще-русское дѣло, оказала ему несомнѣнныя услуги, потомъ, уже въ предѣлахъ русскаго государства, долго была забыта и оставлена безъ призора—и теперь имѣла право на нѣкоторое вниманіе. Взглядъ г. Безсонова въ этомъ случаѣ былъ совершенно справедливъ, но вслѣдствіе всего положенія вещей слова его оставались тогда гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Занятія г. Безсонова бѣлорусской народной поэзіей, какъ мы сказали, начались еще раньше поѣздки въ западный край. Первый примѣръ въ нашей литературѣ интереса къ западно-русской народности онъ указываетъ у Калайдовича, который со вниманіемъ остановился на особенностяхъ народнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Въ 30-хъ годахъ Бѣлоруссію посѣтилъ П. В. Кирѣевскій, уже занятый тогда собираніемъ русскихъ пѣсенъ, по словамъ г. Безсонова, „отчасти затронутый частнымъ примѣромъ Калайдовича, отчасти возбужденный подвигомъ Ходаковского“ ¹⁾. Самъ Кирѣевскій не сдѣлалъ тамъ собственнаго сборника, но по крайней мѣрѣ вошелъ въ связи съ нѣсколькими лицами, которыя доставали ему народныя пѣсни, записанныя польскимъ шрифтомъ и отчасти съ полонизмами, потому что это были лица польскаго происхожденія. Надъ этимъ первоначальнымъ сборникомъ предстояло еще много работы:—надо было переписать пѣсни русскимъ письмомъ, а для избѣжанія ошибокъ изучить живой языкъ и народный бытъ; дѣло подъ руководствомъ Кирѣев-

¹⁾ Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIV.

скаго исполнялъ г. Безсоновъ, который, заинтересовавшись имъ, началъ самъ дополнять собраніе и, между прочимъ, отыскалъ нѣсколько народныхъ бѣлорусскихъ рукописей, особливо одну XVII-го вѣка, съ нотами ¹⁾. По смерти Кирѣвскаго, г. Безсоновъ занялся изданіемъ его собранія великорусскихъ пѣсенъ и „Калѣкъ Перехожихъ“, и въ послѣднюю книгу вошло уже много бѣлорусскихъ духовныхъ стиховъ ²⁾. Въ концѣ 1863, г. Безсоновъ предложилъ московскому Обществу любителей россійской словесности для изданія свой бѣлорусскій сборникъ, заключавшій уже до 500 пѣсенъ, чисто народныхъ, устныхъ, кромѣ дополненій изъ старыхъ рукописей ³⁾. Общество приняло это предложеніе, но затѣмъ г. Безсоновъ, въ концѣ 1864 или въ началѣ 1865, отправился на службу въ западный край, гдѣ пробылъ до конца 1866 г. Здѣсь ближайшее знакомство съ мѣстной стариной, народнымъ бытомъ и мѣстными (въ большой долѣ польскими) изслѣдованіями доставило ему тотъ взглядъ на положеніе бѣлорусской народности, какой мы выше излагали, и во время пребыванія въ краѣ, собраніе пѣсенъ, трудами какъ самого собирателя, такъ и нѣсколькихъ его друзей и сотрудниковъ, „возросло до громадныхъ размѣровъ“ ⁴⁾.

Изданіе г. Безсонова ограничилось, однако, только однимъ выпускомъ. Здѣсь заключаются пѣсни обрядныя разнаго рода: на Великій день, волочобныя, пѣсни на св. Юрія, на Николу, на Петровки, пѣсни купальныя, колядныя и на масланицу. Самая редакція довольно запутанная ⁵⁾; къ разнымъ отдѣламъ пѣсенъ присоединены объясненія обычаевъ, гдѣ авторъ не воздержался отъ своихъ обыкновенныхъ „научныхъ“ странностей.

Въ концѣ 1860 годовъ начинаются работы Географическаго Общества, предпринявшаго экспедицію въ западно-русскій край. Первая мысль объ этомъ возникла еще въ 1862, въ управленіе министер-

¹⁾ Нѣсколько образчиковъ изъ нея сообщено въ „Исторической Христоматіи“ г. Буслаева, М. 1861, стр. 1623—1624.

²⁾ Кирѣвскимъ собрано ихъ было мало, и какіе были, почти всѣ, по указанію г. Безсонова, вошли въ первый опытъ печатанія пѣсенъ, сдѣланный Кирѣвскимъ въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. ист. и др., 1848.

³⁾ Ср. „День“, 1863, № 45: „Объ изданіи памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества“; см. также 1865, № 4.

⁴⁾ „Бѣлор. Пѣсни“, стр. X—XIII, XVIII—XIX.

⁵⁾ Напр., при первой же пѣснѣ читаемъ въ концѣ ссылку на какой-то № 18; эти ссылки потомъ постоянно повторяются, но къ пѣснямъ съ указанными нумерами эти ссылки вовсе не относятся; г. Безсоновъ обѣщалъ въ предисловіи объяснить эти ссылки въ концѣ изданія, но конца не послѣдовало. Далѣе, напр., при № 3-мъ читаемъ замѣтку: „откуда же и то же“, и опять неизвѣстно—„откуда и что“? На при первой, ни при второй пѣснѣ не сказано: „откуда“—и такъ по всему сборнику. Во этой путаницѣ не было, разумѣется никакой надобности.

ствомъ нар. просвѣщенія А. В. Головнина, по докладу котораго Высочайше повелѣно было выдать для этой цѣли изъ суммъ министерства въ Геогр. Общество десять тысячъ руб. сер. Общество установило программу, по которой изслѣдованія должны были обнять племенные и бытовые различія народностей западнаго края, ихъ численныя отношенія, распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ и степенямъ культуры, наконецъ хозяйственный бытъ и степень матеріальнаго благосостоянія. Область наблюденій была опредѣлена девятью губерніями западнаго края въ трехъ группахъ: бѣлорусской (губ. витебская, могилевская и минская), литовской (губ. виленская, ковенская и гродненская) и украинской (губ. кіевская, волынская и подольская). Изслѣдованіе полагалось возможнымъ и желалось, въ виду интереса вопросовъ, окончить въ теченіе непродолжительнаго времени, напр. одного года. Составъ лицъ для выполненія задачи опредѣляли по ея спеціальнымъ вопросамъ; такъ, этнографическую долю предпріятія совѣтъ Общества полагалъ возложить на Гильфердинга; изслѣдованія о бытѣ религіозномъ — на Кояловича; изслѣдованія статистическія и хозяйственныя — на Бушена. Политическія событія 1863 г. заставили отложить экспедицію на неопредѣленное время. Вопросъ былъ снова поднятъ въ 1867 году. Старая программа была измѣнена и, за отказомъ лицъ, прежде назначавшихся въ экспедицію, выбраны были другіе изслѣдователи, а именно: г. Максимовъ, принявшій на себя этнографическое изученіе бѣлорускаго племени, и Н. Дубянский (бывшій секретарь могилевскаго статистическаго комитета), на котораго были возложены статистико-экономическія изслѣдованія во всемъ западно-русскомъ краѣ. Г. Максимовъ ставилъ себѣ задачей опредѣлить племенную границу бѣлорускаго племени и затѣмъ характеризовать этнографическій типъ бѣлорусса въ отличіе отъ типовъ великоросса и малоросса. Г. Максимовъ сдѣлалъ двѣ поѣздки въ сѣверо-западный край въ 1867 и 1868 годахъ; часть его наблюденій была сообщаемая въ засѣданіяхъ Общества; полный отчетъ ожидался въ 1873 году, но не появился и донинѣ. Дубянский съ цѣлью своихъ изученій провелъ въ западномъ краѣ болѣе полутора года, но поѣздки его далеко не обняли всего района, подлежаващаго его изученію, и Общество, получивъ отъ него нѣкоторые собранные имъ сырые матеріалы, по разнымъ обстоятельствамъ должно было отказаться отъ надежды получить отъ него полный отчетъ. Затѣмъ, для изученія литовцевъ и латышей приглашенъ былъ Ю. П. Кузнецовъ, а для изученія юго-западнаго края избранъ былъ Чубинскій. Какъ извѣстно, только эта послѣдняя часть предпріятія Географическаго Общества была совершена съ полнымъ успѣхомъ: въ первые же годы экспедиція Чубинскаго доставила огромный матеріалъ этнографиче-

скихъ и экономическихъ свѣдѣній, наполнившихъ извѣстные многотомные „Труды“. Г. Кузнецовъ старательно работалъ по своему предмету, доставлялъ въ Общество отдѣльные отрывки своихъ изслѣдованій и частные отчеты, но цѣлое исполненіе его задачи опять не состоялось.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что въ западномъ краѣ экспедиція Географическаго Общества имѣла уже своихъ предшественниковъ въ трудолюбивыхъ офицерахъ генеральнаго штаба, дѣло кончилось неудачно: чему приписать эту неудачу, въ то время, когда рядомъ съ такимъ успѣхомъ совершена была экспедиція юго-западная? Объясненіе, независимо отъ характера выбранныхъ лицъ, заключается, повидимому, и въ общемъ положеніи дѣла: въ юго-западномъ краѣ экспедиція встрѣтилась съ готовымъ интересомъ къ мѣстному изученію въ средѣ тѣхъ „хохломановъ“, которыхъ такъ усердно предавалъ проклятіямъ „Вѣстникъ юго-западной Россіи“ и которые однако, принесли здѣсь великую услугу дѣлу русской науки: Чубинскій, самъ „хохломанъ“, встрѣтилъ въ мѣстныхъ дѣятеляхъ полную охоту подѣлиться съ нимъ свѣдѣніями и матеріалами, и могъ собрать ихъ въ огромное цѣлое. Въ сѣверо-западномъ краѣ оказалось нѣчто иное: исполнителями дѣла являлись люди, мало или совсѣмъ не связанные лично съ мѣстной жизнью; сама эта жизнь, несмотря на все, что говорилось и дѣлалось съ 1863 года, была лишена тѣхъ условій развитія, на отсутствіе которыхъ указывалъ, напримѣръ, Безсоновъ. Дѣятели 1860-хъ годовъ въ западномъ краѣ такъ много говорили объ „объединеніи“, „обрусеніи“ и т. п., такъ усердно настаивали на удаленіи всего мѣстнаго, напоминавшаго „польское“ вліяніе, такъ усердно считали польскимъ все, что не было похожимъ на московское, что мѣстная жизнь стала прятаться въ скорлупу, и ученымъ изслѣдователямъ (особливо прежде чуждымъ краю) съ трудомъ приходилось бы отыскивать ея проявленія, вмѣсто того, чтобы видѣть ее тотчасъ воочію безъ канцелярскихъ ширмъ ¹⁾).

Мѣстные дѣятели работали разъединенно и вначалѣ продолжали тотъ пріемъ этнографическихъ изысканій, какой мы видѣли у прежнихъ польскихъ этнографовъ, собирая иногда весьма старательно матеріалъ, но оставляя его безъ должнаго историческаго и филологическаго освѣщенія.

Старѣйшимъ въ этомъ новомъ рядѣ собирателей былъ Иванъ

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ экспедиціяхъ разсѣяны въ протоколахъ засѣданій Географическаго Общества (въ „Извѣстіяхъ“) и вкратцѣ указаны въ предисловіи къ „Трудамъ“ Чубинскаго.

Иван. Носовичъ (род. 1788, ум. 1877, 25-го іюля). Мы имѣемъ о немъ лишь немногія біографическія свѣдѣнія ¹⁾. Родиною его была могилевская губернія. Дѣдъ его, Григорій, изъ священническихъ дѣтей, какъ говорятъ, еще въ дѣтствѣ закабаленъ былъ въ крѣпостные помѣщика Поцѣи, жилъ въ крестьянской средѣ, но, помня свой родъ, выучился церковной грамотѣ и сдѣлался дьячкомъ. Сынъ его, Иванъ Гр., учился уже въ семинаріи; за смертью отца не могъ окончить курса и также взялъ дьячковское мѣсто, но позднѣе сдѣлался священникомъ. Своимъ дѣтиамъ онъ могъ уже дать болѣе правильное обученіе. Иванъ Ив. учился въ могилевской семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1812 году. Съ тѣхъ поръ онъ началъ службу учителемъ въ мѣстныхъ духовныхъ училищахъ, наконецъ, ректоромъ. Въ 1832, онъ перешелъ на учебную службу по министерству просвѣщенія и назначенъ былъ смотрителемъ дворянскаго училища въ Молодечнѣ, потомъ учителемъ русской словесности въ такомъ же училищѣ въ Свѣцѣнахъ, затѣмъ въ 1841 смотрителемъ, а въ 1844 вышелъ въ отставку съ пенсіей. Онъ переселился затѣмъ въ свой родной городъ Мстиславль, и съ тѣхъ поръ занялся литературными трудами.

Первые опыты его филологическихъ трудовъ появляются въ началѣ 50-хъ годовъ, въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія Академіи, гдѣ въ то время, особливо по инициативѣ Срезневскаго, стали помѣщаться разнаго рода матеріалы по народной поэзіи, старому и народному языку. Сборники Носовича выросли наконецъ до значительныхъ изданій, которыя сдѣланы были русскимъ отдѣленіемъ Академіи и Географическимъ Обществомъ. Таковъ былъ, во-первыхъ, бѣлорусскій словарь, первый и до сихъ поръ единственный обширный трудъ этого рода ²⁾. Мы упоминали выше, что бѣлорусскій словарь началъ составлять еще протоіерей Григоровичъ, но за его смертію словарь остановился въ самомъ началѣ, на 10-мъ листѣ. Русское отдѣленіе Академіи, желая довершить эту работу, предложило взяться за это двумъ уроженцамъ западнаго края, Носовичу и Микуцкому: послѣдній сообщилъ лишь незначительные матеріалы, а Носовичъ въ 1863 году представилъ на Демидовскую премію цѣлый обширный словарь, надъ которымъ онъ трудился въ теченіе шестнадцати лѣтъ. Русское отдѣленіе взяло на себя печатаніе словаря,

¹⁾ Въ литературѣ этихъ свѣдѣній до сихъ поръ совсѣмъ не было; даже въ изданіяхъ официальныхъ, печатавшихъ труды Носовича, не было его некролога. Приводимыя данныя сообщены намъ В. И. Носовичемъ черезъ посредство П. В. Владимірова; приносимъ имъ обоимъ искреннюю благодарность.

²⁾ „Словарь бѣлорусскаго языка, составленный И. И. Носовичемъ“. Спб. 1870. 4°, 756 стр. въ два столбца.

основываясь на отзывѣ Срезневскаго, что при помощи труда Носовича, какъ сборника словъ языка устнаго, „можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ бѣлорускаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчіи сохранилось очень много древняго и важнаго для исторіи русскаго языка“.

Матеріалами при составленіи словаря служили Носовичу какъ живой языкъ и произведенія народной поэзіи, такъ и старые письменные акты и матеріалы, уже извѣстные въ печати ¹⁾. „Въ составъ словаря г-на Носовича, — говорится въ предисловіи, — вошло болѣе 30,000 словъ; между ними встрѣчаются слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ, главнымъ же образомъ изъ польскаго. Слова, перешедшія изъ послѣдняго языка, преимущественно употребляются мелкою шляхтою, мѣщанами, ремесленниками, экономами, приказчиками и пр. Количественно этихъ словъ и распространеніемъ употребленія ихъ въ народѣ опредѣляется нагляднымъ образомъ степень вліянія польскаго языка на бѣлорусское нарѣчіе“. Но позднѣйшіе изслѣдователи бѣлорускаго языка находятъ очень много недостатковъ въ этой работѣ. Такъ уже г. Безсоновъ относился довольно строго къ труду Носовича: по его словамъ, этотъ словарь, несмотря на то, что имѣлъ передъ собою много матеріала въ опытахъ предшественниковъ, пропустилъ „множество замѣчательнѣйшихъ или употребительнѣйшихъ словъ, а подъ ними множество любопытныхъ чертъ народнаго быта и общеизвѣстныхъ предметов“, и въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ „весьма часто превосходитъ его богатствомъ и Польскій Словникъ Линде и Толковый Словарь Даля, безъ коихъ и при г. Носовичѣ никакъ не обойдется доселѣ никто, если желаетъ ближе ознакомиться съ Бѣлою Русью“. Отдавая, впрочемъ, дань уваженію трудолюбію составителя, критикъ находитъ въ словарѣ недостатокъ филологическаго знанія, и то, что словарь Носовича (напр., въ написаніи словъ) не былъ исправленъ при изданіи, критикъ ста-

¹⁾ Именно: а) памятники устной народной словесности: пѣсни, пословицы, поговорки, сказки и пр.; б) сборники словъ, составленные имъ во время поѣздокъ по могилевской, минской и гродненской губерніямъ и по нѣкоторымъ окраннымъ губерніямъ привислянскаго края, смежнымъ съ вышеупомянутыми губерніями; в) алфавитный указатель старинныхъ бѣлорусскихъ словъ, заключающихся въ Актахъ Западной Россіи, который онъ составилъ по порученію Отдѣленія; г) „Опытъ областного словаря великорускаго нарѣчія“, въ который вошло нѣсколько небольшихъ сборниковъ словъ бѣлорускаго нарѣчія; д) матеріалы, впрочемъ немногочисленные, бѣлорускаго нарѣчія и словесности, напечатанные въ „Извѣстіяхъ“ Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ „Трудахъ Московскаго Общества любителей словесности“, въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ Геогр. Общества, въ сборникахъ Чечота и Зенкевича.

вить въ вину редакціи, т.-е. русскому отдѣленію Академіи. Критикъ обвиняетъ редакцію въ легкости отношенія къ предмету, „весьма естественной при общемъ нерасположеніи къ успѣхамъ народной ловесности“, и находитъ, что эта легкость „равна только медленному исполненію предпріятія и богатству всякихъ матеріальныхъ подручныхъ средствъ“. Онъ удивляется, какъ могла академическая редакція сказать въ предисловіи, что бѣлорусское нарѣчіе принадлежитъ тѣмъ мѣстностямъ, которыя населяло нѣкогда кривичское племя, когда на дѣлѣ оно принадлежитъ и другимъ мѣстностямъ, гдѣ жили и другія племена. Онъ удивляется той „темнотѣ“ („которая предполагаетъ мракъ незнанія“), съ какою редакція говорила о возможности начать, при словарѣ Носовича, изслѣдованія о составѣ бѣлорускаго нарѣчія и между прочимъ искать доказательствъ „предположенію“, что въ бѣлорусскомъ нарѣчій сохранилось много древняго и важнаго для исторіи языка ¹⁾: критикъ находилъ, что десятки тысячъ бѣлорусскихъ письменныхъ актовъ уже доказали это „людямъ свѣдущимъ“ и что къ тому же ведутъ множество уже напечатанныхъ пѣсенъ. Указавъ дальше неточность грамматическихъ терминовъ въ предисловіи и словарѣ, критикъ замѣчаетъ еще, что издатели считаютъ, въ союзѣ съ нѣкоторыми бывшими попечителями иленскаго учебнаго округа, но въ разладѣ съ профессурою славянскихъ нарѣчій, будто слова „изъ польскаго языка“ суть у бѣлорусовъ „слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ“: это противорѣчитъ и единству русской страны, гдѣ живутъ поляки“ ²⁾).

Другимъ предметомъ, которымъ занимался Носовичъ, были половицы. Въ первый разъ онъ доставилъ въ русское отдѣленіе Академіи въ 1862 году сборникъ пословицъ, который напечатанъ былъ въ „Извѣстіяхъ“. Впослѣдствіи, работая надъ словаремъ, онъ собралъ новый большой запасъ пословицъ, который представилъ въ Географическое Общество, которое наградило этотъ трудъ золотомъ медалью и напечатало въ своемъ изданіи ³⁾. Затѣмъ явилось небольшое дополненіе—больше ста новыхъ пословицъ и восемьдесятъ загадокъ ⁴⁾. Наконецъ собраніе Носовича было издано еще разъ рус-

¹⁾ Это была нерѣдка, осторожная и уклончивая манера выраженія Срезневскаго.

²⁾ Бѣлорусскія Пѣсни, стр. LVI—LVII. Ср. отзывъ г. Карскаго о работахъ Носовича, въ книжкѣ, о которой сказано даѣе.

³⁾ Записки Импер. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографія, т. I, Спб. 1867, стр. 51—482: „Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ“.

⁴⁾ „Записки“ и пр., т. II, Спб. 1869; „Бѣлорусскія пословицы“, стр. 368—371, Бѣлорусскія загадки“, стр. 378—379,—и въ отдѣльномъ оттискѣ: „Бѣлорусскія половицы и загадки“. Спб. 1869, 19 стр.

скимъ отдѣленіемъ Академіи ¹⁾); дополненія къ первому изданію внесены здѣсь въ текстъ; число загадокъ размножено до 130 и въ концѣ прибавленъ небольшой указатель бѣлорусскихъ словъ.

Наконецъ, собраніе Носовича распространялось на пѣсни. Небольшой сборникъ его вышелъ въ 1874 году въ изданіяхъ Гестрафическаго Общества ²⁾. Это—пѣсни обрядныя и связанныя съ разными обстоятельствами семейнаго быта: колядныя, волочобныя, жнивныя, свадебныя, крестинныя; также пѣсни „веселаго содержанія“, и т. д. Пѣснямъ предшествуетъ описаніе обычаевъ. Изложеніе отличается приѣмами людей стараго вѣка и нѣкоторой непривычкой къ литературному языку ³⁾. Носовичъ настаиваетъ на именованіи бѣлоруссовъ кривичами, имя которыхъ, по его словамъ, принадлежитъ „всѣмъ вообще племенамъ, населявшимъ и нынѣ кореннымъ потомкамъ ихъ, населяющимъ все пространство бѣлорусской страны, кромѣ литовцевъ“; имя это, по его толкованію, производится отъ слова „кровь“ (род. пад. „кривъ“) и обозначаетъ родственныя кровныя племена. Доказательство древности бѣлорусскихъ пѣсней онъ видитъ въ томъ, что въ нихъ встрѣчаются слова, уже вышедшія изъ живого народнаго употребленія; далѣе, что въ нихъ изображаются „древнія воинскія обстоятельства“ и, наконецъ, что въ пѣсняхъ, которыя нынѣ поются „простолюдинами“, „выражается духъ не крестьянскаго быта, а свободнаго и самостоятельнаго сословія и даже богатаго“, напр., упоминаются бояре, дѣвочки боярочки, сыплется золото и т. п. Носовичъ спрашиваетъ: „не были ли въ древности простолюдины свободны и собственники земель, подобно какъ однодворцы и даже нынѣшняя шляхта, прежде нежели подпали они подъ администрацію сильныхъ польскихъ помѣщиковъ, которые поработили ихъ и земли ихъ засчитали своими собственными?“ Онъ замѣчаетъ далѣе, что „тѣмъ древнѣе пѣсни, тѣмъ, кажется, болѣе проглядываетъ въ ней образованность и изящество творчества въ сравненіи съ пѣснями позднѣйшаго сложенія“. Наконецъ, онъ говорилъ еще: „поэтическія

¹⁾ Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ, и пр. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ. Спб. 1874. VI и 232 стр. Предисловіе незначительное; отмѣтимъ лишь указаніе на историческую извѣстность пословицъ (по Актамъ Зап. Россіи, т. III, ст. 171 — 174) и употребленіе ихъ даже среди польскихъ помѣщиковъ.

²⁾ Записки Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. V. Спб. 1873, стр. 45—280: „Бѣлорусскія пѣсни, собранныя И. И. Носовичемъ“,—и въ отдѣльномъ оттискѣ, Спб. 1874.

³⁾ Напр.: „Бѣлорусскія пѣсни очень многія составляютъ глубокую старину, изъ вѣка въ вѣкъ устнымъ единственно путемъ перешедшую къ нынѣшнимъ простолюди-намъ, и эти старинныя пѣсни носятъ типъ славянскаго, а въ особенности, кривичскаго племени“, и т. п.

красоты, которыми... отличаются старинныя пѣсни, заставляютъ заключить, что бѣлорусское кривичское нарѣчіе въ старину было удѣломъ не одного бѣлорусскаго простолюдія, но и высшаго класса народа, который не лишентъ былъ совершеннаго (?) образованія: во воспитаніе дѣтей въ іезуитскихъ школахъ вытѣспило привязанность въ нихъ къ родному нарѣчію польскимъ элементомъ¹⁾, и онъ припоминаетъ слова Чечота, что въ его дѣтствѣ старыя паны любили говорить между собой по-бѣлорусски. Замѣчанія о старинныхъ пѣсняхъ не лишены интереса и справедливы, но доказывать пѣснями старое употребленіе бѣлорусскаго языка въ высшихъ классахъ было излишне, потому что это—фактъ, не требующій доказательствъ.

Наконецъ, Носовичъ останавливается на тѣхъ міеологическихъ толкованіяхъ, какія дѣлались по поводу бѣлорусскихъ пѣсенъ и преданій; онъ не признаетъ, чтобы „купала“ или „коляда“ народной пѣсни и обычая были „остатками боготворенія небывалыхъ кумировъ“¹⁾, и совершенно отрицаетъ существованіе въ народныхъ понятіяхъ тѣхъ „божествъ“, которыхъ множество насчиталъ нѣкогда Шпилевскій въ статьяхъ, упомянутыхъ нами раньше.

Кромѣ изложенія обрядовъ и обычаевъ, къ которымъ относятся пѣспи, редакція пѣсенъ, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ; какъ, гдѣ и кѣмъ собраны пѣсни, остается неизвѣстно. Предполагается обыкновенно, что пѣсни, не имѣющія подобныхъ обозначеній, записаны самимъ составителемъ сборника; между тѣмъ мы встрѣчаемъ здѣсь, кажется, несомнѣнныя заимствованія изъ прежнихъ собраній и, однако, не оговоренныя²⁾; кое-гдѣ указываются сличенія съ сборникомъ Гильтебрандта. Въ „дополненіяхъ“ (Носовича, стр. 218—236) чуть ли не всѣ пѣсни взяты, безъ всякаго указанія, у того же Киркора (или прямо у Чечота и др.), только съ измѣненіемъ правописанія и нѣкоторыми вариантами, которые, повидимому, представляютъ собственныя исправленія Носовича, не всегда, однако, удачныя³⁾.

¹⁾ Онъ имѣетъ въ виду особенно польскихъ міеологовъ, какъ Сестренцевичъ-Богущъ и др.

²⁾ Напр., въ пѣсняхъ „заручинныхъ“ повторяются пѣсни, собранныя (изъ прежнихъ сборниковъ) Киркоромъ; Носовича, стр. 140 и слѣд.—Кирк. (Этнограф. Сборн., выпускъ III), стр. 239 и дал.

³⁾ Напр. „Ой похъ гаемъ зелененькимъ“, Нос. стр. 218=Кирк. стр. 201—202.

— „А похавъ сынъ Данила“, Нос. 219=Кирк. 214.

— „У лузѣ соловей“, Нос. 220=Кирк. 218.

— „Червоная калиночка“, Нос. 221=Кирк. 213.

— „Каюся молада“, Нос. 221=Кирк. 219.

— „Никому такъ не томпенько“ (?), Нос. 222=Кирк. 219.

— „А при крайчику, при Дунайчику“, Нос. 223=Кирк. 212, и проч.

О сборникѣ Носовича ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ“, Кіевъ, 1886, предисловіе.

явился въ изданіи Географическаго Общества ¹⁾. Сборникъ составленъ весьма обстоятельно. Въ „послѣсловіи“ составитель объясняетъ подробно исторію и приемы своего труда (стр. 821—832). Поселившись въ западномъ краѣ и ко второму году своего пребыванія освоившись болѣе или менѣе съ языкомъ, г. Шейнъ принялся за собираніе пѣсенъ, отчасти записывая ихъ самъ, отчасти возбуждая интересъ къ этому дѣлу въ кругу своихъ знакомыхъ, составилъ и разослалъ программу собиранія и т. д. Черезъ нѣсколько лѣтъ сборникъ достигъ такихъ размѣровъ, что напечатанный въ 1873—74 г. томъ не исчерпалъ всего собраннаго. Нѣсколько изъ пѣсенъ разныхъ категорій записалъ онъ самъ, и это служило ему основой для провѣрки тѣхъ пѣсенъ, какія онъ получалъ отъ своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ. Пѣсни онъ расположилъ въ „біографическо-календарномъ“ порядкѣ, совмѣщая, съ одной стороны, теченіе личной жизни селянина и, съ другой, послѣдовательность пародныхъ праздниковъ; такъ, идутъ въ сборникѣ пѣсни крестинныя, колядныя и „рацѣ“, масляничныя, волочобныя, купальскія, жнивныя, разгульныя, свадебныя и т. д. При каждой пѣснѣ постоянно отмѣчена ея мѣстность и кѣмъ она записана и доставлена; разные разряды пѣсенъ сопровождаются описаніемъ обрядовъ, праздниковъ, домашнихъ обычаевъ; лишь немногія пѣсни взяты изъ печатныхъ сборниковъ. Наконецъ, сборникъ снабженъ словаремъ малоизвѣстныхъ словъ, объяснительными примѣчаніями и грамматическими свѣдѣніями о бѣлорусскомъ языкѣ.

Критика отнеслась къ сборнику г. Шейна весьма благосклонно ²⁾ и дѣйствительно, это былъ наиболѣе обширный сборникъ бѣлорусской народной поэзіи, исполненный безъ вычуръ и, въ личныхъ условіяхъ собирателя, весьма обстоятельно. Болѣе требовательнаго этнографа могло бы остановить обстоятельство, что большинство пѣсенъ получалось готовыми, и собиратель могъ повѣрять своихъ корреспондентовъ лишь приблизительно, сравнивая ихъ присылки съ тѣмъ, что было записано имъ самимъ, а корреспонденты отличались, безъ сомнѣній, и различной степенью умѣнья схватывать какъ самый текстъ, такъ, въ особенности, оттѣнки языка. Но рѣдко сборникъ народной поэзіи можетъ вообще похвалиться абсолютной точностью и единообразіемъ записи ³⁾.

¹⁾ Записки по Отдѣленію Этнографіи, т. V, Спб. 1873, стр. 281—850: „Бѣлорусскія пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ“, и въ отдѣльномъ изданіи, Спб. 1874.

²⁾ Ср. рецензію Ор. Миллера въ присужденіи Уваровскихъ премій.

³⁾ Г. Романовъ, указывая достоинство этого сборника въ томъ, что въ записываніи пѣсенъ участвовалъ и самъ составитель, находитъ, однако, въ немъ слѣдующіе недостатки: „Намъ кажется, что г. Шейнъ, безъ вреда для науки, могъ бы замѣнить

Какъ мы упоминали, первая книга, по словамъ составителя, не истощила всего собранія его пѣсенъ. Послѣдующія поѣздки г. Шейна въ западный край,—причемъ онъ заручился рекомендаціями русскаго отдѣленія Академіи, содѣйствіемъ управленія учебнаго округа и одобреніемъ архіерея,—еще размножили его собраніе, которое должно было появиться въ изданіяхъ Академіи. Вышедшія въ свѣтъ части этого второго собранія обѣщаютъ обширную массу бѣлорусскаго пѣсеннаго и бытового матеріала ¹⁾. Порядокъ изданія принятъ здѣсь тотъ же, какъ и въ прежнемъ сборникѣ. Въ началѣ перваго отдѣла (I т.) поставлено описаніе обрядовъ при родинахъ и крестинахъ, пѣсни крестинныя, колыбельныя и дѣтскія; далѣе колядныя пѣсни и игрища; обычаи и пѣсни масличныя; пѣсни весеннія, на св. Юрія, и т. д. Во второмъ отдѣлѣ — пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточные и разгульныя, въ числѣ бытовыхъ—рекрутскія и солдатскія, и т. д. Особо представленъ указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни; эти мѣстности были разные уѣзды губерній виленской, витебской, гродненской, ковенской, курляндской, минской, могилевской и смоленской, болѣею частью съ опредѣленнымъ указаніемъ селъ и деревень.

Во второй части перваго тома помѣщены, въ первомъ отдѣлѣ, обряды свадебные; во второмъ обряды погребальныя и поминальныя, голошенія или причитанія надъ покойниками, — то и другое изъ разнообразныхъ мѣстностей бѣлорусской народности, и обряды свадебные, съ принадлежащими къ нимъ пѣснями, въ особенномъ изобиліи. Приемы собранія были опять тѣже: пѣсни, иногда въ весьма

многіе №№ своего сборника однимъ, указавъ варианты въ выноскахъ; могъ бы не помѣщать пѣсенъ нецензурныхъ въ искаженномъ цензурномъ видѣ; ничего не потерялъ бы также сборникъ въ своемъ достоинствѣ, если бы въ немъ не нашли мѣста произведенія, уже напечатанныя раньше, а также 23 №№ духовныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устной народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ. Озаглавивъ сборникъ „Бѣлорусскими пѣснями“, не было надобности помѣщать анекдоты, вообще не имѣющіе большой цѣны.—Можно замѣтить, что почтенный собиратель слишкомъ большое вниманіе обратилъ на количество матеріаловъ, въ ущербъ ихъ качеству, и не сдѣлалъ въ нихъ строгаго выбора“. „Бѣлорусскій Сборникъ“, стр. V—VI.

Замѣчанія частію справедливы; но относительно помѣщенія духовныхъ пѣсенъ надо сказать, что оно должно опредѣляться степенью ихъ распространенія: если онѣ довольно распространены, то—худи ли, хороши ли—онѣ входятъ въ народно-поэтический обиходъ.

¹⁾ „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, части I и II. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ“. Спб. 1887 — 1890. Первая часть до 600 стр., вторая сверхъ 700, съ рисунками свадебнаго короваля и съ нотами.

значительных сборниках, получают готовыми от многочисленных корреспондентов—учителей и учеников народных училищ, священников, волостных писарей и старшин, нѣкоторых дамъ, живущих по деревнямъ и т. д., корреспондентамъ принадлежать не только собранные тексты, но и самыя описанія обрядовъ, иногда весьма подробныя; редакторъ сборника сообщилъ только немногія замѣчанія. Г. Шейнъ воспользовался также многимъ изъ матеріаловъ печатныхъ: изъ книгъ Бобровскаго, гр. Тышкевича (въ переводѣ и съ русскою переписью текстовъ), изъ мѣстныхъ „памятныхъ книжекъ“, изъ „Этнограф. Сборника“ Геогр. Общества, а также изъ архивныхъ матеріаловъ этого Общества.—Желательно, чтобы этотъ обильный сборникъ былъ доведенъ до конца; хотя составленіе его, въ указанной его формѣ, по настоящему потребовалъ бы еще значительной провѣрки на мѣстахъ, но и въ данномъ видѣ онъ представляетъ матеріалъ, чрезвычайно важный для изученія бѣлорусской народности ¹⁾.

Однимъ изъ болѣе дѣятельныхъ и знающихъ корреспондентовъ г. Шейна былъ мѣстный этнографъ, г. Никифоровскій: обширное количество записанныхъ имъ текстовъ и описаній обрядовъ нашло мѣсто въ обѣихъ частяхъ „Матеріаловъ“ г. Шейна. Уроженецъ села Вымини, прежде суражскаго, нынѣ витебскаго уѣзда (род. 1845), г. Никифоровскій ²⁾ выросъ въ домѣ крайне бѣдныхъ родителей духовнаго званія, между прочимъ занимавшихся и земледѣльческою работою; тѣмъ не менѣе родители позаботились дать ему первоначальное обученіе отъ случайно попадавшихся учителей (арифметикѣ онъ учился по *рукописному* учебнику). Въ 1855 отецъ отвезъ его въ Витебскъ, гдѣ онъ поступилъ въ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ и въ то же время учился въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ семинаріи въ 1867. Отсутствіе средствъ не дало ему возможности идти далѣе, и онъ вступилъ на преподавательское поприще: былъ законоучителемъ и учителемъ въ сельскомъ училищѣ, потомъ въ приходскомъ училищѣ въ Витебскѣ, въ приготовительномъ классѣ семинаріи въ Свислочь, гродненской губерніи, и наконецъ, съ 1882, въ приготовительномъ классѣ гимназіи въ Витебскѣ. „Моя жизнь въ родительскомъ домѣ,—пишетъ г. Никифоровскій,—протекла среди не деревенскаго только, а захолустнаго мрака крѣпостничества. Въ моей памяти живыми образами возстаютъ лица, которыя клятвенно увѣряли тогда, что такой-то держалъ за хвостъ чорта или вѣдму, другой цѣлые часы провелъ съ давнимъ покойникомъ въ дружеской бесѣдѣ, третій нашелъ и лакомился кускомъ упавшаго облака и пр. и пр. Понятно, что все это, исходя изъ бородастыхъ и морщинистыхъ устъ, или отъ пѣшиной головы, крѣпко засѣдало въ моей отзывчивой душѣ и наслоилось въ ней чуть не до болѣзненнаго гнета. Мои случайные учителя (въ дѣтствѣ), за ничтожными исключеніями, помимо недалекости въ учебномъ дѣлѣ, были люди недалекіе и въ міровоззрѣніи: они не разсѣвали мой суетѣрный кругозоръ, а скорѣе расширяли его личными ро-

¹⁾ Относительно редакціи сборника и многихъ недостатковъ записи, см. замѣчанія М. Мурка въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ „Архива“ Ягича.

²⁾ По его личнымъ сообщеніямъ, полученнымъ нами при посредствѣ г. Романова.

сказаниями". Такимъ образомъ народное преданіе принималось съ полною непосредственною вѣрой, которая поколебалась только во время ученія въ семинаріи: здѣсь возможная перспектива священнической дѣятельности внушила г. Никифоровскому мысль записывать народныя суевѣрія (по памяти своей и товарищей), какъ обличительный матеріалъ. Позднѣе, уже на учительской службѣ, познакомившись съ нѣкоторыми этнографическими сборниками, онъ придалъ своему собранію болѣе опредѣленный видъ. Въ концѣ 1871 его познакомили съ г. Шейномъ; трудныя обстоятельства личной жизни отнимали у него вѣру въ свои силы, и свои многолѣтнія коллекціи онъ съ тѣхъ и до 1890 г. предоставлялъ г. Шейну: длинный рядъ этихъ сообщеній идетъ въ сборникахъ г. Шейна 1874 и 1887—90 годовъ. Наконецъ, г. Никифоровскій предпринялъ самостоятельную работу и значительный этнографическій его сборникъ долженъ появиться въ изданіяхъ Этногр. Отдѣла московскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи.

Изъ мѣстныхъ трудовъ за послѣдніе годы надо отмѣтить также многотомное описаніе могилевской губерніи, гдѣ не мало мѣста дано и изслѣдованіямъ этнографическимъ ¹⁾.

Описаніе, въ трехъ большихъ томахъ,—одно изъ самыхъ обстоятельныхъ, какія имѣются въ этомъ отдѣлѣ нашей литературы. Подъ руководствомъ г. Дембовецкаго, въ этомъ трудѣ принялъ участіе цѣлый кругъ мѣстныхъ дѣятелей: члены статистическаго комитета, чиновники особыхъ порученій, учителя мѣстныхъ гимназій, землевладѣльцы и пр. Предисловіе, подписанное редакторомъ изданія (онъ же — мѣстный губернаторъ съ 1872 г.), имѣло задачей представить нынѣшнее благополучное состояніе могилевской губерніи, которая въ прежнія времена имѣла репутацію бѣдности и заброшенности. „Кому не встрѣчалось слышать рассказы о томъ,—начинаетъ предисловіе,—что Могилевская губернія не есть земля искони русская, а „забранная“ (?) ...Кому не приходилось постоянно читать о ней во всевозможныхъ газетахъ, какъ о самой недоимочной, голодной и совершенно несостоятельной въ хозяйственномъ отношеніи?.. На самомъ же дѣлѣ такіе отзывы представляются плодомъ незрѣлаго знакомства съ исторіею края и современнымъ его состояніемъ“. Но принадлежность населенія могилевской губерніи къ русскому племени была указана довольно давно, такъ что теперь можно было бы не повторять обвиненій въ незнаніи этого обстоятельства; что же касается до бѣдности населенія, то этотъ фактъ, который принимался будто бы только по незрѣлому знакомству съ исторіей, напротивъ, слыш-

¹⁾ „Опытъ описанія Могилевской губерніи въ историческомъ, физико-географическомъ, этнографическомъ, промышленномъ, сельско-хозяйственномъ, лѣсномъ, учебномъ, медицинскомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ двумя картами губерніи и 17 рѣзанными на деревѣ гравюрами видовъ и типовъ, въ трехъ книгахъ. Составленъ по программѣ и подъ редакціею предсѣдателя могилевскаго губернскаго статистическаго комитета, А. С. Дембовецкаго“. Могилевъ-на-Днѣпрѣ, 1882.

комъ пастойчиво указывался исторіей, приводимой и въ самомъ предисловіи. Въ эпоху присоединенія, могилевскій край возсоединился съ Россіей „объединъшимъ и съ рѣдкимъ безпомощнымъ населеніемъ“ (стр. 1). Императрица Екатерина приложила всѣ старанія, чтобы поднять благосостояніе края; „но существовавшее тогда крѣпостное право дѣлало благотѣльные усилія императрицы *безплодными*. и сельское хозяйство, основанное на крѣпостномъ правѣ, все болѣе и болѣе *слабѣло*“... Съ объединѣніемъ поселенъ соединялся упадокъ самихъ помѣщичьихъ хозяйствъ; помѣщики не заботились о разумномъ веденіи дѣла и проживались; являлись „неудовлетворительные урожаи“ и т. д. (стр. 2). Уничтоженіе крѣпостного права въ 1861 г. „положило предѣлъ такому порядку вещей“; по— „крестьяне вышли изъ крѣпостной зависимости совершенно *бѣдными* и, вслѣдствіе полнаго невѣжества и непривычки работать по своей охотѣ, не могли сразу понять своего новаго положенія и своихъ польвъ и—растерялись“. Въ 1867—68 годахъ были „неудовлетворительные урожаи“, которые произвели „неисчислимыя бѣдствія“ и, по словамъ автора, могилевская губернія „пришла въ *худшее* положеніе, чѣмъ она была въ XVIII вѣкѣ“. Въ 1872 г., при назначеніи новаго губернатора, покойный императоръ сказалъ ему о „разстроенномъ положеніи“ губерніи, которому надобно помочь (стр. 4). Такимъ образомъ, упомянутое выше представленіе о бѣдности могилевского края имѣло слишкомъ, къ сожалѣнію, достаточныя и давнишнія основанія; именно „исторія“ слишкомъ долго говорила о ней какъ о бѣдной и голодной. Это положеніе вещей, по разсказу автора, совершенно, однако, измѣнилось за послѣдніе годы: неусынными трудами администраціи громадныя недомки были покрыты, образовались сбереженія, хлѣбныя магазины наполнились, основались школы, устроена медицинская помощь, и т. д. Если, при всемъ томъ, продолжались прежнія представленія о могилевской губерніи, то можно ли винить общество за незрѣлое знакомство съ современнымъ состояніемъ края, когда, по собственному замѣчанію автора, свѣдѣнія о могилевской губерніи въ нашей литературѣ были весьма скудны ¹⁾, — а могли исходить только изъ мѣстныхъ источниковъ.

---

¹⁾ „Несмотря на видное въ кругу другихъ губерній Россіи расположеніе, близость къ столицамъ и вообще среднее положеніе между русскими учеными и торговыми средоточіями: Петербургомъ, Москвою, Кіевомъ, Варшавою, Вильною и Рязанью, могилевская губернія, въ смыслѣ изученія, не только не пользовалась вниманіемъ собирателей древностей и ученыхъ въ области исторіи, этнографіи, политической экономіи, но и близкихъ къ ней людей, ея собственныхъ жителей. Поэтому, въ отношеніи ея, существовалъ полный пробѣлъ въ нашемъ отечественнѣдѣніи“. — Но какъ же въ такомъ случаѣ о ней *постоянно* говорили газеты (см. выше)?

Какъ мы сказали, описаніе губерніи составлено весьма обстоятельно трудами мѣстныхъ преподавателей, чиновниковъ и любителей. Обращено при этомъ вниманіе и на мѣстно-народныя особенности, напр. въ описаніи флоры приведенъ подробный списокъ растений врачебныхъ, употребляемыхъ въ народѣ,—съ ихъ обозначеніемъ ботаническимъ, народнымъ названіемъ и съ подробнымъ описаніемъ ихъ употребленія въ народной медицинѣ. Отдѣлъ этнографическій весьма обширенъ (т. I, стр. 471—782). Послѣ общаго указанія на этнографическій составъ населенія и на литературу предмета (гдѣ, впрочемъ, лишь очень немного относится спеціально къ могилевской губерніи), описаніе останавливается подробнѣе на различныхъ племенахъ и слояхъ населенія и всего больше на крестьянствѣ. „При этнографическомъ изслѣдованіи,—говорится здѣсь,—можно дѣйствовать двоякимъ методомъ: или свои личные впечатлѣнія, соображенія и выводы изложить какъ результатъ наблюденій, или собирать матеріалы, касающіеся разныхъ сторонъ народной жизни, давая такимъ образомъ возможность всякому видѣть народъ, независимо отъ впечатлѣній наблюдателя“. Принятъ былъ второй способъ. „Мы особенно останавливаемся на крестьянахъ, такъ какъ въ ихъ быту и говорѣ сохранился весь складъ бѣлорусской жизни и рѣчи. Народное творчество въ особенности выразилось и сохранилось въ пѣсняхъ; нѣкоторыя пѣсчи, болѣе употребляемыя, приводятся при описаніи народного быта; другія помѣщаются въ особомъ отдѣлѣ. Здѣсь собраны пѣсни, еще не напечатанныя въ другихъ изданіяхъ, и указываются мѣстности, гдѣ онѣ поются и гдѣ записаны, нарочно для настоящаго описанія губерніи. Въ словахъ, приводимыхъ изъ бѣлорусскаго нарѣчія, а равно и въ пѣсняхъ сохранены всѣ оттѣнки мѣстнаго говора“¹⁾. Описаніе крестьянскаго быта (крестьянъ-бѣлоруссовъ считается здѣсь 844.000) авторъ статьи, г. Рубановскій, составилъ весьма обстоятельно (стр. 471—600). Начавъ съ описанія крестьянскаго двора и избы, имущества и одежды, онъ даетъ свѣдѣнія о крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ и промыслахъ и переходитъ къ описанію обрядовъ (съ образчиками пѣсенъ, напр., свадебныхъ), праздниковъ, игръ, повѣрій и суевѣрій, излагаетъ народный календарь, начиная съ перваго января,—наконецъ, приводитъ обширный пѣсенный сборникъ (до 500 нумеровъ). Пѣсни составили четыре группы: колядныя и вообще зимнія; весеннія; лѣтнія; пѣсни, какія поются во всякое время года—какъ свадебныя, пѣсни на вечеринкахъ и религіозныя, или такъ-называемые стихи. При пѣсняхъ, какъ и раньше въ описаніи обрядовъ и обычаевъ, обыкновенно указывается

¹⁾ Стр. 473.

мѣстность, уѣздъ и село, гдѣ наблюдалась та или другая бытовая подробность. Далѣе идетъ характеристика бывшей шляхты (стр. 600—607); подробная статья о сословіи мѣщанъ—съ ихъ бытовыми особенностями, промыслами, обычаями и увеселеніями (между прочимъ, съ описаніемъ „вертепа“, народной религіозной мистеріи), представляющими много общаго съ бытомъ простонароднымъ, но и съ чертами городскихъ правовъ (стр. 607—653). Затѣмъ идутъ статьи о великоруссахъ старообрядцахъ, цыганахъ и евреяхъ.

Относительно дворянства сдѣлано такое замѣчаніе: „Большая часть дворянства могилевской губ. также принадлежитъ къ бѣлоруссамъ, но католическое вѣроисповѣданіе и польскій языкъ, по политическимъ причинамъ усвоенный дворянствомъ во время зависимости отъ Польши, были причиною, что дворянъ несправедливо называли поляками. Польскаго населенія, въ смыслѣ племенного различія съ русскимъ, въ губерніи почти нѣтъ. Мы не будемъ говорить о дворянствѣ, такъ какъ образованіе и цивилизація изгладили въ немъ этнографическія черты“. Это замѣчаніе представляетъ какое-то странное противорѣчіе: польскаго населенія въ губерніи нѣтъ; но большая часть мѣстнаго дворянства во время польскаго господства приняла католичество и польскій языкъ,—что же такое представляетъ „большая часть“ мѣстнаго дворянства? Авторъ никакъ не хочетъ считать его за поляковъ, но не можетъ считать и за русскихъ; потому онъ его совсѣмъ не описываетъ; но „этнографическія черты“ у него конечно есть, хотя несходныя съ чертами народной массы,—указаніе ихъ было бы необходимо. Безпристрастно изложеніе вещей дало бы, напр., понятіе о томъ, какого результата достигли мѣры обрусенія, которымъ считается теперь уже четверть столѣтія? Не продолжается ли здѣсь то противорѣчіе, какое представлялось въ Вильнѣ, гдѣ польскій языкъ объявлялся „чуждымъ странѣ“, когда господствуетъ тамъ по сію минуту?

Судить о вѣрности записыванія пѣсенъ, кромѣ какихъ-либо явныхъ несообразностей ¹⁾, очень трудно, не находясь на мѣстѣ и не имѣя возможности непосредственной провѣрки. Новѣйшій мѣстный собиратель, г. Романовъ, отнесся къ собранію г. Дембовецкаго съ нѣкоторымъ недоустріемъ ²⁾; но требованія, которыя онъ при этомъ ста-

¹⁾ Какія встрѣчаются, напр., въ упомянутыхъ раньше сборникахъ Гильтебрандта и Дмитріева.

²⁾ „Въ распоряженіи составителя была масса матеріаловъ, такъ какъ произведенія собирались по всѣмъ уголкамъ губерніи официальнымъ путемъ, чрезъ полицейскихъ чиновниковъ, волостныхъ писарей. Къ сожалѣнію, среди сотрудниковъ А. С. Дембовецкаго не нашлось человека, который бы отнесся къ этому дѣлу съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно заслуживаетъ. Заявивъ, что „здѣсь собраны нѣск.“

вить, какъ, напр., требованіе указаній о степени распространенности той или другой пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ („уѣздахъ“), не выполняются въ сущности и въ изданіяхъ, предпринимаемыхъ съ болѣе широкими научными средствами.

Въ послѣдніе годы ревностнымъ дѣятелемъ бѣлорусской этнографіи, и на этотъ разъ уже личнымъ самостоятельнымъ собирателемъ, явился г. Романовъ, издавшій въ короткое время большую массу этнографическаго матеріала ¹⁾. Во-первыхъ, это—пѣсни. Собраніе очень богато (до 1.200 пѣсенъ), тѣмъ больше, что собиратель имѣлъ въ виду вообще давать только пѣсни ненапечатанныя или такіа, гдѣ являются новыя значительныя варианты. Въ предисловіи онъ дѣлаетъ обзоръ, впрочемъ неполный, прежнихъ трудовъ, посвященныхъ собиранію бѣлорусской народной поэзіи, настаивая особенно на необходимости вѣрной передачи языка. Къ сожалѣнію, его собственное собраніе ²⁾ страдаетъ однимъ недостаткомъ: составитель, повидимому, торопился печатаніемъ сборника, прежде чѣмъ опредѣлился составъ его содержанія; поэтому распредѣленіе пѣсенъ вышло отрывочное и непоследовательное. Порядокъ пѣсенъ, напримѣръ, таковъ: пѣсни семейныя, чумацкія, разбойничьи, рекрутскія, любовныя, потомъ дѣтскія, юмористическія, веснянки, купальскія и жнивныя, потомъ пословицы и загадки, потомъ пѣсни свадебныя. Послѣ уже издатель замѣтилъ, что можно было бы распредѣлить пѣсни по времени ихъ пѣнія. „Такое цикловое распредѣленіе ихъ установлено самимъ народомъ и ретиво имъ оберегается въ теченіе многихъ вѣковъ (ср., напр., тотъ общезвѣстный фактъ, что въ народѣ считается грѣхомъ нарушеніе цикла: пѣсню весеннюю ни за что не пропоютъ зимою или лѣтомъ, филипповскую — въ коляды, лѣтнюю — весною и т. п.). Можно, не боясь ошибиться, сказать, что для каждой пѣсни суще-

---

еще не напечатанныя въ другихъ изданіяхъ“ (а для напечатанныхъ не нашлось ни одного полнѣйшаго варианта!?), г. редакторъ пѣсенъ пишетъ всѣ ихъ *однимъ юморомъ!* Не указана также степень распространенности того или другого произведенія въ различныхъ уѣздахъ, а ужъ это, кажется, совсѣмъ не трудно было сдѣлать при обиліи матеріаловъ“. „Бѣлор. Сборникъ“, стр. VII.

Для полноты слѣдуетъ упомянуть: „Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ гомельскаго уѣзда, записанныхъ для голоса съ аккомпан. фор. Зипандой Радченко“. Вып. 1, Спб. 1881 г.,—сборникъ не важный, дурно записанный, но любопытный, какъ первый опытъ записыванія бѣлорусской пѣсенной музыки.

¹⁾ „Бѣлорусскій Сборникъ“. Томъ I, Губернія Могилевская. Выпускъ первый и второй. Пѣсни, пословицы, загадки. Кіевъ, 1886. Выпускъ 3-й, 1887: сказки (животный эпосъ, сказки мифическія, бытовыя и пр.). Выпускъ 4-й, Витебскъ, 1891: сказки (космогоническія и культурныя). Выпускъ 5-й, Витебскъ, 1891: заговоры, апокрифы, духовные стихи.

²⁾ Какъ было указано въ разборѣ этой книги г. Пестовымъ (Журн. мин. просв. 1886, май).

ствѣтъ не только извѣстный періодъ, въ родѣ таянія снѣга, уборки конопли, но извѣстный день, напр.—перваго выѣзда на пашню, день прилета жаворонка, и т. п. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть связи нашей пѣсни съ обрядомъ до-христіанскаго культа, не потерявшимъ своего значенія въ глазахъ бѣлорусса, жителя деревни, и до сего дня“. Въ прежнихъ сборникахъ это распредѣленіе пѣсенъ въ ихъ календарной послѣдовательности было уже принято, напр. въ старомъ сборникѣ Шейна (1873—1874); календарный порядокъ описанія народнаго быта (отчасти съ сопровождающими его пѣснями) примѣненъ въ книгѣ Крачковскаго и раньше, въ подобныхъ описаніяхъ великорусскихъ и малорусскихъ, и пр. Пѣсни, къ сожалѣнію, не сопровождаемы описаніемъ самыхъ обычаевъ и обрядовъ, какъ это входитъ въ обыкновеніе въ новыхъ трудахъ подобнаго рода.

Далѣе. „Во избѣжаніе незаслуженныхъ нареканій, — говоритъ г. Романовъ, — мы должны заявить, что по причинамъ, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, при печатаніи были направлены большія усилія къ соблюденію строжайшей экономіи. Этимъ просимъ объяснить форматъ книги, качество бумаги, шрифтъ, размѣръ страницъ, соединеніе нѣсколькихъ строкъ пѣсни въ одну и т. п.“. Нельзя не пожалѣть, что это такъ случилось: для экономіи проще было бы взять форматъ больше и печатать пѣсни въ два столбца. Г. Истоминъ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе этого соединенія „нѣсколькихъ строкъ пѣсни въ одну“, совершенно стерты размѣры и стихи, что вовсе не служитъ къ выгодѣ изданія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, повидимому, въ одну строку сливаются то два, то три стиха. При всемъ томъ, сборникъ г. Романова даетъ весьма обильный и нерѣдко новый матеріалъ по бѣлорусской поэзіи.

Разбирая сборникъ г. Шейна, г. Романовъ осуждаетъ его за то, что тамъ помѣщено нѣсколько духовныхъ пѣсенъ, „не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устными народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ“ (стр. VI); въ другомъ мѣстѣ, онъ замѣчаетъ: „что касается произведеній псевдонародныхъ, искусственныхъ, то онѣ рѣшительно отсутствуютъ въ нашемъ сборникѣ, при всемъ обиліи ихъ“ (стр. X). Дѣло здѣсь въ томъ, насколько подобныя произведенія бываютъ *распространены* въ народной массѣ—другими словами, насколько онѣ, такъ сказать, втираются на мѣсто чисто народной поэзіи, которую, въ концѣ концовъ, онѣ обыкновенно вытѣсняють или видоизмѣняютъ. Произведенія искусственныя нерѣдко проникають въ народъ; ихъ нельзя смѣшивать съ чисто народной пѣсней, но не слѣдуетъ и оставлять безъ вниманія; ихъ важно отмѣчать для того, чтобы получить полное понятіе о составѣ народно-поэтическаго обихода, для исторіи самой пѣсни. Бѣлорусская пѣсня

хранить очень много остатков старины, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимала и воспринимаетъ не мало новыхъ и чуждыхъ элементовъ, или польскихъ, или великорусскихъ, или малорусскихъ; въ томъ числѣ были, безъ сомнѣнія, и вліянія книжныя или грамотныя. Для этой полноты представленія о составѣ пародной пѣсни, собиратель долженъ обратить вниманіе и на эту сторону дѣла, и въ настоящемъ случаѣ жаль, что онъ не опредѣляетъ ближе тѣхъ псевдонародныхъ произведеній, *обиме* которыхъ у него указывается.

Выпуски 3-й и 4-й заняты большимъ сборникомъ сказокъ, богатѣйшимъ для Бѣлоруссіи. Распредѣленіе сказокъ—дѣло вообще трудное, и въ настоящемъ случаѣ напр. животный эпосъ выдѣляется довольно естественно въ отдѣльную группу, но можетъ представиться вопросъ, чѣмъ по существу отличаются сказки „миогическія“ отъ „космогоническихъ“, такъ какъ космогонія есть часть міеологіи; на дѣлѣ, собиратель называлъ космогоническими сказками то, что у другихъ называется легендой. Далѣе, напр. сказки, обозначенныя „космогоническими“ и „культурными“, въ самомъ сборникѣ не отдѣлены однѣ отъ другихъ; „культурныя“ можетъ быть проще было бы назвать бытовыми. Смѣшеніе баснословнаго матеріала сказывается и въ томъ, что напр. „въ дополненіе“ къ первому космогоническому сказанію о твореніи міра двумя силами (IV, стр. 1—5) собиратель приводитъ народныя вѣрованія, въ которыхъ смѣшиваются суевѣрія христіанскія и остатки первобытныхъ языческихъ. Въ концѣ сборника сказокъ отмѣчены важнѣйшіе варианты сюжетовъ цитатами изъ сборниковъ Аѳанасьева, Худякова, Чубинскаго, Драгоманова, Крачковскаго и др. ¹⁾.

Выпускъ 5-й — самый обширный изъ всѣхъ (448 стр.; пѣсни — въ два столбца, убоистой печати). Во-первыхъ, собрано здѣсь большое количество заговоровъ на всякіе случаи въ быту, и отъ болѣзней людей и животныхъ, и въ дополненіе къ чисто народнымъ—заелинанія изъ уніатскаго Требника, изданнаго въ началѣ XVII-го вѣка Кутеинскимъ монастыремъ, въ выпѣшной могилевской губерніи. Такъ называемые апокрифы (загадки царя Давида, Сонъ Богородицы, Листъ Іисуса Христа, о двѣнадцати мукахъ и пр.) взяты частію изъ старыхъ рукописей XVII—XVIII-го вѣка, частію изъ новѣйшихъ, находившихся въ недавнемъ обращеніи, а частію изъ устъ пѣвцовъ. Далѣе, какъ отрывки народнаго „вертепа“ или народн. драмы приведены здѣсь пьесы „Царь Максиміянъ“ — записанный со словъ актеровъ, разыгрывающихъ его и понынѣ въ рождественскіе празд-

¹⁾ Научасно только названія этихъ сборниковъ приведены черезъ мѣру сокращенно: такіа цитаты какъ: „Иван. Вол. губ.“, „Вер. Вот. сар. у.“, и т. п. только бесполезно затрудняютъ обыкновеннаго читателя.

ники. — и „Звѣзда“, собственно вертепное представлѣніе. Наконецъ, обильное собраніе духовныхъ стиховъ, нѣсколькихъ категорій: первыхъ, бѣлорусскіе варианты извѣстныхъ духовныхъ стиховъ (Голубиная книга, Егорій, Ѳеодоръ Тиронъ, Іоасафъ царевичъ, Іосифъ прекрасный и др.); затѣмъ стихи старообрядческіе и вирши уніатскія. Въ заключеніе приведенъ списокъ лучшихъ старцевъ и лицъ, записавшихъ отъ нихъ духовные стихи, и указанъ „кругъ пѣнія старцами духовныхъ стиховъ“ по календарнымъ срокамъ праздниковъ.

Таковъ обширный матеріалъ, собранный въ „Сборникѣ“ г. Романова. Въ предисловіи къ 5-му выпуску собиратель исчисляетъ тѣ памятники народной поэзіи и преданія, которые были имъ изданы, и прибавляетъ: „Количество имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ въ настоящее время все еще значительно. Главнѣйшую часть ихъ составляютъ сказки, которыхъ достало бы по крайней мѣрѣ для 60 печатныхъ листовъ... Затѣмъ идутъ обряды, повѣрья, игры, пѣсни, причитанія, загадки, пословицы и т. п., матеріалы для словаря и грамматики, списки населенныхъ мѣстъ и урочищъ и т. д. Сдѣланы попытки и къ собиранію матеріаловъ для словаря цыганскаго языка“.

Этотъ неутомимый трудъ внушаетъ тѣмъ болѣе уваженія, что совершался въ очень неблагопріятныхъ личныхъ условіяхъ ¹⁾. Евдокимъ Ром. Романовъ (род. 1855, въ г. Бѣлицѣ, могилевской губерніи) выросъ въ семьѣ, находившейся въ крайней бѣдности, почти нищетѣ; несмотря на то, мать помѣстила его въ 1867 въ гомельскую прогимназію; по смерти ея въ 1870, г. Р. могъ окончить курсъ только благодаря стипендіи и частнымъ урокамъ. Попытка перейти въ гимназію осталась безуспѣшна, какъ впоследствии попытка быть вольнослушателемъ въ университетѣ. Съ 1872, г. Р. былъ уже на службѣ, учителемъ народной школы, потомъ уѣзднаго училища, приготовительнаго класса той же гомельской прогимназіи. Въ 1884 онъ былъ назначенъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Ляду, виленской губ., затѣмъ въ Сѣнно, могилевской; въ 1886, назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ витебской губерніи.

Практически, народный бытъ былъ близокъ г. Р.—у съ дѣтства; пристальное изученіе началъ г. Р. съ 1876. Съ научной стороны дѣла г. Р. знакомились какъ самоучка и прежде всего пораженъ былъ массою древнихъ словъ и грамматическихъ формъ, вычитанныхъ у Нестора и сохранившихся въ бѣлорусскомъ языкѣ. Онъ составилъ сводъ особенностей бѣлорускаго нарѣчія и небольшой словарь, и послалъ ихъ въ Русское отдѣленіе Академіи: отсюда дали ему совѣтъ составлять дополненія къ словарю Носовича, подтверждая каждое слово примѣрами изъ народной литературы. Съ тѣхъ поръ, не оставляя работы надъ словаремъ, г. Р. началъ собираніе памятниковъ народной поэзіи, которымъ и посвящены его изданія. Кромѣ того, онъ предпринималъ раскопки и археологическія изысканія, а также антропологическія изслѣдованія: тѣ

¹⁾ По сообщеніямъ г. Романова.

и другія онъ направлялъ въ московское Археологическое Общество и въ Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи.

Въ предисловіи къ 5-му выпуску „Сборника“ г. Р. жалуется на трудныя условія своей работы; но изъ его словъ можно по крайней мѣрѣ видѣть, что труды его были весьма замѣчены, и для своихъ путешествій и изданій онъ не однажды получалъ нѣкоторую матеріальную поддержку отъ учебнаго округа, отъ Геогр. Общества и Русскаго отдѣленія Академіи.

Въ послѣднее время нѣсколько небольшихъ изслѣдованій и замѣтокъ г. Романова помѣщено было въ московскомъ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ (бѣлорусскій свотолюкователь, „Катрушницкій лемезень“, „Дѣтскія игры бѣлорусскихъ евреевъ“).

Только въ послѣднее время начинаются обстоятельныя изслѣдованія о бѣлорусскомъ языкѣ. Въ общемъ кругѣ стараго русскаго языка бѣлорусское нарѣчіе было языкомъ дѣловыхъ актовъ и грамотъ и, по завоеваніи западнаго края Литвою, осталось государственнымъ языкомъ литовско-русскаго великаго княжества. Этимъ языкомъ дѣловой официальной жизни оно оставалось съ XIV-го и вплоть до XVIII-го столѣтія; такъ, этому языку принадлежитъ „Литовскій Статутъ“, напечатанный въ 1588 году, и та масса историческихъ документовъ, какая появляется въ новѣйшихъ археографическихъ изданіяхъ. Въ эпоху религіознаго движенія XVI-го вѣка онъ начиналъ пробивать себѣ путь и въ книгу: бѣлорусское нарѣчіе составляетъ основу языка Библии Скорины, хотя въ соединеніи съ языкомъ церковно-славянскимъ, а также съ большою примѣсью полонизмовъ и чехизмовъ; элементы бѣлорусскаго нарѣчія сказываются въ нѣсколькихъ другихъ памятникахъ церковныхъ того времени и въ произведеніяхъ полемической литературы, которая была протестомъ малорусскаго и бѣлорусскаго народа противъ Польши, католичества и униі. Но ни въ то время, ни впослѣдствіи бѣлорусское нарѣчіе не приобрѣло самостоятельнаго литературнаго значенія. „Языкъ грамотъ и Литовскаго Статута, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи стараго русскаго языка, — никогда не былъ языкомъ всего населенія западной Руси; это былъ языкъ высшаго класса, того класса, который тотчасъ послѣ политическаго соединенія Литовско-русскаго государства съ Польшей подвергся вліянію польской культуры; отсюда понятно довольно значительное количество польскихъ словъ, формъ и оборотовъ, находимое въ этихъ памятникахъ. Въ Библии Скорины и въ лютеранскомъ Катехизисѣ бѣлорусское нарѣчіе является смѣшаннымъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, съ прибавленіемъ большого количества полонизмовъ и — въ Библии — богемизмовъ... Примѣсь чуждыхъ элементовъ дѣлаетъ западно-русскій литературный языкъ XIV — XVIII-го столѣтій во многомъ

отличнымъ отъ современнаго бѣлорускаго нарѣчія; тѣмъ не менѣе, тѣсная связь между ними не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры не имѣютъ литературной обработки“... ¹⁾). Дѣйствительно, новѣйшіе изслѣдователи бѣлорускаго нарѣчія ищутъ своихъ источниковъ, кромѣ старыхъ актовъ, особенно въ новѣйшихъ сборникахъ бѣлорусской народной рѣчи и поэзіи.

Выше упомянуто о первыхъ опредѣленіяхъ бѣлорускаго языка у Линде. Шафарикъ, въ „Славянской Этнографіи“, указывалъ вкратцѣ границы и особенности бѣлорускаго нарѣчія (затрудняясь опредѣлять его говоры, и до сихъ поръ мало выясненные) и его письменные памятники ²⁾); далѣе, замѣтки о языкѣ дѣлались въ 1840-хъ годахъ по поводу явившихся тогда изданій западно-русскихъ актовъ и былъ сдѣланъ опытъ объясненія польскихъ вліяній ³⁾). Новый обильный матеріалъ для изученія стараго и народнаго языка является съ размноженіемъ изданій старыхъ актовъ, которые дали, наконецъ, поводъ собрать ихъ лексическій составъ ⁴⁾), съ новыми собраніями бѣлорусской народной поэзіи и спеціальными работами по словарю живого народнаго языка — въ извѣстномъ трудѣ Носовича, а также и въ „Толковомъ Словарѣ“ Дала ⁵⁾).

¹⁾ Журн. минист. просв. 1887, май, стр. 187 — 188. Авторъ статьи счелъ какою-то большою моею ошибкой замѣчаніе, что бѣлорусское нарѣчіе не имѣло ни въ старину, ни теперь особеннаго литературнаго развитія — напрасно только, приводя цитату, онъ выкинулъ изъ нея одно существенное слово. Мои слова были: „бѣлорусская вѣтъ не имѣла *особаго* (т.-е. *особенно большого*) книжнаго развитія ни въ старину, ни въ новѣйшее время“ („Вѣстн. Евр.“, 1886, апрѣль, стр. 748). Въ этихъ словахъ разумѣлось то самое, что говоритъ авторъ. Въ старину, по его собственнымъ словамъ, западно-русскій книжный языкъ не былъ чисто народнымъ языкомъ; это было смѣшеніе съ церковнымъ, съ польскимъ и малорусскимъ въ разныхъ дозахъ — въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Цѣльной и разносторонней бѣлорусской литературы не было. Въ новѣйшее время дѣлались, особенно съ польской стороны, упомянутыя выше попытки ввести въ бѣлорусскій языкъ легкую литературу; но это были крайне слабые опыты, напр., сравнительно съ книжнымъ распространеніемъ новѣйшаго малорускаго нарѣчія.

Западные и южные русскіе дѣятели XVII-го вѣка, переходя въ Москву, какъ извѣстно, тотчасъ усвоивали господствовавшій тогда славяно-русскій стиль.

²⁾ Slowanski Narodopis, 3-е изд. Прага, 1848, стр. 29 — 32.

³⁾ Въ книжкѣ Н. Лебедева: „Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи“. Спб. 1848.

⁴⁾ Работы Носовича и „Словарь древняго актовaго языка сѣверо-западнаго края“, Н. Горбачевскаго. Изд. виленаго учебнаго округа. Вильно, 1874.

⁵⁾ Отмѣтимъ здѣсь „Дополненіе“ къ словарю Носовича, заключающее слова, извлеченныя изъ составленнаго имъ рукописнаго собранія бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ, — въ „Сборникѣ“ II Отд. Академіи Наукъ, т. XXI, Спб. 1881, стр. 1—22; и небольшой „Русско-нищенскій словарь, составленный изъ разговора нищихъ случкаго уѣзда, минской губерніи, мѣстечка Сежемова“ мѣстнаго священника Ф. Сцепуры, — тамъ же, стр. XXXIII—XXXII.

Мы упоминали, по поводу „Словаря“ Носовича, какъ неясны и сомнительны казались тогда вопросы о бѣлорусскомъ языкѣ даже въ специальномъ вѣдомствѣ русскаго языка, какъ русское отдѣленіе Академіи, и такимъ знатокамъ стараго русскаго языка, какъ Срезневскій. Первые изслѣдованія бѣлорусскаго нарѣчія съ научными филологическими приѣмами появляются только въ самое недавнее время. Таковы общія замѣтки и эпизодическія изслѣдованія г. Потебни, М. Колосова, Миклошича ¹⁾; въ послѣднее время предпринято было нѣсколько специальныхъ трудовъ по этому предмету, напр., К. Апеля ²⁾, затѣмъ гг. Недешева и Карскаго. Между тѣмъ, какъ г. Апель имѣлъ въ виду исключительно современный народный языкъ, лишь въ очень немногихъ случаяхъ касаясь его историческаго прошедшаго, г. Недешевъ ³⁾ въ особенности обратилъ вниманіе на его историческую судьбу. Очертивъ географическія границы бѣлорусскаго нарѣчія (которое онъ считаетъ частью великорусскаго, иногда, однако, сближающейся съ малорусскимъ), авторъ старается прослѣдить исторію его звуковъ и формъ по старымъ памятникамъ бѣлорусскаго языка, особливо XVI-го и XVII-го вѣка, — хотя воспользовался далеко не всѣмъ, что можно было бы найти въ источникахъ. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, г. Карскій ⁴⁾, самъ родомъ бѣлоруссъ, знакомый съ дѣтства съ языкомъ, собралъ еще новый запасъ подробностей о современномъ языкѣ, но компетентные критики, относясь вообще сочувственно къ его работѣ, дали нѣсколько немаловажныхъ исправленій и указывали необходимость болѣе обширнаго изученія старыхъ памятниковъ ⁵⁾.

---

¹⁾ Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. А. Потебни. Воронежъ, 1866 (изъ „Филол. Записокъ“ Хованскаго, 1-65)..

— Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. М. Колосова. Варшава, 1878

— Miklosich, „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“ — въ разныхъ ея отдѣлахъ

²⁾ О бѣлорусскомъ нарѣчій, въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“, Варшава, 1880, № 2, стр. 197 — 224; разборъ этой статьи сдѣланъ г. Бодуэномъ де-Куртена, въ „Филол. Запискахъ“ 1880.

³⁾ И. Недешевъ, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Варшава, 1884, 54 стр. (изъ „Р. Филол. Вѣстника“).

⁴⁾ „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“, Е. О. Карскаго. Москва. 1886, 170 стр. Разборъ этой книги, г. Соболевскаго, въ Журн. мин. просв. 1887, май, стр. 137—147.

⁵⁾ Отмѣтимъ еще труды г. Карпинскаго о говорѣ пинчукъ (въ Р. Филолог. Вѣстникѣ, 1886) и „Западно-русская Четья 1489 года“, 1889.

Доскажемъ еще нѣсколько фактовъ. Какъ упомянуто, этнографическая экспедиція въ сѣверо-западный край, предположенная Географическимъ Обществомъ, не удалась... Г. Кузнецовъ, предпринявши спеціально изученіе Литвы, доставилъ въ Общество лишь нѣсколько краткихъ отчетовъ и очерковъ. Г. Максимовъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, напечаталъ нѣсколько статей о западномъ краѣ ¹⁾: это—рядъ очерковъ, гдѣ авторъ рисуетъ своеобразную природу, наложившую свой отпечатокъ на характеръ жителей, дѣлаетъ остроумныя соображенія о ходѣ старой колонизаціи края русскимъ народомъ (оставившей свой слѣдъ въ существующихъ изстари мѣстныхъ названіяхъ), старается опредѣлить разницу быта и характера бѣлорусскаго сравнительно съ великорусскимъ, касается народнаго міровоззрѣнія, повѣрій и преданій, сличая ихъ съ бытовыми условіями и т. д., такъ что остается пожалѣть, что работы автора въ Бѣлоруссіи не были имъ доведены до конца. Впослѣдствіи г. Максимовъ принялъ долю участія въ большомъ изданіи, посвященномъ описанію западнаго края; это былъ третій томъ изданія М. Вольфа, „Живописная Россія“ ²⁾. Этотъ большой томъ главнымъ образомъ наполненъ былъ трудами А. Киркора; въ первой части описывается такъ-называемая „Литва“, начиная съ древнѣйшихъ временъ, изображается природа края, народный бытъ, мѣтологія, историческая судьба страны и т. д. ³⁾; только одна глава этой части: „Литовская область въ ея современномъ экономическомъ состояніи“, была написана г. Семеновымъ. Вторая часть тома опять наполнена статьями Киркора ⁴⁾; г. Максиму принадлежитъ здѣсь статья: „Бѣлорусская смоленщина съ сѣдями“, и г. Семенову—„Бѣлорусская область въ ея современномъ экономическомъ состояніи“.

При своемъ появленіи, эта книга вызвала ожесточенныя нападе-

¹⁾ См. „Обитель и житель. Изъ очерковъ Бѣлоруссіи“, въ „Древней и Новой Россіи“, 1870, кн. 6—8.

²⁾ „Живописная Россія“ и пр., подъ общей редакціей П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Импер. Р. Геогр. Общества. Томъ третій. Часть первая. Литовское Полѣсье (съ 113 рисунками въ текстѣ и 15 отдѣльными картинками, рѣзанными на деревѣ). Часть вторая. Бѣлорусское Полѣсье (съ 80 рисунками въ текстѣ и 11 отдѣльными картинками). Спб. 1882. 4^о, 490 и VI стр.

³⁾ Названія главъ таковы: Первобытныя времена Литовскаго Полѣсья. — Народности Литовскаго Полѣсья и ихъ жизнь. — Литовскій языкъ и литовская мѣтологія. — Природа древней Литвы. — Современная природа Литвы. — Историческія судьбы Литовскаго Полѣсья. — Просвѣщеніе и народное творчество въ Литвѣ. — Городъ Виленъ. — Городскія поселенія въ Литвѣ. — Народный трудъ.

⁴⁾ Памятники временъ первобытныихъ. — Сѣды язычества въ празднествахъ, обрадахъ и пѣсняхъ. — Народная жизнь. — Историческія судьбы Бѣлорусскаго Полѣсья. — Умственныя силы и средства образованія. — Природа Бѣлоруссіи. — Долина Припечи. — Въ Бѣлорусскомъ Полѣсьи.

нія со стороны лагеря, продолжающаго преданія „Вѣстника Западной Россіи“. Изданіе Вольфа, наполненное статьями полу-эмигранта Киркора, причтено было къ новымъ дѣяніямъ „польской интриги“, и достаточно извѣстное положеніе главнаго редактора изданія не устранило этого обвиненія ¹⁾. Дѣйствительно, при томъ состояніи, въ какомъ находилось изученіе западнаго края къ 1880-мъ годамъ, можно было бы не прибѣгать къ той географической терминологіи, какая употребляется Киркоромъ и гдѣ слово „Литва“ остается двусмысленнымъ и неяснымъ ²⁾; можно было больше воспользоваться тѣмъ, что было сдѣлано къ тому времени въ русскихъ изслѣдованіяхъ по исторіи и этнографіи западнаго края; по крайней мѣрѣ объяснить, хотя въ предисловіи, способъ выраженія Киркора. Но политическія инкриминаціи, падавшія необходимо и на г. Семенова, были все-таки излишни, и дѣло объяснялось проще. Каковы бы ни были научные недостатки Киркора, какъ бы ни были иногда поверхностны и односторонни его сужденія, онъ былъ въ тѣ годы едва ли не единственный человѣкъ, который могъ дать для популярнаго чтенія столь разнообразныя свѣдѣнія о западномъ краѣ и—готовъ былъ работать. Онъ былъ тамошній уроженецъ, много изучалъ край какъ археологъ, историкъ, этнографъ, зналъ его бытовыя черты и—преданія и т. д. Его сочувствія были не столько чисто-польскія, сколько смягченныя тѣмъ мѣстнымъ „литовскимъ“ направленіемъ, котораго возможность признавали даже русскіе наблюдатели, какъ Безсоновъ. Что касается недостатка указаній на новѣйшія русскія изслѣдованія, то возможно, что Киркоръ, давно выѣхавши за границу, да и прежде зная лучше польскую, чѣмъ русскую литературу, просто мало былъ знакомъ съ тѣмъ, что дѣлалось у насъ. Положеніе редактора изданія было очень трудное: въ русскомъ научномъ кругу онъ вѣроятно не находилъ специалиста, который могъ бы отвѣчать требованіямъ программы, и остановился на Киркорѣ.

См. о томъ же въ обстоятельномъ некрологѣ Киркора, Н. А. Янчука, въ „К. Старинѣ“, 1887, іюнь—іюль, гдѣ перечислены его историко-этнографическіе

¹⁾ Ср., напр., кромѣ другихъ газетныхъ статей того времени, даже болѣе умѣренную „Библиографическую замѣтку по поводу III тома Живописной Россіи (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора). Бѣлорусса“. Вильно, 1884 (изъ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей). Авторъ „Замѣтки“, по поводу нѣкоторыхъ „очерковъ“ этой книги, считаетъ возможнымъ предположеніе, что „они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ“.

²⁾ Напр., историческія событія въ *русскіе* люди XVI—XVII-го вѣка являются то бѣлорусскими, то „литовскими“, и повторяются въ обѣихъ историческихъ рубрикахъ (напр., Зизаній, Смотрицкій и др.). Съ другой стороны, подъ именемъ „литовскаго“ просвѣщенія излагается исторія вилenskaго *польскаго* университета, и т. п.

труды. Киркоръ (Адамъ-Гонорій Карловичъ, 1812—1886) былъ уроженецъ могилевской губерніи, изъ мѣстечка Сливина, имя котораго послужило потомъ для его псевдонима. Онъ умеръ въ Краковѣ, въ весьма бѣдственной матеріальной обстановкѣ; свои бумаги и коллекціи онъ пожертвовалъ Краковскому народному музею.

„Онъ былъ уроженецъ Бѣлоруссіи,—говорить г. Янчукъ,—и почти всю свою жизнь посвятилъ изученію этого края и близко соприкасающейся съ нимъ Лигвы. Онъ какъ бы замыкаетъ собою тотъ длинный рядъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, который такъ достойно былъ начать извѣстнымъ польско-русскимъ археологомъ и этнографомъ-собрателемъ Зоріаномъ Доленго-Ходаковскимъ и продолженъ братьями Е. и К. Тышкевичами, О. Нарбуттомъ, Игн. Ходзько, Чечотомъ и другими... Были, конечно, у этой плеяды и свои увлеченія, несвободныя подъ часъ отъ нѣкоторой тенденціи, но гдѣ же ихъ нѣтъ? Серьезный и безпристрастный человѣкъ сумѣетъ отличить правду, выберетъ изъ трудовъ этихъ ученыхъ здоровыя зерна, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ тамъ не мало“...

Въ новѣйшихъ трудахъ, касающихся Бѣлоруссіи, все болѣе точно опредѣляются историческія и племенные отношенія населенія, письменные остатки стараго и подробности современнаго языка, собираются въ изобилии памятники народнаго языка и словесности. Таковы труды Шейна, Романова, Владимірова, Карскаго и друг.

Относительно памятниковъ стараго языка отмѣтимъ, къ упомянутому прежде, новѣйшія изслѣдованія берлинскаго профессора А. Брикнера, во-первыхъ о вновь отысканномъ памятникѣ старой бѣлорусской письменности: „книга о Таудалѣ рыцери“ (въ полууставномъ спискѣ XVI-го вѣка), гдѣ передается средневѣковое, происходящее изъ Ирландіи, сказаніе о Тундалѣ (Visio Tundali); во-вторыхъ, о польско-русскихъ интермедіяхъ XVII-го вѣка ¹⁾. Далѣе, изслѣдованія и замѣчанія словинскаго ученаго М. Мурка о литературѣ старыхъ русскихъ повѣстей, имѣющія отношеніе къ исторіи письменности бѣлорусской, а также замѣтки о новыхъ собраніяхъ бѣлорусской народной поэзіи со стороны языка ²⁾.

Выше мы назвали книгу г. Запольскаго объ исторіи кривичей и дреговичей ³⁾; ему же принадлежатъ другіе труды по изученію Бѣлоруссіи: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни, этнографическій этюдъ“ (Кіевъ, 1888); „Гапонъ, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ В. Дунина-Марцинкевича, — очеркъ изъ исторіи бѣлорусской письменности“ (М. 1889); „Бѣлорусское Полѣсье. Матеріалы, изслѣ-

¹⁾ Ягича, Archiv für slavische Philologie, т. XIII, 1890, стр. 199—212, 224—236.

²⁾ Въ послѣднихъ выпускахъ того же „Архива“, и отдѣльное изслѣдованіе повѣсти о Семи мудрецахъ.

³⁾ Въ болѣе краткомъ изложеніи, исторія ихъ до 1-й четверти XII-го вѣка находится въ его „Очеркахъ по исторіи Бѣлоруссіи“ (изъ „Календаря сѣверо-западнаго края“). М. 1889.

дованія и замѣтки для изученія быта населенія полѣскихъ уѣздовъ минской губерніи“ (М. 1891, изъ „Трудовъ“ Общества любителей естествозн., антропологии и этнографіи). Въ московскомъ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ помѣщены имъ небольшія изслѣдованія: „Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVII—XVIII в.“ и „Женская доля въ пѣсняхъ пинчуковъ“¹⁾.

Наконецъ, нѣсколько эпизодическихъ работъ по бѣлорусской этнографіи помѣщено было въ названномъ нами прежде изданіи Краковской академіи: *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej* и проч. Таковъ трудъ Владислава Дыбовскаго о бѣлорусскихъ пословицахъ (*Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego*, т. V, стр. 3—23), и его „Бѣлорусскія загадки изъ минской губерніи“ (т. X, стр. 157—168). Владиславъ Верига издалъ здѣсь „*Dumki białoruskie ze wsi Głębokiego w powiecie Lidzkim gub. Wileńskiej w. r. 1885 spisane*“ (т. XIII, стр. 84—103). Ему же принадлежатъ „*Podania białoruskie*“ (zebrane przez Wł. Werybę, porządzone wstępem przez J. K. Lwów, 1889)—небольшая книжка, которой мы не имѣли подъ руками. Въ изданіи историко-философскаго отдѣла той же академіи (*Rozprawę i sprawozdania*) помѣщены труды Ис. Шараневича, имѣющіе отношеніе къ исторіи сѣверо-западной Руси (т. VIII, 1878; т. XV, 1882).

Таковы были судьбы этнографическихъ изученій западно-русскаго народа. Исходи изъ одного корня, онъ по племеннымъ свойствамъ остался ближе къ народу великорусскому, чѣмъ къ малорусскому, но и съ послѣднимъ въ теченіе многихъ вѣковъ дѣлилъ общую историческую судьбу; по вѣрѣ онъ хранилъ давнее преданіе перваго русскаго православія; еще на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія, разобщенный отъ той вѣтви русскаго народа, въ средѣ которой создалось государство, онъ извѣстнымъ образомъ тяготѣлъ къ нему по вѣрѣ и, вѣроятно, также по племенному инстинкту,—но, соединившись съ Литвой и Польшей, повелъ иное политическое существованіе и иное культурное развитіе и попелъ на себѣ ихъ послѣдствія—тяжелое положеніе русской народности, которая подпала польскому и католическому вліянію, а также и притѣсненію; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, его культурныя приобрѣтенія помогли ему въ борьбѣ за свою народную личность и старое церковное преданіе, и въ XVI—XVII столѣтіи Москва могла воспользоваться плодами западнаго и южнаго русскаго просвѣщенія, хотя эти страны еще находились

¹⁾ О трудахъ г. Запольскаго и о „Календарѣ сѣв.-западнаго края“ см. замѣтки въ журналѣ *Wisła*, II, стр. 419, и III, 942—943.

подъ польскимъ владычествомъ. Великорусская вѣтвь племени образовалась мимо юга и запада, и эта отдѣльность, несмотря на упомянутыя общія симпатіи, чувствовалась въ старину съ обѣихъ сторонъ: для Москвы бѣлоруссы стали „литовскіе люди“; на западѣ, какъ и на югѣ, „москали“ часто бывали антипатичны по сложившемуся различію характеровъ и по особому политическому складу москвичей. Тогда какъ Малороссія подпала воссоединенію еще съ половины XVII-го вѣка, бѣлоруссы вошли въ составъ русской имперіи почти на полтора вѣка позднѣе; даже долгое время по присоединеніи они продолжали оставаться фактически подъ польскимъ владычествомъ, какъ крѣпостные польскихъ помѣщиковъ, и колонизація въ высшихъ классахъ бѣлорусскаго народа подъ русской властью за это время шла, какъ говорятъ, даже сильнѣе прежняго.. Истинное положеніе вещей стало выясняться лишь въ послѣднія десятилѣтія. Освобожденіе крестьянъ въ первый разъ открыло для русскаго общества въ полной мѣрѣ вопросъ о *бѣлорусскомъ народѣ*, съ которымъ, однако, еще предстояло познакомиться, потому что о немъ недоставало иногда даже элементарныхъ свѣдѣній. Польское возстаніе усилило интересъ враждою къ Польшѣ, но и спутало правильное пониманіе дѣла: патріотическіе публицисты впевапно узнали о существованіи русскаго народа въ западномъ краѣ и, сознаваясь, что русское общество забыло или не знало о немъ, съ одной стороны объявляли западный край чисто-русскимъ, съ другой говорили о необходимости его „обрусенія“... Край, поставленный въ эпоху возстанія на военное положеніе, надолго остался въ этомъ ненормальномъ состояніи, и люди безпристрастные печалились, что въ тѣхъ патянутыхъ условіяхъ, въ какихъ онъ жилъ, мѣстная жизнь теритъ свободу развитія, что служить въ ущербъ даже самому государственному интересу. Существованіе мѣстныхъ особенностей страны и народа не подлежитъ сомнѣнію, и нельзя не пожалѣть, что въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ такъ мало развито пониманіе того, что эта мѣстная жизнь разныхъ краевъ нашего отечества имѣетъ право быть глубоко важнымъ интересомъ не одного только общества, и что только въ успѣхахъ этой жизни заключено ручательство здороваго, цѣльнаго развитія общественности, народности и самого государства.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СИБИРЬ.

Громадная страна, присоединенію которой къ Россіи считали не-
давно трехсотлѣтіе, занимаетъ въ территоріи имперіи особенное
мѣсто, выдѣляющее ее изъ общаго характера коренной русской земли;
она имѣла также и исключительную историческую судьбу. До сихъ
поръ Сибирь отличается отъ Россіи своимъ гражданскимъ положеніемъ
и, кромѣ того, въ своемъ русскомъ населеніи представляетъ этно-
графическій типъ, который въ различныхъ отношеніяхъ отдалился
отъ господствующаго типа русской народности въ европейской Рос-
сіи. Въ самомъ дѣлѣ, Сибирь, хотя колонизованная русскими, съ са-
маго начала — вслѣдствіе различныхъ условий: отдаленности края
(между прочимъ ставшаго мѣстомъ ссылки), обилія инородцевъ, особаго
характера промысловъ и „службы“, — стала приобрѣтать особый складъ
административный и бытовой, который съ теченіемъ времени все
больше удалялся отъ обычнаго хода жизни въ метрополиі, и страна,
неразрывно связанная съ московскимъ государствомъ, а потомъ съ
имперіей, тѣмъ не менѣе для русскаго общества и народа стала из-
давна казаться чѣмъ-то отдѣльнымъ, исключительнымъ, почти чу-
жимъ, какъ въ самой Сибири стали все болѣе складываться особые
нравы; народный типъ, въ основу котораго легло въ самомъ началѣ
населеніе русскаго сѣвера, подъ вліяніемъ новыхъ климатическихъ и
бытовыхъ условий, а также смѣшенія съ разнородными туземцами и
ссылными, приобрѣлъ особые этнографическія черты, съ различными
видоизмѣненіями.

Вся судьба страны была въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ исключитель-
ная. Какъ далѣе скажемъ, завоеваніе Сибири, въ послѣдніе годы
XVI-го вѣка, — вовсе не было чѣмъ-нибудь случайнымъ; напротивъ,
оно давно готовилось, совершалось какъ бы само собою и весьма
последовательно; но съ самаго начала новая русская область испы-
тала такіа условія внѣшнія и внутренне-бытовыя, что необходимо
сама отступала и была выдѣляема изъ общаго хода русской жизни,

учрежденій, правовъ и обычаевъ, племенного типа и даже языка. Для стараго московскаго государства Сибирь явилась новой прибавкой къ тѣмъ полупустыннымъ землямъ, съ полудикимъ населеніемъ, которыя давно приобрѣтались на сѣверо-востокѣ и постоянно раздвигались; теперь снова расширялась государственная территорія, умножался царскій титулъ наименованіемъ новыхъ земель, богатѣла казна, возросталъ правительственный авторитетъ; но въ новыхъ приобрѣтеніяхъ оказывались большія особенности. Страна была такъ обширна, что долго не могли быть опредѣлены ея далекіе предѣлы, открывались все новыя земли, съ новыми данями для казны, и это обстоятельство внушило особую заботливость о практической эксплуатаціи страны. Съ другой стороны, новыя приобрѣтенія дѣлались не столько по сознательнымъ планамъ центральной власти, сколько мѣстной предприимчивостью, которая истекала частію изъ алчности промышленниковъ, частію изъ стараго казацкаго удалства, начавшаго и первое завоеваніе Сибири. Самыя внѣшнія обстоятельства создавали въ Сибири особый порядокъ вещей: нужно было признать эту предприимчивость вольницы, кончавшуюся новыми приобрѣтеніями для государства, но и приводившую за собой угнетеніе туземцевъ, которое вызывало цѣлый рядъ возстаній инородцевъ; отдаленность страны отъ глаза центральной власти дѣлала очень труднымъ или даже совсѣмъ невозможнымъ контроль мѣстнаго управленія, которое съ XVII-го вѣка и до начала XIX-го все болѣе принимало характеръ самоуправства и грабежа воеводъ, а потомъ губернаторовъ. Далѣе, отдаленность страны съ самаго начала навела на мысль сдѣлать ее мѣстомъ ссылки: кого не хотѣли прямо казнить, удаляли въ пустынные поселенія Сибири, отрывая отъ живого міра; до XVII-го вѣка заключали знатныхъ людей въ тюрьмы или монастыри, въ Кирилловъ-Бѣлозерскій, въ Соловки; теперь отсылали въ Пелымъ, Березовъ, Илимскъ, Якутскъ, Нерчинскъ; въ XVII и XVIII вѣкѣ было высылаемо множество знатныхъ лицъ, впадавшихъ въ опалу; въ Сибирь отправляли массу плѣнныхъ, которыхъ большое число оставалось здѣсь навсегда, теряясь потомъ въ мѣстномъ населеніи; наконецъ, Сибирь стала по закону обычнымъ мѣстомъ уголовной и административной ссылки. Русская колонизація шла чрезвычайно неровно: захватывались громадныя пространства, слабо населенныя; между людьми промышленными и служилыми оказывался недостатокъ женщинъ, и русскіе по-неволѣ брали женщинъ изъ мѣстныхъ инородческихъ племенъ, легко бросали и мѣняли ихъ; сама власть, наконецъ, предпринимала отправку женщинъ массами въ Сибирь, чтобы доставить служилымъ людямъ подругъ—женщины были, конечно, не лучшаго достоинства. Русскій типъ измѣнялся подъ вліяніемъ этихъ

смѣшеній съ иноземнымъ элементомъ; инородцы, принимая христіанство, селясь между русскими или охватываемые русскими поселеніями, русѣли, но, конечно, не сполна, сохраняя въ своемъ новомъ типѣ черты стараго,—какъ случалось и наоборотъ, даже до послѣдняго времени, что русскіе, поселенные (часто по-неволѣ, вслѣдствіе практическихъ надобностей, для промысловъ, сторожевой службы, почтовой гоньбы) —въ инородческой средѣ, сами теряли до нѣкоторой степени свою народность и почти смѣшивались съ этою средой. Вслѣдствіе всего этого, въ русскомъ населеніи Сибири мало-по-малу сложился особый характеръ, физическій и бытовой: колонизація соединила въ Сибири людей весьма различнаго происхожденія и склада, которые, не сохранивъ первоначальныхъ свойствъ, въ своемъ взаимодействіи вырабатывали новыя черты на русской племенной основѣ. Уже старыя путешественники первой половины прошлаго вѣка отмѣчали особенности сибирскаго языка.

Въ понятіяхъ общества и народа въ метрополіи, Сибирь рисовалась въ чертахъ совершенно разнородныхъ: далекая страна, о которой трудно было имѣть точныя свѣдѣнія, представлялась то какъ „золотое дно“, то какъ ужасающая пустыня, имя которой было синонимомъ страшныхъ ссылокъ. Въ дѣйствительности, было то и другое: эксплуатація естественныхъ богатствъ доставляла государству и отдѣльнымъ частнымъ людямъ огромныя средства, которымъ, къ сожалѣнію, не отвѣчало культурное развитіе страны; ссылки наполняли Сибирь населеніемъ, которое не служило странѣ на пользу и создавало странныя соціальныя явленія, неизвѣстныя нигдѣ въ остальной Россіи и, въ общемъ, весьма мрачныя.

Это положеніе вещей съ нѣкоторыми видоизмѣненіями продолжалось до новѣйшаго времени. Лишь въ послѣдніе годы готовятся нѣкоторыя преобразованія во внутреннемъ бытѣ Сибири и, между прочимъ, предстоитъ соединеніе Сибири съ метрополіей желѣзными дорогами, которое вѣроятно повлечетъ къ важнымъ результатамъ. Но пока страна все еще живетъ въ исключительномъ положеніи, едва начинаетъ получать тѣ новыя учрежденія, какія въ метрополіи введены уже давно реформами прошлаго царствованія; нравы стараго административнаго произвола еще не вымерли и небольшая сознательная часть сибирскаго общества все еще безсильна въ борьбѣ съ этимъ наслѣдіемъ прошлаго. Процессъ народнаго броженія до сихъ поръ въ полномъ ходу: въ послѣдніе годы переселенія въ Сибирь припали никогда не бывалые размѣры; массы народа, преимущественно изъ среднихъ и южныхъ губерній, направляются въ далекую колонизацію, отъ западной и южной Сибири и новыхъ средне-азіатскихъ владѣній до отдаленнѣйшихъ мѣстностей на Амуръ и въ Уссурійскомъ краѣ. Пере-

селенческое движеніе вноситъ въ Сибирь новыя народныя элементы, которымъ предстоитъ еще акклиматизироваться, измѣняться подъ вліяніями новой среды и развивать сибирскую разновидность русскаго народа. Какъ она сложится, это, конечно, вопросъ будущаго. Однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ недостатковъ сибирской жизни, вредное вліяніе котораго отражается и въ крупныхъ, и въ мелкихъ ея явленіяхъ, надо признать отсутствіе правильной постановки школы, особливо отсутствіе учреждений для высшаго образованія. Сибирское общество въ своихъ лучшихъ представителяхъ давно мечтало объ основаніи университета; дѣйствительно, странно было видѣть, что огромная страна въ наступающемъ четвертомъ столѣтіи своего русскаго бытія не можетъ добиться хотя бы одной высшей школы, которая могла бы разлить въ мѣстномъ обществѣ степень образованія, необходимую и для практической пользы страны, и для нравственнаго сознанія общества. Потребность въ высшей школѣ была такъ сильна, что одними частными пожертвованіями собрана была огромная сумма для основанія сибирскаго университета; прошли годы, пока открыть былъ, наконецъ, — одинъ факультетъ. Мы привыкли читать самодовольныя заявленія о нашихъ необычайныхъ успѣхахъ въ Сибири и въ Средней Азіи, но достаточно вспомнить гражданскую и общественную исторію Сибири, и сравнить ее, напримѣръ, съ англійской колонизаціей Австраліи (не говоримъ уже о колонизаціи сѣверо-американской), чтобы составить понятіе о дѣйствительномъ культурномъ вѣсѣ нашихъ успѣховъ въ Сибири. Правда, вся сѣверная Сибирь и значительная часть средней представляютъ весьма трудныя или даже невозможныя условія для культурнаго успѣха, но многія мѣстности сибирскаго юга, на западѣ и на крайнемъ востокѣ страны, обладаютъ всѣми природными данными для процвѣтанія, и однако оно все еще не приходитъ. Колонизаціонныя предпріятія идутъ первобытными способами, и помощь просвѣщенія, которое одно можетъ должнымъ образомъ вооружить человѣка для успѣховъ культуры, все еще отвергается, какъ вещь излишняя.

До сихъ поръ мы не имѣли обстоятельной исторіи Сибири. Какъ въ первобытныя времена, исторіографія Сибири начинается лѣтописью; эта лѣтопись идетъ съ первыхъ лѣтъ русскаго владычества въ Сибири до второй половины прошлаго вѣка, когда „Новую сибирскую лѣтопись“ велъ тобольскій ямщикъ Черепановъ. Настоящая исторіографія возникаетъ лишь съ XVIII вѣка, и на первое время — трудами ученыхъ иностранцевъ. Послѣ старыхъ опытовъ знаменитаго Миллера и Фиспера, только разъ поднята была эта задача въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія — въ книгѣ Словцова (1838—44), исполненной съ большимъ трудолюбіемъ, но слишкомъ реторической и

кромѣ того боязливой, а въ наше время — въ книгѣ И. Щеглова (1883), которая, впрочемъ, даетъ только хронологическое изложеніе фактовъ, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворяя научнымъ требованіямъ, или въ трудахъ В. Андріевича, гдѣ даются почти только выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ. Накопившіяся доселѣ отдѣльныя сообщенія о сибирской старинѣ и современномъ бытѣ въ разныхъ отношеніяхъ, не объединены въ цѣльномъ историческомъ трудѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣреваемся изложить въ самыхъ общихъ чертахъ постепенное развитіе тѣхъ изслѣдованій, какія посвящены были Сибири почти съ ея перваго занятія русскими — по описанію ея территоріи, по ея исторіи и этнографіи. Въ этихъ изслѣдованіяхъ сошлись весьма разнообразныя предпріятія. Первые разсказанія о Сибири дѣлались первобытнымъ эмпирическимъ образомъ — прямымъ захватомъ земель: это были дѣла предпримчивыхъ людей въ родѣ самого Ермака, искавшихъ исхода своему удалству и, по невозможности удерживать завоеваннаго въ своихъ рукахъ, отдававшихъ результаты своихъ подвиговъ въ руки государства, съ которыми сами не всегда были въ ладахъ. Конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ ознаменовались смѣлыми предпріятіями этого рода, которыя, расширяя государственную территорію, вмѣстѣ расширяли и географическое знаніе: искатели новыхъ земель руководились простыми соображеніями прибыли и добычи, продолжая полусознательно историческій трудъ русской народной колонизаціи, но ихъ странствованія и открытія мало-по-малу становились достояніемъ науки, достигая людей, которымъ интересъ науки былъ близокъ; къ личной предпримчивости сибирскихъ искателей, которымъ и правительство предоставляло дѣйствовать на свой страхъ, присоединились въ XVIII-мъ вѣкѣ экспедиціи, дѣланныя по порученіямъ самой власти. Съ конца XVI-го вѣка вопросъ объ азіатскомъ сѣверѣ поднять былъ и съ другой стороны: онъ живо интересовалъ тѣ торговля и промышленныя компаніи, англійскія и голландскія, которыя предпринимали тогда цѣлый рядъ экспедицій для изслѣдованія Сѣвернаго океана, въ предположеніи найти новый торговый путь въ Индію, Китай и инныя азіатскія страны. Такъ, прежде всего найденъ былъ извѣстнымъ образомъ путь въ Бѣлое море, которымъ завязались торговыя сношенія Англіи съ Россіей; въ XVII-мъ столѣтіи западные мореходы пытаются проникнуть дальше, мимо сѣвернаго берега Сибири; эти попытки были неудачны, но продолжены были русскими плавателями; послѣдніе еще въ XVII вѣкѣ успѣли обогнуть по Ледовитому океану сѣверную Сибирь и проплыть тотъ проливъ, который впослѣдствіи былъ точнѣе опредѣленъ экспедиціей Беринга и отъ него получилъ свое имя. Упомянутыя торговыя компаніи старались въ XVII-мъ вѣкѣ вывѣдать въ Россіи о со-

выхъ земляхъ, отысканныхъ русскими въ Азіи, но русскіе, по тогдашнему обычаю, усиленно скрывали то, что уже знали, опасаясь ущерба для своихъ торговыхъ выгодъ; иноземцы, конечно, не смотря на то, узнавали, что было имъ нужно. Впослѣдствіи, въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ Европѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за географическими открытіями тѣхъ экспедицій, какія посылались тогда русскимъ правительствомъ. Эта новая эпоха сибирскихъ и средне-азиатскихъ открытій начинается съ Петра Великаго. Онъ первый задумалъ правильное географическое изслѣдованіе своей имперіи, и съ его времени открывается рядъ знаменитыхъ путешествій, положившихъ первое основаніе точному географическому опредѣленію Сибири и со-сѣднихъ земель. Преемники Петра продолжали дѣло, освященное его именемъ, а затѣмъ, въ царствованіе Екатерины II, послѣдовали новыя ученныя изслѣдованія, которыя затѣмъ продолжались до настоящаго времени. Въ западной Европѣ эти новыя пріобрѣтенія науки встрѣчаемы были съ величайшимъ любопытствомъ: книги академическихъ путешественниковъ, выходившія по-нѣмецки, и даже русскія сочиненія, появлялись въ многочисленныхъ переводахъ и изданіяхъ.

Съ XVIII-го вѣка начинаются первыя правильныя работы по сибирской исторіи, но только въ новѣйшее время возникаютъ изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ Сибири, объ ея этнографическомъ составѣ, объ условіяхъ быта и свойствахъ народнаго характера. На эти изслѣдованія положено было не мало труда, нерѣдко труда самоотверженнаго, которому должно было преодолѣвать величайшія препятствія. Многое изъ этихъ изслѣдованій полузабыто; многое остается неизвѣстно новѣйшимъ любителямъ по недоступности старыхъ рѣдкихъ книгъ, хотя въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Мы не имѣемъ возможности исполнить этого обзора во всей полнотѣ, но постараемся по крайней мѣрѣ отмѣтить главное, и въ старой литературѣ напомнить великодушныя усилія прежнихъ изслѣдователей и многія важныя указанія, которыми теперь можно воспользоваться изыскатель сибирской старины и народности.

ГЛАВА I.

ПЕРВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ СИБИРИ.

Давнее знакомство русскихъ съ Сибирью.—Покореніе.—Древнее новгородское сказаніе „о челоѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“; отраженіе его въ иностранныхъ описаніяхъ путешествій и картахъ XVI вѣка.—Занятіе всего пространства Сибири.—Русскія плаванія по Ледовитому океану.—Морскія путешествія иностранцевъ.—Разысканія о дальнемъ востокѣ.

Иностранныя описанія Сибири XVII-го столѣтія.—Исаакъ Масса.—Юрій Крижаничъ.—Витзень, и др.

Завоеваніе Сибири Ермакомъ не было первымъ знакомствомъ русскихъ съ этой страной. На самомъ дѣлѣ она извѣстна была русскимъ задолго раньше, и, мало того, задолго раньше Ермака начались присоединенія къ московскому государству сибирскихъ земель. Первое знакомство русскихъ съ народами, жившими по обѣимъ сторонамъ сѣвернаго Уральскаго хребта, относится, насколько это записано лѣтописью, еще къ XI-му столѣтію. Въ тѣ времена въ эти страны отправлялись новгородскіе „молодые люди“, привычные удалцы и промышленники; они знали Югру и „Самоядь“, т.-е. самоѣдовъ, и въ старой лѣтописи занесенъ, по новгородскимъ сообщеніямъ, рассказъ Югры новгородцамъ о появленіи за сѣверными горами какого-то новаго народа, неизвѣстнаго раньше самой Югрѣ и съ которымъ она вела нѣмую мѣстовую торговлю; по толкованію лѣтописца, это былъ не кто иной, какъ тѣ нечистыя племена, которыя были заперты въ горахъ Александромъ Македонскимъ и выйдутъ изъ нихъ передъ концомъ свѣта. Въ XII-мъ столѣтіи продолжаются новгородскіе походы въ эти далекія страны; новгородцы хаживали и дальше самой Югры и Самояди, и имъ случалось выдывать, какъ спадетъ туча и изъ нея разбѣгаются по землѣ молодые бѣлки и олени. Въ концѣ XII-го столѣтія Югра платила уже дань Новгороду, хотя кноѣ чазъ

побивала людей, приходившихъ за этою данью. Позднѣе, снова упоминаются походы на Югру, положеніе которой выясняется, а именно, новгородцы ходили на Обь, верхнюю и нижнюю, до самаго моря. Въ XV-мъ вѣкѣ прочныя русскія поселенія проникаютъ въ бассейнъ Камы, и при Иванѣ III дѣлаются новые походы въ Югорскую землю уже отъ московскаго князя; но въ то же время, очевидно, дѣлаетъ въ эту сторону походы вольница изъ Вятки и Устюга. Въ 1484 году къ московскому великому князю явились и подчинились его власти князья вогульскіе, югорскіе и князь *сибирскій*. Правда, подчиненіе было еще не крѣпко, но въ началѣ XVI-го вѣка эти земли считались уже окончательно принадлежащими Москвѣ, раздѣлены были на двѣ области, Обдорію и Кондію, названіе которыхъ вошло въ царскій титулъ въ 1514 году. Въ половинѣ XVI-го вѣка Иванъ Грозный въ грамотѣ къ англійскому королю уже называетъ себя повелителемъ Сибири. Покореніе Казани и Астрахани произвело сильное впечатлѣніе въ восточномъ финскомъ и тюркскомъ мірѣ; татарскіе владѣльцы на сѣверо-востокѣ теряли послѣдній оплотъ и, не имѣя надежды на самостоятельное существованіе, одинъ вслѣдъ за другимъ добровольно подчинялись московскому государству. Въ 1555 году въ Москву явились послы сибирскаго князя Едигера, и Иванъ Грозный взялъ „въ свою волю и подѣ свою руку всю сибирскую землю“, и въ слѣдующемъ году московскій посланецъ привезъ уже сибирскую дань изъ соболей и бѣлокъ. Въ 50-хъ годахъ XVI-го вѣка начинаютъ распространяться въ камской и закамской странѣ владѣнія Строгановыхъ, и впослѣдствіи съ ихъ предпріятіями связываются первые походы Ермака. Въ 1571—1572 годахъ были въ Москвѣ посланцы сибирскаго царя Кучума, который передѣ тѣмъ, взявши городъ Сибирь и убивши Едигера, пересталъ посылать московскую дань, а теперь самъ подчинился Москвѣ, хотя не надолго. Въ 1577 году, вслѣдствіе разбоевъ на Волгѣ, изъ Москвы было послано войско для истребленія разбойниковъ и велѣно было доставить въ Москву ихъ предводителя Ермака на лютую казнь, а въ 1578 Ермакъ, избѣжавши этого плѣна, предпринялъ свой первый походъ въ Сибирь. 26-го октября 1581 года, Ермакъ вступилъ въ столицу сибирскаго царства — Искеръ, или Сибирь ¹⁾.

¹⁾ Остатки его находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. О древнѣйшемъ знакомствѣ съ Сибирью и отношеніяхъ къ восточнымъ инородцамъ см., кромѣ общихъ историческихъ сочиненій:

— А. Крупенина, Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края въ „Пермскомъ Сборникѣ“, М. 1859; Ойрсова, Положеніе инородцевъ сѣ-

Исторія этого занятія Сибири, особенно его первой эпохи, до послѣдняго времени оставалась мало выяснена. Вопросъ былъ отчасти труденъ по одной весьма элементарной причинѣ: Старые русскіе люди бывали не весьма грамотны, интересъ историческій развитъ слабо, и когда они считали нужнымъ занести въ исторію, то-есть въ лѣтопись, какія-нибудь событія, они дѣлали это, даже въ очень позднія времена, по старой лѣтописной рутинѣ, очень кратко, отрывочно, и потому неясно, иногда только черезъ многіе десятки лѣтъ, уже не по примымъ фактамъ, а по преданіямъ, сохранившимся случайно. Ермакъ не имѣлъ своего историка; о немъ сохранились только подобныя лѣтописныя сказанія, темныя и противорѣчивыя, до такой степени, что сталъ отчасти лицомъ баснословнымъ. Позднѣйшимъ историкамъ приходилось съ немалыми трудами связывать отрывочныя данныя и сглаживать противорѣчіе источниковъ, доходившее до того, что по нѣкоторымъ изъ нихъ вся инициатива Ермака сводилась почти къ нулю и занятіе Сибири представлялось дѣломъ Строгановыхъ.

Крайне смутны и тѣ данныя, по которымъ можно было бы судить о первомъ знакомствѣ русскихъ съ отдаленными странами Сибири.

Древнѣйшее, какое только сохранилось въ нашей письменности, извѣстіе о Сибири, есть статья: „О челоувѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“, которая нерѣдко встрѣчается въ старыхъ рукописяхъ и древнѣйшій списокъ которой относится къ концу XV-го вѣка. Статья давно была издана ¹⁾, но не обращала на себя особеннаго вниманія, потому что баснословныя подробности, съ какими она говорила о незнаемыхъ людяхъ, заставляли относить ее къ числу фантастическихъ средневѣковыхъ сказаній, въ которыхъ трудно искать факта. Нѣкоторымъ историкамъ казалось даже, что въ данномъ случаѣ было не только наивное баснословіе о слишкомъ мало извѣстной странѣ, но намѣренная выдумка.

вост. Россіи въ Московскомъ государствѣ. Казань, 1866; Ешевскаго, Русская колонизація сѣверо-восточнаго края, въ „Сочиненіяхъ“, М. 1870, т. III; А. В. Оксенова, Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей, въ „Литерат. Сборникъ“, изд. Н. Ядринцевымъ, Спб. 1885, стр. 438—445, и его же: Служи и вѣсти о Сибири до Ермака, въ „Сибирскомъ Сборникъ“, кн. IV. Спб. 1887; наконецъ, книгу Д. Н. Анучина, о которой далѣе.

¹⁾ Г. Опрсовымъ въ упомянутой книгѣ: „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“, — по той же рукописи Соловецкой бібліотеки, которую повторилъ теперь Д. Н. Анучинъ, въ болѣе отчетливомъ чтеніи и съ вариантами изъ нѣсколькихъ другихъ рукописей, въ книгѣ: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „о челоувѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ“. М. 1890. 4^о.

Въ сказаніи XV-го вѣка элементъ баснословный присутствуетъ несомнѣнно, и притомъ не въ маломъ количествѣ. Въ тѣ времена, когда географическія свѣдѣнія были вообще крайне скудны, когда народы знали съ нѣкоторой точностію только ближайшихъ сосѣдей, представленія о странахъ и народахъ отдаленныхъ бывали обыкновенно преисполнены фантастическимъ элементомъ. Далекія земли обитаемы были народами совершенно особыми, не похожими на обыкновенныхъ людей, даже до окончательной потери человѣческаго образа. На извѣстной ступени развитія литература всѣхъ культурныхъ народовъ представляетъ множество примѣровъ подобнаго баснословія. Разъ пущенное въ ходъ фантастическое сказаніе охотно повторялось легковѣрными людьми, изъ одной литературы переходило въ другую, и нѣкоторыя басни, иногда унаслѣдованныя средними вѣками еще отъ классической древности, были столь живучи, что уцѣлѣли въ простонародномъ повѣрѣіи и донинѣ¹⁾. Наша старая письменность не была чужда тому же фантастическому представленію о народахъ дальнихъ странъ. Многія переводныя сказанія, какъ напримѣръ сказаніе о богатой Индіи, Александрія, Луцидаріусъ и пр. заключали въ себѣ цѣлую галерею „дивныхъ“ народовъ и чудесныхъ странъ; въ „Александріи“ македонскій царь, переступивъ границу извѣстныхъ земель, переходилъ потомъ только отъ одного чуда къ другому. Нѣкоторыя подробности нашего сказанія о незнаемыхъ людяхъ въ восточной странѣ совпадаютъ съ этой книжной фантастикой; не были ли онѣ и взяты прямо отсюда?

Д. Н. Анучинъ, посвятившій этому сказанію внимательное изслѣдованіе, категорически отвергаетъ здѣсь подобное заимствованіе. Въ первыхъ, книжная фантастика пришла къ намъ въ памятникахъ сравнительно позднихъ, а во-вторыхъ, по сличенію не оказывается никакихъ явныхъ слѣдовъ непосредственнаго вліянія. „Наше сказаніе совершенно оригинально; по всѣмъ признакамъ, составитель „Сказанія“ писалъ не мудрствуя лукаво, что зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слыхавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой рассказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ... а также по всей вѣроятности сослался бы на какой-нибудь авторитетъ... Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполне характеръ простого, неприязнательнаго разсказа человѣка, которому пришло на мысль записать

¹⁾ Такъ напримѣръ въ народѣ обращаются до сихъ поръ разсказы о песьеголовцахъ, или о людяхъ съ одной ногой и одной рукой, которые бѣгаютъ очень быстро, сдѣлавшись одинъ съ другимъ, и т. п.

извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею, — относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара“.

Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этого сказанія, которое г. Анучинъ считаетъ новгородскимъ (что и вѣроятно).

„На восточный странѣ, за Югорскою землею надъ моремъ живутъ люди Самоѣды, зовомы Могонъѣи; а ядь ихъ мясо оленье да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ, а гость къ нимъ откуда придѣтъ, и они дѣти свои закалають на гостей, да тѣмъ кормить, а которой гость у нихъ умереть, и они того съѣдаютъ, а въ землю не хоронять, а своихъ тако же. Сія же люди не велики върастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельми и стрѣлцы скоры и горазды, а яздатъ на оленяхъ и на собакахъ. А платіе носятъ соболіе и оленье, а товаръ ихъ соболи.“

„Въ той же странѣ иная Самоѣды такова же, Линная словеть. Лѣтъ мѣсяцъ живутъ въ морѣ, а на сушѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трѣскается, и они тотъ мѣсяцъ въ водѣ лежать, а на берегъ не смѣютъ вылѣсти.“

„Въ той же странѣ есть иная Самоѣды: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа въ верхъ яко же и прочіи человѣци...“

„Въ той же странѣ иная Самоѣды: въ верху рты на тѣмени, а не говорятъ, а образъ въ пошлину человѣчъ, а коли ядятъ, и они крошатъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ козпакъ или подъ шапку, и какъ почнуть ясти, и они плечима движутъ въ верхъ и внизъ.“

„Въ той же странѣ есть иная Самоѣды: яко же и прочіи человѣци, но зими умирають на два мѣсяца. Умирають же тако: какъ где котораго застанеть въ тѣ мѣсяцы, тотъ ты (тамъ) и сидеть, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ земли, и кто человѣкъ иные земли не видѣніемъ (невѣдѣніемъ, по невѣдѣнію) потокъ той отразить (отломить) у него и захнеть съ мѣста, и онъ умереть... А иные оживаютъ, какъ солнце на лѣто вернется.“

„Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣки великия есть земля, Бандъ именуемая, лѣса на ней нѣтъ, и люди, какъ и прочіи человѣци, живутъ въ земли, а едятъ мясо соболіе... А соболи же у нихъ черны вельми и велики, шерсть живого соболи по земли ся волочить.“

„Въ той же странѣ иная Самоѣды: по обычаю человѣци, но безъ главъ, рты у нихъ межи плечи, а очи въ грудѣхъ, а ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти, и они головы оленіи возмечиваютъ себѣ въ ротъ на плечи и на другой день кости намещутъ изъ себя туда же, а не говорятъ. А стрѣла же ихъ — трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзана, да стрѣлку ту въкладаетъ въ трубку, да бьетъ молоткомъ въ стрѣлку, а товару у нихъ никотораго нѣтъ.“

„Вверхъ той же рѣки великия Оби есть люди, ходять по подъ землею иною рѣкою день да ночь, съ огни, и выходятъ на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюдень, и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него, и кто поѣдетъ къ граду тому, и тогда слышити шумъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ, и какъ придутъ въ него и людей въ немъ нѣтъ и шуму не слышити никотораго, ни много чего животнаго, но въ всякихъ дворѣхъ ясти и пити всего много, и товару всякого, кому что надобѣ, и онъ, положивъ цѣну противу того, да возметъ что кому надобѣ и прочь отходить, а кто что безъ

Архангельскѣ) пять разъ въ Россіи (Москвѣ) съ 1557 до 1571 года, причѣмъ во вторую поѣздку совершилъ путешествіе съ караваномъ въ Бухару, а въ третью — въ Персію. Въ отчетѣ объ одномъ изъ этихъ путешествій, представленномъ Дженкинсономъ лондонской торговой (московской) компаніи, между прочимъ приложены „разныя замѣтки, собранныя Ричардомъ Джонсономъ (который былъ въ Бухарѣ съ А. Дженкинсономъ) изъ показаній русскихъ и другихъ иностранцевъ, о путяхъ по Россіи въ Китай (Cathaya) и о разныхъ странныхъ народахъ“, а именно, что для насъ особенно любопытно, свѣдѣнія „о нѣкоторыхъ странахъ самоѣдовъ, живущихъ по рѣкѣ Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово съ русскаго языка“. Страны эти, — говорится далѣе, — „были посѣщены однимъ русскимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Ѳеодоромъ Товтыгинымъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку, въ одной изъ сказанныхъ странъ“. Судя по приведеннымъ извлеченіямъ, русскимъ источникомъ Джонсона была именно статья „о челоѣцѣхъ незнаемыхъ“ ¹⁾. Такъ можно заключить по началу извѣстія: „Въ восточной странѣ (upon the East part), за Югорскою землею, рѣка Обь составляетъ ея самую западную часть. По берегу моря живутъ самоѣды и страна ихъ называется Молгомзей (Molgomsey); они питаются мясомъ оленей и рыбъ, а иногда и ѣдятъ другъ друга“. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе того, какъ они убиваютъ дѣтей, чтобы угостить приходящихъ къ нимъ торговцевъ, какъ они не хоронятъ мертвыхъ, а ѣдятъ ихъ, а далѣе описаніе ихъ наружнаго вида, ихъ ѣзды на собакахъ и оленяхъ, и ихъ торговаго соболями. Дальнѣйшія извѣстія нѣсколько сокращены, и повидимому въ нихъ пропущено именно то, что представлялось особенно невѣроятнымъ или преувеличеннымъ.

Разбирая далѣе имя племени („могонтѣи“ или „молгомтѣи“ и т. п.), г. Анучинъ находитъ объясненіе его въ языкѣ самоѣдскихъ племенъ и полагаетъ, что оно обозначало людей краевыхъ, конечныхъ, жившихъ на краю земли: оно могло означать то племя, которое извѣстно теперь подъ именемъ юраковъ.

Обращаясь къ разбору свѣдѣній новгородскаго сказанія по существу, г. Анучинъ находилъ, что оно не только не было произвольной фантазіей, но имѣло въ основѣ если не прямыя фактическія данныя, то весьма распространенныя представленія. Названіе „самоѣдовъ“ знали уже Плато-Карпини, и хотя онъ не говоритъ объ ихъ людоедствѣ, но позднѣйшіе путешественники, напримѣръ, Герберштейнъ, затѣмъ Джонсонъ, Флетчеръ, Петрей, Олеарій говорятъ со словъ рус-

¹⁾ Анучинъ, стр. 34—36.

скихъ о крайней ихъ дикости, а въ томъ числѣ и о людоедствѣ. Слово „самоѣдъ“ по всей вѣроятности произошло отъ финскаго корня, но у русскихъ давно было осмыслено въ значеніи людей, которые сами себя ѣдятъ, то-есть преданные людоедству. Это представленіе подтверждалось преданіями и разсказами о такихъ случаяхъ, гдѣ самоѣды дѣйствительно совершали людоедство — своихъ и чужихъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія новгородскаго сказанія о томъ, что этотъ родъ самоѣдовъ не великъ ростомъ, что они искусные стрѣлки, что товаръ ихъ есть соболь и пр., представляются совершенно возможными, такъ какъ подтверждаются и другими фактами. Что этотъ край былъ особенно богатъ соболемъ, видно между прочимъ изъ того, что рѣка, впадающая въ Ледовитый океанъ между Обью и Енисеемъ, была названа Соболююю.

Далѣе, относительно разсказа о „Линной Самоѣди“ т.-е. той, которая лѣтомъ линяетъ, то-есть мѣняетъ кожу, — лѣтомъ кожа у нихъ трескается, почему они живутъ это время въ морѣ, г. Анучинъ дѣлаетъ вѣроятную догадку, что здѣсь надо подразумѣвать простой бытовой фактъ изъ жизни сѣверно-сибирскихъ самоѣдовъ, именно ихъ лѣтнія перекочевки. „Самоѣды, проводя большую часть года въ лѣсной области, гдѣ не такъ холодно, меньше мятелей и болѣе звѣря для охоты, перекочевываютъ лѣтомъ на сѣверъ, въ тундру, спасаясь отъ комаровъ и занимаясь, отчасти, промысломъ на морского звѣря и рыбу“. Самый промыселъ на морскихъ звѣрей и на рыбу совершается такъ, что иносказательно можно было бы говорить, что самоѣды въ это время живутъ въ морѣ. Новѣйшій путешественникъ въ тѣ края, Куселевскій разсказываетъ, что на рыбномъ промыслѣ самоѣды иногда по цѣлымъ днямъ, какава бы ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ, по отмелямъ Обской губы, и т. д. ¹⁾.

Подобнымъ образомъ г. Анучинъ подробно разбираетъ всѣ остальные пункты новгородскаго сказанія о Самоѣди мохнатой, живущей подъ землею и т. д., и вездѣ старается найти рациональное объясненіе чудесъ, о которыхъ наговорилъ старинный новгородецъ. Въ этихъ толкованіяхъ разсѣяно не мало важныхъ объясненій для сибирской археологіи и этнографіи, какъ, напримѣръ, то, что авторъ говоритъ въ связи съ новгородскимъ сказаніемъ о горномъ дѣлѣ на Алтаѣ, о нѣмомъ торгѣ, о способахъ шаманскаго леченія, и т. д.

Свое общее заключеніе о значеніи новгородскаго сказанія авторъ высказываетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Заканчивая разсмотрѣніе сказанія, нельзя не повторить снова, что многія извѣстія его совершенно согласны съ дѣйствительностью,

¹⁾ Анучинъ, стр. 46—47.

другія вѣроятны или возможны, третьи основаны, тоже, очевидно, на дѣйствительныхъ, хотя преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ фактахъ, и только нѣкоторыя представляются явно мнѣстическими, но и то едва ли придуманными нарочно, а скорѣе передающими ходившіе между Югрой и посѣщавшими ихъ русскими—повѣрья и рассказы.

„Наоборотъ, положительные стороны разбираемой статьи заслуживаютъ полного вниманія съ историко-этнографической точки зрѣнія. Въ немъ мы находимъ первый сколько-нибудь связный рассказъ о народахъ по нижнему теченію р. Оби и по р. Тазу, объ юракахъ, каменскихъ самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ, — первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ тюрко-монгольскихъ, ихъ бытъ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры; здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоедствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI го вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ“ ¹⁾.

Въ объясненіе того, какъ и въ гораздо болѣе позднее время возникали баснословные рассказы о чудовищныхъ людяхъ, г. Анучинъ приводитъ изданную недавно отписку енисейскаго воеводы князя Щербатова въ сибирскій приказъ отъ 1685 года ²⁾. Въ отпискѣ говорится, что въ томъ 1685 году „почала быть словесная рѣчь межъ всякихъ чиновъ, будто въ енисейскомъ уѣздѣ, вверхъ по Тунгускѣ рѣкѣ, явились дикіе люди объ одной рукѣ и объ одной ногѣ“. Нѣсколько человекъ ясачныхъ тунгусовъ было спрошено и они утвердительно говорили, что дѣйствительно существуютъ такіе люди, что такой человекъ попался даже въ звѣриную ловушку (капканъ) одного тунгуса и былъ этой ловушкой застрѣленъ, но изъ спрошенныхъ самъ пикто такого человека не видалъ, а одинъ тунгусъ Богдашко „видѣлъ самъ на горѣ въ камени ту яму (гдѣ, какъ полагалось, жили тѣ чудовищные люди), и отъ той-де ямы видѣлъ же слѣдъ тѣхъ дикихъ людей на снѣгу хожено одною босою ногою, а тотъ-де ихъ слѣдъ гораздо малъ, какъ пяти лѣтъ ребенка“ ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 85 — 86.

²⁾ Отписка, найденная въ бумагахъ московскаго Архива министерства юстиціи, издана г. Гоздаво-Голомбѣевскимъ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей, за 1888.

³⁾ Стр. 86 — 88.

Новгородское сказаніе любопытно въ другомъ, отрицательномъ отношеніи: составленное въ XV вѣкѣ, а можетъ быть достигая и до конца XIV-го, это сказаніе продолжало обращаться въ рукописяхъ до XVII-го вѣка, переписывалось въ неизмѣнномъ видѣ; не вызвавши никакого комментарія или дополненія, — такъ медленно развивалась историческая любознательность. Въ то время, когда уже были на мѣстѣ достаточно извѣстны всѣ существующіе роды „Самояди“, продолжали переписывать старое баснословное сказаніе, и на смѣну его не явилось другого описанія сибирскихъ народовъ до XVIII-го вѣка.

Итакъ завоеваніе Сибири Ермакомъ было только послѣдовательнымъ продолженіемъ давняго движенія русскихъ на азіатскій востокъ, движенія, съ одной стороны чисто народнаго, разбойничьяго и колонизаціоннаго, а затѣмъ происходившаго по приказамъ власти. Подчиненіе „всей сибирской земли“ было на первое время весьма непрочное: сибирскіе владѣльцы то заявляли покорность и присылали дань, то отбивались отъ московскаго владычества, смотря по обстоятельствамъ, и при отдаленности новыхъ владѣній московской власти часто приходилось мириться съ этимъ и предоставлять времени довершать то тяготѣніе, которое силою вещей побуждало инородцевъ отдаваться подъ руку сильнаго сосѣдняго государства. Уже вскорѣ по смерти Ермака, грозило отпаденіе Сибири; надо было опять воевать съ непокорнымъ Кучумомъ и его сыновьями; онъ былъ, наконецъ, разбитъ, почти вся его семья была захвачена, но самъ онъ, уже слѣпой, избѣжалъ плѣна; одинъ изъ его сыновей назывался въ Москвѣ сибирскимъ царевичемъ, а другой воевалъ противъ русскихъ въ Сибири; еще въ половинѣ XVII-го в. внукъ Кучума велъ послѣднюю борьбу противъ русскихъ. Независимо отъ этихъ войнъ послѣдняго царскаго рода, съ конца XVI-го вѣка происходили безпрестанныя возстанія сибирскихъ инородцевъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ, остяковъ и пр., вызываемыя отчасти начавшимися притѣсненіями русскихъ правителей, отчасти воспоминаніями о прежней независимости. Эти возстанія тянутся долго въ теченіе XVII-го вѣка.

Дальнѣйшее занятіе Сибири шло очень быстро. Въ 1587 былъ построенъ Тобольскъ, который долгое время былъ главнымъ городомъ Сибири, и вскорѣ затѣмъ небольшіе города западной Сибири — Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымскій острогъ, Верхотурье, Мангазея. Въ 1604, основанъ Томскъ, съ построеніемъ котораго русскимъ принадлежала уже значительная часть нынѣшней томской губерніи. Въ 1618, основанъ Кузнецкій острогъ, переименованный вскорѣ въ городъ, и около того же времени основанъ Енисейскъ; въ 1628,

Канскій острогъ и Красный Яръ, нынѣшній Красноярскъ. Въ 1615, произошла первая встрѣча съ тунгусами: въ 1620—первыя донесенія мангазейскихъ казаковъ о якутахъ на Ленѣ. Въ 1613, казаки изъ Мангазеи на р. Тазѣ двинулись на востокъ, покоряли тунгусовъ по р. Вилую, выплыли на Лену, встрѣтили здѣсь якутовъ и обложили ихъ данью; а въ 1632 году енисейскіе казаки проникли сюда же съ другой стороны, и именно, поднявшись вверху по Ангартъ и Илну, вышли черезъ волокъ на рѣку Лену, гдѣ покоряли на пути якутовъ и заложили Якутскій острогъ, на 70 верстъ ниже нынѣшняго Якутска. Въ 1635 основанъ былъ Олекминскъ, а затѣмъ вскорѣ Верхоянскъ, въ тобольскомъ краѣ Ялуторовскъ; въ 1648 основанъ Косой Острожекъ (впослѣдствіи городъ Охотскъ), Баргузинъ и Нижнеудинскъ, вскорѣ потомъ Верхнеудинскъ. Въ 1649—1650 казацкій атаманъ Хабаровъ, съ сотней охотниковъ на соболей, отправившись изъ Якутска, первый проникъ на Амуръ, гдѣ въ 1651 году былъ имъ основанъ Албазинъ, первое русское поселеніе на Амурѣ, долго выдерживавшее борьбу съ китайцами и манчжурами: русскіе отступили изъ этихъ мѣстъ въ концѣ XVII-го столѣтія, Албазинъ былъ разрушенъ, и потомки его жителей, отведенныхъ въ Пекинъ, существуютъ еще донынѣ, обратившись въ совершенныхъ китайцевъ и сохранивъ только подобіе православія. Далѣе, въ 1652 основано Иркутское зимовье, обратившееся потомъ въ городъ Иркутскъ; въ 1654—Нерчинскъ, въ 1666—Селенгинскъ. Наконецъ, въ 1697 году нѣсколько десятковъ казаковъ изъ Охотскаго края и мѣстныхъ инородцевъ отправились въ Камчатку и основали тамъ первое русское зимовье. Взглянувъ на карту, читатель отдастъ себѣ отчетъ въ поразительной быстротѣ этого завоеванія, совершавшагося обыкновенно казачьими и промышленными партіями, обыкновенно лишь въ нѣсколько десятковъ, рѣдко сотенъ, человекъ.

Такимъ образомъ, едва въ пятьдесятъ лѣтъ, отъ основанія Тобольска до построенія Охотска, произошло занятіе громаднаго пространства всей Сибири, едва ли не чаще совершаемое не по инициативѣ власти, а предприимчивостью вольныхъ отрядовъ. Рядомъ съ этими сухопутными или рѣчными походами, совершались не менѣе смѣлыя морскія путешествія, которыя въ первый разъ опредѣляли сѣверныя береговыя очертанія Сибири отъ устьевъ Оби до устьевъ Амура. Первые плаванія относятся еще къ XVI вѣку. Когда англичане съ капитаномъ Ченслеромъ въ половинѣ XVI-го вѣка въ первый разъ прибыли къ Архангельску, русскіе уже плавали для промысловъ на Мурманскій берегъ, Шпицбергенъ и Новую-Землю, и вели морскую торговлю въ устьяхъ Оби и Енисея; но эти плаванія прекратились къ концу XVI-го вѣка, можетъ быть, какъ полагаютъ, отъ

измѣненія климатическихъ условій Карскаго моря. Когда русскія поселенія достаточно утвердились внутри сибирскаго материка, начинается рядъ экспедицій для осмотра сѣверныхъ краевъ Сибири и береговъ Ледовитаго океана. Въ 1636 отправленъ былъ изъ Енисейска казачій десятникъ Буза съ десятью человѣками для осмотра рѣкъ, идущихъ въ Ледовитый океанъ; къ казакамъ пристало нѣсколько десятковъ промышленниковъ: они отправились внизъ по Ленѣ, достигли ея западнаго устья и осмотрѣли берегъ на западъ до рѣки Оленека. Черезъ два года тотъ же Буза, отправившись отъ устья Лены на востокъ, открылъ рѣку Яну; другой плаватель нашелъ дальше рѣку Индигирку. Въ 1643 -- 45, казацкій старшина Поярковъ, поднявшись по притокамъ Лены, перешелъ Становой хребетъ, спустился по притоку Амура въ эту рѣку и проплылъ все теченіе Амура до его устья; затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ плавалъ по Охотскому морю. Въ 1646 осмотрѣнъ берегъ Сибири на востокъ отъ устья рѣки Колымы. Въ 1647 казакъ Семенъ Дежневъ предпринялъ свое первое плаваніе по Ледовитому океану на востокъ отъ р. Колымы, гдѣ былъ, однако, остановленъ льдами; въ слѣдующемъ году промышленники снарядили нѣсколько судовъ, которыя вышли изъ устья Колымы; нѣсколько судовъ пропало безъ вѣсти, но Дежневъ, участвовавшій въ экспедиціи, обогнулъ мысъ Шелагскій и Чукотскій Носъ и выплылъ въ Охотское море, гдѣ бурей былъ выкинутъ на берегъ,—такъ впервые пройденъ былъ проливъ, получившій потомъ имя Беринга. Не перечисляя другихъ экспедицій, упомянемъ еще одну, которая отправлена была въ 1652 для отысканія материка на сѣверъ отъ устьевъ Яны и Колымы: вышедши изъ устьевъ Лены, эта экспедиція пропала безъ вѣсти.

Къ русскимъ плаваніямъ присоединяются многочисленныя экспедиціи западныхъ мореплавателей. Шестнадцатый вѣкъ былъ еще исполненъ стремленіемъ къ географическимъ открытіямъ, которое такъ сильно проявилось и дало такіе блестящіе результаты въ пятнадцатомъ столѣтіи. Но въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не столько духъ научныхъ открытій, сколько расчеты найти новые пути для европейской, и именно англійской и голландской, торговли. На европейскій востокъ влекло англичанъ и голландцевъ желаніе основать торговыя связи съ русскимъ государствомъ, уже тогда весьма обширнымъ, а затѣмъ черезъ ея земли открыть сухопутную торговую дорогу въ Персію и Индію, или черезъ Ледовитый океанъ въ Китай, еслибы оказалось, что тамъ есть свободный морской путь. Это послѣднее соображеніе вызвало съ XVI-го столѣтія упомянутыя англійскія и голландскія экспедиціи въ сѣверный океанъ, омывающій берега Россіи и Сибири. Эти путешествія идутъ съ первой знаменитой экс-

Канскій остро-
 произошла не-
 мангазейских
 газен на р.
 р. Вилую, в
 ихъ дачью: с
 другой сторо-
 вышли чере-
 и заложилъ
 Въ 1635 онъ
 въ тобольск-
 жекъ (внос-
 вскорѣ по-
 баровъ, с
 первыи в
 Албазинѣ
 борьбу с
 мѣсть с
 точки с
 ныѣ,
 подобѣ
 обрати
 1666
 казакъ
 въ К-
 карту
 заво-
 наре-
 челъ

бо-
 ст:
 тр-
 э-
 с-
 с-

мало мѣры, чтобы собрать свѣдѣнія о дальнихъ азіатскихъ мѣстахъ. Таково было „хождение“ казацкихъ атамановъ Петрова и Лева въ Китай въ 1567 году: отправленные Иваномъ Грознымъ „извѣдывать государства“ неизвѣстныхъ владѣтелей, къ которымъ даны были дружественныя грамоты, предприимчивые атаманы ополучно вернулись домой и вывели „сказку“ о видѣнныхъ ими мѣстахъ; между прочимъ, они побывали и въ Пекинѣ, хотя богдыханъ не видѣли, потому что не съ чѣмъ было къ нему явиться, не съ собой подарковъ ¹⁾. Въ концѣ XVI-го вѣка уже дѣлаются поряженія относительно торговли съ бухарцами и ногайцами: къ нимъ должно было относиться съ учтивостью, въ случаѣ, еслибы они приѣхали съ товарами. Въ 1587, при Федорѣ Ивановичѣ, русскіе между прочимъ предлагали Польшѣ за союзъ съ Москвою свободный путь польскимъ и литовскимъ купцамъ на востокъ, именно „въ Сибирь и въ великое китайское государство, въ которомъ родится всякій дорогой камень и золото“. Борисъ Годуновъ общалъ англичанамъ содѣйствіе въ отыскиваніи китайской земли. Между тѣмъ дѣло подвигалось и само собою. Сибирскіе казаки все ближе подходили къ Монголіи, и затѣмъ черезъ эту небогатую страну старались заводить торговые сношенія съ богатымъ Китаемъ, и, чтобы обезопасить торговые караваны, сибирскіе воеводы рѣшались отправлять ихъ отъ имени самого московскаго правительства. Отсюда рядъ полу-торговыхъ, полу-дипломатическихъ посылокъ и настоящихъ развѣдочныхъ экспедицій, отправлявшихся въ теченіе XVII-го столѣтія. Таково было посольство 1608 года изъ Томска къ монгольскому хану, впрочемъ безуспѣшное; въ 1616 году—болѣе счастливое посольство атамана Василия Тюменца „съ товарищи“ изъ Тобольска къ Алтынъ-хану. По возвращеніи, Тюменца подробно выспрашивали въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ: черезъ разныя земли онъ добрался до Алтынъ-хана и (по наставленію отправлявшаго его тобольскаго воеводы) выдалъ себя за царскаго посланца; онъ былъ торжественно принятъ Алтынъ-ханомъ, нѣсколько разъ „ѣлъ“ у него, выпросилъ о китайскомъ и другихъ государствахъ и какіе въ нихъ товары, и пр.; Алтынъ-ханъ изъявилъ согласіе признать себя подручнымъ у московскаго царя, обѣщалъ давать свободный пропускъ русскимъ людямъ въ китайское государство и просилъ о присылѣ ему государева жалованья, — въ этомъ послѣднемъ и былъ, вѣроятно, главный расчетъ, также какъ въ помощи противъ его собственныхъ враговъ ²⁾.

¹⁾ „Хожденіе“ напечатано въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ Сахарова, т. II, и болѣе исправно въ „Обзорѣ хронографовъ“ А. Попова („Изборникъ“, стр. 480—487).

²⁾ Экспедиція Тюменца разсказана въ первый разъ Ю. В. Арсеньевымъ въ „Извѣстіяхъ“.

Спааарія черезъ Сибирь отъ Тобольска до китайской границы, другая—описание самого Китая ¹⁾.

Книга Спааарія писана на манеръ старинныхъ русскихъ описей (и велась, можетъ быть, какимъ-нибудь состоявшимъ при немъ подъячимъ): это—голый перечень именъ рѣкъ, острововъ, городовъ, деревень, горъ и т. д. ²⁾; лишь въ немногихъ случаяхъ приводятся болѣе подробныя указанія, напр.: особое описание Оби, „славные рѣки Иртыша“, Байкальскаго озера и его особенностей, или описание нѣкоторыхъ городовъ и т. п. Кое-гдѣ прибавлены ученые соображенія, принадлежащія, вѣроятно, уже самому Спааарію. Авторъ не однажды ссылается на грековъ и латинъ, на древнихъ и новыхъ „земнописателей“; говоря о Байкалѣ, разсуждаетъ, долженъ ли онъ называться озеромъ или моремъ, и т. п. Но, ученые ссылки иногда весьма неудовлетворительны; напримѣръ, при описаніи Иртыша онъ говоритъ о большомъ сибирскомъ лѣсѣ, который, по его мнѣнію, есть именно Герцинскій лѣсъ, упоминаемый древними писателями ³⁾; объ

¹⁾ О Спаааріѣ см. у Пекарскаго, „Наука и литер.“, I, стр. 340 — 343, и ст. Кедрова, въ Журн. мин. просв., 1876, № 1; изданіе путешествія въ „Запискахъ Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи“, т. X, и отдѣльно: „Путешествіе чрезъ Сибирь, отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая, русскаго посланника Николая Спааарія въ 1675 году. Дорожный дневникъ Спааарія съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева“. Спб. 1882.

²⁾ Напр., въ самомъ началѣ, послѣ выѣзда изъ Тобольска описание пути ведется такъ:

„Деревня Реткина, руская, отъ Тобольска 7 верстѣ.

„Деревня Смирни, руская, отъ деревни Реткины верста.

„Деревня Ильина, руская, отъ деревни Смирни 2 версты; да противъ той на другой сторонѣ (рѣки) двѣ деревни: одна руская — Осипа Макифорова, а другая — Ескалбинская, татарская. Ескалбинской островъ на рѣкѣ Иртышѣ отъ Тобольска 10 верстѣ“, и т. д.

Или:

„Да по правую и по лѣвую сторону рѣки Иртышу лѣсъ соснякъ, и березникъ, и тальникъ.

„А рѣка Иртышъ зѣло тихо течетъ, а въ ширину сажень по 500, а въ глубину сажень по 10 и по 11 и по 20, и болше.

„Пріѣхали на ямъ, въ юртѣ Натце...

„Да отъ тогожъ юрту на правой сторонѣ рѣчка Индюкъ.

„Да на той же сторонѣ Иртыша рѣчка Серебрянка.

„Да на той же на правой сторонѣ деревня Карбинская, татарская; перемѣняли гребцовъ“, и т. д.

³⁾ ...„Лѣсъ тотъ, который идетъ и по Обѣ рѣкѣ, и по всему Сибирскому государству до самаго до Окіанскаго моря, который лѣсъ преславной естъ и превеликой, и именуется отъ земнописателей по еллински „Эркиніюсъ или“, а по латински „Эрциніюсъ силва“, се естъ, Эркинскій лѣсъ; и тотъ лѣсъ идетъ возлѣ берега Акіяна до Нѣмецкой и Французской земли и далѣ, и чуть не по всей земли, для

остякахъ онъ разсуждаетъ, что это народъ древній, какъ и другіе сибирскіе народы, и происходитъ отъ скиѳовъ, которые послѣ потопа произошли отъ сына Ноева, Іафета, а идолослуженіе свое они „какъ приняли отъ исполина Неврода, такъ и держать“; о монголахъ или „мунгалахъ“, какъ ихъ обыкновенно тогда называли, онъ замѣчаетъ: „мунгалы суть, о которыхъ пишетъ въ библии—Гогъ и Магогъ, потому что они называютъ себя маголь“, — но онъ знаетъ, что монгольскій народъ „зѣло великъ“, что онъ начинается близъ рѣки „Амуры“, простирается между китайскимъ государствомъ и Сибирью и доходитъ до Бухары и до самой Индіи подъ разными тайшами. Во всякомъ случаѣ, книга Спаѳарія представляетъ множество топографическихъ данныхъ и завершаетъ собою старую систему описаній Сибири, начатую въ XVI-мъ столѣтіи.

Въ западной Европѣ ученые люди, также какъ правительства и римская церковь, давно были заинтересованы собираніемъ свѣдѣній объ отдаленныхъ азіатскихъ странахъ. Долго эти свѣдѣнія были очень скудны и не шли дальше того, что разсказывали древніе, Геродотъ или Птолемей. Первые путешествія съ европейскаго запада на востокъ, совершенныя въ XIII-мъ столѣтіи Асцелиномъ, Рубруквисомъ, Плано-Карпини и Марко-Поло, вызваны были грозными нашествіями изъ глубины Азіи и сообщили въ первый разъ болѣе или менѣе точныя понятія о средней Азіи, Туркестанѣ, Монголіи; Марко-Поло говоритъ и о Китаѣ, слышалъ объ Японіи, — но Сибирь оставалась неизвѣстна этимъ путешественникамъ. На картѣ, составленной въ 1375 году, обозначены Бухара и Самаркандъ, но сѣверная Азія представлена пустыней, гдѣ обитаютъ баснословные Гогъ и Магогъ, о которыхъ намекало библейское преданіе, развитое средневѣковыми сказаніями объ Александрѣ Македонскомъ; выше мы упоминали, что такимъ же образомъ и древняя русская лѣтопись XI—XII вѣка полагала за предѣлами Югры жилища Гога и Магога и что о нихъ вспоминаетъ Спаѳарій еще въ концѣ XVII-го столѣтія. На венеціанской картѣ 1457 года представлены также разныя мѣстности средней Азіи, указанъ Алтай, но Сибирь изображена въ видѣ узкой полосы между Алтаемъ и Сѣвернымъ океаномъ. Впослѣдствіи стали мало-по-малу проникать на Западъ тѣ свѣдѣнія о внутренней Азіи, какія начали собираться у русскихъ; проводниками ихъ были какъ мореплаватели, отправлявшіеся въ Ледовитый океанъ, такъ и западные

того и первый лѣсъ на свѣтѣ и преименитый у всѣхъ земнописателей есть, одна-коже нигдѣ нѣтъ такъ пространной и великой, какъ въ Сибирскомъ государствѣ“.

путешественники, заѣзжавшіе въ Россію, главнымъ образомъ въ посылствахъ. Свѣдѣнія эти въ XVI-мъ вѣкѣ были еще весьма сбивчивы. Первою картою этого рода является карта данцигскаго сенатора Антопа Вида, изданная въ 1555 году, но составленная гораздо раньше, такъ что карта Мюллера 1544 года есть только ея копія ¹⁾. Показанія Вида о Сибири ²⁾ крайне ограничены; рѣка Обь изображена скорѣе въ видѣ огромнаго залива — какъ будто за рѣку принята Обская губа; на лѣвой сторонѣ ея изображены „абдоры“, поклонящіеся „Золотой Бабѣ“ съ ребенкомъ въ рукахъ и приносящіе ей въ жертву звѣриныя шкуры; любопытно, что имя золотой Бабы написано русскими буквами съ переводомъ: *Nos est aurea uetula idolum quod huius partis incolae adorant*. Южнѣе золотой Бабы по той же лѣвой сторонѣ изображенъ городъ Сибирь (Sybir); затѣмъ все къ югу Тюмень (Tumen wilky), Kasary Horda (восточнѣе), Kalmysky Horda, наконецъ, между Волгой и Яикомъ (Deich) помѣщена Horda Nohay и рядомъ громадное мѣсто, занятое устьями Волги съ Астраханью; между абдорами и Тюменью, западнѣе, изображена Великая Пермь (Wilki Perim); на правой сторонѣ Оби, на одной широтѣ съ городомъ Сибирь надпись, неизвѣстно чтó обозначающая: Kydeisco. Вотъ все содержаніе этой карты, которая могла быть составлена на основаніи слуховъ объ этихъ странахъ въ печатныхъ источникахъ, хотя „Золотая Баба“ и „Kydeisco“ могли принадлежать специально русскому источнику. Нѣсколько болѣе подробна, по все-таки очень скудна карта Герберштейна 1549 и 1556 года ³⁾. Рѣка Обь изображена опять чрезвычайно широко, вытекающею изъ огромнаго озера; на лѣвой сторонѣ ея, на сѣверъ опять золотая Баба (aurea anus, Slatá Baba), изображенная въ западно-европейскомъ костюмѣ богатой дамой съ кошемъ въ рукѣ; южнѣе, близъ впаденія какой-то рѣки въ Обь, означенъ городъ Obea; еще южнѣе еще два города: Tegot (или Iegot) и Tumen. По правой сторонѣ рѣки указаны на крайнемъ сѣверѣ Югры, отъ которыхъ произошли венгры; южнѣе народъ „густинцы“ и городъ Грустина, еще южнѣе „Кумбаликъ, столица въ Катаѣ или Китаѣ (Cumbalik Regia in Cataya idem in Kitay)“. Герберштейнъ приводитъ далѣе, несомнѣнно русскую, басню о жителяхъ „Лукоморья“, лежащаго за Обью, которые каждый годъ на зиму умираютъ и весной оживаютъ, какъ лягушки, и съ которыми ведется нѣмая мѣшковая торговля. Это напоминаетъ рассказы древней лѣтописи о народахъ, жившихъ за Югрой, и новгородское сказаніе; араб-

¹⁾ Открытіе карты Вида принадлежитъ Михову: *Die ältesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie* von Dr. H. Michow. Hamburg, 1884.

²⁾ Отрывокъ карты у Анучина, стр. 52.

³⁾ Часть этой карты у Анучина, стр. 54.

скій писатель Ибнъ-Батута также говорилъ о нѣмой торговлѣ, совершаемой на границѣ „страны мраковъ“, т.-е. Сибири. Позднѣйшіе иностранные писатели еще долго помѣщали въ ряду принадлежащихъ русскихъ земель эту „Лукоморію“. „Китайское озеро“ и „Камбалыкъ“ (т.-е. Пекинъ) близъ праваго берега Оби достаточно свидѣлствуютъ, какъ смутны были представленія объ этомъ краѣ у самихъ русскихъ людей, отъ которыхъ Герберштейнъ почерпалъ свои извѣстія ¹⁾).

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ этой литературы служатъ два небольшія сочиненія голландца Исаака Массы: Описание сибирскихъ земель, и Описание путей, ведущихъ въ Сибирь и ея городовъ.

Въ нашей исторической литературѣ Масса извѣстенъ въ особенности записками о смутномъ времени, которыя только въ недавнее время изданы были въ голландскомъ подлинникѣ, а затѣмъ и въ русскомъ переводѣ ²⁾. Біографія его извѣстна мало, но во всякомъ случаѣ это былъ человекъ замѣчательный. Какъ полагаютъ его біографы, онъ происходилъ изъ знатнаго итальянскаго рода, выслѣдшагося въ Голландію во время реформации, но исповѣданію былъ кальвинистъ, и принадлежалъ къ богатой семьѣ, занятой торговыми дѣлами. Онъ родился въ 1587 году, и еще юношей, почти мальчикомъ, онъ былъ посланъ родителями въ Москву, для изученія торговаго дѣла. Онъ прибылъ въ Москву около 1600, прожилъ тогда въ

¹⁾ По объясненію нашихъ географовъ, „Китайское озеро“ (на которое намекаетъ и слово „Kudeisco“ на картѣ Вида) не совсѣмъ лишено смысла въ томъ отношеніи, что, по замѣчанію Миндендорфа, оно должно означать озеро Нордъ-Дзайсангъ или Дзайсангъ, изъ котораго вытекаетъ Иртышъ, такъ что Герберштейнъ могъ принимать Иртышъ за верхнюю часть Оби, и Телецкое озеро, изъ котораго вытекаетъ одна изъ частей Оби, Бія, не можетъ быть принято за Китай-озеро по его незначительной величинѣ (Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Тобольская губернія. В. Звѣринскаго, Спб. 1871, стр. LXI; Замысловскій, Журн. мин. просв. 1891, июнь, стр. 335). Этому объясненію мѣшаетъ только то, что у Герберштейна рѣка Иртышъ означена особо, какъ небольшой притокъ, гораздо сѣвернѣе Китайскаго озера. На картѣ царевича Федора Борисовича, изданной въ Амстердамѣ въ 1614, Камбалыка уже нѣтъ, точно указанъ Тобольскъ, какъ метрополія Сибири, но источникъ Оби все еще служитъ большое Китайское озеро (Kithaica lacus).

²⁾ Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Naarlem, publié pour la première fois, d'après le Mr. hollandais original de 1610, avec d'autres opuscules sur la Russie et des annotations par M. le prince Michel Obolensky et M. le Dr. A. Van der Linde. Bruxelles, 1866, 2 тома. Затѣмъ голландскій текстъ былъ напечатанъ въ „Сказ. иностр. писателей о Россіи“, изд. Археогр. Комм., Спб. 1808, съ нѣкоторыми отличіями, и по обоимъ изданіямъ сдѣланъ переводъ:

— Сказаніи Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археографической Комиссіи. Съ приложеніемъ портрета Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лжедмитрія I. Спб. 1874. (Другихъ статей Массы о Россіи здѣсь нѣтъ).

— Письма Массы изъ Архангельска къ Генеральнымъ Штатамъ (1614, 1616—1618 г.) изданы въ русскомъ переводѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1868, кн. 1, 8.

Россіи восемь лѣтъ, именно во времена Годунова, Лжедмитрія I и Шуйскаго, и былъ свидѣтелемъ московскихъ событій, которыя и описалъ въ своемъ сочиненіи. Издатели голландскаго текста сочиненія Массы указываютъ цѣнность его историческихъ свидѣтельствъ: Масса отличается большою правдивостію и безпристрастіемъ, — притомъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о событіяхъ, онъ сближался съ знатыми людьми и „секретарями“, имѣлъ связи при дворѣ.

Вернувшись изъ Россіи, Масса, повидимому, завершилъ свою книгу: „Краткое повѣствованіе о началѣ и происхожденіи современныхъ войнъ и смутъ въ Московіи, бывшихъ въ непродолжительный періодъ царствованія нѣсколькихъ государей ея, до 1610 года“. Вскорѣ потомъ, именно въ 1614 году, мы опять видимъ его въ Россіи, въ Архангельскѣ и въ Москвѣ, откуда онъ велъ переписку съ генеральными штатами. Рѣчь шла о торговыхъ интересахъ Голландіи, которые ему пришлось защищать не безъ особенныхъ усилій, такъ какъ надо было бороться съ представителями Англіи, которые добивались торговой монополіи для своего отечества. Во второй разъ Масса опять прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ. Въ 1635 году былъ изданъ его портретъ, который остался, кажется, послѣднимъ свидѣтельствомъ для его біографіи.

Возвращаемся къ его трудамъ. Главнымъ изъ нихъ было упомянутое сочиненіе о московскихъ смутахъ первыхъ лѣтъ XVII-го вѣка, но литературная извѣстность Массы начинается съ его другихъ сочиненій. Именно, живя въ Россіи, онъ между прочимъ былъ очень заинтересованъ Сибирью, гдѣ предвидѣлся новый богатый рынокъ для европейской (въ частности, голландской) торговли и находился также путь къ другимъ богатымъ азіатскимъ странамъ. Повидимому, Масса употреблялъ всѣ средства, какія были въ его распоряженіи, чтобы ознакомиться съ Сибирью, исторіей ея открытія и завоеванія, ея топографіей и ведущими туда путями. Русскіе люди того времени отличались вообще большою скрытностію въ подобныхъ вещахъ, подозрѣвая себѣ какой-нибудь ущербъ отъ иностранцевъ, но Масса, живя долго въ Москвѣ, познакомявшись съ русскимъ языкомъ, имѣя, повидимому, не мало друзей между знатыми и дѣловыми людьми, успѣлъ собрать значительныя свѣдѣнія и добылъ даже русскую карту Сибири. Его сочиненія и карты вызвали у новѣйшихъ ученыхъ высокую оцѣнку его географическихъ заслугъ. У насъ первый говорилъ объ этихъ трудахъ Массы знаменитый академикъ Бэръ ¹⁾. На первый разъ Бэръ обратилъ здѣсь вниманіе на изображеніе двухъ моржей, самки и дѣтеныша, по его словамъ прекрасно исполненное

¹⁾ См. Bulletin Scientifique (Академія), tome X, 1842, № 17, ст. 267—271.

по молодому, живому экземпляру и по старому набитому экземпляру, находившимся въ Голландіи въ 1612 году: эти животныя были тогда еще столь мало извѣстны, что Блуменбахъ повторилъ эти изображенія. Теперь Бэръ остановился на самомъ содержаніи книги, важной для исторіи сѣверной Россіи. Позднѣе указалъ ее Аделунгъ въ своемъ обзорѣ иностранныхъ путешественниковъ въ Россію¹⁾, причемъ далъ нѣкоторые указанія о біографіи Массы. Аделунгъ не вполне зналъ эту біографію, не зналъ, напримѣръ, года рожденія этого ученаго голландскаго біографа, которому было всего тринадцать лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Россію и всего двадцать-два года, когда онъ приготовилъ изданіе, составившее, по отзыву Аделунга, большую заслугу для исторіи и географіи Россіи. Эта книжка вышла въ первый разъ въ 1612 г., въ Амстердамѣ, на голландскомъ языкѣ, затѣмъ въ томъ же году въ нѣсколько дополненномъ видѣ на латинскомъ; въ слѣдующемъ году вышло новое, третье, латинское изданіе, которое считается лучшимъ; всѣ книжки очень рѣдки²⁾.

¹⁾ Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Спб. 1846, II, стр. 217—221.

²⁾ Подробное описаніе изданій этой книги Массы сдѣлано въ сочиненіи Фандеръ-Линде и кн. Оболенскаго, II, стр. XII и д.

— Первое голландское изданіе: „Beschryvinghe van der Samoyeden landt in Tartarien. Nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht. Wt de Russche tale overgheset, Anno 1609“. Амстердамъ, 1612.

— Латинское изданіе: Descriptio ac delineatio Geographica, и пр. Амстердамъ, 1612.

— Третье латинское изданіе: „Descriptio ac delineatio geographica Detectionis Freti sive Transitus ad Occasum supra terras Americanas, in Chinam atque Japonem ducturi. Recens investigati ab M. Henrico Hudsono Anglo. Item Exegesis Regi Hispaniae facta, super tractu recens detecto, in quintâ Orbis parte, cui nomen Australis Incognita. Cum descriptione Terrarum Samoiedarum, et Tingoiesiorum, in Tartariâ ad Ortum Freti Waygats sitarum, nuperque sceptro Moscovitarum adscitarum. Amsterdami. Ex Officina Hesselij Gerardi. Anno 1613. (Экземпляръ имѣется въ Академической библіотекѣ).

Во второмъ изданіи, при открытіяхъ въ Австраліи, добавлены слова: per Capiteum Petrum Fernandez de Quir, здѣсь опущенныя. У Аделунга, вмѣсто: transitus ad Occasum, поставлено неправильно: ad Oseanum.

Книжка (3-е изд.), съ помѣтой листовъ, но безъ помѣты страницъ состоитъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, карта сѣвернаго берега отъ Лапландіи до Peibida gesa, въ Сибири, за Енисеемъ, подъ названіемъ: Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt: alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is, съ голландскими подписями и съ табличкой, гдѣ русскія мѣстныя названія переведены по-голландски. На оборотѣ изображеніе корабля и латинскіе стихи: Liber ad Lectorem. Далѣе, стр. 1—2: Ad Lectorem Prolegomena in tractatus sequentes. Затѣмъ вторая карта: „Tabula Nautica, qua representantur orae maritimae meatus, ac freta, noviter a Hudsono Anglo ad Caurum supra Novam Franciam indagata, Anno 1612“—изображеніе Сѣвернаго океана отъ Англіи и Исландіи на востокъ до

Повидимому тогда же сдѣланъ былъ французскій переводъ. Не знаемъ, былъ ли онъ напечатанъ, но рукопись его мы видѣли въ парижской Національной библіотекѣ, пересматривая тамъ (въ 1859) старыя рукописи, относящіяся до Россіи. Получивъ теперь ¹⁾ копію этой рукописи (Ms. № 19474, Collection Dupuy), мы нашли въ ней старый французскій переводъ обѣихъ статей Массы о Сибири, только въ другомъ порядкѣ, сдѣланный по латинскому изданію 1613 года и сокращенный ²⁾. Наконецъ, много позднѣе сдѣланъ былъ и русскій переводъ по какому-то латинскому изданію того же Артхуса, указанный Пекарскимъ и по его мнѣнію сдѣланный полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка ³⁾.

Въ первой статьѣ Массы разсказывается о запятіи русскими Сибири, и любопытно, что здѣсь ни однимъ словомъ не упомянуто о Ермакѣ: событія разсказываются такъ, что занятіе Сибири было дѣломъ Строгановыхъ.

Въ Московіи (говоритъ Масса) есть племя (natio), имя котораго—дѣти Аники (Anicouvi filii, Аниковичи), низкаго происхожденія, ведущее родъ отъ нѣкоего земледѣльца Аники: имѣя много земель

приписано Артхусу изданіе Массы и Герарда, имъ только перепечатанное („Petri Fernandi de Quir descriptio regionum Siberiae quae nuper a Moscis detectae sunt, auctore M. Gotardo Arthursio Dantiscano. Francof., 1613,—очевидно, что „де-Квиръ“ не имѣетъ къ Сибири никакого отношенія; въ книгѣ Ванъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго (II, стр. XIV) нѣмецкимъ переводчикомъ (съ перваго латинскаго изданія) названъ L. Hulsius, подъ которымъ надо разумѣть, вѣроятно, того же Артхусіуса. Первое изданіе его перевода отнесено къ 1614 году, 2-е къ 1637-му. Мы знаемъ эту книжку по экземпляру Публичной Библіотеки:

„Zwölfte Schiffahrt oder kurtze Beschreibung der Newen Schiffahrt gegen Nord Osten über die Amerische Inseln in Chinam und Japponiam, von einem Engelländer Heinrich Hudson newlich erfunden... Beneben... auch kurtze Beschreibung der Länder der Samojeden und Tingoese in der Tartarey gelegen. In Hochteutscher Sprach beschrieben durch M. Gothardum Arthusen von Dantzic. Oppenheim MDCXXVII (Изданіе упомянуто въ „Russica“, II, стр. 265). На стр. 38—48: Beschreibung der landen Siberien и пр. есть переводъ изъ Массы.

Рѣдкость изданій, которыхъ нѣтъ спола въ Публичной Библіотекѣ, оставляетъ пока неясной исторію этихъ изданій.

¹⁾ Черезъ посредство г-жи З. А. В—вой.

²⁾ „1613 Briene Description des chemins qui menent et des fleuves qui passent de la Moscouie vers le Septentrion et l'Orient en la Sibirie“ и пр. И далѣе: „Description des pais de Sibirie Samoiede et Tingoese frequentez par les Moscouites“. При обѣихъ статьяхъ названо имя Массы. Ср. „Сказанія иностр. писателей о Россіи“, изд. Археогр. Комм. Спб. 1868, т. II, стр. VII, прим.

³⁾ Публ. Библіотеки F. IV. № 116. Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, I, стр. 340. 1606 годъ, поставленный на русскомъ переводѣ, повторенъ изъ латинскаго изданія, указаннаго тамъ же Пекарскимъ, но едва ли существующаго: 1606 г. могъ произойти изъ 1609, поставленнаго на первой картѣ Массы. О русскомъ переводѣ скажемъ далѣе.

этотъ Анка жилъ около устья рѣки Вычегды, впадающей въ рѣку Івину... Этотъ богатый Анка, имѣя много дѣтей и наслаждаясь всѣми благами фортуны, былъ одержимъ какою-то алчною страстью узнать, въ какихъ земляхъ и странахъ живутъ тѣ люди, которые каждый годъ приходили въ Москву для торговли драгоценными мѣхами и другими товарами, и совершенно отличались языкомъ, одеждой, религіей и нравами, называя себя самоѣдами и нося различныя имена. Эти народы ежегодно пріѣзжали на рѣку Івину, обмѣниваясь съ русскими и москвитянами товарами всякаго рода, особливо принося на торгъ мѣха, которые нынѣ называемъ вавилонскими*. Анка увидѣлъ, что тѣ страны должны заключать большія богатства, и пославъ туда своихъ людей, поручилъ имъ осмотрѣть тѣ земли и завести дружескія сношенія съ жителями: потомъ отправилъ туда еще больше людей съ малопѣнными товарами, на которые вымѣнивать драгоценные мѣха, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приобрѣлъ громадные богатства, но, чтобы предупредить и обезоружить зависть, онъ рѣшился все открыть своему другу, который пользовался при дворѣ большою милостію, Борису Годунову. Онъ поднесъ Борису подарки и рассказалъ о дѣлѣ, которое могло принести государству большія выгоды. Борисъ наградилъ Анкивичей и далъ имъ отъ имени царя открытое письмо, которымъ предоставилъ въ нихъ вѣчное владѣніе земли, какія они пожелали бы взять. Наконецъ, Борисъ доложилъ обо всемъ царю, а затѣмъ отправилъ въ сибирскія и самоѣдскія земли нѣсколькихъ бѣдныхъ благородныхъ людей, присоединивъ къ нимъ также военныхъ и вмѣстѣ съ людьми Анкивичей велѣлъ имъ подробно описать всѣ дороги, рѣки, лѣса, дружески обращаться съ жителями, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи можно было бы построить укрѣпленія. Такъ это и было исполнено. Самоѣды, увидѣвъ московскихъ людей въ богатыхъ одеждахъ, принимали ихъ за боговъ и подчинились московскому царю. Московскіе посланцы, осмотрѣвъ страну, возвратились въ Москву; на мѣстѣ оставили они нѣсколько человѣкъ для изученія языка, а съ собой въ Москву взяли нѣсколько самоѣдовъ, которые поражены были русскими обычаями и величіемъ царя; они признали его за своего господина и обѣщали склонить къ тому и своихъ земляковъ. Такимъ образомъ Анкивичи чрезвычайно возвысились, а въ новой странѣ построены были въ разныхъ мѣстахъ деревянныя крѣпости, въ которыхъ поставлены солдаты и начали стекаться жители. „И туда посылается теперь такое множество людей, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрались уже города изъ поляковъ, татаръ, русскихъ и другихъ народовъ, перемѣшанныхъ между собою. Потому что туда отправлялись всѣхъ сильныхъ убійцъ, измѣнниковъ, воровъ и тѣхъ, кто

достоинъ смерти; нѣкоторые изъ нихъ оставляются на время въ оковахъ, другіе свободно живутъ нѣсколько лѣтъ, смотря по совершенному преступленію, и такимъ образомъ собрались многочисленныя общества людей, которыя вмѣстѣ съ крѣпостями (острогами) образуютъ цѣлое царство, такъ какъ каждодневно стекаются сюда многіе люди болѣе скуднаго достатка, чтобы воспользоваться предоставленными тамъ льготами. Имя этой странѣ Сибирь¹⁾. Масса прибавляетъ, что это имя уже тогда наводило трепетъ, такъ какъ въ Сибирь ссылались вмѣстѣ съ семействами чиновники, подпадавшіе царскому гнѣву.

Таково вкратцѣ содержаніе перваго сочиненія Массы. Впослѣдствіи оно цѣликомъ повторено было въ извѣстной книгѣ Витзена „Сѣверная и Восточная Татарія“ (1692 и два другія изданія 1705, 1795), откуда было переведено г. Тыжновымъ¹⁾. То обстоятельство, что по этому разсказу занятіе Сибири обошлось безъ Ермака, обратило на себя уже вниманіе Витзена. Стараясь примирить противорѣчіе этого разсказа съ тѣми, гдѣ говорится о подвигахъ Ермака, онъ предлагалъ такое объясненіе, что дѣйствія рода Аники шли съ запада, со стороны Россіи, а дѣйствія Строгоновыхъ и Ермака направлялись отъ восточныхъ странъ и совершались въ одно и тоже время. Но, отдѣливъ Анику отъ Строгоновыхъ, Витзенъ предполагаетъ и другое, что самъ Аника былъ изъ рода Строгоновыхъ (какъ дѣйствительно и было).

„Вопросъ,— замѣчаетъ г. Тыжновъ,—который представлялся для Витзена въ противорѣчіи между повѣствованіемъ Массы и другими, ему извѣстными, для насъ представляется празднымъ, ибо намъ хорошо извѣстно, что Сибирь покорилъ Ермакъ... Очевидно, что побудило Строгоновыхъ донести до царя о своемъ предпріятіи: они обратились къ государству за помощію, не будучи въ состояніи сами вести дѣло собственными средствами... Масса описываетъ колонизацію во время Федора Ивановича и Бориса Годунова. Хотя онъ и говоритъ о первомъ занятіи Сибири, но ясно, что здѣсь дѣло идетъ о вторичныхъ уже движеніяхъ въ эту страну, при упомянутыхъ царяхъ. Эта непрерывно продолжающаяся колонизація была вмѣстѣ съ тѣмъ и непрерывно продолжающимся завоеваніемъ территоріи. Занятіе это подготавливалось и шло сначала путемъ мирной эксплуатаціи, колонизаціи торгово-промышленной, къ которой присоединилась затѣмъ, послѣ покоренія Сибири, колонизація военно-промышленная, получившая въ концѣ перевѣсъ надъ первой. Такимъ образомъ, эти два момента, къ которымъ впослѣдствіи, въ первое время царствованія

¹⁾ „Сибирскій Сборникъ“, 1887, стр. 105—110.

Романовыхъ, присоединился третій, идущій отъ государства — моментъ, такъ сказать, земледѣльческій, составляютъ сущность сибирской колонизаціи въ московскій періодъ русской исторіи. Масса даетъ намъ понять временную раздѣльность первыхъ двухъ моментовъ, но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что первому приписалъ преобладающее значеніе и на его долю отнесъ занятіе Сибири, тогда какъ оно произошло путемъ собственно промышленной колонизаціи. Это произошло потому, что онъ, видя современный ему способъ движенія въ Сибирь, отъ этого способа, современнаго ему, заключалъ къ прошедшему, и отнесъ его къ покоренію Сибири“¹⁾.

Это могло быть, но замѣтимъ, что и въ болѣе позднихъ сибирскихъ лѣтописяхъ, въ разсказѣ о завоеваніи Сибири, историки указываютъ двѣ разныя тенденціи: въ однихъ главная роль приписывается Ермаку, въ другихъ—Строгоновымъ.

Другое сочиненіе Массы—краткое описаніе путей, ведущихъ въ Сибирь, рѣкъ, протекающихъ на сѣверѣ и востокѣ, и списокъ городовъ, основанныхъ москвитянами въ Сибири — есть вообще первое описаніе этого рода въ старейшей литературѣ о Сибири. Это сочиненіе, опять очевидно взятое изъ русскихъ источниковъ, даетъ указаніе путей, какими совершались тогда сообщенія съ Сибирью и перевозка товаровъ. Главными путями были, конечно, рѣки; при этомъ Масса даетъ также описаніе главныхъ городовъ, говоритъ о туземныхъ народахъ и ихъ обычаяхъ, объ управленіи воеводъ, отмѣчая великіе успѣхи московскихъ людей въ занятіи Сибири: „скажу однимъ словомъ,—говоритъ онъ,—москвитяне въ этой странѣ оказали неслыханныя успѣхи, и мы надѣемся еще дальнѣйшихъ (*uno verbo dicam, Moschi in illo tractu incredibiles fecere progressus et ultiores speramus*)“. Онъ отмѣчаетъ также быстрое сліяніе племенъ въ гражданскомъ отношеніи подъ русскою властью. „Въ городѣ Томи (Томскъ, Тоом),—говоритъ онъ, напримѣръ,—и въ Нарымскомъ острогѣ, и въ Сибири находятся многочисленныя племена, которыя называютъ себя остяками, и они уже слились съ татарами, самоѣдами и русскими въ одно тѣло, дружески ведя другъ съ другомъ торговлю золотомъ и другими родами товаровъ... Между рѣками Обью и Иртышемъ построено множество городовъ и крѣпостей, — почти въ то же время какъ строился Тобольскъ, уже изобилующій богатствами, — жители которыхъ суть москвитяне, татары и самоѣды, всѣ мирные (*omnes mansueti*)“ и т. д. Порядокъ описанія — съ запада на востокъ: отъ Соли-Вичегодской Масса доходитъ до Югорскихъ горъ, т.-е. до Урала, на пути упоминая о Камѣ, впадающей въ Волгу, „которая семи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 111.

десятью устьями вливается въ Каспійское море, какъ я слышалъ отъ людей, достойныхъ вѣры, свидѣтелей-очевидцевъ". Онъ даетъ краткое описаніе Урала, затѣмъ сообщаетъ извѣстія о Верхотурѣ (Verghateria): это первый сибирскій городъ, гдѣ правитъ воевода (prorex aut gubernator). Затѣмъ начинаются рѣки сибирской системы: большая рѣка Тѹра, Тоболъ, города Тюмень, Тобольскъ на рѣкѣ Иртышѣ, „очень быстрой на подобіе Дуная"; Сургутъ, Нарымскій острогъ. За Обью слѣдуетъ описаніе Енисея, и путеводитель кончается указаніемъ первыхъ попытокъ русскихъ проникнуть за Енисей. Въ рукахъ Массы была и карта. „Жилъ въ то время въ Москвитинъ братъ одного моего друга, самъ участвовавшій въ этихъ открытіяхъ въ Сибири; этотъ другъ передалъ намъ одну карту, полученную изъ устъ своего брата, нынѣ уже покойнаго, и имъ начерченную, самъ же онъ проплылъ проливъ Вайгачъ и знаетъ всѣ мѣста до рѣки Оби; о положеніи странъ за этой рѣкой онъ узналъ отъ другихъ"... Въ голландскомъ изданіи онъ говоритъ: „Я опишу сколько мнѣ возможно дорогу изъ Россіи въ Сибирь, но я долженъ сказать, что мнѣ было невозможно узнать больше. То, что я знаю, я собралъ съ величайшими усиліями и я обязанъ этимъ дружбѣ нѣкоторыхъ лицъ московскаго двора, которыя изъ расположенія ко мнѣ довѣрили мнѣ эти свѣдѣнія, долго колебавшись прежде, чѣмъ мнѣ ихъ дать. Это могло стоить имъ жизни, потому что русскій народъ крайне недо- вѣрчивъ и не можетъ вынести, чтобы открывали тайны его страны" ¹⁾).

Ко второй половинѣ XVII-го вѣка относится другой своеобразный историческій памятникъ, — описаніе Сибири, на латинскомъ языкѣ, принадлежащее извѣстному Юрію Крижаничу. Безъ имени автора, оно найдено было впервые писателемъ о Сибири Г. Н. Спасскимъ, который издалъ это произведеніе въ 1820 годахъ ²⁾; впоследствии

¹⁾ Pr. Obolensky et Van der Linde, II, стр. XII; I, стр. 284—285.

Списокъ картъ, составленныхъ Массой, приведенъ былъ въ статьѣ Аделунга о старыхъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года (Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches, т. IV, стр. 27), въ его книгѣ объ иностранныхъ путешественникахъ въ Россію, а потомъ подробнѣе въ предисловіи Ванъ-деръ-Линде къ изданію сочиненій Массы, по ихъ взаимное отношеніе, кажется, еще не было опредѣлено. Еще Бэръ въ упомянутой статьѣ 1842 года высказывалъ недоумѣніе: отчего карты, изданныя Массой подъ собственнымъ именемъ и находящіяся въ большинствѣ старыхъ голландскихъ атласовъ, не мало отличаются отъ карты, изданной Гесселемъ Герардомъ? Бэръ предполагалъ, что Масса могъ впоследствии внести въ свои карты новыя наблюденія. Аделунгъ говорилъ потомъ, что не можетъ рѣшить этихъ критическихъ сомнѣній. (Бэръ, Bulletin scientifique, 1842, стр. 271; Adelung, Uebersicht, II, стр. 219.

²⁾ Сибирскій Вѣстникъ, ч. XVII—XVIII, и отдѣльно: „Повѣствованіе о Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ русскійскимъ переводомъ и примѣ-

Романовыхъ, присоединилъ-
ментъ, такъ сказать
ской колонизаціи
намъ понять в
онъ сдѣлалъ
ченіе и на
изшло п
потому,
бирь,
шемъ

съ

переводомъ, Небольсинъ¹⁾,
былъ обследованъ г. Тыж-
въ двухъ спискахъ, и по-
такомъ заглавіи: *[Relatio (или His-*
notitia dictae provinciae et littoris
a portu S. Michaelis Archangeli usque
ad portum S. Catharinae et Orientalis a
Calcuttae. Item de Calmucis Nomadibus et quaedam
notitia de Gemmarum, Metallorum et Alchimistarum frau-
dibus Scripta anno 1861. Aeternum soli gloria tota Deo („Повѣство-
ваніе о Сибири, въ которомъ находятся замѣтки объ этой провинціи
и о берегахъ Ледовитаго и Восточнаго океана отъ порта св. Ми-
хаила Архангела до Китая, также о номадахъ калмыкахъ и нѣко-
торыхъ разсказахъ ювелировъ, металлическихъ дѣлъ ма-
стеровъ и алхимиковъ. Писано въ 1881 году. Богу одному вѣчная
слава“)]. Въ текстѣ упоминается, что авторъ прожилъ въ Сибири пѣ-
снѣтъ пятнадцать лѣтъ; какъ человѣкъ просвѣщенный и любо-
пытный, онъ могъ собрать за это время много свѣдѣній. „По-
вѣствованіе“ разсказываетъ о покореніи Сибири, сообщая при этомъ
новыя оригинальныя данныя, говоритъ о климатѣ страны, ея насе-
леніи, путяхъ сообщенія, промыслахъ, положеніи инородцевъ и пр.
Не видно, чтобы авторъ пользовался какими-нибудь письменными
историческими матеріалами; онъ ссылается только на то, что „удер-
жала слабая память“—т.е. основывался на живыхъ показаніяхъ и
преданіяхъ, что придаетъ „Повѣствованію“ значеніе самостоятель-
наго историческаго источника.

Принадлежность „Повѣствованія“ Крижанину г. Тыжповъ выво-
дитъ изъ сопоставленія указаній, приводимыхъ біографомъ Крижа-
нича, Кукульевичемъ, о сношеніяхъ Крижанича съ извѣстнымъ гол-
ландскимъ географомъ Витзенномъ, и темныхъ указаній г. Безсонова,
что у Крижанича было какое-то сочиненіе о Сибири: приводя изъ
этого сочиненія нѣкоторые извѣстія, г. Безсоновъ—почему-то скрыт-
ничалъ—говорилъ, что онѣ взяты „изъ сочиненія, котораго мы пока
не цитуемъ“. Сличивъ извѣстія Витзена и цитаты г. Безсонова съ
„Повѣствованіемъ“, можно видѣть, что авторомъ *Relatio de Siberia*
былъ именно Крижаничъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ иностраннымъ сочиненіемъ XVII вѣка,

чапіями Григоріемъ Снасскимъ, С.-Петербург. Академія наукъ корреспондентомъ и раз-
ныхъ ученыхъ обществъ членомъ“. Спб. 1822, VIII и 43 стр.

¹⁾ Въ книгѣ: „Покореніе Сибири“, приложение, ст. 89—99.

²⁾ Сибирскій сб. рѣкъ, приложение къ Восточному Обзорѣнію, Спб. 1887, стр.
113 и д. Въ бібліографическихъ указаніяхъ о „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ есть, ка-
жется, ошибка.

асающимися азіатской Россіи, была знаменитая, но тѣмъ не менѣе мало извѣстная книга амстердамскаго бургомистра Николая Витзена (1640—1717). Витзенъ, происходившій изъ богатой голландской фамиліи и прекрасно образованный, увлекся распространеннымъ тогда интересомъ къ малоизвѣстнымъ странамъ сѣвера и востока и, по собственной охотѣ и любознательности, отправился въ Россію, присоединившись частнымъ лицомъ къ голландскому посольству (1664) и провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ. Онъ проѣхалъ Россію до береговъ Каспійскаго моря и на сѣверѣ до границъ Сибири; въ Москвѣ весьма внимательно изучалъ русскую жизнь, съумѣлъ пріобрѣсти дружескія связи, при посредствѣ которыхъ онъ могъ и впослѣдствіи получать новыя свѣдѣнія и дополненія къ своему обширному труду о сѣверной и восточной Татаріи. Книга его на голландскомъ языкѣ: „Noorden en Oost-Tartarye“, и пр., вышла въ первый разъ въ 1692 году, затѣмъ, въ очень распространенномъ видѣ, повторена была въ 1705 и, наконецъ, въ 1785 г. Какъ извѣстно, во время перваго путешествія за границу въ 1697 г., Петръ завязалъ личныя отношенія съ Витзеномъ, который между прочимъ былъ хорошій знатокъ морского дѣла и оказалъ Петру не мало услугъ въ Голландіи. Витзенъ былъ однимъ изъ тѣхъ проводниковъ, которые, какъ упомянуто прежде, перенесли русскія свѣдѣнія о дальнемъ азіатскомъ востокѣ въ западную литературу и дѣлали ихъ достояніемъ географической науки. Сами русскіе были совершенно чужды научному движенію, и какъ Россія съ ея исторіей и географіей дѣлалась извѣстна на западѣ только черезъ Герберштейновъ, Майерберговъ, Олеаріевъ, такъ и свѣдѣнія о Сибири и окрестныхъ земляхъ поступали въ географическое обращеніе лишь въ той степени, насколько онѣ были усвоиваемы западными путешественниками въ Россіи. Какъ мы упоминали, Герберштейнъ повторялъ еще въ половинѣ XVI-го вѣка чистыя басни; теперь въ западную литературу начинаютъ переходить свѣдѣнія документальныя. Такъ, напримѣръ, Витзенъ издалъ въ голландскомъ переводѣ упомянутое выше посольство въ Китай Феодора Байкова 1654 года ¹⁾. Книга Витзена о сѣверной и восточной Татаріи представляетъ огромный сборникъ свѣдѣній географическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ: подъ Татаріей у него разумѣлись земли отъ Каспійскаго моря, Волги и Камы до Тихаго океана. Кромѣ его

¹⁾ Въ „Russica“ Публичной Библіотеки отмѣчено голландское изданіе: „Land-Reys van Saedor Jacowits Boicoof, Uytgesanden voor Ambassadeur van den Czaar van Moscovien, na China, gedaen in het Jaar 1653. Leyden, 1707; — но въ книгѣ Аделаунга (Uebersicht, II, стр. 339—340) указанъ болѣе ранній нѣмецкій переводъ по Витзену, изданный въ Лейпцигѣ въ 1699; указаны также переводы англійскій и французскій.

собственныхъ разысканій, сюда вошли извлеченія изъ другихъ сочиненій, такъ что книга вообще сопоставляетъ громадный, не объединенный матеріалъ. Отдѣлъ книги, посвященный Сибири, по словамъ г. Тыжнова, — „даетъ превосходное географическо-этнографическое описаніе западной части Сибири, примыкающей непосредственно къ Уральскому хребту, описаніе, изъ котораго можетъ почерпнуть не мало цѣнныхъ свѣдѣній и современный этнографъ, изучающій обычаи и первобытную культуру. Нельзя при этомъ не отмѣтить того факта, что въ то время какъ русскіе люди пробавлялись разными допотопными разсказами о сѣверныхъ странахъ, „гдѣ живутъ люди, у коихъ рты на темени, а не говорить, а образъ въ пошлину человѣчь“ (и проч.)—въ то же самое время иностранцы имѣли уже о тѣхъ же сѣверныхъ русскихъ странахъ весьма точныя научныя свѣдѣнія и даже образцы инородческихъ нарѣчій!“

Въ 1685 году въ Россіи былъ іезуитъ Авриль, издавшій потомъ книгу: „Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine“ (Paris, 1693). По словамъ его, нѣкоторыя извѣстія были имъ извлечены изъ бумагъ „московской канцеляріи“: сличенія показали, что эти извѣстія Авриля взяты были изъ книги Спаарія, о которой мы говорили выше. Съ тѣмъ же Спааріемъ знакомъ былъ другой французскій путешественникъ Де-ла-Нёвидь, бывшій въ Москвѣ въ 1689 году ¹⁾. Далѣе, явилась въ голландскомъ переводѣ упомянутая выше „Роспись китайскому государству“ казака Ивана или Ивашки Петлина (1618—1620 года). не только въ то время, по и долго послѣ неизвѣстная въ самой русской печати ²⁾, какъ не были извѣстны ни Байковъ, ни Спаарій.

Путешественники XVII-го вѣка, заѣзжавшіе въ Москву, уже слышали кое-что о Сибири, а нѣкоторые изъ нихъ и сами бывали въ ней. Изъ такихъ путешественниковъ долженъ быть упомянуть въ концѣ XVII-го вѣка голландецъ Исбрантъ Идесъ, который въ 1692 г. посланъ былъ царями Иваномъ и Петромъ въ Китай опять для утвержденія торговыхъ сношеній; въ своей книгѣ онъ подробно описываетъ также и свой путь отъ Москвы черезъ Сибирь до китайской границы; здѣсь заключается не мало любопытныхъ свѣдѣній, которыя были новы въ тогдашней литературѣ, хотя позднѣйшіе изслѣдователи находили у него ошибки, напр., въ описаніяхъ сибирской природы ³⁾. Спутникомъ Исбранта Идеса былъ Адамъ Брандъ, который

¹⁾ Его „Relation curieuse et nouvelle de Moscovie“ вышла въ Парижѣ, 1699. См. Пекарскаго, тамъ же, I, стр. 341—342.

²⁾ Evesko Petelin et Andrasko, Voyage na Tartaryen en Cathay, of China, gedaan uyt Moscovien in het Jaar 1619. Leyden, 1707.

³⁾ Книга его вышла на голландскомъ языкѣ: „Driejaarige Reize naar China, te

также издалъ описаніе этого путешествія, кажется, первоначально на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾).

Любопытно, что эта иностранная литература о Россіи и Сибири стала, наконецъ, проникать и къ намъ въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка. Мы не разъ указывали, что потребность въ новомъ образованіи стала обнаруживаться еще задолго до реформы, которая потомъ положила ему первыя прочныя основанія; любознательность къ наукамъ политическимъ, къ исторіи и географіи выразилась появленіемъ, съ конца XVII-го столѣтія, большого числа рукописныхъ переводовъ книгъ по этимъ отдѣламъ,—и между прочимъ, были переводимы и книги о самой Россіи. Такъ, напримѣръ, переведена была книга Олеарія ²⁾ и затѣмъ и книжка Исаака Массы съ перевода Артхуса ³⁾: за недостаткомъ своихъ книгъ о Россіи и Сибири, обращались къ чужимъ сочиненіямъ о собственной странѣ, и въ то время уже конечно устарѣлымъ.

lande gedaan door den Moskowischen Afgezant E. Ysbrants Ides van Moskou af, over groot Ustiga, Siriania, Permia, Sibirien, Daur, groot Tartaryen tot in China, и проч. Амстердамъ 1704 и др. изд.; былъ нѣмецкій переводъ и англійскій. Кромѣ того было, кажется, сокращенное нѣмецкое изложженіе еще до выхода голландскаго изданія (Ср. Аделунга, II, 375—383 и Russica, s. v. Mentzelius).

¹⁾ A. Brand, Beschreibung seiner gro-ven chinesischen Reise, etc. Frankfurt 1697 и др.; переводы французскій, голландскій, латинскій. Другія подробности относительно этой иностранной литературы XVII вѣка о Сибири см. въ упомянутой статьѣ Н. Н. Тыжнова: Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI (читай: XVII) вѣка („Сибирскій Сборникъ“, подъ редакціей Н. М. Ядринцева, Спб. 1887, и другой выпускъ этого сборника подъ ред. В. А. Ошаркова, Иркутскъ, 1890).

²⁾ „О новой персидской вѣдѣ описаніе“. Въ „Персидскомъ путешествіи“ Олеарія именно включено описаніе Россіи.

³⁾ „Индіи восточной часть седьмая, плаваніи двѣ содержащая.. составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ гдашаниномъ (т. е. данцигцемъ) вся преизящѣйшими на мѣди изображенными иконами объясненна и свѣту преданна.. року 1606“. Рукопись Публ. Библиотеки F. IV. № 1 6. Переводъ, по замѣчанію Чекарскаго, сдѣланъ полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка („Наука и литер.“ I, стр. 340). Здѣсь находится и описаніе Сибири: „Повѣстное описаніе королевствъ Сѣберія, Самодіи и Тингоезіи (!). вкупѣ съ путешествіями отъ Москвы до востоку и полнощпой страны тамо проводящими зане презъ оніе московскій народъ всегда переходить“.

Эта „Тингоезія“ неизвѣстно повторяется въ переводахъ Массы, наконецъ и въ русскомъ! Но по-голландски ое произносится за у, и рѣчь идетъ здѣсь о тунгусѣхъ.

ГЛАВА II.

Восемнадцатый вѣкъ.—Ученныя экспедиціи.

Историческое значеніе занятія Сибири.—Результаты его для распространенія географическихъ знаній и другихъ научныхъ изслѣдованій.—Первыя научныя работы при Петрѣ.—„Геодезисты“ въ Tobольскѣ и въ Камчаткѣ.—Мессершмидтъ.—Таббертъ-Штраленбергъ.—Григорій Новицкій.—Путешествія Беринга.—„Вторая камчатская экспедиція“: Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, Делиль, Фишеръ, Стеллеръ, Крашенинниковъ.—Георгъ Гмелинъ и его книга.

Съ всеннадцатымъ вѣкомъ открывается новый періодъ сибирскихъ изслѣдованій, когда онѣ въ первый разъ становятся на научную почву.

До послѣдняго времени все еще не опредѣлено съ точностью какъ историческое положеніе новыхъ земель въ общемъ ходѣ русской жизни, такъ и значеніе нашего открытія Сибири для распространенія географическихъ знаній. Этотъ вопросъ излагался недавно по поводу (весьма скуднаго) празднованія 300-лѣтія завоеванія Сибири Ермакомъ, и мы читали, напримѣръ, слѣдующее: „Съ занятіемъ русскими Амура,—говорилъ одинъ изъ нашихъ историковъ,—новая область на сѣверѣ Азіи, вошедшая въ составъ московскаго государства подъ общимъ названіемъ Сибири, почти достигла своихъ естественныхъ предѣловъ: исторической дѣятельности русскаго народа открылось новое великое поприще; явились новые неизсякаемые источники матеріальныхъ средствъ, и еще невѣдомая образованному міру значительная часть азіатскаго материка выступила изъ мрака неизвѣстности. Сибирь стала частію всемірной области, и это событіе имѣетъ *такое же всемірно-историческое значеніе*, какъ и открытіе западно-европейскими народами новыхъ земель въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го в. Занятіе русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земного шара, совершившееся въ продолженіе всего только

70 лѣтъ, составляетъ явленіе въ высокой степени замѣчательное, можно сказать, безпримѣрное, если мы примемъ во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизаціонное движеніе въ смутную эпоху и долгое время послѣ того, если примемъ далѣе во вниманіе тѣ, по истинѣ ничтожныя, средства, какими могла располагать московская Русь для водворенія и поддержанія своихъ необъятныхъ владѣній на востокѣ. На занятіе Сѣверной Америки культурные народы Западной Европы должны были употребить больше времени¹⁾. Очевидно, однако, что занятіе Сибири русскими въ XVI—XVII-мъ столѣтіи не имѣло такого *всемирно-историческаго* значенія, какъ открытіе Нового Свѣта въ XV—XVI-мъ столѣтіи, какъ можно судить по культурному состоянію этихъ странъ. Что касается безпримѣрности быстрого занятія русскими громадныхъ сибирскихъ пространствъ, то дѣйствительно предпримчивость сибирскихъ людей, небольшими партіями совершавшихъ далекіе походы въ неизвѣстныя страны и покорявшихъ по дорогѣ туземныя племена, плававшихъ по неизвѣстнымъ сѣвернымъ морямъ и, между прочимъ, задумавшихъ однажды присоединеніе Китайской имперіи, бывала перѣдко по истинѣ изумительна; но съ другой стороны надо вспомнить, что этимъ людямъ, — большая часть которыхъ была воспитана въ школѣ стариннаго удалства казацкой вольницы или руководилась промышленною алчностью, — приходилось имѣть дѣло съ разбросанными полудикими или совсѣмъ дикими племенами, представлявшими только весьма слабое сопротивленіе. Страна была населена очень рѣдко; въ каждомъ данномъ пунктѣ, русскіе, съ ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, могли имѣть явный перевѣсъ, и туземцы предпочитали откупаться ясакомъ, который и удовлетворялъ побѣдителей. Полудикое состояніе народовъ, покоренныхъ въ XVII-мъ столѣтіи, въ громадномъ числѣ случаевъ осталось неизмѣннымъ и до сей минуты: этимъ объясняется ничтожество средствъ, съ которыми могла утверждаться здѣсь московская власть въ XVII-мъ столѣтіи, какъ съ другой стороны оно говоритъ объ ограниченности культурнаго значенія факта, которое такъ преувеличиваетъ упомянутый историкъ.

Гораздо проще и въ сущности вѣрнѣе говорилъ о значеніи пріобрѣтенія Сибири одинъ изъ старыхъ сибирскихъ историковъ и патриотовъ — Спасскій. Онъ также сравниваетъ значеніе открытій Сибири для Россіи съ открытіями въ Новомъ Свѣтѣ по ихъ отношенію къ европейской жизни, но главное видитъ просто въ умноженіи матеріальныхъ средствъ государства: „пріобрѣтеніе Сибири столь же

¹⁾ Журн. мин. просв., 1882, октябрь, стр. 248.

важно для *Россіи*, а можетъ быть и болѣе, сколько важно было открытіе Новаго Свѣта для всей Европы... Съ открытіемъ Сибири всѣ силы государственныя окорепилися; финансы воспріяли вѣрное свое начало; золото и серебро Колыванское поддерживали ихъ; мѣдь Екатеринбургская какъ ходячую монету, такъ и артиллерію привела въ живѣйшее движеніе; желѣзо защищало грудь ратоборцевъ русскихъ и помогло низвергнуть подобнаго Батюю врага нашего отечества. Нечего говорить уже о драгоцѣнностяхъ и рѣдкостяхъ Сибири: вазы и канделябры изъ яшмы, порфира и малахита, рукою русскихъ художниковъ отдѣланные и въ залахъ палатъ царскихъ стоящіе, удивляютъ чужеземныхъ путешественниковъ. Науки, при благодѣтельномъ на нихъ вліяніи монарховъ нашихъ, распространили сферу свою и показали чрезъ сдѣланныя, какъ въ прошедшее столѣтіе, такъ и въ началѣ нынѣшняго, экспедиціи великое приращеніе—и Европа наблюденіями русскихъ пользуется“ ¹⁾.

Итакъ, главная польза была чисто матеріальная; что касается науки, то ея „приращенія“ являются только съ XVIII-го вѣка, когда у насъ введена была школа изъ европейскаго источника, и „приращенія“ въ первый разъ сдѣланы были въ особенноти при посредствѣ иностранныхъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательныя открытія сибирскихъ казаковъ и промышленниковъ XVII-го вѣка оставались только практическимъ свѣдѣніемъ мѣстныхъ жителей и воеводъ, и канцелярской тайной сибирскаго приказа (который съ 1637 учрежденъ былъ для управленія Сибирью, до того времени находившеюся въ вѣдѣніи посольскаго приказа), но оставались мертвымъ капиталомъ для науки. Приобрѣтенное знаніе края было чисто эмпирическое, не собранное ни въ какое точное цѣлое, и не мудрено, что сдѣланныя открытія приходилось потомъ дѣлать вновь, какъ, напр., составлять вновь карты Сибири, открывать во второй разъ Беринговъ проливъ, не говоря о томъ, что въ XVIII столѣтіи приходилось въ первый разъ дѣлать физическія описанія страны и т. д.

Въ началѣ настоящаго труда было сказано о томъ, какъ вообще только съ Петра Великаго начинается первое примѣненіе научнаго знанія къ изученію русской земли и народа ²⁾, и о томъ, какъ въ то время начаты были и первыя изслѣдованія Сибири: петровскіе „геодезисты“ и „навигаторы“ еще при жизни его пачали свои изслѣдованія, которыя разрослись потомъ въ длинный рядъ экспедицій, исполненныхъ въ теченіе XVIII-го столѣтія. Еще въ XVII столѣтіи московское правительство предпринимало „чертежъ“ сибирской земли;

¹⁾ Сибирскій Вѣстникъ, 1818, I, стр. 9—10.

²⁾ Томъ I, глава III.

этотъ первый чертежъ даже не сохранился, но во всякомъ случаѣ въ правильномъ видѣ онъ сталъ возможнымъ только со времени геодезистовъ и навигаторовъ, когда впервые стали дѣлаться астрономическія опредѣленія мѣстностей. Только съ этихъ поръ начинается правильная картографія Сибири и знаніе сѣверной половины азіатскаго материка становится достояніемъ науки.

Историки Петра Великаго замѣчаютъ, что съ того времени, когда онъ побывалъ въ Парижѣ, познакомился съ тамошними учеными и былъ избранъ въ члены французской Академіи, у насъ въ особенности начались опыты самостоятельныхъ географическихъ изслѣдованій, собраніе по естественной исторіи и т. п. Въ числѣ первыхъ были опыты изслѣдованій Сибири. Въ 1719 г. отправлено было два геодезиста въ Тобольскъ и въ Камчатку; между прочимъ было имъ поручено разыскать — „сошлася ли Америка съ Азіею, что надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать, не только Зюйдъ и Нордъ, но и Ость и Востъ, и все на картѣ исправно поставить“. Такимъ образомъ результатъ, добытый старыми плаваніями XVII-го вѣка, особливо плаванія Дежнева, былъ забытъ или же не внушалъ довѣрія. Геодезисты измѣряли, плавали около Камчатки и по Охотскому морю, но на первый разъ не разрѣшили поставленнаго имъ вопроса. Петръ составилъ инструкцію для новаго путешествія съ тою же цѣлію, но она была выполнена только послѣ его смерти экспедиціею Беринга, открывшаго проливъ между Азіею и Америкою. Еще при жизни Петра снаряжено было другое ученое путешествіе въ Сибирь, исполнителемъ котораго былъ ученый докторъ Даниилъ-Готлибъ Мессершмидтъ (1685—1735), вызванный изъ Германіи. Какъ многіе другіе изслѣдователи того времени, Мессершмидтъ былъ большой энциклопедистъ: медикъ по профессіи, онъ примѣнилъ въ сибирскихъ изслѣдованіяхъ свои обширныя знанія—онъ былъ и натуралистъ, и географъ, и ориенталистъ, и археологъ. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ мы отчасти указали его труды въ теченіе семилѣтнихъ странствованій въ Сибири: самъ онъ не успѣлъ издать ихъ и впослѣдствіи ими воспользовался знаменитый Палласъ. Мессершмидтъ былъ первый въ ряду западныхъ, именно нѣмецкихъ ученыхъ, которые въ XVIII-мъ вѣкѣ съ честью послужили изслѣдованію далекой страны, сопряженному тогда еще несравненно больше, чѣмъ въ повѣйшее время, съ великими трудностями, какія полагала и суровая природа, и довольно дикіе нравы тогдашняго быта и администраціи. За недостаткомъ сколько-нибудь образованныхъ людей изъ русскихъ, Мессершмидтъ нашелъ себѣ помощниковъ между плѣбными шведами, которыхъ было много выслано

¹⁾ Томъ I, стр. 82—84.

въ Сибирь въ теченіе Сѣверной войны. Одинъ шведъ, Бушъ, помогаль уже геодезистамъ, посланнымъ въ Камчатку; знаніями плѣнниковъ пользовались и начальныя люди въ Сибири. Въ 1720 году, въ Тобольскѣ, Мессершмидтъ просилъ, чтобы дали ему въ помощь шведскихъ плѣнныхъ: онъ ссылаясь, что четырехъ человекъ взялъ Измайловъ, посланный въ Китай, что одного шведскаго штыкъ-юнкера взяли къ артиллеріи, и что ему самому „не про свою нужду требовать, по его царскому величеству къ лучшему устроенію, а изъ русскихъ таковыхъ людей не обрѣтается“. Въ слѣдующемъ году онъ опять просить, чтобы ему дали за поруками въ помощники, если гдѣ-нибудь „нѣмецкій плѣнникъ обрящется и со аптекарскими вещми удобное обхожденіе знаетъ“, — „а отъ здѣшняго націона таковыя спомогатели не обрящутся“. Такіе помощники и „плѣнные хлопцы“ изъ шведовъ у него и бывали. Въ одномъ изъ шведскихъ офицеровъ онъ нашелъ себѣ не только знающаго сотрудника, но и вѣрнаго друга. Это былъ Филиппъ-Іоаннъ, по русски Иванъ Филипповичъ, Таббертъ, штральзундскій уроженецъ, взятый въ плѣнъ послѣ полтавской битвы и прожившій съ тѣхъ поръ въ Сибири до заключенія мира съ Швеціею; вернувшись домой, Таббертъ получилъ дворянское званіе и фамилію Штраленберга, подъ которой онъ приобрѣлъ потомъ извѣстность въ литературѣ.

Во время пребыванія въ Сибири Штраленбергъ собралъ много матеріала о положеніи края и вмѣстѣ о событіяхъ русской исторіи, кромѣ того составилъ послѣ многихъ препятствій карту Сибири, которая очень понравилась Петру Великому. Послѣ Ништадтскаго мира Штраленбергъ приступилъ къ изложенію собранныхъ свѣдѣній и въ 1730 году издалъ книгу, которая пользовалась въ XVIII-мъ вѣкѣ большою извѣстностью ¹⁾. Въ 1724 году познакомился съ нимъ въ Стокгольмѣ извѣстный историкъ Татищевъ, посланный тогда съ разными порученіями въ Швецію; Татищевъ писалъ въ Петербургъ, что Штраленбергъ просить позволенія посвятить свое сочиненіе о Сибири имени русскаго императора и, не получивъ отвѣта, позднѣе опять писалъ, что „описаніе Сибири безъ всякой противности состоитъ и паче къ славлѣ и пользѣ Россійской; въ предисловіи же Штраленбергъ обѣщаетъ великія дѣла покойнаго государя изобразить,

¹⁾ Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historischgeographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellt etc. von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm 1730. Было потомъ другое изданіе въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: Historie der Reisen in Russland; затѣмъ были переводы англійскій 1738, французскій 1757 и испанскій 1780; русскаго перевода не было.

въ чемъ и я, колико разумѣю, трудъ свой приложу". Устряловъ полагалъ, что Татищевъ дѣйствительно прилагалъ свою руку къ труду Штраленберга, который первоначально былъ расположенъ больше въ пользу Петра Великаго, но что когда согласія на упомянутое посвященіе не послѣдовало и Штраленбергъ обманулъ въ ожиданіи награды отъ русскаго двора, онъ сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи перемѣны, и Устряловъ склонился къ мнѣнію Голикова, который называлъ Штраленберга злобнымъ клеветникомъ. Другіе не раздѣляютъ этого взгляда и напротивъ отдають справедливость богатству новыхъ свѣдѣній, какія были въ первый разъ даны въ книгѣ Штраленберга о далекихъ странахъ, въ то время почти неизвѣстныхъ въ Европѣ¹⁾. Надо сказать, однако, что книга Штраленберга имѣла и свои крупныя недостатки; напр., не зная хорошенько русскаго языка, онъ беретъ за филологическія толкованія, которыя выходили уродливыми.

Раньше Штраленберга, въ 1715 г., исполненъ былъ одинъ русскій и довольно замѣчательный трудъ по описанію Сибири, который могъ бы служить къ „приращенію“ науки, но онъ изданъ былъ только въ 1884 г. Это — „Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ“, составленное Григоріемъ Новицкимъ. Новѣйшій издатель сообщилъ о немъ такіа біографическія свѣдѣнія: какъ видно изъ самаго „Описанія“, авторъ былъ малороссіянинъ и человѣкъ книжный и, судя по его витіеватой риторикѣ, пропедшій высшую школу, вѣроятно кievскую Академію; старѣйшій извѣстный списокъ сочиненія, теперь изданный, писанъ малороссійскимъ почеркомъ и пересыпанъ тѣми особенностями книжнаго языка и правописанія, которыя отличаютъ малорусскихъ книжниковъ прошлаго вѣка. Новицкій попалъ въ Сибирь не по доброй волѣ: въ предисловіи онъ говоритъ о себѣ, какъ о „странникѣ бѣдствующемъ и пришлецѣ“, котораго привели въ Сибирь „по желанію любопытства, ниже о всякихъ вещахъ искательство видѣнія“, а напротивъ „брани смущенія междоусобныя и временъ злосключеніе предаша неволѣ“, т.-е. предали его неволѣ смутныя тогдашнія событія въ Малороссіи. Въ дѣлахъ копсистерскаго архива въ Тобольскѣ найдено указаніе, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ пятнадцатью другими лицами, относится къ 1712 году; въ Сибири онъ пользовался покровительствомъ тогдашняго тобольскаго губернатора, князя М. П. Гагарина, и митрополита Филофея, и сопровождалъ послѣдняго въ путешествіяхъ къ остякамъ и вогуламъ, предпринятыхъ для обращенія ихъ въ христіанство: это знакомство съ сибирскими инородцами и дало поводъ къ „Описанію“. Впослѣдствіи,

¹⁾ Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго“, т. I, стр. LXXXIII—LXXV; Пекарскій, тамъ же, стр. 354—355.

при митрополитѣ Антоніѣ (Стаховскомѣ), преемникѣ Филовея, Новицкій назначенъ былъ въ Кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остояками принятаго христіанства, — и здѣсь онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ священникомъ когда-то послѣ 1720 года ¹⁾).

Эти данныя дополняются другими разысканіями. Григорій Новицкій былъ сынъ „охочекомоннаго“ полковника Ильи Новицкаго, игравшаго видную роль во внутреннихъ малороссійскихъ дѣлахъ конца XVII-го вѣка и умершаго, какъ полагаютъ, около 1700 года. Григорій Новицкій получилъ, по тогдашнему, весьма старательное воспитаніе и учился (кажется, въ послѣднихъ годахъ XVII-го столѣтія) въ кіево-могилянской Академіи. Впослѣдствіи и онъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ, вѣроятно того же полка, гдѣ начальствовалъ его отецъ. Когда Мазепа совершилъ свою измѣну, за нимъ въ числѣ другихъ послѣдовалъ и Новицкій, вѣроятно увлеченный своимъ своякомъ Орликомъ (жены ихъ были родныя сестры). Мазепа назначилъ его своимъ „резидентомъ“ при великомъ коронномъ гетманѣ Сѣпьявскомѣ, и отсюда Новицкій уже въ началѣ 1709 года писалъ Головкину, принося повинную. Новицкому позволили вернуться, но тогда же сослали его въ Сибирь ²⁾. Обстоятельства его жизни въ Сибири выше указаны.

Сочиненіе Новицкаго сопровождается обычными принадлежностями стариннаго малороссійскаго писательства: длинное витіеватое заглавіе, потомъ обращеніе къ патрону, предисловіе къ читателю, высокопарная реторика въ изложеніи, вставленныя въ текстъ силлабическія вирши. Патрономъ былъ упомянутый князь Гагаринъ, тогдашній сибирскій губернаторъ ³⁾: судя по словамъ Новицкаго, это былъ таковой благодѣтель человѣчества, что его великія заслуги могли бы наполнить славой всю подсолнечную ⁴⁾. Надо думать, что эти

¹⁾ См. предисловіе Л. Н. Майкова къ изданію „Описанія“, Спб. 1884, стр. IV — V.

²⁾ Киевская Старина, 1885, іюль, стр. 455 — 456. Мѣстомъ ссылки указывается здѣсь Березовъ; но, по Костомарову („Мазепинцы“, Р. Мысль, 1883, кн. II, стр. 165), Новицкій съ пятнадцатью казаками былъ сосланъ въ Tobольскъ и тамъ повелъ станъ въ службу. Новѣйшія извѣстія говорятъ, что потомки Новицкаго и теперь живутъ около Березова, паселя почти исключительно одно изъ тамошнихъ селъ и эксплуатируя окрестныхъ остояковъ. „Природа и Охота“, 1878, № 2, ст. Полякова, стр. 47.

³⁾ Въ предисловіи г. Майкова онъ называется Миханомъ, въ дѣйствительности онъ назывался Матѣемъ; въ Tobольскъ онъ былъ назначенъ въ 1710 году.

⁴⁾ Вотъ, напимѣръ, первыя строки сочиненія Новицкаго:

„Величество преславныхъ и превеликихъ дѣлъ снѣтствъ вашего, еже все православіе, всю подсолнечную неописаннымъ, необъемлемымъ наполни торжествомъ: не моего псуодства бысть се могутство достойно изобразити, еже нынѣ съ рабѣшнымъ преклопеніемъ егда приношу, сумнѣнія и ужаса исполненъ: яко недовольно

льстивия восхваленія требовались автору для обезпеченія милостей губернатора, очень нелишнихъ въ его положеніи, — на дѣлѣ уже вскорѣ оказалось, что дѣянія этого благодѣтеля потребовали строгаго слѣдствія и суда. Въ 1719 году оберъ-фискаль доносилъ сенату о разореніи и грабежѣ, происходящихъ отъ губернатора сибирскому народу; въ томъ же году „его царское величество изволилъ приказать о немъ, Гагаринѣ, сказывать въ городахъ сибирской губерніи, что опъ, Гагаринъ, плутъ и недобрый человѣкъ, и въ Сибири уже ему губернаторомъ не быть“; на его мѣсто назначенъ былъ князь Черкасскій, а надъ Гагаринымъ шелъ судъ, приговорившій его въ 1721 году къ смертной казни, которая и была исполнена въ Петербургѣ.

Послѣ предисловія къ читателю изложеніе Новицкаго начинается опредѣленіемъ границъ сибирскаго государства, исчисленіемъ его народовъ и естественныхъ богатствъ, краткими историческими свѣдѣніями; затѣмъ идетъ обстоятельное по тому времени описаніе правовъ, обычаевъ и суевѣрій сибирскихъ инородцевъ, наконецъ извѣстіе о крещеніи остяковъ и вогуличей. Сочиненіе Новицкаго давно было извѣстно любителямъ сибирской исторіи; его знали Спасскій, Словцовъ, Абрамовъ (въ 1840-мъ году выславшій въ Петербургъ списокъ этого сочиненія); еще во второй половинѣ прошлаго вѣка сочиненіемъ Новицкаго пользовался тобольскій ящикъ Илья Черепановъ, авторъ „Новой сибирской лѣтописи“. Но когда у насъ это сочиненіе ходило только въ рукописи, оно успѣло попасть въ печать у пѣмцевъ: уже въ 1717 году имъ воспользовался плѣнный шведъ, или нѣмецъ, драгунскій капитанъ Мюллеръ, проживавшій одновременно съ нимъ въ Tobolskѣ. Мюллеръ почти цѣликомъ перевелъ сочиненіе Новицкаго въ статьѣ: „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiaken“, которая приложена была къ извѣстной книгѣ Вебера „Das veränderte Russland“, 1721. Такимъ образомъ и здѣсь любознательность иностранныхъ писателей опережала распространеніе русской книги, которая въ подлинникѣ издава была у насъ только въ 1884 году.

Новый періодъ сибирскихъ изслѣдованій начинается съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Первое путешествіе Беринга на крайній во-

---

есть противъ величества дѣлъ сѣятельства вашего, сіятелнѣйшій и благороднѣйшій князь, усумнѣлся въ истину: паче же постыдѣться подобаетъ мнѣ, яко неудобство мое малѣйшымъ сямъ дерзну изобразити начертаніемъ толь преславная дѣла, толикое сихъ величіе, еже не у миру вмѣстимо есть: тако убо простресея, тако превзыйде и превознесесе, яко вся наполни церкви веселіемъ, православіе вождѣлнымъ благополучіемъ, благочестіе умноженіемъ, и вся стихія, земля, небо неизреченнымъ наполни торжествомъ“ (!) — и такъ далѣе.

стокъ Сибири закончено было въ 1730 году ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ, очевидно подъ вліяніемъ еще неостывшей памяти плановъ Петра Великаго, задумана была такъ-называемая *Вторая камчатская экспедиція*, въ исполненіи которой приняла участіе только-что основанная Академія наукъ. Одна часть экспедиціи, подъ управленіемъ Беринга, должна была совершать плаваніе отъ Камчатки къ берегамъ Америки, другая должна была отправиться черезъ Сибирь въ Камчатку сухимъ путемъ. Это было знаменитое академическое путешествіе, начавшееся въ 1733 и оконченное въ 1743 году и въ которомъ приняли участіе Іоаннъ-Георгъ Гмелинъ какъ натуралистъ, Герардъ-Фридрихъ, или Ѳеодоръ Ивановичъ Миллеръ какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, Делиль-де-ла-Кроейръ какъ астрономъ, даѣе студентъ академіи Крашенинниковъ и присоединившіеся потомъ профессоръ Фишеръ и адъютантъ Стеллеръ. При экспедиціи кромѣ Крашенинникова было еще четыре русскихъ студента, четыре землемѣра, переводчикъ, рисовальщикъ, живописецъ и инструментальный ученикъ. Это была вообще одна изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ экспедицій, какія предпринимались для изслѣдованія Сибири. Путешествіе въ то время соединялось съ большими затрудненіями: изслѣдователи должны были почти все наблюдать и разыскивать въ первый разъ; самыя категорическія предписанія изъ Петербурга къ мѣстнымъ властямъ о содѣйствіи трудамъ экспедиціи не избавляли путешественниковъ отъ крупныхъ и мелкихъ хлопотъ, и, несмотря на то, въ трудахъ экспедиціи остались замѣчательныя изслѣдованія, которыя положили начало дальнѣйшимъ изысканіямъ сибирской природы, этнографіи и исторіи. Не входя въ подробности этихъ ученыхъ изслѣдованій, отмѣченныхъ нами раньше, остановимся на тѣхъ-которые стороны этихъ путешествій. Итакъ, путешественники распредѣлили между собой предметы наблюденій по своимъ спеціальностямъ. Трудami своего недавняго предшественника Мессершмидта они воспользоваться не могли, такъ какъ эти труды въ то время еще не были приведены въ порядокъ и изданы. Такимъ образомъ участники „второй камчатской экспедиціи“ снова въ первый разъ должны были приступить къ предметамъ своихъ изысканій. Все это были тогда люди молодые: Миллеру было 28 лѣтъ, Гмелину 24 года, Крашенинникову былъ 21 годъ; одинъ Делиль былъ человѣкъ старѣй. Путешественники съ великою ревностью отдавались своему дѣлу

¹⁾ Исторія плаваній Беринга изложена была въ старой книгѣ Василя Беринга: „Первое морское путешествіе Россіянъ“ и пр. (1 пб. 1823) Эта книга подновлена нѣкоторыми новыми подробностями въ сочиненіи В. Вахтина: „Русскіе труженники моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Европою“. Спб. 1890.

и среди неудобствъ работы собрали драгоцѣнный матеріалъ, какъ и въ послѣдствіи это удавалось немногимъ. Миллеръ усердно работалъ въ сибирскихъ архивахъ и собралъ массу документовъ, которые послужили для его историческаго труда о сибирской исторіи, продолженнаго Фишеромъ, и которые служили потомъ многимъ другимъ ученымъ и не исчерпаны до сихъ поръ ¹⁾. Гмелинъ составилъ классическую книгу о сибирской флорѣ и нѣсколько томовъ путешествія, о которомъ упомянемъ далѣе. Крашенинниковъ написалъ сочиненіе о Камчаткѣ, которое надолго осталось авторитетнымъ источникомъ свѣдѣній объ этой странѣ и было нѣсколько разъ переведено на англійскій, нѣмецкій, французскій и голландскій языки. Путешествіе, однако, не дешево досталось экспедиціи. Делиль умеръ въ Камчаткѣ отъ цыги въ 1741 году; Стеллеръ, о которомъ остались самые сочувственные отзывы, умеръ на возвратномъ пути въ Россію; въ 1739 умеръ въ Енисейскѣ переводчикъ экспедиціи Илья Яхонтовъ, котораго Гмелинъ оплакивалъ какъ усерднаго сотрудника и достойнаго человѣка.

„Описаніе Камчатки“ Крашенинникова, умершаго въ 1755 году, когда былъ отпечатанъ послѣдній листъ его книги, было величайшею новостью для тогдашней ученой литературы. Это былъ первый разсказъ о странѣ, совершенно неизвѣстной, которая не бывала наблюдаема натуралистомъ, и описаніе ея являлось настоящимъ открытіемъ: этимъ объясняется живое любопытство, какое возбудила она въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Книга Крашенинникова составлена въ самомъ дѣлѣ весьма обстоятельно, и до сихъ поръ многія части ея могутъ быть прочитаны съ интересомъ. Крашенинниковъ долженъ былъ предполагать полное отсутствіе свѣдѣній объ описываемой имъ странѣ, и потому онъ сообщаетъ о ней извѣстія очень разностороннія. Много мѣста удѣлено описанію топографическому, опредѣленію границъ, подробному исчисленію рѣкъ и ихъ теченія, горъ, озеръ, окрестныхъ острововъ, флоры и фауны; онъ говорилъ далѣе о свойствахъ почвы и ея произведеніяхъ, объ огнедышущихъ горахъ, климатическихъ условіяхъ, наконецъ о жителяхъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ, промыслахъ и т. д. Наблюдательность автора распространялась, какъ видимъ, на самые разнообразныя предметы, и его замѣчанія отличаются обыкновенно большою точностью и простотою.

Гмелинъ, по возвращеніи изъ сибирскаго путешествія, не долго оставался въ Петербургѣ и вернулся въ Германію, гдѣ ему была предложена профессура въ Тюбингенѣ; онъ умеръ въ 1755 году.

¹⁾ Еще въ послѣдніе годы матеріалы Миллера не были исчерпаны, и ими пользовался г. Буцинскій въ своей книгѣ: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. Харьковъ, 1889 (см. предисловіе).

Уже за границей онъ издалъ дневникъ своего путешествія, который исполненъ множества любопытныхъ подробностей, какъ его спеціальныя труды были чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ физическое изслѣдованіе Сибири ¹⁾. Новѣйшій академическій биографъ Гмелина замѣчаетъ, что нельзя не порадоваться, что онъ уѣхалъ изъ Россіи, такъ какъ при тогдашнихъ цензурныхъ понятіяхъ въ Россіи, при невозможности высказывать даже самыя невинныя критическія сужденія и при тогдашней академической обстановкѣ, Гмелинъ никогда не могъ бы издать своей книги въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла тогда въ Германіи. Другъ его Миллеръ, по словамъ Пекарскаго, въ этихъ условіяхъ могъ обнародовать едва сотую часть тѣхъ драгоценныхъ извѣстій, которыя были имъ собраны и находились въ его распоряженіи.

Сочиненіе Гмелина издано было въ Гёттингенѣ въ 1751—1752 годахъ ²⁾. Когда книга была получена въ Россіи, она возбудила противъ себя сильное негодованіе: нѣсколько откровенная рѣчь о томъ, что автору случалось видѣть въ его долгомъ и далекомъ путешествіи, показала здѣсь неприличіемъ и даже дерзостью. Гмелинъ предвидѣлъ это и старался предупредить своихъ прежнихъ академическихъ сочленовъ отъ ложныхъ заключеній и увѣрить, что въ книгѣ „не содержится ничего непристойнаго для русскаго государства и его славы, а также и такого, что бы не относилось къ наукамъ — стало быть, тамъ нѣтъ ничего, чѣмъ бы я нарушилъ лежащія на мнѣ обя-

¹⁾ Главнымъ его трудомъ въ этой области была „Сибирская флора“. Вообще новѣйшіе ученые такъ отзывались о трудахъ Гмелина по физическому изслѣдованію Сибири: „Иррадиости холода и зноя, которыя въ состояніи переносить челоѣкъ и животныя и которыя далеко превышали назначенную тогда Бургазомъ мѣру, пониженіе изотермическихъ линій къ востоку, никогда не оттаивающая подпочва въ Якутскѣ и на Аргуни, распространеніе чернозема въ Сибири, пониженіе Каспійскаго моря, барометрическія опредѣленія высотъ и еще много другихъ наблюденій и открытій отчасти были впервые отмѣчены Гмелинными. Но здѣсь мы ограничимся только отнѣсомъ единственнаго ботаническаго труда Гмелина, его *Sibirischer Flora*. Это по истинѣ классическое твореніе заключаетъ въ себѣ описаніе 1178 растений съ приложеніемъ 800 чертежей. Въ немъ въ первый разъ описано и изображено чрезвычайно для тогдашняго времени множество растений. Ламуръ говоритъ въ отчетѣ изъ своего путешествія (1774 г.), что Гмелинъ описалъ столько растений, сколько другие путешественники описали въ свѣтъ, но Ламуръ еще далеко не знаетъ всѣхъ растений Гмелина“.

Намъ кажется, что эти труды Гмелина, можно судить по тому, что еще недавно ученые извѣщавшіе въ „Извѣщеніяхъ“ отъ академика Gmelin Reliquiae, 1860. См. Пекарскій, „Historie Akadem. Naturg.“, II, стр. 439—457.

²⁾ Johann Georg Gmelin, *Reise in die Westrussische Reichthum auf der hohen Schule zu Göttingen* (Bericht an Leibniz, diese Reise nach Sibirien von dem Jahr 1750 bis 1752), Göttingen, 1751—1752. — *Reise in die Sibirien von Peter und Markwardt, 1767* (Bericht an Wasser und an Leibniz), I, IV—VII.

занности“. Это, однако, не помогло, и въ латинскомъ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей въ Германіи, въ октябрѣ того же 1751 г., Гмелинъ сообщаетъ дошедшіе до него изъ Петербурга фатальные слухи объ опасностяхъ, грозящихъ ему изъ-за его сочиненій. „Можетъ случиться, говорятъ мнѣ, что вслѣдствіе дружбы, существующей между дворами англійскимъ, имперскимъ ¹⁾ и русскимъ, отъ перваго выйдетъ приказаніе о запрещеніи книги, а отъ послѣдняго выражено будетъ желаніе о выдачѣ моей особы отъ вюртембергскаго двора черезъ имперскій дворъ, если не случится другое—что въ нашу землю явятся и тайно меня схватятъ замаскированные люди; чтобы поэтому я остерегался замаскированныхъ людей, а въ особенности имперскихъ офицеровъ (а praefectis militum caesareis), или чтобы я скрылся въ безопасное мѣсто, напримѣръ, въ Берлинъ. Это вещь, конечно, удивительная, такъ какъ я не знаю, чтó есть въ этой книгѣ противъ русской имперіи или ея славы, и полагаю, что все это дѣло произошло изъ простаго слуха о книгѣ, содержанія которой не знаютъ“. Онъ говорилъ, что это нисколько не утѣшаетъ его отъ продолженія работы. Онъ проситъ, однако, у своего друга совѣта въ этомъ дѣлѣ, проситъ сообщить его книгу нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ „прежде, чѣмъ могутъ придти письма отъ двора русскаго или имперскаго“, наконецъ, желаетъ, чтобы въ рецензіи его книги указано было, что въ своемъ трудѣ онъ не сказалъ ничего противнаго славіи Россійской имперіи, и что, напротивъ, съ великимъ уваженіемъ относится къ странѣ, въ которой провелъ столько лѣтъ, и пр.

Въ 1752 году канцелярія петербургской Академіи сдѣлала распоряженіе, чтобы книга Гмелина была рассмотрѣна Миллеромъ и Ломоносовымъ и чтобы составлено было по два экстракта, изъ которыхъ въ одномъ надо было указать, чтó въ этой книгѣ есть „достопамятнаго и полезнаго“, а въ другомъ, чтó есть въ ней „излишняго, непристойнаго и сумнительнаго“, и по тѣмъ экстрактамъ президентъ Академіи долженъ былъ рѣшить какія-то мѣры. Миллеръ, который почти все время десятилѣтняго путешествія былъ спутникомъ и пріятелемъ Гмелина, отказался отъ этого порученія, справедливо указывая, что онъ „къ поданію такого мнѣнія весьма неспособенъ“, такъ какъ еслибы онъ писалъ въ похвалу Гмелина, это приписали бы старой ихъ дружбѣ или „любви къ его собственнымъ сибирскимъ изобрѣтеніямъ“ (то-есть, открытіямъ и находкамъ), а еслибы писалъ противъ него, то думали бы, что онъ предпочитаетъ труду Гмелина собственное сочиненіе или мститъ ему за одну непріятность, которая была между ними.

¹⁾ То-есть, священной римской исторіи.

1. The first part of the document is a title page. It contains the title "THE HISTORY OF THE UNITED STATES OF AMERICA" and the author "BY JAMES M. SMITH".

2. The second part of the document is a preface. It discusses the author's purpose in writing the book and the scope of the work.

3. The third part of the document is the main body of the text. It is divided into several chapters, each covering a different period of American history.

4. The fourth part of the document is a conclusion. It summarizes the main points of the book and offers some final thoughts on the history of the United States.

5. The fifth part of the document is an index. It lists the names of people, places, and events mentioned in the book, along with the page numbers where they can be found.

ротѣ: въ Россіи для нихъ было ново все; каждый переѣздъ, каждая остановка давали случай и поводъ къ наблюденіямъ и научнымъ, и правоописательнымъ. Экспедиція была довольно многочисленная, но она путешествовала обыкновенно по частямъ, отчасти, вѣроятно, для того, чтобы передвиженіе было легче, отчасти для того, чтобы спутники академиковъ съ своей стороны могли дѣлать свои описанія по другимъ мѣстностямъ. Гмелинъ большую часть пути сдѣлалъ вмѣстѣ съ Миллеромъ: пріѣзжая въ какую-нибудь сибирскую мѣстность, городъ, село, они вели каждый свое дѣло—Миллеръ пересматривалъ архивы, Гмелинъ дѣлалъ свои натуралистическія наблюденія и собиралъ коллекціи, затѣмъ вмѣстѣ они осматривали достопримѣчательности, наблюдали нравы и т. п. По разсчету Миллера онъ проѣхалъ въ свое сибирское путешествіе съ разными переѣздами больше 30.000 верстъ; въ суммѣ поверстныхъ счетовъ Гмелина его переѣзды составили цифру 31.357 верстъ.

Въ своемъ предисловіи Гмелинъ весьма осторожно говоритъ о результатахъ, достигнутыхъ экспедиціями: даже научные предметы считались какъ бы канцелярской тайной Академіи. Сказавъ объ учрежденіи второй камчатской экспедиціи, тогда уже законченной и упѣлѣвшіе участники которой готовили къ изданію свои труды, Гмелинъ замѣчаетъ: „Когда все это будетъ довершено, міръ въ свое время удивится, получивъ правдивое повѣствованіе о томъ, что зависитъ отъ единственной высокой воли царствующей нынѣ великой императрицы Елизаветы, подъ мудрѣйшими заботами и въ счастливѣйшее царствованіе которой это великое дѣло достигаетъ своего завершенія. Мнѣ объ этомъ извѣстно всего менѣе, и я совершилъ бы непростительную дерзость, еслибы безъ высочайшаго соизволенія написалъ для всѣхъ то небольшое, что мнѣ извѣстно о морскихъ путешествіяхъ ¹⁾. Поэтому, я ограничусь, главнымъ образомъ, нашимъ путешествіемъ, то-есть академическимъ путешествіемъ, которое можетъ знать вообще всякій: это есть почти продолженіе того Мессершмидтова путешествія, начало котораго проницательный императоръ Петръ I, славнѣйшей памяти, по собственному высокому побужденію велѣлъ сообщить королевской Академіи наукъ во Франціи, и всемилостивѣйше обѣщалъ прислать въ послѣдствіи результаты всего путешествія ²⁾; но спеціальныя и подробныя трактаты не должны быть опубликованы безъ высшаго разрѣшенія, для того, чтобы чрезвычайныя издержки, которыя Россія употребила на это къ своей вѣчной славѣ, были вознаграждены по крайней мѣрѣ тѣмъ, чтобы публи-

¹⁾ Разумѣются путешествія Беринга и другихъ.

²⁾ Lettre de Mr. Blumentrost à l'Academie des sciences de Paris dans l'histoire de la même Academie, 1720, ed. Holl., p. 173, 174 (прим. Гмелина).

каціей наблюденій свѣтъ обязанъ былъ милости императрицы. То, что я сообщаю здѣсь, есть дневникъ нашего путешествія черезъ Сибирь до Якутска, и оттуда обратно до Петербурга, набросанный мною просто для своего удовольствія“. Упомянувъ дальше, что обстоятельнаго и оффиціальнаго описанія ихъ наблюденій должно ожидать отъ его спутника Миллера, онъ надѣется, что и его трудъ найдетъ одобреніе у читателя. „Именно потому, что это—дневникъ, это есть смѣсь безчисленныхъ происшествій, всякаго рода земель, многихъ народовъ, различныхъ человѣческихъ склонностей, нравовъ, обычаевъ, природы, какъ обработанной, такъ и необработанной. Я все еще вспоминаю съ удовольствіемъ о тѣхъ годахъ, когда я имѣлъ случай сдѣлать это путешествіе, и воображаю себѣ, что дневникъ, рассказывающій по порядку это путешествіе со всѣми политическими и естественными происшествіями, долженъ пробудить въ маломъ видѣ почти такое же удовольствіе и у читателя, который не совершенно ко всему равнодушенъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, книга Гмелина сохраняетъ свой интересъ и до настоящаго времени. Это—картина ученаго путешествія, совершавшагося полтора ста лѣтъ тому назадъ, и вмѣстѣ картина русской и сибирской природы и быта, въ которой много стало, конечно, уже историческимъ прошедшимъ. Въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ проще рассказъ, тѣмъ онъ бываетъ интереснѣе: Гмелинъ записываетъ въ свой дневникъ всѣ впечатлѣнія, всѣ крупныя и мелкія происшествія, какія встрѣчались на пути, и надо жалѣть, что содержаніе книги осталось до сихъ поръ чуждо нашей литературѣ. Путешествіе было далекое, на пути было много всякихъ дорожныхъ приключеній, которыя даютъ понятія о старинномъ способѣ путешествія; случалось наблюдать обычаи и русскаго, и разныхъ другихъ народовъ; къ простому разсказу обо всемъ этомъ присоединяются замѣчанія ученаго человѣка, и въ книгѣ собралось множество подробностей для географіи, исторіи и этнографіи. Гмелинъ ведетъ, во-первыхъ, подробный маршрутъ путешествія, описываетъ города и всякія замѣчательныя мѣстности, съ особеннымъ любопытствомъ присматривается ко всякимъ инородцамъ, какихъ встрѣчалось много на пути экспедиціи, особенно въ Сибири; всегда онъ старается наблюдать бытъ, народныя праздники, суевѣрія, обращаетъ вниманіе на остатки старины, прислушивается къ преданіямъ. Изъ множества подобныхъ подробностей укажемъ нѣкоторыя. Къ концу декабря 1733 года путешественники были въ Екатеринбургѣ, и здѣсь имъ случилось видѣть святочное представленіе: въ ихъ комвату собралась толпа ряженныхъ, которая дала имъ цѣлое представленіе—на сценѣ былъ Христосъ, смерть, дьяволъ, были музыканты, знатные господа и госпожи и пр.; сцена

должна была служить напоминаніемъ, что всѣ люди смертны, но ученый академикъ догадывался, что главной цѣлью было получить на водку. Дальше, въ Tobольскѣ, путешественники вспомнили екатеринбургское представленіе, потому что здѣсь они видѣли на пасхѣ другое подобное, но гораздо болѣе сложное: были на сценѣ старый Адамъ; дьяволъ, выдѣлывавшій надъ нимъ разныя штуки; змѣй-соблазнитель съ яблокомъ; Христосъ съ крестомъ и вѣнцомъ, оживившій Адама и уведшій его на небо; далѣе представлено было полученіе десяти заповѣдей, наконецъ крещеніе, предметомъ котораго былъ мнимый остяцкій князь; потомъ были комическіе выходы, наконецъ опять явились дьяволъ, старый Адамъ, смерть и Христосъ, какъ въ началѣ; маленькій мальчикъ держалъ рѣчь, затѣмъ пѣли пѣвчіе, — „все это было въ стихахъ и надо было только удивляться, что мальчики выполняли свое дѣло съ ораторскимъ искусствомъ“. Это было представленіе вертепной мистеріи. Тамъ же въ Tobольскѣ Гмелинъ описываетъ странный старый обычай, что только разъ въ году хоронились люди, умершіе или насильственной смертью, или безъ причастія, поэтому ихъ и нельзя было хоронить вмѣстѣ съ другими, которые простились съ жизнью законнымъ образомъ; ихъ складывали въ незаколотенныхъ гробахъ въ одномъ сараѣ за городомъ и хоронили окончательно только разъ въ году, въ четвергъ передъ Троицей. Тамъ же въ Tobольскѣ Гмелинъ отмѣчаетъ, что въ великомъ посту (въ недѣлю православія) вмѣстѣ съ скончавшимися царями, патріархами и пр. поминался и завоеватель Сибири, Ермакъ. Тамъ же онъ видѣлъ и подробно описываетъ татарскую свадьбу. Семипалатинскъ онъ описываетъ какъ „Семипалатную крѣпость“ и осматриваетъ здѣсь тѣ семь палатъ, отъ которыхъ она получила свое имя; это былъ, по его словамъ, родъ калмыцкаго монастыря, и въ этихъ зданіяхъ сохранялись еще остатки калмыцкаго идолопоклонства: крѣпость была еще очень нужна въ то время, потому что окрестные кочевники внушали мало довѣрія. Здѣсь, какъ и по всему теченію Иртыша, Гмелинъ указываетъ множество могилъ, которыя остались отъ жившихъ здѣсь прежде калмыковъ или бухарцевъ, и которыя почти всѣ были, однако, перерыты: для окрестныхъ жителей это была богатая добыча, потому что здѣсь находили много золота и серебра — въ видѣ идоловъ, большихъ печатей, браслетовъ, конскихъ украшеній; но вещи мѣдныя и желѣзныя обыкновенно бросались бладонискателями. Такое могильное серебро, обыкновенно перелитое, путешественникъ видѣлъ еще на ирбитской ярмаркѣ. Въ Томскѣ Гмелинъ встрѣчается съ раскольниками, и отмѣчаетъ ихъ удаленіе отъ православныхъ. Встрѣчаясь съ инородцами, онъ обыкновенно старательно наблюдаетъ особенности ихъ быта. Въ русскомъ

будеть получить отъ нихъ что-нибудь еще. Всему причина — дешевизна хлѣба... Если у нихъ ничего больше не остается, они работаютъ еще нѣсколько часовъ и зато могутъ опять ничего не дѣлать цѣлую недѣлю". Наоборотъ, Гмелинъ отмѣчаетъ чрезвычайную трезвость татаръ (I, 159—160, 163).

Живя въ Томскѣ, путешественникъ упоминаетъ о сильномъ падежѣ скота, — „противъ чего никто не употребляетъ ни малѣйшихъ мѣръ и главнымъ основаніемъ къ этому было то, что прежде, когда также бывали подобныя язвы, предки также ничего не дѣлали. — Я могу съ полной истиной сказать, что всему виной — постыдная праздность. Она не позволяетъ имъ думать дальше, какъ о нынѣшнемъ днѣ; и если падаетъ сто коровъ и они видятъ передъ собой одну живую, то, по ихъ мнѣнію, они еще не терпятъ нужды и не требуютъ никакой помощи“ (I, 314).

„Праздникъ архангела Михаила, который приходится 8-го ноября, привелъ городъ въ большое движеніе. Можно было подумать, что вышелъ приездъ, чтобы каждый въ этотъ день былъ пьянъ, такъ ревностно было желаніе напиться. Дня было недостаточно, и надо было провести еще ночь въ шумѣ, крикѣ и безумствахъ. Но на этомъ не кончилось. Шумъ продолжался цѣлыхъ восемь дней; въ теченіе этого времени нечего было и думать достать рабочаго; пили постоянно, и не было конца разврату“ (I, 321)...

Далѣе, дѣйствіе происходитъ въ Иркутскѣ. „Святки проводились здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Отъ Рождества до Крещенья рѣдко можно было видѣть трезваго человѣка. Никакого ремесленника нельзя было добыть въ это время для работы... Такъ какъ они на праздникъ кое-что сберегли, то они не заботились ни мало заработать что-нибудь еще, потому что у нихъ было довольно для ихъ удовольствій. Право, кажется, что такіе праздники посвящены больше дьяволу, чѣмъ Богу, и это зрѣлище вовсе не служитъ хорошимъ примѣромъ для многочисленныхъ язычниковъ этого края, такъ какъ они видятъ, что высшее благо сибиряковъ состоитъ въ пьянствѣ. Но пьянство, которому предаются въ особенности въ эти дни, состоитъ не въ томъ, чтобы напиться развѣ только вечеромъ. Никакой звѣздочетъ не могъ бы указать имъ несчастнаго часа, въ который они не должны бы пить, потому что всякій часъ хорошъ для этого. Съ Рождествомъ у нихъ открывается заразительная горячка, отъ которой люди уже на второй или третій день начинаютъ бѣситься и на четырнадцатый день болѣзнь разражается, наконецъ, необычайнымъ бѣшенствомъ. Правда, они поправляются отъ этого, но только въ пять или шесть недѣль... И какъ людямъ, выдержавшимъ тяжелую болѣзнь, пужно много времени, чтобы поправиться,

такъ это бываетъ и здѣсь. Имъ трудно возвратиться къ своему прежнему образу жизни, который состоитъ въ томъ, что они напиваются каждый четвертый день“. Гмелинъ, очевидно, изображаетъ запой, потому что серьезно считаетъ сроки болѣзни и сравниваетъ ее съ падучей болѣзью, которая имѣетъ свои періодическіе припадки и кончается только съ жизнью (II, 173—174).

Наконецъ, онъ касается и правовъ чиновничества. Губернаторы живутъ очень широко, напр., тобольскій безпрестанно, по всѣмъ праздникамъ и табельнымъ днямъ, собиралъ на свои обѣды большое общество: эта роскошь, впрочемъ, обходилась недорого, потому что губернаторы, и за ними по порядку низшая администрація, имѣли свои экстренные доходы. У иркутскаго градоправителя эти доходы простирались до 30.000 рублей—цифра громадная по тому времени, и которую Гмелинъ слышалъ, вѣроятно, изъ довольно основательнаго мѣстнаго источника.

Эти и другія подобныя свѣдѣнія, выставившія некрасивую сторону русской жизни, и дѣлали книгу Гмелина „сумнительной“.

ГЛАВА Ш.

ПУТЕШЕСТВІЕ АББАТА ШАППА И „АНТИДОТЪ“.

Въ іюнѣ 1761 года ожидалось прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца. „Наблюденіе этого прохожденія,—говорилъ французскій астрономъ Шаппъ д’Отерошъ,—представляло міру въ первый разъ средство опредѣлить съ точностью параллаксъ солнца. Это явленіе, ожидаемое болѣе столѣтія, приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ астрономовъ: всѣ желали раздѣлить его славу. Знаменитый Галлей, возвѣщая о немъ, первый указалъ возможность этого явленія и унесъ въ могилу сожалѣніе, что не могъ быть его свидѣтелемъ. Вся ученая Европа хотѣла содѣйствовать успѣху этого наблюденія. Государи среди разорительной войны не упустили ничего, чтобы обезпечить его успѣхъ; онъ могъ служить эпохой ихъ славы и стать источникомъ величайшихъ выгодъ для ихъ подданныхъ и для человѣчества“.

Это явленіе можно было наблюдать особливо въ Россіи, и однимъ изъ лучшихъ пунктовъ былъ Tobольскъ; сюда и была направлена экспедиція, посланная по приказанію короли французской Академіей и порученная аббату Шаппу д’Отерошу. Выѣхавши изъ Парижа въ ноябрѣ 1760 года, аббатъ въ началѣ слѣдующаго года былъ въ Петербургѣ, затѣмъ въ апрѣлѣ прибылъ въ Tobольскъ: здѣсь онъ удачно сдѣлалъ свои наблюденія и, проживши нѣсколько мѣсяцевъ въ Tobольскѣ, возвратился въ Петербургъ и затѣмъ во Францію. Въ Петербургѣ издавъ былъ въ слѣдующемъ, 1762 году, его мемуаръ объ астрономическихъ и иныхъ наблюденіяхъ въ Tobольскѣ; затѣмъ онъ употребилъ нѣсколько лѣтъ на обработку разнаго рода свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи и Сибири въ теченіе путешествія, и въ

1768 г. вышло его сочиненіе, надѣлавшее тогда не мало шуму. Довольно извѣстно, что книга аббата Шаппа возбудила большое негодованіе императрицы Екатерины, которой и приписывается опроверженіе, изданное по-французски подъ заглавіемъ: „Antidote“ и пр.; книга эта, составляющая теперь величайшую рѣдкость, хотя и соединяется съ именемъ имп. Екатерины, была у насъ вообще почти неизвѣстна и только недавно сдѣлалась доступной въ русскомъ переводѣ ¹⁾.

Не больше извѣстна и самая книга Шаппа. Это—великолѣпное, по своему времени, изданіе ²⁾, гдѣ авторъ, не ограничиваясь своимъ путешествіемъ, хотѣлъ дать не только картину Сибири, но и всей Русской имперіи, ея географію, исторію, описаніе ея политическаго устройства и управленія, изобразить народные нравы, обычаи и характеръ; изложеніе сопровождается прекрасно награвированными рисунками, картами, планами и т. п.; книга напечатана въ большомъ форматѣ, крупнымъ шрифтомъ, употребительнымъ въ роскошныхъ изданіяхъ. Во главѣ книги являлось повелѣніе короля, по которому исполнено было путешествіе: имя автора подкрѣплялось авторитетомъ французской Академіи; наконецъ, это было первое французское ученое путешествіе въ далекую страну, и тогдашнее значеніе французской литературы доставляло книгѣ обширную публику. На другой годъ вышло въ Амстердамѣ второе, сокращенное изданіе книги, болѣе доступное для массы публики ³⁾. Но при ближайшемъ знакомствѣ книга Шаппа производитъ довольно непріятное впечатлѣніе, при которомъ естественно было появленіе „Антидота“. Это было нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ, напримѣръ, путешествіе Гмелина: послѣдній, ко-

¹⁾ „Осьмнадцатый вѣкъ“, Бартенева, т. IV, Москва, 1869, стр. 225—468: „Антидотъ (Противодіе), полемическое сочиненіе государыни императрицы Екатерины Второй; переводъ съ французскаго подлинника“.

²⁾ Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les mœurs, les usages des Russes, et l'Etat actuel de cette puissance; la description géographique etc., le Nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques etc., des Experiences sur l'Electricité naturelle; enrichi de cartes géographiques, de plans, de profils du terrain; de gravures qui représentent les usages des Russes, leurs mœurs, leurs habillemens, les divinités des Calmouks etc., plusieurs morceaux d'histoire naturelle. Par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie royale des Sciences. Paris MDCCLXVIII, т. I-II въ двухъ большихъ книгахъ; т. II, заключающій французскій переводъ описанія Камчатки, Крашенинникова; наконецъ томъ плановъ, картъ, таблицъ—всего четыре большихъ книги.

³⁾ Voyage en Sibérie fait par ordre du Roi en 1761; contenant les Mœurs, les Usages des Russes etc., l'Etat actuel de cette Puissance etc. par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie Royale des Sciences. Amsterdam, MDCCLXIX — MDCCLXX, 2 тома, мал. 8°. Вѣроятно контрафакція.

нечно, не уступалъ въ учености члену французской Академіи,—скорѣе превышалъ его въ этомъ отношеніи и умѣлъ остаться на уровнѣ трезваго наблюденія; Гмелину не меньше случалось встрѣчаться съ картинами грубаго быта, которыя могли поражать образованнаго европейца, но у него тѣмъ не менѣе нашлось множество предметовъ для научнаго любопытства. Не таковъ французскій путешественникъ: это гораздо меньше ученый человѣкъ и гораздо больше свѣтскій болтунъ, желающій придать своему разсказу внѣшнюю занимательность, хотя бы при этомъ сообщаемые факты не отличались точностью; въ Россію онъ ѣдетъ съ заранѣе готовыми взглядами: это—дикая страна, на которую онъ смотритъ съ высоты своего салоннаго просвѣщенія, о которой говоритъ почти неизмѣнно въ тонѣ пренебреженія, доходящаго иной разъ до наглости. Впослѣдствіи авторъ „Антидота“ умѣлъ довольно язвительно ловить его на разнаго рода неловкостяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, иной разъ смѣшно читать, какъ аббатъ, являющійся постоянно въ роли ученаго авторитета, кичится своимъ просвѣщеніемъ предъ русскимъ простолюдиномъ, не умѣющимъ понять термометра или астрономическаго инструмента—совершенно также, какъ не понималъ бы этихъ вещей и захолаустный простолюдинъ французскій. Разсказывая о своемъ путешествіи, аббатъ не упускаетъ случая намекнуть о важности собственной особы, которой приходится имѣть дѣло съ такимъ грубымъ народомъ, какъ русскіе, и рядомъ имѣетъ наглость разсказывать, какъ провинившаяся передъ нимъ прислуга слетала съ лѣстницы отъ его исправительныхъ внушеній. Въ Россіи онъ успѣлъ добыть кое-какіе матеріалы о русскомъ управленіи, кое-какія историческія свѣдѣнія, кое-что узнать о событіяхъ, современныхъ его пребыванію въ Россіи, какъ, напр., о восшествіи на престолъ Петра III и т. п., разсказываетъ обо всемъ этомъ, не очень гоняясь за точностью, но ссылаясь на авторитеты Вольтера и Штраленберга. Онъ наблюдаетъ нравы и обычаи, также не гоняясь за точностью и, такъ сказать, готовясь впередъ описывать нѣчто нелѣпое: желаніе быть занимательнымъ побуждаетъ автора вдаваться въ игривыя подробности и въ одномъ мѣстѣ, въ видѣ комментарія, онъ приводитъ цѣликомъ нѣсколько страницъ изъ Бюффона объ анатомическихъ и физиологическихъ особенностяхъ женскаго организма. Собственно о Сибири онъ разсказываетъ, въ этнографическомъ отношеніи, не много и его свѣдѣнія почерпались изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, такъ какъ, не зная языка, онъ долженъ былъ вѣрить тому, что ему разсказывали (авторъ „Антидота“ утверждаетъ, что иное ему разсказывали на смѣхъ), да и по всѣмъ своимъ привычкамъ не былъ способенъ вникать въ тѣ бытовые особенности, какія могъ встрѣтить. Нѣкоторыя черты замѣчены, впрочемъ, вѣрно, такъ какъ

академіи и школы, однихъ предназначаютъ къ литературѣ, другихъ къ наукамъ и искусствамъ, не соображаясь ни съ ихъ дарованіями, ни съ ихъ наклонностями (!). Петръ осматриваетъ академіи и мастерскія: онъ часто беретъ за скобель и рѣзецъ; но онъ вырываетъ листъ изъ рукъ молодого художника, который рисуетъ Армиду въ объятіяхъ Арно, чтобы наказать его батогами (?)^а, и проч.

Этотъ образчикъ даетъ понятіе объ изложеніи французскаго путешественника; онъ знаетъ долю фактовъ, но изобиліе реторики дѣлаетъ его сужденія поверхностными и, наконецъ, нелѣпыми. Свои заключенія о характерѣ русскаго народа онъ желаетъ подкрѣпить аргументами изъ физики, анатоміи, фیزیологіи, но, по собственнымъ словамъ, беретъ эти аргументы готовыми у другихъ; онъ говоритъ объ „электрической матеріи“, о „нервномъ сокѣ“, о климатѣ и почвѣ, привлекаетъ сюда знаменитую книгу Монтескьё. Въ концѣ концовъ происхожденіе русскаго народнаго характера онъ приписываетъ климату, порождающему разные обычаи, которые отзываются на физической природѣ народа; и съ другой стороны—воспитанію и свойствамъ правленія, которое въ Россіи „до такой степени извратило (а dénature) челоуѣка, подчиняя даже способности, наиболѣе независимыя отъ власти, что становится очень трудно опредѣлить отличительныя свойства націи“. У русскихъ рѣдко можно встрѣтить воображеніе и гений, но они имѣютъ особенный талантъ къ подражанію. По природѣ русскіе—народъ веселый и общительный, и если они въ своей общественной жизни являются не тѣмъ, чѣмъ могли бы быть, то причина этому заключается именно въ свойствахъ ихъ воспитанія и правленія. Правильная постановка того и другого предполагаетъ единство интересовъ власти и государства и даетъ самыя лучшіе результаты: гражданинъ находитъ счастье только въ счастьи націи; общественное признаніе порождаетъ и поддерживаетъ любовь къ славѣ, создаетъ великихъ людей и обезпечиваетъ имъ уваженіе потомства. У русскихъ ничего этого нѣтъ: „любовь къ славѣ и къ отечеству неизвѣстны въ Россіи; деспотизмъ разрушаетъ (détruit) здѣсь умъ, дарованіе и всякое чувство. Никто не смѣетъ думать въ Россіи; душа, униженная и загрубѣлая, теряетъ даже способность къ этому. Страхъ есть, такъ сказать, единственная пружина, одушевляющая всю націю“.

„Петръ I,—говоритъ дальше аббатъ,—былъ убѣжденъ, и еще до сихъ поръ нація убѣждена въ этомъ, что русскихъ можно образовать только принужденіемъ. Это могло имѣть основаніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, когда Петръ I вступалъ на престолъ; но очень странно, что этотъ отвратительный предразсудокъ (détestable préjugé) еще существуетъ въ Россіи“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, большимъ препятствіемъ къ успѣхамъ наукъ и искусствъ въ Россіи авторъ считаетъ гордость или самонадѣянность русскихъ. „Этотъ порокъ принадлежитъ національному духу; его можно видѣть во всѣхъ сословіяхъ. Едва ученикъ сдѣлаетъ нѣкоторые успѣхи, онъ уже считаетъ себя равнымъ своему учителю и даже выше его, и русская публика такъ мало просвѣщена, что можетъ ставить ихъ на одну линію“...

Находя такіе коренные недостатки въ русскомъ народѣ, авторъ думаетъ, однако, что „этотъ народъ, вообще лишенный генія и воображенія, сталъ бы во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ инымъ, еслибы пользовался свободой. Дойдетъ ли онъ далеко? я не знаю. Быть можетъ,—если вѣрить г. Руссо изъ Женевы,—надо бы желать, чтобы этотъ народъ никогда не былъ цивилизованъ (polisé). Какъ бы то ни было, царствованіе императрицы Екатерины, повидимому, предвѣщаетъ перемѣну въ общемъ духѣ націи“.

Еще раньше аббатъ восхвалялъ личныя свойства и дарованія императрицы, и теперь онъ высказываетъ надежды на ея просвѣщенную дѣятельность. „Она создаетъ новую націю: Петръ Великій возымѣлъ мысль объ этомъ, составилъ планъ и приготовилъ выполненіе; слава довершенія этого дѣла, кажется, предоставлена императрицѣ Екатеринѣ“¹⁾. Эти похвалы, какъ увидимъ, нисколько не умѣрили раздраженія, съ какимъ императрица Екатерина отнеслась къ книгѣ аббата Шаппа.

Доскажемъ объ этой книгѣ еще нѣсколько подробностей. Текстъ ея сопровождается нѣсколькими прекрасно исполненными гравюрами. Въ началѣ символическая картинка, изображающая самую идею путешествія ученаго аббата „по повелѣнію короля“: король, въ античной хламидѣ и обуви, на креслѣ, т.-е. на престолѣ; у ногъ его расположены женскія фигуры наукъ и искусствъ, съ мелкими купидонами внизу и вверху въ облакахъ; онъ даетъ повелѣніе также женской фигурѣ, въ античномъ одѣяніи, съ голой ногой, — этой фигурѣ некого изображать, кромѣ ученаго аббата; на второмъ планѣ олицетворенія дикихъ народовъ, которыхъ аббатъ посѣтитъ и опишетъ. Далѣе, картинки, размѣщенные въ текстѣ, должны были представлять образчики русской жизни; русская изба, баня, бытовые сцены и т. д. нарисованы такъ, что найти въ нихъ именно русское довольно мудрено: люди въ классическихъ позахъ, подробности обстановки неузнаваемы; рисовальщикъ такъ заботился о манерной красивости, что даже самоѣдская женщина въ національномъ костюмѣ изображена красивой, и т. п.

¹⁾ Глава: „Du progrès des sciences et des arts en Russie“.

ист. этногр. IV.

„Антидотъ“ вышелъ безъ имени автора и даже безъ указанія мѣста печатанія и только съ указаніемъ года, въ двухъ частяхъ ¹⁾; въ обѣихъ частяхъ на первой страницѣ помѣщена виньетка, которая представляетъ Каина, стоящаго съ палицей надъ убитымъ Авелемъ, возлѣ котораго лежитъ Адамова голова: полагаютъ, что эта символическая картина могла имѣть въ виду ту ненависть, съ какою написана книга Шаппа о Россіи. Вопросъ объ авторѣ „Антидота“ въ сущности остается донныи открытымъ: нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя позволили бы рѣшить его положительно. Были указанія, что въ сочиненіи „Антидота“ принималъ участіе гр. Андрей Шуваловъ. Знаменитый французскій библіографъ Кераръ опровергаетъ это ²⁾, но безъ фактическихъ доказательствъ. Сохранилось одно письмо этого Шувалова къ императрицѣ, отъ мая 1768, которое можетъ имѣть отношеніе къ „Антидоту“; въ государственномъ архивѣ есть экземпляръ „Антидота“, переписанный рукою Козицкаго, состоявшаго тогда при императрицѣ „въ кабинетѣ“, и эта рукопись могла подразумеваться въ письмѣ Шувалова, гдѣ говорится о какой-то работѣ, исполняемой по указаніямъ императрицы и въ которой Козицкій и Шуваловъ принимали участіе, — но отсюда трудно вывести какое-либо ясное заключеніе ³⁾. Еслибы эти лица и дѣйствительно имѣли какое-нибудь отношеніе къ „Антидоту“, ихъ участіе могло ограничиваться исполненіемъ какихъ-либо второстепенныхъ подробностей дѣла, — какъ то случалось и въ другихъ работахъ императрицы. На нашъ взглядъ всего вѣроятнѣе преданіе, которое приписываетъ сочиненіе „Антидота“ самой императрицѣ. Дѣйствительно, кто знакомъ съ писательской манерой Екатерины II, тому бросаются въ глаза сходныя черты и въ содержаніи, и въ изложеніи. Авторъ „Антидота“ прежде всего говоритъ тономъ такого авторитета, видимо привычнаго, что его трудно предположить у кого-либо другого изъ русскихъ писателей того времени; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ авторъ какъ будто считаетъ себя специально обязаннымъ опровергнуть ошибки или намѣренныя „клеветы“ французскаго писателя, бросающія тѣнь на достоинство русскаго народа и русской имперіи; авторъ „Антидота“ обнаруживаетъ хорошее знаніе русскаго управленія и русскихъ обы-

¹⁾ Antidote ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sibérie fait en 1761. Par M. l'abbé Chappe d'Anteroche (выписано все заглавіе книги Шаппа). 2 тома небольшого формата, 1770. Второе изданіе вышло въ Амстердамѣ, 1771 — 72; англійскій переводъ, Лондонъ, 1772. Указываютъ еще изданіе: L'Antidote ou les Russes tels qu'ils sont et non tels qu'on les croit. Lausanne, 1799.

²⁾ Les Supercheries Littéraires dévoilées, т. I, 211.

³⁾ См. Пекарскаго, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. Сиб. 1863, стр. 5 — 6.

чаевъ; когда рѣчь идетъ о русской исторіи, авторъ излагаетъ тѣ самыя представленія объ исторической судьбѣ русскаго народа, какія господствуютъ въ историческихъ сочиненіяхъ императрицы; когда рѣчь идетъ о ближайшихъ временахъ, о событіяхъ царствованія Елизаветы и Петра III, авторъ говоритъ какъ свидѣтель, имѣющій точныя свѣдѣнія очевидца; о настоящихъ видахъ русскаго правительства авторъ говоритъ такимъ тономъ, какъ бы они были для него особенно близкимъ дѣломъ; недоброжелательнымъ отзывамъ французскаго путешественника о правахъ грубаго русскаго народа онъ противопоставляетъ образчики нравовъ и обычаевъ просвѣщенной французской націи, довольно поучительные, и французская жизнь и исторія оказываются ему хорошо знакомы; кое-о-чемъ авторъ, вообще весьма находчивый, уклоняется говорить. Наконецъ, отвѣтъ, писанный вообще весьма рѣзко, свидѣтельствуешь объ особенной впечатлительности и нетерпимости, которыя такимъ же образомъ отзываются въ полемическихъ сочиненіяхъ императрицы, не отличавшихся особымъ благодушіемъ.

„Антидотъ“ составилъ большую книгу, гдѣ авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за французскимъ путешественникомъ и не упускаетъ ни одного случая его неловкости, ошибки, самонадѣянности, опровергаетъ его и насмѣхается надъ нимъ.

„Объщаю вамъ много обличеній, г. аббатъ Шампъ, — пишетъ авторъ въ самомъ началѣ книги, — и я докажу все то, что намѣренъ сказать о фактахъ, могущихъ пролить свѣтъ, которые вы смѣете приводить съ болтливою неточностію; ибо, надобно въ томъ сознаться, три четверти вашей книги состоятъ лишь изъ злобной болтовни. Всего лучше въ вашей книгѣ рисунки г. Ле-Пренса. Весьма жаль, что въ наше время всѣ плохія сочиненія украшаются столь великодушными эстампами“. Предметы опроверженій чрезвычайно разнообразны: авторъ „Антидота“ опровергаетъ французскаго писателя на каждомъ шагѣ — и тамъ, гдѣ послѣдній говоритъ о важнѣйшихъ учрежденіяхъ имперіи, и гдѣ онъ не можетъ уразумѣть русскаго обычая или перепутываетъ русскую исторію, — но особенно онъ настаиваетъ на объясненіи политическаго характера Россіи. Напримѣръ. „Ненавистное названіе деспота, которое аббатъ смѣетъ постоянно давать русскому государю, вотъ черта, ясно доказывающая его зложелательство“, и авторъ „Антидота“ проводитъ параллель между французскимъ королемъ и русскимъ государемъ: первый издаетъ законы, какъ второй, и если французскіе парламенты отказываются принимать дурные законы, то послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ ихъ къ этому принуждаютъ; русскіе государи издаютъ законы только по представленію сената. „Французскій король и даже его министры са-

жають въ Бастилію и тамъ подвергаютъ судилищу, на это устроенному, или суду какой-нибудь комиссіи, кого имъ вздумается: у насъ тайная канцелярія дѣлала то же самое, но съ 1762 года она уничтожена, а ваша Бастилія существуетъ. Ваши государи, если они несправедливы, могутъ отнять у васъ и имущество, и жизнь: такъ же и у насъ, г. аббатъ“. Авторъ насмѣхается надъ поспѣшными выводами Шаппа о русскихъ обычаяхъ, которыхъ онъ на половину не понимаетъ, также какъ и надъ иными учеными его наблюденіями, которыя онъ дѣлалъ, лежа въ закрытомъ возкѣ подъ шубами и на всемъ скаку почтовой ѣзды. Въ самомъ дѣлѣ, Шаппъ упоминаетъ однажды, что у него разбились въ дорогѣ его барометры и термометры, и устроить ихъ вновь можно было только въ слѣдующемъ большомъ городѣ, и между тѣмъ онъ несмотря на то дѣлаетъ барометрическія наблюденія; въ приложеніяхъ къ его книгѣ помѣщены громадныя чертежи нивеллировки всего пути его по Россіи, надъ которыми много глумится авторъ „Антидота“; дѣйствительно, довольно забавно видѣть съ этихъ чертежахъ рисункъ громаднхъ мѣстностей, когда въ текстѣ аббатъ рассказываетъ, что ему въ зимнемъ путешествіи часто было вовсе не до того, чтобы заниматься какими-либо учеными изысканіями. Мы упоминали выше объ описаніи русскихъ бань, въ какихъ будто моются „всѣ русскіе отъ государя до послѣдняго подданнаго“ и которыя у нихъ различаются только по степени чистоты. „Но, аббатъ, возможно ли простираť далѣе ложъ и клевету, чѣмъ вы это дѣлаете въ этомъ случаѣ? Развѣ вы въ Европѣ единственное лицо, бывшее въ Россіи? И кто же видалъ, чтобы наши дамы, красота которыхъ признана всѣми, выходя изъ бани, барахтались въ снѣгу въ перемежку съ мужчинами?.. Онъ говоритъ, что въ баняхъ сѣкутъ другъ друга пучками розогъ. Быть можетъ, его, для смѣху, выскли въ банѣ; онъ этого заслуживалъ“¹⁾. Авторъ „Антидота“ поднимаетъ на смѣхъ аббата, когда тотъ величается своей ученостію передъ русскими мужиками; когда аббатъ изумляется, что въ Россіи, въ народномъ быту, отдають дѣвушекъ замужъ, не спрашивая ихъ объ этомъ, авторъ „Антидота“ напоминаетъ, что во Франціи такимъ же образомъ поступаютъ въ самомъ аристократическомъ кругу. Авторъ смѣется надъ ошибками аббата въ русской исторіи, когда тотъ, напримѣръ, рассказываетъ, какъ „царь Романо“ женился на дочери боярина „Стрешне“: „во-первыхъ, что такое царь Романо? Въ рукописи (которою пользовался Шаппъ) навѣрное не сказано такъ. Если сказать: король Бурбо или Бурбу,

¹⁾ Но авторъ „Антидота“ умалчиваетъ, что у насъ, однако, въ баняхъ парятся вѣнниками.

императоръ австрійскій и пр., то читатель не будетъ знать, о комъ и о какомъ королѣ или императорѣ идетъ рѣчь“.

Наконецъ, авторъ „Антидота“ съ великой гордостію говоритъ о новыхъ мудрыхъ началахъ, которыя провозглашены русскимъ правительствомъ въ извѣстномъ Наказѣ. Когда аббатъ Шаппъ говоритъ о вредномъ дѣйствиіи русскаго правленія и воспитанія на характеръ народа, авторъ „Антидота“ спрашиваетъ: „что хотите вы этимъ сказать, г. аббатъ? Ужъ не ваше ли правительство намѣрены вы восхвалять, говоря это? Такъ, догадываюсь, и унижить наше?“ Но въ какой же странѣ правительство и воспитаніе стремятся направить націю къ чести, славѣ и мужеству, если не въ той, гдѣ государь, тщательно собирая отовсюду начала, способствующія народному счастью, самъ предлагаетъ ихъ своему народу и призываетъ его начертать законы общими силами. Эти начала возбуждаютъ удивленіе Европы, и можетъ ли хвастаться „та нація, которая запрещаетъ ввозъ къ себѣ этого евангелія законности, въ опасеніи, конечно, чтобы у васъ не увидѣли, насколько правительственныя начала разнятся въ обѣихъ странахъ?.. Г. аббатъ, этотъ Наказъ становится у насъ закономъ; онъ преслѣдуется у васъ... Берегитесь, скоро у васъ останется лишь тѣнь, а сущность окажется у насъ“ ¹⁾).

„Антидотъ“ остался самымъ интереснымъ результатомъ путешествія аббата Шаппа: этотъ отвѣтъ на его книгу, по всей вѣроятности принадлежащій императрицѣ Екатеринѣ или, по крайней мѣрѣ, составленный по ея указаніямъ, представляетъ любопытное изложеніе ея взглядовъ на русскую жизнь и исторію, и примѣръ официальныхъ представленій о русскомъ національномъ достоинствѣ. Къ сожалѣнію, „Наказъ“, который служитъ здѣсь однимъ изъ основныхъ аргументовъ, въ послѣдствіи, еще въ царствованіе императрицы Екатерины, остался только воспоминаніемъ, для самой власти, быть можетъ, не всегда пріятнымъ, и политическія опроверженія, какъ бы ни были искусны, не исчерпали вопроса.

Не знаемъ, успѣлъ ли аббатъ Шаппъ прочесть это опроверженіе. Издавъ свою книгу, онъ отправился въ Калифорнію и тамъ умеръ. Ему, во всякомъ случаѣ, не пришлось читать другого обличенія, появившагося, также безъ имени автора, въ 1771 году ²⁾). Дѣло въ томъ, что Руссо, издатель „Энциклопедическаго Журнала“, котораго неизвѣстный „Скиоъ“ восхваляетъ за его здравыя сужденія и безпристрастіе, помѣстилъ разборъ книги Шаппа, весьма сочувствен-

¹⁾ Стр. 259—260, 449—русскаго перевода.

²⁾ *Lettres d'un Scyte franc et loyal, à monsieur Rousseau, de Bouillon, Auteur du Journal Encyclopédique. Amsterdam et Paris, MDCCLXXI, мал. 8°, 66 стр., съ поштой: Петербургъ, январь, 1771.*

ный. Это и дало поводъ Скиоу къ опроверженіямъ, наложеннымъ въ двухъ письмахъ: *Sur le danger des préjugés nationaux*, и *Sur l'histoire de Sybérie*, гдѣ онъ довольно удачно указываетъ грубые недостатки книги аббата Шаппа, отказываясь отъ подробнаго разбора ея потому, что такой уже сдѣланъ въ „Антидотѣ“ ¹⁾.

---

¹⁾ Стр. 55: „Lisez, monsieur, un ouvrage qui a pour titre l'Antidote: je viens de le recevoir de *Hollande*“ и проч. Голландія и была вѣроятно мѣстомъ печатанія „Антидота“, не указаннымъ въ его заглавіи.

ГЛАВА IV.

РУССКІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ ПОИСКИ И ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА О СИБИРИ ДО КОНЦА XVIII ВѢКА.

Плаванія Шестакова. — Открытія Гвоздева. — Осмотръ сѣвернаго берега Сибири: Прончищевъ, Лаптевы, Челюскинъ.

Предпріятія промышленниковъ: Басовъ, Трапезниковъ, Неводчиковъ, Прибыловъ.

Экспедиціи Биллингса и Сарычева.

Плаванія купцовъ Шалаурова, Ляхова. — Г. И. Шелеховъ. — Основаніе Россійско-Американской компаніи.

Ученныя экспедиціи. — Петръ-Симонъ Палласъ и его „студенты“ Зуевъ и Соколовъ. — Георги. — Фалькъ.

Иностранныя книги и путешествія. — Делиль. — Шульцъ. — Переводы изъ Миллера. — Самуиль Энгель. — Штелинь. — Вогонди. — Вильямъ Коксъ. — Лессепсъ. — Сиверсъ. — Бенъовскій. — Белькуръ. — Вагнеръ. — Французскіе эмигранты.

Путешествіе аббата Шаппа мало прибавило къ изслѣдованіямъ Сибири; оно не получило авторитета у позднѣйшихъ путешественниковъ и писателей, и „Антидотъ“, безъ сомнѣнія, не мало помогъ его дискредитировать.

Въ царствованіе Екатерины II наступилъ новый періодъ изслѣдованій, которыя принесли богатые результаты для изученія Сибири и снова произвели сильное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Это — рядъ экспедицій, исполненныхъ подъ руководствомъ знаменитаго Палласа. Но пока, въ царствованіе Анны и Елизаветы, велись съ одной стороны морскія предпріятія, задуманныя одновременно со „Второй камчатской экспедиціей“, а съ другой продолжалась и старая работа практическихъ разысканій, начатыхъ первыми завоевателями Сибири и ихъ преемниками, казаками и промышленниками. Экспе-

30-го августа Прончищевъ умеръ, и черезъ нѣсколько дней умерла сопровождавшая его жена. Въ 1747 г. новыя экспедиціи, и Овцынъ вошелъ, наконецъ, въ устье Енисея, которымъ поднялся до Туруханска. Въ 1738 г. плаванія лейтенанта Скуратова съ Головиннымъ отъ устьевъ Оби къ Архангельску, и штурмановъ Минина и Стерлегова изъ устьевъ Енисея на востокъ; оба плаванія были не совсѣмъ успѣшныя. Въ 1739 г., опять плаваніе Скуратова, далѣе Дм. Лаптева изъ устьевъ Лены на востокъ, Харитона Лаптева — отсюда же на западъ. Въ 1740 г., путешествіе Стерлегова, Минина, обоихъ Лаптевыхъ, геодезиста Чекина по разнымъ мѣстамъ сѣвернаго сибирскаго берега. Въ 1741 г., экспедиціи продолжаются, причемъ Челюскинъ сухимъ путемъ добрался до самой сѣверной части азіатскаго материка и описалъ ее, а экспедиція Беринга открыла Алеутскіе острова. Самъ Берингъ умеръ въ этомъ же году, на одномъ изъ открытых имъ острововъ: ему удалось только увидѣть сѣверо-американскій берегъ ¹⁾).

Эти странствованія стоили исполнителямъ ихъ чрезвычайнаго труда: суровость климата, утомительная борьба съ ледянымъ моремъ требовали большой энергіи; путешественникамъ, захваченнымъ льдами и страшнымъ морозомъ, приходилось зимовать на крайнемъ сѣверѣ и, бросая суда, добираться пѣшкомъ до человѣческаго жилья на берегу; многіе поплатились жизнью, какъ Берингъ, Прончищевъ, Лассеніусъ, какъ много людей изъ экипажа. Но трудъ ихъ уже не пропалъ для науки: въ нѣсколько приемовъ, усиліями мореходовъ и геодезистовъ, смѣнявшихся на одной работѣ, сѣверный берегъ Азіи былъ изслѣдованъ и положенъ на карту; опредѣлено было пространство между Камчаткой и Японіей (впрочемъ, до конца столѣтія Сахалинъ считали полуостровомъ); на сибирскомъ материкѣ опредѣлено было сухопутной экспедиціей тѣхъ годовъ до нѣсколькихъ сотъ астрономическихъ пунктовъ, хотя на первый разъ весьма несовершенно; словомъ это были уже пріобрѣтенія для географической науки.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія завершила свою дѣятельность Вторая камчатская экспедиція, къ которой примыкали указанныя сейчасъ экспедиціи морскія, но изслѣдованія не остановились и—до новыхъ официальныхъ экспедицій—совершались опять предпримчивостью частныхъ лицъ. Это были въ особенности про-

---

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ старыхъ плаваніяхъ были тогда собраны Миллеромъ; въспомоществу имъ посвящена была книга Василія Берха: „Первое морское путешествіе Россіянъ, предпріятое для рѣшенія географической задачи: соединяется ли Азія съ Америкою? и совершенное въ 1727, 28 и 29 годахъ, подъ начальствомъ флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга“ и пр. Спб. 1823. Ср. С. Е. von Baer, Bering und Tschirikow (Petersb. 1849). О новой книгѣ Вахтина упомянуто выше.

1774-1775

1775

1776

1777

1778

1779

1780

1781

1782

1783

1784

1785

1786

1787

1788

1789

1790

1791

1792

1793

1794

1795

1796

1797

1798

1799

1800

1801

1802

1803

1804

1805

1806

1807

1808

1809

1810

1811

1812

1813

1814

1815

1816

1817

1818

1819

1820

въ 1755 году якутскіе купцы Шалауровъ и Баховъ получили дозволеніе предпринимать путешествія для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку; въ 1760 г. они предприняли свою экспедицію отъ Лены, но добрались только до устьевъ Яны, здѣсь зазимовали и на слѣдующее лѣто двинулись дальше, доплыли до Медвѣжьихъ острововъ, гдѣ долго были затерты льдами, и затѣмъ снова зазимовали въ устьяхъ Колымы; въ слѣдующемъ, 1762 году, Шалауровъ снова двинулся на востокъ, но дошелъ только до Шелагскаго мыса, осмотрѣлъ Чаунскую губу, гдѣ до него никто еще не былъ, и думалъ продолжать свое плаваніе на востокъ, но долженъ былъ вернуться на Лену, потому что экипажъ его взбунтовался, при томъ и средства самого Шалаурова истощились. Онъ отправился въ Москву хлопотать о новой экспедиціи, и ему удалось получить средства отъ правительства; въ 1764 году онъ вновь отправился въ плаваніе къ Шелагскому мысу и уже не возвратился: онъ погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ, и только въ 1823 году однимъ изъ участниковъ экспедиціи Врангеля найдены были остатки какаго-то судна и избушки и человѣческія кости; по словамъ туземцевъ, все это осталось отъ экспедиціи, бывшей здѣсь лѣтъ за 70 передъ тѣмъ.

Вопросъ о возможномъ пути въ Индію черезъ сѣверный океанъ продолжалъ занимать русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Въ 1763 г. Ломоносовъ поднесъ генераль-адмиралу великому князю Павлу Петровичу свое сочиненіе: „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“ ¹⁾. Въ видахъ исполненія этого плана отправлена была въ 1765 году экспедиція Чичагова изъ Колы, но задержанная льдами вернулась въ Архангельскъ; продолжались поиски въ Ледовитомъ океанѣ изъ Сибири, и въ 1770—73 году открыты были купцомъ Ляховымъ Ляховскіе острова къ сѣверо-западу отъ Святого Носа; они получили свое имя отъ плователя, которому предоставлено было право исключительнаго промысла на этихъ островахъ.

Не останавливаясь на множествѣ мелкихъ предпріятій этого рода, упомянемъ объ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ плователей того времени Григ. Ив. Шелеховъ. Это былъ родомъ рыльскій мѣщанинъ, небогатый человѣкъ, который отправился искать счастья въ Сибирь, и по примѣру сибирскихъ купцовъ, промышлявшихъ на восточномъ океанѣ, онъ съ 1776 года сталъ отправлять свои суда, и въ одну изъ этихъ поѣздокъ названный выше штурманъ Прибыловъ, началь-

¹⁾ Эта статья была издана только въ 1847 году Гидрографическимъ Департаментомъ.

третьи руководились только исканіемъ прибыли, доходившимъ до свирѣпой алчности, какъ тѣ промышленники, которые направлялись на крайній востокъ, на Алеутскіе острова и позднѣйшую русскую Америку (впослѣдствіи оставленную). Это были, повидимому, прямые продолжатели тѣхъ промышленныхъ людей, которые въ XVII-мъ вѣкѣ открывали и захватывали сибирскій материкъ. Мы мало знаемъ подробностей о томъ, какъ совершалось это занятіе, но знаемъ, что это было занятіе съ оружіемъ въ рукахъ: если туземцы не подчинялись добровольно, ихъ выпуждали силою къ подчиненію, выражавшемуся уплатой дани, ясака; и извѣстно также, что требованія ясака нерѣдко равнялись грабежу, такъ что, наконецъ, сама правительственная власть считала нужнымъ брать туземныхъ инородцевъ подъ защиту. Но промышленники второй половины XVIII-го вѣка, повидимому, превзошли своихъ предковъ. Исторія занятія Алеутскихъ острововъ есть исторія ужасныхъ и бессмысленныхъ жестокостей. Алеуты, народъ трудолюбивый и довольно развитой, сначала встрѣтили русскихъ мирно; но, раздраженные насиліями и несправедливостями, въ одну зиму истребили три судна промышленниковъ, и послѣдніе, подъ предлогомъ подчиненія ихъ русской власти, совершали надъ туземцами величайшія варварства. На нѣкоторыхъ островахъ жители были истреблены безъ остатка, алеутовъ убивали тысячами, иногда просто для потѣхи, убивали мирныхъ и безоружныхъ. Въ 1792 году на островахъ Уналашкинскаго отдѣла считалось до двухъ съ половиною тысячъ жителей, но до прихода русскихъ ихъ было въдесятеро больше. Цѣлью этого истребленія, по объясненію одного изъ историковъ Сибири, былъ не одинъ грабежъ, и всего менѣе забота объ интересахъ правительства, а болѣе тонкое соображеніе: промышленникамъ нужно было закабалить туземцевъ совершенно, и такъ какъ это не легко было сдѣлать съ народомъ многочисленнымъ, то надо было просто истребить непокорныхъ. Въ далекомъ Петербургѣ трудно было знать, какъ дѣлалось дѣло, и промышленники получали даже поощренія и награды. Таковъ былъ и упомянутый выше Григорій Шелеховъ. Послѣ нѣсколькихъ своихъ плаваній онъ отправился въ Иркутскъ и представилъ краснорѣчивое описаніе своихъ подвиговъ сибирскому генералъ-губернатору Якобію, упомянувъ въ немъ, что „безъ монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой“. Онъ написалъ о своемъ путешествіи и особую книгу, гдѣ, какъ и въ донесеніи Якобію, не усомнился преувеличить свои подвиги и присвоить себѣ чужія заслуги. Утверждаютъ, напримѣръ, что въ первой стычкѣ съ туземцами на островѣ Кадьякѣ онъ разбилъ 400 человекъ, между которыми были женщины и дѣти,—онъ пишетъ, что разбилъ 4.000 человекъ и 1.000

взялъ въ плѣнъ; жителей на этомъ островѣ не было тогда и 15 тысячъ, а Шелеховъ увѣрялъ правительство, что покорилъ 50 тысячъ человѣкъ; дальше онъ утверждалъ, что въ одну зиму обратилъ множество ихъ въ христіанство, и пр. Якобій писалъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ, и на запросъ имп. Екатерины о лучшихъ мѣрахъ къ утвержденію русскаго владычества и промысловъ на Восточномъ океанѣ доносилъ, что компаніи Шелехова надо предоставить промышленную монополію въ открытыхъ имъ мѣстахъ, именно на пространствахъ 49°—60° широты, и 53°—63° долготы. Шелеховъ отправился самъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и его сотоварищъ были награждены, и изъ коммерцъ-коллегіи было имъ выдано 200.000 рублей. Но до императрицы дошли, наконецъ, свѣдѣнія о настоящемъ способѣ дѣйствій Шелехова и она грозила ему „оковами“, но у него были друзья, участвовавшіе въ его выгодахъ, и гроза миновала ¹⁾. По смерти его до императора Павла опять дошли извѣстія о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ, и онъ хотѣлъ уничтожить промышленность, не имѣвшую значенія для имперіи, но вліятельные союзники компаніи съумѣли снова поправить дѣло, и въ іюлѣ 1799 г. учреждена была официально упомянутая „Россійско-Американская компанія“, получившая чрезвычайныя привилегіи. Ей предоставлены были всѣ промыслы по берегу Америки, на островахъ Алеутскихъ, Курильскихъ и другихъ, лежащихъ по сѣверо-восточному океану; компаніи предоставлялось все, „что на поверхности земли и въ нѣдрахъ ея доселѣ отыскано и впредь отыщется“; она получала монополію открывать и занимать новыя земли, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможенія отъ правительства, и т. д. Въ результатѣ мѣстные инородцы были обращены въ настоящее рабство, монополія компаніи не отразилась пользою для края, управленіе было дурное, и въ послѣдствіи русская колонизація привилась такъ мало, что въ 1867 году государство не усомнилось уступить Сѣверо-Американскимъ Штатамъ свои владѣнія въ бывшей русской Америкѣ ²⁾.

¹⁾ Въ литературѣ имя его было прославлено. См. напр. „Надгробіе Шелехову“, Державина (изд. Грота, I, 529—530: „Колумбъ росскій“). Г. Гротъ замѣчаетъ, что это названіе, данное Шелехову, прежде было уже „пророчески“ употреблено Ломоносовымъ въ стихахъ 8-й оды, строфа 19:

„Колумбъ росскійскій черезъ воды,
Слѣдшить въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстятъ“.

(Соч. Лом., Смирн., I, 98).

См. также надпись при портретѣ Шелехова въ его 1-й книжкѣ.
„Россійско-Американская компанія“, въ „Историческихъ Этюдахъ“ С. Шам-
кова, т. II, стр. 295 и слѣд. О книгахъ Шелехова скажемъ далѣе.

Въ 1768 году наступилъ новый періодъ ученыхъ экспедицій; онѣ знамениты не менѣе прежнихъ путешествій Миллера, Гмелина, Крашенинникова и пр., и составляютъ одинъ изъ лучшихъ фактовъ царствованія Екатерины II.

Новая экспедиція была выбрана опять изъ среды Академіи наукъ, ея членовъ и студентовъ. Первоначально предполагена и начата была только „Оренбургская экспедиція“; но когда путешествія уже были начаты, программа предпріятія была расширена и распространена вообще на Россію Европейскую (особливо сѣверъ и востокъ) и Сибирь, гдѣ должны были производиться изслѣдованія природы, племенъ, народнаго быта, промысла, древностей и достопримѣчательностей. Въ 1769 г. ожидалось новое прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца, и имѣлись въ виду наблюденія астрономическія.

Составъ экспедиціи былъ очень многолюдный. Во главѣ ея поставленъ былъ Петръ-Симонъ Палласъ (1741—1811), вызванный изъ Берлина въ Россію въ 1769 году, тогда еще очень молодой, но уже авторитетный ученый натуралистъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность Палласа вся прошла въ Россіи; путешествія дали обширный матеріалъ для его изслѣдованій, которыя поставили его на ряду съ знаменитѣйшими естествоиспытателями XVIII-го вѣка, какъ Бюффонъ, Кювье, Линней. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Палласъ былъ изъ разряда „великихъ ученыхъ“: знаменитый зоологъ по преимуществу, онъ не былъ тѣснымъ специалистомъ; напротивъ, его интересы и знанія простирались на многоразличныя отрасли естествовѣдѣнія, и его мысль, ясная и точная, работала уже надъ основными вопросами біологіи. Труды Палласа надолго, даже до сихъ поръ остались источникомъ важныхъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ краяхъ Россіи и Сибири. Путешествіе издавна было его мечтой; онъ задумывалъ странствіе на мысъ Доброй Надежды и въ Индію, и когда отецъ его воспротивился этому намѣренію, онъ охотно принялъ предложеніе, сдѣланное ему изъ Петербурга. Академическая экспедиція начала свою дѣятельность въ 1768 году. Кромѣ Палласа приняло въ ней участіе нѣсколько академиковъ-натуралистовъ и этнографовъ, какъ Гмелинъ-младшій, Георги, Фалькъ, Гильденштетъ, Лепехинъ; астрономъ Эйлеръ, съ его помощниками; студенты Зуевъ, Соколовъ, состоявшіе при Палласѣ и, между прочимъ, производившіе по его указаніямъ самостоятельныя изслѣдованія; Рычковъ, сынъ извѣстнаго автора „Оренбургской Топографіи“, и др.

О тѣхъ путешествіяхъ этой странствующей академіи, которыя относились къ Европейской Россіи, мы упоминали въ другомъ мѣстѣ ¹⁾;

¹⁾ Томъ I, главы III—IV.

здѣсь упомянемъ лишь о томъ, что въ этой экспедиціи относилось къ Сибири. Путешествіе самого Палласа заняло шесть лѣтъ съ 1768 по 1774 г.; въ исполненіе академическаго плана, оно было очень разнообразно, какъ выше указано это относительно путешествія Лепехина, и разнообразіе предметовъ изслѣдованія отвѣчало собственнымъ широкимъ научнымъ запросамъ Палласа. Онъ описываетъ мѣстность, ея геологическое строеніе, свойства почвы, растительность, наличныхъ животныхъ, тиу мѣстныхъ жителей, характеръ народнаго хозяйства, земледѣльческія орудія, остатки старины и т. д. Изъ Петербурга черезъ Москву, Владиміръ, Пензу, Палласъ направился въ Симбирскъ, гдѣ и зимоваль. Весну слѣдующаго года онъ провелъ въ Заволжскомъ краѣ, гдѣ встрѣтился съ академиками Фалькомъ и Лепехинымъ. Лѣтомъ былъ въ оренбургскомъ краѣ, гдѣ, между прочимъ, подробно изучалъ калмыковъ и ихъ бытъ; въ Гурьевѣ встрѣтилъ академиковъ: Эйлера, наблюдавшаго прохожденіе Венеры, Ловица, Иноходцева, Лепехина; зимоваль въ Уфѣ, осматриваль затѣмъ Уралъ и Исетскую провинцію, откуда сдѣлалъ первую экскурсію въ Сибирь, именно въ Тобольскъ. Этимъ окончена была первоначальная задача экспедиціи. Палласъ желалъ расширить ея работы на Сибирь и сѣверную Россію, и Академія приняла его предложеніе. Лепехинъ коснулся въ своихъ поѣздкахъ только запада Сибири, и направился на сѣверъ казанской и архангельской губерній и на берега Бѣлаго моря; Палласъ — въ сѣверную и восточную Сибирь, — сюда же отправились Фалькъ и Георги. Въ апрѣлѣ 1770 года Палласъ выѣхалъ изъ Челябинска, черезъ Ишимскую степь, въ Омскъ; своихъ ближайшихъ сотрудниковъ онъ разослалъ для отдѣльныхъ изслѣдованій; такъ, Зуевъ отправился въ Березовъ для изслѣдованія Оби до Ледовитаго океана. Путешествіе сопровождалось постоянными наблюденіями, гдѣ Палласъ обращалъ особенное вниманіе на физическую природу страны и на зоологію, по которой впоследствии онъ оставилъ знаменитый классическій трудъ. Путешествіе было не легко въ суровомъ климатѣ, среди мѣстностей болотистыхъ или лишенныхъ прѣсной воды, гдѣ притомъ весной бывали еще сильные морозы и снѣжныя бури, и оно не обошлось для путешественника даромъ: спутники его переболѣли, и одинъ изъ его помощниковъ умеръ. Въ концѣ мая Палласъ прибылъ въ Омскую крѣпость: мѣстное военное начальство приняло его холодно и недовѣрчиво, не давало ему необходимыхъ свѣдѣній и онъ замѣчалъ, что „богъ войны есть врагъ музъ“. Окружающая природа доставила, однако, богатый матеріалъ для наблюденій, особливо зоологическихъ, и при этомъ встрѣчалось ему не мало предметовъ, еще совсѣмъ неизвѣстныхъ въ наукѣ. Самъ путешественникъ заболѣлъ отъ безпрестанныхъ про-

студъ, и оправился только въ горныхъ путешествіяхъ по Алтаю. Между прочимъ, Палласъ отмѣчалъ археологическіе остатки: на пути по Енисею онъ находилъ много мѣднаго оружія и разной старинной утвари; въ Алтаѣ изслѣдовалъ рудники и встрѣчалъ остатки древнихъ горныхъ работъ, такъ-называемыя чудскія копи,—ихъ приписываютъ древнему чудскому народу, который, не имѣя хорошихъ орудій, разработывалъ рудники только въ поверхностномъ слоѣ горъ; орудія были мѣдныя, такъ что желѣзо было, повидимому, еще неизвѣстно; вооруженіе, найденное въ гробницахъ, было также мѣдное; молотами служили круглые крѣпкіе камни... Палласъ зимовалъ въ Красноярскѣ, отсюда онъ отправился въ Иркутскъ, разославши своихъ помощниковъ: одинъ студентъ отправился въ Петербургъ съ коллекціями по естественной исторіи, Соколовъ посланъ былъ еще ранѣе въ Забайкалье, Зуевъ опять на сѣверъ Сибири; одинъ студентъ оставленъ въ Красноярскѣ для собиранія растений весной. Здѣсь Палласъ опять встрѣтился съ академикомъ Георги; отсюда черезъ Байкалъ поѣхалъ въ Кяхту, изучалъ здѣсь китайцевъ, по Селенгѣ отправился въ Даурію, гдѣ снова поразила его оригинальная природа, невиданныя формы растений, животныхъ. Эта природа произвела на него сильное впечатлѣніе: „Различныя глыбы горъ,—говоритъ онъ,—приводящія въ удивленіе своей формой и положеніемъ, долины, покрытыя пріятной зеленью, березовыя и осиновыя рощицы, покрывающія въ разныхъ мѣстахъ вершины горъ съ сѣверной стороны, множество оленей и другихъ дикихъ звѣрей, еще большее обиліе различныхъ птицъ въ это весеннее время года—все это дѣлаетъ эту страну такою пріятною, что пріятнѣе и уединеннѣе нельзя и желать, и я никогда въ жизнь мою ничего не видѣлъ лучше. Такая волшебная обстановка, а особенно множество въ полномъ цвѣту растений, на южной сторонѣ горъ, привели меня въ восхищеніе“... „Начиная съ Урала до самаго Байкала, я не собралъ нигдѣ столько замѣчательныхъ произведеній природы, сколько въ одной Дауріи; нигдѣ эти произведенія не были въ такомъ обиліи и совершенствѣ, какъ въ Дауріи и въ нагорной странѣ за Байкаломъ“. Къ августу онъ вернулся въ Красноярскъ и отсюда отправлялся въ Саянскія горы. Въ 1773 г. Палласъ предпринималъ обратный путь въ Россію. Изъ Красноярска онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Георги и направился къ Камѣ черезъ Ишимскій и Исетскій край, сѣверную Башкирію (быть башкирцевъ, въ эту эпоху, онъ описываетъ счастливымъ, по условіямъ природы и промысламъ), къ Уралу и нижнимъ частямъ Волги; Георги долженъ былъ отправиться въ Пермь. На пути Палласъ, кромѣ башкиръ, изучалъ вотяковъ и черемисъ; въ апрѣлѣ онъ былъ на Камѣ,

именіи ¹⁾ и которыя вѣроятно исчерпываютъ картину предмета, и кромѣ этихъ книгъ и свои собственные наблюденія. Эти описанія положены въ системѣ, соединяя народы одной части помѣщены описанія племенъ, а авторъ называетъ и русскими, — такъ русскій народъ, „россіаны“, произведеніе финновъ, со славянами. Къ этимъ (русскимъ) народамъ Георги причисляетъ: лопцевъ, эстовъ, черемисовъ, чувашей, а также называетъ „отяками“) и др., а также литовскій, однако, не къ финскому, а къ литовской части описаны народы татарскіе, „родъ или добровольно пришедшій подъ кроткую руку вѣчныхъ российскихъ самый многочисленныя всѣ татары — казанскіе и оренбургскіе, таврическіе, кавказскіе, башкирцы, меже и осеты, грузинцы и др. ²⁾, которыя этнографическое распредѣленіе опять частью описаны „народы особенные и до нынѣ принадлежності ихъ къ какому-либо изъ главныхъ российскихъ народовъ“, — сюда опъ принадлежатъ (называемыхъ имъ семаодскимъ или суома-йотскимъ), койбаловъ, камачинцевъ, манчжурскіе народы, тунгусовъ, коряковъ, чукчей, алеутовъ и пр. Наконецъ, частью помѣщены „монгольскіе народы“, напр., калмыки, якуты; затѣмъ армяне, опять грузинцы; пѣмцы и другіе поляки; обширный трактатъ посвященъ „россіанамъ“, а также, какъ сказано, изъ россовъ (финновъ) и славянъ; описаны разныхъ наименованій казаки, которые представ-

говорятся: „Источники, изъ которыхъ почерпнуто сіе описаніе народовъ, во-первыхъ Лѣтописцы Россійскіе, а во-вторыхъ, и болѣею частію, описанія Россій подданныхъ Народовъ, сдѣланныя и изданныя въ Свѣтъ Прошлаго и Историографами: Миллеромъ, Гмелинымъ, Крашенинниковымъ, Штеллемъ, Ричковымъ, Самуиломъ Гмелинымъ, Палласомъ, Лепехинымъ, Никитинымъ, Ричковымъ, Лемомъ, Клингштедтомъ, Гегстремомъ, Гавеномъ, Шлетцеромъ, и другими: почерпая, изъ ихъ описаній и извѣстій, придерживаемось, какъ можно ближе, повѣствовательной истинѣ, при сохраненіи возможной точности“.

²⁾ Эти послѣдніе помѣщены, впрочемъ, съ оговоркой — по сосѣдству съ кавказскими татарами. Но на Кавказѣ упомянуты между мелкими кавказскими племенами и „богемцы“, говорящіе испорченнымъ и перемѣшаннымъ богемскимъ языкомъ (?). Часть II, стр. 53, 67.

ляются автору особенной, смѣшанной племенной разновидностью; наконецъ говорится о Курляндіи и Литвѣ. Къ книгѣ Георги приложено было сто рисунковъ, изображающихъ племенные типы: предисловіе объясняетъ, что рисунки изготовлены петербургскими „рѣщиками“ частію съ рисунковъ и фигуръ, находящихся при петербургской Академіи наукъ въ кунсткамерѣ, частію „съ живыхъ подлинниковъ“.

Итакъ, первый опытъ цѣльнаго этнографическаго описанія Россіи сопровождался пока большими неясностями въ племенномъ распредѣленіи народовъ, но бытовыя описанія обыкновенно довольно точны. Большое мѣсто въ книгѣ Георги занимаютъ сибирскіе народы. Глава „Россіаны“, самая обширная, заключаетъ не мало любопытнаго для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ въ XVIII-мъ столѣтіи.

Изъ участниковъ академической экспедиціи, работавшихъ по описанію Сибири, остается назвать Фалька. Іоганпъ-Петръ Фалькъ (1725—74) былъ сынъ шведскаго пастора, учился medicinѣ въ Упсалѣ, былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ въ домѣ Линнея, что помогло его занятіямъ по естественной исторіи, особливо по ботаникѣ. Личныя обстоятельства Фалька были очень тяжелы и мѣшали ученымъ его планамъ: защитивъ диссертацию по ботаникѣ, онъ не получилъ степени доктора, потому что нечѣмъ было заплатить соединенныя съ этимъ издержки; не удалось ему принять участіе въ ученомъ путешествіи, въ которое приглашали его, и удрученный всѣмъ этимъ Фалькъ впалъ въ болѣзненную ипохондрію. Наконецъ, по рекомендаціи Линнея онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался внослѣдствіи преподавателемъ ботаники и смотрителемъ аптекарскаго сада при медицинскоѣ коллегіи, и когда предполагана была „Оренбургская“ (ставшая и сибирскоѣ) экспедиція, Фалькъ приглашенъ былъ къ участію въ ней. Болѣзнь и ипохондрія не покидали его во время путешествія, но онъ тѣмъ не менѣе добросовѣстно велъ свою работу. Онъ началъ путешествіе въ томъ же 1768 году, въ сопровожденіи трехъ студентовъ существовавшей тогда академической гимназіи (повидимому, не весьма удачныхъ) и нѣсколькихъ другихъ помощниковъ. Въ первые два года онъ путешествовалъ по Окѣ и Волгѣ; въ 1771 былъ въ Оренбургѣ, откуда дѣлалъ поѣздки въ киргизскія степи, и затѣмъ направился въ Сибирь: черезъ Исетскую провинцію, Тобольскъ и Ишимъ въ Омскъ, на Иртышъ, и оттуда по Барабинской степи къ Оби до Барнаула, затѣмъ въ Кузнецкъ и Томскъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправился обратно на Тару, Тобольскъ, Тюмень и Екатеринбургъ, осмотрѣлъ уральскіе горные заводы и прибылъ въ Казань. Въ 1773 онъ отправился по Волгѣ въ Астрахань и черезъ „Куманскую“ степь на Терекскія теплицы, и тою же дорогой вернулся въ Казань. Старая бо-

лѣзнь такъ мучила его, что въ Казани онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Находившійся въ то время въ Казани другой академикъ, Георги, отправилъ его рукописи, книги и вещи въ Петербургъ и впослѣдствіи издалъ путешествіе Фалька по его замѣткамъ, писаннымъ на языкахъ: нѣмецкомъ, шведскомъ и латинскомъ. На русскомъ языкѣ путешествіе Фалька явилось уже гораздо позднѣе ¹⁾.

Путешествіе Фалька представляетъ главнымъ образомъ топографическое описаніе посѣщенныхъ имъ мѣстностей, съ указаніемъ мѣстоположенія, почвы, произведеній природы, населенныхъ мѣстностей—городовъ и селеній, съ историческими замѣчаніями, указаніями числа жителей, взятыми изъ мѣстныхъ документовъ церковныхъ и полицейскихъ, иногда съ выписками изъ старыхъ историческихъ источниковъ, напримѣръ, изъ сибирской лѣтописи Черепанова, и т. п. Изложеніе дѣловое, безъ тѣхъ повѣствовательныхъ эпизодовъ и личныхъ отступленій, какіе, напр., дѣлаютъ иногда столь интересными записки Гмелина-старшаго, Лепехина и самого Палласа,—но повидимому изложеніе Фалька отличается большою точностью свѣдѣній. Съ тѣхъ поръ какъ дѣланы были замѣтки Фалька и до появленія ихъ на русскомъ языкѣ прошло цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ; въ это время произошли нѣкоторыя переимѣны въ административномъ положеніи описанныхъ мѣстностей, и въ русскомъ изданіи въ примѣчаніяхъ перваго издателя записокъ, Георги, добавлены еще примѣчанія академиковъ Севергина и Севастьянова.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка накапливается уже значительная масса свѣдѣній о Сибири, какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской литературѣ. У насъ главное мѣсто въ этой литературѣ занимаютъ сочиненія академическихъ путешественниковъ—какъ Миллеръ, Фишеръ, Крашенинниковъ, Стеллеръ, Гмелинъ-старшій, Палласъ съ его „студентами“, Зуевымъ и Соколовымъ, Георги и Фалькъ.

¹⁾ Johann Peter Falck, Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Petersburg. 1785—1786, три тома. 4°. Послѣ вышло извлеченіе изъ этой книги, кажется, не конченное: Reise in Russland, in einem ausführlichen Auszuge mit Anmerkungen von I. A. Martyni-Laguna. Berlin, 1794, одинъ томъ. Русскій переводъ — въ „Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемомъ Импер. Академіею Наукъ“. Спб. 1818—1825, 7 т. (два послѣдніе тома).

Назовемъ еще труды натуралиста Лаксмана (1787—1796): родомъ финляндскій шведъ, онъ былъ учителемъ въ Петербургѣ, потомъ нѣмецкимъ пасторомъ въ Барнаулѣ, наконецъ, академикомъ, и много работалъ въ Сибири. См. обширную біографію: „Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка“. Вильгельма Лагуса. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. 1890.

Миллеръ собиралъ уже свѣдѣнія о давнихъ русскихъ путешествіяхъ въ сибирскихъ моряхъ ¹⁾. Извѣстія о правительственныхъ экспедиціяхъ приходили въ Петербургъ, были извѣстны въ Академіи и черезъ книги Гмелина, Палласа и статьи Миллера дѣлались доступны въ иностранной литературѣ. Позднѣе являлись подробныя описанія самихъ плавателей, какъ, на примѣръ, упомянутого выше Шелехова: онъ самъ описалъ свои путешествія въ двухъ книжкахъ, — онѣ должны были сообщить о его географическихъ открытіяхъ, а главное, кажется, дать ему славу и тѣмъ помочь его практическимъ планамъ въ Петербургѣ ²⁾. Нѣсколько позднѣе изданы были другія путешествія въ моряхъ Восточной Сибири, Биллингса (бывшаго спутника капитана Кука) и Сарычева ³⁾.

¹⁾ Въ „Sammlung Russischer Geschichte“, и въ русскихъ статьяхъ, напр., о морскихъ путешествіяхъ русскихъ по Ледовитому и Восточному морямъ, въ „Ежемесячныхъ сочиненіяхъ“, 1758, апрѣль.

²⁾ Первая книжка вышла съ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: на первомъ листѣ — „Странствованіе Шелехова“; на второмъ листѣ: „Россійскаго купца Григорія Шелехова странствованіе въ 1783 году изъ Охотска по Восточному Океану къ Американскимъ берегамъ, съ обстоятельными увѣдомленіями объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ острововъ Кытака и Афагнака, и съ приобщеніемъ описанія образа жизни, нравовъ, обрядовъ, жилищъ и одеждъ тамошнихъ народовъ, покорившихся подъ Россійскую державу; также климатъ, годовыя перемѣны, звѣри, домашнія животныя, рыбы, птицы, земныя произрастенія и многіе другіе любопытные предметы тамъ находящіеся, что вѣрно и точно описано имъ самимъ. Съ чертежемъ и съ изображеніемъ самого мореходца и найденныхъ имъ дикихъ людей. Въ Санктпетербургѣ 1791 года. Издвигеніемъ В. С.“ (вѣроятно, Василія Соликова, въ лавкѣ котораго книга и продавалась). 12°, 76 стр.

— Далѣе: „Россійскаго купца Григорія Шелехова продолженіе странствованія по Восточному Океану къ Американскимъ берегамъ въ 1788 году, съ обстоятельнымъ увѣдомленіемъ объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ острововъ, до коихъ не достигалъ и славный аглинскій мореходецъ капитанъ Кукъ, и съ приобщеніемъ“ и пр. Спб. 1792, опять издвигеніемъ В. С., 12°, 95 стр.

— Третья книжка: „Россійскаго купца Именитаго рыльского гражданина Григорія Шелехова первое странствованіе съ 1783 по 1787 годъ изъ Охотска“ и пр. Спб. 1793, 12°, 172 стр.

— Четвертая книжка: „Путешествіе Г. Шелехова съ 1783 до 1790 г. изъ Охотска“ и пр. Спб. 1812, въ двухъ частяхъ, 12°, 171 и 90 стр., есть та же третья книжка, къ которой припечатано только два новыхъ начальныхъ листа и добавлена вторая часть.

³⁾ „Путешествіе флота капитана Сарычева по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, въ продолженіе осьми лѣтъ, при Географической и Астрономической морской экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ флота капитана Биллингса, съ 1786 по 1793 годъ“. 2 части, съ картами и картинами. Спб. 1802; „Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукотскую землю отъ Берингова пролива до Нижнеколымскаго острога и плаваніе капитана Галла. по Сѣверо-восточному океану въ 1791 году, съ приложеніемъ словаря двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ“ и пр., издано Сарычевымъ. Спб. 1811. Первая изъ этихъ книгъ ав-

Въ западной литературѣ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за русскими открытіями. Вопросъ объ азіатскомъ сѣверѣ и востокѣ, поставленный, какъ выше упомянуто, голландцами и англичанами еще въ XVI-мъ столѣтіи, теперь былъ подновленъ извѣстіями о русскихъ плаваніяхъ, и имъ посвященъ былъ цѣлый рядъ книгъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ и шведскихъ. Было бы долго исчислять сполна эту литературу, но любопытно составить о ней понятіе.

Одной изъ первыхъ книгъ этого рода было сочиненіе Іосифа-Николая (по-русски звали его Осипомъ Николаевичемъ) Делиля (1688—1768), который былъ членомъ Академіи наукъ въ Петербургѣ, въ 1740 году самъ ѣздилъ въ Сибирь для астрономическихъ наблюденій въ Березовѣ. Вернувшись во Францію, Делиль напечаталъ сочиненіе, которое было первымъ печатнымъ извѣстіемъ о результатахъ, добытыхъ экспедиціею Беринга въ восточно-азіатскихъ моряхъ¹⁾. Мы видѣли раньше, въ предисловіи книги Гмелина, съ какою осторожностію онъ касается этихъ открытій—на томъ основаніи, что первая публикація ихъ должна быть сдѣлана тѣмъ правительствомъ, которое потратило на нихъ столь значительныя средства. Но этой официальной публикаціи пока (да и послѣ) не состоялось, и въ Петербургѣ были очень раздражены появленіемъ сочиненія Делиля, которое сочтено было дерзкой нескромностію, и такъ какъ притомъ въ статьѣ Делиля были невѣрности, то начальство Академіи наукъ поручило Миллеру написать опроверженіе, чтобы „свѣту показать всѣ нечестивые въ семъ дѣлѣ *Делилевы поступки* и главныя его карты изъясненія неисправности“. Миллеръ исполнилъ порученіе, и его статья была напечатана въ 1753 г. подъ названіемъ: „Письма російскаго морского офицера“²⁾.

лась въ нѣмецкомъ переводѣ Буссе: *Achtjährige Reise* и пр., Leipz. 1805—15, 3 т.; затѣмъ были изданія французское и голландское.

Путешествіе Виллингса издано было, по его бумагамъ, по-англійски: *An account of a geographical and astronomical expedition to the Northern parts of Russia, performed in the years 1785, to 1794, narrated from the original papers by Mart. Sauer*. Lond. 1802; затѣмъ было нѣсколько изданій нѣмецкихъ, французское и итальянское.

¹⁾ Мы не имѣли въ рукахъ этой книги. Пекарскій, „Ист. Акад. Н.“, I, стр. 142, 149, 407—408, называетъ ее: „*Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud*“, 1752; въ „*Russica*“ Публ. Библиотеки, т. I, стр. 289: „*Nouvelles cartes des découvertes de l'amiral de Fonte et autres navigateurs espagnols, portugais, anglais, hollandais, français et russes dans les mers septentrionales*. Paris, 1753“.

²⁾ *Lettre d'un officier de la marine russe à un Seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud, et le Mé-*

о томъ, какъ еще неясно было представленіе объ этой части Ледовитаго и Тихаго океана: на его картѣ нарисована Камчатка, кусокъ Америки въ Беринговомъ проливѣ, на мѣстѣ Алеутскихъ острововъ намѣчена предполагаемая твердая земля, но всѣ очертанія и азіатскаго, и американскаго материка и Японіи крайне грубы и невѣрны.

Въ русскомъ „Мѣсяцесловѣ“, какіе стали тогда издаваться при Академіи наукъ, на 1774-й годъ помѣщена была статья извѣстнаго академика Штелина: „Краткое извѣстіе о новоизобрѣтенномъ сѣверномъ Архипелагѣ“, т.-е. объ открытіи Алеутскихъ острововъ. Въ томъ же году является книжка Штелина на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи ¹⁾, и затѣмъ въ англійскомъ и французскомъ переводахъ. Въ томъ же году выходитъ объ этомъ предметѣ французская книга Вогонди (Vaugondy). Въ 1776, нѣмецкая книга Шульца о вновь открытыхъ островахъ между Азіей и Америкой, изданная, впрочемъ, безъ имени автора и основанная на русскихъ источникахъ — о ней скажемъ далѣе. Въ 1778—англійская книга о Камчаткѣ. Въ 1780—англійская книга извѣстнаго путешественника, между прочимъ по Россіи, Вильяма Кокса, одна изъ лучшихъ книгъ въ тогдашней иностранной литературѣ о Сибири. Въ 1787—шведская книга о Камчаткѣ. Въ 1790—самостоятельное французское путешествіе Лессеппа отъ Камчатки черезъ Сибирь, и т. д.

Названная книга Кокса ²⁾ представляетъ уже большой успѣхъ западныхъ географическихъ знаній о Сибири, напр., сравнительно съ книгой Энгеля, и большую противоположность этой послѣдней. Для Энгеля сѣверный путь есть еще вопросъ, надъ которымъ онъ дѣлаетъ глубокомысленныя соображенія; Коксъ, живши въ Россіи, собралъ весьма обстоятельныя данныя о русскихъ путешествіяхъ и сопровождалъ ихъ подробнымъ картами. Въ предисловіи онъ говоритъ, что „новѣйшія русскія открытія между Азіей и Европой привлекли въ послѣднее время вниманіе любознательныхъ людей, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ рукахъ публики была превосходная исторія Америки д-ра Робертсона. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи изысканный и остроумный авторъ сообщилъ міру, съ точностью и умомъ,

¹⁾ Jac. v. Stählin, Das von den Russen in den Jahren 1765, 66, 67 entdeckte nordliche Insel-Meer, zwischen Kamtschatka und Nordamerika. Stuttgart, 1774. Ср. Пекарскаго, Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 568.

²⁾ Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added „The Conquest of Siberia“ and the History of the transactions and commerce between Russia and China. By William Coxe, A. M. Fellow of King's College, Cambridge, and Chaplain to his Grace the Duke of Marlborough. Lond. MDCCCLXXX, 4°.

Въ 1761 году Том. Джеффрисъ (Jefferies) издалъ по-англійски сочиненіе Миллера о русскихъ путешествіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ: въ 1764 вышло второе ея изданіе, а въ 1766—французскій переводъ.

Въ 1765 вышла по-французски, и безъ имени автора, книга Самуила Энгеля, которая можетъ служить образчикомъ любопытства, возбужденнаго тогда сибирскими открытіями. Она разбираетъ вопросъ о сѣверѣ Азіи и Америки и снова обращается къ изслѣдованію о возможности сѣвернаго пути въ Индію — предметъ, занимавшій тогда и географовъ, и торговыя компаніи ¹⁾. Авторъ книги взялся за дѣло весьма пунктуально: собиралъ сколько могъ существующіи показанія путешественниковъ, сличалъ и опредѣлялъ ихъ вѣроятность; выбиралъ изъ тогдашнихъ газетъ извѣстія о планахъ новыхъ русскихъ изслѣдованій. Ему казалось, что русскіе, и даже Гмелинъ и Миллеръ, изъ которыхъ онъ извлекъ, однако, много свѣдѣній, „сколько можно скрываютъ путешествія, сдѣланныя отъ Лены въ Камчатку“, но что „у нихъ обоихъ вырываются подробности, которыхъ они не могли скрыть“ (стр. 234). Уклоненіе Гмелина рассказывать результаты правительственной экспедиціи и вѣроятно исторіи съ сочиненіемъ Делиля исполнили Энгеля подозрѣніями, что русское правительство не позволяетъ по какимъ-то видамъ говорить всей правды объ этомъ предметѣ. Эти виды были очень простые: научное открытіе было канцелярскою собственностью вѣдомства, подъ управленіемъ котораго было сдѣлано, и должно было дожидаться официального опубликованія. Между тѣмъ разбирать русскія извѣстія было Энгелю не легко ²⁾. Его окончательное убѣжденіе было то, что сѣверный путь въ Индію возможенъ. Книга Энгеля свидѣтельствуетъ

moire qui y sert d'explication publié par M. de l'Isle, — в „Nouvelle Bibliothèque Germanique“, XIII, 46—87, и отдѣльно, 1758.

Объ упомянутомъ путешествіи Делиля см. Пеларского, „Путешествіе академиковъ Делиля въ Березовъ 1740 года“, Сиб. 1865 (изъ „Записокъ Акад. Н.“).

¹⁾ Mémoires et observations géographiques et critiques sur la situation des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique, d'après les relations les plus récentes. Aux quelles on a joint un Essai sur la route aux Indes par le Nord, et sur un Commerce très vaste et très riche à établir dans la mer... d. Avec deux nouvelles cartes dressées conformément à ce système. L'... MDCCLXV, G. ...

Другое французское изданіе такъ же 1772, и ... 1772 и 1777.

²⁾ Онъ вычитываетъ, напримеръ, у русскихъ и ... плавателей, который былъ начальникомъ мушчленіи. Это слово привело его въ ... des plusieurs personnes, que je croyais ... muschleni, ce que c'étoit; l'un voyait un troisième des gens qui levoient ... лера, что „promuschleni“ означало

своей книги,—и однако я нахожусь уже въ замѣчательнѣйшемъ періодѣ моей жизни¹⁾: такимъ періодомъ казалось автору его участіе въ знаменитомъ путешествіи, которое совершали тогда кругомъ свѣта два французскіе фрегата, *La Boussole* и *l'Astrolabe*, подъ командою графа Лаперуза и виконта де-Лангля. „Какъ лестно для меня, что я послѣ счастья пробыть два года въ свитѣ графа Лаперуза, обязанъ ему еще честью доставить сухимъ путемъ его депеши во Францію. Я могу приписать оказанное мнѣ преимущество только тому обстоятельству, что для этого путешествія необходимо было выбрать чело-вѣка, который говорилъ по-русски и жилъ уже въ Россіи“. Изъ этого послѣдняго обстоятельства видно, что Лессепсъ больше другихъ иностранцевъ, заѣзжавшихъ въ Сибирь, могъ понимать окружающее и легче пріобрѣтать свѣдѣнія въ прямыхъ бесѣдахъ съ русскими туземцами. Почти вся его книга цѣликомъ посвящена странамъ, на-мѣнѣ посѣщавшимся путешественниками и прежде, и послѣ, именно Камчаткѣ, берегу Охотскаго моря и пути отъ Охотска до Иркутска; дальнѣйшему путешествію отъ Иркутска до Петербурга и Версаля дано всего нѣсколько страницъ, какъ и слѣдовало. Отъ Авачинской гавани онъ пробѣжалъ всю Камчатку до сѣвернаго пункта Пенжинскаго залива, далѣе берегомъ моря до Охотска, затѣмъ съ Охотска сухимъ путемъ до Якутска, наконецъ, вверхъ по Ленѣ до Иркутска. Эта поѣздка заняла съ остановками, какъ мы видѣли, почти одиннадцать мѣсяцевъ, такъ что путешественникъ могъ дѣлать свои наблюденія не торопясь и могъ присмотрѣться хорошо какъ къ мѣстности, такъ и къ быту и нравамъ тѣхъ инородцевъ, какіе встрѣчались на его пути. Въ своихъ наблюденіяхъ онъ былъ вообще очень внимателенъ: быть можетъ, знаніе русскаго языка легче сближало его съ людьми или участвовалъ здѣсь личный характеръ, но у него совсѣмъ нѣтъ тѣхъ отталкивающихъ свойствъ, какія отличали его соотечественника, аббата Шаппа; онъ относится съ любознательностью и участіемъ къ оригинальному быту полудикихъ инородцевъ, умѣетъ подмѣтить, что бывало симпатичнаго въ ихъ природѣ, и его неприязнительный рассказъ очень занимателенъ. Племена, которыя онъ наблюдалъ, были камчадалы, коряки, чукчи, кочевые тунгусы, якуты и буряты. Между прочимъ онъ записываетъ свѣдѣнія о Беньовскомъ, слышанныя въ Камчаткѣ¹⁾; въ Якутскѣ онъ встрѣтился и познакомился съ Биллингсомъ. У русскихъ онъ встрѣчалъ вообще большое гостепріимство — и нѣмецкій издатель жалуется, что авторъ благодарить ихъ за это слишкомъ большимъ количествомъ компли-

¹⁾ Стр. 68—69 нѣмецкаго изданія.

ментовъ, которое въ нѣмецкомъ изданіи нашли нужнымъ нѣсколько укоротить.

Въ 1796 году вышла не лишенная интереса книга Сиверса ¹⁾. Этотъ ученый аптекарь рассказываетъ, что его собственное желаніе видѣть такую замѣчательную страну, какъ Сибирь, побудило его принять участіе въ экспедиціи, которая послана была по повелѣнію императрицы Екатерины съ цѣлю распространенія и улучшенія сибирскаго ревеня и сродныхъ ему растений: хотѣли испытать, нельзя ли посредствомъ перемѣны почвы, пересадки и другихъ вспомогательныхъ средствъ, изъ извѣстныхъ родовъ этого растенія добыть хорошаго ревеню, который равнялся бы „красотой“ и силою китайскому или бухарскому. Замѣтимъ, что русское правительство давно уже обратило вниманіе на торговлю этимъ растеніемъ и на разведеніе его, и передъ путешествіемъ Сиверса еще разъ издано было распоряженіе о разведеніи ревеня въ мѣстахъ къ тому удобныхъ и о награжденіи тѣмъ людямъ, которые будутъ этому способствовать ²⁾. Сиверсъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ. „Искренность и строжайшая любовь къ истинѣ всегда водили моимъ перомъ“, предупреждаетъ онъ въ предисловіи, и, кромѣ сообщенія научныхъ свѣдѣній, „я при изданіи своихъ писемъ имѣлъ еще и другую цѣль, а именно, искоренить тотъ злой предрассудокъ, который еще многіе, особливо за границей, имѣютъ о Сибири. Сибирь, это такая превосходная страна (vortreffliches Land), какая только можетъ быть на свѣтѣ подъ той же широтой. Вслѣдствіе неутомимаго попеченія и безпримѣрнаго, исполненнаго мудрости правленія нашей могущественнѣйшей монархини Екатерины II, большіе непроходимые лѣса и пустыни почти невѣроятнымъ образомъ превращены здѣсь въ населенныя большія дороги, и пустыя равнины — въ плодороднѣйшія поля. Въ этой громадной по пространству землѣ можно путешествовать теперь съ такою безопасностью, быстротой и удобствомъ, при мѣра которыхъ не можетъ представить никакое другое царство въ свѣтѣ на такихъ большихъ пространствахъ. Дороги хороши и безопасны; гдѣ нужно, содержатся мосты; почтовая ѣзда быстрая и дешевая, и вездѣ можно имѣть средства пропитанія. Разбитая посуда бываетъ вездѣ; поэтому несправедливо было бы требовать,

¹⁾ Johann Sievers, Russisch kayserl. Apothekers, des S.-Petersburgischen Akademie der Wissenschaften und der freyen ökonomischen Gesellschaft Mitgliedes, Briefe aus Sibirien an seine Lehrer, den Königl. Grosbritannischen Hofapotheker Herrn Brande, den Königl. Grosbritannischen Botaniker Herrn Ehrhart, und den Bergcommissarius und Rathsapotheker Herr Westrumb. S.-Petersburh, bey Zacharias Logan, 1796.

²⁾ Полное Собр. Законовъ, т. XXIII, № 16808.

чтобы все въ Сибири было совершенно. Такъ, напримѣръ, гостиницы принадлежать въ Сибири къ самымъ рѣдкимъ вещамъ; зато, конечно, ни въ какой странѣ на свѣтѣ нѣтъ большаго гостепріимства. Каждый путешественникъ хорошаго поведенія вездѣ, особливо у добраго сельскаго народа, можетъ быть увѣренъ въ самомъ сердечномъ приѣмѣ. Однимъ словомъ, Сибирь исполнинскими шагами приближается къ самымъ просвѣщеннымъ странамъ Европы". Такіе оптимисты были рѣдки.

Письма Сиверса начинаются съ Иркутска въ январѣ 1790 года и оканчиваются въ Кяхтѣ въ маѣ 1794; закончена книга въ Петербургѣ въ мартѣ 1795 года. Сиверсъ побывалъ во многихъ мѣстахъ Сибири: онъ бывалъ и гораздо дальше Иркутска, не одинъ разъ былъ въ Кяхтѣ и въ горахъ Яблоннаго хребта, въ Алтаѣ, въ Киргизскихъ степяхъ; вездѣ онъ ботанизировалъ и приводитъ въ письмахъ списки имъ собранныхъ растений, дѣлаетъ замѣчанія о физическихъ свойствахъ страны и ея жителей, и этотъ послѣдній отдѣлъ его путешествія представляетъ не мало общаго интереса; въ киргизской степи онъ велъ настоящій дневникъ — такъ любопытна казалась ему кочевая жизнь, которую онъ здѣсь наблюдалъ. Въ горахъ Яблоннаго хребта онъ описываетъ село, обитаемое польскими и малорусскими крестьянами, конечно ссыльными, которые поселены были здѣсь лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ. Замѣтимъ, что и Палласъ отмѣчаетъ уже въ Сибири польскія деревни. По словамъ Сиверса, жители ихъ рѣзко отличались отъ русскихъ туземцевъ, и черезъ нихъ стало утверждаться здѣсь земледѣліе, садоводство, потому что до ихъ прибытія даже родившіеся здѣсь русскіе жили почти кочевымъ образомъ, съ тою только разницею, что имѣли деревни и постоянные дома. Отъ этихъ новыхъ поселенцевъ стали заимствовать земледѣліе даже настоящіе помады, монголы, среди которыхъ они жили. Русскихъ туземцевъ и крещеныхъ монголовъ Сиверсъ описываетъ какъ людей лѣнивыхъ и коварныхъ, но поляки составляютъ прямую противоположность: „быть можетъ, и они испортятся со временемъ“ ¹⁾).

Патріархальный кочевой бытъ, съ которымъ Сиверсъ ознакомился у киргизовъ, приводитъ нашего путешественника въ восхищеніе своею близостью къ природѣ, простотою жизни, потребностей и быта. Онъ мечтаетъ даже, какъ хорошо было бы удалиться сюда отъ трудной жизни въ средѣ цивилизованнаго міра. Его знакомство съ киргизами было очень благодушное: нѣсколько ничтожныхъ подарковъ расположили къ нему населеніе и мужское, и женское. „Я

¹⁾ Стр. 41.

въ полнѣйшей мѣрѣ наслаждался здѣсь сельскимъ счастіемъ... Оставшись одинъ въ юртѣ, я развалился какъ султанъ на своей софѣ и размышлялъ о крайне блаженномъ состояніи номадовъ. Въ то время, какъ они переживаютъ самые беззаботные, веселые часы, европеецъ мучится тѣмъ, какъ приобрести славу, почести, богатство, высокія почетныя мѣста и пр.—на коротенькую жизнь. Сто разъ пробѣгала у меня въ головѣ мысль покинуть свою должность и вернуться сюда, къ народамъ, у которыхъ, я могъ бы почти сказать, господствуетъ безгрѣшная жизнь и истинное *delizioso far niente* итальянцевъ. Но, къ сожалѣнію, я нашелъ, что я еще слишкомъ мало философъ; склонность къ европейцамъ на этотъ разъ еще одержала верхъ. Чего не дѣлаетъ воспитаніе?“ ¹⁾

Было, наконецъ, еще нѣсколько случайныхъ событій и путешествій, которыя такъ или иначе обращали вниманіе на Сибирь и заставляли говорить о ней. Такова была исторія знаменитаго авантюриста, графа Морица-Августа Беньовскаго (1741—1786). Уроженецъ Венгріи, онъ имѣлъ хорошее образованіе, между прочимъ былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ, былъ человѣкъ энергичный и предприимчивый. Принявши участіе въ польской конфедераціи, онъ былъ захваченъ русскими въ плѣнъ, и въ 1770 сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, какъ извѣстно, онъ съумѣлъ приобрести расположеніе и довѣріе начальника края и въ 1771 году, составивши между сильными заговоръ, бѣжалъ на кораблѣ, захвативъ значительную сумму денегъ. Впослѣдствіи, въ 1774, по порученію французскаго правительства, онъ основалъ колонію на Мадагаскарѣ, гдѣ туземныя племена, которымъ онъ умѣлъ внушить довѣріе, провозгласили его королемъ, но когда французское правительство отказало въ дальнѣйшей поддержкѣ этому предпріятію, онъ вернулся въ Европу, былъ нѣкоторое время въ австрійской службѣ, а затѣмъ нашедши средства для мадагаскарской колоніи у англичанъ и американцевъ, отправился на Мадагаскаръ, и здѣсь въ сраженіи съ французами былъ тяжело раненъ и умеръ. Его автобіографія издана была по-англійски въ 1790, и въ переводахъ обошла всю Европу. Его романическіе подвиги не разъ служили предметомъ поэтическихъ пересказовъ.

Еще со временъ Петра Великаго въ Сибирь стали высылать множество плѣнныхъ; во время Сѣверной войны это были особливо шведы. Ссылка плѣнныхъ продолжалась и впослѣдствіи, и во второй половинѣ столѣтія въ Сибири собралось много плѣнныхъ разныхъ племенъ—нѣмцевъ, шведовъ, поляковъ, наконецъ французовъ. Огромное большинство этихъ плѣнныхъ оставалось въ Сибири навсегда;

¹⁾ Стр. 161—162.

Второ
ихъ,
двора
пронз
о сви
вить
Вол
мет

при
исп
сви
до
ч
с

[illegible]

ровъ и ихъ чиновниковъ, по крайпей мѣрѣ большинства изъ , безнаказанномъ вслѣдствіе дальности ихъ отъ императорскаго а; о жалкомъ положеніи тѣхъ, кто находится подъ властью ихъ извола или своекорыстія; наконецъ, авторъ хотѣлъ дать понятіе юйствахъ страны, о жителяхъ, ихъ правахъ и, наконецъ, испрарь ошибочныя свѣдѣнія, сообщаемыя многими авторами и особенно ьтеромъ, который, по словамъ Белькура, не имѣя понятія о предѣ, хорошо зналъ только рубли.

Разсказъ дѣйствительно преисполненъ примѣрами всякаго рода итѣсненій, которыя авторъ вмѣстѣ со многими другими плѣнными пыталъ съ первыхъ минутъ своего плѣна и до объявленія ему ободы, и эти подробности весьма правдоподобны. Еще не доѣзжая , Тобольска и послѣ, Белькуръ обращался съ жалобами къ графу ернышеву на тѣ притѣсненія и несправедливости, какимъ онъ по- гоанно подвергался; долго не было никакого отвѣта на его просьбы защитѣ, но когда пришелъ, наконецъ, отвѣтъ съ выговоромъ то- ольскому губернатору, этотъ послѣдній крайне раздражился и гро- илъ плѣннымъ, что будетъ держать ихъ еще хуже (стр. 91); въ то же время онъ нерѣдко приглашалъ французскихъ офицеровъ къ себѣ, причемъ, однако, весьма сурово отзывался о врагахъ отечества. За- нятый прежде всего своимъ положеніемъ, Белькуръ много рассказы- ваетъ о характерѣ сибирскихъ властей, о крайнемъ ихъ самоуправ- ствѣ, о тяжелыхъ поборахъ, т.-е. взяткахъ, какія они берутъ особ- ливо съ купцовъ и со всѣхъ, кто имѣетъ къ нимъ какое-нибудь дѣло; о печальномъ состояніи плѣнныхъ и вообще ссыльныхъ, зависящихъ вполнѣ отъ произвола губернатора, наконецъ о характерѣ народа и внѣшности города, въ которомъ онъ долго прожилъ. Для исторіи стар- ыхъ сибирскихъ нравовъ здѣсь найдутся любопытныя черты. Обык- новенные ссыльные кажутся автору въ большинствѣ чрезвычайно испорченными и всего больше, можетъ быть, вслѣдствіе ихъ безза- щитнаго положенія, между тѣмъ какъ среди ихъ есть люди, которые могли бы быть очень полезны для края своимъ трудомъ и знаніемъ, напр., въ ремеслахъ. Безъ правильнаго устройства ихъ труда они дѣлаются только причиной порчи и самого туземнаго населенія: подъ ихъ вліяніемъ, — говоритъ Белькуръ, — „теперь кажется, что одинъ изъ главныхъ пунктовъ воспитанія у мѣстныхъ жителей, это — на- учиться самому тонкому плутовству и держать свое слово только тогда, когда это имъ выгодно. Когда они узнаютъ болѣе смѣлаго лжеца и болѣе ловкаго плута, чѣмъ они сами, они считаютъ его ве- ликимъ политикомъ и тѣмъ больше его уважаютъ: самъ губерна- торъ сдѣлалъ себѣ большую репутацію въ этомъ родѣ“. Белькуръ увѣренъ, однако, что сибирская жизнь могла бы быть совсѣмъ иная.

„Еслибы явился въ Сибирь губернаторъ просвѣщенный и который цѣнилъ бы честность, любовь къ общественному благу, согласно съ повелѣніями благонамѣренной власти, онъ могъ бы сдѣлать эту страну одною изъ самыхъ цвѣтущихъ. Все здѣсь достаточно изобильно, чтобы можно было обходиться безъ помощи сосѣдей. Здѣсь много очень богатыхъ и изобильныхъ рудниковъ; мѣха всякаго рода и въ изобиліи; съѣстные припасы очень дешевы ¹⁾; но другія вещи продаются на вѣсь золота. Причина этого злоупотребленія — недостатокъ хорошаго управленія. Тѣ, кто править дѣлами, слѣдуютъ только законамъ своей прибыли или своего каприза. Они ни въ чемъ не откажутъ тому, кто сдѣлаетъ имъ самый большой подарокъ, даже въ самой вопіющей несправедливости. Вслѣдствіе этого каждый держится на-сторожѣ, подавляетъ въ себѣ соревнованіе въ торговлѣ и въ искусствахъ, и всѣ живутъ, какъ говорится, со дня на день; но всегда внимательные къ случаю одурачить другихъ или остерегаться отъ обмана самимъ, они дошли въ этомъ до такого совершенства, что могли бы давать въ этомъ отношеніи уроки самому утонченному итальянцу“ ²⁾.

„Житель Сибири есть настоящій рабъ подъ властью тирановъ. Онъ не можетъ разсчитывать, что завтра будетъ имѣть то, чѣмъ владѣетъ сегодня“. Белькуръ разсказываетъ о тобольскомъ плацъ-майорѣ (о губернаторѣ нечего и говорить): „извѣстно всѣмъ, и онъ самъ открыто говоритъ, что хлѣбъ, мясо, дичь, водка, чай, сахаръ, кофе и другая провізія не стоятъ ему ничего“, и т. п.

„Сибирскіе туземцы крайне грубы (*de la dernière rusticité*), выносливы, чрезвычайно трезвы и ведутъ жизнь самую умѣренную“, — только въ праздники они предаются необузданному пьянству. „Но у нихъ много охоты и способности усвоивать все, чему ихъ научаютъ. Нельзя лучше владѣть топоромъ. Съ однимъ этимъ орудіемъ они обыкновенно дѣлаютъ себѣ дома, столы, стулья и другія вещи этого рода, необходимыя въ хозяйствѣ. Кромѣ пьянства и храбрости, сибирскій народъ очень похожъ на туземцевъ Канады ³⁾. Ихъ лодки, весла, топоры, шубы, платье, манера садиться на лошадей и много другихъ вещей почти совершенно одинаковы. Сибиряки отличаются добродушіемъ; они очень услужливы и гостепріимны. Но жестокость управленія ввела пороки, которыхъ они не знали бы, еслибы страхъ не сдѣлалъ ихъ лжецами и плутами, а бѣдность — негодаями, какіе только есть“. Отзывъ Белькура о сибирскихъ женщинахъ также не весьма благопріятенъ (стр. 108, 111—112).

¹⁾ Онъ приводитъ образчики въ самомъ дѣлѣ удивительныхъ цѣнъ.

²⁾ Стр. 81—83, также стр. 104, 108 и др.

³⁾ Белькуръ зналъ эту страну по своей прежней службѣ.

Но, несмотря на эти отзывы о сибирскомъ народѣ, Белькуръ въ концѣ книги приходитъ къ очень распространенному тогда, если не общему, мнѣнію на западѣ, что русскіе такъ грубы или такъ испорчены, что ими можно управлять только страхомъ и палкой (стр. 236—237).

Отмѣтимъ еще разсказъ о завоеваніи Сибири, гдѣ Белькуръ опровергаетъ „ошибки“ Вольтера по этому предмету. Завоевателемъ Сибири Белькуръ называетъ не Ермака, а яицкаго казака Нечаева ¹⁾: исторія та же, какъ исторія Ермака, но приправлена сантиментальными подробностями.

Попался въ русскій плѣнъ и одинъ нѣмецкій почтмейстеръ, изъ Пиллау въ Помераніи, нѣкто Вагнеръ, также оставившій описаніе своего плѣна ²⁾. Дѣло было во время Семилѣтней войны; сѣверо-восточная часть Пруссіи занята была русскими; въ одно прекрасное утро почтмейстеръ въ Пиллау былъ арестованъ, и началось слѣдствіе по какому-то политическому дѣлу, о которомъ Вагнеръ не даетъ яснаго понятія,—видно, однако, что арестъ не былъ лишень основанія и что почтмейстеръ участвовалъ въ какомъ-то мелкомъ заговорѣ противъ русскихъ. Черезъ нѣсколько времени ему объявленъ былъ приговоръ—смертная казнь, замѣненная ссылкой въ Сибирь. Черезъ Москву и Казань Вагнеръ и двое другихъ осужденныхъ были увезены въ Tobolskъ, въ закрытыхъ кибиткахъ, подъ строжайшимъ присмотромъ, отъ котораго Вагнеръ откупался по временамъ взятками провожавшему ихъ офицеру. Въ первое время ареста и на пути почтмейстеру пришлось испытать не мало непріятностей, но въ Tobolskѣ жилось ему уже свободнѣе, а другой надзиратель, который поточъ свезъ его дальше въ Мангазею, былъ человѣкъ добрый, какъ и мангазейскій воевода. Вообще ссыльный чувствовалъ себя не такъ дурно; онъ былъ человѣкъ запасливый: еще на выѣздѣ изъ Пруссіи онъ успѣлъ взять съ собой денегъ, такъ что на дорогѣ и въ Сибири могъ помогать своимъ товарищамъ и самъ не нуждался; деньги были нужны и для взятокъ, безъ которыхъ, по словамъ его, обойтись у русскихъ нельзя. Въ Сибири Вагнеръ прожилъ до 1763 года; въ іюнѣ этого года онъ получилъ свободу и возвратился домой въ началѣ 1764 года, въ тотъ же самый день въ февралѣ, въ который былъ оттуда вывезенъ въ 1759 году. Предусмотрительный почтмей-

¹⁾ „Neizaïeff, Cosaque de la nation de Yéichk“, стр. 192—194.

²⁾ Johann Ludwig Wagners, gegenwärtig Königl. Preuss. Postdirectors zu Graudenz, Schicksale während seiner unter den Russen erlittenen Staatsgefängenschaft in den Jahren 1759 bis 1763, von ihm selbst beschrieben und mit unterhaltenden Nachrichten und Beobachtungen über Sibirien und das Königreich Casan durchwebt, и проч. Mit 5 Kupfern. Berlin, 1789.

стеръ захватилъ съ собою въ Сибирь скрипку и флейту, на которыхъ имъ съ товарищемъ и случалось играть по дорогѣ и которыми потомъ онъ развлекался въ ссылке. Забавно, что, вернувшись въ Пруссію, онъ желалъ представиться королю, успѣлъ въ этомъ — подалъ королю просьбу и счетъ въ 6000 рейхсталеровъ¹⁾; повидимому, такъ оцѣнилъ онъ свои убытки отъ преданности отечеству. Король, по его словамъ, милостиво принялъ его записку и счетъ, но по счету не заплатилъ; на другой день почтмейстеру-патріоту было объявлено, что Семилѣтняя война обошлась слишкомъ дорого, и ему не могутъ теперь помочь деньгами, но что ему опять дадутъ мѣсто въ почтовомъ вѣдомствѣ. Онъ возвратился въ свой Пиллау, откуда потомъ переведенъ былъ въ Грауденцъ, причемъ жалуется опять, что переселеніе принесло ему убытокъ въ 2000 рейхсталеровъ.

Изъ этого можно видѣть, что Вагнеръ былъ человѣкъ обстоятельный. Къ русскимъ онъ относился съ большимъ пренебреженіемъ, съ высоты своего нѣмецкаго просвѣщенія и аккуратности; но въ Сибири онъ встрѣчалъ, однако, людей столь добродушныхъ, что они, кажется, умиротворили его въ тяжеломъ положеніи *ohne Umgang mit gesitteten Menschen*. Почти все время своей ссылки онъ прожилъ въ Мангазеѣ и умѣлъ наполнять свое время, читалъ три книжки, которыя успѣлъ захватить съ собою и, наконецъ, почти выучилъ наизусть, игралъ на скрипкѣ и на флейтѣ, училъ своего тюремщика, унтеръ-офицера, танцамъ, а у него учился русской азбукѣ, хотя говорятъ, что еще въ Пруссіи зналъ нѣсколько по-русски.

Разсказъ Вагнера сосредоточенъ, главнымъ образомъ, на его особѣ, но пришлось при этомъ разсказать и объ окружавшей его обстановкѣ, и нѣсколько замѣчаній о сибирскихъ обычаяхъ, о тогдашнемъ бытѣ инородцевъ (онъ видѣлъ татаръ, самоѣдовъ, тунгусовъ, якутовъ, якутовъ), доставляютъ историческія черты, не лишеныя интереса. Между прочимъ, приглядѣвшись къ русскимъ, онъ, кажется, нѣсколько примирился съ ними и сталъ выше цѣнить и ихъ характеръ, и способности. Напрямѣръ, онъ приходитъ въ восторгъ отъ сибирской рѣзбы изъ дерева и мамонтовой кости, гдѣ простые люди самоучкой достигали большого совершенства: „Русскій остроумецъ и изобрѣтатель. замѣчаетъ онъ по этому поводу, — и сколько я могу судить объ этомъ, ждетъ только образованія его врожденныхъ талантовъ, чтобы стать великимъ художникомъ“ (стр. 106).

Упомянемъ, наконецъ, объ одной книжкѣ, которая нѣсколько

¹⁾ „Indem Se. Majestät nach der Parade zum Schlosse ging, trat ich auf der kleinen Brücke vor, und überreichte ein Memorial nebst einer Rechnung von 6000 Reichthalern. Der Monarch äußerte sich gnädig, hiess mich willkommen am Sibirien, стр. 207.“

обманываетъ своимъ заглавіемъ ¹⁾. Эта книга предназначалась быть исторіей французской эмиграціи, съ описаніемъ тѣхъ странъ, куда эмиграція удалялась. Въ разсказѣ о бѣгствѣ эмигрантовъ, который долженъ былъ служить „страшнымъ урокомъ для всѣхъ націй“, между прочимъ названъ длинный рядъ лицъ старой французской знати, которымъ пришлось совсѣмъ демократизироваться и поселиться въ чужихъ странахъ. Между прочимъ, приведенъ списокъ лиг, графовъ, маркизовъ и виконтовъ, поселившихся на Волыни, и списокъ женщинъ, графинь и маркизъ, „которыхъ мужья были убиты и которыя послѣдовали за другими эмигрантами въ Камчатку“ (стр. 61). Самыя описанія, кажется, состоятъ только изъ перепечатокъ.

---

¹⁾ Voyages et aventures des émigrés français depuis le 14 juillet 1789 jusqu'à l'an VII, époque de leur expulsion par différentes puissances de l'Europe, dans la Volhynie, le gouvernement d'Achangel, la Sibérie, la Samojédie, le Kamtchatka, les îles Canaries, l'île de Majorque, Minorque, le Canada, etc. Avec les noms d'un grand nombre d'émigrés remarquables par les événements qu'ils ont éprouvés et проч. Par L. M. II. Paris. An VII de la République. 2 небольших тома.

ГЛАВА V.

Время Александровское и Николаевское, до сороковых годовъ.

Ученныя предпріятія XIX вѣка.

Путешествія Александровскаго времени: плаванія Крузенштерна и Лисянскаго, Геденштрома, Хвостова и Давыдова, Головинна, Коцебу, Литке.—Путешествіе Врангеля, Анжу и Матюшкина.—Кохрэнъ.

Николаевское время: Ледебуръ, Ганстенъ, Эрманъ.

„Землеводііе“ Риттера.—„Средняя Азія“ Александра Гумбольдта.—Экспедиція Миддендорфа.

Мы говорили до сихъ поръ съ нѣкоторою подробностью о постепенномъ ходѣ изслѣдованій Сибири, которыя всего чаще были открытіями: страна была неизслѣдована; рядъ путешественниковъ и предпріимчивыхъ людей отправлялся, наугадъ, отыскивать новыя земли, извѣстныя только по слухамъ; ученые естествоиспытатели, географы, астрономы, въ первый разъ опредѣляли географическія мѣстности, свойства природы, описывали невиданныя прежде племена. Къ концу XVIII-го вѣка первоначальный трудъ былъ довершенъ, но оставалось еще громадное поле наблюденій всякаго рода: сѣверныя и восточныя очертанія Сибири не были положены на карты съ полною точностью; въ серединѣ материка далеко не закончены были изслѣдованія мѣстностей и племенъ; для натуралистовъ оставалось множество недостаточно изученныхъ вопросовъ; большинство старыхъ астрономическихъ опредѣленій оказывались неудовлетворительными. Наконецъ, предстоялъ громадный и высоко-интересный трудъ научныхъ обобщеній.

Все это составило предметъ новыхъ изслѣдованій, исполненныхъ въ теченіе XIX-го вѣка и еще исполняемыхъ до настоящей минуты.

Масса этихъ новѣйшихъ изслѣдованій такъ громадна, она обнимаетъ такое множество специальныхъ изысканій, что подробное указаніе ихъ становится недоступнымъ для общаго обзорѣнія, какое мы имѣемъ въ виду; эти подробности принадлежатъ специальнымъ наукамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ имена многихъ изслѣдователей Сибири въ различныхъ областяхъ природы и исторіи пользуются такою широкою славой, что намъ довольно будетъ иногда только назвать тѣ труды, чтобы указать, какое обиліе научнаго знанія было примѣнено къ изслѣдованію этой страны. Какъ ни были велики усилія, потраченные XVIII-мъ и даже XVII-мъ вѣкомъ на описаніе Сибири, какъ ни были велики основныя результаты, достигнутыя старинными походами, плаваніями и экспедиціями, все это въ научномъ отношеніи не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣми громадными научными предпріятіями, какія совершены были въ нашемъ вѣкѣ и которыя окончательно ввели изученіе Сибири въ область европейской науки.

Въ царствованіе императора Александра I сибирскія изслѣдованія сравнительно были немногочисленны: политическія событія слишкомъ отвлекали вниманіе правительства, и послѣ большихъ экспедицій XVIII-го вѣка научное преданіе нѣсколько ослабѣло. Тѣмъ не менѣе, первымъ десятилѣтіемъ нашего вѣка принадлежитъ нѣсколько замѣчательныхъ предпріятій, между прочимъ коснувшихся и Сибири. Таково было, папримѣръ, первое русское кругосвѣтное плаваніе знаменитаго Крузенштерна и его сотоварища Лисянскаго ¹⁾.

Первоначальная мысль путешествія принадлежала самому Крузенштерну, который раньше плавалъ на англійскомъ кораблѣ въ Ост-Индію, оттуда бывалъ въ Кантонѣ въ 1798—99 годахъ, и заинтересованный русской мѣховою торговлею съ Китаемъ, которая шла изъ Охотска сухимъ путемъ на Кяхту, дѣлалъ предположенія о томъ, что она болѣе выгодно могла идти прямо, моремъ. Въ Петербургѣ онъ дѣлалъ о томъ представленія властямъ, и, наконецъ, рѣшена была кругосвѣтная экспедиція, которая между прочимъ должна была выяснитъ этотъ предметъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду установить прямыя сношенія метрополіи съ американскими владѣніями,

¹⁾ „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5, 1806 годахъ, по повелѣнію Его Императорскаго Величества Александра Перваго, на корабляхъ „Надежда“ и „Нева“, подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Крузенштерна“. 3 части, съ атласомъ, Сиб. 1809—1813. Нѣмецкій переводъ, Сиб. 1810—14; Берлинъ, 1811—12, и въ тѣ же годы шведскій, голландскій, англійскій, итальянскій (1818), датскій (1818), французскій (1821).

— „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5 и 1806 годахъ, на кораблѣ „Нева“ подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Юрія Лисянскаго“. 2 части, съ атласомъ. Сиб. 1812. Англійскій переводъ, Лондонъ, 1814: Urey Lisiansky, „A voyage round the world“, и пр.

для болѣе удобной доставки необходимыхъ тамъ вещей, о чемъ хлопотала руссійско-американская компанія. Всего больше устройству плаванія содѣйствовали извѣстный Н. П. Мордвиновъ и гр. Н. П. Румянцовъ, тогда министръ коммерціи ¹⁾).

Экспедиція направилась изъ Петербурга черезъ Атлантическій океанъ и обогнула мысъ Горнъ, и затѣмъ, на сѣверѣ Тихаго океана изъ русскихъ и сосѣднихъ земель обратила особенное вниманіе на Камчатку, Курильскіе острова и Сахалинъ ²⁾). Это было первое русское кругосвѣтное плаваніе: въ запискахъ Крузенштерна ведется любопытный разсказъ о видѣнномъ имъ въ теченіе пути, особливо о бытѣ и о нравахъ посѣщенныхъ экспедиціею дикарей; въ великолѣпномъ по своему времени атласѣ находятся многочисленныя карты, планы и рисунки — любопытныя, вмѣстѣ съ разсказомъ, для современныхъ антропологовъ. Въ Камчаткѣ и на смежныхъ островахъ Крузенштернъ разсказываетъ особливо объ аинахъ, обитателяхъ Сахалина, чукчахъ и пр., и въ приложеніи помѣстилъ словарь, въ 2.000 словъ, айносскаго языка, составленный лейтенантомъ Давыдовымъ, и небольшой сборникъ чукотскихъ словъ, составленный поручикомъ Д. Кошелевымъ.

Лисянскій командовалъ вторымъ кораблемъ экспедиціи и шелъ иногда врозь съ первымъ; поэтому въ его книгѣ являются новыя предметы наблюденій, а по прибытіи на мѣсто Лисянскій направился къ берегу Америки и даетъ подробное описаніе Ситхи (онъ называетъ ее Ситка) и острова Кадыака; между прочимъ, Лисянскому пришлось принять участіе въ окончательномъ покореніи жителей Ситхи. И здѣсь находятся этнографическія подробности о туземныхъ инородцахъ, описаніе ихъ обычаевъ и четыре сборника словъ изъ языка различныхъ жителей Кенайскаго залива, Кадыака, Ситхи и Уналашки.

Румянцовъ былъ особливо заинтересованъ подобными путешествіями, и въ естественно-историческомъ отдѣлѣ его музея собралось не мало предметовъ, собранныхъ въ этихъ экспедиціяхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя имъ снаряжено было плаваніе Геденштрёма, въ 1809 г., для изслѣдованія острова Новая Сибирь, на сѣверъ отъ устья Индигирки, открытаго передъ тѣмъ, въ 1806 году, купеческимъ сыномъ Сыроватскимъ ³⁾).

¹⁾ Но экспедиція не была снаряжена на средства послѣдняго, какъ говорятъ Венюковъ. Арефъ, стр. 11.

²⁾ Венюковъ упрекаетъ Крузенштерна въ ошибкѣ, что онъ считалъ Сахалинъ полуостровомъ, и дѣйствительно такъ онъ названъ и (неясно) изображенъ на картѣ; но въ текстѣ книги, т. II, гл. V, Сахалинъ трактуется какъ островъ и говорится о Татарскомъ „проливѣ“.

³⁾ Его записки изданы были послѣднѣе: „Отрывки о Сибири М. Геденштрёма“.

Въ одно время съ книгами Крузенштерна и Лисянскаго вышло въ свѣтъ описаніе путешествій, сдѣланныхъ ранѣе двумя морскими офицерами, Хвостовымъ и Давыдовымъ, которые дѣлали изысканія въ Охотскомъ морѣ и вообще въ сѣверной части Тихаго океана ¹⁾).

Съ 1807 года начинаются путешествія В. М. Головнина ²⁾, которымъ сдѣланы были важныя гидрографическія изслѣдованія въ сѣверной части Тихаго океана. Извѣстно, что среди этихъ трудовъ онъ захваченъ былъ японцами и провелъ два года въ плѣну, о которомъ оставилъ любопытныя записки и изъ котораго освобожденъ былъ Рикордомъ.

Въ 1815—1818 годахъ совершалось плаваніе экспедиціи Коцебу на счетъ канцлера Румянцова ³⁾; въ числѣ натуралистовъ, сопровождавшихъ экспедицію, былъ молодой ученый, впоследствии знаменитый нѣмецкій писатель Адальбертъ Шамиссо. Изъ Кронштадта Ко-

Спб. 1830, и на нѣмецкомъ языкѣ: „Fragmente oder etwas über Sibirien“, Спб. 1842. Объ его біографіи см. академика Шмидта: *Bemerkungen zu Nordenskiöld's Umseglung Asiens und Europas auf der Vega*, въ „Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches und der angrenzenden Länder Asiens“, 2-те Folge, herausg. von Helmersen und Schrenck. Спб. 1883, т. IV, стр. 357 — 365; откуда въ Sibirien, von N. Jadrinzew, bearb. von Ed. Petri, Jena, 1886, стр. 470 — 472.

¹⁾ „Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ: Хвостова и Давыдова“. 2 части, Спб. 1810—1812. О нихъ упоминаетъ Крузенштернъ, II, стр. 122, 128 — 129; III, стр. II (предисловіе). О походахъ этихъ двухъ пріятелей ср. Сочиненія Державина, Грота, т. III. Нѣмецкій переводъ путешествія Хвостова и Давыдова, Берлинъ, 1816.

²⁾ „Путешествіе Россійскаго Императорскаго шлюпа Діаны изъ Кронштадта въ Камчатку, совершенное подъ начальствомъ флота лейтенанта Головнина, въ 1807, 1808 и 1809 годахъ, съ присовокупленіемъ сокращенныхъ записокъ о плаваніи его для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 году“; издано Адмиралтейскимъ Департаментомъ. 3 части, Спб. 1819.

— Другая его книга: „Путешествіе вокругъ свѣта, по повелѣнію Государя Императора, совершенное на военномъ шлюпѣ Камчаткѣ, въ 1817, 1818 и 1819 годахъ флота капитаномъ Головниннымъ“. 2 части. Спб. 1822.

— Далѣе: „Записки В. Головнина въ плѣну у японцевъ, въ 1811—13 г., и жизнеописаніе автора“. Съ портр. и карт. Спб. 1851 (Сюда же имѣютъ отношеніе „Записки о плаваніи Рикорда“ и пр., Спб. 1851).

Новое изданіе: Сочиненія и переводы В. М. Головнина. 5 томовъ, съ портретомъ, картами и планами. Спб. 1864.

Этотъ Головнинъ былъ отецъ бывшаго министра нар. просвѣщенія, А. В. Головнина.

³⁾ „Путешествіе въ южный океанъ и въ Беринговъ проливъ для отысканія сѣверо-восточнаго морского прохода, предпринятое въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ иждивеніемъ его сіятельства господина госуд. канцлера, графа Ник. Петр. Румянцева на кораблѣ „Рырикъ“ подъ начальствомъ флота лейтенанта Коцебу“. Спб. 1821 (ч. 1 и 2) — 1823 (ч. 3), 4°. Съ атласомъ. Нѣмецкое изданіе: Веймаръ, 1821 (передѣлка для юности, Ганноверъ, 1821); англійскій переводъ, Лонд. 1821; голландскій, Амстердамъ, 1822.

Врангель, лифляндскій баронъ по происхожденію (1794—1870), учился въ морскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, еще очень молодымъ человѣкомъ участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Головнина и показалъ такое дарованіе, что ему поручена была въ 1820 г. трудная экспедиція, которая сдѣлала славнымъ его имя. Экспедиція продолжалась около пяти лѣтъ и состояла въ сухопутномъ изслѣдованіи наименѣе доступныхъ окраинъ сѣверной Сибири—отъ устья Колымы на востокъ до Берингова пролива, и въ изслѣдованіи моря на возможно дальнемъ разстояніи отъ берега; Врангель пускался поэтому и въ океанъ—по льду, на собакахъ, и достигъ многихъ важныхъ результатовъ какъ въ изслѣдованіяхъ географическихъ, такъ и въ описаніи сѣверной природы и быта туземцевъ. Разсказъ о его необыкновенныхъ путешествіяхъ исполненъ интереса; его спутники нерѣдко дѣлали отдѣльныя экскурсіи, всегда рискованныя въ снѣжныхъ пустыняхъ и при страшныхъ морозахъ; путешественники оставались иногда надолго безъ всякихъ извѣстій другъ о другѣ и испытывали вообще всѣ тревоги смѣлыхъ предиріятій и приключеній. Спутникъ Врангеля, Анжу, долженъ былъ изслѣдовать морской берегъ по обѣ стороны отъ устья Яны; затѣмъ странствовали отдѣльно штурманы Ильинъ, Козьминъ, мичманъ Матюшкинъ. Этотъ послѣдній (1799—1872) былъ извѣстный лицейскій товарищъ Пушкина, рано отдавшійся своей страсти къ морю и вспомнутый Пушкинымъ въ стихотвореніи „19-е октября“. Сдѣлавши первые опыты морской службы подъ начальствомъ Головнина, онъ работалъ затѣмъ въ экспедиціи Врангеля, который вообще былъ очень доволенъ дѣятельностью своего молодого сотрудника: въ книгу Врангеля вошли два путевыхъ отчета Матюшкина—объ его поѣздкѣ къ рѣкѣ Анголѣ, притоку Колымы, и по тундрѣ къ востоку до чукотскихъ поселеній, и эти двѣ главы,—по словамъ г. Грота, съ которыми и мы согласимся,—принадлежатъ къ самымъ интереснымъ страницамъ книги Врангеля ¹⁾. Кромѣ фактовъ географическихъ, астрономическихъ наблюденій, картинъ природы крайняго сѣвера, путевыхъ приключеній, книга Врангеля даетъ еще любопытныя этнографическія данныя объ инородческихъ племенахъ — якутахъ, юкагирахъ, чукчахъ, омокахъ. Выше упомянуто, что Врангелемъ найдены были остатки экспедиціи Шалаурова ²⁾. Между прочимъ, Врангель встрѣтился съ англійскимъ тури-

тестевию, изд. Академіи наукъ. Русскій издатель старается извинить позднее появленіе книги отсутствіемъ Врангеля и т. п., но это не мѣшало же явиться къ нему переводу. По русскому изданію сдѣланъ французскій переводъ кн. Эми. Голицына, Paris, 1848.

¹⁾ См. I, стр. 252, 272; II, стр. 75—114 и 280—279. О Матюшкинѣ см. книгу Грота: „Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники“. Спб. 1887, стр. 98—107.

²⁾ Т. I, стр. 92; II, стр. 341—342.

Сюда направляются и знаменитые ученые, какъ Гумбольдтъ, и молодые естествоиспытатели, которые трудами въ Сибири начинали свою ученую славу. Всѣ основныя отрасли естествознанія примѣняются къ физическимъ явленіямъ Сибири, и результаты полученныхъ наблюденій входятъ важнымъ матеріаломъ для научныхъ построений. Не исчисляя всѣхъ этихъ путешествій, отмѣтимъ особенно извѣстныя и богатые результатами.

Въ 1826 нѣмецкій ботаникъ Ледебуръ, въ то время профессоръ въ Дерптѣ, предпринялъ путешествіе въ Алтай, результатомъ котораго было описаніе путешествія ¹⁾ и рядъ специальныхъ трудовъ по алтайской флорѣ. Въ 1828—30 годахъ шведскій астрономъ и естествоиспытатель Ганстенъ (1784—1873) совершилъ путешествіе въ Сибирь для магнитныхъ наблюденій, и кромѣ специальнаго труда, посвященнаго магнитнымъ, астрономическимъ и метеорологическимъ изысканіямъ и исполненнаго имъ вмѣстѣ съ норвежскимъ лейтенантомъ Дуэ (1863), онъ издалъ воспоминанія о своемъ сибирскомъ путешествіи ²⁾. Кромѣ Дуэ, къ Ганстену присоединился въ этомъ путешествіи другой, впоследствии очень извѣстный ученый, Адольфъ Эрманъ, который вмѣстѣ съ нимъ проѣхалъ до Иркутска, а затѣмъ сдѣлалъ отдѣльное путешествіе по сѣверу Сибири отъ нижней Оби до Охотска, Камчатки и русско-американскихъ владѣній, законченное кругосвѣтнымъ плаваніемъ. Цѣлью Эрмана было также изученіе земного магнетизма, и опять, кромѣ специальнаго труда объ этомъ предметѣ, онъ издалъ описаніе своего путешествія ³⁾. Впоследствии онъ издавалъ въ Берлинѣ специальный научный сборникъ, посвященный изученію Россіи ⁴⁾. Далѣе, на западномъ краѣ Азіи началъ свои первые труды русско-нѣмецкій ученый, недавно умершій Гельмерсенъ, впоследствии много работавшій по геологическому и минералогическому изученію Россіи европейской и азіатской. Кончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, Гельмерсенъ (род. 1803) уже въ 1826 г. сопровождалъ своего профессора Морица Энгельгардта на Уралъ, затѣмъ въ 1828—29, съ извѣстнымъ впоследствии минералогомъ Гофманомъ (позднѣ профессоромъ петербургскаго университета), совершалъ геогностическія изысканія на Уралѣ, и здѣсь, по возвращеніи

¹⁾ „Reise durch das Altai-Gebirge und die Kirgisensteppe, etc“. Berlin, 1828—30, два тома.

²⁾ Christoph Hansteen, „Reise-Erinnerungen aus Sibirien“. Deutsch von H. Seibald. Leipzig, 1854. Нѣсколько нѣмецкихъ изданій, голландское, шведское и французское.

³⁾ Adolph Erman, „Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Ozeane in den Jahren 1828, 1829 und 1830“. Berlin, 1833—48. Книга явилась и въ англійскомъ переводѣ.

⁴⁾ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, 1841—1864.

силь старыя практическія разысканія и захваты земель въ XVII столѣтіи; второй періодъ идетъ съ Петра Великаго, когда начинаются первыя научныя изслѣдованія, и завершается появленіемъ книги Гумбольдта; съ Гумбольдта начинается новѣйшая эпоха сибирскихъ изученій, въ основѣ которыхъ лежатъ его естественно-историческія обобщенія.

Экспедиція производила наблюденія астрономическія, изучала геогностическій характеръ почвы, собирала разныя коллекціи, дѣлала изысканія о климатѣ, земномъ магнетизмѣ, изслѣдовала рудники и залежи золота и платины, изучала строеніе горныхъ хребтовъ и т. п. Сочиненіе Гумбольдта, гдѣ собраны главнѣйшія изслѣдованія и результаты этой экспедиціи, стало классической книгой по изученію средне-азиатской природы. Книга написана съ обычнымъ искусствомъ и громадною ученостью знаменитаго естествоиспытателя. Рѣдкая универсальность знаній давала ему возможность охватывать предметъ во всей сложности его явленій и изображать его съ тою ясностью и точностью, которыя составляли особенность его ума и дарованія: изложеніе, хотя обставленное массою специальныхъ подробностей, бываетъ привлекательно даже для обыкновеннаго читателя. Кромѣ естествознанія въ его полномъ распоряженіи была громадная литература древнихъ классическихъ, восточныхъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ писателей въ такомъ обиліи, въ которомъ немногіе могли равняться съ авторомъ „Космоса“.

Въ трудахъ Риттера и Гумбольдта изслѣдованія Сибири окончательно становятся достояніемъ европейской науки. Это были первыя широкія обобщенія, въ которыхъ открывалась прочная опора для дальнѣйшихъ разысканій. И дѣйствительно, въ новомъ наступившемъ теперь періодѣ мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемся съ монументальнымъ трудомъ, который для извѣстной части Сибири достойнымъ образомъ выполняетъ поставленную задачу. Этотъ трудъ есть экспедиція А. О. Миддендорфа.

Начатая въ томъ самомъ году, когда вышла книга Гумбольдта, эта экспедиція остается до сихъ поръ самымъ крупнымъ предпріятіемъ, какое было исполнено у насъ по изученію Сибири: потребовалось больше тридцати лѣтъ для того, чтобы обработать должнымъ образомъ матеріалъ, собранный въ путешествіи 40-хъ годовъ ¹⁾. Путешествіе Миддендорфа вышло въ „четырехъ томахъ“, но почти

¹⁾ Dr. A. Th. v. Middendorff, „Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben“; 4 тома, 1848—1875. 4°.

каждый „томъ“ дѣлится на „части“, потомъ на „выпуски“, величиной равняющіеся хорошему обыкновенному тому, такъ что въ цѣломъ получается обширное изданіе. Отдѣльныя части изданія были обработаны, кромѣ самого Миддендорфа, еще многими учеными. Такъ въ обработкѣ отдѣла метеорологій, магнетическихъ наблюденій, геогнозій и палеонтологій приняли участіе Бэръ, Гельмерсенъ, Ленцъ, Петерсъ и др.; въ отдѣлѣ ботаники—Траутфеттеръ, Рупрехтъ, Мейеръ; въ отдѣлѣ зоологій—Брандтъ, Эрихсонъ, Менетріе и др.; матеріалы для изученія языка якутовъ дали поводъ къ цѣлому обширному изслѣдованію Бѣтлинга объ якутскомъ языкѣ, занимающему весь третій томъ изданія. На русскомъ языкѣ трудъ Миддендорфа явился въ двухъ томахъ ¹⁾).

Первоначальная идея экспедиціи, исполненной Миддендорфомъ, принадлежала Бэру (1792 — 1876). Въ 1840 году самъ Бэръ предпринялъ путешествіе въ Лапландію для изученія вопроса о предѣлахъ и условіяхъ органической жизни на крайнемъ сѣверѣ; еще тогда онъ пригласилъ къ участію въ экспедиціи Миддендорфа, который въ то время былъ профессоромъ зоологій въ кievскомъ университетѣ. Для дальнѣйшаго опредѣленія вопроса Бэръ находилъ нужнымъ новое путешествіе въ край, еще болѣе сѣверный, и его выборъ останавливался на самой сѣверной оконечности Сибири, именно, на Таймырскомъ полуостровѣ (между устьями Енисея и Хатанги); требовался именно сѣверный континентальный пунктъ, такъ какъ только при этомъ являлась возможность наблюдать постепенность измѣненія климатическихъ условій и вмѣстѣ измѣненіе органической жизни. Бэръ считалъ подобную экспедицію для себя уже невозможной: борьба съ тягостями крайняго сѣвера требовала свѣжихъ, молодыхъ силъ, и такъ какъ ему уже знакома была энергія Миддендорфа, онъ предложилъ послѣднему трудную задачу экспедиціи. Изъ среды членовъ Академіи наукъ составлена была коммиссія (кромѣ Бэра были здѣсь Брандтъ, Кемцъ и Мейеръ), которая выработала какъ программу научныхъ вопросовъ, такъ и практическіе совѣты для безопасности путешествія въ необычайныхъ условіяхъ крайняго сѣвера. Впослѣдствіи Бэръ выражалъ свое удивленіе энергіи Миддендорфа ²⁾).

Экспедиція началась въ 1843 году и распадалась на два путешествія—крайнее сѣверное и юго-восточное, цѣлью которыхъ были

¹⁾ „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“. 2 части. Спб. 1860 — 1869. 4°. Отмѣтимъ еще небольшое изданіе Миддендорфа: „Бараба“, съ лит. картой. Спб. 1871 (изъ XIX тома „Записокъ“ Акад. наукъ).

²⁾ „Mir scheint jetzt, — говорилъ онъ впослѣдствіи, — dass ich Middendorff's Ausdauer und Gewandtheit nicht über, wohl aber seine Dreistigkeit unterschätzt habe“. См. введеніе, въ 1-мъ томѣ.

Таймырь и Амуръ. Первый не былъ посѣщаемъ путешественниками съ половины прошлаго столѣтія, когда Прончищевъ и Челюскинъ опредѣлили его очертанія; Миддендорфъ и его спутникъ, топографъ Вагановъ (впослѣдствіи убитый китайцами въ географической экспедиціи въ Монголію) прожили здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ подъ 71° широты, производя свои изслѣдованія. Зимой слѣдующаго года, Миддендорфъ отпрачился черезъ Енисейскъ и Иркутскъ въ Якутскъ и затѣмъ на Шантарскіе острова въ Охотскомъ морѣ; отсюда, выплывъ на байдаркѣ къ устью рѣки Тугура, онъ переправился черезъ дикія пустыни Станового хребта къ пункту соединенія Шилки и Аргуни, т. е. къ началу Амура. Это было въ январѣ 1845 года. Нечего говорить о томъ, какими трудностями и весьма серьезными опасностями окружены были жизнь и странствія въ далекихъ сѣверныхъ широтахъ, при невыносимыхъ морозахъ и вьюгахъ (однажды Миддендорфу пришлось провести 18 дней подъ снѣгомъ), при недостаткѣ топлива, при трудности переѣздовъ. Амуръ въ то время еще не принадлежалъ Россіи, и путешествіе Миддендорфа не осталось безъ вліянія на судьбу этого края. Занятый впервые русскими за 200 лѣтъ передъ тѣмъ, Амуръ въ концѣ XVII-го вѣка былъ оставленъ по договору съ китайцами; мѣстные промышленники и торговцы заходили сюда безъ вѣдома обоихъ правительствъ; до Миддендорфа былъ на Амурѣ офицеръ генеральнаго штаба, Ладыженскій, въ 1834, но Миддендорфъ проникъ гораздо далѣе на Амуръ, и, главное, кромѣ естественно-историческихъ наблюденій, онъ нашелъ истинную тогдашнюю границу русскихъ владѣній по „омбоинамъ“ (пограничнымъ знакамъ) и удостовѣрился личнымъ наблюденіемъ, что страна къ сѣверу отъ рѣки фактически не занята китайцами. Это была будущая русская Амурская область.

Миддендорфъ, какъ мы упоминали, собралъ огромный естественно-историческій матеріалъ, разработанный послѣ многими спеціалистами: онъ снималъ маршруты на огромныхъ пространствахъ, дѣлалъ наблюденія надъ температурой земли, надъ условіями растительности и измѣненіемъ ея формъ съ приближеніемъ къ сѣверу, надъ допотопными лѣсами и наносными деревьями, надъ морскими теченіями, собиралъ коллекціи, дѣлалъ изысканія этнографическія (особливо свѣдѣнія о самоѣдахъ, остякахъ, тунгусахъ, якутахъ, бурятахъ), изслѣдованія географическія и гидрографическія и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Для не-спеціалистовъ по естествознанію особенно интересны т. I, вѣм. изданія, введеніе; далѣе т. IV, часть I, вып. 1, введеніе, географія; тамъ же, часть II, вып. 3, сибирскіе туземцы.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Миддендорфѣ (род. 1815 г.) см. въ „Біогр. Словарѣ“ кіевскаго университета. Кіевъ, 1884, стр. 423—427.

ГЛАВА VI.

СОРОКОВЫЕ ГОДА. — ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНІЮ СИБИРИ. — НОВѢЙШІЯ ЭКСПЕДИЦІИ.

Русскія пріобрѣтенія въ Азіи. — Объединеніе научныхъ силъ и изысканій съ основаніемъ Географическаго Общества. — Русское изданіе „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера. — „Географическо-статистическій Словарь Россійской имперіи“, П. П. Семенова.

Новыя экспедиціи. — Забайкальская экспедиція Ахте. — Невельской и Козакевичъ. — Восточно-сибирская экспедиція Географ. Общества: труды Шварца, Радде, Шмидта, Глена. — Сибирскій Отдѣлъ Геогр. Общества, съ 1851. — Вилюйская экспедиція. — Раздвоеніе Сибирскаго отдѣла на восточный и западный, съ 1878. — Изслѣдованія въ Средней Азіи: Пржевальскій.

Г. Н. Потанинъ. — И. С. Поляковъ. — М. И. Венюковъ.

Путешествіе Миддендорфа (по старому академическому обычаю изданное по-нѣмецки, и только частію по-русски) было началомъ множества разысканій во всѣхъ направленіяхъ: съ него открывается обширная, трудно обозримая литература о Сибири и Средней Азіи, составляющая особую черту нашего научнаго движенія за послѣднія сорокъ лѣтъ. Разныя обстоятельства способствовали развитію этой литературы, — и во-первыхъ, обстоятельства внѣшнія, политическія. Съ пятидесятихъ годовъ чрезвычайно расширилась русская азіатская территорія: съ 1854 года, когда Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, спустился съ флотиліей, снаряженной въ Нерчинскѣ, внизъ по Амуру до его устья, эта рѣка съ Амурскою областью стала русскимъ владѣніемъ, къ которому присоединился вскорѣ Усурійскій край или Приморская область; съ другой стороны громадно раздвинулись русскія границы на сибирскомъ юго-западѣ, сначала пріобрѣтеніемъ Заилийскаго края, потомъ завоеваніемъ Ташкента, Самар-

канда, наконецъ южнаго Туркестана до занятія Мерва въ 1884 году. Новыя громадныя пространства, ставшія русской территоріей, стали и новымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій, которыя велись или правительственными экспедиціями, или частными предпріятіями, захватывая и южную часть собственной Сибири.

Было и другое внутреннее условіе, которое съ конца сороковыхъ годовъ сильно содѣйствовало возростанію научнаго интереса и размноженію изслѣдованій, официальныхъ и частныхъ. Это была организація ученыхъ силъ и предпріятій, выразившаяся основаніемъ Географическаго Общества. Было два главныхъ мотива, которые привели къ мысли о необходимости этого учрежденія: во-первыхъ, усиливалось сознаніе необходимости болѣе внимательнаго и цѣльнаго изслѣдованія русской народной жизни; во-вторыхъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ широкихъ предпріятій для изученія Азіи, явилась также мысль о необходимости сосредоточить географическія изысканія, которыя до сихъ поръ велись разъединенно, не имѣли себѣ одного общаго спеціальнаго органа и которыя могли быть еще болѣе успѣшны при содѣйствіи кружка научно заинтересованныхъ лицъ. Въ числѣ учредителей Географическаго Общества мы дѣйствительно находимъ какъ представителей возникавшей тогда русской научной этнографіи (Надеждинъ, Даль), такъ и географовъ, путешественниковъ и натуралистовъ, между прочимъ составившихъ свою славу изслѣдованіями въ разныхъ краяхъ Сибири (здѣсь были именно: Крузенштернъ, Врангель, Бэръ, Гельмерсенъ, Литке, Рикордъ, Чихачевъ) ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ едва новое общество успѣло установиться, какъ оно стало развивать оживленную дѣятельность и большая доля его трудовъ была посвящена именно Сибири и позднѣе Средней Азіи. Дѣятельность шла въ разныхъ направленіяхъ: въ трудахъ общаго

¹⁾ Въ исторіи перваго двадцатипятилѣтія Географическаго Общества мы читаемъ (стр. 7):

„Основаніе Общества находится въ ближайшей связи съ достопамятнымъ путешествіемъ академика Миддендорфа въ Таймырскую землю и въ Приамурскій край въ началѣ 40-хъ годовъ. На обѣдѣ, устроенномъ друзьями и почитателями путешественника по поводу его благополучнаго возвращенія, произошелъ первый обмѣнъ мыслей объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества. Недостатокъ въ такомъ обществѣ ощущался, впрочемъ, уже давно и главнымъ образомъ въ виду богатаго географическаго матеріала, быстро накоплавшагося благодаря той дѣятельности по изученію Россіи и ея отдаленныхъ окраинъ, которою были ознаменованы 20-ые и 30-ие года нынѣшняго столѣтія. Академикъ Бэръ и адмиралы Литке и баронъ Врангель, принадлежавшіе къ числу дѣятелей этой географической эпохи, были именно тѣ лица, которыя сдѣлали первые шаги къ осуществленію мысли объ учрежденіи нашего Общества. Съ самаго начала къ нимъ присоединились академики Струве, Гельмерсенъ и Кеппенъ, генералъ-адъютантъ Бергъ (бывшій тогда генералъ-квартирмейстеромъ), Даль и П. А. Чихачевъ“.

характера; въ спеціальныхъ ученыхъ экспедиціяхъ, и наконецъ въ установленіи географическихъ изслѣдованій на мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, русская наука и литература нуждались въ объединеніи того громаднаго географическаго матеріала, который разсѣянъ былъ въ трудахъ старыхъ и новыхъ экспедицій, въ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, заключавшихъ описательный матеріалъ, между прочимъ о Сибири. Въ исполненіе этой потребности совершены были въ особенности два замѣчательные труды, мысль о которыхъ возникла въ Географическомъ Обществѣ уже въ 1850 году. Это былъ, во-первыхъ, русскій переводъ, съ обширными дополненіями, „Землеводствія Азіи“ Риттера и, во-вторыхъ, „Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи“, два монументальные труды, составляющіе великую научную заслугу нынѣшняго вице-президента Общества, П. П. Семенова. Прибавимъ, что общественный интересъ, вызванный основаніемъ Общества, между прочимъ привлекъ и довольно значительныя частныя пожертвованія для его предпріятій, и благодаря имъ оказалось возможнымъ и исполненіе этихъ двухъ обширныхъ изданій.

Они оба имѣютъ ближайшее отношеніе къ Сибири, въ особенности первое. „Землеводствіе“ Риттера представляло въ то время, да и до сихъ поръ, наиболѣе полное изложеніе географическихъ данныхъ объ Азіи. Русское изданіе имѣло въ виду (по недостаточности средствъ) передать только тѣ части Риттеровой Азіи, которыя относятся къ Россіи и странамъ, съ нею сопредѣльнымъ, то-есть къ Китаю, Турану и Ирану, оставляя безъ перевода болѣе далекия страны, какъ Аравія, оба полуострова Индіи и пр. ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжить и дополнить изложеніе Риттера новыми данными, приобретенными паукой. Въ самомъ дѣлѣ, напр., первый томъ творенія Риттера вышелъ еще въ 1832 году, за четверть вѣка до появленія его въ русскомъ переводѣ, и естественно было, что онъ нуждался въ дополненіяхъ. Понятно, что эти дополненія требовали обширной на-

¹⁾ Цѣль этого предпріятія была выражена въ предисловіи русскаго изданія такъ:

„1) Сдѣлать великое твореніе Риттера доступнымъ для всей русской образованной публики и *подвинуть* тѣмъ самымъ мѣстныя *изслѣдованія* Азіи, какъ возбужденіемъ къ нимъ интереса, такъ и доставленіемъ мѣстнымъ изслѣдователямъ лучшаго сборника трудовъ ихъ предшественниковъ.

2) Разработать и упрочить русскую ученую *географическую терминологию* введеніемъ въ нее всѣхъ понятій лучшаго и многообъемлющаго географическаго творенія и упрочить *правописаніе* столь трудныхъ *азиатскихъ* географическихъ именъ.

3) Продолжить и дополнить Риттерову Азію *всѣмъ быстрымъ успѣхомъ науки* въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, что составляетъ трудъ *самостоятельный* и тѣмъ болѣе важный, что новѣйшая русская ученая литература сама представляетъ значительное богатство матеріаловъ для такого труда“.

читанности въ новѣйшей литературѣ предмета, и онѣ были исполнены въ русскомъ изданіи съ большимъ запасомъ свѣдѣній и точностью. Трудъ перевода и редакціи былъ сначала раздѣленъ между нѣсколькими лицами, по съ теченіемъ изданія главная работа осталась на рукахъ г. Семенова; отдѣлъ о Туркестанѣ и Кабулистанѣ былъ обработанъ В. Григорьевымъ, Иранъ — извѣстнымъ оріенталистомъ Ханыковымъ; все остальное сдѣлано г. Семеновымъ, съ которымъ, по нѣкоторымъ отдѣламъ, работалъ впоследствии извѣстный путешественникъ Потанинъ ¹⁾. Сначала дополненія помѣщались вслѣдъ за отдѣльными параграфами; но иногда онѣ разрастались въ цѣлые томы. Русское изданіе становится само новымъ географическимъ трудомъ высокаго достоинства по массѣ дополненій, собранныхъ изъ новой литературы предмета и новыхъ изысканій.

Столь же важный источникъ свѣдѣній представляетъ извѣстный „Географическо-статистическій Словарь“, составленный г. Семеновымъ съ нѣсколькими сотрудниками (5 томовъ, 1863—85). Онъ распространяется, конечно, и на Сибирь. Кромѣ точныхъ географическихъ описаній, при каждой мѣстности указана литература о ней, отъ старыхъ и до новѣйшихъ извѣстій, такъ что въ словарь вошла, отдѣльными подробностями, цѣлая исторія географическихъ открытій на дальнемъ сѣверѣ и востокѣ; въ статьѣ „Сѣверный Океанъ“ передана, въ сжатомъ изложеніи, вся исторія сѣверныхъ плаваній отъ Бѣлаго моря до Тихаго океана, съ половины XVI-го столѣтія до плаванія 1871 года, послѣдняго, которое могло быть занесено во время печатанія даннаго тома Словаря.

Со времени своего основанія и донныѣ Географическое Общество принимало живое участіе во всѣхъ почти безъ исключенія географическихъ предпріятіяхъ, какія направлялись на изученіе Сибири и Средней Азіи: оно бывало или само ихъ инициаторомъ, или присоединялось къ экспедиціямъ, какія задумывались другими учрежденіями и вѣдомствами. Такимъ образомъ изданія Географическаго Общества, въ его журналахъ или въ отдѣльно издаваемыхъ „путешествіяхъ“, „трудахъ экспедицій“ и т. п., являются основнымъ источникомъ географическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній о

¹⁾ „Землеуѣдѣніе Азіи. Карла Риттера. Географія странъ, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россією, т.-е. Китайской имперіи, независимой Татаріи, Персіи и Сибири (въ послѣдующихъ томахъ иначе: „...странъ, входящихъ въ составъ Россіи или пограничныхъ съ нею“), переведена по порученію Имп. Р. Геогр. Общества, съ дополненіями, служащими продолженіемъ Риттерова труда для матеріаловъ („на основаніи матеріаловъ“), обнародованныхъ съ 1832 года, и составленными П. Семеновымъ, д. чл. Имп. Р. Геогр. Общества“. Спб. 1856 — 79, до сихъ поръ девять томовъ.

Сибири. Его дѣятельность уже вскорѣ расширилась основаніемъ филиальныхъ отдѣловъ: Сибирскій отдѣлъ возникъ уже въ 1851, въ Иркутскѣ, раздѣлившись потомъ на Восточно-сибирскій, въ Иркутскѣ, и Западно-сибирскій, въ Омскѣ; Сибирь касается также отдѣлъ Оренбургскій.

Такимъ образомъ съ экспедиціи Миддендорфа открывается новый рядъ ученыхъ и развѣдочныхъ предпріятій, о которыхъ мы можемъ разсказать только вкратцѣ.

Первую экспедицію Географическое Общество снарядило уже на второмъ году своего существованія и направило ее по сосѣдству съ западною Сибирью на Уралъ, въ страну посредствующую между Европой и Азіею, на сѣверѣ до береговъ Ледовитаго океана, на югѣ до Чердыни и Богословска. Экспедиція съ 1847 года продолжалась нѣсколько лѣтъ и находилась подъ руководствомъ Э. К. Гофмана, который, какъ мы видѣли раньше, давно уже вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ дѣлалъ здѣсь свои первыя ученые наблюденія. Нѣсколько лѣтъ потребовалось на обработку собраннаго матеріала, въ которой, кромѣ Гофмана и его спутниковъ, инженера Стражевскаго, астронома Ковальскаго и др., приняли участіе извѣстные спеціалисты по разнымъ отраслямъ естествознанія—Густавъ Розе, графъ Кейзерлингъ, русско-нѣмецкіе академики Брандтъ и Рупрехтъ. Въ трудахъ экспедиціи, кромѣ обзора самыхъ путешествій, собраны наблюденія астрономическія, магнитныя, геологическія и палеонтологическія, географическія опредѣленія мѣстъ, описанія горъ, опредѣленія климата, флора и фауна ¹⁾.

Мы не будемъ останавливаться на изслѣдованіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ, на плаваніяхъ въ Новую Землю и Карское море, такъ какъ онѣ не имѣютъ ближайшаго отношенія къ Сибири. Въ тѣ же годы Географическое Общество обратило вниманіе на изслѣдованіе окраинъ Восточной Сибири. Болѣе или менѣе изслѣдованы были въ Сибири только нѣкоторыя мѣстности, какъ, напримѣръ, полоса вдоль большого сибирскаго тракта, иркутская губернія, Забайкалье, течение Лены, Камчатка; изысканія Миддендорфа долго еще не были изданы и опять касались только отдѣльныхъ мѣстностей Восточной Сибири: поэтому Географическое Общество снарядило обширную экспедицію, работавшую нѣсколько лѣтъ въ Восточной Сибири по разнымъ обла-

¹⁾ „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Изслѣдованія экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ, въ 1847, 1848 и 1850 годахъ“. Два тома, 4^о. Сиб. 1853—1856, съ таблицами видовъ, этнографическихъ типовъ и т. п. Отдѣльно издана была подробная карта съ профилемъ сѣвернаго Урала. Въ тѣ же годы вышло нѣмецкое изданіе: „Der Nördliche Ural und das Küstengebirg Pai-choi“. 2 тома.

стамъ естествознанія. Нѣкоторымъ приготовленіемъ къ предпріятію Общества служила такъ-называемая Забайкальская экспедиція, отправленная главнымъ штабомъ и работавшая въ 1849—1853 годахъ подъ начальствомъ полковника Ахте ¹⁾. Въ экспедиціи участвовалъ астрономъ Шварцъ, впоследствии работавшій и въ средѣ Географическаго Общества: сдѣланныя имъ астрономическія опредѣленія послужили потомъ къ подробной картографіи мѣстностей вокругъ Байкала, и затѣмъ его путешествіе въ мѣстности между Байкаломъ и берегомъ Тихаго Океана доставило первыя свѣдѣнія о всей области сѣверныхъ притоковъ Амура; другой участникъ этой экспедиціи, горный инженеръ Меглицкій, изслѣдовалъ въ разныхъ направленіяхъ западную часть Амурской области. Въ это же время русскіе подходили къ Амуру съ другой стороны. Въ 1849 году капитанъ Невельской и лейтенантъ Козакевичъ (впоследствии оба адмиралы) открыли Амурскій лиманъ и самое устье Амура: эти открытія, какъ и сдѣланныя раньше указанія Миддендорфа, подняли вопросъ о русской колонизаціи Амура, которая, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны Китая, была окончательно установлена въ 1854 году упомянутымъ плаваніемъ Муравьева до устьевъ Амура, а въ 1858 г. присоединенъ былъ Усурійскій край за Амуромъ, нынѣшняя Приморская область ²⁾.

Въ это самое время въ Географическомъ Обществѣ обдумывалось широкое предпріятіе для изслѣдованія Восточной Сибири, которое распространилось потомъ и на новыя пріобрѣтенныя области. Средства для исполненія этихъ плановъ доставлены были пожертвованіями двухъ ревнителей науки, много сдѣлавшихъ для первыхъ успѣховъ Географическаго Общества, именно графа Гуттенъ-Чапскаго и П. А. Голубкова. Программа экспедиціи вырабатывалась въ отдѣленіяхъ математической и физической географіи, и математическій отдѣлъ экспедиціи, подъ руководствомъ того же астронома Шварца, въ 1854 началъ свои работы, продолжавшіяся до 1859 года. Въ этотъ промежутокъ времени опредѣлено было 110 астрономическихъ пунктовъ, сдѣлано 20.000 верстъ маршрутной съемки, собрана масса данныхъ по географіи, орографіи и гидрографіи обширнаго простран-

¹⁾ Некрологъ его см. въ „Отчетѣ“ Географическаго Общества за 1867 годъ.

²⁾ Исторія открытія Амура, Усурійскаго края, о-ва Сахалина, колонизаціи Амурской области и пр. составляетъ цѣлую обширную литературу; см. напр. „Указатель литературы объ Амурскомъ краѣ“, О. О. Буссе, въ „Извѣстіяхъ“ Географ. Общества, т. XVIII, 1882 (въ приложеніяхъ). Часть этой исторіи рассказана была въ запискахъ Н. В. Буссе: „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года“, въ „Вѣстн. Европы“, 1871, кн. 10—12, и „Русскіе и Японцы на Сахалинѣ“, тамъ же, кн. 10. Новѣйшій любопытный рассказъ въ „Воспоминаніяхъ о Сибири“ Б. В. Струве, въ Р. Вѣстн. 1888, и отдѣльно. Спб. 1889 (180 стр.).

бунинъ сдѣлали изслѣдованія по геологiи, флорѣ и этнографiи населенія западной части Сахалина ¹⁾).

Между тѣмъ образовался новый центръ сибирскихъ изслѣдованiй. Въ 1851 году въ Иркутскѣ открытъ былъ „Сибирскiй отдѣлъ“ Географическаго Общества. Это была первая филиалiя Общества, которая съ тѣхъ поръ дѣятельно участвовала въ трудахъ по изученiю Сибири, и даже предпринимала важныя самостоятельныя экспедици. Сибирскiй отдѣлъ составилъ изъ мѣстныхъ любителей и людей служащихъ, которые частью уже дѣйствовали въ предпрiятiяхъ главнаго Общества. Особенно благоприятнымъ обстоятельствомъ для работы отдѣла было то, что управленiе Восточной Сибири было тогда въ рукахъ человѣка просвѣщеннаго, Ник. Ник. Муравьева ²⁾). Въ провинци, и особливо такой какъ Сибирь, всегда бываетъ чрезвычайно важно то или другое отношенiе къ дѣлу со стороны столь важнаго лица, какъ начальникъ края, и, если не ошибаемся, интересъ Муравьева къ географическимъ предпрiятiямъ очень помогъ первымъ шагамъ Сибирскаго отдѣла. Вскорѣ явились и крупныя пожертвованiя частныхъ лицъ, давшiя возможность серьезныхъ предпрiятiй. Первымъ предпрiятiемъ такого рода была Вилюйская экспедицiя, исполненная на средства С. Ѳ. Соловьева. Вилюйскiй край былъ одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ въ Восточной Сибири, и задачей экспедици было изслѣдованiе долины Вилюя и въ частности вершинъ этой рѣки, богатыхъ солью и цвѣтными камнями. Экспедицiя поручена была Р. К. Мааку, въ сопровожденiи трехъ сотрудниковъ. Разныя другiе труды Маака задержали изданiе результатовъ этой экспедици: первый томъ этого описанiя вышелъ только черезъ тридцать лѣтъ послѣ начала самой экспедици, и окончено

---

¹⁾ Труды Радде, изданные Географическимъ Обществомъ: „Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859 incl. im Auftrage der Kaiserlichen Geographischen Gesellschaft ausgeführt von Gustav Radde“. Спб. 1862—1863, 2 тома, 4^о, съ прекрасными рисунками и картами (млекопитающiя и птицы). Въ первомъ томѣ отнѣтимъ еще: Itinerär, historischer Gang der Reise, стр. I—XI; потомъ Entwurf eines physico-geographischen Gesamtbildes des durchreisten Gebietes, стр. XLI—LV. Отвлеченный другими занятiями и переселившiйся на Кавказъ, Радде не издалъ двухъ другихъ обѣщанныхъ имъ томовъ путешествiя.

По-русски издано было въ „Запискахъ“ Геогр. Общества, 1861, книга IV: „Путешествiе въ юго-восточную Сибирь, совершенное по порученiю Имп. Р. Геогр. Общества въ 1855—1859 Густавомъ Радде“. Часть первая (съ картою).

Предварительныя извѣстiя и отчеты о его путешествiи печатались въ „Вѣстникъ“ Геогр. Общества съ 1855 года.

²⁾ Обширную биографiю его см. въ книгѣ: „Графъ Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскiй по его письмамъ, официальнымъ документамъ, рассказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ (материалы для биографiи)“. Ив. Барсукова. 2 тома. М. 1891.

лаза стужу еще болѣе невыносимой; замерзшіе
какъ мушкаррой, мелкими иглами, что все
вѣтрѣ становилось, по истинѣ, убойственно
бурныя усилія, соединенныя съ путешествіемъ,
съ спутниковъ Маака. По словамъ его, они
ценную могилу; его собственное здоровье было

Маакъ уже вскорѣ принялъ и исполнилъ другое
его отдѣла, а именно экспедицію для изслѣдованія
Амура; это путешествіе продолжалось съ
января 1856 года, и въ томъ же году Маакъ отпра-
вился въ Петербургъ для изданія своего труда ¹⁾. Въ февралѣ
было новое порученіе—изслѣдованіе долины
Амура отправился въ Петербургъ для изданія своего
были географическое описаніе края, матеріалы
и словарь языка мѣстныхъ инородцевъ, ходзо-
А. Брылянымъ ²⁾. Въ Петербургѣ, причислен-
къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Маакъ обрабо-
танные матеріалы по Енисейской губерніи для извѣст-
министерства: „Списки населенныхъ мѣстъ по сибѣ-
ода“. Впослѣдствіи Маакъ былъ главнымъ инспекторомъ
Восточной Сибири и, наконецъ, переселившись въ Петер-
бурге членомъ совѣта въ министерствѣ просвѣщенія.

Въ то же время съ этимъ другая экспедиція на Амуръ совершена
Шренкомъ, по порученію Академіи наукъ: Шренкъ путе-
ствовалъ здѣсь въ 1854—1856 г. и издалъ впослѣдствіи обшир-
ный трудъ, посвященный исключительно естественно-историческимъ
вопросамъ ³⁾. Назовемъ, наконецъ, ботаническія изслѣдованія ака-
д. Максимовича (*Primitiae* и пр., 1859) и др.

Въ то же время совершено было много небольшихъ частныхъ
ислѣдованій и поѣздокъ, исполненныхъ членами Сибирскаго отдѣла
и связанными съ нимъ. Дѣятельность Отдѣла вообще была весьма
плодотворная, и отчасти связана съ административными поѣздками
спутниковъ въ разные края Восточной Сибири; отчасти научныя

¹⁾ „Путешествіе на Амуръ, совершенное, по распоряженію Сибирскаго отдѣла,
въ 1855 году, Р. Маакомъ“. Сиб. 1859, 4^о, большой томъ съ отдѣльнымъ собраніемъ
рисунковъ, картъ и плановъ.

²⁾ „Путешествіе по долинкамъ рѣки Усури. Совершилъ по порученію Сибирскаго
отдѣла Р. Маакъ“. Сиб. 1861, 2 тома, 4^о, съ рисунками и картою края.

³⁾ „Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854—1856 im Auf-
trage der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg ausgeführt und
in Verbindung mit mehreren Gelehrten herausgegeben von Leop. v. Schrenck“. Pet.
1858—1876, томы I, II, IV (млекопитающія, птицы, моллюски, метеорологія и пр.).

было его изданіе уже по смерти автора ¹⁾. Ричардъ Карловичъ Маакъ (1825—1886), получившій образованіе въ петербургскомъ университетѣ, служилъ въ то время учителемъ иркутской гимназіи; по специальности своей онъ былъ натуралистъ. Путешествіе продолжалось съ начала 1854 до конца февраля 1855 года. Какъ почти всѣ экспедиціи этого рода, оно представляетъ множество данныхъ по разнымъ отраслямъ физическаго изученія страны: маршрутъ экспедиціи, рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій климатическихъ явленій края, подробное описаніе поѣздокъ Маака до крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ Вилюйскаго края, обширный матеріалъ для изученія естественно-историческихъ особенностей страны, ея флоры, фауны, геологіи и минералогіи; третій томъ занятъ изслѣдованіями этнографическими, гдѣ говорится о вѣншемъ бытѣ, промыслахъ, обычаяхъ, преданіяхъ туземнаго населенія,—между прочимъ, ботаническіе словари якутскій и тугузскій, образчики мѣстныхъ особенностей русскаго языка у жителей Якутской области. Описаніе путешествія, читая которое жалѣешь, что оно не было болѣе подробно, даетъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно любопытную картину зимы крайняго сѣвера, которую онъ испыталъ какъ Врангель и Миддендорфъ: Маакъ могъ воспользоваться только двумя-тремя мѣсяцами теплаго времени, и затѣмъ странствовалъ среди лютой зимы, долго оставался безъ пристанища, проводя ночи подъ открытымъ небомъ и рискуя замерзнуть. Самымъ тяжкимъ періодомъ экспедиціи былъ обратный путь съ крайней сѣверной точки экспедиціи (68°, 15' сѣв. широты) до устья рѣки Чоны (гдѣ должны были ждать ихъ посланные на встрѣчу якуты), съ половины сентября до 25-го октября, когда путешественники были предоставлены только самимъ себѣ, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья и не встрѣчи живой души. Ступая въ глубокомъ снѣгу, путники дѣлали лишь отъ 10 до 15 верстъ въ сутки, дни и ночи проводили подъ открытымъ небомъ и „я увѣренъ, — говоритъ Маакъ, — что каждый изъ насъ смыкая отъ усталости очи, не надѣлся уже болѣе открыть ихъ“.. „Между тѣмъ, — рассказываетъ Маакъ — морозы становились все сильнѣе и начали уже принимать чудовищные размѣры: отъ нихъ рывались стволы толстыхъ деревь, земля давала трещины, влажное дерево становилось несравненно тверже, рубилъ его, а самъ при ударѣ разлетался въ щепки, ртуть въ термометрахъ давно замерзла, боты было положительно физически невозможно было двигать“.

¹⁾ „Вилюйскій округъ Якутской области“. Спб. 1883. Часть II и III. Иллюстрирована рисунками, планами и таблицами. Эта книга въ Литературѣ

изслѣдованія дѣлались по иниціативѣ частныхъ лицъ, которымъ онѣ бывали важны для практическихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ произведенъ былъ цѣлый рядъ научно-практическихъ экскурсій, между прочимъ принимавшихъ довольно широкіе размѣры. Послѣ экспедиціи Маака, по распоряженію генералъ-губернатора работала въ долинѣ Усури особенная съёмочная экспедиція подъ начальствомъ полковника Будогоскаго, съ которымъ работали Усольцевъ (вообще много потрудившійся въ Сибирскомъ отдѣлѣ и какъ изслѣдователь, и какъ правитель его дѣлъ), переводчикъ Шишмаревъ (послѣ консулъ въ Ургѣ, въ Монголіи), живописецъ Мейеръ и нѣсколько съёмщиковъ. Далѣе, Сибирскій отдѣлъ принялъ участіе въ экспедиціи бр. Бутиныхъ, нерчинскихъ промышленниковъ, имѣвшей цѣлью опредѣленіе прямого пути изъ нерчинскаго края въ Пекинъ ¹⁾. Затѣмъ, Отдѣлъ присоединился къ предложеніямъ енисейскихъ и олекминскихъ золотопромышленниковъ дать средства для научнаго изслѣдованія малоизвѣстныхъ мѣстностей, которыя представляли особый практическій интересъ для золотого промысла. Такъ образовались экспедиціи Туруханская и Олекминско-витимская. Въ первой собраны были обширные матеріалы по геологii, флорѣ и фаунѣ Лопатинымъ, и матеріалы этнографическіе—Щаповымъ, работавшимъ также въ Верхоянскомъ краѣ; къ сожалѣнію, матеріалы, собранные Щаповымъ въ туруханскомъ путешествіи, въ послѣдствіи погибли въ пожарѣ, постигшемъ помѣщеніе Сибирскаго отдѣла въ Иркутскѣ. Въ Олекминско-витимской экспедиціи, исполненной на счетъ золотопромышленниковъ, князь Кропоткинъ, отыскивая скотопронный путь, собралъ богатые данныя для картографii, геогнозii, ботаники и зоологii ²⁾.

Въ тѣхъ же „Запискахъ по общей географii“ (т. V, Спб. 1875, подъ ред. И. Полякова) находится богатый матеріалъ по орографii южной половины Восточной Сибири, Минусинскаго, Красноярскаго, Нарынскаго края, и т. д., въ трудахъ Кропоткина, Пржевальскаго, Ломоносова, Каульбарса, архим. Палладія. Въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ этого изданія (XVI, 1885 г.) напечатанъ обширный трудъ Франца Шперка: „Россія дальняго Востока“, посвящен-

¹⁾ Въ этой экспедиціи принималъ участіе П. А. Ровинскій, путешествіе котораго черезъ Монголію рассказано было въ „Вѣстникѣ Европы“, 1874.

²⁾ Записки по общей географii (по отдѣленіямъ географii физической и математической). Томъ третій. Изданъ подъ редакціей П. Кропоткина.—Отчетъ объ Олекминско-витимской экспедиціи для отысканія скотопроннаго пути изъ Нерчинскаго округа въ Олекминскій, снаряженной въ 1866 году олекминскими золотопромышленниками при содѣйствіи Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества, П. Кропоткина и И. Полякова, Спб. 1873.

ный Амурскому краю. Объяснивъ во введеніи значеніе занятія Амура и указавъ мнѣнія объ этомъ вопросѣ въ печати русской и иностранной, авторъ дѣлаетъ историческій очеркъ Амура съ его перваго занятія козаками въ XVII столѣтіи и до новѣйшихъ временъ, излагаетъ затѣмъ свѣдѣнія о географіи, климатѣ, природѣ Амурскаго края, наконецъ, этнографическія данныя и экономическое состояніе края.

Съ 1856, Сибирскій отдѣлъ предпринимаетъ изданіе отдѣльных „Записокъ“ (XI книгъ, 1856—1874), которыя выходили сначала въ Петербургѣ, подъ редакціей тогдашняго секретаря Геогр. Общества, Е. И. Ламанскаго, а потомъ въ Иркутскѣ, подъ редакціей правителей дѣлъ и другихъ членовъ Сибирскаго отдѣла (И. Сельскаго, Н. Версилова, А. Сгибнева, М. Загоскина, Н. Кашина, А. Чекановскаго). Потомъ, съ 1870 г. издавались „Извѣстія“, ежегодно, подъ редакціей А. Усольцева, Н. Агапитова и др.

Въ 1876 г., Сибирскій отдѣлъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своей дѣятельности. Изданная по этому случаю книжка передаетъ, — въ сожалѣнію, только слишкомъ кратко и голо, — результаты этой дѣятельности, но изложеніе сопровождается любопытной картой, изображающей пути всѣхъ экспедицій, какія снаряжены были за этотъ промежутокъ времени администраціей, Отдѣломъ и частными лицами при его участіи ¹⁾. На этой картѣ означены маршруты и осмотрѣнные пространства цѣлаго ряда экспедицій, а именно: подполковника Ахте въ 1849 г. на пространствѣ будущей Амурской области; Вилуйской 1854—55 г. Маака, и его же Амурской, 1855 г.; большой Сибирской экспедиціи самого Географическаго Общества въ 1854—57 г.; Олекминско-витимской экспедиціи Кропоткина и Полякова въ 1866 г.; Чукотской въ 1869 и 1870 годахъ; обширнаго путешествія геолога Чекановскаго и Ферд. Мюллера въ 1873—74 гг.; по Нижней Тунгускѣ и Оленеку; экспедицій по рѣкѣ Сунгари, въ Манджуріи, въ 1864, 1866, 1872 гг.; Шишмарева, въ Монголію, въ 1864 г.; Кропоткина въ 1864 и 1865 годахъ; Гельмерсена въ 1863 г.; Турбина, отъ Кяхты до Пекина; Туруханской, Бутыныхъ, архим. Палладія, Падрина, Усурійской; наконецъ, нѣсколько другихъ маршрутовъ, пространства съемокъ и разспросныхъ картъ.

Въ изданіяхъ Сибирскаго отдѣла разсѣяно множество отдѣльныхъ изслѣдованій по естественной исторіи, географіи, этнографіи Сибири и, между прочимъ, много цѣнныхъ изслѣдованій и извѣстій о мало-

¹⁾ „Очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла Импер. Р. Географическаго Общества“, с. 1. et а. 24 стр.; потомъ указатель сочиненій, напечатанныхъ Отдѣломъ особо и помѣщенныхъ въ его изданія (стр. 1—10), списокъ членовъ (стр. 1—10) и карта.

доступныхъ мѣстностяхъ Сибири. Укажемъ, напр., въ „Запискахъ“ географическія изслѣдованія Пермикина; путешествія и описанія крайняго сѣверо-востока Азіи, Чукотской земли, свящ. Аргентова; очерки Туруханскаго края, кн. Кострова; объ инородцахъ Енисейскаго края. М. Кривошапкина ¹⁾; историческій обзоръ геологическихъ изслѣдованій въ Иркутской губерніи. Въ „Извѣстіяхъ“: историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи; различныя путешествія П. А. Ровинскаго; о сибирскихъ древностяхъ, Н. Попова; работы Башина, Ломоносова, Кельберга; естественно-историческія изслѣдованія и наблюденія польскихъ натуралистовъ В. Дыбовскаго, Годлевскаго, И. Черскаго, о которыхъ скажемъ далѣе.

Сибирскій отдѣлъ, мѣстопробываніемъ котораго былъ Иркутскъ, предполагалъ, въ 1869 году, въ виду сосредоточенія своей дѣятельности, направить ее главнымъ образомъ на Иркутскую губернію: это болѣе соответствовало скромнымъ матеріальнымъ средствамъ Отдѣла и общало всестороннее изученіе хотя бы одной мѣстности. На дѣлѣ, предпріятія Отдѣла не ограничивались этой программой, но Западная Сибирь все-таки занимала меньше мѣста въ этихъ предпріятіяхъ, и къ концу семидесятыхъ годовъ Сибирскій отдѣлъ раздвоился: съ 1878 г. началъ дѣйствовать „Западно-Сибирскій“ отдѣлъ въ Омскѣ. Съ 1879 г. начали выходить „Записки“ этого Отдѣла, наполняющіяся всего болѣе матеріаломъ западно-сибирскимъ и гдѣ, кромѣ множества частныхъ сообщеній, изданы были крупныя труды, какъ напр.: „Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ“ Н. Ядринцева (1880. 1882). „Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая“ М. Пѣвцова (1883), „Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область“ А. Никольскаго, „Этнологическій очеркъ киргизовъ“ Зеланда (1855)...

Алтай издавна привлекалъ путешественниковъ и красотою горной природы, и изученіемъ минеральныхъ богатствъ, и интересомъ этнографическимъ. Ему посвящали свои изслѣдованія Гумбольдтъ, Чихачевъ, Щуровскій, Гельмерсенъ и др.; теперь его изслѣдовали, кромѣ горныхъ инженеровъ. Шварцъ, Полетика, Мейенъ, Потанинъ, наконецъ знаменитый нѣмецкій геологъ Котта ²⁾.

Мы говорили выше, какъ расширеніе русскихъ владѣній въ Азію повело къ чрезвычайному расширенію географическихъ изслѣдованій. Сибирь была въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими новыми приобрѣтеніями, и изученіе ихъ отчасти присоединяется къ сибирскимъ экспедиціямъ. Средняя Азія издавна, еще съ XVII-го вѣка, привле-

¹⁾ О Большой его книгѣ объ Енисейской губ. упомянемъ ниже.

²⁾ Bernh. v. Cotta, „Der Altai, sein geolog. Bau und seine Erzlagertstätten“,

кала вниманіе и русскаго правительства, и мѣстнаго сибирскаго со-сѣдства; сохранилось не мало записей о русскихъ странствіяхъ въ Хиву, Бухару и пр.; съ XVIII-го вѣка возникаютъ завоевательные планы, которые осуществляются только въ нынѣшнемъ столѣтіи; южный край Западной Сибири былъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ и торговыхъ связяхъ съ осѣдлыми и кочевыми обитателями Средней Азіи. Въ наше время научная предприимчивость идетъ параллельно съ политическими планами и военными экспедиціями, и Географическое Общество принимаетъ ближайшее участіе въ ученыхъ по-искахъ въ Средней Азіи. Обзоръ ихъ не входитъ въ нашу задачу, и мы только въ общихъ чертахъ укажемъ нѣкоторыя предпріятія и нѣкоторыя имена. Таковы были прежде всего труды извѣстнаго Сѣверцова, для котораго Туркестанъ сдѣлался исключительнымъ предметомъ изслѣдованія; путешествія слѣдовали одно за другимъ, — въ первый разъ въ 1857 — 58 годахъ на низовья Сыръ-Дарьи; потомъ, въ 1864 г., при походахъ генерала Черниева; затѣмъ — въ 1865 — 68 годахъ. Разсказъ о путешествіи соединяется съ наблюде-ніями натуралиста, особливо цѣнными тѣмъ, что дѣлались перѣдко въ первый разъ, съ общей картиной страны и ея пейзажа, тузем-наго быта въ его связи съ мѣстными условіями, и т. д. ¹⁾ Затѣмъ, Географ. Обществомъ изданы были обширные „Труды Аму-Дарьин-ской экспедиціи“ (5 выпусковъ, 1877 — 88), заключающіе въ себѣ изслѣдованія метеорологическія и гидрографическія, наблюденія астро-номическія и магнитныя; далѣе „Описаніе Арало-Каспійской нивел-лировки“ А. Тилло (1877), „Кашгарія“ г. Куропаткина (1879), „Свѣ-дѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи“ (по 1877 годъ), состав-ленные И. П. Минаевымъ (Сиб. 1879). Петербургскимъ Обществомъ естествознанія изданы „Труды Арало-Каспійской экспедиціи“ (1876—77), подъ редакціей О. Гримма, съ изслѣдованіями М. Богданова, Кесслера, Аленицына, и между прочимъ съ историческимъ обзоромъ изслѣдованій въ Арало-Каспійской области съ 1720 по 1874 годъ. Въ 1874—75 г. издано было обширное „Путешествіе въ Туркестанъ“ ревностнаго и несчастно-погибшаго ученаго А. П. Федченка, посвя-щенное зоо-географическимъ изысканіямъ, матеріалъ которыхъ обра-ботанъ былъ цѣлымъ рядомъ специалистовъ. Назовемъ еще труды Шренка, Борцова, Мушкетова, Романовскаго, астрономовъ: Лемма, Бутакова, Струве, наконецъ многочисленныхъ путешественниковъ-описателей и географовъ, какъ Влапгали, Макшеевъ, Валихановъ, Мейеръ и самъ вице-президентъ Геогр. Общества Семеновъ, еще въ

¹⁾ „Мѣсяцъ плѣна у кокандцевъ“, 1860; „Путешествіе по Туркестанскому краю, изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня“. Н. Сѣверцова. Т. I. Сиб. 1873, и друг.

пятидесятихъ годахъ изучавшій Алтайскую и степную страну. Не упоминаемъ теперь уже довольно многочисленной литературы о политическомъ водвореніи русскихъ въ Туркестанѣ: о разсказахъ военныхъ событій, изложеніяхъ внѣшняго современнаго состоянія края (труды Костенко, Терентьева, Хорошкина и др.), о литературѣ новѣйшихъ завоеваній въ нынѣшней Закаспійской области, и проч.

Съ другой стороны, изученія сибирскія приводили къ изученію южнаго сосѣдства Восточной Сибири, Монголіи и частью Манджурии. На эти „мугальскія“ или „мунгальскія“ земли издавна обращало вниманіе московское правительство; для восточныхъ сибиряковъ это были ближайшіе сосѣди, и часть монгольскаго племени вокругъ Байкала (буряты) давно подчинилась русской власти. Всѣ старые путешественники, отъ Гмелина и Миллера, интересовались и этимъ осколкомъ монгольскаго племени, и всѣмъ племенемъ, которому привелось сыграть нѣкогда столь шумную и истребительную роль. Къ прежней, чисто научной любознательности въ новѣйшее время присоединяются другія соображенія: предполагается, что тѣ сношенія, которыя въ извѣстной степени существуютъ въ настоящее время съ глубинами монгольской Азіи, разовьются со временемъ въ болѣе тѣсныя связи, важныя и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи; если русскимъ изслѣдователямъ было внѣшнимъ образомъ удобнѣе, чѣмъ другимъ, обратиться къ изученію монгольской страны и народа, то упомянутыя обстоятельства еще болѣе вызывали къ этому. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ изученіяхъ, которыя до сихъ поръ посвящались Монголіи, ея племени, исторіи, языку и литературѣ, — этихъ изученій много сдѣлано было и съ русской стороны, — и мы упомянемъ лишь о новѣйшихъ обширныхъ путешествіяхъ, какія совершены были при посредствѣ Географическаго Общества, въ особенности Пржевальскимъ и Потанинымъ (выше мы упоминали объ отдѣльныхъ поѣздкахъ въ Монголію изъ Сибири).

Николай Мих. Пржевальскій началъ свои путешествія въ концѣ шестидесятихъ годовъ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба въ Усурійскомъ краѣ; затѣмъ районъ его путешествій все расширялся и онъ, такъ сказать, сдѣлалъ свою службу въ Монголіи. Способъ исполненія экспедицій знаменитаго путешественника и ихъ результаты достаточно извѣстны: необыкновенная энергія давала возможность Пржевальскому странствовать по цѣлымъ годамъ въ далекихъ, часто непривѣтливыхъ, страпахъ и дикихъ пустыняхъ, выдерживать встрѣчи и столкновения съ враждебными туземцами, отрываясь надолго отъ всякихъ сообщеній съ цивилизованнымъ міромъ, и возвращаться благополучно съ огромными зоологическими коллекціями и съ любопытными томами путешествій, доставившихъ ему европейскую славу.

Первое трехлѣтнее странствованіе Пржевальскаго въ глубины Азіи совершенно было въ началѣ семидесятыхъ годовъ ¹⁾; книга заключаетъ разсказъ о путешествіи и матеріалъ по естественной исторіи (климатъ, зоологія), обработанный, кромѣ самого автора, Кесслеромъ и акад. Штраухомъ. Второе путешествіе, 1876—77 года, описано въ краткомъ разсказѣ ²⁾; но третье, 1879—80 г., явилось въ обширномъ описаніи со множествомъ рисунковъ и картами, гдѣ между прочимъ изображена и область, пройденная во второмъ путешествіи ³⁾. Онъ умеръ въ 1888, при самомъ началѣ новой экспедиціи.

Менѣе громки, но болѣе разнообразны и богаты были труды другого путешественника, Г. Н. Потанина. Его характеристическая біографія разсказана недавно г. Семеновымъ ⁴⁾. Г. Потанинъ (род. 1835), сынъ есаула сибирскаго казацкаго войска на южной окраинѣ Западной Сибири, былъ, такимъ образомъ, потомокъ тѣхъ старыхъ казачьихъ піонеровъ, которые нѣкогда разыскивали и занимали Сибирь. Потанинъ-отецъ, въ 1820—30 годахъ, самъ водилъ развѣдочныя партіи въ Киргизскую степь и составлялъ обстоятельные маршруты и глазомѣрные сѣмки ⁵⁾. Г. Н. Потанинъ учился въ омскомъ кадетскомъ корпусѣ, и уже въ 1853—54 г., въ качествѣ казачьяго хорунжаго, принималъ участіе въ первомъ русскомъ походѣ въ Заилійскій край и въ закладкѣ города Вѣрнаго; въ слѣдующемъ году онъ былъ со ввѣренной ему сотней казаковъ въ цвѣтущихъ долинахъ Алтая, гдѣ жили нѣкогда его предки. Въ 1856, состоя на службѣ въ Омскѣ, онъ занялся въ архивахъ разысканіемъ данныхъ для старой сибирской исторіи и собралъ не мало любопытныхъ документовъ (которые были потомъ напечатаны въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей и въ изданіяхъ Географическаго Общества).

¹⁾ „Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ Восточной Нагорной Азіи“. Спб. 1875—76. Два тома, 8°, съ рисунками.

²⁾ „Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго, полковника генер. шт., въ 1876 и 1877 гг. Изданіе Имп. Р. Географ. Общества“. Спб. 1878, 8°.

³⁾ „Третье путешествіе въ центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политическими въ текстѣ. Изданіе Имп. Р. Геогр. Общества на Высочайше дарованныя средства“. Спб. 1883, 4°.

⁴⁾ „Нива“, 1888, № 5. Въ этой біографіи не досказано, что участіе П. П. Семенова не однажды оказывало г. Потанину серьезную помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ его жизни и въ его научныхъ предпріятіяхъ. Статья „Нивы“ повторена, съ нѣкоторыми добавленіями, въ „Сибирской Газетѣ“, 1888, № 28, 30 (ст. Н. Костина). Ср. „Новости“, 1887, № 43, 47, ст. Н. М—ва.

⁵⁾ Въ „Вѣстникѣ Геогр. Общества“, ч. XVІІІ, 1856, помѣщены „Записки о Коканскомъ ханствѣ хорунжаго Потанина“ (1830), съ примѣчаніями П. С. Савельева, извѣстнаго ориенталиста.

пятидесятихъ годахъ изучавшій Алтайскую и степную страну. Не упоминаемъ теперь уже довольно многочисленной литературы о политическомъ водвореніи русскихъ въ Туркестанѣ: о разсказахъ военныхъ событій, изложеніяхъ внѣшняго современнаго состоянія края (труды Костенко, Терентьева, Хорошхина и др.), о литературѣ новѣйшихъ завоеваній въ пѣнѣшней Закаспійской области, и проч.

Съ другой стороны, изученія сибирскія приводили къ изученію южнаго сосѣдства Восточной Сибири, Монголіи и частью Манджуріи. На эти „мугальскія“ или „мунгальскія“ земли издавна обращало вниманіе московское правительство; для восточныхъ сибиряковъ это были ближайшіе сосѣди, и часть монгольскаго племени вокругъ Байкала (буриты) давно подчинилась русской власти. Всѣ старые путешественники, отъ Гмелина и Миллера, интересовались и этимъ оскомъ монгольскаго племени, и всѣмъ племенемъ, которому привелось сыграть пѣккогда столь шумную и истребительную роль. Къ прежней, чисто научной любознательности въ новѣйшее время присоединыты другія соображенія: предполагается, что тѣ сношенія, которыя въ извѣстной степени существуютъ въ настоящее время съ глубинами монгольской Азіи, разовьются со временемъ въ болѣе тѣсныя связи, важныя и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи: если русскимъ исследователямъ было внѣшнимъ образомъ удобнѣе, чѣмъ другимъ, обратиться къ изученію монгольской страны и народа, то упомянутыя обстоятельства еще болѣе вызывали къ этому. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ изученіяхъ, которыя до сихъ поръ посвящались Монголіи, ея племени, исторіи, языку и литературѣ, — этихъ изученій много сдѣлано было и съ русской стороны, — и мы упомянемъ лишь о новѣйшихъ обширныхъ путешествіяхъ, какія совершены были при посредствѣ Географическаго Общества, въ особенности Пржевальскимъ и Потанинымъ (выше мы упоминали объ отдѣльныхъ поѣздкахъ въ Монголію изъ Сибири).

Николай Мих. Пржевальскій началъ свои путешествія въ концѣ шестидесятихъ годовъ штабъ-капитаномъ генеральнаго штаба въ Усуйскомъ краѣ; затѣмъ районъ его путешествій все расширялся и онъ, такъ сказать, сдѣлалъ свою службу въ Монголіи. Его экспедиціи знаменитаго путешественника достаточно извѣстны: необыкновенная энергія, смѣлость, выносливость Пржевальскому страивать по цѣлымъ годамъ въ непереносимыхъ, странахъ и дикѣхъ и столкновенія съ враждебными племенами, всѣхъ сообщеній съ цивилизованнымъ міромъ, получено съ огромными трудностями. Въ то время путешествія въ Монголію были еще очень редки, и Пржевальскій былъ однимъ изъ немногихъ, кто отважился на это.

Ревностная любовь къ изслѣдованію и неутомимость въ ученыхъ странствованіяхъ отличали другого истого сибиряка, заслуженнаго натуралиста Ив. Сем. Полякова, недавно умершаго (въ апрѣлѣ 1887, около 40 лѣтъ отъ роду). Онъ былъ уроженецъ Забайкальской области, изъ бѣдной и простой семьи; онъ уже былъ взрослымъ казакомъ, когда началъ учиться; съ самыми ничтожными средствами онъ странствуетъ за Байкаломъ, собираетъ коллекціи, ведетъ дневники. Еще юношей, любителемъ, имѣвшимъ только первоначальное школьное образованіе, онъ принимаетъ участіе въ упомянутой выше Олекминско-витимской экспедиціи 1866 года ¹⁾; познакомившись съ извѣстнымъ геологомъ, княземъ П. А. Кропоткинымъ, Поляковъ приглашенъ былъ имъ присоединиться къ этой экспедиціи въ качествѣ зоолога. Онъ рѣшился, наконецъ, идти въ университетъ, и нашлись добрые люди, которые помогли ему отправиться въ Петербургъ: но до тѣхъ поръ онъ прошелъ всего только низшую школу: съ замѣчательной силой воли онъ одолѣлъ трудную задачу и поступилъ въ университетъ. Онъ жилъ бѣднякомъ, питаясь уроками, но кончилъ блестящимъ образомъ курсъ по естественному факультету, черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ степень магистра зоологіи и сдѣлался хранителемъ зоологическаго музея Академіи Наукъ. Съ конца 60-хъ годовъ, когда онъ не кончилъ еще университетскаго курса, начинаются его ученые сообщенія въ изданіяхъ Географическаго Общества. Это былъ изыскатель неустанный и разносторонній. Въ 1871 году онъ предпринимаетъ поѣздку въ Олонецкую губернію, гдѣ часть путешествія онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Гильфердингомъ и занимался изслѣдованіями по зоогеографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ по этнографіи и геологіи—его въ особенности занимала археологія до-историческая, остатки каменнаго вѣка, который онъ разыскивалъ и въ Сибири, и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ Оки, въ верховьяхъ Волги и т. д. Въ 1876 году Поляковъ отправляется въ Березовскій край для изслѣдованія рыбныхъ промысловъ; въ слѣдующемъ году въ Маріинскій округъ, Томской губерніи, и на озеро Балхашъ. Затѣмъ онъ каждое лѣто совершалъ ученые экскурсіи въ разныхъ краяхъ Россіи съ цѣлью своихъ любимыхъ изслѣдованій по зоогеографіи,

Вып. II. Матеріалы этнографическіе (собр. въ 1876—1877 г.) съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1881.

Вып. III. Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи С.-З. Монголіи (собранные въ 1879—1880 г.). Съ картою и рисунками. Спб. 1883.

Вып. IV. Матеріалы этнографическіе (собр. въ 1879 г.). Съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1883. (Всѣ четыре выпуска составляютъ до 130 печатн. листовъ).

¹⁾ Отчетъ его напечатанъ въ изданныхъ впослѣдствіи трудахъ этой экспедиціи; см. „Записки по всеобщей географіи“, т. III. Спб. 1873.

этнографіи и каменному вѣку. Въ 1880 г. онъ отправляется въ Сибирь вокругъ свѣта, много работаетъ на Сахалинѣ, на берегахъ Восточнаго океана и на Амурѣ. Обширный матеріалъ, собранный во время этого большого путешествія, онъ еще не успѣлъ обработать, когда смерть прервала его труды. Зоологія и каменный вѣкъ не отвлекали его вниманія и отъ живыхъ людей; столь же сильнымъ интересомъ его была этнографія, наблюденіе современнаго состоянія народнаго быта въ связи съ условіями природы и климата. Въ некрологѣ его мы читаемъ: „не ограничиваясь одними только зоологическими и антропологическими изслѣдованіями Сахалина, Поляковъ тщательно изучилъ бытъ какъ тамошнихъ туземцевъ-аиновъ, такъ и въ особенности ссыльныхъ, и имѣлъ въ виду разработать цѣлый рядъ проектовъ, относящихся до улучшенія этого быта“. Въ своихъ сочиненіяхъ Поляковъ—что не часто бываетъ у специалистовъ этого рода—умѣлъ расширять рамки своей специальности для болѣе широкихъ картинъ наблюдаемой жизни и природы; напримѣръ, изслѣдуя ихтиологію бассейна Оби, онъ изображаетъ вмѣстѣ экономическое устройство рыболовнаго промысла и даетъ картину быта мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Его простой, обходительный характеръ, ранняя жизнь въ народной средѣ дѣлали его особливо способнымъ къ ея изслѣдованію и пониманію. Люди, его знавшіе, рассказываютъ, что онъ именно умѣлъ сходитьсѣ съ мѣстнымъ населеніемъ и для него открывались и объяснялись просто весьма многія стороны мѣстнаго быта, недоступныя для другихъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, его личная жизнь сложилась несчастливо, и крѣпкій организмъ, позволявшій ему безнаказанно выносить странствія по лѣсныхъ дебрямъ и физическія лишения, сломился подъ-конецъ отъ нерѣдкой болѣзни русскихъ даровитыхъ людей ¹⁾).

Называя лицъ, особенно поработавшихъ для географическаго и естественно-историческаго описанія Сибири и Средней Азіи, должно назвать имя г. Венюкова, хорошо знакомое всѣмъ тѣмъ, кто интересовался нашей географической литературой. Съ конца пятидесятыхъ годовъ и до послѣднихъ лѣтъ г. Венюковъ былъ дѣятельнымъ владчикомъ въ труды Географическаго Общества и какъ самостоятельный собиратель географическихъ свѣдѣній, и какъ критикъ и обобщатель. Если не ошибаемся, его научная дѣятельность въ этой области началась съ изученія Амурскаго и Усурійскаго края въ генералъ-губернаторство Н. Н. Муравьева, продолжалась затѣмъ въ Средней Азіи, направлялась на самые разнообразныя вопросы отъ картографіи

¹⁾ Ср. его некрологи въ „Сибирской Газетѣ“, 1887, № 16; въ „Новостяхъ“ 1887, № 94, 95, 170; въ „Восточномъ Обзорѣнн“, 1887, апрѣль. Его біографія предпринята петербургскимъ Обществомъ естествознанія.

до естествознанія, статистики, этнографіи и военной политики. Съ начала 1861 идетъ цѣлый рядъ книгъ, въ которыхъ являлись или цѣльныя его сочиненія, или сборники статей по одному предмету ¹⁾. Важнѣйшій изъ этихъ трудовъ г. Венюкова есть „Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи“, исполненный съ богатымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній и личнаго знакомства съ территоріями Сибири и Средней Азіи. Указавши въ обширной вводной главѣ постепенное расширеніе русскихъ владѣній въ Азіи съ XVI-го вѣка и общіе вопросы ихъ военной защиты, авторъ располагаетъ дальнѣйшее изложеніе по отдѣламъ громадной азіатско-русской границы: островъ Сахалинъ; Приморская область (береговая граница); Амурскій край вмѣстѣ съ Усурійскимъ; манджурскій отдѣлъ; забайкальскій или халкассскій; алтайско-сайанскій; джунгарскій; тѣнь-шаньскій; два отдѣла въ западномъ Туркестанѣ—болорскій (горный) и аральскій или хивинскій (низменный); туркменскій. Въ каждомъ отдѣлѣ даны положеніе и границы края, топографія, указаны климатъ и естественныя произведенія, промыслы и торговля, средства сообщенія, населеніе—съ этнографическими опредѣленіями, главные населенные пункты, военное обозрѣніе, наконецъ приведены источники, т.-е. литература предмета, собранная весьма обстоятельно и доведенная до послѣднихъ (въ 1873 г.) данныхъ. Специально военная цѣль автора не мѣшаетъ книгѣ имѣть общій интересъ, какъ прекрасно сдѣланное обобщеніе данныхъ объ описываемыхъ странахъ. Съ теченіемъ времени книга, конечно, должна была запоздать со многими подробностями, и, напр., послѣдній отдѣлъ долженъ совсѣмъ измѣниться, какъ должна быть пополнена и литература предмета,—нужно было бы новое, измѣненное и дополненное изданіе.

Любопытны и „Путешествія по окраинамъ русской Азіи“. Въ теченіе семи лѣтъ, съ 1857 по 1863,—говоритъ авторъ,—мнѣ пришлось посѣтить большую часть окраинъ нашего государства, отъ Балтійскаго моря до Кавказа, Небесныхъ горъ и Восточнаго океана. И хотя безпрерывные разъѣзды, походы, боевая и бивачная жизнь мало способствовали систематическому собиранію и разработкѣ дан-

¹⁾ „Очерки старыхъ и новыхъ договоровъ Россіи съ Китаемъ“. Спб. 1861;—„Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ“. Спб. 1868;—въ 1-69 и 1871, книги о Японіи и японскомъ архипелагѣ;—„Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи“. Спб. 1873;—„Очерки современнаго Китая“. Спб. 1874;—„Россія и Востокъ. Собраніе географическихъ и политическихъ статей“. Спб. 1877.

„Опытъ“ печатался первоначально въ „Военномъ Сборникѣ“, и отсюда частію переведенъ былъ на французскій и англійскій языкъ; по выходѣ цѣлой книги, она вышла тогда же въ нѣмецкомъ переводѣ: „Oberst Wenjukow, Die russisch-asiatische Grenzlande“. Aus dem Russ. übertragen von Krahmer, Hauptmann im Königl. Preuss. Grossen Generalstabe. Mit zwei Uebersichtskarten. Leipz. 1874.

ныхъ объ этихъ странахъ, тѣмъ не менѣе я былъ настолько счастливъ, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣлъ собрать свѣдѣнія, частью вполне неизвѣстныя прежде, частью бывшія достояніемъ немногихъ мѣстныхъ специалистовъ“. Таково было происхожденіе книги, составляющей сборникъ отдѣльныхъ статей, которыя раньше помѣщены были главнымъ образомъ въ изданіяхъ Географическаго Общества. Бѣольшая часть этихъ статей относится къ Сибири, и, кромѣ предметовъ географическихъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи о нашей азіатской колонизаціи ¹⁾.

---

¹⁾ Изъ трудовъ г. Венюкова отиѣтимъ еще небольшую, но содержательную статью: „*Apres hist. des découvertes géographiques*“, etc. (30 стр. и карта), упомянутую выше, и статью: „Объ успѣхахъ естественно-историческаго изученія Азіатской Россіи въ связи съ географическими открытіями въ этой странѣ за послѣднія 25 лѣтъ и о видахъ на дальнѣйшую разработку естественной исторіи Сѣверной Азіи“, въ „Трудахъ перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ, происходившаго съ 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г.“. Спб. 1868, 4°. Рѣчи и Протоколы, стр. 49—58.

ГЛАВА VII.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О СИБИРИ. — НОВЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКІЯ И АМЕРИКАНСКІЯ.

Для поляковъ Сибирь уже съ давнихъ временъ бывала мѣстомъ ссылки: съ XVII-го столѣтія ¹⁾, а главное со временъ старыхъ конфедерацій прошлаго вѣка, направленныхъ противъ Россіи, съ раздѣловъ Польши, а особенно послѣ возстанія 1831 г., броженія сороковыхъ годовъ, наконецъ, возстанія 1863 г., масса поляковъ, которую считали десятками тысячъ, была сослана въ Сибирь, и очень большое число осталось тамъ навсегда. Въ прошломъ столѣтіи путешественники отмѣчали въ Сибири цѣлыя польскія селенія, которыя отличались между прочимъ бѣльшею степенью культуры, земледѣльской и бытовой. Огромный контингентъ поселенцевъ привели два большія возстанія нынѣшняго столѣтія, и такъ какъ повстанцы были въ особенности люди средняго и частію высшаго круга, то въ сибирскіе села и города совершался обильный притокъ людей съ извѣстнымъ уровнемъ образованія, техническаго и ремесленнаго знанія, промышленной предпримчивости, уровнемъ, который часто былъ гораздо выше мѣстнаго: освоившись съ своимъ положеніемъ, поляки примѣнили къ дѣлу свои средства и заняли видное мѣсто въ жизни сибирскихъ городовъ—это были учителя, художники, врачи, техники, всякаго рода ремесленники, содержатели гостинницъ; они явились въ сибирскомъ обществѣ и т. д. ²⁾.

Многіе при этомъ приобрѣли благосостояніе, облегчавшее разлуку

---

¹⁾ Исаакъ Масса въ первые годы XVII-го вѣка упоминаетъ уже о ссыльныхъ изъ Польши.

²⁾ См. любопытную книгу: *Polacy w Syberji, przez Zygmunta Librowicza* "Кракów, 1884, гдѣ изложена исторія поляковъ въ Сибири до новѣйшаго времени.

съ родиною и близкими, но это была необходимость, вынужденный трудъ для средствъ существованія. Въ числѣ сосланныхъ поляковъ нашлись люди, послужившіе странѣ ихъ изгнанія и инымъ образомъ, а именно замѣчательными научными трудами, занимающими почетное мѣсто въ исторіи сибирскихъ изслѣдованій и, къ счастью, встрѣтившими признаніе. За послѣднія десятилѣтія таковы были въ особенности труды Дыбовскаго, Чекановскаго, Годлевскаго и Черскаго, имена которыхъ съ 1860-хъ годовъ являются постоянно въ трудахъ Географическаго Общества и его Сибирскаго Отдѣла.

В. И. Дыбовскій былъ прежде адъюнктомъ по кафедрѣ зоологіи въ главной школѣ въ Варшавѣ; сосланный въ 1864 г. въ Забайкальскій край, онъ съ самаго начала отдался въ новой обстановкѣ природы любимымъ изслѣдованіямъ, гдѣ его товарищами стали Викторъ Годлевскій и Альфонсъ Парвезъ. Годлевскій, по специальности агрономъ, былъ кромѣ того ревностный охотникъ и собиратель коллекцій; Парвезъ былъ препараторъ. Къ счастью, Дыбовскій получилъ возможность заняться своими изслѣдованіями; въ 1866—67 они втроемъ дѣлали свои разысканія на восточномъ склонѣ Яблоннаго хребта, вблизи рѣкъ Онона и Ингоды; въ 1867—70 Дыбовскій и Годлевскій работали на южномъ берегу Байкала, а потомъ Дыбовскій сдѣлалъ путешествіе на Амуръ и Усурі, гдѣ опять былъ въ 1873—74 годахъ; въ 1875 онъ былъ на побережьяхъ Манджуріи. Въ 1877, Дыбовскій и Годлевскій вернулись въ Варшаву, но Дыбовскій, несмотря на всѣ убѣжденія его близкихъ, рѣшилъ еще разъ добровольно отправиться въ Сибирь для довершенія своихъ изслѣдованій и, черезъ своихъ друзей въ Географическомъ Обществѣ, получилъ мѣсто окружнаго врача въ Петропавловскѣ въ Камчаткѣ. Четыре года онъ провелъ здѣсь съ 1879-го (пятый годъ заняли двѣ поѣздки) и, кромѣ обязанностей „окружнаго врача“ (на пространствѣ Камчатки и Командорскихъ острововъ!), онъ ревностно занимался естественно-историческими поисками, а также изслѣдованіемъ причинъ вымиранія мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Между прочимъ, онъ объѣхалъ Камчатку сухимъ путемъ, безъ дорогъ, по лѣсамъ и горамъ, и очень обогатилъ свои коллекціи. Изъ своего зоологическаго собранія по одному экземпляру всѣхъ предметовъ онъ посылалъ въ зоологическій кабинетъ въ Варшавѣ. Въ 1883, онъ вернулся въ Европу морскимъ путемъ, черезъ Суэзь, и принялъ предложенную ему кафедру зоологіи во львовскомъ университетѣ¹⁾.

Другой польскій ученый, составившій себѣ славу изслѣдованіями

¹⁾ Librowicz, стр. 291—302. Но напрасно авторъ, на стр. 291, повторилъ безмѣрно преувеличенія Рейхмана.

въ Сибири, былъ А. Л. Чекановскій. Сосланный въ Сибирь за участіе въ восстаніи 1863, онъ первое время выносилъ крайнюю нужду, не переставая, однако, заниматься геологіей, которая составляла его основной научный интересъ. Участіе академика Шмидта, въ то время путешествовавшего въ Сибири, помогло Чекановскому выступить на научную дорогу, которая вскорѣ поставила его въ ряду дѣятельнѣйшихъ изслѣдователей Сибири. Съ 1869 года въ изданіяхъ Географ. Общества и его Сибирскаго Отдѣла появляются отчеты и извѣстія о работахъ Чекановскаго по геологическому изслѣдованію иркутской губерніи. Въ 1871 Чекановскій принималъ участіе въ поѣздѣ астронома Неймана въ Тункинскій край и на озеро Косоголъ вмѣстѣ съ Дыбовскимъ, Годлевскимъ и пейзажистомъ Вронскимъ. „Трудъ Чекановскаго по геологіи иркутской губерніи, — читаемъ мы въ исторіи Сибирскаго Отдѣла, — признанъ образцовымъ не только Географическимъ Обществомъ и Академіей наукъ, но и заграничными учеными⁴. Въ концѣ 1872 года Чекановскій предпринялъ трудную, и уже послѣднюю, экспедицію на Нижнюю Тунгузку и Оленекъ, которая продолжалась до 1875 г. и доставила, кромѣ естественно-историческихъ, также много картографическихъ матеріаловъ. Вызванный потомъ въ Петербургъ, гдѣ его торжественно привѣтствовало Географическое Общество, Чекановскій привезъ съ собою богатые коллекціи сибирской флоры, окаменѣлостей, минераловъ, предметовъ энтомологіи; коллекціи его были приобрѣтены Академіей наукъ; акад. Шифнеру онъ передалъ матеріалы по тунгузскому языку. Самъ Чекановскій, за своими спеціальными работами, не имѣлъ времени для составленія описательной части своихъ путешествій; экспедиція на Оленекъ подробно описана его спутникомъ въ этомъ путешествіи, Ферд. Милеромъ¹). Жизнь Чекановскаго кончилась прискорбнымъ образомъ: въ октябрѣ 1876 онъ застрѣлился въ Петербургѣ²).

Въ трудныхъ обстоятельствахъ началъ свое пребываніе въ Сибири и И. Д. Черскій, котораго съ конца 1860-хъ годовъ мы опять

¹) F. Müller, „Unter Tungusen und Jakuten. Erlebnisse und Ergebnisse der Olenek-Expedition“. Leipz. 1882. Миллеръ, хотя признаетъ заслуги Чекановскаго, значительную долю ихъ присвоиваетъ себѣ; но Чекановскій былъ и официально руководителемъ экспедиціи. Немногіе собственные рассказы Чекановскаго объ этомъ путешествіи находятся въ его письмахъ въ Геогр. Общество; см. „Извѣстія“ 1874 и 1875 г.

²) Librowicz, стр. 305—308; онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ статьи Марына Дубецкаго, въ „Tygodnik Illustr.“ 1877, № 58. См. также некрологи Чекановскаго въ „Отчетѣ“ Геогр. Общества за 1876, и въ „Извѣстіяхъ“ Восточно-Сибирскаго Отдѣла, т. VII, Иркутскъ 1877, № 1—2. Свѣдѣнія объ Оленекской экспедиціи въ „Отчетѣ“ Геогр. Общества за 1874, и очеркъ географической дѣятельности Чекановскаго въ „Извѣстіяхъ“ Геогр. Общ., т. XII, Спб. 1877.

встрѣчаемъ въ ряду усердныхъ изыскателей преимущественно въ Восточной Сибири, по геологii и палеонтологii; въ особенности занимался онъ изученiемъ Байкала. Въ послѣднiе годы онъ работалъ въ Петербургѣ, между прочимъ надъ дальнѣйшими выпусками Риттеровой „Азiи“, а лѣтомъ 1891 г. предпринялъ снова путешествiе въ Сибирь для естественно-научныхъ изслѣдованiй.

Назовемъ еще, изъ числа раньше сосланныхъ въ Сибирь поляковъ, плодовитаго писателя Агатона Гиллера (ум. въ iюлѣ 1887). Онъ былъ дважды сосланъ въ Сибирь, въ 1848 и 1854 г., какъ революцiонный эmissаръ, и въ ссылкѣ, пользуясь снисхожденiемъ властей, усердно собиралъ свѣдѣнiя о Сибири, особливо Забайкальѣ, свѣдѣнiя о мѣстной природѣ, флорѣ, фаунѣ, этнографii, торговлѣ и промыслахъ, а также о судьбѣ его ссыльныхъ соотечественниковъ. Главное, собранное имъ,—это богатый материалъ для исторiи польской ссылки въ Сибири 1830—48 г. Впослѣдствii Гиллеръ издалъ нѣсколько сочиненiй о Сибири, изъ которыхъ главное есть „Opisanie Zabajkalskiej krajiny w Syberji“ (Лейпцигъ, 1867, три тома); которымъ между прочимъ обильно пользовался г. Максимовъ въ книгѣ о Сибири и каторгѣ; кромѣ того, Гиллеръ написалъ „Podróż więźniów etapami do Syberji“ (Путь ссыльныхъ этапами въ Сибирь, Лейпц. 1866, 2 тома), и „Lista wygnańców polskich do r. 1860“ (Списокъ польскихъ изгнанниковъ, въ „Album Muzeum Narodowego w Rapperswyll“, Познань, 1872). Исторiе поляковъ въ Сибири, на котораго мы ссылались выше, указывая большой интересъ сочиненiй Гиллера о Сибири, находить, что имъ мѣшаетъ однако крайне враждебное отношенiе писателя къ Россii ¹⁾. Впослѣдствii, въ 1863, Гиллеръ принималъ весьма дѣятельное участiе въ польскомъ возстанii, но въ концѣ его остерегся новой ссылки, удалившись въ Австрiю.

Еще два польскихъ натуралиста посѣтили, на этотъ разъ добровольно, Сибирь или ея окраины и дали описанiе своихъ путешествiй. Одинъ былъ Эдвардъ Островскiй, профессоръ сельскаго хозяйства сначала въ институтѣ въ Маримонтѣ, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, путешествовавшiй въ киргизскихъ степяхъ и, кромѣ русскихъ специальныхъ изслѣдованiй, издавшiй польскую книгу ²⁾; другой—Брониславъ Рейхманъ, отдѣльныя статьи котораго собраны были въ книгу ³⁾.

Судьба поляковъ въ Сибири и ихъ рассказы о ней составляютъ цѣлую маленькую литературу, нерѣдко исполненную бытового и дра-

¹⁾ Librowicz, стр. 113, 147—149, 165.

²⁾ Listy z podróży odbytej do stepów Kirgiz-Kajszakich, Гродно, 1859.

³⁾ Z dalekiego Wschodu. Wrażenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podróży po Syberji. Warszawa, 1881.

матическаго интереса; довольно многочисленные рассказы и воспоминанія, ими оставленные не лишены значенія и въ отношеніи этнографическомъ. Либровичъ начинаетъ исторію поляковъ въ Сибири очень издалека, именно съ XIII-го вѣка, съ путешествія въ среднюю Азію знаменитаго Платона Карпини и Бенедикта „Поляка“ (Benedictus Polonus), причемъ и перваго Либровичъ считаетъ также полякомъ. Въ исторіи занятія русскими Сибири онъ вспоминаетъ о полякѣ Черниковскомъ, который игралъ большую роль въ ряду предприимчивыхъ русскихъ авантюристовъ, впервые явившихся въ XVII столѣтіи на Амурѣ; потомъ о Цавлуцкомъ, дѣйствовавшемъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка въ Камчаткѣ и въ землѣ чукчей. Въ XVII и XVIII вѣкѣ цѣлыя массы поляковъ являются въ Сибири ссыльными; въ число поляковъ (или, по крайней мѣрѣ, уроженцевъ старой „Польши“) Либровичъ не усомнился занести и нѣкоторыхъ дѣятелей православной церкви въ Сибири, родомъ южноруссовъ, напримѣръ давняго епископа тобольскаго Филовея Лещинскаго и даже знаменитаго св. Иннокентія, патрона Сибири, который былъ по имени Кульчицкій (ум. 1731). Очень давно начинаются не столь сомнительные литературные памятники пребыванія поляковъ въ Сибири. Отъ XVII-го вѣка сохранился дневникъ Адама Каменскаго Длужика: взятый въ плѣнъ въ сраженіи съ кн. Юріемъ Долгорукимъ въ октябрѣ 1657 г., Каменскій съ 400 товарищами былъ отправленъ въ Сибирь и, кромѣ тяжкихъ испытаній своего плѣна, даетъ любопытныя описанія страны, людей и обычаевъ, которые видѣлъ на пути, кончившемся на Амурѣ ¹⁾. Отъ начала XVIII-го столѣтія остались записки Людвика Сѣвницкаго, польскаго кальвиниста, бывшаго долго (1707—1722) въ русскомъ плѣну и ссылкѣ, и который потомъ, получивъ свободу, принялъ католичество и написалъ воспоминанія въ книгѣ, изданной въ Вильнѣ, 1754 ²⁾. Выше упомянуто о походе и запискахъ венгерскаго графа и польскаго конфедерата Бенъовскаго, и французскаго полковника въ польской службѣ Белькура. Около того же времени нѣсколько лѣтъ былъ въ русской военной службѣ въ Сибири, потомъ въ Азовѣ, Любичъ-Хоецкій, который въ 1776 г. бѣжалъ и оставилъ записки о своихъ приключеніяхъ ³⁾. Въ 1795, приходя въ Сибирь сподвижники Костюшки, изъ числа которыхъ впоследствии получилъ особенную извѣстность Іосифъ Копецъ: взятый въ плѣнъ подъ Маѣѣвицами, онъ, какъ уроженецъ края, уже

¹⁾ Этотъ дневникъ изданъ А. Марианскимъ въ сборникѣ „Warta“, Познань, 1874.

²⁾ Librowicz, стр. 37—43.

³⁾ Записки его изданы были въ Варшавѣ, 1789 г., потомъ перепечатаны въ сборникѣ: Sybir. Pamiętniki Polaków z pobytu na Sybirze. Chełmno, 1864, т. I.

принадлежавшаго Россіи, подвергся особо тяжелой ссылкѣ, между прочимъ лишенъ былъ имени и значился только подъ номеромъ. Копецъ былъ сосланъ въ Камчатку и, помилованный при Павлѣ, только черезъ годъ узналъ о своемъ освобожденіи; въ 1810 онъ передалъ исторію своихъ приключеній въ занимательномъ разсказѣ, гдѣ описаніе личной судьбы связано съ любопытными чертами сибирской жизни и обычаевъ. Записки его были изданы только въ 1837 и возбудили большое вниманіе: къ одному изъ изданій написалъ предисловіе Мицкевичъ, сравнивавшій автора съ знаменитымъ Сильвіо Пеллико ¹⁾ по его покорности своей участи и надеждамъ на лучшее будущее если не для себя, то для родины. Первый издатель книги, привыкшій, вѣроятно, въ другихъ сочиненіяхъ этого рода къ тону раздраженія и вражды, писалъ въ предисловіи: „Читая путешествіе Копца, мы проникнуты были глубокимъ къ нему уваженіемъ по той рѣдкой умѣренности, которая сказывается на каждой страницѣ его сочиненія. Копецъ не раздражается на дурное съ нимъ обхожденіе; его лозунгъ: такъ хотѣло Провидѣніе! Относя все къ его святой волѣ, онъ спокойно сноситъ самыя тяжкія испытанія“.

Въ царствованіе имп. Павла сосланъ былъ въ сибирскіе рудники ксендзъ Цецерскій, который въ любопытныхъ запискахъ рассказываетъ о судьбѣ своей и другихъ ссыльныхъ и о самой странѣ, ея жителяхъ и ихъ бытѣ ²⁾.

Отъ царствованія императора Александра I не осталось, кажется, мемуаровъ подобнаго рода, но цѣлый рядъ авторовъ такихъ произведеній доставило слѣдующее царствованіе. Польское возстаніе 1831 г., послѣдующіе заговоры, дѣло Конарскаго, патріотическія увлеченія молодежи, сильно увеличили за то время число ссыльныхъ поляковъ, и именно изъ людей болѣе или менѣе образованныхъ: многіе возвратились на родину еще тогда же, другіе—по амнистіи новаго царствованія, третьи бѣжали; многіе послѣ выѣхали за границу—отсюда обиліе мемуаровъ, писанныхъ людьми той эпохи. Многіе изъ авторовъ прошли или каторжную работу въ рудникахъ, или солдатскую службу, жили „на поселеніи“, находили себѣ потомъ различныя профессіи, близко видали и сибирское начальство, и общество. Таковы воспоми-

¹⁾ Józef Kopce. Dziennik podróży przez całą wzdłuż Azję lądem do portu Ochocka, oceanem przez wyspy Kurylskie do niższej Kamczatki i ztamtąd napowrót do tegoż portu na psach i jeleniach. Wrocław, 1837. Еще изданія 1868, 1868, кромѣ того, въ упомянутомъ сборникѣ: „Sybir“, т. II, 1865, и въ „Bibliotece ludu polskiego“ (Парижъ, s. a.): въ послѣднемъ изданіи предисловіе Мицкевича.

²⁾ Его записки издалъ Авг. Бѣдзевскій въ журналѣ „Tygodnik Naukowy“ и отдѣльно: „Pamiętnik księdza Ciecierskiego, przeora Dominikanów wileńskich, zawierający jego i towarzyszków jego przygody, doznane na Sybirze w latach 1797—1801“. Łwów, 1865.

нанія Рафала Блонскаго, Іосифа Кобылецкаго, Антонія Пауши, Евгенія Жміевскаго, Адольфа Янушкевича, Гордона, Конст. Волицкаго, Мигурскаго, Руфина Пьотровскаго, Бронислава Залѣскаго, Агатона Гиллера, Евы Фелинской и др. ¹⁾).

Эти рассказы, кромѣ матеріала для исторіи польской ссылки, доставляютъ вообще много любопытнаго и для бытового описанія Сибири и сибирскихъ нравовъ; многіе рассказы отличаются жизненнымъ драматическимъ интересомъ, напр. исторія несчастнаго Мигурскаго, который сдѣлалъ попытку бѣгства, кончившуюся неудачею, или въ особенности исторія Руфина Пьотровскаго, бѣжавшаго съ каторжныхъ работъ изъ-подъ Тары въ 1846 году. Задумавъ планъ бѣгства, Пьотровскій скрылся изъ мѣста своего заключенія и съ фальшивымъ паспортомъ и съ запасомъ денегъ поѣхалъ изъ Тары подъ видомъ купеческаго приказчика. Уже на первыхъ порахъ онъ былъ обокраденъ, причемъ у него украли и его фальшивый паспортъ: возвращеніе было немислимо, и дальнѣйшій путь онъ сдѣлалъ пѣшкомъ подъ видомъ рабочаго, переноса величайшія трудности и каждодневно рискуя быть схваченнымъ; въ вятской губерніи онъ присталъ къ партіи богомольцевъ, которые шли въ Соловецкій монастырь, и попалъ въ Соловки; оттуда пошелъ на Петербургъ, гдѣ пробылъ три дни, затѣмъ моремъ уплылъ въ Ригу и, наконецъ, черезъ Митаву и Полаangenъ пробрался въ Пруссію. Здѣсь, въ Кенигсбергѣ онъ былъ, однако, арестованъ и его намѣревались передать русскимъ властямъ какъ бѣглеца, но онъ успѣлъ избавиться отъ опасности и бѣжалъ въ Парижъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ вышли его записки ²⁾, которыя произвели въ свое время большое впечатлѣніе и появились въ цѣломъ рядѣ изданій и переводовъ, а именно, переведены были на языки французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, голландскій, датскій ³⁾.

Новый контингентъ ссыльныхъ явился послѣ возстанія 1863 г., и новый рядъ польскихъ воспоминаній о Сибири, какъ напримѣръ гр. Кердея, Чаплинскаго, Немоѣвскаго, Андриолли (извѣстнаго художника), Шурка, Альбина Кона и др. ⁴⁾. Кромѣ личныхъ воспоминаній, сибирское изгнаніе отразилось и въ произведеніяхъ художе-

¹⁾ Нѣкоторыя подробности изъ ихъ воспоминаній въ книгѣ Либровича, стр. 143—158; о Мигурскомъ, стр. 241—245; о Фелинской, стр. 107, 145, 247; о Пьотровскомъ, стр. 346—352.

²⁾ Pamiętniki z pobytu na Syberji, Rufina Piotrowskiego. Poznań, 1866.

³⁾ Либровичъ указываетъ также русское изданіе, сокращенное: „Записки Руфина Пьотровскаго. Россія и Сибирь 1843—1846“. Нордгемингъ, 1862. Недавно вышло новое французское изданіе записокъ.

⁴⁾ Librowicz, стр. 174—175, 190—194. О множествѣ ссыльныхъ поляковъ въ Сибирь съ 60-хъ годовъ см. у Орфанова, „Въ дали“, 1889, стр. 4—8, 23 и др.

ственной беллетристики: таковы замѣчательные рассказы Шиманскаго — талантливо исполненные и проникнутые чувствомъ эпизоды польской ссылки (дѣйствіе въ Якутской области и на Ленѣ), по манерѣ и даже по нѣкоторымъ сюжетамъ напоминающіе Короленка ¹⁾, и основное настроеніе которыхъ—тоска по родинѣ ²⁾.

Обширный и нерѣдко весьма важный матеріалъ для изученія Сибири, и между прочимъ сибирской этнографіи, заключаетъ иностранная европейская литература о Сибири въ новѣйшее время. Выше приведенъ рядъ специальныхъ трудовъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ по географіи и естественно-историческому описанію Сибири, какъ сочиненія Риттера, Гумбольдта, Гавстена, Эрмана, Ледбура, Котты, — въ новѣйшее время къ нимъ присоединяется имя Элизе Реклю, въ громадномъ трудѣ котораго обширное мѣсто занимаетъ Сибирь и русская Средняя Азія, — хотя самъ онъ не былъ путешественникомъ въ Сибирь ³⁾; но, затѣмъ, существуетъ обширная литература другого рода — литература обыкновенныхъ путешествій, цѣль которыхъ не столько ученое изслѣдованіе (часто оно вовсе отсутствуетъ), сколько удовлетвореніе любознательности туриста, желающаго видѣть рѣдко посѣщаемую и оригинальную страну, узнать которую нужно для дополненія свѣдѣній о русской имперіи. До послѣднихъ десятилѣтій такіа путешествія были довольно рѣдки; не легко было добраться до самой Россіи, когда въ ней еще не было желѣзныхъ дорогъ и путешествіе было медленнымъ и скучнымъ дѣломъ. Проведеніе желѣзныхъ путей въ самой Россіи, съ другой стороны занятіе Амура и открытіе пароходства по этой громадной рѣкѣ и внутреннимъ рѣкамъ Сибири значительно облегчили доступъ въ эту страну и послѣднія десятилѣтія, именно съ 60-хъ годовъ, до-

¹⁾ Adam Szymanski, Szkice. I. Сиб. 1887. Въ послѣднее время г. Шиманскій живеть въ Петербургѣ и въ 1891 дѣлалъ докладъ въ Географ. Обществѣ объ инородцахъ Восточной Сибири. Его рассказъ „Перевозчикъ“, въ переводѣ В. Сем. помѣщенъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, вып. I. М. 1892. Нѣсколько рассказовъ, во французскомъ переводѣ, были въ *Revue d. d. Mondes*.

²⁾ Другія указанія изъ польской литературы о Сибири см. у Межова, „Сибирская Библиографія“, т. I (Сиб. 1891). стр. 483—484, № 6429—6455; но многое, напр. самая книга Либровича, здѣсь пропущено.

³⁾ *Nouvelle Géographie Universelle, la Terre et les Hommes*, par Elisée Reclus, многотомное изданіе. Въ русскомъ переводѣ—томъ, относящійся до Сибири: „Земля и люди. Всеобщая Географія, Элизе Реклю. VI. Азіятская Россія и средне-азіятскія ханства (съ 13 рисунками и картою на 3-хъ листахъ)“. Сиб., 1883. Въ предисловіи названы многочисленныя имена западно-европейскихъ и русскихъ ученыхъ, содѣйствіемъ которыхъ пользовался авторъ при составленіи этого тома.

ставили цѣлую массу путешествій въ Сибирь, иногда изъ конца въ конецъ, и всего больше, конечно, по главному сибирскому пути. Огромное большинство путешествій—англійскія: кромѣ того, что изъ всѣхъ европейцевъ англичане—туристы по преимуществу, въ ихъ странствіяхъ нерѣдко присутствуетъ старое побужденіе англійскихъ путешественниковъ на сѣверъ и востокъ, именно національный интересъ азіатской политики и торговли. Лондонское Географическое Общество больше, чѣмъ всѣ другія иностранныя общества этого рода, съ интересомъ слѣдило за русскими открытіями и путешествіями въ Сибири и средней Азіи; книги европейскихъ ученыхъ и русскихъ книги по изученію этихъ странъ по прежнему являются въ англійскихъ переводахъ или изложеніяхъ. Какъ прежде переводились на англійскій языкъ книги XVIII вѣка, а потомъ азіатскія путешествія Гумбольдта, Адольфа Эрмана и пр. (еще въ 1842 году снова явились на англійскомъ языкѣ сочиненія Миллера и Палласа о завоеваніи Сибири и сношеніяхъ Сибири съ Китаемъ), такъ теперь переводились сочиненія Пржевальскаго, Яворскаго, Венюкова, Абрамова, сочиненія о Туркестанѣ и пр. Съ 30-хъ годовъ начинаютъ размножаться собственно англійскія, и частью нѣмецкія и иныя европейскія путешествія. Въ 1831 г. вышло описаніе кругосвѣтнаго путешествія Бичи (Beeshey), коснувшееся Берингова пролива; около того же времени путешествіе Добелля (Peter Dobell) въ Камчатку и Сибирь; миссіонера Свэна (William Swan); Петра Гордона; мистриссъ Стэллибрэсъ (Stallybrass), вдовы сибирскаго миссіонера; въ 1842 году — извѣстная книга Коттреля ¹⁾; въ 1854 — сочиненія Гилля и Тилинга ²⁾).

Путешествія, особливо прямо въ Сибирь, размножаются съ половины 50-хъ годовъ, между прочимъ съзанятія Амура, который привлекалъ теперь большое вниманіе. Таковы книги Гэбершема, Аткинсона, Коллинза, Равенстейна и др. ¹⁾. Нѣсколько путешествій, сдѣ-

¹⁾ Ch. Herbert Cottrell, *Recollections of Siberia, in the years 1840 and 1841*. London, 1842; нѣмецкій переводъ 1846.

²⁾ S. S. Hill, *Travels in Siberia*, Lond. 1854, 2 тома; нѣмецкій переводъ, Leipzig, 1855. — Heinr. Tiling, *Eine Reise um die Welt, von Westen nach Osten durch Sibirien und das Stille und Atlantische Meer*. Aschaffenburg, 1854.

³⁾ A. W. Habelsham, *The North Pacific surveying and exploring expedition*, и пр. Philadelphia, 1857.

— Thom. Witlam Atkinson, *Oriental and Western Siberia*, Lond. 1858 (и New-York, 1858), — и еро же: *Travels in the regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China*. Lond. 1860.

— P. M. Collins, *A voyage down the Amoor*, Lond. 1860.

— E. G. Ravenstein, *The Russians on the Amur*, Lond. 1861.

— Comte Henri Russell-Killough, *Seize mille lieues à travers l'Asie et l'Océa-*

ланныхъ сухимъ путемъ, описываютъ именно внутреннюю Сибирь и ея окраины, напр., сочиненія Вайта, американца Нокса ¹⁾. Назовемъ, далѣе, путешествіе Эдв. Рэ къ лапландцамъ и самоѣдамъ, книги Милна, Эдена ²⁾; нѣмецкія сочиненія Гейнцельмана, Киттлица, Финша, Юста ³⁾. Въ послѣдніе годы большое вниманіе обратила на себя книга Лэнсделя, который сдѣлалъ путешествіе черезъ Сибирь въ 1879 г. съ религіозными и филантропическими цѣлями (осмотръ тюремъ и т. п.), а также путешествіе корреспондента „New-York Herald“, Джильдера, разыскивавшего людей съ американскаго парохода „Жаннетты“, погибшаго на сѣверномъ берегу Сибири ⁴⁾. Большое вниманіе обратили на себя путешествія американца Джоржа Кеннана, особливо послѣднее ⁵⁾.

nie, Sibérie... fleuve Amour. Voyage exécuté pendant les années 1858 — 61. Paris, 1864, 2-е изд. 1866 (Русскій переводъ: Руссель Кылузь, Черезъ Сибирь въ Австралію и Индію. Спб. 1871, 2-е изд. 1875).

¹⁾ W. H. Whyte, Land Journey from Asia to Europe, Lond. 1871.

— P. W. Knox, Overland through Asia. Hartford, Connecticut, 1871.

²⁾ Edw. Rae, Land of North Wind; or travels among Laplanders and Samoyedes, Lond. 1875.

— J. Milne, Journey across Asia, Lond. 1879.

— C. H. Eden, Frozen Asia, Lond. 1879.

³⁾ Fr. Heinzelmann, Reisen in den mittleren und nördlichen Festländern Asiens. Leipz. 1855.

— F. H. von Kittlitz, Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesie und durch Kamtschatka. Gotha, 1856.

— O. Finsch, Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876 im Auftrage des deutschen Nordpolexpedition. Berlin, 1879.

— Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien von Wilhelm Joest. Mit fünf Lichtdrucken und einer Karte. Köln, 1883.

⁴⁾ Мы имѣли въ рукахъ уже четвертое изданіе книги Лэнсделя: Through Siberia. By Henry Lansdell. With illustrations and maps. Lond. 1883. Его другая книга: Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiwa and Merw. Lond. 1885, 2 тома.

— Ice-Pack and Tundra. An account of the search for the Jeannette and a sledge journey through Siberia by William H. Gilder, correspondent of „the New-York Herald“, etc. With maps and illustrations. Lond. 1883. Былъ русскій переводъ или изложеніе, В. Майнова („Во льдахъ и снѣгахъ“, Гильдера), котораго мы не имѣли въ рукахъ.

⁵⁾ G. Kennan, Tent life in Siberia. Lond. 1870. Русскій переводъ: „Кочевая жизнь въ Сибири. Приключенія среди Коряковъ и другихъ племенъ Камчатки и сѣверной Азіи“. Пер. Кондратьевой, Спб. 1872.

Новѣйшее путешествіе Кеннана мы можемъ указать по нѣмецкому изданію: „Sibirien! — von George Kennan. Deutsch von E. Kirchner“. Zehnte Auflage. Berlin, 1890. Тоже: Neue Folge. Siebente Auflage. Berlin, 1890.

Число изданій, вышедшихъ въ короткое время, указываетъ на впечатлѣніе, произведенное этой книгой, которая между прочимъ вызвала крайне враждебное Россіи стихотвореніе извѣстнаго англійскаго поэта Сунабёрна (ода: Russia): **изданное въ**

Въ послѣдніе годы вышло также замѣчательное сочиненіе итальянскаго ученаго Стефана Сомье. результатъ путешествія: „Isto вѣ Сибири между остяками, самойдами, татарами“ и пр.—большая книга съ прекрасными рисунками и картами, написанная весьма занимательно и интересная тѣмъ болѣе, что авторъ, специалистъ по ботаникѣ, владѣетъ также этнографическими и антропологическими свѣдѣніями и хорошей наблюдательностью ¹⁾).

Многочисленные сообщенія о новыхъ сибирскихъ и средне-азиатскихъ изслѣдованіяхъ появлялись особенно въ специальныхъ изданіяхъ, какъ упомянутыя записки лондонскаго Географ. Общества, или какъ извѣстныя „Geographische Mittheilungen“ Петерманна. На недавнемъ нѣмецкомъ географическомъ сѣздѣ профессоръ бернскаго (теперь петербургскаго) университета Э. Ю. Петри поставилъ вопросъ о важности сибирскихъ изученій для европейской науки ²⁾. Существовать, наконецъ, не мало популярныхъ географическихъ обзорѣній, особливо французскихъ и нѣмецкихъ ³⁾.

Знаменитая книга Норденшельда достаточно извѣстна. Попытки отысканія „сѣвернаго прохода“, какъ мы видѣли, дѣлались еще съ половины XVI-го вѣка; путешествіе Норденшельда было послѣднимъ изъ этого рода предпріятій: широко задуманное и исполненное на средства, данныя г. Сибиряковымъ и шведскимъ правительствомъ, оно доказало возможность практическаго совершенія этого пути. Здѣсь не было географическаго открытія,—сѣверный берегъ Сибири былъ выясненъ русскими плавателями еще съ XVII-го вѣка, но онъ былъ выясненъ до сихъ только по частямъ или даже только сухимъ пу-

---

журналъ *Fortnightly Review*, 1890, августъ, оно подало поводъ къ парламентскому запросу, не имѣвшему впрочемъ успѣха.

¹⁾ St. Somier, Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirèni, Tatars, Kirghisi e Baskiri. Roma, 1885. Подробный отчетъ о ней въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ Ядринцева. Сиб. 1886, кн. I, стр. 169—195.

²⁾ E. Petri, Die Erschliessung Sibiriens, — въ *Verhandlungen des sechsten deutschen Geographentages*, Berl. 1886. Ср. бернскую диссертацию, написанную по его инициативѣ: *Studien über den Seeweg zwischen Europa und West-Sibirien*, von H. Fr. Balmer (Bern, 1885), который воспользовался обширной иностранной и (черезъ посредство г. Петри) русской литературой по этому вопросу.

³⁾ Напр., Лануа (F. de Lanoue, 1865), Фюрта (Camille de Furth, 1866), Само (Octave Sachot, 1875), и нѣмецкія: Этцеля и Вагнера (1864), Альбина Кона и Рих. Андреа (два тома, 2-е изд. 1876), Лангенау и Эльсница (два тома, 2-е изд. 1881) и друг.

Перечень западно-европейскихъ сочиненій, крупныхъ и мелкихъ, объ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи за 1864 и 1885 года, Э. Петри, помѣщенъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ Ядринцева. Сиб. 1886, II, стр. 178—182.

Еще нѣкоторые указанія у Межова, „Сибирская Библиографія“, I, стр. 484—485, гдѣ этотъ отдѣлъ опять впрочемъ весьма исполонъ.

темъ: Норденшельдъ, въ планѣ своего путешествія ¹⁾, предполагалъ убѣдиться и доказать, что для настоящаго морского корабля возможенъ путь черезъ Ледовитый океанъ, что этотъ путь не запертъ льдами, и что на худой конецъ онъ можетъ быть сдѣланъ если не за одинъ разъ, то въ два пріема съ перезимовкой, — какъ это съ нимъ и случилось. Норденшельдъ отдастъ, однако, всю справедливость смѣлости и энергіи старыхъ русскихъ плавателей, которые на негодныхъ тогдашнихъ судахъ рисковали на предпріятія, мудренныя и для наилучшихъ новѣйшихъ народовъ. Его собственное путешествіе завершало вопросъ, и въ соотвѣтствіе этому онъ въ своей книгѣ, при каждомъ главномъ пунктѣ плаванія своей экспедиціи, дѣлаетъ обзоръ того, что сдѣлано было прежними изслѣдователями, — такъ что его книга есть вмѣстѣ довольно обстоятельная исторія всѣхъ прежнихъ предпріятій для опредѣленія сѣвернаго океана отъ Норвегіи до Камчатки, съ XVI-го вѣка и до новѣйшихъ временъ ²⁾.

---

¹⁾ Стр. 27 русскаго изданія.

²⁾ Русскій переводъ: „Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега“ въ 1878 — 1880 г. Перевелъ со шведскаго С. И. Барановскій, заслуж. проф. Имп. Алекс. университета, при содѣйствіи Э. В. Коріандера, горнаго инженера“. Спб. 1881. Русскій переводчикъ допустилъ, къ сожалѣнію, ошибки относительно вещей довольно извѣстныхъ: Дежневъ названъ Дешневымъ (стр. 21, 24); рѣка Оленекъ называется Олонкомъ (стр. 20, 26); Виллоуби — Виллугбей (стр. 51); Чекановскій — Чикановскій (стр. 26) и др. Другое изданіе: „Шведская полярная экспедиція 1878—79 г. и пр. Переводъ со шведскаго“. Спб. 1880. Популярное краткое изложеніе: „Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 г.“, Спб. 1885.

ГЛАВА VIII.

СИБИРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДО КОНЦА XVIII-ГО ВѢКА.

Задачи для сибирской исторіографіи.

Древнія извѣстія. — Начало сибирскаго лѣтописанія: архіепископъ Кипріанъ; Савва Есиповъ; Строгоновская лѣтопись; Тобольская или Кунгурская лѣтопись Семена Ремезова; Илья Черепановъ. — Отношенія лѣтописныхъ текстовъ.

Описанія географическія. — Иностранныя карты. — Русскіе „чертежи“ и „росписи“ XVIII-го вѣка. — Чертежъ столѣтника Годунова и шведская копія Прютца. — Чертежъ Семена Ремезова. — Статьи хронографовъ.

Историческіе труды Миллера и Фипера.

Для историческаго изслѣдованія Сибири сдѣлано было не мало, но до сихъ поръ все еще нѣтъ цѣльной исторіи Сибири, даже цѣльнаго изслѣдованія какого-нибудь отдѣльнаго періода ея. Причинъ этому было много. Въ исторіи самой метрополіи Сибирь не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, была всегда только служебной провинціей; какъ исторія мѣстная, она требовала однако вниманія, потому что была исторіей громадной страны и цѣлаго населенія, — люди, спеціально заинтересованные сибирской исторіей, были преимущественно сами сибиряки, но обыкновенно они не были поставлены въ такія условія, чтобы выполнить подобную задачу: или не имѣли подъ руками необходимаго матеріала, или не были достаточно подготовлены въ научномъ отношеніи, или не имѣли досуга; наконецъ, матеріалъ для сибирской исторіи такъ разнообразенъ, требуетъ столькокихъ спеціальныхъ знаній и притомъ такъ мало имѣлъ предварительной разработки, что овладѣть имъ было бы не легко для одного человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ, какъ требовала бы этого настоящая историческая критика, — задачи сибирской исторіи раскидывались бы на цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, для которыхъ и

по настоящее время не собрано достаточныхъ свѣдѣній. Русскому завоеванію Сибири предшествовала долгая исторія туземной Сибири и сосѣдней средней Азіи, населенной народами финскими, тюркскими, монгольскими; изъ темной глубины древней Азіи они не однажды врывались завоевательными ордами въ болѣе цивилизованныя страны азіатскаго юго-запада и восточной Европы; южныя окраины Сибири были затронуты этими народными переселеніями или даже бывали мѣстомъ ихъ перваго истока. Эта древняя исторія до сихъ поръ темна,—между тѣмъ съ нею связаны историческіе вопросы о судьбѣ финскаго племени, пѣкогда имѣвшаго громадное распространеніе; о судьбѣ народовъ тюркскихъ и монгольскихъ, которые владѣли страной наканунѣ прихода русскихъ и до сихъ поръ наполняютъ Сибирь и ея окраины. Съ тѣхъ поръ произошли другія племенные передвиженія, которыя остаются опять мало выясненными; приходъ русскихъ произвелъ новое броженіе, частію отгоняя чужія племена съ путей русской колонизаціи, частію ассимилируя ихъ. Съ этимъ вмѣстѣ произошли новыя своеобразныя явленія въ складѣ самого русскаго племени: колонизація, какъ выше говорено, совершалась частію путемъ правительственныхъ мѣръ, частію инициативой мѣстнаго населенія, которое раздвигалось все дальше на свой страхъ, отыскивая новыхъ территорій для земледѣлія и промысла, причемъ промыселъ нерѣдко переходилъ и въ простой грабежъ и даже истребленіе туземныхъ и породцевъ. Занятые земли становились новыми русскими областями: худо ли, хорошо ли, въ нихъ водворялась русская власть, но въ страпѣ, раскинутой на огромномъ пространствѣ, жители естественно предоставлены были всего чаще самимъ себѣ, и въ результатѣ складывался своеобразный бытъ и, наконецъ, особый типъ самой русской народности. Отъ первыхъ вѣковъ русскаго господства не осталось почти ни единого разсказа, который разъяснялъ бы этотъ процессъ занятія страны русскими и образованія новаго народнаго быта; только нѣмецко-русскіе путешественники прошлаго столѣтія доставляютъ объ этомъ почти первыя свѣдѣнія, и ходъ развитія сибирскаго народа и сибирскаго быта остается изучать по уцѣлѣвшимъ старымъ актамъ и по современному состоянію сибирской жизни.

Тому, что болѣе или менѣе доступно писанной исторіи, предшествуетъ еще болѣе древняя судьба сибирской территоріи — ея доисторическое прошлое. Первые путешественники въ Сибирь уже угадывали эту далекую древность по ея остаткамъ, и новѣйшія находки удостовѣряютъ существованіе въ Сибири каменнаго вѣка, затѣмъ указываютъ остатки древнихъ горныхъ работъ въ такъ-называемыхъ „чудскихъ копяхъ“, которыя до сихъ поръ составляютъ мало разъясненную загадку, какъ и тѣ изображенія на скалахъ, рисунки и

письмена („писаницы“), которыхъ много находятъ особливо на югѣ западной Сибири.

Таковы разнообразныя задачи, предстоящія сибирской исторіи. Для нея нужно, такимъ образомъ, содѣйствіе до-исторической археологіи; изученіе разнообразныхъ восточныхъ народовъ, ихъ языка, древностей и этнографіи; архивныя изслѣдованія; изслѣдованія новѣйшаго гражданскаго быта Сибири, и, наконецъ, изслѣдованіе старыхъ сибирскихъ правовъ, обычаевъ и современнаго быта. Въ различной мѣрѣ эти задачи затронуты въ существующей литературѣ о Сибири; нѣкоторые частные вопросы вызвали, хотя немногія, замѣчательныя изслѣдованія, но цѣльный историческій вопросъ остается еще безотвѣтнымъ.

Историческія свѣдѣнія о русской Сибири начинаются лѣтописью. До конца XVII-го вѣка это была почти единственная форма историческаго разсказа, извѣстная нашимъ книжникамъ. Какъ выше указано, первыя русскія извѣстія о Сибири восходятъ довольно далеко. Лѣтопись упоминаетъ въ теченіе XV-го и XVI-го вѣка событія, относящіяся до Сибири. Въ XVII столѣтіи встрѣчаются первые слѣды лѣтописи *собственно сибирской*, которая составлялась на мѣстѣ и ограничивалась только мѣстными событіями. Въ настоящее время извѣстно нѣсколько памятниковъ этого лѣтописанія, но вообще старая сибирская лѣтопись до сихъ поръ не вполнѣ приведена въ извѣстность. Главныхъ сибирскихъ лѣтописей, какими пользовались до сихъ поръ историки Сибири, было четыре, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

Первымъ началомъ этого мѣстнаго лѣтописанія считается трудъ тобольскаго архіепископа Кипріяна въ началѣ XVII-го вѣка—трудъ, до насъ не дошедшій въ своемъ первоначальномъ видѣ. Кипріянь, по фамилии Старорусенковъ, бывшій архимандритъ новгородскаго Хутыпскаго монастыря, поставленный патріархомъ Филаретомъ, былъ первымъ архіепископомъ сибирскимъ и тобольскимъ, въ 1621 году. Прибывши въ Тобольскъ, онъ, какъ разсказываютъ, во второй годъ своего церковнаго правленія, „вспомянулъ“ атамана Ермака Тимофеева и „велѣлъ спросить Ермаковыхъ казаковъ, какъ они пришли въ сибирское царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого у нихъ поганые убили, а казаки принесли ему списки, какъ они пришли въ Сибирь, и о бояхъ“. Сибирскій лѣтописецъ Савва Есиповъ (или Осиповъ), упомянувши объ этомъ, замѣчаетъ, что самъ онъ писалъ „съ писанія прежняго“; полагаютъ, что прежнимъ писаніемъ именно была лѣтопись архіепископа Кипріяна ¹⁾.

¹⁾ Ср. о томъ же слова Кунгурской лѣтописи Ремезова,—въ изданіи Археограф. комиссіи, стр. 37, статья 135; но Кипріянь названъ Нектаріемъ.

Савва Есиповъ, писавшій въ 1636 или 1637 году, былъ дьякъ сибирскаго митрополита, повидимому распространилъ то, что нашелъ у своего предшественника, но кромѣ того рассказывалъ и то, что видѣлъ „своими глазами“. Извѣстіями его воспользовался уже первый сибирскій историкъ Миллеръ (называющій его Саввой Ефимовымъ), не особенно, впрочемъ, довѣряя его показаніямъ ¹⁾. Лѣтопись Есипова издана была въ первый разъ Г. И. Спасскимъ, а потомъ, по другому списку, П. И. Небольсинымъ ²⁾.

Наравнѣ съ лѣтописью Есипова очень старою считается другая лѣтопись, такъ-называемая „Строгоновская“. Миллеръ не зналъ этой лѣтописи, и въ первый разъ она была найдена и издана Спасскимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ сибирской старины, который сообщилъ ее и Карамзину. Когда собственно эта лѣтопись была составлена—неизвѣстно; рассказъ ея ограничивается только первымъ завоеваніемъ Сибири и оканчивается на временахъ царя Ѳеодора Ивановича ³⁾.

Третья лѣтопись, называемая обыкновенно „Тобольскою“ (теперь ее называли „Кунгурскою“) и извѣстная также подъ именемъ „Ремезовской“, составлена была тобольскимъ боярскимъ сыномъ Семеномъ Емельяновичемъ Ремезовымъ. Лѣтопись Ремезова открыта была въ первый разъ Миллеромъ въ Тобольскѣ. Въ своей позднѣйшей автобіографической запискѣ онъ рассказываетъ о находкѣ лѣтописи (полученной отъ енисейскаго воеводы Петра Мировича, дяди

¹⁾ См. Sammlung russischen Geschichte, т. VIII, 1763, стр. 197—199; Фишера, „Сибирская исторія“, стр. 306—307. Ср. Пекарскаго, „Ист. Акад. Наукъ“, I, стр. 355—356; онъ не замѣтилъ тождества этого Ефимова съ Есиповымъ.

²⁾ „Сказаніе о Сибирской странѣ“, въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ 1823, и П. Небольсина: „Покореніе Сибири“. Спб. 1849, въ приложеніяхъ.

³⁾ Заглавіе ея слѣдующее: „О взятіи Сибирскія земли: како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи подарова Богъ Сибирское государство обладати ему, государю, и побѣдiti Муртазеліева сына Кучума салтана сибирскаго, и сына его царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣти Богъ Сибирскую землю святымъ крещеніемъ и святыми Божиими церквами и утверди въ ней святительскій престолъ архиепискупію“. Изданіе Спасскаго въ книжкѣ: „Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Издана съ рукописи XVII-го вѣка“. Спб. 1821, XI и 99 стр., 8°.—Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ 1821, ч. XIII, стр. 1—6, помѣщено было „Извѣстіе о новонайденной лѣтописи сибирской“, вошедшее въ предисловіе къ ея отдѣльному изданію, и въ ч. XIV, стр. 7—25, выписка изъ Карамзина (т. IX), который уже имѣлъ въ рукахъ эту лѣтопись. Въ примѣчаніи Спасскій писалъ: „Почитаю себя счастливымъ, что доставленіемъ подлинника сей лѣтописи почтеннѣйшему нашему исторіографу оказалъ ему нѣкоторую услугу. Г. С.“ — Куда дѣвался потомъ этотъ подлинникъ лѣтописи, неизвѣстно. Впослѣдствіи эта лѣтопись перепечатана была, съ новыми объясненіями, въ той же книгѣ Небольсина: „Покореніе Сибири“, въ приложеніяхъ.

извѣстнаго Мировича, казненаго въ 1764 году), которая есть именно лѣтопись Ремезова ¹⁾). Миллеръ придавалъ ей большое значеніе, и въ предисловіи къ его сибирской исторіи говорится, что лѣтопись Ремезова „сочинитель предъ другими больше вѣрить, и оной для полности хвалить“. По словамъ Спасскаго, эта лѣтопись была писана Ремезовыми, то-есть и отцомъ, Семеномъ Емельяновымъ, и сыновьями (которыхъ было три — Леонтій, Семенъ и Иванъ) между 1650 и 1700 годами. Небольсинъ утверждаетъ прямо, что она составлена во время Петра Великаго, въ 1697—1699 годахъ. „Тобольская лѣтопись довольно пространна, — говорить о ней Спасскій, — и кромѣ древнихъ и новѣйшихъ въ Сибири происшествій, повѣствуетъ о нравахъ и образѣ жизни коренныхъ тамошнихъ обитателей; но обезображена пустыми вымыслами и многими погрѣшностями въ самомъ описаніи происшествій: однако же Миллеръ заимствовалъ свѣдѣнія для своей исторіи сибирской наиболѣе изъ сей лѣтописи“ ²⁾). Карамзинъ отвергаетъ лѣтопись Ремезова, считая показанія ея невѣрными ³⁾; невысокаго мнѣнія о ней и Небольсинъ, который думаетъ, однако, что и въ ней есть нѣчто, требующее вниманія. Событія доведены въ этой лѣтописи до смерти сибирскаго царя или хана Кучума, 1598, и послѣднее отрывочное показаніе относится, повидимому, къ назначенію перваго архіепископа въ Тобольскъ, въ 1621 году.

Четвертая и новѣйшая сибирская лѣтопись, съ именемъ автора.

¹⁾ „Тобольскій архивъ, — писалъ Миллеръ, — не восходить до временъ завоеванія Сибири. Объ этомъ событіи извѣстно только изъ лѣтописей, которая въ перелатѣ обстоятельствъ весьма разнствуютъ между собою и потому могутъ возбуждать сильное сомнѣніе. Я былъ такъ счастливъ, что досталъ въ Тобольскѣ старинную сибирскую лѣтопись съ изображеніями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія и противъ которой невозможно возражать. По возвращеніи моемъ, я преподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоценность. Съ нея не существуетъ ни одного списка кромѣ того, который я велѣлъ сдѣлать для собственнаго употребленія. На ней основывается исторія завоеванія, какъ она разсказана мною въ первой части моей Сибирской исторіи“. См. Исторію Акад. Наукъ, т. I, Спб., 1870, стр. 322, и предисловіе къ изданію этой лѣтописи, которое сдѣлано было только недавно Археографическою комиссіею въ полномъ литографированномъ факсимиле: „Краткая сибирская лѣтопись (Кунгурская) со 154 рисунками“. Спб. 1880. — въ форматѣ подлинной рукописи. Изданіе сдѣлано на счетъ корреспондента Комиссіи А. Зоста. Въ рукописи главное мѣсто занимаютъ рисунки, изображающіе разныя событія завоеванія Сибири, а текстъ составляетъ нѣчто въ родѣ объясненія къ картинкамъ.

Лѣтописно, что эта лѣтопись имѣла себѣ нѣмецкаго переводчика въ стихахъ (бѣлихъ: см. книжку: *Kurze Sibirische Chronik (die Kungurische)*, Deutsch von Franz Bencksen, Petersb., 1853. 8, II и 44 стр.

²⁾ „Лѣтопись Сибирская“, стр. VII.

³⁾ Исторія госуд. Росс., т. IX, пр. 644.

есть Черепановская. Извѣстная Карамзину и называемая у него „новою сибирскою лѣтописью неизвѣстнаго автора“, эта лѣтопись въ первый разъ упомянута была въ печати академическимъ путешественникомъ Фалькомъ. Въ своемъ путешествіи онъ рассказываетъ: „Въ Tobольскѣ познакомился я съ ученымъ ямщикомъ Козьмою Черепановымъ, умнымъ и достаточнымъ человекомъ. Онъ не только порядочный былъ архитекторъ, но зналъ часть математики, механики и даже исторіи. Библіотека его состояла изъ 400 книгъ. Братъ же его Илья Черепановъ сочинилъ сибирскую лѣтопись и, занимаясь ею, не покидалъ своего ямского ремесла“ ¹⁾. Объ этой лѣтописи говорилъ потомъ Спасскій ²⁾, который находилъ, что она „достойна вниманія, сколько по содержанію своему, столько же и по сочинителю, который представляетъ рѣдкое явленіе на поприщѣ нашей словесности и въ особенности за 50 лѣтъ предъ симъ: ибо онъ, по званію и ремеслу своему, принадлежитъ къ сословію ямщиковъ города Tobольска“. Спасскій указалъ въ главныхъ чертахъ и составъ этой лѣтописи, гдѣ рассказъ о первомъ занятіи Сибири до 1620 года заимствованъ, большею частію, изъ печатной сибирской исторіи академика Миллера (въ русскомъ переводѣ), а также изъ лѣтописей Ремезова и Есипова; но Черепановъ видимо не зналъ продолженія Миллеровой исторіи, которое печаталось въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ 1764 года. Другія извѣстія Черепанова о сибирскихъ происшествіяхъ, о городахъ, управленіи, промышленности, о народахъ, населяющихъ Сибирь, взяты частію изъ тѣхъ же лѣтописей, изъ сочиненія Новицкаго и другихъ источниковъ, или собраны самимъ Черепановымъ. Въ своемъ журналѣ Спасскій напечаталъ нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи. Подробный обзоръ лѣтописи Черепанова сдѣланъ былъ г. Майковымъ, который, кромѣ источниковъ, указанныхъ Спасскимъ, отмѣчаетъ также ссылки Черепанова на „нѣкоторую сибирскую исторію“ (по поводу родословія Ермака), далѣе на Степенную книгу, Хронографъ, Прологъ, „Лѣтопись о мятежахъ“.

¹⁾ Полн. собр. ученыхъ путешествій по Россіи, изданіе Акад. Наукъ. Т. VII, Записки путешествія Фалька, стр. 402—403. Одинъ изъ новѣйшихъ сибирскихъ историковъ, Абрамовъ, имѣвшій въ рукахъ списокъ этой лѣтописи, усомнился въ рассказѣ Фалька и замѣтилъ на заглавномъ листѣ рукописи: „Лучше вѣрить, что она, какъ и прочія сибирскія лѣтописи, составлена при здѣшнемъ (т.-е. тобольскомъ) архіерейскомъ домѣ. Есть на это доказательства; а профессору Фальку трудно повѣрить, что онъ ямщика тобольскаго выставилъ на поприщѣ исторіи и когда же? За 80 лѣтъ назадъ тому и въ Tobольскѣ“.—Намъ кажется, напротивъ, что лучше вѣрить Фальку, показанія котораго вообще весьма точны и просты; онъ не могъ выдумать, что видѣлъ Черепанова, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это былъ начекингъ, какіе бывали въ то время не особенно рѣдки.

²⁾ Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, 1821, часть XIV.

По замѣчанію г. Майкова, можно догадываться и о другихъ источникахъ Черепанова; такъ, напримѣръ, въ лѣтописи занесены извѣстія, взятые, повидимому, изъ отдѣльныхъ сказаній, напримѣръ о явленіи иконы въ Абалакѣ, о началѣ судового хода по Ледовитому морю, о занятіи Амура, жизнеописанія митрополитовъ Іоанна Максимовича и Филофея Лещинскаго, и пр. Собственные извѣстія Черепанова сосредоточиваются очевидно около Тобольска, причемъ одни имѣютъ чисто мѣстный интересъ, какъ, напримѣръ, записи о дождяхъ, пожарахъ, постройкахъ, другія относятся къ Тобольску какъ къ главному административному центру Сибири, напримѣръ извѣстія о правительственныхъ распоряженіяхъ, о звѣриныхъ и другихъ промыслахъ, списки воеводъ въ сибирскихъ городахъ, свѣдѣнія о новыхъ земляхъ, о постройкѣ новыхъ остроговъ, о разныхъ происшествіяхъ въ пограничныхъ земляхъ; сообщается также много извѣстій, касающихся церковнаго быта. Все это было взято, вѣроятно, изъ современныхъ записей, а за послѣдніе годы занесено самимъ Черепановымъ ¹⁾.

Мнѣніе г. Майкова, приведенное нами въ примѣчаніи, можетъ свидѣтельствовать о современномъ состояніи разработки старой сибирской лѣтописи. Эта разработка едва начата: тексты изданы пока весьма отрывочно; не приведены въ извѣстность наличные памятники, не сравнены сполна ихъ редакціи, не выяснена хронологія. Между тѣмъ существуетъ въ бібліотекахъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ рукописей, которыя требовали бы подобнаго пересмотра и, наконецъ, изданія. Эти рукописи были не однажды перечисляемы ²⁾.

¹⁾ См. докладъ Л. Н. Майкова въ „Лѣтописи занятій Археографической комиссіи“. Вып. VII. Спб. 1894, отд. IV, стр. 44—68, гдѣ помѣщено также нѣсколько выписокъ изъ самой лѣтописи. Г. Майковъ, однако, выразилъ сомнѣніе въ пользѣ и главное въ своевременности изданія этого памятника. „Лѣтопись Черепанова весьма сложна по своему составу, а въ настоящее время еще недостаточно выяснились взаимныя отношенія и болѣе старыхъ, болѣе первоначальныхъ источниковъ сибирской исторіи. Далѣе, во второй своей половинѣ лѣтопись Черепанова содержитъ въ себѣ много заимствованій изъ другихъ источниковъ, и потому, какъ памятникъ позднѣйшаго образованія, требуетъ особенно тщательной критики, а для критики такого рода, особливо по исторіи Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, у насъ имѣется еще слишкомъ мало данныхъ“.

²⁾ См., напр., Небольсина, „Покореніе Сибири“. гл. I: „Сибирскіе лѣтописцы и историкъ“, стр. 4—11; „Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Моск. Главному Архиву мин. иностр. дѣлъ“, составл. М. Пущило, М. 1879, гдѣ упомянуто и нѣсколько лѣтописей (стр. 2, 82, 97, 98, 104); ст. „Сибирскія лѣтописи“ въ „Восточномъ Обзорѣніи“, 1883, № 38, 40, 44 и 51; „Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ“ А. Оксенова, въ „Литературномъ Сборникѣ“ Н. М. Ядринцева. Спб. 1885, стр. 446—455. Нѣсколько бібліографическихъ указаній см. еще у Межова, „Сиб. Библіографія“, I, стр. 3—5.

Отсутствіе критической разработки и сравнительнаго изданія текстовъ вело, между прочимъ, къ противорѣчивой оцѣнкѣ самыхъ историческихъ данныхъ. До сихъ поръ не освобождено отъ противорѣчій, не только по хронологіи, но и по существу, опредѣленіе перваго факта сибирской исторіи—походовъ Ермака. Выше мы указали, что уже въ разсказѣ Исаака Массы дѣло излагается такъ, что ни о какомъ завоеваніи Сибири Ермакомъ нѣтъ рѣчи; даже имя его не названо; мы замѣчали, что это умолчаніе могло быть въ связи съ ходившими тогда двумя версіями этой исторіи. Дѣйствительно, въ двухъ старѣйшихъ сибирскихъ лѣтописяхъ—Саввы Есипова и Строгоновской—исторія завоеванія передается весьма несходнымъ, даже противоположнымъ образомъ. Строгоновская лѣтопись (названная такъ не потому, чтобы гдѣ-нибудь ея составленіе прямо было связано со Строгоновыми, а потому, что весь смыслъ ея клонится къ возвеличенію роли Строгоновыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири) не носитъ на себѣ ни имени автора, ни времени составленія, но считалась нѣкоторыми историками, въ томъ числѣ Карамзинымъ, за древнѣйшую сибирскую лѣтопись, и, согласно съ нею, завоеваніе Сибири изображается въ такомъ смыслѣ, что Ермакъ былъ только исполнителемъ плана Строгоновыхъ, которые потомъ „уступили Сибирь государству“ или „подарили русскаго царя Сибирью“. Лѣтопись Есипова, напротивъ, излагаетъ дѣло иначе, считая дѣйствія Ермака вполне самостоятельными, а роль Строгоновыхъ — совершенно второстепенной, такъ какъ нѣкоторая помощь, оказанная ими Ермаку, является только вынужденной. Это противорѣчіе въ различной степени отразилось у историковъ, говорившихъ о завоеваніи Сибири: Строгоновская лѣтопись принята была за авторитетъ въ особенности Карамзинымъ и Устряловымъ (въ книгѣ: „Именитые люди Строгоновы“), но къ совершенно инымъ заключеніямъ приходилъ Небольсинъ. По его мнѣнію, Строгоновская лѣтопись, во-первыхъ, не имѣетъ приписываемаго ей авторитета древности; что она составлена была много позднѣе событій, какъ видно изъ того, что въ ея заглавіи упоминается уже основаніе сибирской архіепископіи (1621); авторъ ея, имѣвшій въ рукахъ царскія грамоты Строгоновымъ, по мнѣнію Небольсина, видимо желалъ польстить ихъ роду, приписывая имъ первостепенное участіе въ великомъ государственномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности, по взгляду Небольсина, завоеваніе Сибири давно было обдуманномъ планомъ московскихъ царей и особливо Ивана Грознаго, а Строгоновы въ эпоху завоеванія не были еще такъ вліятельны, и въ ихъ распоряженіи не было столько людей, чтобы предпринять подобную экспедицію или вооружить войско Ермака. Болѣе древнею Небольсинъ считаетъ лѣтопись Саввы Есипова; но какъ этотъ послѣдній

памятникъ, такъ и Строгоновская лѣтопись, въ ихъ изданной формѣ, по мнѣнію Небольсина, не представляютъ ихъ первоначальнаго текста; напротивъ, въ старыхъ рукописяхъ и хронографахъ Небольсинъ нашелъ произведенія, которыя казались ему именно первообразами обѣихъ лѣтописей. Въ приложеніи къ своей книгѣ: „Покореніе Сибири“, онъ напечаталъ въ четырехъ столбцахъ лѣтопись Есипова и Строгоновскую рядомъ съ ихъ первообразами. Это изданіе, очень полезное для будущей критики сибирскихъ лѣтописныхъ текстовъ, еще не рѣшаетъ вопроса, но было хорошимъ началомъ, которое, къ сожалѣнію, еще не имѣло продолженія.

Миллеръ, а потомъ Спасскій, упоминаютъ еще, повидимому, особый разрядъ краткихъ записей, которыя оба они называютъ „простыми лѣтописями“¹⁾; но до сихъ поръ объ этихъ произведеніяхъ не было сообщено болѣе точныхъ свѣдѣній. Миллеръ подразумѣвалъ, вѣроятно, краткія записи, веденныя по отдѣльнымъ мѣстамъ, какъ бы только для личной и мѣстной памяти. Такова, напр., лѣтопись, веденная въ Тобольскѣ, съ 1590 по 1715 годъ²⁾, или лѣтописи Енисейская и Иркутская, о которыхъ упоминаетъ Словцовъ³⁾, и проч.

Къ источникамъ сибирской исторіи принадлежатъ также старыя описанія географическія. Началомъ ихъ были главнымъ образомъ отписки служившихъ людей о своихъ поѣздкахъ и походахъ и доклады въ Москву отъ мѣстныхъ властей о состояніи сибирскихъ земель, остроговъ, городовъ, населенія русскаго и инородческаго, „ясачнаго“. Выше мы упоминали, что царскіе посланцы еще съ XVI-го вѣка отправляемы были въ среднюю Азію и Китай для собранія свѣдѣній о восточныхъ земляхъ, съ которыми имѣлись въ виду или политическія, или торговыя дѣла. Посланцы подавали о своихъ путешествіяхъ „сказки“, то-есть отчеты, состоящіе, большею частію, изъ

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, слова Спасскаго: „Сверхъ того, у нѣкоторыхъ охотниковъ до собранія древностей хранились, а можетъ быть и нынѣ есть, такъ-называемыя простыя лѣтописи, повѣствованія и другіе различные матеріалы для полной сибирской исторіи, болѣе или менѣе уважительные“. См. „Лѣтопись Сибирская“. Сиб. 1821. стр. VII.

²⁾ „Сибирскій лѣтописецъ“, сообщенный извѣстнымъ историкомъ В. Н. Берхомъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“, 1826. ч. XIX, стр. 109—139 и 221—251. Это—лѣтописецъ собственно служившій, записывающій назначенія воеводъ, дѣяковъ и всякія officialныя извѣстія.

³⁾ „Ист. Обзорѣніе Сибири“, изд. 1886 г., I, стр. XI; II, стр. 302—303. Иркутская лѣтопись Пежемскаго, съ основанія города. 1652 г., издана была въ „Иркутскихъ губ. Вѣдомостяхъ“ 1858; см. еще „Къ иркутскому лѣтописцу поясненіе“, въ „Чтеніяхъ“ моск. общ. ист. и древн. 1859, кн. III, стр. 65—80.

голыхъ маршрутовъ, изрѣдка пополняемыхъ краткими свѣдѣніями о видѣнныхъ странахъ, народахъ, ихъ обычаяхъ и о переговорахъ съ ихъ властями. Эти „сказки“ становились руководствомъ для послѣдующихъ путешественниковъ; нерѣдко онѣ выходили за предѣлы приказовъ, списывались, заносились любознательными людьми въ сборники, хронографы, наконецъ послужили матеріаломъ для цѣльныхъ официальныхъ описаній. Такъ въ извѣстной „Книгѣ Большому чертежу“, нынѣ извѣстная редакція которой относится къ 1627 году, находятся уже довольно подробныя и точныя маршрутныя свѣдѣнія относительно западной Сибири, какъ она была въ то время извѣстна и насколько занята была русскими ¹⁾. Русскіе чертежи или устные рассказы о восточно-азиатскихъ земляхъ уже издавна интересовали иностранцевъ и въ первый разъ попадали въ печать въ ихъ сочиненіяхъ. Таковы были уже карты XVI вѣка, напримѣръ у Вида, Герберштейна, Дженкинсона, въ началѣ XVII в. у Исаака Массы; въ 1614 году напечатана была въ Амстердамѣ Гесселемъ Герардомъ карта царевича Ѳедора Борисовича ²⁾.

Одинъ изъ нашихъ историковъ, указавъ нѣкоторые изъ этихъ западныхъ картъ, замѣчалъ, что „всѣ эти данныя являются крайне скудными, если мы обратимъ вниманіе на многочисленныя свидѣтельства относительно составленія чертежей сибирскихъ земель, сохранившіяся въ нашихъ официальныхъ бумагахъ“ ³⁾. Въ этихъ словахъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Западные путешественники съ большими стараніями искали географическихъ извѣстій о самой Россіи и о Сибири, и иногда добывали ихъ даже съ нѣкоторой опасностью для себя и особливо для тѣхъ, кто сообщалъ имъ подобныя свѣдѣнія (какъ, напримѣръ, рассказываетъ о томъ Исаакъ Масса); но если со стороны иностранныхъ географовъ не было недостатка въ любознательности, то русскіе источники были чрезвычайно мало доступны или же были недостаточно пригодны для картографическаго употребленія. „Многочисленныя свидѣтельства“, упоминаемыя г. Замысловскимъ, далеко не всѣ относятся именно къ „чертежу сибирскихъ земель“, а только къ *планамъ сибирскихъ остроговъ*. Таково порученіе отъ царя Бориса въ 1600 году къ тюменскому головѣ о построении острога въ Епанчинѣ Юртѣ. Въ грамотѣ именно говорится: „а каковъ великъ острогъ сдѣланъ будетъ, и каковы около острогу крѣпости (т.-е. укрѣпленія) и надолобы подѣлаешь... и ты-бъ о всемъ о томъ подлинно отписалъ, и острогъ, и крѣпости, начер-

¹⁾ „Книга Большому чертежу“ издана была Г. Н. Спасскимъ; 2-е изд. Спб. 1838.

²⁾ Часть ея, изображающая Сибирь, помѣщена въ книгѣ Д. Н. Анучина, стр. 38.

³⁾ Замысловскій, Чертежи сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка („Журн. мин. просв.“ 1891, июнь, стр. 340). Впрочемъ, иностранныя карты указаны здѣсь не сполна.

тихъ на чертежъ и всякія угодыя росписавъ, прислалъ къ намъ къ Москвѣ“. Такимъ же образомъ въ 1611 году тобольскій воевода, дѣлая распоряженія о постройкѣ новаго города, велить „новому юроду, и городовымъ всякимъ *крѣпостямъ*, и пашеннымъ землямъ и всякимъ угодыамъ роспись и чертежъ прислати въ Тоболескъ“. Очевидно, что на этотъ разъ рѣчь идетъ только о планахъ этихъ остроговъ, а не о картахъ земель.

Другіе „чертежи“ были дѣйствительно карты. Такова была карта царевича Ѳедора Борисовича, изданная Герардомъ. Такую карту, „чертежъ и роспись про китайскую область“ привезъ въ Москву въ 1620 году казакъ Иванъ Петлинъ, посланный въ Китай. Въ 1626—1627 годахъ, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, сдѣланъ новый чертежъ всему московскому государству. Въ чертежѣ находится и рѣка Обь съ ея притоками. Въ 1640—1641 составлены росписи и чертежи притокамъ Енисея и верховьямъ Лены ¹⁾. Въ 1644 году новый приказъ о чертежѣ Лены и ея притоковъ, и т. д.

Подобная „Росписи сибирскимъ городамъ и острогамъ“ издана была (изъ Погодинской рукописи) въ книгѣ г. Титова ²⁾. По мнѣнію издателя, она составлена не позже 1640 года,—она дѣйствительно ограничивается только городами и, острогами западной Сибири, но рукопись не имѣетъ конца и, начинаясь по обыкновенію съ самаго западнаго пунета Сибири, Верхотурья (какъ, напр., и въ описаніи сибирскихъ путей у Массы), должна кончатся крайними восточными городами, которые остаются недосчитанными. Чисто практическое назначеніе „Росписи“ видно изъ ея первыхъ строкъ: „Которой городъ или острогъ надъ которою рѣкою стоитъ, и сколько отъ которова города до города или до острогу зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ лошадми *ѣзду* и нартами на собакахъ, и водянымъ путемъ, въ дощаникахъ и въ стругахъ, ходу, по сказкѣ тобольскихъ и иныхъ сибирскихъ городовъ служилыхъ людей, и какіе люди до божіхъ мѣстъ *ямскую юмбу* и на сколько *дорожъ* гоняють,—и то писано въ сей росписи порознь, по статьямъ“.

Въ томъ же изданіи помѣщенъ „Чертежъ всей Сибири, збираный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича“ — изъ рукописи Румянцовскаго Музея ³⁾. Собственно говоря, это не чертежъ, а текстъ къ нему, его описаніе.

¹⁾ Упомянутая затѣмъ г. Замисловскимъ работа пятидесятника Мартина Васильева въ 1614 году представляетъ опять не карту, а только планъ верхоленскаго острожка.

²⁾ А. Титовъ, Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. Юдинъ. Москва, 1890, стр. 9—22.

³⁾ Стр. 25—38.

Составъ чертежа или описанія изложенъ слѣдующими словами. По указу царя Алексѣя Михайловича въ 176 году (1668), „збиранъ сей чертежъ въ Tobolску за свидѣтельствомъ всякихъ чиновъ людей, которые въ сибирскихъ во всѣхъ городахъ и острогахъ хто гдѣ бывалъ и городки и остроги и урочища и земли знаютъ подлинно, и какіе ходы отъ города до города, да отъ слободы до слободы, и до котораго мѣста и дороги и земли и урочища и до земель въ сколку дней и сколку ѣзду и верстъ, и гдѣ межъ слободъ Tobolsкаго уѣзду построить отъ приходу воинскихъ людей, по вымотру столника и воеводы Петра Ивановича Годунова съ товарищи, какіе крѣпости и по сколку человекъ въ которой крѣпости посадить драгунъ, къ которой крѣпости сколко ходу дней и недѣль и степью и водами жъ до Китай, и то писано въ чертежъ порознь по статьямъ въ кругахъ, также за свидѣтельству иноземцевъ и пріѣзжихъ бухарцовъ и служилыхъ татаръ“.

„Чертежъ“ начинается отъ Tobolsка и, идя на востокъ, доходить до Амура, до Китая, до земли Тангутской и Индѣйской и между прочимъ сообщаетъ изрѣдка бытовья свѣдѣнія. Самая карта, принадлежащая къ этому описанію Сибири столника Годунова, не сохранилась въ подлинникѣ, но сохранилась ея копія, сдѣланная въ 1669 году К. И. Прютцомъ (C. I. Prütz), сопровождавшимъ въ Москву шведскаго посланника Фрица Кронмана, и находящаяся въ его рукописи: „Itinerarium per nonnullas Russiae et Poloniae partes“ (146 стр., 4°, въ стогольмской королевской библіотекѣ). О своей копіи онъ сообщаетъ: „Приложенная карта великаго княжества Сибирскаго и окрестныхъ странъ снята мною 8-го января 1669 года въ Москвѣ, насколько возможно было, тщательно, съ весьма небрежно сохранившагося подлинника, которымъ меня лишь на нѣсколько часовъ ссудилъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынской“. „Сочиненіе Прютца, — говоритъ г. Титовъ, — до сихъ поръ не издапо, а равно оставалась неизвѣстною и помѣщенная въ немъ карта Сибири, между тѣмъ какъ она чрезвычайно интересна для старинной картографіи, ибо даетъ намъ понятіе о первомъ русскомъ чертежѣ Сибири, не сохранившемся въ Россіи... Мы получили возможность издать эту карту, благодаря благосклонному разрѣшенію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которому точный снимокъ съ нея былъ доставленъ шведскимъ ученымъ Г. Стриндбергомъ черезъ посредство академика Я. К. Грота“ ¹⁾. — Но эта карта была уже раньше издана извѣстнымъ Норденшельдомъ ²⁾.

¹⁾ Титовъ, стр. IX—X.

²⁾ „Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien“, af A. E. Nordenskiöld (Первая на дѣйствительныхъ наблюденіяхъ основанная карта

Въ „Росписи сибирскимъ городамъ и острогамъ“, какъ и въ описаніи чертежа стольника Годунова, разстояніе мѣстностей, исключая болѣе близкихъ и болѣе извѣстныхъ, означены днями или цѣлыми недѣлями и мѣсяцами ѣзды сухимъ путемъ или водой. Болѣе исправный списокъ описанія чертежа Годунова найденъ въ московскомъ Архивѣ министерства юстиціи и представляетъ варианты въ собственныхъ именахъ и цифровыхъ показаніяхъ ¹⁾. Относительно копій Прютца г. Замысловскій полагаетъ, что она едва ли была точной копіей русской карты: „большая часть названій рѣкъ и городовъ, отмѣченныхъ особыми знаками, не поименованы, опущены многія названія, находящіяся въ русскомъ подлинникѣ (т.-е. въ описаніи), но тѣмъ не менѣе эта карта оставляетъ далеко за собою карты, предшествующія ей, и она является первымъ опытомъ воспроизвести картографически всю Сибирь“. Что копія не могла быть особенно точной, можно предполагать уже изъ того, что „небрежно сохранившійся подлинникъ“ данъ былъ Прютцу всего на нѣсколько часовъ.

Болѣе поздній сибирскій лѣтописецъ и географъ Ремезовъ сообщаетъ, что въ 1667—1668 годахъ царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тобольскому воеводѣ составить карту Сибири—„всю Сибирскую землю описать, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища, и всему учипить чертежъ“. По словамъ его, это было „первое чертежное описаніе Сибири отъ древнихъ жителей“, т.-е., вѣроятно, первое съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Сибири русскіе жители, и это описаніе было „предапо печати“, „и посему отчасти Сибирь означися“. Это описаніе (т.-е. Годуновское) произвело, говоритъ Ремезовъ, большое впечатлѣніе въ Сибири: изъ чертежа сибирскіе жители въ первый разъ увидѣли очертаніе своей земли. „И о семъ тогда всѣмъ сибирскимъ жителямъ первое вново Сибирскій чертежъ въ великое удивленіе, яко много лѣтъ при житіи ихъ проидоша и недовѣдомы орды сосѣдъ жилища и урочища бѣша. И о семъ древле невѣріемъ слуха одержимы бѣша: еже имъ мало проходно быша, еже нынѣшнее урочище пять поприщъ имуще, они же тогда сто верстъ мнѣша, а идеже день ходу, ту имъ недѣля ѣзду. И тогда имъ сосѣдъ жилища и урочища отчасти открыся, заше въ вопросахъ немскусни бѣша. И съ таково времени со 176 и по нынѣшней 209 годъ“.

Ремезовъ былъ не высокаго мнѣнія о географическихъ представленіяхъ своихъ соотечественниковъ и его трудно въ этомъ оспари-

Сѣверной Азіи; въ журналѣ „Утесъ“, 18-7). Любопытная статья Норденшельда заключаетъ краткій обзоръ старой картографіи сѣверной Сибири, и карта Прютца помѣщена здѣсь въ двухъ вариантахъ. Имя его пишется по-шведски Prutz.

¹⁾ См. статью г. Оглоблина: „Источники чертежной книги Сибири, Семена Ремезова“ (въ „Библиографъ“, 1891, № 1).

вать. Старинные чертежи дѣлались на глазомѣръ, безъ всякихъ понятій о математической географіи и безъ умѣнья хотя бы приблизительно опредѣлять широту и долготу отмѣчаемыхъ на картѣ пунктовъ; не было также и знанія того, что уже было тогда извѣстно въ европейской географической наукѣ о югѣ и китайскомъ востокѣ Азіи. Карта Годунова нарисована такъ, что сѣверъ приходится внизу, югъ наверху, западъ на право и востокъ на лѣво: она изображаетъ Азію въ видѣ четырехъугольника, который на западѣ примыкаетъ къ европейской Россіи, а съ трехъ остальныхъ сторонъ окружается по видимому моремъ: восточный край Азіи идетъ по прямой линіи (лишь съ неровностями морского берега) — Китай помѣстился въ углу, а мѣста для Индіи совсѣмъ не оказалось; южная полоса Азіи идетъ прямо отъ Астрахани до крайняго угла Китая.

Далѣе въ книгѣ г. Титова изданъ „Списокъ съ чертежа сибирскія земли“ ¹⁾, помѣченный 7181 годомъ (1672), и который раньше былъ уже изданъ Г. И. Спасскимъ ²⁾. Чертежъ, которому эта статья служила описаніемъ, также не сохранился. Изложеніе идетъ отъ Тобольска все далѣе на востокъ и простирается на восточную Сибирь, даетъ между прочимъ и описаніе Амура.

Далѣе, въ томъ же изданіи напечатано въ первый разъ изъ рукописи Румянцовскаго Музея „Описаніе новыя земли, сирѣчь сибирскаго царства“ ³⁾. Въ этой статьѣ, составленной, по опредѣленію Востокова, послѣ 1683 года, описаніе сибирскихъ земель соединяется съ историческими свѣдѣніями, которыя „несогласны съ достовѣрнѣйшими лѣтописями Строгоновскою и Саввы Есипова; рассказываемыя здѣсь обстоятельства частью сходны съ сказаніемъ Ремезовской лѣтописи, частью же и собственнаго изобрѣтенія“ неизвѣстнаго автора. Географическія данныя здѣсь вообще полнѣе, чѣмъ въ другихъ описаніяхъ, представляющихъ почти только дорожники; здѣсь сообщаются описанія мѣстностей, произведеній природы, обычаевъ, излагаются даже религіозные обряды китайцевъ и сообщается о прибытіи въ Китай іезуитовъ. Статья, замѣчательная и по богатству языка, представляетъ вообще лучшее и наиболѣе подробное изъ старыхъ русскихъ описаній Сибири ⁴⁾.

Тамъ же повторена статья, напечатанная прежде Г. И. Спасскимъ

¹⁾ Стр. 41—54.

²⁾ Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1849, кн. III.

³⁾ Стр. 57—101.

⁴⁾ „Описаніе... Румянцевскаго Музеума“, Востокова. Спб. 1842, № ССХСІV. Нѣсколько извлеченій изъ этой статьи находится въ приложеніяхъ къ упомянутому раньше „Путешествію Спаарія“, въ изданіи Ю. Арсеньева. Сиб. 1882.

изъ рукописи XVII-го вѣка: „Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ, которая разгранила русское селеніе съ китайцы“ ¹⁾).

Упомянутый сынъ боярскій Семень Ремезовъ, авторъ Tobольской (или Кунгурской) лѣтописи, составилъ въ 1701 году новую „Чертежную книгу Сибири“, на 23 листахъ, гдѣ на первомъ листѣ находится планъ Tobольска, затѣмъ 18 картъ земель, подвѣдомственныхъ сибирскимъ городамъ или острогамъ, отъ Верхотурья и Tobольска до Якутска и Нерчинска; потомъ „Чертежъ земли безводной и малопроездной каменной степи“, то-есть степей, прилегающихъ къ Сибири на юго-западѣ; далѣе, сводная карта всей Сибири, подъ названіемъ: „Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“; наконецъ, карта Великопермскаго и Печорскаго поморья и карта распредѣленія инородческихъ племенъ ²⁾. Наконецъ, мы упоминали выше о путешествіи Спаарія, о книгѣ Новицкаго. Довольно большое количество отписокъ и сказокъ разныхъ посланцевъ къ ханамъ средней Азіи и Монголіи разсыяно по разнымъ историческимъ изданіямъ и до сихъ поръ еще не собрано въ одно цѣлое ³⁾.

Статьи о Сибири, правда, краткія, встрѣчаются и въ хронографѣхъ, которые были въ свое время почти единственными учеными и популярными книгами по исторіи и географіи. Въ „Изборникѣ“, составленномъ Андреемъ Поповымъ изъ хронографовъ, находятся нѣсколько статей, относящихся къ Сибири. Напримѣръ, статья „О сибирскомъ царствѣ и о царяхъ того великаго царства“, которая совпадаетъ съ нѣкоторыми отдѣлами лѣтописей Строгоновской и Саввы Есипова ⁴⁾; тамъ же статья: „О побѣдѣ на бесерменскаго сибирскаго царя Кучума Муртозелеева и о взятіи сибирскаго царства и о рожденіи царевича Дмитрія и о поставленіи града Tobольска и о людехъ ратныхъ, и о разныхъ звѣрехъ и змїяхъ великихъ и о птицахъ дивныхъ, иже обрѣтаются въ томъ сибирскомъ царствѣ“, гдѣ послѣ краткаго разсказа о завоеваніи Ермакомъ сибирскаго царства сообщаются свѣдѣнія о сибирскихъ народахъ, звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ. Наконецъ, статья: „О градѣхъ и рѣкахъ того сибирскаго царства“. Въ старыхъ космографіяхъ, изданныхъ тамъ же А. Попо-

¹⁾ Стр. 105—113. Изданіе Спасскаго въ „Вѣстникѣ“ Географ. Общества 1858, книга II.

²⁾ Атласъ Ремезова изданъ Археографической комиссіей, 1882.

³⁾ Много подобныхъ отписокъ было напечатано Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, г. Потанинымъ, Ю. Арсеньевымъ, г. Кобеко и др. Ср. „Географическія свѣдѣнія Книги большого чертежа о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ“, А. И. Максеева, въ „Запискахъ Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи“, т. VI; Н. Оглобина, „Сибирскіе дипломаты XVII вѣка“ (въ Истор. Вѣстникѣ, 1891).

⁴⁾ Ср. „Изборникъ“, Москва, 1869, стр. 398 и слѣд.; ср. „Лѣтопись Сибирскую“, Спасскаго, стр. 28 и слѣд.; „Покореніе Сибири“, Небольсина, приложеніе, стр. 10 и д.

вымъ, находятся двѣ статьи о Сибири, изъ которыхъ одна, въ нѣсколькихъ строкахъ, называетъ Сибирь царствомъ „звѣрообразныхъ людей“, другая курьезна по сказочнымъ подробностямъ о сѣверныхъ сибирскихъ народахъ ¹⁾).

Однимъ изъ основныхъ источниковъ для сибирской исторіи остаются акты—современныя офиціальныя бумаги, правительственныя распоряженія, отчеты и т. п., масса которыхъ уже была собрана въ XVIII столѣтіи или остается еще до сихъ поръ несобранной въ сибирскихъ архивахъ и въ центральныхъ архивахъ въ Петербургѣ и Москвѣ ²⁾).

Во главѣ научной разработки сибирской исторіи стоитъ имя знаменитаго Герарда-Фридриха Миллера (1705 — 1783), о которомъ мы уже много разъ говорили. Его называютъ отцомъ сибирской исторіи, и совершенно справедливо: никто съ тѣхъ поръ и донинѣ — кромѣ развѣ Спасскаго—не положилъ такого труда на собраніе матеріаловъ по исторіи этого края, гдѣ Миллеръ странствовалъ въ теченіе десяти лѣтъ (1733 — 1743), большею частію вмѣстѣ съ Гмелиномъ, и гдѣ онъ занимался разборомъ сибирскихъ архивовъ и собираніемъ всякихъ свѣдѣній о сибирской старинѣ, современномъ бытѣ, инородцахъ и т. д. Самъ Миллеръ въ своихъ сочиненіяхъ изложилъ только немного изъ собраннаго имъ матеріала; о цѣнности и обилии этого матеріала можно судить по тому, что въ прошломъ столѣтіи большая масса его вошла въ „Древнюю Вивліюэику“ Новикова, а долго спустя этотъ матеріалъ послужилъ для изданій Археографической комиссіи, и въ послѣдній разъ изъ него почерпнуто было содержаніе спеціальныхъ сборниковъ, изданныхъ Археографической комиссіей въ 1880-хъ годахъ, черезъ полтора столѣтія послѣ того, какъ Миллеръ дѣлалъ свое путешествіе ³⁾).

Ограничимся здѣсь указаніемъ того, что въ его ученыхъ трудахъ посвящено Сибири. Наканунѣ своего отъѣзда, въ 1732, Миллеръ началъ изданіе, посвященное вообще различнымъ предметамъ русской исторіи и гдѣ потомъ появились его многія работы о Сибири ⁴⁾. Путешествіе надолго прервало это изданіе, которое было возобновлено Миллеромъ уже въ 1758 году. По возвращеніи, Миллеръ, кромѣ раз-

¹⁾ „Изборникъ“, стр. 466, 528—529. Въ послѣдней изъ этихъ статей есть отголоски новгородскаго сказанія, изложеннаго выше (отдѣлъ второй, глава I).

²⁾ Подробное изчисленіе ихъ см. въ „Сибирской Библіографіи“ г. Межова.

³⁾ О трудахъ Миллера въ Сибири см. въ Ист. Академіи Наукъ, I, стр. 321 — 335, 366 и др.

⁴⁾ G. Fr. Müller, Sammlung russischer Geschichte. St.-Pet. 1732 — 64, 9 томовъ. Десятый дополнительный томъ былъ изданъ Эверсомъ и Энгельгардтомъ. Dorpat, 1816.

ныхъ другихъ работъ, занялся составленіемъ сибирской исторіи. Книга печаталась уже съ 1748 года и вышла въ свѣтъ въ 1750 году, на русскомъ языкѣ ¹⁾. Книга Миллера была первымъ правильнымъ ученымъ трудомъ по сибирской исторіи: онъ приступилъ къ нему, хорошо приготовившись, и въ то время не было другого человѣка, который бы такъ хорошо владѣлъ всѣми относящимися къ предмету источниками. Въ предисловіи, которое составлено было не Миллеромъ, а академической канцеляріей, объясняется, какіе матеріалы имѣлъ авторъ для своего руководства: по указу правительствующаго сената, автору „позволено было сибирскіе архивы по волѣ разсматривать“ и выписывать изъ нихъ „принадлежащія къ его намѣренію извѣстія“; кромѣ того, нѣкоторые „приватныя персоны“, а особливо бароны Строгоновы, благосклонно сообщали ему какъ письменныя, такъ и изустныя извѣстія, и наконецъ, „къ не малому его вспоможенію“, попались ему письменныя сибирскія лѣтописи. Поэтому предисловіе успокоиваетъ читателя относительно достовѣрности этой исторіи: „Сего ради благосклонный читатель ни мало сумнѣваться не можетъ о достовѣрности сего описанія, тѣмъ напаче, что сочинителю, который кромѣ того *не имѣетъ причинъ инако писать*, какъ только что нашлось въ вышепоказанныхъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ, во-первыхъ должно было всячески о истиннѣ стараться; однако-жъ если впредь о чемъ нибудь больше удостовѣренность будетъ, то по приложенному старанію о усмотрѣнныхъ погрѣшностяхъ въ слѣдующемъ томѣ объявлено, а при новомъ изданіи то самое въ текстѣ поправлено быть имѣть“.

Эта опасливость объясняется вообще тогдашними взглядами на печать и въ частности положеніемъ Миллера въ Академіи. Ученый трудъ былъ дѣломъ официальнымъ, и мы раньше имѣли случай замѣчать, что научныя открытія академиковъ считались казенною соб-

---

¹⁾ Мы пользовались вторымъ изданіемъ: „Описаніе сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена; сочинено Герардомъ Фридрихомъ Миллеромъ, историографомъ и профессоромъ университета Академіи Наукъ и соціетета Англичскаго членомъ. Книга первая. Вторымъ тисненіемъ“. Спб. 1787, 4°. Эта единственная вышедшая отдѣльно книга сочиненія Миллера заключаетъ слѣдующія главы: I) Извѣстіе о древнихъ приключеніяхъ прежде Россійскаго владѣнія; II) О изобрѣтеніи (т.-е. открытіи) Сибири и о приведеніи оной подъ Россійскую державу донскими казаками; III) О принятіи сибирской земли подъ Россійскую державу; IV) О строеніи городовъ Тюмени, Тобольска, Лозы, Пелыма, Березова, Сургута, Тары и о совершенномъ прогнаніи Хана Кучума изъ Сибири; V) О строеніи городовъ и остроговъ Нарына, Кедрого, Вѣрхотурья, Туринска, Мангазьи, Томска и Кузнецка съ нѣкоторыми до сихъ мѣстъ касавшимися прежнихъ временъ приключеніями“. О вѣмецкомъ изданіи скажемъ дальше.

ственностью и вмѣстѣ канцелярской тайной, съ которой надо было обходиться съ величайшею осторожностью, особливо если дѣло касалось русской исторіи, даже самой отдаленной. Передъ изданіемъ Сибирской исторіи (какъ впрочемъ и послѣ) Миллеру пришлось вынести не мало непріятностей по поводу своихъ ученыхъ трудовъ; онъ былъ не въ ладахъ съ партіей, которая правила тогда академическими дѣлами; въ 1749 году поднятъ былъ шумъ по поводу его диссертациі (на латинскомъ языкѣ!) о происхожденіи русскаго народа, которая была сочтена оскорбительной для достоинства Россійской имперіи; передъ тѣмъ Крекшинъ, извѣстный (плохой) историкъ Петра Великаго, раздраженный неодобрительнымъ отзывомъ Миллера объ его генеалогическихъ трудахъ, подалъ въ сенатъ доносъ о томъ, что Миллеръ (котораго указаніями самъ Крекшинъ пользовался) дѣлаетъ въ одной изъ своихъ рукописей выписки унизительныя для русскихъ (древнихъ) великихъ князей. Самое составленіе Сибирской исторіи не обошлось для Миллера безъ большихъ непріятностей. Шумахеръ и Тепловъ, правившіе Академіей и относившіеся къ Миллеру враждебно, дѣлали ему всякія кляузы, касавшіяся и его ученой работы. Миллеръ осмѣлился, минуя Шумахера, послать прямо въ Москву къ жившему тамъ президенту Академіи Разумовскому предисловіе къ своей книгѣ; Шумахеръ сталъ увѣрять Теплова, имѣвшаго вліяніе у Разумовскаго, что предисловіе „больше клонится на распространеніе суетной славы“ Миллера, а относительно желанія Миллера напечатать при исторіи двѣ старыя сибирскія лѣтописи -- объяснялъ, что Миллеръ „никакого другого намѣренія не имѣетъ, какъ свою исторію увеличить и время проводить“, и что „безопаснѣе“ было бы напечатать лѣтописи и грамоты отдѣльно, „показавъ ихъ напередъ въ надлежащемъ мѣстѣ для апробаціи, ибо оныя дѣла такіа, о которыхъ разсуждать должны *министры* или *правительствующій сенатъ*“. Дѣло шло о лѣтописяхъ XVI — XVII-го столѣтія!

Получилась, наконецъ, резолюція Разумовскаго, очевидно, продиктованная врагами Миллера и довольно безсмысленная, о которой академическая канцелярія уведомила автора Исторіи. Президентомъ Академіи было усмотрѣно, что хотя, по разсужденію автора, и нужны доказательства для его Исторіи, однако въ лѣтописяхъ „находится не малое число *лжебасней*, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ мѣшаться никакимъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона“ (т.-е. до церковныхъ предметовъ). „А хотя же бы что и до закона не касалось, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и жи, которыя никакого основанія не имѣютъ“. ~~А~~

девическая канцелярія (безъ сомнѣнія, по полномочію отъ президента) разсуждала, что такой книги печатать нельзя „подъ именемъ будто бы только древности и стараго сложенія. ибо ложь не касается до склада, но до самаго дѣла“; поэтому рѣшили сибирскую лѣтопись „печатаніемъ оставить до того времени, когда она и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и очищены (!) отъ поминутыхъ непристойныхъ сказокъ, происходящихъ отъ излишняго суетвѣрствъ“. и самое предисловіе, приготовленное Миллеромъ, было „перемѣнено“.

Это первоначальное предисловіе сохранилось въ архивѣ Академіи и заключало въ себѣ, между прочимъ, любопытныя соображенія о старыхъ памятникахъ сибирскаго лѣтописанія ¹⁾.

Въ печатномъ предисловіи говорилось дальше, что Академіею принято намѣреніе напечатать вмѣстѣ „выписанныя изъ сибирскихъ архивовъ важнѣйшія достовѣрныя извѣстія, какихъ въ академической архивѣ *тридцать восемь* книгъ хранится“, вмѣстѣ съ тобольскимъ лѣтописцемъ и „съ прочими общими сибирскими лѣтописцами“, но предварительно „очистивъ оныя отъ басней, которыя не принадлежатъ къ самому дѣлу“. Это очищеніе, придуманное, какъ мы видѣли, не Миллеромъ, а академической канцеляріей, конечно, сдѣлало бы изданіе негоднымъ,—да оно и не состоялось.

Этимъ не кончались придирки. Однажды непріатели Миллера въ академической канцеляріи, желая досадить ему, отняли у него чтеніе корректуры, подъ предлогомъ, что онъ ее задерживаетъ. Онъ долженъ былъ объяснять, что корректурныя поправки ему необходимы вслѣдствіе плохого перевода его книги, и что въ „другихъ странахъ“ такое распоряженіе сочтено было бы весьма несправедливымъ, „потому что вовсе запрещать дѣлать поправки въ корректурахъ, при печатаніи своихъ сочиненій, значило бы дѣйствовать вопреки обычаю всѣхъ ученыхъ и всѣхъ типографій, смѣю сказать—вопреки самаго существа дѣла: здѣсь-то пробуждается болѣе вниманіе сочинителя и гораздо болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ работахъ, потому что здѣсь онъ въ послѣдній разъ можетъ поправить свою работу прежде изданія въ свѣтъ. Тому свидѣтели всѣ тѣ, которые привыкли сами поправлять свои сочиненія“.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ историковъ отзывались иногда нѣсколько свысока о Сибирской исторіи Миллера; это очень несправедливо. Каковы бы ни бывали ошибки Миллера въ другихъ вопросахъ русской исторіи, онъ оставался отличнымъ знатокомъ ея, и въ данномъ случаѣ трудъ его былъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что онъ при-

¹⁾ Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 352—356. Упомянутый здѣсь Савва Ефимовъ, какъ мы указывали, есть Савва Есиповъ.

ступалъ къ предмету совсѣмъ нетропутому, для котораго самъ онъ собралъ первые источники, къ которому впервые приложилъ историческую критику, чтобы разобраться въ массѣ сложныхъ фактовъ и противорѣчивыхъ показаній. Для своего времени Миллеръ съ большимъ успѣхомъ одолѣлъ эти трудности, и его книга была бы вѣроятно еще любопытнѣе, еслибы надъ нимъ не тяготѣла упомянутая невѣжественная опека. Онъ приступалъ къ дѣлу съ учеными приемами только-что возникавшей тогда исторической критики. Для первой главы сочиненія Миллеръ воспользовался существовавшей тогда литературой о старой исторіи Средней Азіи, Монголіи и Китая, какъ переводъ исторіи Абульгази, старыя путешествія къ татарамъ (Плано-Карпини и др.), книги тогдашнихъ ориенталистовъ, Пети де-ла-Круа, Эрбелота, іезуитовъ Гобаля, Сусіета, какъ сочиненія Витзена, Страденберга (къ которому относится критически), Дюгальда, Іоанна Бернарда Миллера (объ осязкахъ) и пр. Въ послѣдующихъ главахъ онъ стоялъ уже на болѣе твердой почвѣ, имѣлъ передъ собою русскія лѣтописи и грамоты; и такъ какъ послѣднія были еще совсѣмъ неизвѣстны въ печати, то онъ въ примѣчаніяхъ приводитъ ихъ цѣликомъ, какъ напримѣръ грамоты къ Строгоновымъ. Близкое собственное знаніе Сибири, внимательное изученіе уцѣлѣвшихъ остатковъ ея старины въ археологическихъ памятникахъ и преданіяхъ, русскихъ и инородческихъ, составляли для Миллера чрезвычайно важное дополненіе къ его письменнымъ матеріаламъ. Передавая одно сказаніе о до-русскихъ временахъ Сибири, Миллеръ замѣчаетъ: „сію повѣсть еще и нынѣ у тобольскихъ татаръ изустно слышать можно“; въ Красноярскѣ онъ отыскиваетъ „старого челоуѣка изъ аринскаго народа, которой... остался одинъ, которой говорилъ еще аринскимъ языкомъ“; въ третьемъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что такіе-то историческіе факты „у тобольскихъ татаръ нынѣ совсѣмъ изъ памяти вышли“; „князецъ“ аялинскихъ татаръ рассказываетъ ему, что съ дѣтства помнить еще объ идолопоклонствѣ своихъ родителей и всего тамошняго народа и т. д. ¹⁾). Миллеръ осмотрѣлъ самыя мѣстности, гдѣ происходили послѣднія битвы Ермака, развалины города „Сибири“ и т. п. ²⁾). Историческія соображенія побуждали Миллера вообще отдавать предпочтеніе показаніямъ тобольскаго лѣтописца, т.-е. Ремезова, передъ другими, „общими“ или „простыми“ лѣтописями ³⁾: Тобольскій лѣтописецъ, по его мнѣнію, „сочиненъ первымъ писателемъ (т.-е. самостоятельнымъ), что не токмо по письму, но и по находящимся въ немъ рисункамъ довольно явствуетъ“.

¹⁾ Стр. 9, 25, 39, 44 и мн. др.

²⁾ Стр. 108, 143 и др.

³⁾ Стр. 109, 142 и др.

Сибирская исторія доведена въ первомъ томѣ книги Миллера до начала XVII столѣтія. Въ концѣ книги прибавлена „краткая хронологическая роспись сибирской исторіи“, съ 1499 по 1618 г., и кроѣ того подробный указатель именной, географическій и предметный.

Продолженію труда Миллера, къ сожалѣнію, не посчастливилось: первый томъ остался единственнымъ,—между тѣмъ онъ видимо продолжалъ усиленно работать. Въ 1750 году переводились уже на русскій языкъ 7, 8 и 9-я главы академическимъ переводчикомъ Голубцовымъ, котораго поправлялъ Модерахъ. Въ февралѣ 1751 года Миллеръ представилъ графу Разумовскому 7 главъ, которыя должны были войти во вторую часть его сибирской исторіи. Эти главы разсматривались тогда же въ „историческомъ собраніи“ изъ нѣсколькихъ академиковъ, составлявшемъ своего рода академическую цензуру, и гдѣ однимъ изъ членовъ былъ Ломоносовъ. Въ концѣ этого года Ломоносовъ, какъ рассказываетъ историкъ Академіи наукъ, представлялъ академической канцеляріи, что онъ, при „свидѣтельствovanіи“ Сибирской Исторіи Миллера, находилъ непристойными подробности автора о пушкарѣ Ворошилкѣ и его худныхъ поступкахъ, такъ какъ, по мнѣнію Ломоносова, „весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ“... Далѣе, Ломоносову не нравилось даже упоминаніе о построеніи такихъ церквей, которыя потомъ погорѣли, и выраженіе: „праздность всероссійскаго престола“ — въ междоусобицѣ. Миллеръ сдѣлалъ поправки по замѣчаніямъ Ломоносова. Въ декабрѣ того же 1751 года историческое собраніе одобрило къ печатанію шесть главъ Сибирской Исторіи (6 — 11) и сдѣлало распоряженіе объ ихъ печатаніи. Въ 1752 году одобрены были тѣмъ же собраніемъ главы 12 — 17-ая, и затѣмъ слѣдующія главы до 22-ой включительно велѣно было, за болѣзнію Голубцова, переводить Модераху. Наконецъ, въ февралѣ 1753 года Миллеръ представилъ еще одну главу своего сочиненія, всего 23 главы; но продолженіе книги все-таки не выходило въ свѣтъ, и историкъ Академіи не нашелъ этому никакого объясненія въ дѣлахъ академическаго архива ¹⁾).

Изъ этого продолженія сибирской исторіи напечатаны были впоследствии только отдѣльныя главы—по-нѣмецки въ „Sammlung russischer Geschichte“, а по-русски въ издававшихся Миллеромъ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“. Въ первомъ изъ этихъ изданій помѣщенъ былъ, во-первыхъ, переводъ пяти главъ перваго русскаго тома, а затѣмъ главы 6—10-ая ²⁾; въ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ (1763,

¹⁾ Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 368, 406—408.

²⁾ Sammlung etc., т. VI, выпуски 2 — 6, 1761 — 1762: Sibirische Geschichte, Erstes-fünftes Buch, стр. 109—566, и подробный указатель. Здѣсь выпущены тексты

октябрь) Миллеръ помѣстилъ краткій обзоръ сибирской исторіи; а потомъ (1764, январь—июнь) помѣстилъ цѣликомъ главы 6, 7 и 8-ю.

Въ тѣхъ же „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“, которыя Миллеръ издавалъ съ 1755 года въ теченіе десяти лѣтъ, онъ помѣстилъ еще нѣсколько изслѣдованій, имѣющихъ отношеніе къ Сибири, напримѣръ: „о первыхъ русскіихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китай“; „о торгахъ сибирскихъ“; „изъясненіе сумнительствъ, находящихся при поставленіи границъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами 7197 (1689) года“; „о китовой ловлѣ около Камчатки“; „исторія о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ русскіимъ владѣніемъ“; описанія „морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ русской стороны учиненныхъ“¹⁾; „извѣстіе о песочномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о стропилъ крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ, которыхъ имена: Омская, Желѣзнинская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская“; „извѣстіе о ландкартахъ, касающихся до русскаго государства съ пограничными землями, также и о морскихъ картахъ тѣхъ морей, кои съ Россією граничатъ“; „изъясненіе о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ могилахъ найденныхъ“²⁾ и пр. Эти

царскихъ грамотъ. Далѣе, Sammlung, т. VIII, выпуски 1 — 5, 1768: Sibirische Geschichte, sechstes-zehntes Buch, стр. 1—458. Содержаніе этихъ книгъ слѣдующее: VI. Различныя происшествія. Постройки разныхъ церквей и монастырей. Основаніе соленой варницы. Начало нѣкоторыхъ слободъ. Обдорскій городокъ и Туруханскъ. Древнѣйшія открытія на рѣкѣ Енисей и на Ледовитомъ морѣ. Возстанія и военскіе случаи. VII. Дальнѣйшія открытія и завоеванія по рѣкѣ Енисею; объ основаніи остроговъ и городовъ Маковского, Енисейска, Мелесскаго и Красноярска, и о киргизскихъ происшествіяхъ. VIII. Происшествія въ извѣстныхъ уже областяхъ Сибири относительно русскихъ жителей. Перемены въ постройкѣ городовъ. Учрежденіе архиепископской кафедры въ Тобольскѣ. Основаніе разныхъ монастырей и слободъ. IX. Продолженіе исторіи западной части Сибири относительно происшествій, какія случились съ тамошними туземными и сосѣдними народами, гдѣ особливо говорится о переговорахъ и войнахъ съ князьями семейства хана Кучума и калмыками. X. Событія знатнѣйшаго калмыцкаго княжескаго рода, который подъ именемъ Джунгарскаго всего выше вознесъ свое могущество. Продолженіе происшествій съ князьями изъ рода хана Кучума и съ мелкими калмыцкими тайшами.

¹⁾ Это—рядъ статей (Ежем. Соч. 1758, январь—май, июнь—ноябрь), который могъ бы составлять цѣлую книгу; онъ тогда же явился по-нѣмецки въ Sammlung russ. Gesch., III, 1758, стр. 1 — 134 (Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen, die von Russland aus längst den Küsten des Eismeer und auf dem Ostlichen Weltmeere gegen Japon und Amerika geschehen sind. Zur Erläuterung einer bey der Akademie der Wissenschaften verfertigten Landkarte), и, какъ мы видѣли раньше, это сочиненіе пользовалось большимъ авторитетомъ въ иностранной литературѣ по вопросу о географіи Ледовитаго океана и сѣверной части океана Восточнаго.

²⁾ Именно, найденныхъ въ Сибири и въ Новороссійскомъ краѣ. Статьи: Von

статьи большею частью появлялись также и на нѣмецкомъ языкѣ въ *Sammlung*, или въ „Магазинѣ“ Вюшинга и другихъ заграничныхъ ученыхъ изданіяхъ ¹⁾).

И этимъ не ограничились труды Миллера о Сибири. Въ декабрѣ 1752 г. онъ представлялъ академической канцеляріи, чтобы академикъ Фишеръ сдѣлалъ сокращеніе изъ Сибирской Исторіи, доведенной Миллеромъ до 1660 года, и продолжилъ ее до позднѣйшихъ временъ, а самъ Миллеръ могъ бы заняться общими сочиненіями по русской исторіи, географіи и описанію народовъ, а также—изложениемъ своего путешествія и описаніемъ сибирскихъ древностей. Канцелярія и на этотъ разъ отнеслась къ Миллеру враждебно и дерзко. Въ постановленіи ея сказано было, что „уже извѣстно, что Миллеръ много начинаетъ, а ничего къ концу не приводитъ“, что сочиненіе русской и сибирской исторіи и географіи „въ даль откладываетъ“ (между тѣмъ какъ на дѣлѣ Академія не издавала и того, что было уже Миллеромъ написано) и видимо „ни мало не хочетъ сдѣлать когда-нибудь полное описаніе сибирскаго путешествія, которое онъ, однако, давно уже могъ бы сдѣлать и предупредить доктора Гмелина“... Раньше было сказано, что появленіе книги Гмелина было принято въ Петербургѣ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Канцелярія постановила передать Фишеру составленіе сокращенія изъ Сибирской Исторіи Миллера, а самого Миллера обязала „подъ штрафомъ“ непременно исполнить обѣщанное въ его представленіи. По докладѣ всего этого президенту Разумовскому, канцелярія предписала Миллеру „немедленно сочинить“ описаніе путешествія, „предпріятого по высочайшему ея императорскаго величества указу“, и представить въ канцелярію; для сочиненія рѣшено было назначить срокъ, и указаны предметы, какихъ онъ долженъ былъ и какихъ не долженъ касаться въ описаніи: ему приказано было, „чтобы ничего въ ономъ не писать какъ токмо то, что *народу* (?) къ его удовольствію знать потребно“ (описаніе пути, рѣкъ, селъ, городовъ, достопримѣчательностей, промысловъ, фабрикъ и т. п.), а другое было запрещено. „О мелочахъ и о такихъ случаяхъ, которые до ихъ (академиковъ) однихъ, или до ихъ свиты, или до ихъ корреспонденціи съ канцеляріями, съ кон-

---

den alten Gräbern in Sibirien, приписанная Миллеру, находится въ Haigold's (Шлѣгеръ), *Beylagen zum neu veränderten Russland*, 1770, II, стр. 193—208.

¹⁾ См. библиографическія указанія въ Исторіи Акад. Наукъ, I, стр. 409 и слѣд. Отмѣтимъ еще одинъ трудъ Миллера: въ изданіи книги о Камчаткѣ Штеллера (1774), упомянутой нами раньше, помѣщена въ приложеніи статья Миллера: *Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten gesammelt zu Jakutzk*, 1737; слѣд. эта статья составлена до изслѣдованій Крашенинникова и Штеллера.

торами и съ прочими мѣстами касаются и къ *пользѣ народной* вовсе не принадлежать, какъ напр., въ какое время и въ какое мѣсто прѣѣхали, днемъ или ночью, лошади устали или нѣтъ; не терпѣли ли они голоду или жажды, когда обѣдали или ужинали, и что ѣли или пили, багажъ остался ли позади или съ ними вмѣстѣ пришелъ, хорошо или худо въ своихъ квартирахъ приняты были; канцеляріи скоро ли ихъ отправляли и скоро ли давали имъ подводы или квартиры, или нѣтъ—вовсе не упоминать ему въ описаніи путешествія, ибо *народу* въ томъ все равно, учинено ли то или нѣтъ. Такимъ образомъ, читатель не будетъ читать ненужныхъ вещей, и намѣреніе того, чему бы надлежало быть во многихъ томахъ, въ одной книгѣ совершится“.

Наставленіе, написанное съ видимымъ намѣреніемъ уколоть, было, кажется, внушено также и раздраженіемъ противъ Гмелина, въ путешествіи котораго, между прочимъ, были именно непріятны многія изъ подобныхъ „мелочей“, рисовавшихъ жизнь и нравы не только съ показной официальной стороны, но и въ ихъ настоящемъ домашнемъ видѣ. Наставленіе преподано было въ февралѣ 1753, и въ томъ же февралѣ Миллеръ, какъ мы упоминали, представилъ 23 главы своей Сибирской Исторіи для составленія сокращенія ихъ Фишеромъ, а объ описаніи путешествія упоминалъ, что „оное мало не додѣлано, токмо не все переписано на бѣло, а что переписано, то находится у переводчика Голубцева. И ежели, по мнѣнію канцеляріи, надлежитъ изъ онаго описанія что исключить или ко оному что прибавить, то я прошу меня о томъ увѣдомить“ ¹⁾.

Несмотря на требованія и настоянія, высказанныя канцеляріей съ такою придирчивостью, Сибирская Исторія Миллера осталась неизданной повидимому больше чѣмъ на половину; осталось въ рукописи, въ академическомъ архивѣ, и „описаніе путешествія, которое императорской Академіи наукъ нѣкоторые члены въ Сибири имѣли; сочинено Г. Ф. Мюллеромъ“ ²⁾.

¹⁾ Раньше, въ одномъ донесеніи Миллера отъ октября 1752, упомянуто, что одна часть его путешествій была имъ „внесена въ архиву при конференціи“ еще въ 1746 году. Ист. Акад. I, стр. 366.

²⁾ Ист. Акад. Наукъ. I, стр. 366—368, 427. Къ тому же путешествію, до прѣѣзда въ Сибирь, относятся „Наблюденія историческія, географическія и этнографическія“ и проч., писанныя Миллеромъ во время путешествія отъ Твери до Казани въ 1733 году (тамъ же, стр. 424), оставшіяся также въ рукописи; далѣе: „Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiaken“ (Samml. r. Gesch., III, 1758—59, стр. 305—412), статья, составленная Миллеромъ во время пребыванія въ Казани въ 1738 и доконченная на пути къ Tobolsku; и, наконецъ, много данныхъ, разсѣянныхъ въ другихъ сочиненіяхъ Миллера.

Таковы были труды для Сибири этого замѣчательнаго человека, о которомъ съ великимъ уваженіемъ говорилъ и такой суровый и требовательный человекъ, какъ Шлёперъ („въ образѣ мыслей Миллера,—замѣтилъ онъ между прочимъ,—было что-то великое, справедливое, благородное“).

Мало похожъ былъ на него другой академикъ, также путешествовавшій въ Сибири и писавшій ея исторію, Іоганнъ-Эбергардъ Фишеръ (1697—1771). Уроженецъ Вюртемберга, Фишеръ, хорошій латинистъ, вызванъ былъ въ Петербургъ для преподаванія въ академической гимназій, въ 1733. Когда въ 1738 Миллеръ, утомленный своими странствіями въ Сибири и заболѣвшій, просилъ о разрѣшеніи возвратиться въ Петербургъ и о посылкѣ вмѣсто него адъюнкта, Фишеръ предложилъ свои услуги и отправился въ путь въ концѣ 1739 года. Онъ возвратился изъ Сибири уже въ 1747 году, но объ его путешествіи остались только весьма неблагоприятныя извѣстія. Миллеръ (который все-таки остался въ Сибири до 1743 г.) встрѣтился съ нимъ лишь ненадолго, но Фишера достаточно видѣлъ въ Сибири Гмелинъ, въ письмахъ котораго сохранились о немъ очень странныя свѣдѣнія: „невозможно описать его вспыльчивости, глупости и дурачества,—пишетъ Гмелинъ,—полагаю очень бесплодною для Академіи посылку его сюда; онъ ничего не дѣлаетъ, и даетъ замѣтить, что ничего не хочетъ дѣлать прежде, чѣмъ не получитъ инструкціи, а въ этой инструкціи должно быть помѣщено не только то, что имѣетъ онъ дѣлать, но также и указаны средства, какъ слѣдуетъ приняться за всякое дѣло“... Гмелину приходилось даже удерживать ученаго путешественника отъ дракъ. Это былъ, повидимому, педантъ, набитый академическою спѣсью, желавшій командовать и озлоблявшійся тѣмъ, что его амбіція не удовлетворялась ¹⁾. Въ Сибири онъ сдѣлался басней; подчиненная ему команда была имъ выводима изъ терпѣнія, и однажды противъ него крикнули даже: „слово и дѣло“, и онъ подпалъ слѣдствію въ Якутскѣ. Въ ученое изслѣдованіе Сибири онъ оказался мало удовлетворителенъ. Нельзя вообще не считать страннымъ его выборъ для сибирской экспедиціи; русская исторія не была новсе его спеціальностью; онъ плохо владѣлъ тогда русскимъ язы-

¹⁾ Въ донесеніи въ Академію, по окончаніи путешествія, Фишеръ пожаловался на этотъ недостатокъ почета: „Ежели правду сказать, то чинъ академикомъ отъ неискусныхъ и простыхъ оныхъ народовъ ни во что вымѣняется. Ежели кто изъ нихъ или въ церквахъ, или въ публичномъ собраніи, или на банкетѣ присутствуетъ, то тотчасъ заобычное оное и употребляемое, однакожъ ненавистное и несносное услышитъ слово: кто онъ таковъ, въ какомъ онъ рангѣ? Сему когда противиться, то ссора и брань; ежели-жъ умолчать и пропустить, то за истину признаютъ“ и т. д. Его рангъ былъ пока еще не важный, а „пропустить“ онъ никакъ не могъ.

комъ, такъ что нуждался въ переводчикѣ, и самое дѣло, кажется, его очень мало интересовало. Повидимому, ѣдучи въ Сибирь, онъ ожидалъ, что ему не будетъ предстоять никакого самостоятельнаго труда; уже на первыхъ порахъ онъ жаловался президенту Академіи барону Корфу, что надѣялся быть спутникомъ одного изъ академиковъ (Миллера или Гмелина), а они оба собираются покидать Сибирь; около того же времени Корфъ велѣлъ-было Миллеру отдать всѣ собранные имъ матеріалы назначенному въ Сибирь вмѣсто него Фишеру. Миллеръ, конечно, отказывался сдѣлать это, отзываясь совершенно справедливо, что безъ этихъ бумагъ все его путешествіе останется безплоднымъ — „не упоминая того, что чужая рука въ недовольномъ знаніи російскаго языка симъ нашимъ походнымъ архивомъ съ такою прибылью пользоваться не можетъ“. Самъ Фишеръ вывезъ изъ Сибири очень немного; даже состоявшій при немъ, вовсе не ученый, переписчикъ Линденау собралъ гораздо больше матеріаловъ.

Съ возвращенія своего Фишеръ, кажется, ничего не дѣлалъ по Сибири до тѣхъ поръ, когда въ декабрѣ 1752 года канцелярія постановила, чтобы онъ составилъ сокращенную сибирскую исторію по книгѣ и рукописнымъ матеріаламъ Миллера. Въ 1757 г. Фишеръ окончилъ свою работу, въ слѣдующемъ году канцелярія поручила Голубцову перевести книгу на русскій языкъ, но вышла она только черезъ много лѣтъ ¹⁾.

О трудѣ Фишера выражаются обыкновенно, что онъ *продолжилъ* Сибирскую Исторію Миллера; но это надо понимать такъ, что у Фишера рассказъ событій поведенъ нѣсколько дальше, чѣмъ въ *первомъ изданномъ томѣ* Миллера, — а самая книга Фишера вовсе не была его самостоятельнымъ трудомъ, но, какъ выше замѣчено, только сокращеніемъ книги Миллера. Русское изданіе отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что въ первомъ нѣтъ, во-первыхъ, предисловія, имѣющагося въ нѣмецкомъ, гдѣ говорится, что эта сокращенная исторія Сибири составлена, по просьбѣ исторіографа Миллера, изъ матеріаловъ, привезенныхъ послѣднимъ изъ сибирскаго путешествія; во-вторыхъ,

¹⁾ Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen und mit Genehmigung Derselben ans Licht gestellt von J. Eb. Fischer etc. 2 тома, Спб. 1768. Русскій переводъ: „Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли російскимъ оружіемъ, сочиненная на нѣмецкомъ языкѣ и въ собраніи академическомъ читанная“... Іог. Ейбергъ. Фишеромъ. Спб., 1774, 4°. 631 стр. и двѣ карты. Замѣтимъ кстати, что на картѣ, приложенной къ этому сочиненію, Сахалинъ — названный „Шантаръ“ — изображенъ совершенно отчетливо какъ островъ. — Ср. „Воспоминанія о Сибири“ Б. Струве, „Р. Вѣстн.“, 1888, іюнь, объ открытіи пролива Невельскимъ.

нѣтъ подробнаго указателя. Знавшіе трудъ Фишера по русскому изданію составляли о немъ понятіе какъ о трудѣ самостоятельномъ, и, слыша по преданію о томъ, что два эти академика не были особенно въ ладахъ, думали даже, что книга Фишера написана „изъ соперничества“ съ Миллеромъ ¹⁾, когда на дѣлѣ первый только сокращалъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что Фишеръ повторилъ всѣ десять изданныхъ главъ (или, въ нѣмецкомъ изданіи, „книгъ“) Миллера. Это наполнило около $\frac{3}{4}$ его сочиненія; остальная $\frac{1}{4}$ взята изъ тѣхъ главъ сочиненія Миллера, которыя остались неизданными,—но неизвѣстно, воспользовался ли Фишеръ всѣми 23 главами сочиненія Миллера, или нѣтъ, и что сталося вообще съ подлиннымъ трудомъ послѣдняго ²⁾. Ученые современники, знавшіе о дѣлахъ русской Академіи, какъ извѣстный Бюшингъ, приравнивали „Сибирскую Исторію“ Фишера къ настоящему плагиату.

Труды Миллера и Фишера (или собственно перваго) надолго остались авторитетнымъ источникомъ свѣдѣній о сибирской исторіи. Можно сказать, что они и до сихъ поръ не замѣнены равносильными сочиненіями. Позднѣе, на сибирской исторіи, собственно только на завоеваніи Сибири, остановился Карамзинъ въ томъ объемѣ, какой допускали рамки его труда, и въ тонѣ, какой отличаетъ вообще его изложеніе. Какъ бы странно сказать, но у стариннаго Миллера было гораздо болѣе яснаго пониманія и характера людей, и свойства событій: для него Ермакъ съ его казаками и сибирскіе туземцы, и весь ходъ дѣла, представлялись гораздо проще и реальнѣе, нежели Карамзину. Кромѣ романтической реторики, существенно было то, что Карамзинъ во главѣ своего изложенія поставилъ Строгоновскую лѣтопись и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Строгоновы, сіи усердныя, знаменитые гражданае, истинные виновники столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи, уступили оное государство“—заключеніе, исторически не доказанное и которое, вмѣстѣ съ болѣе позднимъ трудомъ Устрялова, объ „Именитыхъ людяхъ Строгоновыхъ“, стало предметомъ подробныхъ опроверженій П. И. Небольсина.

¹⁾ Такъ говорится объ этомъ въ „Словарѣ“ свѣтскихъ писателей, митр. Епифанія, II, 232, откуда это ошибочное свѣдѣніе повторено и Щегловымъ, „Хронологическій Перечень“, Иркутскъ, 1883 г., стр. 245—246, 287—283, гдѣ ошибочно показано и время смерти Фишера (книга Пекарскаго осталась Щеглову неизвѣстна). Тѣ же ошибки повторены и въ „Литер. Сборникѣ“ Ядринцева, Спб., 1885, стр. 479.

²⁾ О Фишерѣ, см. „Исторію Акад. Н.“, I, стр. 328, 366, 617—636.

ГЛАВА IX.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ И ОПИСАНІЮ СИБИРИ.

Г. И. Спасскій.—Ш. А. Словцовъ.—Труды Семивскаго, Корнилова, Пестова, Степанова и др.—Н. А. Абрамовъ.—Труды Кривошапкина, Завалишина.

Статистика Сибири.—Старыя переписи.—Труды Штера, Гагемейстера.—Статистическіе комитеты.—Новѣйшія предпріятія ген.-губ. Игнатьева и министерства государственныхъ имуществъ.

Сборники старыхъ актовъ.

Историческія сочиненія И. В. Щеглова, В. К. Андріевича, В. И. Вагина, С. С. Пашкова, А. В. Оксенова, И. И. Тыжнова.

Новѣйшіе описательные труды и путешествія: А. В. Адріановъ, Голодниковъ, В. П. Сукачевъ, П. А. Голубевъ, М. В. Загоскинъ, М. И. Орфановъ, Н. Астыревъ и др.

Описанія беллетристическія.

Труды Н. М. Ядринцева.

Въ началѣ XIX столѣтія наиболѣе заслуженнымъ дѣятелемъ по исторіи Сибири былъ Гр. Ив. Спасскій. Горный инженеръ по специальности, онъ близко изучилъ Сибирь и посвятилъ ей многолѣтніе литературные труды. Съ 1818 до 1825 г. онъ издавалъ сначала „Сибирскій Вѣстникъ“, потомъ „Азіатскій Вѣстникъ“, до сихъ поръ сохраняющіе свою цѣнность по обильнымъ матеріаламъ для исторіи и описанія Сибири. Каждая книжка „Сибирскаго Вѣстника“ заключала что-нибудь цѣнное. Спасскій печаталъ старыя лѣтописи и другіе памятники сибирской исторіи; описанія мѣстныхъ древностей; путешествія по разнымъ краямъ Сибири, съ подробными описаніями поселеній, свѣдѣніями по естественной исторіи, съ обозначеніемъ мѣстныхъ промысловъ, народнаго быта и т. п.; рассказы о сибирскихъ нравахъ и обычаяхъ; статьи о сибирскихъ инородцахъ; описанія сосѣднихъ азіатскихъ земель. Такъ, въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ и отдѣльно были имъ напечатаны лѣтописи Строгоновская и Саввы

Есипова, и отрывки изъ лѣтописи Черепанова, путешествіе въ Китай казака Петлина въ 1620 году, другое путешествіе туда же боярскаго сына Байкова въ 1654—1658 году и т. д. По своей горной службѣ Спасскій самъ много путешествовалъ по Сибири и далъ потомъ нѣсколько подобныхъ описаній ¹⁾, сосредоточивая въ своемъ изданіи труды лицъ, которыя въ то время работали для описанія Сибири и сопредѣльных ей земель; напр. онъ напечаталъ путешествія Геденштрома и Санникова по Ледовитому океану, описаніе Байкала и т. п. ²⁾. Рядъ статей посвященъ быту сибирскихъ инородцевъ ³⁾. Особенно много мѣста дано свѣдѣніямъ о земляхъ и народахъ, сопредѣльных Сибири,—между прочимъ о старо-русскихъ сношеніяхъ съ ними ⁴⁾. Спасскій помѣстилъ также нѣсколько переводовъ изъ иностранныхъ книгъ и матеріаловъ, относящихся къ Сибири. Такъ, онъ издалъ, съ переводомъ, латинскую рукопись неизвѣстнаго иноземнаго автора, прожившаго долго въ Сибири во второй половинѣ XVII-го

¹⁾ Укажемъ, наприимѣръ: „Путешествіе на Тигиреккіе бѣлки“ (сѣговыя горы), „Сиб. Вѣстникъ“, ч. I, „Путешествіе по южнымъ Алтайскимъ горамъ въ 1809 году“ ч. III, IV, и примѣчанія къ этимъ путешествіямъ, ч. VIII.

²⁾ Путешествіе Геденштрома (по Ледовитому морю, въ 1808 — 1809 г.), „Сиб. Вѣстн.“, ч. XVII—XIX, 1832 г.; „Путешествіе геодезиста Шеницына и промышленника Санникова по островамъ Ледовитаго моря“, ч. XX; „Описаніе Байкала“, ч. XIII.

³⁾ „Народы, козующіе въ верху рѣки Енисея“, ч. I, II, V; „Киргизъ-кайсаки большой, средней и малой орды“ (по запискамъ капитана Андреева, съ дополненіями оберберггауптмана П. Б. Фролова и самого Спасскаго), ч. IX — X; „Забайкальскіе тунгусы“, ч. XV—XX, и проч.

⁴⁾ Напр. „Обозрѣніе Монголіи“, ч. V—VI, сочиненіе А. В. Нугинова, который, по словамъ Спасскаго, „съ давняго времени упражнялся въ восточныхъ языкахъ“. Въ 1818 году Нугинъ жилъ въ Верхнеудинскѣ и окончивалъ тогда монголо-россійскій словарь, составлявшійся имъ съ 1788 года. Отецъ его былъ переводчикомъ съ монгольскаго и манджурскаго языка, и самъ онъ прежде былъ также переводчикомъ въ Петербургѣ и при духовной миссіи въ Пекинѣ.—„Путешествіе отъ Сибирской линіи до города Бухари въ 1794 и обратно въ 1795 году“ (выбрано изъ записокъ Тим. Степ. Бурнашева, горнаго чиновника), ч. II—III.—Путешествіе отъ Сибирской линіи до Ташкента и обратно въ 1800 году“ (выбрано изъ бумагъ Бурнашева и Поклялова и дополнено свѣдѣніями самого издателя. Путешествіе сдѣлано было „по рѣшенію“ русскаго правительства „къ познанію тамошней страны“. Путь лежалъ тогда „чрезъ степь, обитаемую киргизъ-кайсаками, которые подобно варварическимъ морскимъ разбойникамъ не уважаютъ никакими правами человѣчества, и гдѣ свобода и самая жизнь, особенно людей различнаго съ ними закона (т.-е. вѣри), находится во всегласней опасости“ — почему сдѣлано было предварительное сношеніе съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ киргизскихъ султановъ), ч. VI.—„Извлеченіе изъ описанія экспедиціи, бывшей въ киргизскую степь въ 1816 г.“, П. П. Шангина, ч. IX, XI.—Отрывокъ изъ путешествія въ Бухарию въ 1820 и 1821 годахъ, ч. XVIII.—Дневники переводчика Путинцева въ проѣздъ его отъ Бухаринской крѣпости до китайскаго города Кульджи и обратно, въ 1811 году, ч. VII—VIII.

вѣка ¹⁾),—какъ въ послѣдствіи оказалось, Юрія Крижанича; переписку Линнея, Лаксмана и Шлёцера о Сибири, съ примѣчаніями самого издателя (ч. IX—X): переводы съ китайскаго ²⁾ и пр. Наконецъ, Спасскій старательно собиралъ свѣдѣнія о до-русскихъ и первобытныхъ сибирскихъ древностяхъ; ему принадлежатъ почти всѣ статьи объ этомъ предметѣ ³⁾).

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы дать понятіе о характерѣ „Сибирскаго Вѣстника“; послѣ онъ издавалъ еще нѣсколько времени другой журналъ ⁴⁾, но затѣмъ, отвлеченный другими работами, только изрѣдка обращался къ сибирскимъ изученіямъ, принявъ между прочимъ участіе въ изданіяхъ Географическаго Общества ⁵⁾. Его труды обращались потомъ, кромѣ его специальности ⁶⁾, къ русской старинѣ и наконецъ къ древностямъ южной Россіи. Ему

¹⁾ „Сиб. Вѣстникъ“, ч. XVII—XVIII. Тогда же вышло и отдѣльное изданіе: „Повѣствованіе о Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ русскими переводами и примѣчаніями Григоріемъ Спасскимъ, С.-Пет. Акад. наукъ корреспондентомъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ“. Спб., 1822 г., 4^о, VIII и 48 стр. Въ послѣдствіи часть этого текста напечаталъ, съ новымъ переводомъ, Небольсинъ въ „Покореніи Сибири“, приложеніе, стр. 89—99. „Повѣствованіе“ Крижанича издано вновь А. Титовымъ въ книгѣ: „Сибирь въ XVII вѣкѣ“, М. 1890: *Historia de Sibiria*, съ новымъ переводомъ, стр. 115—216 (пред., стр. VIII—IX).

²⁾ О переходѣ тургуты въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарию, переводъ съ китайскаго С. В. Липовцова, ч. XII.

³⁾ О древнихъ сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ, ч. I; О сибирскихъ древнихъ курганахъ, ч. II; О древнихъ развалинахъ въ Сибири, ч. III; Памятники древности въ Сибири сѣверной и восточной, ч. IV; О чудскихъ копяхъ въ Сибири (съ рисунками древнихъ горныхъ орудій), ч. VII, и т. д. Потомъ: О забайкальскихъ достопримѣчательностяхъ, ст. Словцова, ч. XV, перепечат. изъ „Казанскаго Вѣстника“ 1821 г.; Письмо къ издателю извѣстнаго А. Н. Оленина о мнимомъ портретѣ Ермака, приложенномъ Спасскимъ къ первой книжкѣ „Сиб. Вѣстника“ и къ изданію Строгановской лѣтописи: Оленинъ доказывалъ, что это изображеніе не имѣетъ съ Ермакомъ ничего общаго и представляетъ просто какого-то западно-европейскаго рыцаря XV—XVI вѣка; настоящій портретъ Ермака надо считать несуществующимъ, а взаимныя ходячаго мнимаго портрета Оленинъ предложилъ рисунокъ, который можетъ, по крайней мѣрѣ, дать понятіе о вѣншемъ вооруженіи завоевателя Сибири. Рисунокъ сдѣланъ, видимо, по указаніямъ Оленина, на основаніи упомянутой выше иллюстрированной Ремезовской лѣтописи; рисунокъ (подписанный „К. Брюло“) вмѣстѣ со статьей Оленина помѣщенъ въ XIV-й части „Сиб. Вѣстника“, 1821 г.

⁴⁾ „Азіатскій Вѣстникъ, содержащій въ себѣ избранныя сочиненія и переводы по части наукъ, искусствъ и словесности странъ Восточныхъ, равно путешествія по симъ странамъ, и разныя новѣйшія свѣдѣнія“, 6 частей. Спб. 1825—27.

⁵⁾ Выше упомянуто изданіе „Списка съ чертежа Сибирскія земли“, 1672 г., во „Временникѣ“ Моск. Общества ист. и др., 1849, кн. III, и „Сказанія о великой рѣкѣ Амурѣ“, въ „Вѣстникѣ“ Геогр. Общ. 1853, № 2; затѣмъ имъ были написаны „Очерки изъ быта нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ“, тамъ же, 1857, кн. XIX, отд. II.

⁶⁾ Горный Словарь, 3 т. М. 1841—48.

принадлежить известное издание „Книги большому Чертежу“, а последние годы своей жизни, проведенные в Одессѣ, онъ посвящалъ особенно изученію древностей Черноморскаго края ¹⁾. Спасскій умеръ въ 1864 году ²⁾.

Послѣ Спасскаго самымъ крупнымъ писателемъ того времени по сибирской исторіи является Петръ Андр. Словоцовъ (1767—1843).

Въ свое время онъ пользовался большою известностью въ учено-литературныхъ кругахъ, какъ лучший знатокъ и авторитетъ по сибирской исторіи. Несмотря на общее развитіе нашей исторіографіи, книга Словоцова осталась не замѣнена и до сихъ поръ другимъ цѣльнымъ трудомъ равнаго достоинства.

Жизнь Словоцова была довольно тяжелая. Онъ былъ пермскій уроженецъ: двѣнадцати лѣтъ онъ отвезенъ былъ въ Тобольскъ, поступилъ въ тамошнюю духовную семинарію и, кончивъ тамъ курсъ въ 1788 г., отправленъ былъ въ Петербургъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, для поступленія въ высшую Александро-Невскую семинарію, обращенную потомъ въ духовную академію. По окончаніи здѣсь курса, Словоцовъ былъ назначенъ въ тобольскую семинарію учителемъ философіи и краснорѣчія. По тогдашнему обычаю, преподаватели семинаріи, какъ лица, принадлежащія къ духовнымъ заведеніямъ, говорили въ церквахъ проповѣди. Словоцовъ получилъ въ Александро-Невской семинаріи хорошее духовное образованіе, но, повидимому, набрался также какихъ-то идей, которыя не совсѣмъ подходили къ духовной школѣ, словомъ,—набрался нѣкотораго свободомыслія. Оно и послужило причиной его бѣдствія. По преданіямъ старожиловъ, Словоцовъ имѣлъ большой успѣхъ въ Тобольскѣ какъ проповѣдникъ, хотя духовнымъ властямъ проповѣди, говорятъ, не нравились,—вѣроятно вслѣдствіе ихъ либеральнаго направленія. Одна проповѣдь, сказанная имъ по случаю бракосочетанія цесаревича Александра Павловича (слѣд. въ концѣ 1793 года), навлекла на Словоцова формальное преслѣдованіе: она была и послѣдней его проповѣдью. Новѣйшій біографъ Словоцова приводитъ ее цѣликомъ по сохранившемуся списку и находитъ, что какъ эта, такъ и другія проповѣди Словоцова не представляютъ ничего особеннаго, по формѣ

¹⁾ Босфоръ Киммерійскій, съ его древностями и достопамятностями. Гр. Спасскаго. М. 1846; Археолого-нумизматическій сборникъ, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерійскаго частно. М. 1850.

²⁾ „Отчетъ“ Географич. Общества за 1859 годъ похоронилъ было его въ этомъ году, смѣшавъ его съ умершимъ тогда профессоромъ физики Спасскимъ; ошибку указалъ П. Хавскій въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1860, № 220; затѣмъ некрологъ Гр. Ив. Спасскаго, въ той же газетѣ 1866, № 107.

отличаются риторикой, а по содержанію „чужды шаблонныхъ образцовъ церковныхъ проповѣдей“; но, прочитывая эту проповѣдь, нельзя не увидѣть, что она могла подать поводъ къ нареканію и къ неудовольствію начальства. Словцовъ, правда, въ самомъ началѣ приглашаетъ „россовъ“ (въ данномъ случаѣ, тобольскихъ обывателей) благословлять свою монархію и высокую чету; но затѣмъ безъ достаточно видимой связи онъ ведетъ рѣчь объ ошибкахъ монарховъ, о суетномъ честолюбіи, о „народной тишинѣ“, представляющей „молчаніе принужденное“, и т. п. Проповѣдь выходила двусмысленна, вѣроятно вслѣдствіе того, что автору хотѣлось затронуть нѣкоторые скользкіе вопросы политической жизни, а также и вслѣдствіе неумѣнья справиться съ ними. Въ числѣ его слушателей былъ, однако, тобольскій губернаторъ. Онъ заподозрилъ въ Словцовѣ врага престола, добылъ списокъ проповѣди и прямо донесъ о ней генералъ-прокурору; вскорѣ въ одно прекрасное утро въ Тобольскъ явился фельдъегерь, который захватилъ Словцова и, не давши опомниться, повезъ его въ Петербургъ. „Въ теченіе слишкомъ трехнедѣльнаго путешествія до Петербурга, Словцову не было дозволено ни въ одномъ изъ городовъ выйти изъ экипажа; даже пищу въ такихъ случаяхъ давали ему чрезъ опущенное окно экипажа (1). Наконецъ, больной физически и нравственно, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ“. Здѣсь его допрашивали сначала митрополитъ Гавріилъ, потомъ генералъ-прокуроръ, наконецъ извѣстный тайный совѣтникъ Шешковскій, и послѣдній сдѣлалъ заключеніе, „что сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося въ семинаріи человѣка, т.-е. ни правилъ, ни связи той нѣтъ, впрочемъ, она дерзкая и развратительная“¹⁾. При этомъ случилась еще такая подробность. Словцову въ обвиненіе поставлена не только одна эта проповѣдь, но рѣзкія слова даже по отношенію къ Александру Македонскому. Въ числѣ арестованныхъ у него бумагъ найденъ листъ, гдѣ слѣдователи усмотрѣли „смѣлыя и дерзкія слова: монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошеніе по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ... мнимый Великій Александръ“... Хотя Словцовъ и объяснилъ, что это имъ выписано изъ Квинта Курція и приготовлялось для клас-

¹⁾ Проповѣдь (приведенная въ его біографіи въ качествѣ историческаго матеріала), за которую Словцовъ подвергся первому преслѣдованію, могла дѣйствительно броситься въ глаза, и хотя странно было дѣлать изъ нея вопросъ о политической злонамѣренности автора и возить проповѣдника въ запертой каретѣ отъ Тобольска до Петербурга для допросовъ и ссылки на Валаамъ; но въ литературномъ отношеніи она, пожалуй, заслуживала рецензій, положенной на нее въ одномъ спискѣ проповѣди: „Поученіе это недостойно церковной кафедры. Это есть мечта ума, бредящаго будто савозъ сонъ, выдающагося то къ вѣрѣ, то къ суетумудрію, и всегда старающагося прикрыться темнотою рѣчи, чтобы не была замѣчена пустота его“.

снago сочиненія, однако, несмотря на такое объясненіе, слѣдователи увидѣли и здѣсь частицу вреднаго направленія, и тутъ же на слѣдствіи сдѣлали ему внушеніе, что „наврасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху пониженіе, учениковъ своихъ отягощаетъ“... Въ концѣ концовъ, хотя относительно проповѣди и было рѣшено, что „сіе произошло отъ слабости его смысла, однако жъ не изъ злаго намѣренія“, но Словцовъ потерялъ мѣсто и отправленъ былъ на смиреніе въ Балаамскій монастырь. Вскорѣ, однако, тобольскій епископъ Варлаамъ сталъ ходатайствовать за Словцова у митрополита Гавріила (который былъ братомъ Варлааму), быть можетъ, для того, чтобы загладить непріятное впечатлѣніе исторіи, случившейся въ его епархіи. Тѣмъ временемъ Словцовъ на Балаамѣ перевелъ съ латинскаго одну душеспасительную книгу, и все это имѣло для него хорошія послѣдствія: онъ былъ освобожденъ изъ Балаамскаго монастыря и назначенъ преподавателемъ краснорѣчія въ Александро-Невскую семинарію, гдѣ въ то время префектомъ и учителемъ философіи былъ Сперанскій, прежній товарищъ Словцова по тому же заведенію и его пріятель. Но и послѣ назначенія преподавателемъ свѣтская власть все еще считала Словцова находящимся подъ особымъ присмотромъ митрополита Гавріила, и только въ 1797 г. онъ былъ освобожденъ отъ этого присмотра и переведенъ въ гражданскую службу, въ канцелярію генераль-прокурора. Служба его пошла хорошо, но въ 1807 г. случилась новая непріятность: на него пало подозрѣніе въ лихоимствѣ, такъ что одно время онъ былъ даже подвергнутъ аресту. Біографъ Словцова считаетъ это обвиненіе клеветой завистниковъ; разборъ дѣла не привелъ ни къ чему, но Словцовъ потерялъ свое мѣсто въ Петербургѣ и назначенъ былъ на службу въ Тобольскъ, въ канцелярію сибирскаго генераль-губернатора. Здѣсь онъ не занималъ собственно никакой должности и питалъ надежду вернуться въ Петербургъ. Въ концѣ 1808 года, сибирскій генераль-губернаторъ отправлялся въ Петербургъ и согласился послать Словцова впередъ съ своею путевою канцеляріей; но въ Твери генераль-губернаторъ получилъ извѣщеніе, что онъ не можетъ взять съ собою Словцова, которому даже запрещенъ вѣздъ во внутреннія губерніи. Пришлось вернуться въ Тобольскъ. Словцовъ занялся службой, съ успѣхомъ исполнялъ разныя порученія и около 1815 года назначенъ былъ директоромъ училищъ иркутской губерніи. Въ 1819 году онъ снова встрѣтился здѣсь съ Сперанскимъ, ревизовавшимъ Сибирь, и послѣдній отозвался къ высшему училищному начальству съ великими похвалами о дѣятельности Словцова. Онъ все еще не покидалъ надежды перебраться въ Россію, и только въ 1828 году, при имп. Николаѣ, ему разрѣшено было продолжать

службу въ Россіи, гдѣ пожелаетъ; но, по совѣту друзей, онъ уже не воспользовался этимъ правомъ, въ 1829 году совсѣмъ покинулъ службу и съ тѣхъ поръ постоянно жилъ въ Tobolskѣ. Последнія тридцать лѣтъ жизни онъ посвятилъ своему историческому труду. Съ конца двадцатыхъ годовъ появляются его статьи и корреспонденціи изъ Сибири, особливо въ „Моск. Телеграфъ“¹⁾; въ концѣ тридцатыхъ вышла въ свѣтъ первая часть его книги²⁾.

„Историческое обозрѣніе Сибири“ Словцова ставится очень высоко его соотечественниками. Еще недавно сдѣланъ былъ о ней слѣдующій отзывъ: „Сочиненіе Словцова составляетъ эпоху въ сибирской исторической наукѣ. Въ „Историческомъ Обозрѣніи Сибири“ въ первый разъ въ художественной формѣ и согласно съ научными требованіями была передана повѣсть о прошлыхъ судьбахъ сибирской окраины. Словцовъ принадлежитъ къ типу историковъ художниковъ... Словцова, съ этой точки зрѣнія, можно назвать сибирскимъ Карамзинымъ, хотя послѣднему онъ значительно уступаетъ въ эрудиціи; это, однако, много зависѣло отъ условій, среди которыхъ Словцову приходилось писать свой трудъ. Словцовъ занимался своимъ сочиненіемъ, живя въ Сибири; поэтому онъ не могъ пользоваться всѣми нужными ему пособіями. „Получая книги изъ столицы, для мелочныхъ иногда справокъ, чрезъ полгода и болѣе, я нерѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое“ — такъ заявлялъ самъ Словцовъ“...³⁾ Съ другой стороны, однако, онъ, въ качествѣ сибирскаго историка, имѣлъ то преимущество, могъ употребить въ дѣло мѣстныхъ свѣдѣнія и видѣть мѣстные условія.

Сравненіе съ Карамзинымъ очень рискованное. Принимаемъ въ соображеніе всю разницу въ объемѣ ихъ историческаго горизонта и связанную съ этимъ разницу въ объемѣ необходимыхъ изслѣдованій; но есть громадная разница и въ пріемахъ изложенія. Сколько бы ни упрекали Карамзина въ излишествахъ риторики, это была черта, отвѣчавшая его особенному патріотическому настроенію, притомъ искони присущая къ его *дарованію*, и въ этомъ смыслѣ естественная, съ которой можно мириться тѣмъ болѣе, что самая мысль всегда отличается ясностью и простотой, а изложеніе — изяществомъ, хотя

¹⁾ „Письма изъ Сибири“, „Моск. Телеграфъ“, 1828, XII, стр. 500—503; 1880, III, 289—313; V, 3—24. „Тобольскъ“, тамъ же 1881, XIII, стр. 3—32; XIV, стр. 145—181. Выше упомянуто о его статьѣ въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“. Отдѣльно вышла книжка: „Прогулка вокругъ Тобольска, въ 1880 году“. М. 1834.

²⁾ Историческое Обозрѣніе Сибири. Петра Словцова. Книга I, съ 1585 до 1742 г. Москва, 1888. Книга II, съ 1742 по 1823 г. Спб. 1844. 2-е изданіе, обѣ части въ одномъ томѣ и съ прибавленіемъ біографіи Словцова, К. М. Спб. 1886.

³⁾ „Литературный Сборникъ“, Ядринцева, Спб. 1885, стр. 481.

и манернымъ. Ничего этого именно нѣтъ, или встрѣчается только рѣдко у Словцова: всего чаще онъ—натянутый риторъ, и новѣйшій біографъ справедливо замѣчалъ, что въ трудахъ Словцова „въ высшей степени отразилась система риторически-семинарскаго преподаванія: каждое изъ его сочиненій написано высокимиъ слогами по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики. Преобладаніе внѣшней, такъ сказать, отдѣлки въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже часто, служить ущербомъ самому смыслу рѣчи“¹⁾... Эти свойства его стиля, наконецъ, способны раздражать читателя, особливо новѣйшаго, который совсѣмъ отвыкъ отъ старинной риторики. Словцовъ ничего не скажетъ спроста; онъ постарается обыкновенно придумать фигурный, необычный оборотъ, изысканное уподобленіе и т. п. Отсутствіе простоты сказалось и на распорядкѣ содержанія: это — не простой послѣдовательный разсказъ, а часто рядъ историческихъ соображеній, гдѣ авторъ, еще не излагая простыхъ фактовъ, даетъ выводы, и въ результатѣ получается нѣчто неясное для обыкновеннаго, непрigотовленнаго раньше читателя. Этотъ недостатокъ тѣмъ больше неприятенъ, что Словцовъ дѣйствительно владѣлъ большими свѣдѣніями о своемъ предметѣ.

Послѣ Словцова не было до сихъ поръ писателя, который поставилъ бы себѣ задачей цѣльное изложеніе сибирской исторіи. Одна изъ причинъ этого—возрастающая трудность самой задачи: обильное накопленіе матеріала и гораздо болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, сложность вопросовъ, съ которыми теперь встрѣчается историческое изслѣдованіе.

Въ ряду этихъ матеріаловъ стоятъ, во-первыхъ, довольно многочисленныя описанія различныхъ мѣстностей Сибири. Незначительныя попытки этого рода дѣлались еще въ XVIII столѣтіи; теперь появляются болѣе важныя труды этого рода, напримѣръ, нѣсколько книгъ, составленныхъ лицами сибирской администраціи. Такова была книжка Семивскаго²⁾: въ ней собраны свѣдѣнія историческія, географиче-

¹⁾ См. „Историч. Обзорѣніе Сибири“, изд. 1886, предисловіе, стр. 20.

Примѣромъ его стиля могутъ послужить первыя строки его исторіи: „Наслѣдство, какое намъ досталось отъ Ермака, есть мраморная пирамида, да память благочестиваго очувствованія и воздержанія, двухъ нравственныхъ павъ, въ которыя, при наступившихъ предпріятіяхъ сомнительной развязки, не разъ онъ одумывался и жилъ съ дружинами по христіански. Да! благоговѣйность и чистота суть преимущества вождей свыше благословляемыхъ, начиная съ Навина вдохновеннаго до Суворова непостигнутаго, вѣчные символы душевной доблести, какой иначе нельзя бы ни понять, ни изъяснить, при взглядахъ на удивительныя дѣла Ермака Тимофеевича. Эти два іероглифа духа его, какъ двѣ Царскія кольчуги, можно бы символически вытесать въ качества барельефовъ на гранитныхъ подножіи Тобольской пирамиды“ и т. д.

²⁾ „Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири,

скія и другія описательныя указанія, карты, планы, рисунки, и въ „замѣчаніяхъ“ (стр. 15—26) приведенъ даже небольшой сборникъ областныхъ простонародныхъ словъ. Въ двадцатыхъ годахъ и послѣ вышло нѣсколько книжекъ сенатора Корнилова, нѣкогда бывшаго сначала иркутскимъ, потомъ тобольскимъ губернаторомъ ¹⁾, въ которыхъ, впрочемъ, гораздо больше мѣста занимаютъ административныя соображенія, чѣмъ описательные факты ²⁾. Далѣе, не лишены интереса записки также бывшаго губернатора Пестова объ Енисейской губерніи ³⁾ и записки другого губернатора, Степанова ⁴⁾, въ свое время извѣстнаго романиста. Не будемъ перечислять другихъ описаній, въ которыхъ разсѣяны иногда немаловажныя свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ сибирской жизни ⁵⁾. Съ сороковыхъ годовъ подобныя труды совершаются въ особенности въ связи съ дѣятельностью Географическаго Общества и его двухъ Сибирскихъ Отдѣловъ.

Изъ множества частныхъ описательныхъ работъ въ особенности

изъ чего многое донинѣ не было всѣмъ извѣстно. Напечатаны по Высоч. повелѣнію отъ безпримѣрныхъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора“. Составилъ коллежскій совѣтникъ Семивскій (Николай Вас.). Спб., 1817. Словцовъ („Историч. Обзоріе“, 1886, стр. X) замѣчаетъ объ этой книгѣ: „Въ матеріалахъ сего сочиненія можно найти многое для исторіи церквей. Отрывочные взгляды Семивскаго удовлетворительны, но взглядъ статистическій на губернію по большей части занятъ изъ рукописи 1789 г., составленной тамошними землебрами и напечатанной въ Древней Визлѣи“.

¹⁾ „Замѣчанія о Сибири“, сенатора Корнилова. Спб., 1828. X и 104 стр., 8°, съ картой, отчасти этнографической. Затѣмъ издано было: „Прибавленіе къ замѣчаніямъ о Сибири“. Спб., 1829, стр. 109—186, съ двумя картами, и: „Присовокупленіе къ замѣчаніямъ о Сибири“. Спб., 1835, 20 стр. Этотъ Корниловъ былъ, разумеется, Корниловъ, но онъ измѣнилъ написаніе своей фамиліи, вѣроятно, по нѣрдкой тогда и послѣ модѣ переименовывать правописаніе, чтобы отличить свое высокопоставленное имя отъ какихъ-нибудь простыхъ Корниловыхъ.

²⁾ Словцовъ (тамъ же) отзывается объ этихъ статьяхъ не очень одобрительно: „Замѣчанія... сенатора Корнилова... не заключаютъ ничего ни для исторіи, ни для статистики. Сочинителю не прилично бы помѣщать предположенія на обстоятельства, уже въ 1822 г. разрѣшенныя Сибирскимъ учрежденіемъ“, — которое было выработано Сперанскимъ.

³⁾ „Записки объ Енисейской губерніи Восточной Сибири, 1831 года, составленныя стат. совѣтн. И. Пестовымъ“. М., 1833, 297 и X стр., съ картой, планами городовъ и рисунками.

⁴⁾ „Енисейская губернія“, А. П. Степанова. Спб., 1835.

⁵⁾ Назовемъ, напримѣръ: „О Томской губерніи и о населеніи большой сибирской дороги до иркутской границы“, соч. Василія Хвостова. Спб., 1809.

— „Письма о Восточной Сибири“, соч. Алексѣя Мартоса. М., 1827.

— „Поѣздка въ Якутскъ“, изд. Н. (Шукина). Спб. 1838; изд. 2-е. Спб. 1844.

— „Поѣздка въ Забайкальскій край“, В. Поршина. 2 части. М., 1844.

— О любопытной книжкѣ Екатерины Авдѣевой скажемъ далѣе.

описанія сибирскихъ монастырей, біографія тобольскихъ архипастырей и иныхъ церковныхъ дѣятелей). Труды его разсѣяны были въ „Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“, въ „Запискахъ Географическаго Общества“, въ „Извѣстіяхъ Археологическаго Общества“, въ „Журналѣ министерства просвѣщенія“ и особливо въ „Странникѣ“, котораго онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ съ самаго основанія этого журнала въ 1860 году ¹⁾.

Въ шестидесятыхъ годахъ отиѣтимъ обширное и многостороннее описаніе Енисейскаго края, М. О. Кривошапкина ²⁾; „Описаніе Западной Сибири“, Иполита Завалишина (М. 1862, два тома) и др.

Первымъ матеріаломъ для исторической статистики Сибири являются старыя переписи разнаго рода, сохранившіяся частію отъ XVII-го вѣка и представлявшія официальную отчетность. Въ послѣднее время этими старыми актами воспользовался впервые г. Бунинскій въ изслѣдованіи о первомъ заселеніи Сибири (1889). Съ Петровскихъ временъ, сибирскіе историки указываютъ первое начало статистическихъ работъ (для Восточной Сибири) съ переписи, произведенной въ 1722 году: для переписи пріѣхалъ тогда изъ Тобольска въ Иркутскъ капитанъ князь Гавріилъ Солнцевъ. Лѣтъ черезъ двадцать потомъ производилась вторая перепись, которая на сибирской почвѣ явилась новымъ поводомъ къ вымогательствамъ. Въ 1744, по словамъ иркутскаго лѣтописца, „пріѣхали изъ Тобольска подполковникъ Степанъ Угрюмонъ и капитанъ Сергѣй Плоховъ для производства пародной переписи, въ которую женскій полъ не былъ записанъ. Чиновники эти были страшные притѣснители гражданъ, взяточники; они даже осматривали дома и имущество, отыскивали, кто имѣлъ порядочное состояніе“ ³⁾. Въ печати, первымъ статистическимъ описаніемъ была, кажется, работа, сдѣланная въ 1789 г. землемѣрами Восточной Сибири и изданная въ „Древней Росс. Вивліооніѣ“ Новикова. Съ начала нынѣшняго столѣтія издано было нѣсколько официальныхъ статистическихъ работъ, а позднѣе наиболѣе богатою и

¹⁾ Обширная біографія его, Фил. Пѣтухова, въ „Странникѣ“ 1870, № 12; „Біографія Николая Алексѣевича Абрамова“. Тобольскъ, 1870, 102 стр. 16°, „Отчетъ“ Географ. Общества за 1870, стр. 8—10; Критико-біографическій Словарь, Венгерова, т. I, стр. 18—21. Списокъ трудовъ Абрамова приведенъ въ статьѣ Пѣтухова.

²⁾ Енисейскій округъ и его жизнь. Сочиненіе М. О. Кривошапкина (издано Геогр. Обществомъ на иждивеніе В. А. Кокорева). Спб. 1866, больш. 8°, два тома: V, 378, 188, 68, таблицы и карты.

³⁾ „Иркутскъ“, Сукачева, стр. 198.

обстоятельно была книга Гагемейстера ¹⁾. Это — очень подробное описаніе Сибири и быта ея населенія. Первый томъ занятъ географическимъ и естественно-историческимъ описаніемъ страны — плоскость и возвышенность; воды: мѣстность и почва (долины Оби и Иртыша, Киргизская степь, Алтай, бассейны рѣкъ Енисея, Амура, Лены); климатъ; произведенія Сибири (ископаемыя, царство растительное, животныя). Второй томъ посвященъ народонаселенію, статистическому описанію мѣстъ жительства у племенъ кочевыхъ и бродячихъ и населенія осѣдлаго, и городовъ, далѣе, — промысламъ всякаго рода, торговлѣ внѣшней и внутренней и путямъ сообщенія. Въ третьемъ томѣ излагается управленіе Сибири, измѣненія, происходившія въ разное время въ его устройствѣ, и его состояніе къ 1850 г.; далѣе, — статистическія свѣдѣнія о дѣлопроизводствѣ, разнаго рода доходахъ и повинностяхъ, о состояніи различныхъ отдѣльныхъ управленій. Географическія описанія весьма точны по тогдашнему состоянію этихъ свѣдѣній; въ описаніи народонаселенія приведены историческія данныя о различныхъ разрядахъ населенія русскаго и инородческаго, описаніе ихъ быта. Статистическій отдѣлъ, кромѣ множества отдѣльныхъ цифръ въ текстѣ, представляетъ длинный рядъ таблицъ: о числѣ народонаселенія Сибири по отчетамъ губернаторовъ по 7-й, 8-й и 9-й ревизіямъ, согласно отчетамъ казенныхъ палатъ о родившихся и умершихъ; о состояніи городовъ; о числѣ сосланныхъ въ Сибирь; о количествѣ и цѣнѣ пушного товара; о количествѣ металловъ, добытыхъ на Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводахъ; о торговомъ движеніи; о судоходствѣ и т. д. Цифры по нѣкоторымъ отдѣламъ восходятъ до двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Впослѣдствіи число статистическихъ работъ размножается по отдѣльнымъ предметамъ народной жизни и промысла; много ихъ заключается въ мѣстныхъ официальныхъ изданіяхъ, — кажется, не всегда поступавшихъ въ общее обращеніе. Изъ работъ центрального статистическаго вѣдомства, кромѣ „Списковъ населенныхъ мѣстъ“ (изданы только губерніи: Енисейская, Тобольская и Томская), укажемъ „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“, обра-

¹⁾ „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ актовъ правительства и другихъ достовѣрныхъ источниковъ“. Сиб. 1810 (Разборъ этой книги въ „Сиб. Вѣстникъ“, 1820, ч. XI—XII). -

— „Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Росс. имперіи по 1825 г., составленное изъ официальныхъ свѣдѣній, подъ руководствомъ директора департ. полиціи исполнительной, тайнаго совѣтника Штера“. Сиб. 1829, — гдѣ есть свѣдѣнія о Сибири.

— „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію, при сибирскомъ комитетѣ, д. с. с. Гагемейстеромъ“. Сиб., 1854, три тома, больш. 8^о, со множествомъ статист. таблицъ.

ботанное гг. Л. Майковымъ и Раевскимъ и изданное хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Съ пятидесятихъ годовъ основались и въ Сибири статистическіе комитеты, и съ 1860-хъ годовъ начали выходить мѣстные „памятныя книжки“ съ различными статистическими свѣдѣніями (напр. труды г. Павлинова по иркутской губерніи). Секретарю иркутскаго стат. комитета, г. Ларіонову, принадлежитъ кромѣ того цѣлый рядъ статистическихъ монографій, и въ послѣдніе годы выходятъ также „Обзоръ иркутской губерніи“, каждагодно, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій. Въ управленіе гр. Игнатьева и по его инициативѣ, поддержанной министерствомъ государственныхъ имуществъ, предприняты были обширныя статистическія работы, для руководства которыми приглашены были лица, спеціально знакомыя съ дѣломъ статистическаго изслѣдованія и раньше надъ нимъ трудившіяся въ Россіи (гг. Личковъ, Астыревъ, Смирновъ), и въ результатѣ явились недавно въ свѣтъ замѣчательныя „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерніи“. Одновременно съ этимъ, именно въ 1886—89 годахъ совершались подобныя работы въ Западной Сибири, произведенныя министерствомъ госуд. имуществъ и составившія замѣчательное многотомное изданіе: „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“, — гдѣ въ ряду экономическихъ данныхъ заключаются и важныя указанія этнографическія о русскомъ и инородческомъ населеніи Западной Сибири ¹⁾.

Первый источникъ для описанія Сибири въ ея прошедшемъ представляютъ изданія старыхъ актовъ, грамотъ и т. п. Какъ мы видѣли, собраніе ихъ начато еще въ XVII столѣтіи: въ Строгоновской лѣтописи помѣщены уже выписки изъ царскихъ грамотъ XVI вѣка. Матеріалы по сибирской исторіи, собранные Миллеромъ, становятся

---

¹⁾ Очеркъ организаціи этого изслѣдованія Иркутской губерніи (трехъ округовъ) сдѣланъ былъ Н. М. Астыревымъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, 1890, апрѣль; обзоръ самихъ результатовъ изслѣдованія изложенъ въ статьяхъ А. А. К.: „Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи“, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, 1891.

Устройство изслѣдованій, производившихся въ Западной Сибири, указано въ статьѣ А. Кауфмана (которому принадлежитъ нѣсколько томовъ этой работы): „Хозяйственно-статистическое изслѣдованіе Тобольской губерніи“, въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, 1890, октябрь.

А. А. Кауфману принадлежитъ также трактатъ: „Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Западной Сибири“, „Сѣверный Вѣстникъ“, 1891, апрѣль.

тѣмъ болѣе цѣнными, что въ послѣдствіи многое изъ того, что было имъ списано и сохранено для исторіи, пропало на мѣстѣ отъ пожаровъ и небрежнаго содержанія архивовъ. Выше упоминалось, что портфели Миллера послужили для Новиковской „Древней Р. Вивліюнки“, для изданій Археографической комиссіи ¹⁾. Последнимъ изъ этихъ изданій были памятники по сибирской исторіи XVIII вѣка ²⁾, представляющіе чрезвычайно любопытные и разнообразныя матеріалы для исторіи Сибири въ Петровское время. Не исчисляя множества отдѣльных актовъ по старой исторіи Сибири, разбѣянныхъ въ разныхъ, между прочимъ мѣстныхъ, изданіяхъ, упомянемъ въ особенности „Матеріалы для исторіи Сибири“, собранные по сибирскимъ архивамъ г. Потанинымъ ³⁾; указатель, составленный г. Пуцилло ⁴⁾; книгу Бантышъ-Каменскаго о сношеніяхъ съ Китаемъ, изданную г. Флоринскимъ ⁵⁾; „Сибирскую Библиографію“, Межова.

Въ 1884 году вышла книга Щеглова, подготовлявшаяся къ 300-лѣтнему юбилею Сибири и представляющая подробную хронологію событій сибирской исторіи ⁶⁾. Авторъ этой книги, Иванъ Вас. Щегловъ, астраханскій уроженецъ, воспитанникъ историко-филологическаго

¹⁾ Напримѣръ, къ Сибири относятся матеріалы, напечатанные во 2-мъ, 3, 4 и 5 томахъ „Актовъ Историческихъ“, изд. 1841—1842, въ 12-ти томахъ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ“, изд. 1846—1872 г. и во 2-мъ томѣ „Русской Исторической Библіотеки“, изд. 1875.—О судьбѣ бумагъ Миллера ср. Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 401 и слѣд.

²⁾ „Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка“. Книга первая 1700—1713. Спб. 1832; большою томъ, XXXII, 551 стр. и указатели личный и географическій (XXXIV стр.) и книга вторая, 1713—1724. Спб. 1885, XXXIV, 541 стр. и тѣ же указатели (XLII стр.). Такъ какъ, по правиламъ Археографической комиссіи, она можетъ употреблять свои средства на изданіе памятниковъ только до 1700 года, то это изданіе сдѣлано на счетъ г. Зоста, которымъ издана была также упомянутая выше Кунгурская лѣтопись.

³⁾ Въ „Чтеніяхъ“ моск. Общ. ист. и древн. 1867. Въ этомъ изданіи осталось не отмѣченнымъ, что часть этихъ матеріаловъ, извлеченная изъ архива Алексѣевского монастыря въ Томскѣ, была сообщена г. Потанину Д. Л. Кузнецовымъ. Въ послѣдствіи, это было указано г. Потанинымъ въ „Восточномъ Обзорѣ“.

⁴⁾ Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ моск. Главному Архиву мин. иностр. дѣлъ. Составилъ М. П. Пуцилло. Изд. Комиссіи печатанія госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1879.

⁵⁾ „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Росс. и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 г., составленное по документамъ, хранящимся въ моск. Архивѣ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1792—1803 г. Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ“. Издано въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири В. М. Флоринскимъ, съ прибавленіями издателя. Казань, 1882.

⁶⁾ Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882 гг. Составилъ И. В. Щегловъ. Изданіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ. 1883, 8°, 778 стр. (Вышла книга въ 1884).

института въ Петербургѣ, былъ учителемъ въ гимназіи енисейской, потомъ иркутской, наконецъ учителемъ въ Троицкосавскѣ, и умеръ еще молодымъ человекомъ, не успѣвъ довершить вполне своего труда. Мечтая написать исторію Сибири, Щегловъ увидѣлъ, что для этого недостаетъ еще многихъ предварительныхъ работъ, между прочимъ правильно установленной хронологіи событій сибирской исторіи, и на первый разъ составилъ упомянутый „Перечень“, допечатанный послѣ его смерти ¹⁾. Книга составлена съ большимъ трудолюбіемъ; къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ въ провинціальной глуши многихъ пособій, необходимыхъ для подобной работы, долженъ былъ нерѣдко брать факты изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, приводить устарѣлыя и неточныя свѣдѣнія; по недостаточной опытности онъ въ началѣ работы оставлялъ приводимые факты безъ указанія источниковъ, и только послѣ понялъ необходимость цитатъ, которыхъ, впрочемъ, не могъ уже сполна возстановить, и отсутствіе ихъ до нѣкоторой степени замѣнилъ спискомъ пособій, которыми пользовался. При всемъ томъ книга Щеглова можетъ служить съ пользою для популярнаго употребленія, но какъ историческое руководство нуждается вообще въ прѣвѣркахъ.

Около того же времени началъ издавать свои историческіе труды В. К. Андріевичъ (генераль-майоръ). Въ первый разъ онъ, кажется, имѣлъ въ виду только исторію Забайкалья ²⁾; но, извлекая изъ Полнаго Собранія Законовъ свѣдѣнія о Забайкальѣ, г. Андріевичъ нашелъ, что „выборка изъ П. Собр. Законовъ данныхъ, касающихся вообще Сибири, немного увеличить время, необходимое для окончанія (его) труда, задуманнаго по отношенію къ Забайкалью, а между тѣмъ можетъ принести существенную пользу составителю исторіи Сибири“ и потому онъ „сталъ выбирать съ 1700 года всѣ указы, прямо или косвенно упоминавшіе о Сибири“ ³⁾. Нашелся меценатъ (П. А. Сиверсъ), который далъ средства для изданія, и хотя авторъ сознавалъ, что его трудъ остается необработаннымъ и можетъ служить только матеріаломъ для будущаго историка Сибири, онъ рѣшился его издать. Такимъ образомъ произошелъ цѣлый рядъ книгъ, который онъ началъ „вторымъ томомъ“ своего сочиненія ⁴⁾. Книги

¹⁾ Послѣсловіе его книги помѣчено апрѣлемъ 1884 года, а въ концѣ мая онъ умеръ. См. его некрологъ и печальныя біографическія подробности въ „Восточномъ Обзорѣ“, 1884, № 22.

²⁾ Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древѣйшихъ временъ до 1762 г. Сиб. 1887.

³⁾ Предисловіе къ „Истор. очерку Сибири“, т. II. Иркутскъ, 1886.

⁴⁾ Историческій очеркъ Сибири. Томъ II. Періодъ отъ 1700 года до воцаренія импер. Елисаветы Петровны 25 ноября 1741 года. Составилъ и пр. Иркутскъ, 1886.

издавались затѣмъ въ Томскѣ, Петербургѣ, Одессѣ, и историческій очеркъ доведенъ до XIX столѣтія ¹⁾. Авторъ пришелъ наконецъ къ заключенію, что исторія и не должна писаться иначе, и встрѣчая въ другихъ сочиненіяхъ нѣкоторыя разнорѣчія съ своими данными, возстаивалъ противъ „шаткости историческихъ свѣдѣній“, когда иной разъ слѣдовало выяснитъ себѣ вопросъ объ источникахъ разнорѣчія. Способъ составленія книгъ даетъ понятіе объ ихъ историографической цѣнности: наборъ данныхъ изъ Полн. Собр. Законовъ можетъ быть небезполезенъ, но остается сырымъ матеріаломъ, гдѣ хотя и приняты разныя рубрики, но факты крупные и мелочные перемѣшиваются, и цѣльности изложенія не помогаетъ и то, что авторъ отчасти началъ подъ конецъ пользоваться, кромѣ Собранія Законовъ, и новыми историческими сочиненіями ²⁾.

Такимъ образомъ попытки цѣльнаго изложенія сибирской исторіи доселѣ остаются неудовлетворительны; тѣмъ не менѣе въ послѣднія десятилѣтія, со времени возрожденія нашей литературы въ шестидесятыхъ годахъ, историческое изученіе Сибири особенно оживляется, и его интересы становятся гораздо шире, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ прежнее время была возможна только одна, внѣшняя, официальная исторія Сибири; теперь не только раскрывается многое, о чемъ прежде ходили только устные рассказы, но изслѣдованіе старается проникнуть тѣ внутренніе процессы, какіе совершались въ сибирской жизни подъ вліяніемъ ея основныхъ факторовъ—условія природныя, племенные, бытовыхъ и административныхъ. Понятно, что когда это новое направленіе еще только устанавливается, можно указать здѣсь пока лишь немногія крупныя работы: надо было выяснитъ имѣющійся матеріалъ и собирать новый; трудность образованія литературныя органы, отсутствіе научнаго центра, какимъ могъ бы быть мѣстный университетъ ³⁾, слабая степень образованія въ мѣстномъ обществѣ, — все

¹⁾ Томъ III. Періодъ отъ 1742 до 1762 года. Томскъ, 1887.

Томъ IV. Періодъ Екатерининскаго времени. (Отдѣлы: администрація, заселеніе, военнаго дѣла, промышленности и налоговъ). Спб. 1887.

Томъ V. Екатерининскій періодъ (Отдѣлы: горное дѣло, духовенство, лихонимство и общій очеркъ). Одесса, 1889 (Какъ будто „лихонимство“ составляло особое вѣдомство управленія!).—Послѣдніе два тома имѣютъ также особые заглавные листы: „Сибирь въ царствованіе импер. Екатерины II“, части I—II.

Позднѣе, авторъ издалъ еще двѣ части (I-й томъ?) „Исторія Сибири“ отъ древнѣйшихъ временъ до 1660 г. и потомъ до воцаренія имп. Елизаветы Петровны. Спб. 1889, съ запутанными заглавіями и содержаніемъ.

Наконецъ: „Сибирь въ XIX столѣтіи“. Двѣ части. Спб., 1889.

²⁾ Ср. объ историческихъ приемахъ автора и его взглядахъ на современныя дѣла, „Вѣстн. Евр.“ 1890, май, стр. 395—399.

³⁾ Медицинскій факультетъ въ Томскѣ при этомъ, конечно, не можетъ идти въ счетъ.

это заставляло работать въ одиночку, съ неполными средствами. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ послѣднее время нѣсколько замѣчательныхъ изданій, которыя обѣщаютъ стать началомъ новой эпохи сибирскихъ изученій. Таковы мѣстные работы Сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества; таковы сборники работъ по изученію Сибири, появляющіеся въ послѣднее время, какъ свидѣтельство возрастающаго интереса къ дѣлу,—напримѣръ „Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ“; Сборникъ газеты „Сибирь“; „Литературный Сборникъ“ г. Ядринцева; „Сибирскій Сборникъ“, издаваемый редакціею „Восточнаго Обозрѣнія“; обширный томъ „Живописной Россіи“ (XI), посвященный Сибири, съ изслѣдованіями гг. Семенова, Ядринцева, Потанина, Мушкетова, Радлова и другихъ. Въ мѣстныхъ изданіяхъ, напр. „памятныхъ книжкахъ“, въ газетахъ „Сибирь“ (выходившей въ Иркутскѣ), „Восточное Обозрѣніе“ и др., среди обычнаго газетнаго матеріала разсѣяно много цѣнныхъ фактовъ, рисующихъ мѣстную жизнь промышленную, бытовую, этнографическую, а также и старину. Мѣстные любители начинаютъ болѣе ревностно, чѣмъ прежде, собирать различный матеріалъ, служащій къ описанію и къ исторіи страны; среди людей богатыхъ все больше является просвѣщенныхъ лицъ, желающихъ содѣйствовать изученіямъ края. Назовемъ г. Сибирякова, при участіи котораго могли явиться многія полезныя и сложныя изданія; Г. В. Юдина, который былъ издателемъ названнаго выше замѣчательнаго сборника: „Сибирь въ XVII вѣкѣ“, составленнаго А. А. Титовымъ; Инн. Кузнецовъ издалъ значительный сборникъ актовъ XVII вѣка ¹⁾ и др.

Умножаются въ литературѣ разсказы изъ сибирской старины и описанія Сибири современной, въ путешествіяхъ и отдѣльныхъ очеркахъ. Изъ литературы прежняго періода упомянемъ сочиненія Небольсина: „Покореніе Сибири“, „Замѣтки на пути изъ Петербурга въ Барнауль“; Пежемскаго, „Панорама Иркутской губерніи“ (въ „Современникѣ“, 1850) и упомянутую выше Лѣтопись города Иркутска. За новѣйшее время явились многочисленные разсказы о пребываніи въ Сибири декабристовъ ²⁾: они не лишены историческаго интереса относительно самой Сибири, для которой это пребываніе не осталось безъ извѣстнаго культурнаго вліянія. На исторію сибирскаго быта Александровскаго времени бросаетъ свѣтъ изслѣдованіе о ревизіи и управленіи Сперанскаго ³⁾, какъ для позднѣйшаго времени не мало

¹⁾ Историческіе акты XVII столѣтія (1632—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Томскъ, 1890.

²⁾ Они перечислены, но не сполна, у Межова, „Сиб. Библиографія“, I, 473—483.

³⁾ „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири

важныхъ свѣдѣній доставляетъ упомянутая выше біографія Мурамьеза-Амурскаго, Ивана Барсукова. Дальше назовемъ нѣсколько работъ А. П. Шапова по сибирской исторіи и этнографіи. Какъ популярный писатель, не мало работалъ по сибирской исторіи Сераф. Серафим. Шашковъ (ум. 1882). Родомъ сибирякъ, нѣкогда сотоварищъ Потанина и Ядринцева, раздѣлявшій ихъ патріотическія влеченія и одновременно съ ними испытывшій ссылку, Шашковъ къ сожалѣнію лишенъ былъ, обстоятельствами своей послѣдующей жизни, возможности сдѣлать что-либо цѣльное по сибирской исторіи; связанный другими работами, онъ оставилъ однако нѣсколько любопытныхъ очерковъ сибирской жизни и старины ¹⁾.

Въ средѣ писателей новаго поколѣнія подготовляются внимательные изслѣдователи, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ трудовъ по сибирской старинѣ. Таковы напр. труды А. В. Оксенова и И. И. Тыжнова ²⁾.

съ 1819 по 1822 г.". Собраніи В. Вагнинга. Два тома. Сиб. 1872. Списокъ трудовъ г. Вагина помѣщенъ былъ въ „Извѣстіяхъ“ Восточно-Сибирскаго Отдѣла, т. XIX, № 5, 1889.

¹⁾ См., напримѣръ, „Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири“, С. Серафимовича (Шашкова), „Отеч. Зап.“ 1867, № 20—22:—Рабство въ Сибири, историческій очеркъ, „Дѣло“, 1869, кн. 1 и 3;—Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка, „Дѣло“, 1879, кн. 1—3 и др. Статьи Шашкова собраны были однажды въ книгу: „Историческіе этюды“, Сиб. 1872 (два тома), но сюда вошли только нѣкоторые изъ его первыхъ работъ по исторіи Сибири. Списокъ его статей, относящихся къ Сибири, у Межова, „Сиб. Библиогр.“, II, стр. 236.

Его краткій некрологъ въ „Восточномъ Обзорѣ“, 1882, № 23. Здѣсь читается: „Телеграммой изъ Новгорода мы были извѣщены, что 27-го августа въ 7 часовъ вечера скончался столь извѣстный писатель-сибирякъ, уроженецъ Восточной Сибири Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ. Онъ умеръ изнуренный тяжкимъ недугомъ, страдая послѣдніе годы параличемъ ногъ. До послѣдняго времени онъ не оставлялъ пера и былъ отданъ общественному служенію какъ писатель. Онъ былъ бѣдлакомъ... Литературныя заслуги и таланты Серафима Серафимовича извѣстны многимъ. Мы не должны напомнить, что онъ принадлежалъ къ тому разряду молодыхъ писателей Сибири, которыхъ выдвинули 60-не годы и которые посвящали свои силы служенію родинѣ. Работая въ петербургской журналистикѣ, онъ посвятилъ также нѣсколько сочиненій исторіи Сибири... поэтому его имя связано и съ мѣстной литературой. До конца онъ остался вѣрнымъ своему призванію, хотя жизнь его была многострадальная. Выражая глубокую скорбь и сознавая эту потерю въ немногочисленномъ кругу сибирской интеллигенціи... мы увѣрены, что наша родина также оценитъ его труды и научится вѣрить, что у нея были свои дарованія и таланты, отдававшіе ей жизнь, приносяшіе въ жертву ей свои силы и желавшіе видѣть ее болѣе счастливою“. Автобіографія Шашкова въ „Вост. Обзорѣ“ 1882, № 27, 28, 30, 32. Некрологъ въ „Обзорѣ“ Д. Д. Языкова, въ приложеніи къ „Ист. Вѣстнику“ 1885, № 12.

²⁾ Работы г. Оксенова: Сибирскія лѣтописи. Критико-библіографическое обозрѣніе. „Восточн. Обзорѣ“, 1883, №№ 38, 40, 44 и 51.

— Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. Историко-географическій

Много матеріала для характеристики различныхъ сторонъ сибирскаго быта и нравовъ доставляетъ литература путешествій и всякаго рода описаній. Въ XVIII вѣкѣ, эта литература представлена была въ особенности академическими путешественниками, русскими и нѣмцами; мы видѣли также нѣсколько книгъ, написанныхъ иностранцами. Въ XIX столѣтіи опять главный матеріалъ былъ доставляемъ официально предпринятыми экспедиціями; но съ шестидесятыхъ годовъ все больше развивается литература иного склада — во-первыхъ, въ связи съ работами Географ. Общества и его отдѣловъ, вызвавшими много мѣстныхъ силъ, которыя до тѣхъ поръ не имѣли органа; во-вторыхъ, развившійся общественный и народный интересъ влечетъ къ изученію мѣстнаго быта, экономическихъ отношеній, народнаго обычая и т. д. Въ этомъ трудѣ соединяются и мѣстные дѣятели, и случайные путешественники, и люди не-мѣстные, которыхъ неволя

очеркъ по древнѣйшей исторіи Сибири. „Литературн. Сборникъ“, над. ред. „Восточн. Обзоръ“, 1885, стр. 425—445.

— Свидѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. Съ библиографическимъ указателемъ напечатанныхъ сибирскихъ лѣтописей и другихъ историч. источниковъ. Тамъ же, стр. 446—455.

— Ермакъ Тимофеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Сибирск. Сборникъ, 1886, I, стр. 75—92, II, стр. 44—61.

— Слухи и вѣсти о Сибири до эпохи Ермака. Тамъ же, 1887, IV, стр. 108—116.

— Среднеколымскъ и его округъ. Историко-статистич. очеркъ. Историч. Вѣстникъ, 1885, июль, т. XXI, стр. 105—127.

— Минусинскій музей (статья безъ подписи). Журналъ минист. просв., ч. CCXLIX, отд. 4, стр. 32—40.

— Торговля сношенія русскихъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака. Томск. губ. Вѣд., 1888, №№ 10 и 11.

— Старые пути изъ предѣловъ Московскаго государства въ Сибирскую землю. Тамъ же, № 12.

— Сибирское царство до эпохи Ермака. (Князья и ханы сибирскихъ татаръ. Этнографическій составъ и политическій строй позднѣйшаго Сибирскаго ханства). Тамъ же, №№ 14—16 и 18.

— Сибирь до эпохи Ермака, по свидѣніямъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ (1245—1578). Тамъ же, 1889, №№ 2—6; 8—13.

— О древнѣйшей торговлѣ Югорской земли съ Волжскими Булгарами. Тамъ же, 1889, №№ 16 и 17.

— Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ (1455—1499). Журн. мин. просв., ч. CCLXXIII (1891, № 2), отд. 2, стр. 245—272.

Александръ Вас. Оксеновъ (род. 1860) учился въ томской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ здѣсь курсъ въ 1882, оставался въ первое время въ Петербургѣ, работалъ въ Историческомъ Вѣстникѣ, Восточномъ Обзорѣ, Журналѣ мин. просв.; затѣмъ въ 1887—1891 былъ помощникомъ бібліотекаря томскаго университета и преподавателемъ въ томскомъ реальномъ училищѣ.

Историческая работа г. Тимнова о старыхъ иностранныхъ писателяхъ о Сибири указана выше, глава I.

привела въ этотъ край и которые нашли здѣсь почву для своихъ интересовъ; наконецъ, въ послѣдніе годы были случаи, что изслѣдователи народнаго быта, подготовленные въ Россіи, примѣняли свой трудъ къ изученіямъ сибирскимъ (гг. Астыревъ, Личковъ), какъ на оборотъ писатели, воспитавшіе въ Сибири свой интересъ къ народному дѣлу, работали надъ общими вопросами быта,—какъ С. Я. Капустинъ.

Дальше мы скажемъ о специальныхъ этнографическихъ изысканіяхъ въ Сибири, и здѣсь отмѣтимъ только успѣхи мѣстныхъ описаній. Таковы были напр. труды г. Голодниковъ по Тобольскому краю, Чудновскаго—о Енисейской губерніи, Адрианова—о Томскомъ краѣ ¹⁾, г. Загоскина объ Иркутской губерніи, г. Сукачева о городѣ Иркутскѣ ²⁾, книгу г. Голубева объ Алтай ³⁾, и др. Названныя работы принадлежатъ отчасти вольнымъ и невольнымъ путешественникамъ, а въ особенности мѣстнымъ дѣятелямъ, усердная работа которыхъ служитъ свидѣтельствомъ развитія образовательныхъ средствъ и общественныхъ интересовъ края,—для которыхъ можно только пожелать лучшихъ условій развитія въ постановкѣ учреждений, печати и просвѣщенія.

Названный выше Адриановъ (Александръ Вас.) принадлежитъ къ числу такихъ мѣстныхъ дѣятелей. Уроженецъ курганскаго края тобольской губерніи, онъ учился въ тобольской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1778 году натуралистомъ; затѣмъ важной научной школой было для него участіе въ экспедиціи г. Потанина въ Монголію, гдѣ онъ работалъ какъ коллекторъ-натуралистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увлекался въ археологію и этнографію. Въ 1882 и 1883 онъ совершалъ уже самостоятельныя экспедиціи въ инородческіе края южной Сибири, гдѣ продолжалъ свои археологическія и этнографическія изслѣдованія; за-

¹⁾ Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. Составилъ А. В. Адриановъ. Томскъ, 1890,—весьма обстоятельная работа, съ краткими историческими и обширными статистическими свѣдѣніями о современномъ Томскѣ. Отмѣтимъ здѣсь, между прочимъ, свѣдѣнія о „мѣстной печати“ (стр. 116—119) и библиографическій указатель книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ о городѣ Томскѣ по рубрикамъ (стр. 248—433).

²⁾ Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головой В. П. Сукачевымъ (М. 1891)—исторія и современное положеніе города; отиѣтитъ изложеніе научныхъ предпріятій и состояніе мѣстной литературы (стр. 186—214).

³⁾ Алтай, историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія алтайскаго горнаго округа. (Съ портретомъ алтайскаго изслѣдователя, покойнаго С. И. Гуляева). Изданіе В. А. Г—ва, подъ редакціей П. А. Голубева, Томскъ, 1890,—съ подробнымъ изложеніемъ отношеній народнаго быта, промысловъ, горнаго дѣла, колонизаціи, съ хронологіей исторіи Алтая и хронологіей путешествій и изслѣдованій по Алтаю, наконецъ съ біографіей С. И. Гуляева.

тѣмъ былъ одно время редакторомъ „Сибирской газеты“, гдѣ кромѣ своихъ отчетовъ о путешествіи въ Кузнецкій край и въ Саяны онъ помѣстилъ рядъ статей о мѣстныхъ вопросахъ, о народномъ хозяйствѣ, переселеніяхъ, ссылкѣ и т. д. ¹⁾).

Такимъ же мѣстнымъ дѣятелемъ старшаго поколѣнія является Мих. Вас. Загоскинъ. Воспитанникъ иркутской семинаріи, потомъ казанской дух. академіи, онъ былъ инспекторомъ классовъ въ военномъ училищѣ въ Иркутскѣ (И. С. Поляковъ былъ его ученикъ). Очень долго онъ состоялъ правителемъ дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества и редакторомъ его изданій; вмѣстѣ съ другими просвѣщенными людьми онъ принималъ участіе въ основаніи иркутскаго техническаго училища, въ которомъ и былъ инспекторомъ классовъ: техническое училище было созданіемъ частныхъ лицъ и въ началѣ любители преподавали въ немъ бесплатно. Въ теченіе болѣе десяти лѣтъ онъ былъ редакторомъ газеты „Сибирь“, одного изъ лучшихъ изданій сибирской печати, и газеты „Амуръ“, издававшейся въ Иркутскѣ. Газету „Сибирь“ онъ хотѣлъ сдѣлать защитой обездоленныхъ и притѣсненныхъ, и для сибиряковъ былъ примѣромъ безкорыстнаго служенія крестьянскому дѣлу. Литературные труды его были слѣдующіе: начало романа изъ семинарской жизни въ „Сборникѣ газеты Сибирь“ (Спб. 1876, стр. 1—187); нѣсколько очерковъ сельской жизни въ сборникахъ „Восточнаго Обзорѣнія“, и въ особенности длинный рядъ небольшихъ статей о крестьянскихъ нуждахъ въ газетахъ „Сибирь“ и „Восточное Обзорѣніе“; въ послѣднемъ онъ помѣщалъ „Деревенскія письма“. Въ „Памятной книжкѣ“ Иркутской губерніи на 1891 г., изданной мѣстнымъ губ. статистич. комитетомъ, г. Загоскинъ помѣстилъ статью: „Одна изъ сибирскихъ общинъ“ (селеніе Грановское, гдѣ самъ авторъ поселился, окончивъ службу): это—обстоятельное описаніе общины въ экономическихъ ея отношеніяхъ, съ юридическими обычаями ея жителей ²⁾).

Въ ряду описательныхъ трудовъ займутъ свое мѣсто и путешествія, путевые очерки, въ числѣ которыхъ были и путевыя замѣтки И. А. Гончарова (при возвращеніи его черезъ Сибирь послѣ кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ Паллада), далѣе извѣстныя вѣпиги С. В. Максимова („На Востокъ“; „Сибирь и каторга“). Изъ путешествій и описательныхъ очерковъ новѣйшаго времени назовемъ книги Павлова, Орфанова, Розова, Н. Астырева и множество со-

¹⁾ Критико-біографическій Словарь, Венгерова, т. I, стр. 127—128.

²⁾ Ср. „Вост. Обзорѣніе“, 1891, № 85.

Нѣкоторые указанія объ общественной дѣятельности г. Загоскина читатель найдетъ въ книгѣ г. Сузачева объ Иркутскѣ.

общеній въ сибирскихъ изданіяхъ, особливо въ „Восточномъ Обозрѣніи“ ¹⁾).

Извѣстнаго рода бытовой интересъ и этнографическую цѣнность представляютъ наконецъ опыты беллетристическаго изображенія сибирской жизни. Говоримъ не о тѣхъ, только риторическихъ, изображеніяхъ Сибири, какія встрѣчаются уже въ старой литературѣ, какъ воспѣваніе Ермака (напр. у Дмитріева); или о такихъ, болѣе правдивыхъ, но тѣмъ не менѣе теоретически задуманныхъ изображеніяхъ, какъ „Войнаровский“ Рылѣва или извѣстный эпизодъ въ „Русскихъ женщинахъ“ Некрасова; но о тѣхъ произведеніяхъ — романахъ, повѣстяхъ, очеркахъ и т. п., которые писались людьми, знавшими Сибирь по личному опыту и наблюденію, писателями сибиряками или живавшими въ Сибири. Исключая то, что принадлежало литературной манерѣ той или другой эпохи, въ этихъ произведеніяхъ проглядываютъ однако въ большей или меньшей степени черты дѣйствительнаго быта, не лишеныя этнографическаго значенія. Таковы были въ тридцатыхъ годахъ романы И. Т. Калашикова: „Дочь купца Жолобова“ (изъ иркутскихъ преданій) и „Камчадалка“. Очень много опытовъ бытовой беллетристики въ формѣ рассказовъ изъ мѣстной жизни разсѣяно въ сибирскихъ изданіяхъ и общихъ журналахъ ²⁾ и между прочимъ за послѣднее время присоединяются сюда произведенія писателей не-сибиряковъ, видѣвшихъ Сибирь волею или неволею. Такъ, сибирскіе рассказы находимъ въ ряду сочиненій В. Г. Короленка, гдѣ они принадлежатъ къ числу поразительнѣйшихъ произведеній талантливаго писателя, у г. Мачтета (повѣсти и рассказы, М. 1887), Станюковича („Не столь отдаленныя мѣста“), еще раньше Кущевского и др. ³⁾. Въ числѣ этихъ произведеній въ особенности выдѣляются хорошимъ знаніемъ быта рассказы Н. И. Наумова: „Въ тихомъ омутѣ“, „Въ забытомъ краю“, то и другое — очерки и рассказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ.

¹⁾ 3000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири. Очерки и замѣтки изъ скитаній по берегамъ Турн, Тобола, Иртыша и Оби. А. Павлова. Тюмень, 1878.

— Въ дали. (Изъ прошлаго). Рассказы изъ вольной и невольной жизни. Мининъ (М. И. Орфанова). Съ предисловіемъ С. В. Максимова. М. 1883.

— Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири. Дѣйствительнаго члена и корреспондента ученыхъ обществъ А. И. Розова. М. 1889 (объ этомъ въ „Вѣстн. Евр.“ 1890, май, стр. 399—402).

— Н. Астиревъ. На таѣжныхъ прогалинахъ. Очерки жизни населенія Восточной Сибири. Москва 1891.

²⁾ Въ книжкѣ: „Сибирскіе рассказы изъ жизни присковскаго люда“ (Сиб. 1888) собраны такіе рассказы изъ приложеній къ „Восточному Обозрѣнію“.

³⁾ Упомянемъ также романъ Л. Блюммера: „Въ Алтаѣ“, какъ прикѣръ крайпреувеличенія „мѣстнаго колорита“, гдѣ языкъ дѣйствующихъ лицъ, мѣстныхъ, доведенъ почти до непонятности.

Сибирь имѣетъ и свою мѣстную поэзію, произведенія которой собраны недавно въ двухъ сборникахъ: „Сибирскіе мотивы“ (Спб. 1888) и „Отголоски Сибири“ (Томскъ, 1889)¹⁾.

Въ этой литературѣ описательныхъ сочиненій о Сибири, переходящихъ въ публицистическое изслѣдованіе о различныхъ сторонахъ современнаго сибирскаго быта, въ особенности примѣчательны труды Ник. Мих. Ядринцева. Сынъ купца, переѣхавшаго въ Сибирь изъ пермской губ., г. Ядринцевъ (род. въ Омскѣ, 1842) выросъ истымъ сибирякомъ. Онъ учился въ томской гимназій, съ 1860 пробылъ три года вольно-слушателемъ въ петербургскомъ университетѣ: адѣсь изъ студентовъ сибиряковъ собрался въ то время кружокъ, который поставилъ себѣ цѣлю изученіе мѣстныхъ вопросовъ своего края; кружокъ молодыхъ патріотовъ развивалъ мысли о необходимости въ Сибири университета, объ умноженіи школъ, о научныхъ изслѣдованіяхъ, разборѣ мѣстныхъ архивовъ, собираніи этнографическихъ матеріаловъ, созданіи мѣстной печати. Все это было перемѣшано съ юношески простодушными мечтами, но выѣстъ съ тѣмъ послужило для многихъ сильнымъ побужденіемъ къ изученію своей родины, а для нѣкоторыхъ опредѣлило всю дальнѣйшую трудовую жизнь. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей многіе направились въ Сибирь, когда прежде много сибиряковъ оставалось въ Россіи, устроивая свою карьеру вдали отъ родины. Возвращеніе этой молодежи домой не осталось безплоднымъ. Развитію мѣстной любознательности и интереса къ областнымъ вопросамъ въ то время сильно способствовало именно обновленіе всей русской жизни (съ конца 50-хъ годовъ), когда небывалымъ прежде образомъ затронуты были вопросы историческіе и общественные и когда это возбужденіе охватило въ особенности молодые поколѣнія. Это была полная вѣра въ будущее, ожиданіе неминуемаго обновленія общественной и народной жизни, и на этой почвѣ естественно возникалъ горячій мѣстный патріотизмъ. Оглядываясь на свою родину, юные патріоты убѣждались, что для ея блага предстоить много усиленнаго труда: обширная и нетронутая страна была какъ бы забыта и пренебрегаема; заѣзжіе образованные люди мало давали ей; своего образованнаго круга почти не было за недостаткомъ средствъ просвѣщенія,—между тѣмъ страна переживала уже триста лѣтъ историческаго существованія. Только однажды, въ краткое управленіе Сперанскаго, была сдѣлана попытка поднять общественную жизнь и самосознаніе Сибири, но по разнымъ обстоятельствамъ времени эта попытка не принесла желанныхъ плодовъ. Теперь, казалось, насту-

¹⁾ Въ „Литературномъ Сборникѣ“, Ядринцева, Спб. 1885, стр. 407—424: „Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири“, Сибиряка, и тамъ же, стр. 352—406: „Начало печати въ Сибири“.

пило время, когда можно было надѣяться лучшаго успѣха, когда потребность преобразованія стала сказываться въ свѣжихъ силахъ самаго сибирскаго общества. Настроеніе, проникавшее реформы 60-хъ годовъ, повидимому распространялось и на судьбы Сибири. Въ эти годы вернулись въ Томскъ многіе изъ молодыхъ сибиряковъ упомянутаго университетскаго кружка, въ числѣ ихъ г. Ядринцевъ, который и началъ тогда какъ свои публицистическіе труды, такъ и разнообразныя изслѣдованія о прошломъ и современномъ бытѣ Сибири. Въ 1863, онъ прочелъ въ Омскѣ публичную лекцію о значеніи университета для Сибири и предлагалъ основать общество для собиранія на него пожертвованій ¹⁾; въ эти годы г. Ядринцевъ принималъ участіе въ мѣстной газетѣ. Къ сожалѣнію, работа въ Сибири была прервана тѣмъ процессомъ о „сибирскомъ сепаратизмѣ“, который окончился также ссылкой для Потанина и Шашкова; г. Ядринцевъ былъ высланъ на жительство въ Архангельскъ и только въ 1874 году былъ амнистированъ. Это обстоятельство не помѣшало нашему писателю работать надъ изученіемъ Сибири ²⁾. Въ 1872 году онъ собралъ и дополнилъ свои журнальныя статьи о сибирской ссылкѣ въ отдѣльное изслѣдованіе: „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“, которое впослѣдствіи послужило какъ матеріалъ для комиссіи, работавшей по вопросу о преобразованіи тюремъ и ссылки. Въ своей книгѣ Ядринцевъ говорилъ противъ ссылки, доказывая ея непрактичность и въ особенности крайне вредное вліяніе на гражданскую жизнь Сибири. Въ 1873 онъ продолжалъ статьи по сибирскимъ вопросамъ въ замѣчательной „Камско-Волжской газетѣ“, издававшейся въ Казани и впослѣдствіи закрытой. Съ 1874 года, когда обсуждался вопросъ о тюремномъ преобразованіи, Ядринцевъ снова выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей о ссылкѣ ³⁾, а также о другихъ вопросахъ сибирской жизни—объ административной реформѣ, о „золотомъ дѣлѣ“, о си-

¹⁾ Лекція была напечатана въ „Томскихъ губерн. Вѣдомостяхъ“, въ 1864. Известно, что затѣмъ стали дѣйствительно собираться пожертвованія, дошедшія наконецъ до огромныхъ суммъ, которыя дали возможность осуществить это предпріятіе.

²⁾ Въ 1866 году была помѣщена имъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, издававшемся Б. А. Милютинимъ въ Иркутскѣ, біографія Чокана Валиханова, о которомъ будемъ говорить далѣе.

— Въ 1868 году, въ „Женскомъ Вѣстникѣ“ статья: „Женщина въ Сибири въ XVII—XVIII столѣтіи“ на основаніи архивныхъ матеріаловъ.

— Въ 1868 году, въ „Дѣлѣ“: „Письма о сибирской жизни“ подъ псевдонимомъ Семилюжнскаго.

— Въ 1869 году, тамъ же, статья: „Секретная“ и „Община въ русскомъ острогѣ“ и др.

³⁾ Въ „Голосѣ“, „Недѣлѣ“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Дѣлѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“; брошюра: „Новыя свѣдѣнія о сибирской ссылкѣ“. Спб. 1879.

бирской желѣзной дорогѣ, о нуждахъ рабочаго населенія Сибири, о реформѣ Сперанскаго, снова о сибирскомъ университетѣ (статья „Потребность знанія на Востока“).

Съ 1875 года основалась въ Иркутскѣ газета „Сибирь“, подъ редакціей В. И. Вагина и М. В. Загоскина, гдѣ Ядринцевъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ; въ 1876 году онъ принялъ участіе въ казанскомъ литературномъ сборникѣ „Первый шагъ“. Въ томъ же 1876 году онъ поступилъ на службу, приглашенный генераль-губернаторомъ западной Сибири Казнаковымъ, который между прочимъ интересовался вопросомъ о сибирскомъ университетѣ и желалъ вообще подвинуть дѣло серьезнаго изученія Сибири. Служба при генераль-губернаторѣ дала ему возможность дѣлать статистическія, экономическія и этнографическія изысканія, тѣмъ болѣе, что въ тѣ же годы основанъ былъ въ Омскѣ Западно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, гдѣ г. Ядринцевъ также принялъ дѣятельное участіе: онъ составилъ здѣсь программу для изслѣдованія сельской общины въ Сибири, по которой собранъ былъ потомъ обширный матеріалъ, и программу для изученія сибирскихъ инородцевъ. Въ 1878 году онъ предпринялъ, въ качествѣ официальной командировки, путешествіе въ алтайскій горный округъ для изслѣдованія движенія переселенцевъ и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ ¹⁾). Затѣмъ выработана имъ опять программа для изслѣдованія переселенческаго движенія и колонизаціи. Въ 1880, онъ предпринялъ новое путешествіе въ Алтай для изученія инородческаго быта и объѣхалъ Томскую губернію, посѣтилъ Телецкое озеро и проникъ до вершинъ Катуня, собирая свѣдѣнія о кочевыхъ инородцахъ ²⁾). Въ 1881 Ядринцевъ, оставивъ службу и возвратившись въ Петербургъ, работалъ надъ книгой, которая составила главный его трудъ ³⁾), гдѣ онъ собралъ важный матеріалъ по сибирской этнографіи и по различнымъ вопросамъ современной сибирской жизни, народной и общественной. Въ 1882 году, когда праздновалось трехсотлѣтіе русской Сибири, Ядринцевымъ сдѣланъ былъ докладъ въ Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ, о куль-

¹⁾ Отчетъ напечатанъ въ Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. 1879, кн. II.

²⁾ Отчетъ въ Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла, 1881, кн. IV. Въ 1880 въ журналѣ „Русск. Богатство“ помѣщена его статья: „Русская Швейцарія“.

³⁾ Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб. 1882. Черезъ нѣсколько лѣтъ эта книга явилась въ нѣмецкомъ переводѣ Э. Ю. Петри, съ обширными дополненіями: *Sibirien, geographische, ethnographische und historische Studien von N. Jadrinzew. Mit Bewilligung des Verfassers nach dem Russischen bearbeitet und vervollständigt von Dr. Ed. Petri, Professor der Geographie und Anthropologie an der Universität Bern. Mit zahlreichen Illustrationen. Jena, 1886.*

турныхъ успѣхахъ Сибири въ 300 лѣтъ ¹⁾; другой докладъ былъ сдѣланъ имъ въ Географическомъ Обществѣ о положеніи сибирскихъ инородцевъ и ихъ вымираніи; въ „Русской Мысли“ тогда же была имъ помѣщена статья: „Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ“.

Съ того же 1882 года г. Ядринцевъ основалъ еженедѣльное наданіе, „Восточное Обзорѣніе“, съ 1888 года перенесенное въ Иркутскъ: это замѣчательное изданіе остается до нынѣ самымъ серьезнымъ органомъ сибирской печати по богатству мѣстныхъ свѣдѣній изъ разныхъ краевъ Сибири; при газетѣ издается кромѣ того отдѣльнымъ книжками „Сибирскій Сборникъ“, не однажды нами цитированный. Въ тѣ же годы въ „Трудахъ“ московскаго Археологическаго Общества и „Сибирскомъ Сборникѣ“ помѣщены труды г. Ядринцева по сибирскимъ древностямъ; въ томъ „Живописной Россіи“, посвященномъ Сибири, была имъ помѣщена статья: „Западно-сибирская низменность“.

Въ 1886 г. Ядринцевъ сдѣлалъ новую поѣздку въ Сибирь до Иркутска и Байкала съ цѣлью осмотра сибирскихъ музеевъ, въ томъ числѣ минусинскаго, а также и для этнографическихъ наблюденій надъ остяками и саянскими племенами въ минусинскомъ округѣ ²⁾. Затѣмъ въ Географическое Общество внесены были составленные имъ карты распредѣленія сибирскихъ инородцевъ по губерніямъ. Новѣйшимъ обширнымъ трудомъ Ядринцева была книга объ инородцахъ ³⁾, заключающая много важныхъ данныхъ и соображеній по этому вопросу. Наконецъ въ послѣдніе годы, въ связи съ давно занимающимъ его вопросомъ объ исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ, г. Ядринцевъ предпринималъ изслѣдованія въ сѣверной Монголіи, гдѣ онъ открылъ развалины знаменитаго и затеряннаго историками Каракума: это открытіе возбудило живѣйшій интересъ въ средѣ специалистовъ и по слѣдамъ г. Ядринцева направилась въ ту мѣстность ученая экспедиція изъ Гельсингфорса, а затѣмъ лѣтомъ 1891 года экспедиція академическая, которая поручена была В. В. Радлову совместно съ г. Ядринцевымъ ⁴⁾.

Какіе разнообразныя вопросы изъ прошлаго и настоящаго Сибири подняты теперь сибирскими изслѣдователями, можно видѣть изъ книги

¹⁾ „Культурное и промышленное состояніе Сибири“. Докладъ Н. М. Ядринцева (по случаю торжества 300-лѣтія Сибири). Спб. 1884.

²⁾ Доклады о томъ, въ 1887, въ обществахъ Географическомъ и Археологическомъ въ Петербургѣ.

³⁾ „Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе“. Спб. 1891.

⁴⁾ Біографическія свѣдѣнія частію приведены въ предисловіи г. Петри къ его переводу, стр. XI—XIII; въ дополненіяхъ къ переводу сообщены также и другія замѣчанія о трудахъ г. Ядринцева. См. также „Литературныя и студенческія воспоминанія о Сибири“ самого г. Ядринцева, въ „Вост. Обзорѣніи“, 1884, № 26, 33, 34.

Ядринцева: „Сибирь, какъ колонія“, представляющей одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ всей сибирской литературы. Авторъ ставитъ въ предѣлахъ своей задачи слѣдующіе широкіе вопросы сибирской исторіи и современнаго экономическаго и нравственно-общественнаго быта: русская народность на Востокѣ, которая въ особыхъ условіяхъ сибирской природы, быта и смѣшеніи съ инородческими племенами приобрѣла здѣсь особый типъ, несомнѣнно своеобразный и еще недостаточно опредѣленный изслѣдователями; инородческій вопросъ о прошломъ и современномъ состояніи инородческихъ племенъ подъ вліяніемъ ихъ столкновеній съ русскимъ колонизаціоннымъ и промышленнымъ движеніемъ, объ ихъ упадкѣ и вымираніи, о возможности или невозможности ихъ сохраненія; колонизація Сибири и современныя переселенія — сложный вопросъ, внутренній русскій и сибирскій, разные роды колонизаціи и разные способы устройства переселеній; ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ; исторія эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ; экономическое положеніе Сибири; управленіе Сибирью, его исторія и современныя задачи; потребность знанія и интересы образованія на Востокѣ; будущность страны и условія ея благосостоянія. Всѣ эти вопросы, составляющіе самый основной интересъ сибирской жизни, сильно привлекаютъ теперь вниманіе сибирскихъ изслѣдователей и, простираясь по необходимости въ прошедшее, ставятъ для сибирской исторіографіи задачи, въ прежнее время едва затронутыя. Общее положеніе нашей исторической литературы въ это прежнее время было таково, что на долю историковъ оставалась почти только внѣшняя показная сторона прошедшаго; время ближайшее было совершенно недоступно: историки обыкновенно и не доходили до нихъ, и исторія Сибири, какъ и вообще новѣйшая исторія нашей государственной и общественной жизни, только теперь начинаютъ раскрываться въ ихъ настоящемъ, неподдѣльномъ видѣ.

ГЛАВА X.

Этнографія сибирскихъ инородцевъ.

Въ предыдущемъ изложеніи не однажды указаны были работы по этнографическому изученію Сибири. Этотъ предметъ такъ обширенъ и сложенъ, что въ предположенномъ нами объемѣ невозможно изложить всей исторіи этихъ изслѣдованій и ихъ результатовъ. Съ одной стороны, этнографія Сибири связывается съ судьбой нѣсколькихъ разнородныхъ восточныхъ племенъ, частью имѣющихъ громадное распространеніе внѣ предѣловъ Сибири и имѣющихъ свою многовѣковую исторію; съ другой—она обнимаетъ цѣлый рядъ сѣверныхъ племенъ, заброшенныхъ въ далекія пустыни Сибири, почти неизвѣстныхъ исторіи и даже въ настоящее время трудно доступныхъ для научнаго изслѣдованія—до такой степени, что и донинѣ не выяснена вполне этнологическая принадлежность многихъ сибирскихъ племенъ, которыя бывають относимы то къ одному, то къ другому корню, и общая классификація сибирскихъ племенъ еще остается въ наукѣ вопросомъ.

Сибирская этнографія распадается естественно на инородческую и русскую: эти двѣ различныя области нерѣдко, однако, органически соединяются сосѣдствомъ и сожительствомъ племенъ на одной территоріи, въ общихъ условіяхъ государственности, связываясь взаимнымъ расовымъ и бытовымъ вліяніемъ. Одна изъ этихъ областей этнографіи должна объяснить составъ, исторію и особенности инородческихъ племенъ Сибири, и мы говорили сейчасъ, съ какою сѣтью историческихъ вопросовъ связанъ этотъ отдѣлъ сибирскихъ изученій; другая область сибирской этнографіи должна объяснить особенности русского племени въ Сибири,—потому что въ Сибири несомнѣнно народились эти особенности подъ вліяніемъ ея почвы, климата, племенныхъ смѣ-

шеній, исключительныхъ историческихъ и бытовыхъ обстоятельствъ. Если въ первомъ отдѣлѣ научное рѣшеніе затруднено большою сложностью данныхъ и отчасти трудностью ихъ изслѣдованія, то во второмъ оно замедляется недостаточностью фактовъ, какіе были до сихъ поръ собраны, потому что этнографія русскаго племени въ Сибири едва только теперь привлекаетъ серьезное вниманіе изыскателей. На этомъ основаніи, особливо по первому отдѣлу трудно дать послѣдовательную исторію изученій, какъ это было возможно въ другихъ областяхъ русской этнографіи, и мы должны будемъ большею частью только указывать поставленные вопросы, отмѣчать связь вопросовъ сибирской этнографіи съ общимъ положеніемъ азіатскихъ изученій и археологій. До сихъ поръ ни въ томъ, ни въ другомъ отдѣлѣ сибирской этнографіи нельзя указать ни одного труда, который обнималъ бы предметъ во всей широтѣ его сложнаго объема или, по крайней мѣрѣ, намѣтилъ бы полную программу его изслѣдованія: всего чаще мы имѣемъ передъ собою массу детальныхъ изслѣдованій, едва одолжимыхъ для одного изыскателя, который хотѣлъ бы свести ихъ въ одно цѣлое.

Древнѣйшая исторія Сибири была совершенно чужда русскому племени. Судьба ея нынѣшнихъ „инородцевъ“ восходитъ къ отдаленному времени, когда они наполняли Сибирь болѣе или менѣе самостоятельными племенами: въ эту старину съ трудомъ проникаетъ исторія, которой до сихъ поръ не удалось еще распутать старыхъ племенныхъ отношеній, какъ съ другой стороны наукѣ не удалось еще установить ихъ этнографической классификаціи. Этимъ временамъ предшествуетъ еще неопредѣленно долгій періодъ старины до-исторической: въ послѣднее время въ Сибири находятъ все больше и больше слѣдовъ каменнаго вѣка и перваго появленія металловъ, и по мѣрѣ того какъ умножаются раскопки въ разныхъ мѣстахъ Сибири, открывается все больше слѣдовъ этого до-историческаго быта.

Изученіе инородческаго міра въ Сибири въ строго научномъ смыслѣ должно начинаться разъясненіемъ этой археологической этнографіи. Изслѣдованія этого рода начаты только очень недавно, и при недостаткѣ раскопокъ до сихъ поръ не могла быть опредѣлена даже въ общихъ чертахъ территорія, на которой открываются остатки каменнаго вѣка. До сихъ поръ не выяснены и другіе археологическіе памятники, разбѣянные особливо въ южной Сибири, такъ-называемыя „чудскія могилы“ разнаго рода, въ первый разъ замѣченныя для науки учеными путешественниками прошлаго вѣка: въ то время эти могилы, заключавшія, между прочимъ, много вещей изъ дорогихъ металловъ, были уже расхищаемы искателями кладовъ; нахо-

димые предметы сбывались на рынкахъ какъ ломъ, и только въ послѣдніе годы обращено вниманіе на собраніе и сохраненіе этихъ предметовъ въ мѣстныхъ музеяхъ. Не разъяснены доселѣ и остатки старыхъ писемъ (такъ-называемыя „писаницы“) и живописныхъ изображеній на скалахъ и камняхъ, какихъ не мало существуетъ въ южной Сибири и которыя также исчезаютъ отъ времени. Давно обратили вниманіе ученыхъ такъ-называемыя „чудскія копн“, остатки древнихъ рудниковъ, въ которыхъ, между прочимъ, находимы были образцы древнихъ орудій горнаго дѣла... Какъ ни скудна была до сихъ поръ разработка этихъ остатковъ сибирской до-исторической старины, они доставляли уже важныя указанія или намеки на исторію каменнаго вѣка въ Азіи и въ Европѣ и перваго появленія металловъ. Нѣкоторымъ ученымъ приходила даже мысль, что древнѣйшая исторія азиатскаго человечества имѣла исходный пунктъ на сибирскомъ сѣверѣ.

Одинъ изъ ревностныхъ изслѣдователей сибирской древности, Н. Поповъ (уже умершій), такъ представляетъ древнюю историческую почву Сибири: „Обширныя страны, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Сибири, за нѣсколько вѣковъ до нашего глѣтотисленія были населены разными народами и народцами племенъ финскаго, туркскаго, монгольскаго и манджурскаго. Сильнѣйшіе изъ нихъ тѣснили слабѣйшихъ, покоряли ихъ, истребляли или отодвигали куда-нибудь далѣе на западъ или сѣверъ. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ, напр. монголы, манчжуры, татары, донныѣ продолжаютъ крѣпко существовать и сохранять свои племенные черты, хотя уже и измѣненныя подъ вліяніемъ другихъ національностей; другіе, загнанные въ мѣста суровыя, поставленные въ условія, неблагопріятныя для жизни, хотя и продолжаютъ донныѣ влечить свое жалкое существованіе, но годъ отъ году становятся все малочисленнѣе, какъ напр. сойоты, каргасы, койбалы, камасинцы, остяки, самоѣды, якуты туруханскіе, чукчи и пр., а нѣкоторые въ своихъ скитаніяхъ уже давно вымерли, оставивъ послѣ себя одни темныя имена, какъ напр. асаны, котты, арины, омоки и др.

„При постоянномъ передвиженіи и переселеніи, народы, тѣснимшіе и смѣнявшіе другъ друга, на мѣстахъ своего болѣе или менѣе продолжительнаго жительства оставляли слѣды своего существованія — въ курганахъ, разнаго рода постройкахъ, издѣліяхъ и другихъ памятникахъ. Такого рода остатками особенно богаты мѣста, болѣе привольныя для жизни и потому съ незапамятныхъ временъ наиболѣе населенныя, какъ напр. окрестности алтайскихъ и саянскихъ горъ и долины рѣки Иртыша, Оби и Енисея съ ихъ безчисленными притоками, въ Забайкальѣ мѣста по Селенгѣ, Чикой, Аргунѣ и Амуру.

Но безъ преувеличенія можно сказать, что памятники глубокой древности разсыяны по всему обширному пространству Сибири, такъ что мы, сибиряки, живемъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, на пепелищахъ и кладбищахъ аборигеновъ сибирскихъ¹⁾. При распаханіи земли, при раскопкѣ кургановъ, при рытвѣ колодцевъ, погребовъ и т. п. въ Сибири перѣдко встрѣчаютъ какіе-нибудь остатки древности. Напр., въ самомъ Иркутскѣ найдены были въ 1871 году, между прочимъ, древнія украшенія изъ мамонтовыхъ бивней, каменные стрѣлы и съ ними нѣсколько раздробленныхъ костей допотопнаго быка, дикой лошади и другихъ животныхъ, составлявшихъ, можетъ быть, пищу жившихъ здѣсь аборигеновъ.

Упомянутый нами раньше, заслуженный натуралистъ Черскій, который описывалъ эти иркутскія находки, считалъ невозможнымъ при нынѣшнемъ состояніи археологіи и палеонтологіи объяснить, кто были эти *diluvii testes*, современники потопа, имѣвшіе дѣло съ допотопными животными²⁾. И дѣйствительно, вопросъ о каменномъ вѣкѣ въ Сибири только-что ставится, какъ онъ вообще новъ въ нашей археологической литературѣ. Сдѣлано много находокъ предметовъ каменнаго вѣка въ разныхъ мѣстахъ Сибири; довольно большое количество этихъ предметовъ собрано было въ музеяхъ, напр. въ музей Сибирскаго Отдѣла въ Иркутскѣ (до пожара), въ возникшемъ недавно замѣчательномъ музей въ Минусинскѣ и пр.; но до сихъ поръ здѣсь, какъ у насъ въ Россіи, еще не опредѣлена самая территорія каменнаго вѣка, и предметъ остается открытымъ вопросомъ науки³⁾.

¹⁾ Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Иркутскъ, 1874, т. V, вып. 1, стр. 11.

²⁾ Извѣстія Сибирскаго Отдѣла, т. III, выпускъ 3. Иркутскъ, 1872, стр. 167—178: „Нѣсколько словъ о вырванныхъ въ Иркутскѣ издѣліяхъ каменнаго періода“.

³⁾ Объ орудіяхъ каменнаго вѣка на сѣверѣ и востокѣ Сибири (съ таблицею рисунковъ), Н. И. Попова, въ „Извѣстіяхъ“ Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. IX, Иркутскъ, 1878.

— Кухонные остатки и каменные орудія, найденные на берегу Амурскаго залива и пр. М. Янковскаго, въ „Извѣстіяхъ“, т. XII, Иркутскъ, 1881—82.

— Прибайкальскія древности и пр. Н. Агапитова, въ „Извѣстіяхъ“, т. XII, Иркутскъ, 1881—82, и его же: Слѣды каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Куды и по р. Унгѣ, тамъ же (съ двумя таблицами рисунковъ).

— Отчетъ о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангара (съ картою и 3 таблицами рисунковъ), Н. И. Витковскаго, въ „Извѣстіяхъ“, т. XIII, Иркутскъ, 1882.

— Доисторическія могилы въ окрестностяхъ Минусинска, А. В. Адрианова. „Извѣстія“ Геогр. Общ., т. XIX, отд. II, 1883.

— О нѣкоторыхъ находкахъ каменнаго періода въ Вост. Сибири. Н. И. Витковскаго, „Древности“, 1885.

— О находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ г. Тюмени въ 1883 году, И. Я. Словова, Записки Зап.-Сибирск. Отдѣла, 1885, кн. VII, вып. I, и др.

Мы не разъ упоминали о другихъ болѣ позднихъ древностяхъ, которыя представляются чуждскими могилами и копиями, которыя обратили на себя вниманіе еще первыхъ изслѣдователей сибирской древности въ XVIII столѣтіи, какъ Гмелинъ, Миллеръ, Палласъ, Георги; какъ новѣйшіе изслѣдователи — Спасскій, Степановъ, Кастрентъ, Эйхвальдъ; какъ оріенталисты Шмидтъ, о. Іакинъ, Радловъ и, наконецъ, новѣйшіе мѣстные изыскатели ¹⁾.

Надписи на скалахъ и камняхъ неизвѣстнаго письма, обратившія на себя вниманіе изслѣдователей Сибири еще съ начала прошлаго вѣка, съ путешествія Мессершмидта и съ книги Штраленберга и до новѣйшихъ временъ, несмотря на всѣ усилія археологовъ разгадать ихъ значеніе, остаются загадкой, какъ и тѣ рисунки и изображенія красками на скалахъ, которые также замѣчены еще съ прошлаго столѣтія. Не перечисляя попытокъ толкованія этихъ надписей, на которыхъ останавливался, между прочимъ, и знаменитый оріенталистъ Клапротъ ²⁾, укажемъ статьи того же сибирскаго археолога, Н. Попова, который нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету и старался собрать его литературу ³⁾. Въ концѣ концовъ надписи (т.-е.

— Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный вѣкъ. М. 1881, т. I, главы VI, IX, XI, XII, и библиографическія указанія въ томѣ II.

¹⁾ См. новое сопоставленіе свѣдѣній объ этомъ предметѣ въ статьѣ Н. Попова „О чуждскихъ могилахъ Минусинскаго края“ въ „Извѣстіяхъ“ Сиб. Отдѣла, Иркут. 1876—77 г., т. VII и VIII, со многими рисунками. См. также: О древнихъ городищахъ въ якутскомъ уѣздѣ, тобольской губ., Н. Абрамова. „Вѣстникъ Геогр. Общ.“ 1854 г., кн. X, отд. V.

— Краткое описаніе такъ-назв. чуждскихъ древностей (въ Нерчинскомъ округѣ), А. Павлуцаго. „Записки“ Сибирскаго Отд., кн. IX—X. Иркут., 1867. Смѣсь.

— О чуждскихъ городахъ и чуждскихъ копияхъ въ Минусинскомъ краѣ, „Извѣстія“ Сибирск. Отдѣла, т. IV, Иркут., 1873.

— О курганахъ въ Барнаульскомъ округѣ томской губ. (изъ письма свящ. А. Киселева), въ „Извѣстіяхъ“, т. XI, Иркут. 1880—91.

— Раскопка кургановъ тобольской губ. въ „Запискахъ“ Зап.-Сиб. Отдѣла, кн. IV, Омскъ, 1882 (смѣсь).

— Извѣстія о каменныхъ изваяніяхъ, „бабахъ“, въ „Запискахъ“ Сиб. Отдѣла, 1864, кн. VII; въ „Извѣстіяхъ“ 1871, т. II, и др.

Наконецъ, общіе обзоры металлическихъ древностей въ сибирскихъ могилахъ и курганахъ см. въ статьѣ Радлова объ аборигенахъ Сибири въ „Живописной Россіи“, Вольфа, т. XIII, и въ его же книгѣ: „Aus Sibirien“, Leipz., 1884, т. II, стр. 38—143 („Sibirische Alterthümer“). Далѣе: „Древности минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ“, съ атласомъ, Д. Клеменца. Томскъ, 1886, и статьи Чекановскаго, Полякова, Черскаго, Лерха и др., въ изданіяхъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла и въ „Трудахъ“ петербургскаго Археологич. Общества. Изъ прежнихъ сочиненій надо замѣтить Эйхвальда: „О чуждскихъ копияхъ“. Спб., 1856.

²⁾ Sur quelques antiquités de la Sibirie, par Mr. Klaproth. Paris, 1823 (14 стр. съ копіями надписей).

³⁾ „О писаницахъ Минусинскаго края“, въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла,

исключая тѣ, которыя принадлежать извѣстнымъ восточнымъ языкамъ) остаются необъяснены до сихъ поръ; особенный интересъ загадки заключается въ томъ, что неизвѣстные письмена носятъ не азіатскій, а европейскій характеръ, своими начертаніями напоминаютъ руны, а иногда греческое или славянское письмо,—что дало поводъ къ предположеніямъ о давнихъ связяхъ народовъ южной Сибири съ болѣе культурнымъ юго-востокомъ Европы ¹⁾.

Новѣйшая этнографическая исторія сибирскихъ инородческихъ племенъ представляется чрезвычайно запутанной. Низкая степень развитія большинства изъ нихъ; отсутствіе памятниковъ, которые могли бы свидѣтельствовать о совершившихся здѣсь переворотахъ; недостатокъ изслѣдованій ихъ племени и языка въ новѣйшее время, дѣлали то, что даже въ настоящее время этнографическія отношенія сибирскихъ инородцевъ представляются нерѣдко неясными и спорными. Знаменитый этнографъ Пешель говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пространство между Охотскимъ заливомъ и европейскою Лапландіей населено, сверхъ русскихъ переселенцевъ, народностями, живущими охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ, причемъ онѣ, насколько можно слѣдить за ихъ исторіею, постоянно мѣняли свое мѣстопробываніе и смѣшивались между собою. Среди нихъ часто появлялись завоеватели, которые объединяли разрозненные орды въ организованную общую массу. Было ли это обширное пространство когда-либо населено выходцами *различныхъ расъ*, или все туземное населеніе состоитъ изъ потомковъ *одного только племени*,—этого въ настоящее время *нельзя ни утверждать, ни отрицать*. Если и были прежде расовыя различія, то онѣ, во всякомъ случаѣ, успѣли изгладиться, благодаря постоянному смѣшенію крови. Въ физической организаціи туземцевъ мы находимъ всѣ переходныя ступени между строго-монгольскимъ типомъ и типомъ цивилизованныхъ жителей Запада. Эта группа народностей, которую Кастренъ окрестилъ именемъ алтайцевъ, тѣсно примыкаетъ къ восточнымъ и юго-восточнымъ азіатамъ“. Ни одинъ изъ народовъ сѣвера Сибири

т. III, Иркут., 1872, дальше въ т. V—VII; его же: „Краткій историческій обзоръ различныхъ родовъ фонетическаго письма у народовъ сѣверной и средней Азіи“, — „Извѣстія“, 1874, т. V. Эти толкованія собиралъ и г. Ядринцевъ, въ статьѣ: „Древніе памятники и письмена въ Сибири“ („Литературный Сборникъ“, Сиб. 1885, стр. 456—476, съ таблицею надписей). См. также: „Пещера и древнія письмена на берегахъ рѣчки Мангута, въ юго-восточной Сибири“, съ рисункомъ Юренскаго, въ „Запискахъ“ Сибирскаго Отдѣла, Сиб. 1856, кн. II, отд. 1, и тамъ же статья архим. Аввакума.

¹⁾ О томъ, что сдѣлано вообще по археологическому изученію Сибири, см. въ статьѣ того же Попова: „Общій историческій обзоръ археологическихъ изысканій въ Сибири“, „Извѣстія“ Сиб. Отдѣла, кн. V, Иркут., 1871.

не имѣть древней литературы, и невозможность изучать эти языки въ ихъ старыхъ формахъ чрезвычайно затрудняетъ рѣшеніе этнографическаго вопроса объ ихъ современномъ состояніи ¹⁾.

Научныя изысканія о сибирскихъ инородцахъ начинаются съ XVIII-го вѣка. Первые писатели о Сибири, русскіе и иностранные (Новицкій, Витзень, Штраленбергъ и пр.), уже обратили вниманіе на эти народы, давали описаніе ихъ характера и быта, старались проникать въ ихъ прошлое, особенно прошлое народовъ татарскихъ и монгольскихъ, которые нѣкогда оставили такой кровавый слѣдъ въ судьбѣ восточной Европы и до сихъ поръ имѣютъ многочисленныхъ представителей въ Азіи и въ Европѣ; позднѣе академическіе путешественники старались въ особенности собрать свѣдѣнія объ этихъ народахъ и разъяснить ихъ исторію. Съ тѣхъ поръ и донынѣ ученые изслѣдователи, работавшіе въ Сибири, не упускали случая изучать эти племена, ихъ бытъ, нравы и преданія; это дѣлали даже тѣ путешественники, задачей которыхъ были только изслѣдованія естественно-историческія, или чистая географія. Такими образомъ, въ той обширной литературѣ путешествій, русскихъ и иностранныхъ, официальныхъ и частныхъ, съ цѣлями учеными или просто практическими, въ массѣ описаній, составленныхъ официально или собранныхъ случайными путешественниками, — въ этой литературѣ, которую мы до сихъ поръ пересматривали, — разбросано множество свѣдѣній о сибирскомъ инородческомъ населеніи, свѣдѣній почти всегда весьма интересныхъ, нерѣдко драгоцѣнныхъ по внимательности и научному авторитету наблюденія. Напомнимъ читателю, что указано было выше изъ сочиненій Гмелина, Миллера, Палласа, Георги, Фалька, Ленекина, изъ путешествій Крузенштерна, Коцебу, Врангеля, Литке, изъ ученыхъ экспедицій Миддендорфа, Маака и т. д., изъ сочиненій Спасскаго, Словцова, Гагемейстера, Степанова, Кривошапкина и пр. Многіе изъ этихъ трудовъ имѣли значеніе настоящихъ подвиговъ для науки: изслѣдователи должны были совершать свой трудъ въ условіяхъ сѣверной природы едва выносимыхъ, какъ напр. Врангель, Миддендорфъ, Маакъ, Чекановскій и многіе другіе; во многихъ случаяхъ, сдѣланные наблюденія остались единственными въ своемъ родѣ, потому что наблюдаемы были племена, готовые окончить свое существованіе (напр. Миллеръ видѣлъ послѣдняго челоуѣка, говорившаго на языкѣ аринцевъ; Врангель и его спутники видѣли нѣкоторые племена крайняго сибирскаго сѣвера, которыя нынѣ считаютъ исчезнувшими; нѣкоторые бытовые явленія, описанные старыми путешественниками, въ послѣдствіи уже не замѣчаются

¹⁾ Oscar Peschel, „Völkerkunde“, 6-е изд., Leipzig, 1885. (Русское изданіе, съ 6-го нѣмецкаго: „Народовѣдѣніе“, подъ ред. проф. Петра. Спб. 1890).

и т. д.). Всѣ эти труды остаются до сихъ поръ необходимымъ матеріаломъ для изученія инородческаго міра Сибири.

Въ концѣ прошлаго вѣка, академикъ Георгіи предпринялъ уже цѣльное этнографическое обзорѣніе племенъ, населяющихъ Россію. Въ сочиненіи общаго характера онъ могъ дать только сжатую картину инородческихъ племенъ, среди которыхъ много мѣста заняли сибирскія; притомъ этнографія того времени была почти только внѣшнимъ соединеніемъ фактовъ, которое служило любознательности, но еще не было наукой, не вызывало вопросовъ о внутренней исторіи племени: это была какъ бы литературная кунсткамера, собраніе рѣдкостей, въ объясненіе къ кунсткамерѣ предметной, какая была заведена при началѣ Академіи наукъ. Изъ старыхъ путешественниковъ прошлаго вѣка всѣхъ больше обращалъ вниманіе на интересы этнографическаго знанія Палласъ: натуралистъ по специальности, онъ обладалъ широкими свѣдѣніями по другимъ отдѣламъ науки, предвидѣлъ важность данныхъ археологическихъ и бытовыхъ, старался изучать исторію описываемыхъ ими племенъ, выяснять ихъ происхожденіе и взаимныя связи, и его книги: „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи“ ¹⁾, вышедшее на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ; далѣе „*Neue Nordische Beyträge*“ и матеріалы для исторіи монгольскихъ народностей ²⁾ цитируются до сихъ поръ какъ важный матеріалъ для исторіи сибирскихъ народовъ. Въ путешествіи Палласа много мѣста дано описанію инородцевъ, которыхъ онъ внимательно изучалъ на востокѣ европейской Россіи и Сибири (вогулы, татары, калмыки, киргизы, остяки, самоѣды и пр.); сдѣланныя имъ замѣчанія и собранные факты высоко цѣнятся по обширности знаній автора и точной наблюдательности; послѣдующія изслѣдованія не всегда подтверждали его выводы, но важно было, что онъ уже ставилъ вопросы, рѣшеніе которыхъ предстояло болѣе развитымъ средствамъ науки. Его точка зрѣнія въ этихъ предметахъ была еще близка къ обычному взгляду XVIII-го вѣка, который не предвидѣлъ широкаго развитія современной антропологии, этнографіи, сравнительнаго языкознанія; въ предисловіи къ своей книгѣ онъ указываетъ только (по русскому переводу) на „любопытство, обыкновенно стремящееся къ свѣдѣнію важныхъ новостей“, но его собственное любо-

¹⁾ Въ позднѣйшемъ изданіи: „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства“.

²⁾ *Neue Nordische Beyträge etc.* Pet. und Leipzig, 1781 — 96, семь томовъ. *Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften.* Petersb., 1776—1801, 2 тома. Изъ его путешествій выбраны были: *Merkwürdigkeiten der obischen Ostjaken, Samojuden, daurischen Tungusen* и пр. Frankf. und Leipzig, 1777, и др.

пытство отличалось особенною пронырливостію. Чѣмъ дальше, тѣмъ въпрямъ все болѣе усложняется и требуетъ все болѣе пристальныхъ изученій.

Народы средней Азии, южной и восточной Сибири давно привлекали вниманіе западно-европейскаго ученаго міра по своему общему историческому значенію. Одна отрасль этихъ народовъ съ XIV и XV-го вѣка прочно утвердилась на Балканскомъ полуостровѣ и долго грязла безопасности самой средней Европы; передъ тѣмъ монголо-татарское нашествіе охватило восточный край Европы и достигало самаго центра ея; еще далѣе въ древность совершалось нашествіе гунновъ, оставившее память въ западныхъ лѣтописяхъ. Съ развитіемъ исторической науки, съ первымъ распространеніемъ изученія восточныхъ языковъ начинаютъ появляться изслѣдованія о гуннахъ, туркахъ, татарахъ и монголахъ; въ теченіе XVIII вѣка эти изслѣдованія (особливо нѣмецкія и французскія) составили уже значительную литературу, а въ нашѣмъ столѣтіи расширились до массы специальныхъ трудовъ въ области восточнаго азіатскаго міра, близко касающихся и Сибири. Надо искать у специалистовъ исторіи этой новой оріентальной науки; мы назовемъ лишь нѣкоторые имена. Мы не разъ упоминали, напримѣръ, книгу голландца Витѣзена, работавшаго въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го надъ исторіей татарскаго народа; въ началѣ XVIII-го столѣтія былъ изданъ въ Лейденѣ французскій переводъ исторіи Абульгази-Багадуръ-Хана; Миллеръ въ началѣ своей сибирской исторіи ссылается уже на разные книги европейскихъ ученыхъ, касавшіяся его предмета, между прочимъ на труды іезуитскихъ миссіонеровъ по китайской исторіи, объяснявшіе судьбу монгольскаго племени, нѣсколько отраслей котораго были обитателями нашей Сибири; въ 1756 году вышла знаменитая книга Де-Гиня ¹⁾, которая долго оставалась авторитетомъ по этому трудному вопросу азіатской исторіи; въ концѣ столѣтія Гюльманъ пишетъ древнѣйшую исторію монголовъ ²⁾. Въ нынѣшнемъ столѣтіи оріентальныя изученія достигаютъ широкаго развитія во Франціи, Германіи, Англіи, наконецъ въ Россіи среди русско-нѣмецкихъ, русскихъ и наконецъ русско-инородческихъ ученыхъ. Труды западныхъ изслѣдователей, посвященные тюркскому и монгольскому міру, нерѣдко касаются ближайшимъ образомъ нашей инородческой Сибири; назовемъ имена: Абеля Ремюза, Д'Оссона, Клапрота (нѣмецкаго ученаго, работавшаго главнымъ образомъ во Франціи), Шотта, Гаммера-Пургшталля, въ новѣйшее время Вольфа, Вамберга, Уйфальви,

¹⁾ De-Guignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, 5 томовъ. Paris, 1756—1758.

²⁾ Geschichte der Mongolen bis 1206. Berlin, 1796.

Юльга и пр. Къ нимъ примыкають труды русско-нѣмецкихъ ученыхъ — Эрдманна (профессора въ Казани), академиковъ Френа, Шёгрена, Шмидта, Дорна, Бётлинга, Радлова; русскихъ оріенталистовъ — о. Іакинѣа, О. Ковалевскаго, Попова, Березина, П. Савельева, Бобровникова, Васильева, В. Григорьева, Захарова, Ильминскаго, Позднѣева; русско-инородческихъ ученыхъ — Дорджи Банзарова, Чокана Валиханова, Катанова и пр. Изслѣдованія по исторіи, языку, религіи, законамъ и обычаямъ монголовъ, манджуровъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ и пр. имѣють всегда прямое или косвенное отношеніе къ нашимъ сибирскимъ инородцамъ, а спеціальное изученіе послѣднихъ даетъ важныя указанія объ исторіи цѣлыхъ этихъ племенъ, и мало того — нерѣдко даетъ ключъ къ раскрытію того громаднаго этнологическаго процесса, который совершался нѣкогда въ этихъ внутреннихъ странахъ Азіи.

Къ оріентальнымъ изученіямъ присоединяются, наконецъ, изслѣдованія финскаго племени и языка. Многія изъ сибирскихъ инородческихъ племенъ принадлежать къ финскому племени, вѣтви котораго идутъ далеко на востокъ и на югъ Сибири, въ разнообразномъ сосѣдствѣ и смѣшеніи съ племенами тюркскими. Важность финскихъ изученій чувствовалась давно, но онѣ долго не распространялись на сибирскихъ финновъ, и только въ послѣднія десятилѣтія вопросъ о значеніи этого племени въ историческомъ движеніи народовъ поставленъ во всей его широтѣ, хотя далека отъ разрѣшенія. Изслѣдованія начались давно, съ XVI и XVII вѣка, но ограничивались областью сѣверно-европейскихъ финновъ и только въ недавнее время распространились на ихъ соплеменниковъ въ восточной Россіи и Сибири. По изученію финновъ сѣвера и востока Европы памятно особливо имя ученаго Шёгрена (Sjögren, ум. 1854), труды котораго принесли между прочимъ не мало полезныхъ указаній для русской исторіи и этнографіи; въ изслѣдованіи финновъ азіатскихъ первостепенное мѣсто принадлежитъ дѣятельности замѣчательнаго ученаго, которому только ранняя смерть не допустила совершить широко начатыхъ трудовъ. Это былъ Матіасъ-Александръ Кастренъ (1813 — 1852). Онъ былъ уроженецъ Остѣ-Ботніи и былъ сыномъ сельскаго пастора; рано осиротѣвши, онъ еще мальчикомъ долженъ былъ заботиться о средствахъ къ своему существованію, поступилъ 16 лѣтъ въ гельсингфорскій университетъ, гдѣ въ особенности занимался восточными языками, но мало-по-малу любовь къ родинѣ взяла верхъ въ его ученыхъ стремленіяхъ, и онъ посвятилъ свои труды изученію финскаго міра, которое расширилось затѣмъ на все такъ-называемое урало-алтайское племя. Для болѣе точнаго изслѣдованія племени, раздѣлившася на такое обширное количество отраслей, какъ финское,

надо было изучить его на мѣстѣ, и языкъ его — въ устахъ народа. Съ этой цѣлью Кастренъ уже въ 1838 году сдѣлалъ путешествіе въ Лапландію, а въ 1839 въ русскую Карелію; въ этомъ году онъ назначенъ былъ доцентомъ финскаго и древне-сѣвернаго языка въ гельсингфорсскомъ университетѣ и издалъ свою первую латинскую диссертацию, въ 1841, и также шведскій переводъ финскаго національнаго эпоса „Калевалы“, высоко-цѣнный по точности и по изяществу передачи. Въ томъ же 1841 году онъ отправился, вмѣстѣ съ знаменитымъ собирателемъ и издателемъ этого эпоса, Лёнротомъ, въ новое путешествіе въ Лапландію до Архангельска, и затѣмъ, уже одинъ, получивъ пособіе отъ финляндской казны, продолжилъ свои изысканія на страну самоѣдовъ. Здѣсь онъ велъ свою работу среди чрезвычайно труднаго путешествія и въ концѣ 1843 года былъ въ Обдорскѣ; разстроенное здоровье побудило его прервать свое путешествіе; черезъ Березовъ онъ поѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ въ мартѣ 1844 года и оттуда поспѣшилъ на родину. По возвращеніи онъ напечаталъ на латинскомъ языкѣ зырянскую грамматику и затѣмъ грамматику черемисскаго языка ¹⁾. Въ слѣдующемъ году Кастренъ, когда здоровье его поправилось, снова предпринялъ далекое путешествіе, продолжавшееся съ начала 1845 до начала 1849 года, на счетъ Академіи наукъ. Академія уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣла планъ большого сибирскаго путешествія съ чисто этнографическою цѣлью, преимущественно для изученія сѣверныхъ сибирскихъ племенъ, и именно самоѣдскаго съ его отраслями въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Кастренъ, уже заявившій себя нѣсколькими серьезными работами въ области финскаго языка, представлялся для этой задачи наилучшимъ исполнителемъ. Путешествіе Кастрена было единственнымъ въ своемъ родѣ: простираясь на сѣверъ до 72° широты и на востокъ до Нерчинска, Читы и Кяхты, оно имѣло цѣлью, съ одной стороны, объять сколько можно шире область финско-тюркскихъ языковъ и, съ другой, разыскать всѣ частныя видоизмѣненія нарѣчій, для чего приходилось отправляться въ сторону отъ большихъ дорогъ въ самыя гнѣзда мелкихъ племенъ, жить въ убогой обстановкѣ ихъ быта, подвергаться всякаго рода лишеніямъ, которыя были тѣмъ болѣе тяжки, что здоровье Кастрена, и безъ того не крѣпкое, было во время пути окончательно подорвано. Это, однако, не мѣшало ему съ необыкновенною энергіею вести изслѣдованія, въ которыхъ исполнялась его давняя научная и патріотическая мечта.

Несмотря на исключительную трудность путешествія, Кастренъ совершилъ замѣчательные труды по опредѣленію лингвистическихъ

¹⁾ *Elementa grammatices Syrjaenae; Elementa grammatices Tscheremissae.*

и этнографическихъ отношеній сибирскаго инородческаго міра—самоѣдовъ, остяковъ, тунгузовъ, бурятъ и татаръ. Съ дороги онъ присылалъ въ Академію наукъ рядъ любопытныхъ отчетовъ, и кромѣ того писалъ о ходѣ своихъ поѣздокъ и работъ къ своимъ друзьямъ и къ представителю финскихъ изученій въ Академіи, Шёгрёну. Большое число этихъ отчетовъ и писемъ напечатано было въ бюллетеняхъ Академіи и финляндскихъ журналахъ въ 1845—1848 годахъ. По возвращеніи въ Петербургъ въ январѣ 1849 года, онъ представилъ въ Академію общій отчетъ о своемъ путешествіи, а осенью того же года изданъ былъ Академіей его опытъ остяцкой грамматики ¹⁾. Въ началѣ 1851 года онъ получилъ въ гельсингфорсскомъ университетѣ каеэдру финскаго языка и литературы и прилежно работалъ надъ грамматикой самоѣдскаго языка, которую считалъ главнымъ трудомъ своей жизни, и которую за нѣкоторыми исключеніями окончилъ лишь незадолго до своей смерти. Кромѣ лекцій въ университетѣ, предметомъ которыхъ были этнологическія отношенія алтайскихъ народовъ и финская міеологія, онъ предпринималъ новое пересмотрѣнное изданіе записокъ о своихъ первыхъ путешествіяхъ; но къ сожалѣнію ему не довелось окончить ни этого изданія, ни вообще своихъ ученыхъ предпріятій. Въ началѣ слѣдующаго года (25-го апрѣля—7-го мая 1852) онъ умеръ. Это была великая потеря для науки: до сихъ поръ остается незанятымъ то мѣсто, которое занялъ Кастренъ по своимъ трудамъ о финскихъ языкахъ и племенахъ сѣверной Европы и Азии. Труды его были изданы на шведскомъ языкѣ его друзьями въ Финляндіи, и въ то же время Академія наукъ предприняла нѣмецкое изданіе этихъ сочиненій, въ которое вошли кромѣ того спеціальныя лингвистическія работы Кастрена.

Первые два тома сочиненій Кастрена ²⁾ заняты его путевыми воспоминаніями изъ поѣздокъ 1838—1844 годовъ и отчетами и письмами изъ большого путешествія 1845—1849 г. Въ третьемъ томѣ помѣщены его „Чтенія о финской міеологіи“; въ четвертомъ — „Этнологическія чтенія объ алтайскихъ народахъ, съ самоѣдскими сказками и татарскими богатырскими сказаніями“; въ пятомъ — мелкія сочиненія; наконецъ въ 6—12 томахъ изданы его изслѣдованія о языкахъ алтайскихъ народовъ: опыты остяцкой грамматики съ краткимъ словаремъ; грамматика и собраніе словъ самоѣдскаго языка; тунгузская грамматика и словарь; грамматика и собраніе словъ языковъ бурятскаго, койбальскаго и карагасскаго съ словарями изъ та-

¹⁾ Versuch eines ostjakischen Sprachlehre.

²⁾ Въ нѣмецкомъ академическомъ изданіи: M. Alexander Castrén's Nordische Reisen und Forschungen. Im Auftrage der Kais. Akademie der Wiss. herausgegeben von Anton Schiefner. Petersb., 1853—1858, 12 томовъ.

тарскихъ нарѣчій минусинскаго округа, енисейско-остяцкаго и коттскаго.

Въ какомъ настроеніи мысли и чувства Кастрень совершалъ свои изученія, объ этомъ дадутъ понятіе слѣдующія строки его воспоминаній въ концѣ его перваго путешествія:

„Хотя послѣдній долгій и трудный путь истощилъ мои силы, подорвалъ мое здоровье и подавляющимъ образомъ дѣйствовалъ на расположеніе духа, я, пріѣзжая въ Обдорскъ, чувствовалъ себя, однако, веселымъ и счастливымъ при мысли, что я находился наконецъ на священной почвѣ матери Азіи, что я дышалъ воздухомъ, который внесъ первую искру жизни въ грудь нашихъ отцовъ и сохраняетъ въ жизни еще многихъ изъ ихъ достойныхъ глубокаго сожалѣнія собратій. Судьба забросила ихъ частью на хоходинныя высоты Урала, частью въ еще болѣе холоднымъ берегамъ Ледовитаго моря, и связала ихъ духъ узами, которыя почти также крѣпки какъ ледъ, охватывающій сердце природы въ ихъ нынѣшнемъ отечествѣ. Эти узы—грубость, мракъ и дикость. Правда, и эта грубость сопровождается многими прекрасными, привлекательными качествами, и мнѣ казалось иногда, что чистый инстинктъ, невинная душа и доброта сердца этихъ такъ-называемыхъ дикихъ народовъ (*Naturvölker*) во многихъ отношеніяхъ могли бы пристыдить всю европейскую мудрость, но въ теченіе многихъ странствій въ дикой пустынѣ я, при многихъ прекрасныхъ, добрыхъ и благородныхъ чертахъ, къ сожалѣнію видѣлъ у тѣхъ же народовъ столько отвратительнаго и столько животной грубости, что въ концѣ концовъ я не столько люблю ихъ, сколько сожалею. Этотъ опытъ не уменьшалъ, однако, теплоты моего радостнаго чувства, что я находился, наконецъ, въ странѣ моихъ мечтаній, среди роднаго племени“ ¹⁾...

Путевыя замѣтки Кастрена, независимо отъ ихъ спеціального значенія, любопытны, какъ всегда бываетъ любопытенъ рассказъ путешественника наблюдательнаго и любящаго свое предпріятіе, описывающаго мало извѣстныя страны съ тѣмъ обиліемъ подробностей, которыя переносятъ читателя въ его обстановку и рисуютъ картину невиданнаго быта и природы. Въ его отчетахъ и письмахъ разбросано множество цѣнныхъ этнографическихъ подробностей, но главною цѣлью было изученіе языка. Дѣло было въ разныхъ отношеніяхъ трудное. Въ тущообахъ Сибири Кастрень разыскивалъ мелкія полу-дикія племена, у которыхъ могъ наблюдать новые варианты языка, и внимательно изслѣдовалъ ихъ: нѣкоторые отщепеніи племенъ состояли всего изъ нѣсколькихъ, сотъ и даже десятковъ человѣкъ;

¹⁾ Nordische Reisen und Forschungen, I, стр. 278.

ались всего нѣсколько человѣкъ, помнившихъ языкъ
завшаго рода ¹⁾); другія племена, упоминаемыя прежними,
давними, путешествіями и описаніями, должны были счи-
таться окончательно вымершими.

Когда Кастренъ избранъ былъ Академіей для исполненія „большаго сибирскаго путешествія“, ему была дана инструкція, составленная Шегревомъ, съ дополненіями Кёппена ²⁾. Главной задачей путешествія ставилось изученіе племени самоѣдовъ и ихъ распространенія въ Сибири. Самъ Кастренъ также считалъ это однимъ изъ основныхъ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію, и дѣйствительно повтѣрилъ ему всего больше труда, но уже съ самаго начала путешествія его задача расширялась до цѣлаго обширнаго вопроса объ отношеніяхъ всѣхъ основныхъ группъ инородческаго міра Сибири. Кастренъ начиналъ свое сибирское путешествіе съ приобретенною вѣрностью о близкой связи самоѣдовъ съ финнами, и въ первыхъ письмахъ изъ Сибири уже дѣлалъ предположенія, что наука можетъ установить не только связь между финскими и тюрко-татарскими языками, но и съ монгольскими, которымъ уже приписываютъ орское происхожденіе. „Къ этому же результату,—писалъ онъ,—можно придти и чрезъ самоѣдское племя, которое съ одной стороны родственно съ финскимъ, а съ другой—съ семействомъ монгольскихъ родовъ... Отношенія финскаго къ монгольскому можно выяснитъ нѣсколькими различными путями, напр. или стараясь установить родство между финскимъ и монгольскимъ языками черезъ самоѣдскій, или сдѣлавъ сравнительное изученіе монгольскаго, финскаго и тюрко-татарскаго языка и т. д. Для еще болѣе полнаго познанія нашего отношенія къ Востоку важно было бы сравнить финскій, тунгусскій и манджурскій... Къ чему бы ни привели эти изслѣдованія, тѣмъ во всякомъ случаѣ должны идти впередъ, потому что онѣ составляютъ потребность времени и исторія не можетъ больше обойтись безъ ихъ результатовъ“ ³⁾. Онъ и потомъ постоянно возвращается къ этому общему вопросу. Упомянувъ, что историки финскаго племени указывали уже, что къ этому племени принадлежали многіе роды, знаменитые своими военными подвигами и торговою дѣятельностью, что именно финскіе народы дали сильнѣйшій толчокъ

¹⁾ Напр. онъ разсказываетъ о коттахъ: число ихъ простирается лишь на нѣсколько десятковъ человѣкъ (почти совсѣмъ обрусѣвшихъ), и изъ нихъ только *четыре* ювѣка помнятъ старыя свои языки, и то нетвердо (т. II, стр. 376, 387, 464). Стрѣль составилъ, однако, грамматику этого языка.

²⁾ То и другое напечатано въ сочиненіяхъ Кастрена, т. II, приложение, стр. 5—527.

³⁾ Nordische Reisen, II, стр. 22.

къ такъ-называемому великому переселенію народовъ ¹⁾, онъ говоритъ, что наука не можетъ, однако, остановиться на этомъ указаніи историческаго значенія племени: представлять финновъ какъ уединенную группу народовъ, совершенно несовмѣстимо съ тѣми результатами, какіе въ послѣднее время выработало сравнительное языкознаніе относительно родства народовъ. „Исслѣдованія не могутъ считаться удовлетворительными до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена связь, соединяющая финское племя съ какою-нибудь большою или малою частью остального міра; что такая связь дѣйствительно есть, и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ осмѣливалась до сихъ поръ принимать самая смѣлая гипотеза, я въ этомъ вполнѣ убѣжденъ“ ²⁾. Онъ намѣчаетъ уже теперь свой дальнѣйшій выводъ, что по родству съ самоѣдами финны соприкасаются со всѣми алтайскими народами и въ ихъ прошедшемъ находятъ опору и исходный пунктъ для своей собственной исторіи.

Упорно занимаясь лингвистическими исслѣдованіями, разыскивая всѣ мелкія самоѣдскія и остяцкія племена, изучая варианты нарѣчій, Кастренъ всегда помнилъ широкую цѣль своихъ исслѣдованій. Въ письмахъ отъ начала 1846 года, онъ мечтаетъ, что, кончивъ настоящую экспедицію, онъ съ радостью снова отправился бы въ Сибирь, чтобы вести дальше свои разысканія. „Потому что, если моимъ нынѣшнимъ путешествіемъ достаточно доказано родство финскаго племени съ самоѣдскимъ, если, кромѣ того, финны очевидно родственны съ тюрками и татарами, то ближайшей задачей языкознанія естественно должно быть установленіе родства между финнами и тунгусами черезъ посредство самоѣдскаго племени. Дальше, отъ тунгусовъ открытый путь къ манджурамъ; а къ монголамъ ведутъ насъ всѣ пути, такъ какъ съ ними повидимому родственны и тюрки, и самоѣды, и тунгусы, и манджуры. Мы должны мало-по-малу привыкнуть къ мысли, что мы—потомки презираемыхъ монголовъ, но во всякомъ случаѣ можемъ апеллировать къ будущему съ вопросомъ: есть ли въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь опредѣленное различіе между кавказской и монгольской расой? По моему мнѣнію, нѣтъ никакого. Что бы ни говорили естествоиспытатели о различномъ образованіи черепа у кавказской и монгольской расы, остается замѣчательный фактъ, что европейскій финнъ имѣетъ кавказскій отпечатокъ, азіатскій—отпечатокъ монгольскій, что турокъ въ Европѣ похожъ на европейца, а въ Азіи на азіатца. Если хотять, однако, утверждать это различіе расъ на физиологическомъ основаніи, то должны одну половину финскихъ

¹⁾ Онъ ссылается при этомъ на Миллера (F. H. Müller): Der Ugrische Volkstamm.

²⁾ Nördische Reisen, т. II, стр. 74—76.

и тюркскихъ племенъ относить къ кавказской, а другую къ монгольской расѣ, что было бы нескладно“. Кастренъ ведетъ дальше свое стремленіе связать свое финское племя съ европейскимъ человѣчествомъ. „Съ фізіологической точки зрѣнія,—продолжаетъ онъ,—мнимое различіе расъ поддерживается еще менѣе. Правда, филологи много говорятъ объ аналитическомъ свойствѣ кавказскихъ языковъ и синтетическомъ свойствѣ языковъ монгольскихъ; но что же это значитъ кромѣ того только, что первые сравнительно болѣе образованы, болѣе развиты въ области рефлексіи? Говорятъ, что монгольскіе языки бѣдны частицами. Почему? Потому что частицы составляютъ самыя отвлеченныя доли языка. Взамѣнъ того, эти языки обладаютъ рѣдкимъ богатствомъ мѣстныхъ обозначеній; потому что грубыя и чувственныя представленія сколько возможно точно изображаютъ вѣщныя стороны и отношенія каждаго предмета. При болѣе успѣхахъ образованія эти отношенія оказываются столь многочисленными, столь неопредѣленными и въ большинствѣ случаевъ столь незначительными, что они не могутъ быть выражены съ полною точностью“. Указавъ нѣсколькими примѣрами, что въ монгольскомъ языкѣ уже начинаются органическія измѣненія въ направленіи, отличающемъ языки кавказскіе (индо-европейскіе), Кастренъ объясняетъ, что предполагаемыя различныя свойства языковъ сводятся только къ различнымъ ступенямъ развитія... „Кавказскіе языки прошли уже черезъ эти и другіе подобныя процессы, и не ошибутся тѣ, кто предположитъ, что въ болѣе раннемъ періодѣ эти языки имѣли тѣ же синтетическія свойства, которыя составляютъ теперь характеръ языковъ монгольскихъ. Изъ числа послѣднихъ, нѣкоторые языки, принадлежащіе финскому и тюрко-татарскому племени, нѣсколько опередили прочихъ въ своей культурѣ. Какъ извѣстно, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, начали принимать сходство съ кавказскими языками, такъ что филологи часто бывали въ нерѣшительности, куда въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ ихъ причислить. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, я возвращаюсь къ положенію, что кавказскіе и монгольскіе языки относительно ихъ грамматическаго строенія не представляютъ никакихъ другихъ существенныхъ различій, кромѣ тѣхъ, какія проистекаютъ отъ степени развитія тѣхъ и другихъ народовъ“¹⁾. Кастренъ не хотѣлъ, однако, слишкомъ заходить впередъ; онъ замѣчаетъ, что прежде рѣшенія общаго вопроса о происхожденіи и родственныхъ связяхъ финскаго племени должны быть изучены промежуточные языки въ грамматическомъ и словарномъ отношеніи. Самъ онъ доставилъ въ этомъ отношеніи замѣча-

¹⁾ Nordische Reisen, II, стр. 160 и слѣд.

тельные труды въ цѣломъ рядѣ грамматикъ и словарей для разныхъ, между прочимъ весьма мелкихъ, нарѣчій сибирскихъ инородцевъ.

Профессура въ гельсингфорсскомъ университетѣ, по возвращеніи его изъ путешествія, продолжалась едва одинъ годъ: Кастренъ читалъ о финской мнѳологіи и объ этнологіи алтайскихъ народовъ. Эту послѣднюю онъ ставилъ такимъ образомъ. Прежде всего онъ относился весьма недовѣрчиво къ построеніямъ, которыя рѣшали вопросъ о происхожденіи и родствѣ народовъ на основѣ данныхъ фізіологіи, анатоміи и краніологіи, и, напротивъ, великое значеніе придавалъ этнографіи, сравнительному народознанію. „Долго, — говоритъ онъ, — былъ спорнымъ вопросомъ, къ какой человѣческой расѣ должно быть причислено финское племя. Знаменитый старый изслѣдователь въ этой области, Блуменбахъ, на основаніи своихъ фізіологическихъ изысканій, пришелъ къ удивительному выводу, что одна половина финскаго племени принадлежитъ къ кавказской, другая къ монгольской расѣ. Новѣйшіе фізіологи старались поправить эту неловкость, но были все-таки въ затрудненіи относительно рѣшенія вопроса. Обыкновенно они утверждали, что и финны, какъ турки, принадлежатъ кавказской или индо-европейской расѣ; но противъ этого ревностно протестовали філологи; они находили, что языкъ турецкаго племени имѣетъ много сроднаго съ монгольскимъ, но по всему своему строю совершенно отличается отъ строя индо-европейскаго; на томъ же основаніи народы финскіе причисляются также къ монгольскому племени. Сюда же, по мнѣнію філологовъ, относятся народы тунгусскіе и манджурскіе, самоѣдскіе и, можетъ быть, еще другіе восточно-азиатскіе народы съ мало извѣстными языками. Ученые давали этимъ народамъ названіе татарскихъ, туранскихъ, скинскихъ, урало-алтайскихъ“ и пр. Кастренъ предпочиталъ называть всѣ эти народы *алтайскими*, такъ какъ въ далекой древности они обитали, повидимому, въ той части Азіи, которая граничитъ съ Алтайскою горною цѣпью. Относительно языка разныя вѣтви этихъ народовъ иногда очень далеки одинъ отъ другого, но, тѣмъ не менѣе, именно на основаніи языка они должны быть причислены къ одному семейству, такъ какъ всѣ принадлежатъ къ такъ-называемымъ приставочнымъ языкамъ (*agglutinirende Sprachen*) и отличаются одинаково всѣми свойствами этихъ языковъ.

Переходя потомъ къ отдѣльнымъ алтайскимъ народамъ, Кастренъ даетъ этнографическую характеристику тунгусовъ (въ связи съ манджурами), монголовъ, тюрковъ, самоѣдовъ, енисейскихъ остяковъ (по языку, не принадлежащихъ, впрочемъ, къ алтайскому племени), наконецъ собственныхъ финновъ или чудскихъ народовъ въ Европѣ и Азіи. Финновъ онъ дѣлитъ на четыре главныя вѣтви: 1) угорскіе

финны, къ которымъ онъ причисляетъ оставовъ, вогуловъ и венгровъ; 2) волжскіе народы, къ которымъ относятся черемисы и мордва; 3) пермское племя—пермяки, зыряне и вотяки; наконецъ 4) собственно финны съ ихъ мелкими вѣтвями въ Финляндіи, Карелии, Лапландіи и въ Балтійскомъ краѣ ¹⁾).

Таково содержаніе обширныхъ трудовъ Кастрена по этнографіи и языку народовъ, названныхъ имъ алтайскими. Мы подробнѣе остановились на дѣятельности Кастрена, потому что его труды остаются до сихъ поръ замѣчательнѣйшимъ предпріятіемъ по спеціальному изученію сибирскаго инородческаго міра во всей широтѣ его „алтайскихъ“ этнологическихъ связей, и вѣстѣ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Путешествія Кастрена въ этнографическомъ отношеніи равняются по своему значенію съ самыми важными изъ тѣхъ сибирскихъ экспедицій, какія съ XVIII-го вѣка и донинѣ снаряжались съ цѣлями географическими и естественно-историческими. По языку сибирскихъ инородцевъ труды Кастрена остаются во многихъ случаяхъ единственными; его взгляды сохраняютъ до сихъ поръ высокій научный авторитетъ. Отмѣтимъ, наконецъ, нравственно-національную черту его дѣятельности; кромѣ ревностной энергіи научнаго изыскателя, имъ руководило теплое сочувствіе къ народамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ единоплеменниковъ своего собственнаго народа, сочувствіе, внушенное, быть можетъ, не столько инстинктомъ племеннымъ, сколько широкимъ чувствомъ общечеловѣческимъ: оно побуждало его защищать историческое и человѣческое достоинство этихъ народовъ, помогло ему увидѣть лучшія, обыкновенно мало признаваемыя или совсѣмъ отвергаемыя, черты въ ихъ характерѣ, хотя не помѣшало увидѣть и темныя стороны въ свойствахъ и бытѣ этихъ племенъ, столько, впрочемъ, обиженныхъ природой и исторіей ²⁾).

Послѣ Кастрена въ нашей литературѣ, которой отчасти труды его принадлежать, не было изслѣдователя, такъ много сдѣлавшаго по финскимъ изученіямъ. Дѣлались только отрывочныя замѣтки и сравненія въ этой области; передана была въ пересказѣ г. Майкова книга Альквиста; частныя изысканія объ инородцахъ сѣверо-востока Россіи и Сибири разрастались; наконецъ и общій вопросъ о русско-

¹⁾ Мы не касаемся собственно финскихъ изслѣдованій Кастрена, какъ не имѣющихъ отношенія къ нашему настоящему предмету.

²⁾ Въ русской литературѣ содержаніе сочиненій Кастрена было передаваемо въ изданіяхъ Географическаго Общества (В. И. Ламанскимъ), въ 1850-хъ годахъ, и въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій“, Фролова.

финскихъ отношеніяхъ затронуть былъ въ незаконченныхъ трудахъ умершаго недавно финнолога Веске.

Эстонецъ родомъ, Веске, по-русски Михаилъ Петровичъ (1843—1890), въ дѣтствѣ велъ обычную жизнь деревенскаго мальчика, поздно началъ учиться и, возмѣвъ на 18-мъ году желаніе стать миссіонеромъ, поступилъ сначала въ гимназію въ Дерптъ, потомъ въ Missionshaus въ Лейпцигѣ, но затѣмъ, охладѣвъ къ этому плану и напротивъ одушевившись желаніемъ служить своему собственному народу, онъ поступилъ въ лейпцигскій университетъ, гдѣ скоро замѣченъ былъ своими профессорами какъ талантливый филологъ. Въ 1872 онъ сдалъ здѣсь докторскій экзаменъ и диссертацию: „Исслѣдованія по сравнительной грамматикѣ финскихъ нарѣчій“, и въ 1874 назначенъ былъ лекторомъ эстонскаго языка въ Дерптъ. Онъ ревностно занялся изученіемъ финской филологіи и народной поэзіи, и рядомъ съ этимъ съ ревностію предавался дѣятельности общественной. „Одновременно съ научными наблюденіями, — говоритъ его биографъ, — Веске производилъ наблюденія практическаго характера, ловилъ малѣйшіе намеки на прогрессъ въ жизни родного народа, всматривался въ условія, противодѣйствующія его нормальному развитію. Со всѣмъ пыломъ своего темперамента онъ бросается въ борьбу съ притѣснителями своего народа (остзейскими феодалами). Онъ одновременно работаетъ какъ поэтъ, журналистъ (на эстонскомъ языкѣ), ученый и практическій боецъ... Время сенаторской ревизіи Манассеина было временемъ самой напряженной общественной дѣятельности Веске“. Въ концѣ концовъ это сдѣлало его отношенія въ Дерптѣ натянутыми, и въ 1887 онъ былъ назначенъ преподавателемъ финскихъ нарѣчій въ казанскомъ университетѣ, гдѣ тогда же примкнулъ къ тамошнему Обществу археологіи, исторіи и этнографіи, и какъ прежде въ Остзейскомъ краѣ и Финляндіи, предпринималъ финскія изслѣдованія среди черемисъ и мордвы. Его изслѣдованія печатались въ *Verhandlungen und Sitzungsberichte* ученаго Эстонскаго Общества (по-нѣмецки) и въ эстонскихъ изданіяхъ, въ Казани—на русскомъ языкѣ въ „Извѣстіяхъ“ упомянутаго казанскаго ученаго общества.

Главнымъ трудомъ его, прерваннымъ на первомъ томѣ, была книга, гдѣ воспринята была вновь широкая задача изслѣдованія древнѣйшей поры финскаго племени, поставленная Кастреномъ: „Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка“ (Казань, 1890). Веске приходитъ къ выводамъ, какіе высказывалъ уже Альквистъ относительно древнаго, до-историческаго вліянія славянъ на культуру финновъ¹⁾; но у Веске эти выводы больше обоснованы

¹⁾ Ahlquist, Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1875. Иско-

данными изъ исторіи финскаго и славяно-русскаго языка. Въ другомъ вопросѣ, объ этнологическомъ положеніи финскаго племени, Веске принималъ къ гипотезѣ о до-историческихъ связяхъ угро-финновъ съ арійцами, выставленной Кастреномъ ¹⁾).

Наконецъ, изслѣдователи сибирскаго инородческаго міра являются среди самихъ туземцевъ. Первымъ и особенно извѣстнымъ ученымъ былъ здѣсь Дорджи Банзаровъ, изъ бурятъ Забайкальскаго края. Въ 1834, привезли въ Казань четырехъ мальчиковъ-бурятъ и помѣстили въ 1-ую гимназію, гдѣ усилено было преподаваніе восточныхъ языковъ; въ числѣ этихъ бурятъ былъ Банзаровъ. Изъ гимназіи онъ перешелъ въ университетъ, гдѣ продолжалъ заниматься восточными языками, въ 1846 кончилъ курсъ, представивъ кандидатскую диссертацию: „Черная вѣра или шаманство у монголовъ“ ²⁾. Въ концѣ 1847, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ изучалъ монгольскія и манджурскія рукописи и своими трудами приобрѣлъ авторитетъ между специалистами. Въ 1848, уволенный изъ казачьяго сословія, въ которое зачислены были нѣкоторые бурятскіе роды, онъ съ маленькимъ чиномъ назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири. Въ 1849 онъ прибылъ въ Иркутскъ, и здѣсь, по словамъ біографа, „ученая дѣятельность его пошла на убыль. Онъ сталъ чуждаться всякаго общества и брался лишь съ своими родичами, полудикими бурятами. Послѣдніе годы своей жизни онъ часто прихварывалъ, но за совѣтами къ врачамъ не обращался, не довѣряя имъ, а самъ составлялъ для себя лекарства по бурятскимъ рецептамъ. Онъ умеръ въ послѣднихъ числахъ февраля 1855 г. и торжественно похороненъ по буддійскому обряду“. Труды Банзарова посвящены были монгольской исторіи и литературѣ, причемъ были имъ объяснены и нѣкоторыя подробности русской исторіи въ монгольскую эпоху ³⁾.

Не менѣе любопытное явленіе составляетъ біографія киргиза Чокана Валиханова — оригинальное соединеніе азіатскаго и европейскаго. По рожденію Валихановъ принадлежалъ къ киргизской ари-

---

женіе Л. Майкова: „О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка. По сочиненію д-ра Августа Альквиста“. Спб. 1877.

¹⁾ Некрологъ Веске, написанный И. Смирновымъ, въ „Этнограф. Обзорѣніи“, кн. VI, 1890, стр. 149—155; разборъ его книги, И. С., въ „Историч. Вѣстникъ“, 1891, октябрь.

²⁾ Издана была тогда же въ „Ученыхъ Запискахъ“ Каз. университета.

³⁾ Біографія его написана была въ свое время П. С. Савельевымъ: „О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова“. Спб. 1855; Критико-біограф. Словарь, Венгерова, а. в.

стократіи, „бѣлой кости“, считающей себя потомками Чингисъ-хана (род. во второй половинѣ 1830-хъ годовъ): онъ былъ внукъ послѣдняго киргизскаго хана Вали, и правнукъ хана Аблая, при которомъ Средняя орда киргизовъ вступила въ подданство Россіи, и родился въ киргизской степи, въ урочищѣ Кушъ-мурунѣ (къ юго-западу отъ Петропавловска, тобольской губ.): мусульманское имя его было Мухаммедъ-Ханафія; Чоканъ—уличное имя. Онъ учился въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, переименованномъ въ сороковыхъ годахъ изъ войсковаго казачьяго училища, гдѣ нѣкогда учился и его отецъ. Чоканъ поступилъ въ корпусъ, не умѣя ни слова по-русски, и выпущенъ офицеромъ въ 1853 (годомъ раньше сверстниковъ, такъ какъ, будучи инородцемъ, не имѣлъ права слушать спеціальныя военныя науки): онъ назначенъ былъ въ адъютанты къ тогдашнему генералъ-губернатору Западной Сибири, Гасфорду. Развитію Чокана способствовали прежде всего собственныя его дарованія, а также особенное вниманіе къ нему, какъ инородцу, со стороны нѣсколькихъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго омскаго общества (Гутковскіе, Капустины—покойный С. Я. Капустинъ былъ ближайшимъ его другомъ), гдѣ онъ былъ принятъ какъ свой. Когда Гутковскій сдѣланъ былъ товарищемъ губернатора, управлявшимъ областью сибирскихъ киргизовъ, онъ еще болѣе сблизился съ Чоканомъ и поручалъ ему составленіе записокъ по управленію киргизами. П. П. Семеновъ, посѣтившій въ тѣ годы Западную Сибирь, былъ заинтересованъ Чоканомъ какъ рѣдкимъ явленіемъ, былъ удивленъ его образованіемъ и начитанностью въ литературѣ о Туркестанѣ. Въ некрологѣ Валиханова (составленномъ на основаніи сообщеній П. П. Семенова) говорится, что въ 1858 (западно-сибирскимъ начальствомъ по случаю непрерывныхъ смутъ и возстаній въ Восточномъ Туркестанѣ) „признано было необходимымъ отправить довѣренное лицо въ Кашгаръ, какъ для полученія на мѣстѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о положеніи края, такъ и для изслѣдованія, насколько это было возможно, торговыхъ путей въ этихъ частяхъ Средней Азіи. Порученіе было опасное и для исполненія его нуженъ былъ человекъ съ большою рѣшительностью, съ наблюдательнымъ умомъ и при этомъ такой, который бы зналъ татарскій языкъ и восточныя пріемы, такъ какъ приходилось ѣхать переодѣтымъ въ азіатское платье. Нельзя было найти человека, который болѣе соотвѣтствовалъ бы всѣмъ этимъ условіямъ, какъ Валихановъ“. Въ іюнѣ 1858, онъ отправился въ путь въ караванѣ богатаго сартскаго купца въ Семипалатинскѣ, принявъ имя Алима—будто бы молодого сарта изъ семьи, нѣкогда жившей въ Кашгарѣ и давно переселившейся въ Россію. Валихановъ обрилъ волосы, одѣлся по-азіатски и выступилъ съ караваномъ изъ Семипалатинска. Караванъ

благополучно достигъ Кашгара, а весной 1859 возвратился въ нынѣшній городъ Вѣрный. Въ некрологѣ читаемъ: „Поѣздка эта была географическій подвигъ. Со временъ Марко-Поло, Кашгаръ не былъ посѣщенъ ни однимъ европейцемъ, кромѣ несчастнаго Адольфа Шлагинтвейта, убитаго въ этомъ городѣ“. Чоканъ былъ принятъ родными „Алима“ (именемъ котораго онъ назвался) за родного; ему обрадовались, устраивались пиры въ честь возвратившагося; родственники подыскивали красавицу невѣсту и женили Чокана—по мѣстному обычаю на время пребыванія въ городѣ. Кашгарскій край въ это время только-что вынесъ революцію, которую произвелъ повстанецъ Якуб-бекъ, и слѣды погрома еще были видны. Валихановъ видѣлъ пирамиду изъ человѣческихъ головъ на площади Кашгара и жители говорили, что въ числѣ ихъ лежитъ и голова Шлагинтвейта. Кашгарскія власти получили наконецъ извѣстіе, что подъ видомъ Алима скрывается русскій офицеръ, но извѣстіе пришло слишкомъ поздно: караванъ уже возвращался въ Россію. Изъ Кашгара была послана погоня, но она не успѣла догнать каравана, — онъ перешелъ русскаго границу.

Вѣроятно еще жизнь въ каменныхъ стѣнахъ кадетскаго корпуса дурно повліяла на здоровье Чокана. Хотя каждое лѣто его отправляли на родину въ степь, но эти поѣздки не наверстывали того, что его организмъ терялъ за зиму. По окончаніи Кашгарской экспедиціи онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, но климатъ и жизнь столицы еще больше разстроили его здоровье: у него обнаружили признаки чахотки, и доктора на другой же годъ выслали его въ степь. Онъ послѣ и жилъ въ степи (въ Кокчетавскомъ округѣ), на зиму выѣзжая въ Омскъ. Когда генералъ Черняевъ предпринялъ первый походъ на Ташкентъ, Валихановъ приглашенъ былъ къ участію въ походѣ, но не вынесъ военныхъ сценъ и, кажется еще, расходился съ генераломъ Черняевымъ и во взглядахъ на веденіе дѣла, и вернулся съ похода въ Вѣрный; болѣзнь его усилилась и онъ умеръ въ киргизскомъ аулѣ (на границѣ съ Кульджинскимъ краемъ) въ 1864, на 31 году отъ роду.

Печатныя работы Валиханова были немногочисленны, и нашли мѣсто въ изданіяхъ Географ. Общества: „Очерки Гжунгаріи“ (въ „Запискахъ“, 1861, кн. I—II); „О состояніи Алтышара, или части восточныхъ городовъ китайской провинціи Нань-лу въ Малой Бухаріи въ 1858—59 гг.“ (тамъ же, кн. III). Въ „Извѣстіяхъ“ Геогр. Общества за 1868 годъ (т. IV, отд. 2-й) помѣщено было извѣстіе о поѣздкѣ Валиханова въ Кашгаръ ¹⁾.

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія въ некрологѣ Валиханова, „Отчетъ“ Геогр. Общ. за

Но напечатано было далеко не все, что было собрано Валихановым. Рукописи его безслѣдно пропали. „Для собранія матеріаловъ по исторіи, этнографіи и географіи Средней Азіи,—говоритъ некрологъ,—Валихановъ не щадилъ ни трудовъ, ни пожертвованій: тщательно записывалъ преданія, легенды и поэмы своего народа, скупалъ древности и съ опасностью жизни добывалъ рукописи... Валихановъ сохранилъ глубокую преданность своей странѣ, онъ любилъ киргизскую жизнь, но съ тѣмъ вмѣстѣ умѣлъ высоко цѣнить западную цивилизацію и предвидѣлъ для своего народа отрадную будущность только подъ покровительствомъ Россіи“. Люди, близко знавшіе Валиханова, прибавляютъ, что по своимъ умственнымъ симпатіямъ и направленію Валихановъ былъ русскимъ западникомъ: онъ искренно любилъ Россію, видѣлъ ея недостатки и вмѣстѣ съ лучшими людьми ея желалъ горячо ея обновленія. Онъ увлекался движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Въ религіозномъ отношеніи онъ былъ свободный мыслитель, но оставался мусульманиномъ, чтобы не порывать связи съ своимъ народомъ.

Послѣ Банзарова и Валиханова, въ новѣйшее время опять являются любопытные примѣры сближенія сибирскихъ инородцевъ съ русскимъ образованіемъ. За послѣдніе годы можно указать нѣсколько случаевъ дѣятельнаго участія мѣстныхъ бурятъ въ работахъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества въ Иркутскѣ. Въ „Запискахъ“ этого отдѣла изданы были недавно бурятскія сказки и преданія, собранныя главнымъ образомъ самими бурятами—М. Н. Хангаловымъ, И. В. Вамбо-цэрэновымъ, Ю. Л. Лумбуновымъ, Р. Н. Номтоевымъ; изданіе нѣкоторыхъ книгъ этого рода сдѣлано было даже на средства бурятскаго хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева.

Въ то же время труды по изученію своихъ племенъ предпринимаютъ и другіе инородцы. Назовемъ якутовъ Николаева, Порядина, алтайскаго тюрка (крещенаго) Мих. Чивалкова, татарина Ибрагимова, еще бурята Дорожеева; наконецъ, минусинскаго инородца Катанова, университетскаго оріенталиста, уже заявившаго себя учеными трудами по изученію инородческой Сибири, именно работавшаго у минусинскихъ татаръ, у карагасовъ въ нижеудинскомъ округѣ, у соютовъ (китайскихъ подданныхъ) въ верховьяхъ Енисея, у киргизовъ въ Тарбагатайскомъ хребтѣ.

Исчисленіе того, что сдѣлано до сихъ поръ по изученію сибирскихъ инородцевъ, можетъ найти мѣсто только въ библиографическомъ обзорѣ этой литературы. Лишь въ послѣднее время являются обшир-

1865; въ біографіи Чокана, г. Ядринцева, въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, издававшемся Б. А. Милютинимъ въ Иркутскѣ, 1866; мы пользовались также сообщеніями Г. Н. Потанина.

ные труды, какъ сборники сибирско-тюркскихъ народныхъ сказаній В. В. Радлова, какъ монгольскія изученія Г. Н. Потанина, какъ антропологическія изученія средне-азиатскихъ инородцевъ г. Харузина и др.; но большею частію это—лишь отдѣльныя эпизодическія описанія или путевые рассказы, часто не лишенные важныхъ свѣдѣній, но не представлявшіе достаточно полныхъ научныхъ описаній, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ эти работы дѣлались людьми, мало или совсѣмъ не знакомыми съ языкомъ самихъ инородцевъ. Мы можемъ указать лишь нѣкоторыя работы, въ свое время обращавшія на себя вниманіе ¹⁾).

Такъ, довольно значительна литература о самоѣдахъ—архангельскихъ и сибирскихъ. Не упоминая о старыхъ путешествіяхъ XVIII-го вѣка (Палласъ, Георги, Лепехинъ и пр.), назовемъ относительно архангельскихъ самоѣдовъ старое сочиненіе объ архангельской губерніи Пошмана, въ 40-хъ годахъ извѣстную книгу Иславина, затѣмъ Верещагина, Шренка, новѣйшее изслѣдованіе объ обычномъ правѣ инородцевъ сѣверной Россіи, г-жи Ефименко ²⁾; относительно самоѣдовъ сибирскихъ—работы Мордвинова и князя Кострова, вообще оставившаго много трудовъ по сибирской этнографіи, русской и инородческой, и новѣйшую книгу итальянца Сомье ³⁾).

¹⁾ Изъ общихъ сочиненій прежняго времени укажемъ, кромѣ упомянутого раньше Гагемейстера, статистическія изслѣдованія Кэппена, гдѣ нашли мѣсто и свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ: *Russlands Gesamt-Bevölkerung im Jahre 1838*, въ академическихъ *Mémoires*, VI Série, Sciences politiques, t. VI, livr. 1 — 3. 1843, стр. 41—221, и въ этомъ *Ethnographisches Register*, тамъ же, стр. 285—322.

Иллюстрированныя изданія, какъ „*Les peuples de la Russie*“, Paris, 1812, или изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ Паули, Спб. 1852, и др. имѣютъ только популярное значеніе.

²⁾ Философское разсужденіе о самоѣдахъ, Фонъ-Пошмана (сочиненіе 1802 года) въ „Арханг. Губ. Вѣд.“ 1873. Отмѣтимъ также книжку: „Краткое описаніе образа жизни самоѣдовъ и лопарей, народовъ, обитающихъ въ Сибиріи“. Спб. 1788.

— Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. В. Иславина. Спб. 1847.

— A. G. Schrenck, *Reise nach dem Nordosten des europ. Russlands durch die Tundren der Samojeden, zum arktischen Uralgebirge, im Jahre 1837 ausgeführt*. Dorpat, 1848—1854, 2 тома. Разборъ этнографической части этого сочиненія у Кастрена, *Nord. Reisen*, V, стр. 186—150.

— Очерки архангельской губерніи В. Верещагина. Спб. 1849.

— Юридическіе обычаи лопарей, кареловъ и самоѣдовъ архангельской губерніи, А. Я. Ефименко — въ „Запискахъ по Отд. Этнографіи“ Геогр. Общества, т. VIII. Спб. 1878.

³⁾ Инородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ. А. Мордвинова. „Вѣстникъ“ Геогр. Общ. 1860, кн. 2.

— Обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибиріи. Князя Кострова. Спб. 1879.

Названіе книги Сомье было приведено прежде. О языкѣ самоѣдовъ см. Ка-

Объ остякахъ указано выше старинное сочиненіе Новицкаго, и кромѣ общихъ путешествій, которыя касались остяцкаго народа и также были раньше названы, приведемъ еще сочиненія Бѣлявскаго, Абрамова, кн. Кострова, Мордвинова, Кривошапкина ¹⁾).

О тунгусахъ, кромѣ тѣхъ же общихъ сочиненій и путешествій, отъ Гмелина и Миллера до путешествія г. Пржевальскаго въ Усурійскій край, существуетъ довольно обширная литература отдѣльных очерковъ и описаній ²⁾).

Довольно значительна литература о якутахъ; между прочимъ, много свѣдѣній въ путешествіяхъ Маака, Ферд. Миллера и др.; въ

стрена и въ книгѣ Фр. Миллера: *Grundriss der Sprachwissenschaft*, II, 2-те Abth. Wien, 1882.

¹⁾ Повѣдка въ Ледовитому морю, Фр. Бѣлявскаго. М. 1833 (между прочимъ о Березовскихъ остякахъ).

— Описаніе Березовскаго края, Н. Абрамова, въ „Занескахъ“ Географ. Общества, 1857, кн. XII.

— Очерки Туруханскаго края, кн. Н. Кострова, въ „Занескахъ“ Сибирскаго Отдѣла, Сиб., 1858, кн. 4: и его же: „О состояніи меншинъ между ивиородцами тоской губерніи“, въ „Томскихъ губ. Вѣдом.“, 1873.

— Ивиородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ, А. Мордвинова, „Вѣстникъ“ Географ. Общества, 1860, кн. 2.

... (Объ остякахъ, тунгусахъ и проч. ивиородахъ Енисейскаго округа, М. Кривошапкина, въ „Занескахъ“ Сибирскаго Отдѣла, Ирк. 1863, кн. 6.

Объ языкѣ остяковъ см. Кастрена, а также Гупфальма: сѣверно-остяцкая грамматика, текстъ и словарь, Пестъ, 1875 (на венгерскомъ языкѣ), и книгу А. Алланда, Гельсингфорсъ, 1880, и др.

²⁾ Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ, „Россійскій Магазинъ“, Сиб. 1792.

— Забайкальскіе тунгусы, „Сибирск. Вѣстникъ“, 1822, ч. 20.

— Общее ообщеніе Забайкальскаго края, Леопольд Ланца, „Русск. Вѣстникъ“, 1842, 9—10; и его же: О ивиородахъ Забайкальскаго края, „Журн. мин. госуд. имуществъ“, 1849, ч. 10.

— Ороженіи или оленьи тунгусы, А. Мордвинова, „Современникъ“, 1851, т. XXVII, сѣв. сѣв.

— Медико-географическое ообщеніе Гижигинскаго округа, Богородскаго, „Журн. мин. внутр. дѣлъ“, 1853, ч. 10.

— О тунгусахъ ивиорской области Восточной Сибири, А. Сибирова, „Моск. Общ. Вѣстникъ“, 1859, № 5.

— Въ каналѣ Географическаго Общества и его Сибирскаго Отдѣла, рядъ статей о тунгусахъ различныхъ мѣстностей восточной и сѣверной Сибири, — см. Хитрова, Гольдмана, вост. Орлова, кн. Кострова, П. Кларка, Кривошапкина, и др.

— Путешіе Записки А. Н. Нила, архіепископа иркутскаго, Иркутскъ, 1869.

— Образъ жизни тунгусовъ и ивиороковъ, живущихъ въ иркутской губерніи въ 1766 году, Н. В. Калачева, въ „Извѣстіяхъ, присланныхъ изъ оныхъ губернаторомъ Иркутскъ“, „Извѣстія“ Сибир. Отдѣла, Иркутскъ, 1871: II, 2.

— Adam, ethnologie de la langue tongouse. Paris, 1874.

— Tunga, eine ethnologische Monographie, E. Hieckisch, Сиб. 1878.

книгу Миддендорфа вошло, какъ мы замѣчали прежде, обширное изслѣдованіе Бётлинга о якутскомъ языкѣ. Не упоминая названныхъ ранѣе путешествій въ сѣверо-восточную Сибирь, въ которой обыкновенно говорится и о якутахъ, приведемъ еще нѣсколько библіографическихъ указаній ¹⁾).

О чукчахъ, юкагирахъ и другихъ племенахъ сѣверо-восточнаго края Сибири говорятъ всѣ путешественники, изслѣдовавшіе эту страну, начиная съ Крашенинникова, Сарычева, Врангеля и пр.; укажемъ нѣсколько другихъ очерковъ ²⁾.

Было бы долго перечислять писанное о другихъ сибирскихъ крупныхъ и мелкихъ племенахъ, тѣмъ болѣе, что изученіе ихъ должно

¹⁾ Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ. „Россійскій Магазинъ“, Спб., 1792.

— Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова. Спб., 1810.

— Описаніе якутовъ, ихъ происхожденіе, населеніе страны Ленской, внутреннее ихъ управленіе, покореніе подъ власть Россіи, благосостояніе, нравы и обычаи, „Сѣверный Архивъ“, 1822, ч. III, № 16—17.

— Якуты, „Сибирскій Вѣстн.“, 1824, № 3—4.

— Повѣдка въ Якутскѣ, изд. Н. Щ. (Н. Щукина). Спб., 1838.

— Якуты, Н. С. Щукина. „Журн. мин. внутр. дѣлъ“ 1854, 7.

— Путешествіе по Восточной Сибири, Н. Буличева, ч. I. Якутская область. Охотскій край. Спб., 1856, съ обширнымъ атласомъ.

— Статьи въ изданіяхъ Геогр. Общ. и его Сиб. Отдѣла — св. Хитрова (о Жиганскомъ улусѣ), Мордвинова (о Туруханскомъ краѣ), Берга, Павловскаго и др.

— Очерки юридическаго быта якутовъ, князя Н. Кострова. Спб., 1878.

— Остатки язычества у якутовъ, Э. Соловьева, въ „Сборникѣ газеты Сибирь“, Спб., 1876.

²⁾ Описаніе народовъ, и пр. „Россійскій Магазинъ“. Спб., 1792.

— Чукчи, Кибера. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1824, ч. 2.

— Чукчи и земли ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени. „Журн. мин. внутр. дѣлъ“, 1851, ч. 6.

— Новыя свѣдѣнія о чукчахъ, въ „Вѣстникѣ“ Геогр. Общ., ч. V, 1852.

— Свѣдѣнія о чукотской землѣ въ XVIII ст. Тамъ же, 1854, IX, отд. VIII.

— О кораллахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. Дятмара. Тамъ же, 1856.

— Историческая записка о чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ бумагъ П. А. Словцова), дост. Н. А. Абрамовымъ. Тамъ же, 1856, кн. XVIII, отд. V.

— Путевыя записки свящ. Андрея Аргентова. „Записки“ Сибирскаго Отдѣла. Спб. 1858, 4.

— Замѣтки о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. О. А. Нордквиста. „Извѣстія“ Геогр. Общ., т. XVI, 1880, отд. II.

— Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. М. С. Вруцевича. Спб. 1891 (изъ XVII т. Записокъ Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи; рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ якутахъ, и также о тунгусахъ, юкагирахъ, чукчахъ).

иногда примыкать къ цѣлой особой специальности: сибирскія вѣтви связаны съ цѣлымъ составомъ даннаго племени, какъ напр. бураты съ племенемъ монгольскимъ, ихъ вѣроученіе съ исторіей буддизма.

Упомянемъ еще только объ изслѣдованіяхъ, какія въ послѣднее время принесли замѣчательные результаты относительно языка и народной поэзіи тюркскихъ племенъ южной и западной Сибири. Не перечисляя предыдущихъ работъ въ этой области, укажемъ въ особенности обширные труды Радлова. Съ начала 1860-хъ годовъ, В. В. Радловъ (нынѣ академикъ въ Петербургѣ) былъ учителемъ въ горной школѣ въ Барнаулѣ и ревностно занялся изученіемъ различныхъ тюркскихъ племенъ окрестнаго края. Съ этого времени появляются въ литературѣ его первые ученые труды ¹⁾; съ 1866 года началось замѣчательное изданіе его этнографическихъ собраній, составившее до сихъ поръ шесть томовъ текста съ шестью томами нѣмецкаго перевода ²⁾. Тексты переданы въ русской переписи съ прибавленіемъ знаковъ, необходимыхъ для выраженія тюркскихъ звуковъ, — и параллельно, въ другомъ изданіи, сдѣланъ нѣмецкій переводъ текстовъ. Въ это собраніе вошли образцы народной поэзіи цѣлаго рода тюркскихъ племенъ: алтайцевъ и телеутовъ, сагайцевъ, койбаловъ, качинцевъ; киргизовъ разныхъ нарѣчій; татаръ барабинскихъ, тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ, кара-киргизовъ или киргизовъ дикокаменныхъ, таранчей, не исчисляя другихъ мелкихъ племенъ и нарѣчій. Собравъ тексты, г. Радловъ занялся потомъ лингвистическими изслѣдованіями объ этихъ языкахъ, а въ послѣднее время издалъ сборникъ своихъ путевыхъ замѣтокъ, археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій ³⁾. Академикъ Шифнеръ, подъ наблюденіемъ котораго, за отсутствіемъ автора, печаталось его собраніе, въ своихъ предисловіяхъ указывалъ тотъ чрезвычайный интересъ, который представляли издаваемые тексты для сравнительной этнографіи. Онъ сдѣлалъ нѣсколько сличеній, которыя между прочимъ указывали въ тюркской народной поэзіи отраженіе вліяній древнеиранскихъ, монголо-буддійскихъ и наконецъ западныхъ, именно русскихъ. Съ другой стороны, тексты, собранные г. Радловымъ, дали основной поводъ и матеріалъ къ извѣстнымъ соображеніямъ г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ.

¹⁾ Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan, вЪ Erman's Archiv, т. XXIII, вып. 1—2.

²⁾ Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраніи В. В. Радловымъ. Спб. 1866 — 86, 6 частей; Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, Petersburg, 1866—1866.

³⁾ Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten, von Dr. Wilh. Radloff. Leipz. 1884, 2 тома съ иллюстраціями.

Еще одинъ разрядъ изслѣдованій объ инородцахъ Сибири представляютъ изслѣдованія миссіонерскія. Здѣсь не мѣсто входить въ опредѣленіе дѣятельности сибирскаго миссіонерства; извѣстно, къ сожалѣнію, что она не всегда поставлена была должнымъ образомъ, слишкомъ часто довольствуясь чисто формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, результатомъ чего бывало одно только номинальное обращеніе въ христіанство инородцевъ, остающихся и затѣмъ язычниками, магометанами, ламаитами. Есть однако и благопріятныя исключенія, гдѣ миссіонеры ставили себѣ задачей добросовѣстное изученіе инородческихъ племенъ, среди которыхъ имъ предстояло дѣйствовать. Примѣромъ такого рода дѣятельности могутъ служить труды недавно умершаго алтайскаго миссіонера, протоіерея Вас. Ив. Вербицкаго. Сынъ дьячка въ нижегородской епархіи, Вербицкій, по окончаніи семинарскаго курса въ Нижнемъ-Новгородѣ, отправился въ Сибирь и затѣмъ 37 лѣтъ своей жизни посвятилъ миссіонерской дѣятельности на Алтаѣ. Увидѣвъ съ самаго начала необходимость ознакомиться съ языкомъ мѣстныхъ инородцевъ, онъ принялся за его изученіе, и результатомъ была „Краткая грамматика алтайскаго языка“, изданная подъ редакціей извѣстнаго знатока тюркскихъ языковъ Н. И. Ильминскаго (Казань, 1869), а въ послѣдніе годы „Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка“ (Казань, 1884). Но гораздо раньше упомянутой грамматики, еще съ конца 1850-хъ годовъ, появляются труды Вербицкаго по этнографическому изученію алтайскаго населенія, — которые помѣщались въ изданіяхъ Геогр. Общества, „Православномъ Обзорѣніи“, томскихъ Губернскихъ и Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, томскихъ „Памятныхъ книжкахъ“ и въ „Восточномъ Обзорѣніи“. „Трудно указать на какую-либо сторону быта алтайцевъ, матеріальнаго или духовнаго, — говоритъ его некрологъ, — которая не заинтересовала бы пытливый умъ миссіонера-этнографа и не была бы изучена имъ въ возможной полнотѣ“. Въ особенности интересовала его алтайская мифологія, преданія и легенды, которыхъ собрана была имъ цѣлая масса. Въ послѣднее время Вербицкій былъ помощникомъ начальника миссій Томской епархіи, и умеръ, на 63-мъ году, въ октябрѣ 1890 года ¹⁾).

Въ нашей литературѣ, послѣ опыта Георги въ прошломъ столѣтіи, до сихъ поръ нѣтъ общей этнографической картины и классификаціи инородческаго міра Сибири, какъ нѣтъ этнографической карты, удо-

¹⁾ Некрологъ, А. А. Ивановскаго, и списокъ сочиненій въ „Этнограф. Обзорѣніи“, 1891, кн. VIII, стр. 176—179.

Обильная литература о миссіонерской дѣятельности указана въ „Сиб. Библиографіи“, Межова, II. стр. 52—73.

плотворяющей современнымъ требованіямъ науки. Въ европейской литературѣ не однажды ставился общій вопросъ о племенной принадлежности, происхожденіи и связи племенъ Средней Азии и Сибири, и о мѣстѣ ихъ въ этнологической системѣ человѣчества ¹⁾—вопросъ, который такъ сильно занималъ у насъ особенно Кастрена. Труды европейской науки принадлежатъ первая, въ широкихъ размѣрахъ исполненная, этнографическая карта сибирскихъ инородцевъ, о которой сейчасъ скажемъ. Этнографическія помѣты дѣлались на картахъ Сибири еще въ XVII-мъ вѣкѣ, какъ напр. на картѣ стольника Годунова, затѣмъ на чертежѣ Ремезова; въ XVIII-мъ вѣкѣ на картахъ, приложенныхъ къ „Сибирской исторіи“ Фишера, или къ нѣкоторымъ старымъ путешествіямъ. Дѣлались такія помѣты и впоследствии: въ 1825 году издана была карта Познякова съ этнографическими показаніями, между прочимъ повторявшими безъ критики старыя карты ²⁾, и т. д. Не исчисляя позднѣйшихъ картографическихъ изображеній сибирскихъ племенъ, укажемъ новѣйшее замѣчательное обобщеніе этнографическихъ данныхъ на огромной картѣ Гаардта, изданной въскон Академіей наукъ ³⁾. Какъ видно изъ самаго заглавія, основой карты послужила „Всеобщая Этнографія“ Фридриха Миллера, но, сколько извѣстно, составитель карты сносился кроме того съ специалистами этнографіи и положилъ многіе годы на исполненіе своего обширнаго труда. Карта представляетъ классификацію 120 азиатскихъ племенъ, отмѣченныхъ разными красками по главнымъ группамъ. Ограничиваясь племенами сибирскими, замѣтимъ,

¹⁾ См. напр.: Schott, Ueber das altaische oder finnisch-tatarische Sprachenverhältniß. Berl., 1849.

— Whitney, Language and the study of language. Lond., 1869.

— Friedr. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft. Wien, 1876—85, три тома; Allgemeine Ethnographie. Wien, 1873; Ethnologischer Atlas, Wien, 1884 и слѣд.

— Radloff, Turkenstämme Sibiriens und der Mongolei. Leipz., 1883, и его же: Die Völker Sibiriens.

— Vambergy, Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipz., 1885.

— Nordenskiöld, Völkerkunde, 6-te Auflage. Leipz., 1885.

— Müller, Ural-altaische Völker und Sprachen, Berlin, 1884, и его же: Das Ural-altaische und seine Gruppen. Berl., 1885. Далеко иностранныя и русскія работы по этнографіи см. у Кастрена, Альквиста, Аспелина, Европеуса, Веске и др.

²⁾ У Фридриха Миллера, напримѣръ, „аринцы“, показанные на картѣ Миллера, въ которыхъ Миллеръ говорилъ уже какъ о племени, окончательно исчезли въ это время.

³⁾ См. заглавіе этой карты: „Uebersichts-Karte der ethnographischen Verhältnisse von Europa und von den angrenzenden Theilen Europa's, bearbeitet auf Grund der Müller's Allgemeinen Ethnographie und herausgegeben mit Unterstützung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, von Vincenz v. Haardt. — 1:8.000.000.

что Фр. Миллеръ принимаетъ обширную группу „монголоидныхъ“ народовъ съ многосложными языками (въ противоположность односложнымъ языкамъ китайцевъ, японцевъ и пр.), которые онъ дѣлитъ на *уральскіе* народы — это самоѣды, финны, остяки, вогулы, мордва и пр., и на народы *алтайскіе*, къ которымъ причисляются всѣ тюркскія племена Сибири и Средней Азіи, татары, башкиры, киргизы, затѣмъ тунгусы, манджуры и нѣсколько вѣтвей собственно монгольскаго племени (въ томъ числѣ буриты). Особую группу составляютъ *иперборейцы*, къ которымъ отнесены разныя племена сѣверо-восточной Сибири — чукчи, юкагиры, алеуты, камчадалы, айны и пр., и енисейскіе остяки, къ которымъ причислены вымершіе аринцы, котты и асаны. Наконецъ, племена *средиземныя*, т.-е. арійскія.

Исслѣдователи Сибири высоко цѣнятъ трудъ Гаардта. „Карта его, — говоритъ Ядринцевъ, — составляя приобрѣтеніе европейской этнографіи, можетъ быть столь же, если не болѣе, полезна намъ при изученіи азіатскихъ племенъ и нашихъ собственныхъ инородцевъ. Она можетъ оказать намъ тѣмъ болѣе услугъ, что мы не имѣемъ антропологическихъ и этнографическихъ сочиненій, какими обладаетъ европейская наука въ видѣ работъ Вайца, Бастіана, Оскара Пешеля, Фридриха Мюллера и другихъ. Такая карта научить насъ хотя отчасти ориентироваться среди племенъ, намъ малоизвѣстныхъ, и укажетъ семейственное и расовое родство ихъ на основаніи научныхъ изысканій нынѣшняго столѣтія. Нечего говорить, что, необходимая для всѣхъ нашихъ этнографовъ и полезная для учебныхъ заведеній, эта карта наведетъ на мысль дальнѣйшихъ изысканій въ Сибири и сосѣднихъ мѣстностяхъ“¹⁾.

Упомянувъ новѣйшую гипотезу Катрфажа о размѣщеніи человѣчества съ сѣвера Азіи, г. Ядринцевъ замѣчаетъ, что еслибы эта гипотеза подтвердилась, то изученіе сибирскихъ племенъ стало бы интереснѣйшей страницей этнографіи. „Но и безъ того уже старая этнографія начинаетъ нынѣ перестраиваться подъ вліяніемъ новыхъ антропологическихъ и этнологическихъ наблюденій, а впереди предстоитъ еще болѣе канитальная перестройка“. Именно, авторъ полагаетъ, что лингвистическая классификація — единственная, доннынѣ научно разработанная и принятая въ картѣ Гаардта на основаніи Фр. Мюллера — не вполне удовлетворяетъ, особливо по отношенію къ сибирскимъ племенамъ, и другія этнологическія черты племенъ нарушаютъ эту классификацію: „многія изъ сибирскихъ племенъ — совершенная загадка, и относить ихъ къ той или другой семьѣ слишкомъ рано и рискованно“.

¹⁾ Восточное Обозрѣніе, 1887, № 13—14.

Дѣйствительно, карта Гаардта нуждается въ комментаріи. Этнографами давно замѣчено, что классификація народовъ по языку нерѣдко вовсе не совпадаетъ съ классификаціей расовой, племенной. „Бываетъ,—говоритъ Пешель,—что народы, проникнувъ въ иноплеменную область, перенимаютъ языкъ туземцевъ или, напротивъ, сохраняютъ свой языкъ неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ раса мало-помалу измѣняется подъ вліяніемъ смѣшенія съ племенами чуждаго происхожденія“. Въ Сибири и Средней Азіи опредѣленіе народа по языку и по племеннымъ примѣтамъ можетъ въ особенности привести къ весьма различнымъ результатамъ, потому что происходило разнообразное смѣшеніе элементовъ финскаго, монгольскаго и тюркскаго, такъ что, напримѣръ, народы несомнѣнно финскіе по происхожденію и самому типу могутъ быть причисляемы къ тюркамъ по языку, который они усвоили только въ позднѣйшее время; къ этому прибавляется еще то обстоятельство, что нѣкоторыя составныя части этихъ смѣшеній остаются неизвѣстной величиной, такъ какъ этнологическое ихъ происхожденіе составляетъ пока загадку для этнографіи. Академія наукъ въ инструкціи Кастрену указывала нѣсколько подобныхъ недоумѣній, требовавшихъ объясненія на мѣстѣ, и большая доля его изысканій была дѣйствительно посвящена разъясненію этихъ темныхъ вопросовъ этнографіи; мы видѣли также, что въ результатъ своихъ разслѣдованій Кастрень приходилъ къ мысли о тѣсномъ родствѣ всей массы сибирскихъ и средне-азиатскихъ народовъ, которые онъ и объединялъ въ названіи народовъ „алтайскихъ“. Послѣдующіе этнографы не считали столь широкаго обобщенія возможнымъ и предпочитали болѣе частныя дѣленія. Г. Ядринцевъ, на основаніи имѣющихся теперь свѣдѣній, представилъ нѣсколько возраженій на распредѣленіе племенъ у Гаардта и находилъ, что для разъясненія этнографическихъ недоумѣній требуются еще новыя изученія. Онъ полагаетъ, что общимъ картамъ должны предшествовать частныя этнографическія карты извѣстныхъ областей съ мѣстными особенностями, и только на ихъ основаніи могутъ быть достигнуты правильно болѣе широкія обобщенія ¹⁾).

Упомянемъ наконецъ, что новѣйшіе изслѣдователи Сибири обращаютъ особенное вниманіе на вопросъ о современномъ положеніи инородцевъ, ихъ отношеніяхъ къ русскимъ и о томъ будущемъ, которое можетъ предстоять имъ.

¹⁾ „Недавно,—говоритъ г. Ядринцевъ,—нами лично представлены были въ Императорское Русское Географическое Общество частныя этнографическія карты Сибири, гдѣ мы выдѣлили самодѣйскія племена въ особую группу, и находимъ необходимымъ, согласно научнымъ изслѣдованіямъ, выдѣлить совсѣмъ саянскую группу. Точно

На этомъ вопросѣ останавливается въ особенности г. Ядринцевъ въ своей новой книгѣ ¹⁾). Кромѣ описательнаго матеріала, авторъ даетъ рядъ любопытныхъ этнологическихъ и соціальныхъ соображеній о прошлой судьбѣ и возможномъ будущемъ сибирскаго инородческаго міра. Фактъ вымиранія инородцевъ не подлежитъ сомнѣнію, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ, и всего сильнѣе тамъ, гдѣ инородцы попали въ экономическое рабство къ русскимъ промышленникамъ: если во многихъ случаяхъ причиной труднаго положенія инородцевъ являются физическія бѣдствія, какъ неурожаи, лѣсные пожары и т. п., и затѣмъ упадокъ промысловъ—рыбнаго и звѣринаго, то главнымъ образомъ вымираніе связано съ экономическою безпомощностью. Обыкновенно думаютъ, что вымираніе инородцевъ находится въ зависимости отъ ихъ неспособности къ культурѣ и что оно фатально неизбѣжно; г. Ядринцевъ отвергаетъ это предположеніе; напротивъ, онъ указываетъ въ быту инородцевъ способности къ культурѣ, которыя могли бы получить развитіе: „мы должны пожалѣть, что этотъ даръ, эти способности инородцевъ утратились, не имѣли надлежащаго выхода и примѣненія, — иначе, что мы не воспользовались ими, такъ какъ они принесли бы пользу въ общей культурѣ человѣчества“ (стр. 166). Однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ помощи инородцамъ должна быть, конечно, школа, но именно такая, которая не отрываетъ бы инородца отъ его среды, а напротивъ сохраняетъ его для племени, въ которомъ его знаніе и могло бы принести пользу. „Обрусѣвшіе инородцы, въ лицѣ переводчиковъ азіатскихъ школъ, писаря и проч. являются обыкновенно самымъ дурнымъ элементомъ и эксплуататорами, взяточниками, и совершенно не имѣютъ никакого благотворнаго вліянія на среду инородцевъ“ (стр. 240),—такъ бываетъ всего чаще при существующихъ условіяхъ (хотя нужно отмѣтить здѣсь и благопріятныя исключенія). Школа—для того, чтобы она служила своей воспитательной, цивилизующей цѣли — должна быть вводимъ безъ насилія, съ преподаваніемъ на

также должна быть выдѣлена группа уральцевъ, финновъ и затѣмъ тюрко-алтайцевъ и тунгусо-маньчжуровъ. Изъ частныхъ группъ легче сводить общее, чѣмъ преждевременно обобщать. Вообще принятая классификація Кастрена алтайцевъ должна съ успѣхами этнографіи нѣсколько измѣниться“.

Для обзора существующей нашей литературы о сибирскихъ инородцахъ могутъ служить обширная библіографія, собранная въ „Систематическомъ описаніи коллекцій Дамковскаго этнографическаго Музея“, В. О. Миллера. М. 1887 — 89 (два выпуска), и въ только-что вышедшемъ 2-мъ томѣ „Сибирской Библіографіи“ В. И. Мажова, Спб. 1891.

¹⁾ Сибирскіе Инородцы. Спб. 1891; главы: „Причины вымиранія инородцевъ и способность ихъ къ культурѣ“; „Взаимодѣйствіе русскаго и инородческаго населенія“; „Вліяніе культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири“.

инородческомъ языкѣ, съ учителями изъ самихъ инородцевъ, знающихъ и любящихъ свою народность. Только такая школа можетъ достигнуть своего настоящаго назначенія. „Цѣлю образованія,—говоритъ г. Ядринцевъ,—должно быть: внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его, а не стремленіе оттолкнуть инородца отъ прежней семьи, вырвать его изъ массы и предоставить ей ту же нищету, несчастье и вымирание. Только весьма немногіе образованные инородцы сохранили связи съ своимъ племенемъ и желали посвятить себя его развитію. Въ числѣ этихъ именъ должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева изъ бурятъ, Николаева якута и Чокана Валиханова изъ киргизовъ, Катанова изъ минусинскихъ инородцевъ. Какъ Валихановъ, такъ и Банзаровъ получили высшее образованіе; они были даровитѣйшими и учеными людьми даже въ европейской средѣ и тѣмъ не менѣе ихъ симпатіи оставались на сторонѣ ихъ несчастнаго племени. Къ сожалѣнію, такіа личности только случайно пробивались изъ инородческой среды. Высшее европейское образованіе оставалось чуждо большинству инородцевъ, и между тѣмъ такіа личности болѣе всего могли бы принести услугъ инородческому просвѣщенію и позаботиться о судьбѣ своей народности. Въ пробужденіи инстинкта любознательности, духовной жизни и въ сознательномъ отношеніи къ своему настоящему и будущему будутъ лежать залогомъ сохраненія племенъ отъ вымиранія и гибели. Мы думаемъ, что такое просвѣщеніе будетъ источникомъ жизни и спасителемъ, который воскреситъ легендарнаго, умирающаго отъ голода и бѣдствій самоѣда. Духъ сибирскаго инородца остается пригнетеннымъ, глубокая меланхолія лежитъ на немъ, мрачная безнадежность сковываетъ его сердце, нѣтъ вѣры въ лучшее, нѣтъ надежды на будущее. Вотъ эту-то вѣру, эту общечеловѣческую надежду и должно создать инородческое просвѣщеніе. Когда инородецъ не увидитъ никакого насилія, опасности въ дѣлѣ привитія образованія, онъ научится уважать его“ (стр. 241).

Въ своемъ изслѣдованіи г. Ядринцевъ старался сколько возможно отвѣтить на существенные вопросы, какіе представляются при изученіи быта инородцевъ и которые теперь остаются еще крайне мало выяснены. Хотя вымирание инородцевъ есть фактъ, по крайней мѣрѣ относительно многихъ племенъ,—тѣмъ не менѣе, точнаго научнаго статистико-экономическаго изслѣдованія въ отдѣльности по племенамъ не было сдѣлано; не было выяснено также, въ силу какихъ причинъ вымираютъ инородцы. Есть ли это вымирание неизбежный законъ, тяготящій надъ извѣстною расой, или его порождаютъ случайныя неблагопріятныя условія, съ устраненіемъ которыхъ прекращается и вымирание? Объ этомъ существуютъ разнообразныя сужде-

нія". Авторъ старался по этому вопросу собрать особенно данныя о культурныхъ способностяхъ инородцевъ и несогласенъ съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое отрицаетъ у инородческихъ племенъ самую способность къ общечеловѣческому развитію: „подобныя приговоры могутъ быть произносимы только на основаніи изученія тѣхъ стадій, которыя переживаютъ инородцы, на основаніи ихъ исторіи, при изученіи ихъ быта, языка, культуры и точномъ изслѣдованіи умственныхъ способностей, такъ или иначе выражающихся въ жизни. Но такихъ опытовъ въ точномъ научномъ значеніи сдѣлано очень мало". Между тѣмъ изслѣдованіе культурнаго быта инородцевъ было бы важно для самой административной задачи ихъ управленія и для всего опредѣленія ихъ положенія гражданскаго. „Въ инородческомъ управленіи возникаетъ все рѣзче вопросъ административно-политическій, касающійся гражданскаго полноправія инородцевъ и гарантій закона въ примѣненіи къ нимъ; затѣмъ нынѣшнее положеніе ихъ возбуждаетъ вопросъ о духовномъ развитіи и просвѣщеніи инородцевъ и тѣхъ племенъ изъ нихъ, которыя уцѣлѣли и продолжаютъ существовать. Нѣтъ сомнѣнія, что если имъ будетъ доступно развитіе, если они выкажутъ способности, то не могутъ быть отрицаемы для нихъ и общечеловѣческія права, и блага высшаго человѣческаго существованія. Все это вводитъ инородческій вопросъ въ рядъ вопросовъ общечеловѣческихъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Въ нихъ лежитъ не только „to be or not to be“ (быть или не быть) инородческаго существованія, вопросъ жизни и смерти цѣлыхъ племенъ, но и вопросъ о воспріятіи въ высшую человѣческую среду младшихъ братьевъ, историческое и культурное развитіе которыхъ отстало и было замедлено". Наконецъ изслѣдованіе сибирскихъ инородцевъ представляетъ великій интересъ для антропологіи, исторіи культуры и исторіи человѣчества вообще.

„Примѣры полученія высшаго образованія среди инородцевъ теперь рѣдки,—заключаетъ г. Ядринцевъ ¹⁾,—но будемъ надѣяться, что мѣстный сибирскій университетъ привлечетъ сюда и представителей инородческой среды. Инородцы, какъ Дорджи Банзаровъ, Валихановъ, нинѣ Катановъ оказали уже услугу русской наукѣ. Не забывъ свой языкъ, они явились наиболѣе способными учеными ориенталистами и внесли неоцѣненные вклады въ этнографію, изучая родственныя племена и географію близкихъ имъ окраинъ. Еще большій контингентъ такихъ ученыхъ ориенталистовъ можетъ дать восточный факультетъ въ Сибири. Переводчики и драгоманъ могутъ формироваться въ средѣ инородцевъ, и если необходимы посредники для

¹⁾ Тамъ же, стр. 241—242.

проведенія цивилизаціи къ сосѣднимъ азіатскимъ племенамъ, окружающимъ Сибирь, то, конечно, эта роль лучше всего подходитъ къ нашимъ инородцамъ. Мы не говоримъ уже, что развернувшіяся способности инородцевъ, обнаруживающіяся даже теперь въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, могутъ проявиться когда-нибудь шире и богаче, внеся свои вклады въ общую сокровищницу знанія и общечеловѣческой цивилизаціи“.

ГЛАВА XI.

Этнографія и бытовая исторія русскаго населенія Сибири.

Этнографическое опредѣленіе русскаго населенія въ Сибири есть опять вопросъ очень сложный и трудный для историческаго изложенія. Со времени первыхъ ученыхъ путешествій и донынѣ не было, правда, недостатка въ описаніяхъ и ученыхъ наблюденіяхъ, но по большей части въ этомъ отношеніи онѣ были слишкомъ отрывочны и, главное, не были освѣщены той мыслью, которая руководитъ теперь этнографическимъ изслѣдованіемъ. Ученые XVIII-го вѣка, какъ часто ни драгоцѣнны ихъ показанія, между прочимъ и въ этой области, еще не знали этнографической науки. Восемнадцатый вѣкъ только предчувствовалъ важность данныхъ о происхожденіи народовъ, ихъ бытѣ и нравахъ, влияющихъ на политическое состояніе народа и, слѣдовательно, на его исторію. Вольтеръ, въ знаменитомъ „Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ“, выразилъ эту попытку своего времени всмотрѣться во внутреннюю жизнь народовъ, но собственно народное міровоззрѣніе и бытъ, составляющіе теперь основной предметъ этнографіи, были только случайнымъ предметомъ любопытства, а народный мѣръ считался „суевѣріемъ“, достойнымъ только истребленія. Почти такъ ставили вопросъ и наши старинные путешественники, иностранцы и русскіе, которые собирали свои свѣдѣнія, еще не предполагая въ нихъ предмета особой науки. Но видѣнные ими предметы, своеобразныя племена съ очевидными остатками дикаго состоянія и первобытной древности, были такъ необычайны, что предчувствіе научной важности изслѣдованія этихъ предметовъ побуждало ихъ къ болѣе внимательному наблюденію и самыхъ этнографическихъ фактовъ. Описанія быта и характера инородцевъ долго оставались чисто вѣшными. Въ числѣ путешественниковъ въ Сибирь до сороковыхъ

годовъ не было ни одного настоящаго этнографа и лингвиста: въ изученіи инородцевъ изслѣдователи, какъ Кастрентъ и Радловъ, были исключеніемъ; изученіе русскаго населенія въ Сибири было также почти всегда дѣломъ наблюдателей и собирателей, нерѣдко весьма ревностныхъ, но между которыми не было почти ни одного настоящаго спеціалиста: работы Щапова, о которыхъ скажемъ далѣе, представляющія не мало любопытнаго и новаго, были слишкомъ отрывочны и кратковременны; труды г. Ровинскаго были только случайны; г. Ядринцевъ, доставившій до сихъ поръ наиболѣе цѣнные труды по бытовому изученію Сибири, занятъ не столько этнографіей, сколько вопросами общественной жизни и народнаго хозяйства. Всѣ остальные писатели, собиравшіе матеріалъ для опредѣленія сибирской народности, были усердные любители, не всегда знакомые съ требованіями науки, и никогда не ставившіе себѣ многотрудной задачи цѣльнаго изслѣдованія объ исторіи и свойствахъ этой народности.

Между тѣмъ эта народность несомнѣнно имѣетъ особенныя свойства. Путешественники XVIII-го вѣка, заѣзжая въ Сибирь, обращали уже вниманіе на особенности сибирскаго быта и нравовъ. Можно было впередъ предполагать, что далекая страна, издавна оторванная отъ ближайшихъ связей съ центромъ, окруженная чужими народами, поставленная въ условія природы и быта, также чуждая этому центру, приобрѣтетъ свои бытовые отличія, и путешественники-натуралисты изъ своей науки могли извлечь соображеніе о томъ, что важно было бы отмѣчать эти мѣстныя особенности страны и народа. Съ тѣхъ поръ въ литературѣ о Сибири мы нерѣдко встрѣчаемся съ этими стараніями наблюдать характеръ „сибиряковъ“, въ отличіе или даже въ противоположность къ русскимъ въ европейской Россіи. Впослѣдствіи на эту тему давались болѣе или менѣе положительныя отвѣты въ ту или другую сторону, хотя изъ этихъ отвѣтовъ и до сихъ поръ нельзя сдѣлать никакого точнаго заключенія. Наблюденія, на которыхъ они основывались, были еще слишкомъ отрывочны.}

Одни, и особливо сибирскіе патріоты, а также люди, писавшіе съ ихъ словъ, говорятъ, напримѣръ, что сибиряки выгодно отличаются многими своими качествами отъ русскихъ, что у нихъ сохранилось много старины въ нравахъ и обычаяхъ, что они менѣе испорчены, болѣе независимы и т. п.; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что сибирское населеніе далеко отошло отъ настоящихъ русскихъ, что старина затеряна, что смѣшеніе съ инородцами испортило русскій типъ, что сибирскіе нравы грубы и т. д. Разрѣшить это противорѣчіе не представляется пока возможности. Существенное, что нужно было бы сдѣлать для разъясненія вопроса, это была бы бытовая исторія Сибири, но она повидимому еще долго не напишется, и затѣмъ—по-

браженіе современной общественной и народной жизни, которое позволило бы разобратся въ сложной массѣ сибирскаго быта и которое также еще неудобноисполнимо.

Современная Сибирь есть результатъ множества историческихъ явленій, опредѣлявшихъ ея характеръ. Современное населеніе Сибири не было естественно народившимся потомствомъ первыхъ завоевателей и колонизаторовъ; напротивъ, съ конца XVI-го вѣка и донинѣ, во-первыхъ, продолжается непрерывно новая колонизація изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: шли сюда и добровольные переселенцы изъ разныхъ концовъ Россіи, съ сѣвера и юга; шли массы поселенцевъ невольныхъ, не только русскихъ, но малороссіянъ и плѣнныхъ иноземцевъ, которые оставались жителями Сибири навсегда и сливались съ мѣстнымъ населеніемъ; наконецъ, политическихъ и обыкновенныхъ ссыльныхъ, часть которыхъ также вступала въ составъ мѣстнаго населенія; во-вторыхъ, съ самаго перваго появленія русскихъ въ Сибири началось смѣшеніе ихъ съ инородцами, размѣровъ котораго нельзя опредѣлить исторически, но о которомъ извѣстно, что съ тѣхъ поръ и понынѣ оно продолжалось непрерывно и имѣло результатомъ разнообразны помѣси русскихъ, вѣроятно, со всѣми инородцами Сибири, какіе есть.

Было бы любопытно собрать по крайней мѣрѣ главнѣйшія историческія свидѣтельства, какія есть въ старыхъ и новыхъ документахъ, относительно состава сибирскаго населенія, какъ оно мало-по-малу образовывалось.

Какъ совершалось водвореніе въ Сибири русской власти и русской народности? Каковы были размѣры туземнаго населенія и какъ собралось новое русское населеніе Сибири? До сихъ поръ этотъ вопросъ оставался нетронутымъ или находилъ только очень общія объясненія. Очевидно, что для положительнаго, точнаго отвѣта требовалась историческая статистика, хотя приблизительныя цифры сибирскаго населенія, туземнаго и русскаго, въ XVI — XVII вѣкѣ, и опредѣленіе движенія колонизаціи: разъясненіе этого вопроса принималъ г. Буцинскій ¹⁾.

На подмогу исторіи явилась приказная аккуратность старой Москвы... Когда Москва предприняла свой трудъ собиранія русской земли, она развила обширную административную дѣятельность, отъ которой по прямому наслѣдству произошла позднѣйшая бюрократія. Москва вела свое дѣло какъ заботливый хозяинъ-скопидомъ; госу-

¹⁾ Въ книгѣ: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. Харьковъ, 1889.

дарственное хозяйство получило характеръ какъ бы чисто личной „государевой казны“, которой велся въ приказахъ строгій счетъ, изъ которой ничто не могло ни „горѣть“, ни „тонуть“; все было на виду и на счету. Этому счету подпало и вновь прибрѣтенное сибирское царство, и въ разныхъ счетныхъ дѣлахъ сибирскаго приказа ¹⁾ нашлись данныя, разработку которыхъ предпринялъ теперь г. Буди́нскій.

Это—дѣла приказныя, ясачныя книги, дозорныя книги, списки служилыхъ людей, посадскихъ, крестьянъ, ружниковъ и оброчниковъ, населявшихъ сибирскіе города, списки пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, жившихъ въ уѣздахъ, „смѣтныя книги хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбныхъ расходовъ“, „ужинныя книги“, „смѣтныя книги государевыхъ доходовъ и расходовъ“, „окладныя книги“, „таможенныя книги“, приходе-расходныя книги Казанскаго дворца и Сибирскаго приказа, наконецъ множество царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ, челобитныхъ инородцевъ и русскихъ людей и обыскныхъ по нимъ дѣлъ и т. д., насколько все это уцѣлѣло отъ пожаровъ и небреженія.

Первая часть изслѣдованія г. Буди́нскаго касается заселенія передней Сибири—уѣздовъ верхотурскаго, туринскаго, тюменскаго, тобольскаго, тарскаго, пелымскаго и березовскаго, въ періодъ отъ начала завоеванія этого края до конца царствованія Михаила Феодоровича.

Говоря о первой эпохѣ завоеванія Сибири, авторъ замѣчаетъ, что „одного завоеванія посредствомъ оружія, какъ бы ни было послѣднее побѣдоносно, было недостаточно, чтобы удержать въ повиновеніи столь отдаленный край, а тѣмъ болѣе имѣть возможность съ успѣхомъ эксплуатировать его богатства. Легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднѣе удержать завоеванное“. И для пользованія богатствами края, и для удержанія его въ покорности, необходимо было его заселеніе русскими. „Поэтому послѣ завоеванія Сибирскаго царства правительство немедленно начинаетъ строить русскіе города и села... Оно не щадило средствъ для заселенія покоренной страны и въ первое время смотрѣло, такъ сказать, сквозь пальцы на вольную, народную колонизацію этого края, даже въ томъ случаѣ, если послѣдняя была противозаконною“.

Въ первое время послѣ покоренія сибирскіе туземцы долго не могли помириться съ подчиненіемъ русской власти, не однажды случались бунты инородцевъ, но свергнуть русскую власть было невоз-

---

¹⁾ Въ московскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи

можно. Силы инородцевъ и прежде не были достаточно сплочены, а теперь были окончательно разъединены русскими поселеніями: не только настроены были города и остроги, но около нихъ тотчасъ разсыпались мелкія русскія деревни, превращавшіяся потомъ въ многолюдныя села. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Будинскаго фактъ, что черезъ три, четыре десятилѣтія послѣ занятія Сибири русское населеніе оказывается въ этой передней части Сибири преобладающимъ. Дѣло въ томъ, что инородческое населеніе крайней восточной Россіи и передней Сибири по старымъ переписямъ было весьма незначительно и „во время завоеванія русскими Сибирскаго царства погибла масса инородцевъ“ (стр. 15). Этотъ послѣдній выводъ не совсѣмъ точенъ: самъ авторъ упоминаетъ, что еще въ концѣ XVI-го вѣка много татаръ сбѣжало изъ занятаго русскими края (и оказалось потомъ въ другихъ мѣстахъ), притомъ онъ признаетъ также, что самый счетъ ясачныхъ людей легко могъ быть не полонъ.

О томъ, какъ начиналось строеніе сибирскихъ городовъ и первое населеніе ихъ, даетъ понятіе, напримѣръ, исторія города Верхотурья и его уѣзда. Это былъ одинъ изъ первыхъ городовъ, построенныхъ по завоеваніи Сибири (въ 1598). Поводомъ къ постройкѣ было открытіе новой кратчайшей дороги изъ Россіи въ Сибирь. Городъ заключалъ только необходимѣйшія постройки: „острогъ, т.-е. его стѣны и башни, а въ немъ храмъ Живоначальной Троицы съ придѣломъ, воеводскій дворъ, дворъ другихъ служилыхъ людей, сѣѣзжая изба, дворъ попа и нѣсколько другихъ дворовъ. Эти строенія занимали самое ничтожное пространство... Даже послѣ расширенія острога въ 1606 г. вдвое противъ прежняго онъ имѣлъ въ окружности только 630 сажень“.

Любопытны и самыя обстоятельства строенія города. Когда получено было извѣстіе, что мѣсто для постройки найдено особо посланными для этого людьми, царь Ѳеодоръ Ивановичъ велѣлъ ѣхать для постройки города въ Сибирь Головину и Воейкову: имъ велѣно было заѣхать въ Пермь и взять тамъ на это дѣло 300 *рублей* и на эти деньги нанять рабочихъ, конныхъ и пѣшихъ, со всей снастью „и поруки по нихъ взять крѣпкія съ записями, чтобъ имъ городъ и острогъ дѣлать, и не додѣлавъ отъ городского и острожнаго дѣла не сбѣжать“. Но оказалось, что нанять рабочихъ за такую цѣну было невозможно, Москва давала слишкомъ мало денегъ. Головинъ и Воейковъ писали, что наемъ людей для постройки на три мѣсяца обойдется въ 3.120 руб. „Получивъ такое донесеніе, правительство разочло что лучше строить новый городъ „по указу“, чѣмъ „по договору“, и поэтому приказало вышеупомянутымъ лицамъ немедленно „доправить“

на всей пермской землѣ пососныхъ, конныхъ людей и плотниковъ, назначивъ этимъ рабочимъ самую минимальную плату". Постройка города, пожалуй, и обошлась въ 300 рублей.

Первые жители Верхотурья, кромѣ его строителей, были служилые люди: „два челоѡѡка боярскихъ дѣтей, 46 челоѡѡкъ стрѣльцовъ и казаковъ, два подъячихъ, вогульскій толмачъ, мельникъ, кирпичникъ, банникъ и нѣсколько сторожей". Вскорѣ былъ присланъ попъ для служенія въ Троицкой церкви, казацкій атаманъ, затѣмъ появляются торговые люди и крестьяне, ямщики, плотники, наконецъ много охотихъ, гулящихъ людей (изъ такихъ людей воеводы набирали служилыхъ въ дальніе города Сибири; ими пользуются и частныя лица для заселенія разныхъ мѣстностей Сибири). Вскорѣ окрестъ города начинается хлѣбопашество. Въ первыя десятилѣтія XVII-го вѣка г. Будинскій отмѣчаетъ уменьшеніе числа служилыхъ людей, получавшихъ хлѣбное жалованье, и объясняетъ это тѣмъ, что многіе изъ нихъ отказываются отъ хлѣбнаго жалованья и начинаютъ служить съ пашни, т.-е. получаютъ земельный надѣлъ и занимаются земледѣліемъ.

Въ одно время съ основаніемъ города сталъ заселяться его уѣздъ — именно земледѣльческимъ народомъ. Кромѣ того, что это была наиболѣе распространенная форма труда, необходимость земледѣлія указывалась прямыми мѣстными нуждами. Въ первое время населеніе Сибири питалось подвозомъ хлѣба изъ Россіи: служилые люди получали кромѣ денежнаго и хлѣбное жалованье; между тѣмъ подвозъ хлѣба обходился правительству очень дорого, иногда запаздывалъ, самое жалованье хлѣбное было мало; служилые люди жаловались, что хлѣба недоставало до срока и они бывали вынуждены занимать хлѣбъ изъ государственныхъ житницъ. О водвореніи хлѣбопашества заботилось и правительство, и само населеніе, и мало-по-малу земледѣліе распространяется въ верхотурскомъ уѣздѣ, какъ потомъ и въ другихъ краяхъ Сибири. Къ городу приписано было извѣстное количество земли, но такъ какъ значительная часть ея была для хлѣбопашества неудобна, камениста или покрыта дремучими лѣсами, то верхотурскіе пашенные люди просили новыхъ земель вдали отъ города и уже скорѣ было ими занято громадное пространство земли.

„На занятыхъ пашняхъ, — говоритъ г. Будинскій, — верхотурцы ставили дворы, въ которыхъ поселяли своихъ свойственниковъ, или гулящихъ людей въ качествѣ половниковъ, и только немногіе жили тамъ сами... Названіе „деревня" не должно насъ вводить въ заблужденіе относительно количества населенія въ нихъ: это скорѣ хутора, состоящіе изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ и принадлежащихъ болѣею частью одному семейству. Но эти хутора были зерномъ, изъ

котораго развились цѣлыя села. Семейство вслѣдствіе естественнаго размноженія увеличивалось; нѣкоторые члены выдѣлялись, строили отдѣльные дворы, и хутора такимъ образомъ разрастались. На такое происхожденіе сибирскихъ селъ указываетъ и то, что жители этихъ селъ иногда носятъ одну фамилію. Кромѣ того, правительство постоянно наказывало верхотурскимъ воеводамъ прибирать крестьянъ на государеву пашню „изъ окочихъ людей“, давая имъ льготу и помощь. Новоприбранные или селились въ деревняхъ прежнихъ верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ, или основывали свои деревни“. За право пользованія землею старые и новые крестьяне обязаны были обрабатывать государеву пашню. О составѣ этихъ первоначальныхъ деревень можно судить по записямъ 1624 года: въ подгородней волости Верхотурья находилось 44 деревни, 2 починокъ и 6 пустошей, и въ нихъ во всѣхъ было только 80 дворовъ, въ которыхъ жило 102 человека (кромѣ женщинъ и дѣтей).

Въ послѣднихъ главахъ своей книги (VIII—IX) авторъ ставитъ общіе вопросы о заселеніи Сибири, о мѣрахъ правительства въ этомъ отношеніи; о ссылкѣ, ея колонизаціонномъ значеніи, и о положеніи ссыльныхъ; о народной колонизаціи Сибири; объ этнографическомъ составѣ сибирскаго населенія; объ управленіи и положеніи различныхъ классовъ населенія; о нравственномъ состояніи сибирскаго общества; наконецъ, объ инородцахъ, ихъ положеніи подъ русской властью и отношеніи къ русскому населенію. На основаніи подлинныхъ свидѣтельствъ получается оригинальная картина весьма первобытныхъ нравовъ, нерѣдко порядочно дикихъ, о которыхъ напрасно забываютъ новѣйшіе поклонники добраго стараго московскаго времени.

„Въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія этой страны,—говоритъ авторъ,—въ ней возникло семь русскихъ городовъ, нѣсколько острожковъ, заставъ, слободъ, селъ, и сотни деревень; русскія поселенія сначала появились по главнымъ рѣкамъ, текущимъ въ передней Сибири, по Турѣ, Тоболу, Тавдѣ, Иртышу, Оби, а потомъ и по ихъ притокамъ. О постепенности заселенія, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи: русскіе города и различныхъ типовъ поселки появились почти одновременно на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ... Постепенность въ заселеніи можно наблюдать только въ колонизаціи уѣзда извѣстнаго города, но не относительно всего покореннаго края“...

Какими способами совершалось заселеніе?

„Заселеніе Сибири, какъ и другихъ окраинъ русскаго государства, было двоякаго вида—правительственное и вольно-народное. Съ самаго утвержденія русскаго владычества въ Сибири московское правительство переселяло туда русскихъ и не-русскихъ людей то „по при-

отъ казны подмогу, рубля по два на человѣка, и на казенныхъ подводахъ отправляемы были въ Сибирь. Эти поѣзды служилыхъ людей представляютъ опять особенную картину старыхъ нравовъ; они сопровождались страшными разбоями и грабежами. „Для населенія тѣхъ областей, чрезъ которыя они проѣзжали, наступали тогда дни величайшихъ бѣдствій. Движеніе этихъ переселенцевъ напоминало русскимъ людямъ татарскихъ баскаковъ во времена монгольскаго ига, когда эти послѣдніе съ отрядами татаръ появлялись для сбора дани. Едва только дѣлалось извѣстнымъ приближеніе казаковъ и стрѣльцовъ къ городу или селу, какъ жители запирали дома, прятали женъ и дочерей, угоняли въ лѣса скотъ и съ ужасомъ ожидали этой орды. Вся забота населенія извѣстной области, въ которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего въ томъ, чтобы поскорѣ спровести ихъ далѣе, избавитъ отъ ихъ продолжительной стоянки... Самый лучший исходъ для населенія при отправкѣ переселенцевъ состоялъ въ томъ, если оно отдѣлялось отъ нихъ только кормомъ, добровольными поминками, прибавкою нѣсколькихъ лишнихъ, сверхъ проѣзжихъ грамотъ, подводъ; подобные проводы можно было считать мирными, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; жители такимъ исходомъ были довольны, даже въ томъ случаѣ, если во время гостепріимства переселенцы позволяли себѣ небольшіе грабежи и разныя насилія“.

Обыкновенно бывало гораздо хуже.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ 1593 году „сынъ боярскій,—читаемъ въ царской грамотѣ къ воеводѣ Горчакову,—съ атаманомъ и съ казаками, ѣдучи въ Сибирь, воровали; въ отчинѣ боярина Д. И. Годунова крестьянъ били и грабили, женъ крестьянскихъ соромотили, убили изъ пищали крестьянина, а у иныхъ многихъ крестьянъ животину, коровъ, свиней побили и платье пограбили, да другія боярскія дѣти съ атаманомъ и казаками, которые отпущены изъ Москвы, по дорогѣ многихъ людей били и грабили, и ямщикамъ за подводы прогоновъ не давали“ и пр. „Но, иногда приходили въ Сибирь такія партіи служилыхъ людей, что опустошали цѣлые уѣзды, подобно тому, какъ дѣлали татары во время своихъ извѣстныхъ наѣздовъ“. Жители, конечно, посылали жалобу къ царю; царь приказывалъ сибирскому воеводѣ, уже на мѣстѣ, наказать грабителей, — „сыскать на-крѣпко и виновныхъ бить батогами, сажать въ тюрьму до указа, животы ихъ ограбить, а пушгаго вора повѣсить“; для воеводы это оказывалось, вѣроятно, и неудобноисполнимо, и нежелательно: „въ самомъ дѣлѣ, грабили и разбойничали всѣ — и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; такимъ образомъ воеводѣ приходилось или всѣхъ грабителей наказывать, на что у него не хватило

бы силы, или, какъ обыкновенно это дѣлалось, онъ отписывалъ въ Москву, что „въ тюрьму виновныхъ по сыску сажалъ и изъ тюрьмы вынявъ кнута билъ“. Возможно, что грабители въ такихъ случаяхъ дѣлились съ воеводой своими прибылями; однажды воевода прикрылъ цѣлую разбойничью шайку за приличный гонораръ.

Сибирская администрація съ самаго покоренія Сибири и почти до нашихъ дней славилась необычайными проявленіями самоуправства и грабежа. „Преданія“ объ этомъ вполне подтверждаются „источниками“. Московское правительство, при тогдашнемъ порядкѣ вещей и особенно при отдаленности края, было совершенно безсильно противъ вопіющихъ злоупотребленій мѣстныхъ правителей, крупныхъ, а за ними и мелкихъ: самый законъ давалъ воеводамъ обширное полномочіе дѣйствовать „по вымотру“; жители были совершенно безправны. Послѣ, когда воеводы возвращались изъ Сибири въ Москву (ихъ вообще мѣняли очень часто), ихъ дѣла разбирались въ сибирскомъ приказѣ, но знаменитая „московская волокита“ и, конечно, подкупъ дѣлали то, что ихъ сибирскіе подвиги проходили безнаказанно; ихъ преемники принимали это къ свѣдѣнію и продолжали дѣйствовать совершенно также.

Правительство тѣмъ не менѣе не могло не озаботиться этимъ безобразнымъ положеніемъ вещей и придумывало мѣры, чтобы пресѣчь грабительство воеводъ. При общемъ ходѣ вещей придумано было, конечно, не какое-нибудь ограниченіе воеводской власти расширеніемъ человѣческихъ правъ самаго населенія, а новая чисто канцелярская кляуза, ставившая самихъ воеводъ въ унижительное положеніе, прямо говорившая о недовѣріи къ нимъ правительства въ ту самую минуту, когда оно давало имъ столь важное назначеніе, и, въ концѣ концовъ, не достигавшая цѣли. „Болѣе или менѣе дѣйствительная мѣра, и во всякомъ случаѣ оригинальная, состояла въ томъ, чтобы поставить воеводъ и другихъ приказныхъ людей въ такія условія, при которыхъ нажива, обогащеніе въ Сибири были бы для нихъ бесполезными. Имъ дозволялось вывезти изъ Сибири имущество только на опредѣленную сумму, напр., воеводѣ большого города на 500 руб., товарищу его и дьякамъ, а также воеводамъ малого города только на триста рублей, и т. д. Остальное же имущество, если они везли, считалось неправильнымъ прибыткомъ и отбиралось въ царскую казну. Эта мѣра была обставлена такимъ образомъ. При выѣздѣ изъ Москвы въ Сибирь все имущество лица, получившаго, напр., мѣсто воеводы, самымъ тщательнымъ образомъ осматривалось въ приказѣ; это имущество оцѣнивалось и цѣнность его записывалась въ проѣзжую грамоту, которую получало означенное лицо. Но воеводы могли эту мѣру обходить тѣмъ, что занимали у ростов-

щиковъ и знакомыхъ извѣстную сумму денегъ, лишь бы только показать въ приказѣ какъ свое имущество, а при выѣздѣ изъ Москвы возвращали. Узнавъ объ этомъ, правительство приказало верхотурскимъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ осматривать на заставѣ, которой нельзя было миновать, имущество всѣхъ проѣзжихъ, не исключая воеводъ и другихъ служилыхъ людей. И если, напр., воевода показывалъ имущества на меньшую сумму, чѣмъ значилось въ проѣзжей грамотѣ, выданной ему въ Москвѣ изъ приказа, то это означало фальшь и у него отбиралось въ царскую казну все имущество. Такимъ образомъ, всякій воевода являлся въ Сибирь съ имуществомъ, извѣстнымъ правительству. Такая же процедура производилась надъ всѣми служилыми людьми и при выѣздѣ ихъ изъ Сибири въ Москву. Когда воевода возвращался изъ Сибири, его на заставѣ встрѣчалъ таможенный голова, у котораго была на счетъ воеводы строгая и совершенно опредѣленная инструкція. Такъ какъ, кромѣ денегъ, была почти ходячею монетою мягкая рухлядь, т.-е. мѣха, то таможенный голова долженъ былъ особенно смотрѣть, не везетъ ли воевода этого товара, который понимался какъ награбленный. Таможенному головѣ вѣнялось въ обязанность досматривать мягкую рухлядь: „въ возахъ, сундукахъ, въ коробьяхъ, въ сумкахъ, чемоданахъ; въ платьяхъ, въ постеляхъ, въ подушкахъ, въ винныхъ бочкахъ, во всякихъ запасахъ, въ печеныхъ хлѣбахъ... обыскивать мужской и женскій полъ, не боятся и не страшась никого ни въ чемъ, чтобы въ пазухахъ, въ штанахъ и въ зашитомъ платьѣ отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдутъ, то брать на государя“. Разумѣется, всѣ эти строгія мѣры не достигали своей цѣли: воевода привозилъ награбленное въ Москву окольными путями или черезъ эту же самую заставу, дѣлясь добычей съ таможеннымъ головой. Система недовѣрія вела къ деморализаціи и государство вынуждалось впередъ смотрѣть на своихъ слугъ какъ на обманщиковъ и грабителей.

Не мало подобныхъ картинъ стараго сибирскаго быта, который былъ только отраженіемъ быта московскаго, представить прошлое Сибири. Одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ старой сибирской исторіи, сохраняющій и понынѣ важное значеніе для сибирской жизни—есть между прочимъ значеніе ссылки, документально еще неизученной. Писатели весьма знающіе полагали, что въ первое время ссылка имѣла только значеніе уголовной кары или политической мѣры, удалявшей отъ центра людей, подпавшихъ царской опалѣ, политически вредныхъ или опасныхъ; колонизаціонное значеніе ссылки принимали только съ болѣе поздняго времени, приблизительно съ конца царствованія Алексѣя Михайловича. Г. Буди́нскій считаетъ это мнѣніе

совершенно ошибочнымъ и доказываетъ, что въ теченіе XVII-го вѣка дѣло было наоборотъ: только въ рѣдкихъ случаяхъ ссыльныхъ заключали въ тюрьму на мѣстѣ ссылки, а большею частью московское правительство велитъ сибирскимъ воеводамъ или верстать ссыльныхъ въ службу, или сажать на пашню. „Иначе и быть не могло: московскіе цари были слишкомъ расчетливы, чтобы сотни преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, держать въ заточеніи въ тюрьмахъ и кормить ихъ даромъ. Если они утилизировали такіе предметы своего хозяйства, какъ мякину, ухоботье, солому, если они не пренебрегали такими мелкими пошлинами, которыхъ цѣнность нельзя выразить никакою монетою, если, наконецъ, они собирали десятину съ „собачьяго корма“, привозимаго въ Сибирь промышленниками для своихъ „промышленныхъ собакъ“, или десятину съ поношенныхъ рубахъ и штановъ, ввозимыхъ русскими торговыми людьми, какъ предметы торговли съ остатками и вогулами, то трудно допустить, чтобы такіе расчетливые хозяева, какими были всегда наши московскіе цари, не воспользовались дешевымъ трудомъ ссыльныхъ при своей хозяйственной дѣятельности въ „дальной сибирской вотчинѣ“, въ которой еще такъ мало было населенія. Даже для такихъ преступниковъ, какъ государственные измѣнники, разбойники и душегубцы, которыхъ правительство приказывало сибирскимъ воеводамъ „заключать въ тюрьму“, это тюремное заточеніе продолжалось годъ, два года и рѣдко болѣе, а потомъ служилые люди верстались въ службу съ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, а крестіане сажались на государеву пашню и притомъ получали отъ казны подмогу и ссуду, какъ и приборные изъ гулящихъ людей“. За 1614—24 годы изъ 560 человекъ, сосланныхъ тогда въ Сибирь, только 19 человекъ было посажено въ тюрьму, и то на короткое время. Что правительство не было очень злопамятно или придирчиво къ ссыльнымъ, обращеннымъ въ служилыхъ людей, можно видѣть изъ того, что въ тѣ годы въ Туринскъ назначенъ былъ воеводой человекъ, который за десять лѣтъ передъ тѣмъ пришелъ туда „въ колодникахъ“..

Число всѣхъ ссыльныхъ за описываемый періодъ, т. е. до конца царствованія Михаила Ѳеодоровича, авторъ считаетъ въ 1.500 человекъ, не считая женъ, дѣтей и всякихъ свойственниковъ (такъ какъ нерѣдко вмѣстѣ съ человекомъ, подпавшимъ этому наказанію, ссылалась и его ближайшая родня, или ссыльные, устроившись на мѣстѣ, просили, чтобы къ нимъ были посланы и ихъ семейства). Изъ этого числа было не-русскихъ подданныхъ около 650 человекъ: это были, во-первыхъ, военно-плѣнные, во-вторыхъ, иноземцы, служившіе въ русскомъ войскѣ и бѣжавшіе къ непріятелю, но захваченные въ плѣнъ; между этими военно-плѣнными были поляки, литвины, нѣмцы „де-

сарской земли", нѣмцы ливонскіе и шведскіе, латыши, черкасы, одинъ „француженинъ". Изъ числа русскихъ подданныхъ было до 100 семействъ инородцевъ, около 366 „черкасъ", т.-е. малороссіянъ.

Путемъ завоеванія, присылки служилыхъ людей, переселеній вольныхъ и невольныхъ (по прибору и по указу), ссылки и, наконецъ, разнообразнаго смѣшенія съ туземцами сталъ складываться особенный этнографическій составъ сибирскаго населенія. За время до половины XVII вѣка, „оно, помимо туземцевъ (и русскихъ), представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло изъ нѣмцевъ австрійскихъ и ливонскихъ, шведовъ, поляковъ, литовцевъ, латышей, мордвы, черемисъ, и даже французовъ: эта пестрота особенно замѣтна въ Тобольскѣ. Но само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало къ русскому народу и преимущественно къ жителямъ сѣверныхъ губерній. Въ спискахъ служилыхъ, посадскихъ людей и крестьянъ чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить „калужанина", „путивльца", „рыленина", да и то большею частью изъ ссыльныхъ, а остальные насельники переведены или перешли изъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ: Устюга Великаго, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогоръ, Вятки и т. п. Гулящіе люди въ Сибири были исключительно изъ этихъ городовъ; напр., изъ 617 человекъ, присягавшихъ въ Верхотурѣ царю Алексѣю Михайловичу, половина была родомъ „устюжанъ", значительная часть „сольвычегодцевъ" и „пѣнежанъ", а другіе были: „вятчане", „соликамцы", „кайгородцы", „важеняне", „вычегжане" и т. п.

Нравственное состояніе первыхъ насельниковъ Сибири въ старыхъ источникахъ рисуется весьма мрачными красками. Таковы показанія грамоты патріарха Филарета къ первому сибирскому архіепископу Кипріану, которая ссылается на рассказы „воеводъ и приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири", но, по весьма правдоподобию объясненію г. Будинскаго, основана на донесеніи самого Кипріана—желавшаго это прикрыть, чтобы не ожесточить противъ себя воеводъ и служилыхъ людей, именно осуждаемыхъ въ грамотѣ патріарха ¹⁾. Итакъ, патріархъ, во всякомъ случаѣ на основаніи мѣстныхъ показаній, указываетъ, что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилацкіе люди живутъ не по-христіански, не по преданіямъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ, а по своей волѣ, по своимъ сквернымъ похотямъ: многіе русскіе люди и иноземцы, принявшіе православіе, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, а ѣдятъ мясо и „всякія скверны" вмѣстѣ съ татарами,

¹⁾ Будинскій, стр. 283 и д.; грамота въ „Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ" М. 1822, ч. III (отъ февраля 1622 г.).

остяками и вогулами. Грамота указываетъ затѣмъ отвратительныя формы полового разврата, господствовавшаго не только между мірскими людьми, но и въ сибирскихъ монастыряхъ; факты были такіе, что подобнаго „и въ поганыхъ и не знающихъ Бога не обрѣтается, о чемъ не только писать, но и слышать гнушно“. Повидимому, обыкновеннымъ дѣломъ было, что православные люди жили внѣ брака съ некрещеными инородками. Многіе служилые люди, отправляясь по дѣламъ службы въ Москву и другіе города, закладываютъ своихъ женъ на сроки, и бываетъ, что если по истеченіи срока они женъ своихъ не выкупаютъ, то кредиторы продаютъ послѣднихъ „на воровство и на работу всякимъ людямъ“. Другіе берутъ бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ, и мужнихъ женъ насильно, а попы сибирскихъ городовъ, черные и бѣлые, не только такіа беззаконія не запрещаютъ, но и говорятъ молитвы, „а иныхъ вѣнчаютъ безъ знаменъ, не по христіанскому закону“. Монастыри вели соблазнительную жизнь. Сибирскіе воеводы „того не брегутъ и тѣхъ людей отъ такого воровства, беззаконныхъ и скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ, покрывая ихъ для своей бездѣльной корысти, и иные же воеводы и сами такимъ ворахъ потакаютъ и попомъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ насильно“.

Это паденіе религіознаго чувства, составлявшаго въ тѣ вѣка единственную нравственную норму, по словамъ того же историка объясняется очень легко. Въ Сибири, особливо въ городахъ, сошлись люди различныхъ племенъ, религій и нравственныхъ понятій: язычники, магометане, лютеране, католики, наконецъ, православные русскіе; послѣ смутнаго времени въ Сибирь сослано было много плѣнныхъ поляковъ, „литовцевъ“, нѣмцевъ, да и русскихъ людей, малороссійскихъ и донскихъ казаковъ, которые принесли сюда одичалые нравы той эпохи. Многіе изъ нихъ были „поверстаны въ службу“ и такимъ образомъ вошли въ составъ сибирскаго населенія; туда же ссылались „воры“, „разбойники“, „душегубцы“, которыхъ сажали на пашню. „И эта смѣсь элементовъ не могла не отразиться самымъ губительнымъ образомъ и на „приборныхъ“, „переведенцахъ“ и вольныхъ переселенцахъ изъ русскихъ людей, на ихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ“ ¹⁾. Припомнимъ, что и безъ того хороши были тѣ „приборные“ люди, переселеніе которыхъ историкъ сравнивалъ выше съ татарскими нашествіями.

Присоединялось наконецъ безсиліе самой іерархіи. Сибирскія власти и служилые люди встрѣтили перваго архіепископа, назначеннаго въ Тобольскъ, Кипріана, крайне враждебно, правильно предпо-

¹⁾ Будняскій, стр. 286.

лагая въ немъ неудобнаго свидѣтеля ихъ дѣяній и который будетъ стѣснять ихъ самоуправство. Въ грамотѣ, писанной имъ вскорѣ по приѣздѣ въ Сибирь, къ государю и патриарху, Кипріанъ, указывая встрѣченныя имъ безобразія, между прочимъ говоритъ: „разные служилые люди приходятъ къ нему съ великимъ шумомъ и сказываютъ, что у нихъ есть *юсударева грамота* дѣлать такъ, какъ они дѣлаютъ“,—не даютъ разводитъ незаконно сожителствующихъ, чернецы живутъ съ женами; попы и мірскіе люди, получивъ отъ государя въ Москвѣ „церковное строеніе“ (т.-е. деньги на постройку и украшеніе церквей), пропиваютъ это строеніе... Іерархія была не въ силахъ бороться противъ безпорядковъ, которымъ потакали („для своей бездѣльной корысти“) сами воеводы; жители, по расчету, какъ выгодно, шли по церковнымъ дѣламъ или къ архіепископу и его десятиникамъ, или къ воеводѣ, и тогда не хотѣли знать десятиниковъ, и т. д. Обѣ стороны посылали въ Москву другъ на друга доносы, въ которыхъ тамъ невозможно было разобраться. Архіепископы не могли справиться и съ подчиненнымъ духовенствомъ; въ послѣдствіи одинъ архіепископъ, жалуясь по прежнему въ Москву, доносилъ между прочимъ, что иные попы живутъ такъ далеко отъ Тобольска, что если вызывать ихъ „на смиреніе“, то имъ проѣзду будетъ года по два и больше.

Отношенія къ инородцамъ русской власти и населенія были очень своеобразны. Матеріальное положеніе инородцевъ было повидимому нелегко, особливо пашенныхъ; съ конца XVI-го вѣка уже идутъ ихъ жалобы московскому правительству и просьбы объ облегченіи. Но вообще, по словамъ историка, московское правительство относилось къ нимъ очень внимательно, уважало ихъ туземное право и вѣру ¹⁾,—хотя въ этомъ правѣ была торговля людьми, а въ вѣрѣ были еще человѣческія жертвоприношенія. Напр. русскихъ людей, за неисправность въ податяхъ, за игру въ зернь или въ карты и т. п. приказывалось „бить кнутомъ нещадно, чтобъ другимъ было не повадно“, а относительно инородцевъ воеводамъ рекомендовалось—„ясакъ и поминки съ ясачныхъ людей брать смотря по людямъ и по промысламъ... давать въ ясакъ сроки насколько пригоже... выбирать съ ясачныхъ людей мягкую рухлядь *маскою*, а не жесточью и *правеземъ*..., чтобы тѣмъ ясачныхъ людей отъ государева жалованья не отогнать и тѣмъ бы ихъ не оскорбить“. Воеводы жаловались на эту излишнюю мягкость и утверждали, что при этомъ имъ ясака не собрать; но инородцы, знавшіе объ этихъ распоряженіяхъ московской власти, привыкала видѣть въ царѣ защитника противъ воеводъ. Последніе, несмотря на

¹⁾ Тамъ же, стр. 327 и д.

царскіе указы, все-таки притѣснили инородцевъ, но, какъ замѣчаетъ историкъ, въ этомъ выражалась не племенная вражда, а алчность воеводъ и служилыхъ людей и злоупотребленіе своей силой.

На дѣлѣ побѣдители и побѣжденные мирно уживались: первые русскіе насельники были изъ сѣверныхъ областей, и въ сѣверо-западной Сибири встрѣтили тѣхъ же остатковъ, вогуловъ и татаръ, съ которыми были знакомы на старыхъ мѣстахъ. Поэтому завоеватели не чуждаются ихъ. Быть можетъ, историкъ преувеличиваетъ безобидность отношеній, существовавшихъ между ними,—позднѣйшіе факты указываютъ, что притѣсненія и эксплуатація были обычнымъ дѣломъ со стороны самихъ промышленниковъ; но съ другой стороны бывали и дружественныя отношенія. „Изъ разныхъ отписокъ воеводъ видно, что русскіе крестьяне ходятъ въ инородческія юрты, а инородцы посѣщаютъ русскія деревни, вмѣстѣ пьютъ водку, играютъ въ зернь и карты; инородцы говорятъ русскимъ языкомъ и „всякому русскому обычаю навичны“; инородцы указываютъ русскимъ людямъ на соленые ключи, на желѣзныя и серебряныя руды“. Они предупреждаютъ русскихъ объ опасности отъ нападеній калмыковъ и т. п.

Сближеніе устанавливалось само собою. Впослѣдствіи, уже въ половинѣ XVII-го вѣка, правительство начинаетъ даже заботиться объ отдаленіи русскихъ отъ инородцевъ, такъ какъ сближеніе дурно отражалось на правахъ русскихъ людей. Царь Алексѣй приказываетъ тобольскимъ воеводамъ „разводить русскихъ и татаръ, чтобы они вмѣстѣ не пили, не ѣли и не жили“; на это сближеніе русскихъ съ татарами жаловался архіепископъ Симеонъ, въ 1654 году. Послѣ пожара въ 1643, по словамъ его, „тобольскаго города всякихъ чиновъ жилецкіе люди живутъ въ татарскихъ юртахъ подъ горою и тѣ православные христіане ожились и живутъ съ татарами вмѣстѣ, а живучи въ татарскихъ юртахъ русскіе люди сквернятся: пьютъ и ѣдятъ изъ однихъ сосудовъ и въ постъ съ ними упиваются“, и наконецъ дѣлились женами. На основаніи этихъ фактовъ историкъ не видитъ здѣсь никакого отчужденія, никакой племенной вражды. „Подобное общеніе,—говоритъ онъ,—условливалось необыкновенною способностію русскаго человѣка къ уживчивости съ людьми—что, конечно, предполагаетъ и взаимную житейскую уступчивость. Русскій человѣкъ легко ориентуруется въ каждой новой мѣстности, умѣетъ приспособиться ко всякой природѣ, способенъ перенести всякій климатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ ужиться со всякою народностію, будь то самоѣды, остяки, вогулы, татары или нѣмцы: благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, онъ быстро превращалъ въ свою плоть и кровь всякихъ сибирскихъ инородцевъ, хотя, конечно,

и самъ не вполне оставался тѣмъ, чѣмъ былъ до переселенія въ Сибирь¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что культурное превосходство, которое между прочимъ сопровождалось лучшимъ вооруженіемъ, сдѣлало русскихъ хозяевами Сибири; сближенію съ инородцами дѣйствительно способствовала та уживчивость, какая бываетъ свойственна русскому народному характеру и какой далеко или вовсе не обнаруживаютъ западно-европейскіе народы въ своей колонизаціи; но едва ли сомнительно также, что въ этомъ сближеніи играли роль весьма не высокія культурныя требованія тѣхъ разрядовъ лицъ, которыя ближе всего встрѣчались съ инородцами. Этимъ объясняется то извѣстное явленіе, что при этихъ встрѣчахъ русскіе не только роднились съ „низшими“ племенами, но что при этомъ понижался уровень ихъ собственной культуры.

Мы замѣчали, что отношеніе къ инородцамъ не всегда было столь благодушно, какъ рассказываетъ историкъ о временахъ конца XVI-го и начала XVII-го вѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпло русское населеніе на новыхъ мѣстахъ и тѣмъ сильнѣе развивалась экономическая эксплуатація, которая наконецъ доводила инородцевъ до крайняго бѣдственнаго положенія, когда притомъ не дѣлалось почти или совершенно ничего для нѣкотораго ихъ просвѣщенія. Въ Сибири восточной русская колонизація принимала другой характеръ. Промышленныя партіи, двигавшіяся на востокъ и руководившіяся только инстинктами корысти, встрѣчали преобладающую массу инородцевъ и съ одной стороны происходило здѣсь страшное истребленіе сопротивлявшихся туземцевъ (такъ что, напримѣръ, масса буритскаго населенія въ Забайкальѣ отъ страха бѣжала въ Монголію), а съ другой побѣдители должны были вступать въ сдѣлки, признавать за инородцами право на ихъ земли, предоставить имъ внутреннее самоуправленіе²⁾. Если на западѣ сильное преобладаніе русской стихіи не помѣшало измѣненію типа вслѣдствіе смѣшеній, то тѣмъ сильнѣе оно было на востокѣ, гдѣ русское населеніе, столь мало превышающее инородцевъ теперь, въ прежнее время было и совсѣмъ незначительно.

Смѣшеніе съ туземцами было неизбѣжно прежде всего по недостатку русскихъ женщинъ. Московская власть уже съ перваго времени обращаетъ на это вниманіе. Въ 1630 году по царскому указу для восполненія недостатка въ женщинахъ послано было въ Сибирь 150 дѣвокъ, набранныхъ въ Тотмѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 334—335.

²⁾ Считаютъ, что въ настоящее время въ западной Сибири русское населеніе превышаетъ инородцевъ въ 13 разъ, въ Иркутской губерніи только въ 3 раза, а въ Забайкальской области только съ небольшимъ въ 2 раза.

Такое же извѣстіе повторяется въ 1637 году ¹⁾. Историкамъ Сибири рассказываютъ, что въ первое время завоеватели или отнимали силою, или покупали инородческихъ женщинъ; это дѣлалось по необходимости, и при первой возможности этихъ инородческихъ женщинъ замѣняли русскими. У первыхъ колонистовъ развилось даже настоящее многоженство, и русской женщинѣ отдавалось только при этомъ нѣкоторое преимущество. Такъ какъ первое столѣтіе сибирской исторіи занято было усиленнымъ стремленіемъ къ разысканію и захвату новыхъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ долгими промышленными и торговыми странствіями, то сибирякъ того времени мало жилъ на одномъ мѣстѣ, и у него разсыяны были жены по тѣмъ мѣстамъ, которыя лежали на его обычномъ пути. Нѣчто подобное существуетъ и въ настоящее время ²⁾. Наконецъ, женщины стали предметомъ настоящей торговли; ихъ мѣняли, покупали и продавали также, какъ инородческихъ невольницъ. Факты продажи женъ встрѣчаются не только въ актахъ XVIII-го вѣка, но и въ нашемъ столѣтіи. Правительство еще въ половинѣ XVIII-го вѣка отправляло женщинъ въ Сибирь, набирая ихъ изъ преступницъ и женщинъ легкаго поведения. Недостатокъ женщинъ чувствовался еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и въ видахъ его восполненія правительство, принимая мѣры противъ развившейся съ прошлаго вѣка покупки инородческихъ дѣтей въ рабство, дѣлало исключеніе для покупки дѣвочекъ. Это было еще въ 1825 году.

Эти нѣсколько фактовъ даютъ понятіе о томъ, какъ должно было измѣниться въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній свойство русской народности въ Сибири, въ которую этимъ путемъ входило столько инородческой крови. Результаты подобнаго смѣшенія бываютъ весьма разнообразны, но прежде всего не подлежатъ сомнѣнію, что первоначальный типъ долженъ былъ неизбежно затериваться. Онъ и дѣйствительно затеривался и притомъ въ разныхъ мѣстахъ различно, смотря по тому, съ какими племенами происходило смѣшеніе. Сибирскіе исследователи, отчасти руководясь, вѣроятно, желаніемъ скрасить племенные отношенія своей родины, собирали доказательства, что подобныя племенные смѣшенія могутъ не представлять ничего неблагоприятнаго относительно качества поколѣній, происходящихъ отъ смѣшенія. Извѣстно положеніе, что племенные смѣшенія могутъ вести

¹⁾ Вѣроятно, въ подобныхъ мѣропріятіяхъ имѣеть начало не однажды повторившійся у насъ паническій страхъ въ деревенскомъ населеніи, что будетъ наборъ дѣвокъ, вслѣдствіе чего происходило усиленное количество свадебъ. О случаѣ такой паники газеты говорили еще года три назадъ.

²⁾ Нѣкоторые предполагаютъ здѣсь даже прямое вліяніе магометанскаго многоженства.

въ улучшенію достоинствъ племени: всѣ великіе европейскіе народы были плодомъ разнообразнаго смѣшенія, которому и приписывается ихъ культурная даровитость; но съ другой стороны вѣроятно, что не всякое смѣшеніе поведетъ къ благопріятнымъ результатамъ, и сами сибирскіе изслѣдователи признаютъ, что во многихъ случаяхъ смѣшеніе отзывалось неблагопріятно на первоначальныхъ свойствахъ русскаго племени. Таковы въ особенности смѣшенія съ сѣверо-западными инородцами Сибири, остяками, самоѣдами, многіе вѣка находившимися въ подавленномъ бытовомъ состояніи и не имѣвшими возможности развивать даже тѣ немногія культурныя данныя, которыя еще сохранялись въ нихъ природѣ.

Параллельно съ вліяніями смѣшенія на измѣненіе первоначальнаго русскаго типа въ Сибири дѣйствовали другія условія — территорія, климата и промысла, которыя также нерѣдко производили его пониженіе. Въ сѣверной дикой пустынѣ русскому промышленнику представлялись тѣ же условія существованія, какъ и туземному инородцу; въ концѣ концовъ для борьбы съ суровою природою и для промысла онъ сталъ употреблять первобытныя приемы туземцевъ и мало-по-малу втягивался въ тотъ же бытъ и нравы. Кастрень изумлялся въ 40-хъ годахъ, видя въ Обдорскѣ, что тамошніе русскіе жили также, какъ окружающіе ихъ самоѣды и остяки ¹⁾, и это бывало, конечно, издавна. Въ другихъ мѣстахъ русскіе такимъ же образомъ перенимали обычаи татарскіе, киргизскіе, бурятскіе, якутскіе; киргизскій языкъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ южной Сибири, якутскій — въ Якутскѣ становились разговорнымъ языкомъ даже въ высшемъ мѣст.

---

¹⁾ Упомянувъ, что онъ не нашелъ между русскими жителями Обдорска никакой помощи и никакого пониманія къ своимъ интересамъ, онъ говоритъ: „но чего другого и можно ожидать отъ людей, которые отказались отъ всѣхъ радостей и удовольствій цивилизованной жизни, съ одною цѣлю — хитростью и обманомъ присвоивать себѣ прибрѣтенное потомъ и трудомъ достояніе простодушныхъ и легковѣрныхъ туземцевъ. Это имъ, правда, и удалось, но этотъ успѣхъ повергнулъ большинство этихъ искателей счастья въ нравственную испорченность, причемъ они вмѣстѣ съ тѣмъ погрязли въ животную грубость, которая казалась мнѣ противнѣе грубости самихъ дикарей. Когда я, только-что пріѣхавши въ Обдорскъ, искалъ квартиры у одного переселившагося сюда изъ Тобольска мѣщанина, я нашелъ все его семейство сидящимъ на полу, гдѣ оно занято было тѣмъ, что ѣло сырую рыбу, которую самъ хозяинъ нарезывалъ въ куски. И когда я вскорѣ затѣмъ посѣтилъ образованнѣйшаго челоуѣка въ городѣ, который былъ нѣчто въ родѣ мелкаго чиновника, онъ хвастался тѣмъ, что въ теченіе полугода не имѣлъ другой пищи, кромѣ сырой рыбы... Обыкновенная одежда жителей большею частью такая же, какъ у самоѣдовъ и остяковъ. Многіе изъ нихъ похожи на самоѣдовъ и тѣмъ, что держатъ болѣе или менѣе многочисленнаго стада оленей“, и т. д. „Nordische Reisen“, I, стр. 280. Онъ замѣчаетъ, что при всемъ томъ въ Обдорскѣ очень извѣстны были тобольскія моды, зеркала, вина и т. п.

вость, но отсутствіе школы составляло издавна, и составляетъ донынѣ, предметъ справедливыхъ жалобъ образованнѣйшей части сибирскаго общества.

Въ числѣ обстоятельствъ, способствовавшихъ образованію особаго склада сибирскихъ нравовъ и самой мѣстной народности было исключительное административное положеніе Сибири. Страна была такъ далека отъ правительственнаго центра, что сибирскіе правители, воеводы, потомъ губернаторы, становились настоящими сатрапами. Исторія сибирскаго управленія преисполнена, какъ нигдѣ въ старомъ и новѣйшемъ русскомъ государствѣ, примѣрами необузданнаго самоуправства и грабежа, которые отъ высшихъ правителей спускались ступенями до низшихъ исполнителей, и вся страна была совершенно беззащитна передъ этимъ произволомъ. Прошло едва нѣсколько лѣтъ послѣ перваго занятія Сибири, еще предстояли труды дальнѣйшаго занятія и завоеванія, а царскій указъ 1601 г. предписываетъ, чтобы воеводы не чинили себѣ корысти, не подмѣнивали „лучшихъ соболей и куницъ и лисицъ и бобровъ и бѣлки и горностаевъ, а своихъ худыхъ соболей и бобровъ и всякіе мелкіе рухляди не клали“. Въ 1602 году Сибирь имѣла уже своего перваго „мученика“: это былъ торговый приказчикъ Василій, признанный богоугодившимъ „чрезъ свои жестокія мученія отъ немилостиваго игемона“ (т.-е. воеводы), Савлука Пушкина; тѣло этого Василя найдено впослѣдствіи нетлѣннымъ, перенесено въ 1670 г. въ Туруханскій монастырь, и 23-го марта празднуется память блаженнаго мученика Василя Мангазейскаго. Сибирскіе „игемоны“ грабятъ киргизовъ (какъ безъ сомнѣнія и другихъ инородцевъ), и этимъ дѣлаютъ ихъ надолго злѣйшими врагами русскихъ ¹⁾).

„Игемоны“ доходятъ вообще до такого безобразія, что въ 1682 году тобольскій митрополитъ отлучилъ отъ церкви младшаго тобольскаго

¹⁾ Миллеръ разсказываетъ въ своей исторіи: „Киргизскій князецъ Номча, котораго жена пріѣхала въ Томскъ съ прошеніемъ о принятіи ея въ русскіе подданство, паче всѣхъ другихъ отищенія былъ желателенъ. За отъемъ новыми томскими воеводами у жены его собольей шубы пришло у оного въ такое огорченіе, что онъ на чулымскихъ татаръ огнемъ и мечемъ напалъ. Сіе приключеніе chiefly главному тому было причиною, что въ послѣдующія времена киргизовъ, сколько о томъ старанія съ русскіей стороны ни прилагали, совершенно покорить не могли.—Сибирская исторія насъ удостовѣряетъ, что когда съ покоряемыми или съ покоренными народами ласково и кротко поступали, тогда они безъ труда ко всему охотными себя показывали, что отъ нихъ требовано ни было. Напротивъ чего неукротимое упрямство и свирѣпость оказывали, когда имъ какія оскорбленія чинены, и воеводы болѣе отъ нихъ требовали, нежели сколько они дать были въ состояніи, или чего по силѣ царскихъ указовъ съ нихъ собирать не надлежало. Въ подтвержденіе сего послѣднего множества примѣровъ имѣемъ“, и пр. „Описаніе сибирскаго царства“, 2-е изд., Сиб., 1787, стр. 323.

воеводу „за презорство и гордость, за неистовое житіе, и за непристойныя и поносныя рѣчи“. Такое „презорство“, т.-е. буянство, и лихонимство было, кажется, свойствомъ чуть не всѣхъ сибирскихъ воеводъ—исключенія были рѣдки. Отсутствие контроля производило и такія странныя вещи, какая случилась въ Нерчинскѣ. Былъ тамъ воеводой Аѳанасій Савельевъ, прославившійся по цѣлой Сибири своею алчностью; на его мѣсто послали Семена Полтева, который умеръ въ дорогѣ, не доѣхавъ до мѣста, а мѣстные жители при этомъ, страшась другого Савельева, выбрали сами себѣ въ начальники сына Полтева, *ребенка*, котораго на рукахъ носили въ присутствіе; маленький Полтевъ, подъ руководствомъ приданнаго ему въ товарищи боярскаго сына Порфирьева, управлялъ Нерчинскимъ краемъ съ 1696 по 1699 годъ, до прибытія посланнаго изъ Москвы воеводы Ивана Николаева. Когда до высшей власти доходили извѣстія о грабительствѣ сибирскихъ правителей, оно прибѣгало къ самымъ крутымъ мѣрамъ: въ 1721 г. сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ преданъ былъ въ Петербургъ смертной казни; въ 1736 казненъ былъ въ Петербургѣ иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ. Несмотря на то, дѣла въ Сибири шли прежнимъ порядкомъ; въ сибирскихъ преданіяхъ до сихъ поръ не забылись имена старыхъ правителей, прославившихся своими грабежами и свирѣпостью, а напримѣръ въ 1758—1761, цѣлыхъ три года, производилъ всевозможныя грабительства, звѣрства и „неслыханно безнравственныя пакости“ нѣкто Крыловъ, присланный изъ Петербурга слѣдователь по винокуреннымъ дѣламъ, пока наконецъ слухи о его дѣяніяхъ достигли Петербурга и онъ былъ арестованъ. Подобныя порядки продолжались даже и въ XIX-мъ столѣтіи. Ревизія Сперанскаго 1819 года была вызвана невозможнымъ управленіемъ сибирскаго генераль-губернатора Пестеля. Сперанскій нашелъ въ Сибири такую массу всяческихъ злоупотребленій, что у него опускались руки: въ самомъ дѣлѣ приходилось исправлять зло, накопившееся буквально цѣлыми вѣками. Новая административныя учрежденія, большее вниманіе, которое оказывалось теперь сибирскимъ дѣламъ со стороны правительства—сдѣлали невозможнымъ повтореніе прежнихъ страшныхъ безобразій, но привычки стараго произвола вошли въ плоть и кровь низшаго чиновничества, управлявшаго Сибирью, и еще недавно мы читали отзывъ одного изъ губернаторовъ восточной Сибири, достойнаго человека, который хотѣлъ вести борьбу со старыми злоупотребленіями и сознавался въ своемъ безсиліи, потому что малое и упорное сопротивленіе встрѣчало его на каждомъ шагѣ ¹⁾.

Въ прошлое царствованіе, когда знаменательныя реформы совер-

¹⁾ Ср. Сузачева, „Иркутскъ“, 1891, стр. 98 и слѣд.

шались въ самой Россіи, Сибирь осталась чужда ихъ, и только въ послѣдніе годы она до нѣкоторой степени, далеко не вполне, начинаетъ получать учрежденія, давно уже дѣйствующія въ метрополіи. Между прочимъ и университетъ, учрежденіе котораго въ Сибири было высочайше признано полезнымъ еще въ 1856 году, былъ открытъ только болѣе тридцати лѣтъ спустя — въ составѣ одного факультета...

Административное положеніе, которое мы здѣсь намѣтили въ двухъ словахъ, очевидно, не могло не быть важнымъ факторомъ въ образованіи склада сибирскаго общества. Безграничный произволъ, подъ которымъ такъ долго жила Сибирь, не могъ благопріятно дѣйствовать на общественные нравы, не могъ помочь развитію самодѣятельности, общественнаго чувства, успѣхамъ просвѣщенія. Естественныя богатства Сибири вызывали, конечно, предпріимчивость, создавали большія состоянія, вносили въ жизнь богатаго круга внѣшнюю роскошь, но интересы умственные и общественные оставались по прежнему неразвиты. Сибиряки стараго закала сомнѣвались въ пользѣ реформъ Сперанскаго и находили, что Сибирью нельзя управлять по его „ученымъ способамъ“ — выходило, что Сибирью надо было управлять по способамъ Пестеля и его предшественниковъ: такъ сильно было убѣжденіе, что Сибирь есть дикая страна, для которой еще не нужны понятія законности и требованія справедливости. Дѣйствительно, эта страна золотыхъ пріисковъ и другихъ естественныхъ богатствъ, страна ссылки, страна полудикаго инородческаго міра, наконецъ страна административнаго произвола и самыхъ скудныхъ средствъ образованія, создавала складъ жизни, часто слишкомъ отстававшій отъ склада жизни въ самой Россіи, хотя и этотъ послѣдній бывалъ еще весьма первобытенъ.

Если трудно соразмѣрить лучшія и худшія стороны сибирскаго общества, то не менѣе трудно опредѣлить сибирскую народную жизнь. Сибирскій народъ есть нѣчто столь сложное, что говорить о немъ какъ однородномъ цѣломъ, кажется, нельзя. Русское населеніе пересыпано инородцами и различными расовыми помѣсями; самый русскій народъ представляетъ рядъ ступеней, отъ настоящихъ русскихъ, сохранившихъ много подлинной народной старины, до тѣхъ послѣднихъ варіацій типа, гдѣ полу-забывается самый языкъ, и до обрусѣвшихъ инородцевъ, гдѣ русское является еще только поверхностнымъ слоемъ.

Это явленіе такъ давно бросалось въ глаза, что впечатлѣнія его мы находимъ уже у путешественниковъ и писателей XVIII вѣка, которые замѣчали и даже пытались опредѣлять отличительныя черты сибирскаго типа физическаго и нравственнаго, въ сравненіи съ рус-

скимъ тиномъ въ Европѣ. Но только въ послѣднее время изслѣдователи Сибири поставили вопросъ опредѣленно; сознавая громадную сложность вопроса при современныхъ требованіяхъ науки, они хотѣли во крайней мѣрѣ обратить на него вниманіе и указывали на-болѣе яркія черты различія, для которыхъ требовалось объясненіе.

Изъ ряду этихъ изслѣдователей долженъ быть въ особенности названъ Щаповъ, сибирякъ родомъ, нѣкогда профессоръ русской исторіи въ Казани и въ послѣдніе годы прожившій опять въ Сибири, личность столь оригинальная, и между прочимъ какъ своими достоинствами, такъ и недостатками, характерная для Сибири. Щаповъ (род. въ 1830 году) былъ родомъ изъ села Анги за Байкаломъ въ Иркутской губерніи; отецъ его былъ здѣсь дьячкомъ, мать была простою крестьянкой, бурятка по происхожденію. Онъ учился въ иркутскомъ училищѣ, живя въ самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ; за-гнѣвъ въ 1846 перешелъ тамъ же въ семинарію, гдѣ жилось ему нѣсколько лучше и гдѣ онъ усиленно работалъ; наконецъ въ числѣ лучшихъ учениковъ въ 1852 году онъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ полномѣтѣ 50-хъ годовъ. Вскорѣ затѣмъ онъ назначенъ былъ профессоромъ русской исторіи въ духовной академіи, а въ 1860 приглашенъ на ту же кафедру и въ университетъ. Этому послѣднему приглашенію предшествовала извѣстность Щапова, какъ талантливаго профессора. Въ университетѣ, гдѣ на первой лекціи его, кромѣ университетскихъ слушателей, собралась многочисленная публика, онъ съ перваго раза произвелъ сильное впечатлѣніе, которое на долго привязало слушателей къ профессору. Онъ дѣйствовалъ на слушателей (несмотря на свое не довольно внятное произношеніе) качествомъ, которое не часто бываетъ на кафедрѣ: онъ былъ страстно преданъ своему предмету, его мысли были его глубочайшимъ убѣжденіемъ, которому онъ отдавался со всей искренностью: — его историческіе взгляды были притомъ довольно новы.

О томъ впечатлѣніи, которое производилъ Щаповъ въ университетѣ, есть любопытный рассказъ одного изъ его слушателей. „Вступленіе въ университетъ Щапова,—рассказываетъ очевидецъ,—было цѣлое событіе въ лѣтописяхъ внутренняго быта университета. Въ тотъ короткій періодъ, пока Щаповъ занималъ у насъ кафедру русской исторіи, — онъ, можно сказать, царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на кафедрѣ было своего рода триумфомъ; долгое время въ тотъ часъ, когда читалъ Щаповъ, всѣ остальные профессора прекращали свои лекціи; клиника и анатомическій театръ пустѣли; у подъѣзда университета былъ съездъ экипажей, такъ какъ городская пуб-

лика то же приходила въ движеніе и стремилась его послушать¹⁾ и пр. ¹⁾).

Его извѣстность въ литературѣ составлена была обширнымъ изслѣдованіемъ: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII и въ 1-й половинѣ XVIII вѣка“ (Казань, 1859). Это изслѣдованіе, хотя еще не достигало полного опредѣленія вопроса, доставило однако много любопытныхъ разъясненій и обнаружило обширную начитанность автора, и новые приемы изученія.

Но профессорская дѣятельность Щапова была непродолжительна. Въ 1861 году, по обнародованіи „Положенія 19 февраля“, произошли между прочимъ въ казанской губерніи нѣкоторыя безпокойства между крестьянами, вслѣдствіе неправильнаго пониманія ими „Положеній“. Въ Казани, увлекшіеся молодые люди, на которыхъ подѣйствовалъ исходъ этихъ событій, собрались на панихидѣ по Антонѣ Петровѣ. Щаповъ, энтузіастъ по природѣ, но абсолютно не знавшій жизни, былъ также на этой панихидѣ, увлекаемый тогдашнимъ настроеніемъ и не думая о послѣдствіяхъ, которыя, по обстоятельствамъ дѣла, могли быть неблагоприятны особенно для него. Вскорѣ онъ былъ вытребованъ въ Петербургъ и потерялъ профессуру. Впрочемъ, дѣло пока не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ для него послѣдствій, Щапову даже оказано было вниманіе просвѣщеннымъ начальствомъ, которое дало ему возможность продолжать въ Петербургѣ свои изслѣдованія—изученіемъ архивныхъ дѣлъ по расколу. Результатомъ было нѣсколько замѣчательныхъ и оригинальныхъ работъ.

Въ свое пребываніе въ Петербургѣ Щаповъ особенно много работалъ. Въ „Отеч. Запискахъ“ появились тогда его любопытныя статьи: „Великорусскія области и смутное время, 1606—1613 г.“; „Земство и расколъ“ (напечатано потомъ отдѣльной книжкой). Въ журналѣ „Время“ помѣщено было продолженіе этихъ статей—о сектѣ „Вѣгуповъ“. Въ „Журналѣ минист. просвѣщенія“, 1863: „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія—православнаго и старообрядческаго“. Эти статьи между прочимъ интересны по выпискамъ изъ рукописей Соловецкой бібліотеки, находящейся теперь въ Казани и которую Щаповъ внимательно изучалъ въ прежнее время. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“—статья: „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“. Позднѣе, эту же тему онъ излагалъ въ статьяхъ: „Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія“ въ журналѣ „Рус. Слово“, 1864—1865, и проч.

¹⁾ „Первый Шагъ, провинціальный литер. сборникъ“, Казань, 1876, стр. 404—413.

Но въ Петербургѣ Щаповъ остался недолго. Его крайняя практическая безпечность и неосторожность снова ему повредили. Въ 1864 или 1865 онъ долженъ былъ оставить Петербургъ и отправиться „на мѣсто жительства“, которымъ была назначена сѣверная деревня, гдѣ онъ родился, потомъ городъ Иркутскъ. Здѣсь онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, не выѣзжая съ мѣста,—за исключеніемъ поѣздки въ Омскъ, гдѣ привлекали его къ дѣлу о сибирскомъ сепаратизмѣ, и научной экспедиціи въ сѣверный Туруханскій край, устроенной Сибирскимъ Отдѣломъ Географическаго Общества, гдѣ Щаповъ, при всѣхъ трудностяхъ путешествія, сумѣлъ собрать замѣчательный научный матеріалъ; къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ погибъ потомъ въ иркутскомъ пожарѣ, истребившемъ помѣщеніе Отдѣла. Издавна слабый здоровьемъ, Щаповъ тяжело провелъ послѣдніе годы, въ борьбѣ съ нуждой, которая все больше его угнетала; притомъ съ удаленіемъ изъ Петербурга для него затруднилась литературная дѣятельность, составлявшая его единственное средство къ существованію... Онъ продолжалъ работать, и послѣднимъ значительнымъ его трудомъ была книга: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ (Сиб. 1870).

Такимъ образомъ, тревожная жизнь, тяжкія вѣшнія обстоятельства мало давали Щапову возможности къ правильной и спокойной ученой работѣ, именно въ то время, когда его силы были въ полномъ развитіи. Тѣмъ не менѣе, труды его даютъ ему неоспоримое мѣсто въ ряду писателей, которые содѣйствовали разъясненію руководящихъ началъ нашей исторіи. Главнѣйшимъ интересомъ его историческихъ разысканій была народная жизнь, съ ея истинными и приобрѣтенными особенностями, жизнь, содержаніе которой не покрывалось государственными формами, и нерѣдко стояло съ ними въ противорѣчій и разладѣ; онъ настоятельно указывалъ на необходимость изслѣдовать областныя дѣленія русской народности, и ихъ участіе въ историческихъ явленіяхъ, на которое обыкновенно мало обращалось вниманія; съ другой стороны, онъ былъ свободенъ отъ преувеличеній, очень нерѣдкихъ, которыя въ этомъ направленіи приводили многихъ къ исключительной мнимо-народности, и нѣсколько его работъ посвящено было исторіи умственнаго развитія русскаго народа, гдѣ онъ истинную цѣль его видѣлъ въ соединеніи народныхъ началъ съ научными результатами просвѣщенія. Нѣкоторыя изъ его позднихъ работъ вызывали строгія сужденія критики; многія изъ нихъ дѣйствительно отзывались спѣшностью и неоконченностью, слѣдствіемъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ его работы; — но, взятая въ цѣломъ, работы Щапова представляютъ много свѣт-

лыхъ мыслей объ исторической судьбѣ и содержаніи нашей народной жизни.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, какъ складывались эти историческія воззрѣнія Щапова. Въ учебные годы между товарищами сибиряками складывался свой сибирскій патріотизмъ ¹⁾; впоследствии судьба Сибири представлялась Щапову въ тѣсной связи съ цѣлымъ народнымъ развитіемъ, такъ что движеніе русскаго народа на сибирскій востокъ Щаповъ приравнивалъ къ тому движенію, которое позднѣе выразилось Петровскою реформой. А именно, когда въ московскомъ періодѣ, дошедшемъ до своего неподвижнаго идеала, дальнѣйшее движеніе было возможно только съ разрушеніемъ сложившихся формъ и усвоеніемъ новыхъ, и когда Петръ Великій вносилъ эти новыя формы въ видѣ цивилизаціи, заимствованной на западѣ, то еще ранѣе Петра самъ народъ предпринималъ такой же переворотъ, уходя массами на востокъ, гдѣ „оторвавшись отъ общаго корня исторической жизни и традиціи великорусскаго народа“, онъ сталъ вырабатывать „самобытную своеобразную народность и жизнь среди новыхъ физико-географическихъ и этнографическихъ условій“. Отдѣленное отъ Россіи, окруженное совершенно новыми условіями природы, сибирское населеніе „больше искало *новой* жизни, чѣмъ думало о старой и вообще умственно и нравственно приспособлялось больше къ новымъ мѣстнымъ физико-географическимъ и этнографическимъ условіямъ, чѣмъ къ старымъ историко-традиціоннымъ основамъ и началамъ великорусской народной жизни“. Таковъ былъ по Щапову исходный пунктъ того развитія, которое сопровождалось образованіемъ особой русско-сибирской народности. Но эта своеобразность и самобытность имѣла свои глубокія невыгодныя стороны. Петръ, разрушая старину, давалъ въ замѣнъ ея науку; сибирскіе гулящіе люди, оторвавшись отъ старины, быть можетъ еще больше, чѣмъ самъ Петръ, перезабывъ все, что создало народное творчество, и даже начавъ противопоставлять себя „россейцамъ“, очутились отъ науки дальше, чѣмъ были русскіе до Петра. Сибирскому населенію недоставало просвѣщенія, то-есть положительной части реформы. Сибирское общество вело до сихъ поръ бессознательную жизнь; оно какъ будто съизнова начинало тотъ трудъ, какой совершался русскимъ народомъ въ началѣ его исторіи—трудъ бессознательной закладки первой гражданственности, безъ помощи званія и опыта другихъ народовъ.

Съ такими мыслями Щаповъ, вернувшись въ Сибирь, обращался къ изученію сибирской народности. Въ Иркутскѣ, онъ принялъ участіе въ трудахъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Геогр. Общества, въ

¹⁾ „А. П. Щаповъ“, Аристова, стр. 11.

ніе дурной администраціи и ссылки. Не менѣе любопытны тѣ детальныя изслѣдованія, какія предпринималъ Щаповъ въ инородческихъ и русскихъ общинахъ въ связи съ тѣмъ же вопросомъ о складѣ сибирскаго народнаго типа: онъ бралъ небольшую территорію, добывалъ въ мѣстныхъ маленькихъ архивахъ, какіе могъ найти, документы о происхожденіи мѣстнаго населенія, слѣдилъ семьи русскія и инородческія, отмѣчалъ племенные смѣшенія, наблюдалъ мѣстные типы, являвшіеся въ настоящее время результатомъ прошлой исторіи этихъ родовъ, собиралъ мнѣнія самихъ мѣстныхъ жителей, и былъ бы на дорогѣ чрезвычайно важныхъ выводовъ въ области этнографіи и антропологіи, еслибы ему удалось расширить свои наблюденія на нѣсколько большій районъ и обобщить въ точныхъ выводахъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ заѣхалъ въ Сибирь и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ извѣстный путешественникъ и славистъ П. А. Ровинскій. За это время онъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ съ этнографическими цѣлями въ западной и восточной Сибири, именно въ Минусинскомъ и въ Иркутскомъ краѣ и въ Забайкальѣ. Результатомъ было нѣсколько статей его въ изданіяхъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества ¹⁾. Г. Ровинскій былъ однимъ изъ очень немногихъ сибирскихъ путешественниковъ, научно приготовленныхъ къ этнографическому изслѣдованію: наблюдательность, изощренная разнообразными странствіями, необыкновенное умѣнье сходиться съ народомъ ²⁾ дали ему возможность собрать много характерныхъ фактовъ о различныхъ сторонахъ сибирской народности. Во многихъ подробностяхъ его замѣчанія о свойствахъ русско-сибирскаго народа сходятся съ тѣмъ, что говорилъ Щаповъ, но общій выводъ менѣе суровъ, и въ сибирскомъ характерѣ г. Ровинскій находилъ черты, ко-

¹⁾ О поѣздкѣ на Тунку и на Оку до Окинскаго караула, въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла, т. I. Иркутскъ, 1870.

— О книгѣ доктора Кашина о зобѣ и кретинизмѣ (особенно распространенныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи), тамъ же.

— Отзывъ объ изданіи Иркутскаго губ. Стат. Комитета, въ „Извѣстіяхъ“, т. II. Иркутскъ, 1871.

— Сообщение о поѣздкѣ по Ангартъ и Ленѣ, тамъ же.

— Между Ангарой и Леной, тамъ же.

— Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области, въ „Извѣстіяхъ“, т. III. Иркутскъ, 1872.

— Замѣчанія объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія и словарь, въ „Извѣстіяхъ“, т. IV. Иркутскъ, 1878.

— Матеріалы для этнографіи Забайкалья, тамъ же.

— Объ этнологическихъ изслѣдованіяхъ въ восточной Сибири г. Ровинскаго, въ „Отчетахъ“ Сибирскаго Отдѣла за 1870 и 1871 г., и также въ общихъ отчетахъ Географическаго Общества за тѣ годы.

²⁾ Ср. замѣчанія Орфанова, „Въ Дали“, стр. 20 и дал.

торнуть может предстать здоровое развитіе при лучшихъ условіяхъ управленія и особливо при большемъ образованіи. Особенно любопытны изслѣдованія Ровинскаго о русско-сибирскомъ нарѣчій, которое, по его замѣчанію, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ больше исцѣряется чужими примѣсами. Въ Нерчинскѣ ему такъ часто приходилось въ разговорахъ съ русскими обращаться за переводомъ незнакомыхъ ему словъ, что коренной житель спросилъ его наовонецъ: „что это такое, вы не знаете самыхъ обыкновенныхъ русскихъ словъ, однимъ иностранецъ“? А эти обыкновенныя русскія слова были: *занимало*—отупѣвшій, оstarѣвшій человекъ, и глаголѣ *оэкинувшись*; *дымкой*—напрасно; *халзаный*—хисый (говорится о человекѣ и о лошади); *кураламха*—весенній барашекъ; *калмурла*—кисеть съ табакотъ и т. п. Ровинскій старался опредѣлить особенности сибирскаго нарѣчія въ звукахъ, удареніи, словообразованіи, въ управленіи словъ, наовонецъ въ словарѣ, и намѣтитъ историческія условія, при которыхъ образовывались странныя формы, нерѣдко поражающія въ сибирскомъ нарѣчій. Бъ сожалѣнію, эти крайне интересныя изслѣдованія съ тѣхъ поръ не были подвинуты впередъ.

Вопросъ о русско-сибирской народности затронуть былъ и г. Ядринцевымъ въ книгѣ: „Сибирь какъ колонія“. Авторъ не входилъ въ спеціальныя изслѣдованія, но собралъ общія положенія, какія могли быть выведены изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ наблюденій, дополнивъ ихъ своимъ собственнымъ знаніемъ сибирскихъ племенныхъ отношеній. Сибирскій патриотизмъ не могъ не заставить автору увидѣть обѣ стороны вопроса: онъ старается объяснить, что племенные смѣшенія, какія въ широкихъ размѣрахъ происходили въ Сибири со времени ея завоеванія и донынѣ, во многихъ случаяхъ имѣли благотворный результатъ, каковой дается взаимодействіемъ племенныхъ дарованій, но соглашается, что въ другихъ случаяхъ смѣшеніе приводило къ ущербу для русской народности и къ пониженію тина¹⁾.

Г. Анучинъ, составляя наблюденія, сдѣланныя по этому предмету, приходилъ въ 1876 къ такому выводу: „Русская народность въ Сибири, несмотря на многія неблагопріятныя условія, не только не потерялась, но удержала всѣ существенныя черты своего тина, сдѣлавъ еще замѣтельные успѣхи. Множество инородцевъ, принимая русскую зѣрн и русскій образъ жизни, мало-по-малу забываютъ свой родной языкъ и, вступая въ брачныя союзы съ русскими, принимаютъ и русскую физіономію, хотя и удерживаютъ въ то же время нѣко-

¹⁾ Въ предѣлахъ изслѣдываемаго вопроса русскій г. Рыбниковъ („Полярныя страны Сибири“, изъ „Сибирскихъ Сбраникъ“, 1867, стр. 1—12) о русскихъ жителяхъ Колымскаго края авторъ приводитъ вырѣзки, показывающія расступленіе изъ этихъ жителей вероисповѣданію русскому тина.

торыя черты своего первоначальнаго типа. Но явленіе такого рода не есть потеря русскими своей народности, а напротивъ составляетъ торжество русской расы надъ нашими инородческими племенами. Отрекаясь отъ своей вѣры, своихъ полудикихъ воззрѣній и принимая образъ жизни и мыслей русскаго племени, инородцы, тѣмъ самымъ, получаютъ возможность достигнуть просвѣщенія, стать въ число цивилизованныхъ людей, которыми они навѣрно и будутъ, къ чести и славѣ русской народности“.

За послѣднее время вопросъ былъ снова затронутъ въ книгѣ г. Астырева, выше названной, гдѣ, кажется, еще усилена пессимистическая характеристика, сдѣланная Шаповымъ—но безъ достаточныхъ доказательствъ и во всякомъ случаѣ односторонно.

Въ толкахъ о новѣйшихъ крестьянскихъ переселеніяхъ изъ Россіи также говорилось косвенно о сибирской народности, когда выдвигалась противоположность „новоселовъ“ съ сибирскими старожилами, причемъ первымъ давалось значеніе новыхъ цивилизаторовъ загрубѣвшаго и отсталаго сибиряка. Здравую критику этого противоположенія читатель найдетъ въ упомянутой ранѣе статьѣ А. А. Кауфмана ¹⁾.

Чисто этнографическія изслѣдованія русской народности въ Сибири до сихъ поръ остаются очень скудны, чему и надо приписать противорѣчивыя о ней мнѣнія. Отдѣльныя этнографическія замѣтки о русско-сибирскомъ народѣ встрѣчаются уже у путешественниковъ XVIII-го вѣка. Начиная съ Гмелина, у всѣхъ важѣйшихъ путешественниковъ есть упоминанія и цѣлыя разказы о характерѣ сибирскаго народа, о мѣстныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, объ особенностяхъ сибирскаго языка и т. п. Собственно этнографическіе труды являются съ 30-хъ годовъ, и одной изъ первыхъ книгъ этого рода была книга Ек. А. Авдѣевой, сестры Н. А. Полевого ²⁾. Полевые провели первую молодость въ Сибири. Г-жа Авдѣева говоритъ, что прожила въ Сибири около 30-ти лѣтъ; поэтому она имѣла возможность узнать сибирскую жизнь, хотя, повидимому, только городскую иркутскую. Въ началѣ книги она даетъ понятіе о природѣ иркутскаго края, ея произведеніяхъ, промыслахъ жителей, торговлѣ; но главная часть

¹⁾ Сѣверный Вѣстникъ, 1891, апрѣль; его же замѣтка о книгѣ Астырева, тамъ же.

²⁾ „Записки и замѣчанія о Сибири, сочиненіе ...и ...ой. Съ приложеніемъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ“. Москва, 1837. „Предисловіе издателя“ подписано К. П., то-есть, Ксенофонтомъ Полевымъ.

Изъ сочиненій Авдѣевой (1789—1865) укажемъ еще „Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ“. Спб. 1842.

пѣнія; нѣтъ театровъ, концертовъ; даже нѣтъ ни одного пансіона или училища для дѣвицъ; учатся, кто какъ можетъ; нѣкоторые дома, другія у священниковъ. Были при мнѣ дома два, гдѣ по нѣскольку дѣвицъ учились болѣе по знакомству русской грамотѣ и разнымъ рукодѣліямъ“ (стр. 54). „Изъ всѣхъ увеселеній,—разсказываетъ г-жа Авдѣва,—извѣстныхъ въ столицахъ, на святой недѣлѣ только качели ставятъ на площади. Тутъ бывають качели круглыя, большія, съ сидѣлками, и коньки; народъ качается, ѣздитъ, другіе смотрять; тѣмъ и кончится праздникъ. Въ Иркутскѣ нѣтъ театра, и за отдаленностью не пріѣзжаютъ никогда волтижеры, балансёры и разные искусники съ диковинками. Имена Финарди, Раппо, Кіарини извѣстны только изъ газетъ. Тѣмъ болѣе никогда не видали тамъ истинныхъ артистовъ. Во всѣ двадцать-пять лѣтъ, которыя прожила я въ Иркутскѣ, пріѣзжала туда только труппа итальянцевъ съ учеными собаками. Правда, это берегаетъ карманы, но многіе *возмущаются объ увеселеніяхъ столицы*“¹⁾. Впрочемъ раньше г-жа Авдѣва упоминала еще объ одномъ увеселеніи — о „вертепѣ“, который во времена Гмелина былъ, кажется, еще интереснѣе. Но что можно было устроить по иностранному образцу, то устраивалось; г-жа Авдѣва разсказываетъ, на примѣръ, о маскарадахъ. Добрыя старыя времена всегда представляются въ привлекательномъ видѣ, и по мнѣнію г-жи Авдѣвой сибирскіе нравы были самыя наилучшіе. „Отдаленность отъ столицъ и недостатокъ въ воспитаніи кладутъ свою печать; зато въ нравственномъ отношеніи много есть похвальнаго въ семействахъ, и даже болѣе привязанности вообще между родными, ... гостепріимство въ Иркутскѣ примѣрное; благоправіе уважается чрезвычайно, и даже въ простомъ народѣ женщина дурнаго поведения не найдетъ себѣ мѣста нигдѣ“²⁾. Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ сходится съ показаніями другихъ писателей, по словамъ которыхъ сибирскіе нравы не были примѣрными и, между прочимъ, всеобщимъ порокомъ было пьянство, даже между женщинами.

Приводимъ въ параллель замѣчанія Кастрена: „Пьянство стало столь всеобщимъ въ Сибири, что съ нимъ не соединяется никакого безчестія. „Всѣ мы люди грѣшныя“,—отвѣчаетъ сибирякъ, если его спрашиваютъ о степени трезвости какого-нибудь человѣка. Въ праздники даже молодыя дѣвушки могутъ пить, не навлекая на себя выговора... замужнія женщины пьютъ почти всѣ безъ исключенія. Уже это показываетъ, какъ несправедливо мнѣніе, которое приписываетъ сибирякамъ лучшіе нравы и болѣе высокое образованіе сравнительно

¹⁾ Стр. 71—72.

²⁾ Стр. 35.

съ уроженцами Россіи. Правда, что въ Сибири крестьянинъ брѣется, курить трубку, охотно ходитъ въ скотукѣ, ведетъ хорошую рѣчь, мало вѣрить въ духовъ и въ привидѣнія, не любитъ религіознаго секторства и т. д.; зато русскій отличается бѣльшимъ благородствомъ, болѣе прямымъ и откровеннымъ характеромъ и лучшимъ пониманіемъ. Въ Россіи ¹⁾ уже не рѣдкость, что крестьянинъ читаетъ и пишетъ, а въ Сибири встрѣчаются даже купцы, которые едва умѣютъ подписать свое имя“ и т. д. ²⁾).

Въ сороковыхъ годахъ появляются замѣчательные труды для сибирской этнографіи извѣстнаго сибиряка, Степ. Ив. Гуляева, умершаго въ маѣ 1888 года въ Барнаулѣ на 85-мъ году. Родиной Гуляева былъ Локтевскій заводъ, алтайскаго горнаго округа. Онъ учился въ мѣстномъ горнозаводскомъ училищѣ, какъ лучший ученикъ былъ отправленъ на службу при кабинетѣ Е. В., а потомъ переведенъ на Алтай. Некрологъ его замѣчаетъ, что онъ былъ здѣсь, кажется, единственнымъ человѣкомъ, прослужившимъ безпорочно 69 лѣтъ. Время, когда онъ работалъ на Алтай, было для большинства его сослуживцевъ время легкой наживы, но Гуляевъ остался честнымъ человѣкомъ и кромѣ того былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, которому всегда были близки интересы науки. Владѣя богатыми свѣдѣніями о Сибири и въ частности объ алтайскомъ краѣ, онъ охотно дѣлился своимъ знаніемъ съ тѣми, кто въ немъ нуждался. Онъ бывалъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, между прочимъ Географическаго, и его первымъ трудомъ по этнографіи были, если не ошибаемся, „Этнографическіе очерки южной Сибири“ ³⁾, гдѣ помѣщено подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ, съ относящимися къ нимъ пѣснями, затѣмъ знахарскіе заговоры и заклинанія, далѣе пѣсни разнаго рода и, наконецъ, довольно обширный словарь мѣстнаго сибирскаго языка. Другіе труды Гуляева помѣщались въ изданіяхъ Географическаго Общества, въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія Академіи, въ „Русской Старинѣ“ и другихъ изданіяхъ, а также въ сибирскихъ газетахъ ⁴⁾. Съ 50-хъ годовъ появляются этнографическіе труды князя Кострова ⁵⁾. Отметимъ далѣе этнографическіе труды

¹⁾ Писано въ половинѣ сороковыхъ годовъ.

²⁾ Nordische Reisen, II, стр. 157—158.

³⁾ Библіотека для Чтенія, 1848, т. XC, двѣ большія статьи, стр. 1—142.

⁴⁾ Краткій, весьма недостаточный некрологъ Гуляева см. въ „Сибирской Газетѣ“, 1888, № 39. Нѣсколько подробнѣе, но также недостаточно, въ книгѣ П. А. Голубева „Алтай“. Томскъ, 1890, стр. 427—436. Здѣсь сказано, между прочимъ, что послѣ Гуляева остался сборникъ былинъ, записанныхъ главнымъ образомъ отъ старика-пѣвца Тупицына, около Барнаула.

⁵⁾ Напримѣръ, „Святки въ Минусинскомъ округѣ енисейской губерніи“; „Народныя примѣты крестьянъ старожиловъ Минусинскаго округа“; „Городъ Минусинскъ“;

г. Потанина ¹⁾. Наконецъ, довольно много отдѣльныхъ этнографическихъ извѣстій, небольшихъ собраній пѣсенъ и подобнаго матеріала разсѣяно въ журналахъ и мѣстныхъ изданіяхъ ²⁾.

Мѣстный сибирскій языкъ, какъ мы замѣчали, давно обращалъ на себя вниманіе; даже людямъ, мало приготовленнымъ къ наблюденію особенностей языка,—каковы были, напримѣръ, нѣмецкіе академическіе путешественники,—эти особенности бросались въ глаза; тѣмъ больше онѣ были замѣтны русскимъ, и эти отличія сибирскаго языка записывали, напр., г-жа Авдѣева, Гуляевъ, Кривошапкинъ и др. ³⁾. Наиболѣе важны, какъ мы указывали, труды П. А. Ровинскаго.

„Колдовство и порча у крестьянъ томской губерніи“ въ „Запискахъ“ Сибирскаго Отдѣла, кн. II, V, 1856, 1858, и въ „Запискахъ“ Западно-Сибирскаго Отдѣла, кн. I, Омскъ, 1879; „Юридич. обычаи крестьянъ старожиловъ томской губерніи“, Томскъ, 1876, и др. Выше названы его сочиненія объ инородцахъ. Біографическія свѣдѣнія о кн. Костровѣ и списокъ его сочиненій см. у Д. Лыкова, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. 1—2.

¹⁾ Юго-западная часть томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи, въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ Геогр. Общ. Спб., 1864, кн. VI, и др.

²⁾ Укажемъ нѣкоторые изъ этихъ сообщеній: „Простонародныя пѣсни Нерчинскаго округа“, Ивана Юренскаго, въ „Финскомъ Вѣстникѣ“ 1847, ч. XIX, смѣсь, стр. 23—25.

— Ирестьянская свадьба въ Ялуторовскомъ округѣ (съ пѣснями), З. Плотникова, Тобольск. губ. Вѣдом. 1859, № 5.

— Свадебные обряды крестьянъ кузнецкаго уѣзда томской губ., Томск. губ. Вѣд. 1860, № 2—3.

— Разсказъ о поѣздкѣ въ Бухтарминскій край, А. Принтца, въ „Запискахъ по общей географіи“ Геогр. Общ., т. I, Спб. 1867.

— Пословицы и поговорки жителей тобольской губ., I. Бартошевича; Тобольскія губ. Вѣд. 1866, № 49.

— Вечорка въ Нижне-Колымскѣ (съ пѣснями). Газета „Сибирь“, 1874, № 29—30.

— Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула, Леонтій Гавр. Тулицынъ, Л. Майкова въ „Извѣстіяхъ“ Геогр. Общ. 1875, № 6.

— Замѣтка о забайкальскихъ старообрядцахъ, Н. Ушарова, въ Сборникѣ газетъ „Сибирь“, Спб. 1876, стр. 313—333.

— Сибирскіе нищіе, въ газ. „Сибирь“, 1879, № 10—14 и друг.

Указанія объ этой литературѣ собраны въ „Сибирской Библіографіи“ г. Межова, т. II. Обширная библіографическая работа о сибирской этнографіи, А. А. Ивановскаго, въ московскомъ „Этнографич. Обзорѣ“, 1890—91.

Изъ литературы общихъ описаній и путешествій, гдѣ разсѣяно много этнографическихъ замѣтокъ, упомянемъ въ особенности книги г. Максимова („На Востокъ“, „Сибирь и каторга“), Пржевальскаго („Путеш. въ Уссурійскій край“, гдѣ замѣтки о бытѣ сибирскихъ казаковъ), Орфанова, Астирева и пр.

³⁾ Такъ какъ, впрочемъ, эти случайные наблюдатели сами не были научно знакомы съ предметомъ, то въ числѣ приводимыхъ ими „сибирскихъ“ словъ находится не мало словъ обще-народныхъ и старинныхъ, неизвѣстныхъ только въ литературномъ употребленіи.

по различнымъ вопросамъ народнаго быта разсѣяна въ сибирскихъ изданіяхъ, какъ мѣстныхъ губернскіихъ и епархіальныхъ вѣдомости, газета „Сибирь“ (статьи В. И. Вагина, Щапова и пр.), „Сибирская Газета“ и въ особенности „Восточное Обозрѣніе“, гдѣ почти каждый номеръ доставляетъ болѣе или менѣе важные матеріалы и подробности по этимъ предметамъ; наконецъ изданія обоихъ сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества и общіе журналы,—кромѣ собственно народнаго быта затронута была и исторія сибирской общественной жизни ¹⁾.

Послѣднія два или три десятилѣтія представляютъ особенное оживленіе сибирскихъ изученій. Можно думать, что отнынѣ начинается новый періодъ сибирскихъ изысканій, совершаемыхъ уже въ значительной степени силами самого мѣстнаго образованнаго круга. Мы называли имена цѣлаго ряда сибиряковъ по рожденію, или по пріобрѣтеннымъ симпатіямъ, или по продолжительному пребыванію въ Сибири и изученію ея, какъ Щаповъ, Потанинъ, Поляковъ, Вагинъ, Ядринцевъ, Щегловъ, Адриановъ, Усольцевъ, Клеменцъ, Радловъ и мн. др., труды которыхъ, хотя бы иногда въ нихъ чувствовался недостатокъ научныхъ средствъ, имѣютъ важное преимущество близкаго изученія страны и людей, возможнаго только для туземцевъ, и преимущество того теплаго отношенія къ родному краю, которое шире и полнѣе поможетъ раскрыть его лучшія стороны, его внут-

¹⁾ Напр: „Собственность и община“ (въ Сибири), Колмогорова, въ „Отеч. Запискахъ“ 1858, кн. 10.

— Положеніе рабочаго класса въ Россіи, Н. Флеровскаго. Спб., 1869, гдѣ рѣчь идетъ и о Сибири.

— Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ, Н. Ядринцева. Спб., 1872.

— Общинный бытъ у крестьянъ Забайкальской области Восточной Сибири, К. Михайлова, „Р. Мысль“, 1885, № 12.

См. также программу изслѣдованія сельской общины въ Сибири, г. Ядринцева въ „Запискахъ“ Западно-Сибирскаго Отдѣла, кн. III, Омскъ, 1881. Въ изданіяхъ Сибирскихъ Отдѣловъ, въ „Вост. Обозрѣніи“, въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ и др. разсѣяно нѣсколько матеріаловъ по этому вопросу.

Укажемъ еще здѣсь: „Матеріалы для характеристики нравовъ жителей Восточной Сибири въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.“, и пр., изъ мѣстныхъ архивовъ; Приб. къ Иркутскимъ епарх. Вѣдом. 1877, № 20, 25 — 27; Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири. Шашкова (подъ псевдонимомъ С. Серафимовича), „Отеч. Зап.“ 1867, кн. 20, 22; „Рабство въ Сибири“, „Дѣло“, 1869, кн. 1, 3; „Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка“, „Дѣло“, 1879, кн. 1—3.

Выше упомянута статья Щапова: „Сибирское общество до Сперанскаго“ (въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла, т. IV, Иркутскъ, 1873), гдѣ авторъ между прочимъ воспользовался мѣстной рукописной литературой изъ тѣхъ временъ. О важныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ въ послѣдніе годы, мы упоминали.

что съ появленіемъ мѣстныхъ изслѣдователей долженъ начаться второй періодъ изученія Азіатской Россіи, періодъ желанный и пройденный уже въ Европѣ и частью даже въ Америкѣ. „Пусть,—говорилъ г. Венюковъ ¹⁾,—будутъ мѣстные труженики снабжены достаточными, совершенно ясными и, прибавлю, дѣйствительно исполненными наставленіями отъ лицъ специальныхъ, всего лучше отъ цѣлыхъ учреждений и сѣздовъ, пусть ихъ поддержать своимъ вниманіемъ лица высокопоставленныя въ наукѣ, одобрять въ успѣхѣхъ, снисходительно отнесутся къ ошибкамъ, и дѣло пойдетъ впередъ. Тогда и мы, долгіе странствователи, которые измѣряемъ свои работы десятками тысячъ пройденныхъ верстъ, но къ сожалѣнію скудными вкладами въ сокровищницу естествознанія, уступимъ мѣсто этимъ постояннымъ, туземнымъ изслѣдователямъ, которымъ легче будетъ собранный матеріалъ излагать въ систематической, а не отрывочной формѣ, къ которой по необходимости мы прибѣгаемъ теперь. Время, теряемое нынѣ на дальніе разѣзды, будетъ сохранено, расходъ денежный также, а въ довершеніе и добываемые факты станутъ точнѣе; ибо гдѣ же требовать всегдашней точности отъ путешественника, производящаго свои наблюденія часто въ очень короткое время и при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ? Эта точность достижима только для человѣка не торопящагося и наблюдающаго свой предметъ при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ... Но впереди и этого способа разработки естественной исторіи Азіатской Россіи, и выше всего, нужно поставить то средство, которое одно можетъ доставить странѣ мѣстныхъ изслѣдователей, которое уже всюду употреблено въ британскихъ колоніяхъ и которое сдѣлало изъ Калькутты, Бомбея, Таранта, Капштадта и даже недавно основаннаго Мельбурна настоящіе центры европейской цивилизаціи. Я говорю объ основаніи въ Сибири *высшаго учебнаго заведенія*. Страна эта не имѣетъ доселѣ средоточія умственной жизни своей. Сибиряку негдѣ усвоить себѣ результатовъ европейскаго знанія во всей ихъ обширности, негдѣ найти руководителей въ изученіи родной природы; изъ окружающей его почвы не бьетъ живого источника, въ которомъ онъ могъ бы свободно черпать для утоленія умственной жажды своей. Дважды сдѣланныя заявленія объ этой потребности оставались безъ отвѣта; теперь, по частнымъ слухамъ, готово и третье: пожелаемъ же успѣха ему, т.-е. возможно скорому возникновенію въ Сибири *правильно устроеннаго* центра умственной дѣятельности. И да будетъ поставлено цѣлью его не одно развитіе изящной, изворстливой діалектики... по образцамъ изъ среды, окружавшей Аристофана и Демосеена, Ювенала и Тацита. Да избѣ-

¹⁾ „Труды сѣзда естествоиспытателей“. Спб. 1868, стр. 55—56.

жить сибиряка участь: терять драгоценное время молодости на то, чтобы сложиться духовно на манеръ эгонстической и враждебной русскимъ началамъ жизни англійской олигархіи, современнаго поколѣнія бонапартовской Франціи или послѣдователей Лойолы. Да будетъ привито ему здоровое знаніе реальныхъ предметовъ, черпающее свою мощь въ анализъ Ньютона, Эйлера, Лагранжа, Лапласа, въ наблюденія и выводы Гершеля, Лавуазье, Араго, Фареда, Буха, Лейбеля, Дарвина, Бэра и Аристотеля нашего вѣка, Александра Гумбольдта; тогда и научное завоеваніе Сибири довершится само собою.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Среди работы надъ исторіей русской этнографіи, въ первоначальномъ составѣ этого труда, мнѣ представлялся вопросъ о задачахъ русской этнографіи ¹⁾, для которой, при громадной обширности предстоявшихъ ей предметовъ изученія, на мой взглядъ еще долженъ былъ быть собранъ новый, многосложный матеріалъ по различнымъ отраслямъ народной жизни, собранъ сколько возможно правильно, въ системѣ, такъ какъ по многимъ существеннымъ вопросамъ этнографическаго знанія въ литературѣ оставались большіе пробѣлы, при которыхъ упомянутые вопросы по необходимости оставались безъ отвѣта. Позднѣе, на томъ же вопросѣ остановился Д. Н. Анучинъ ²⁾, указывая, что кромѣ собиранія матеріала необходимы и возможны настоящія изслѣдованія по многимъ вопросамъ, которые представляются въ этой области знанія. Необходимость изслѣдованій не требуетъ объясненій: собираніе матеріала не можетъ имѣть другого смысла, какъ найти этому матеріалу истолкованіе въ научномъ сопоставленіи и обслѣдованіи. Во многихъ случаяхъ, которые отчасти были указаны г. Анучинимъ, этнографическое изслѣдованіе могло доставить извѣстные результаты, отчасти для общей антропологіи, отчасти въ предѣлахъ объясненія собственной русской жизни; но вообще наличныя данныя слишкомъ часто недостаточны для прочныхъ и широкихъ заключеній. Такимъ образомъ впереди предстоитъ еще большой трудъ собиранія и наблюденія, за которыми должны вступить въ свои права строгій анализъ и обобщенія науки. Чѣмъ скорѣе придетъ эта пора, тѣмъ благотворнѣе будетъ трудъ этнографическаго

---

¹⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1885, апрѣль и май; въ сокращенномъ изложеніи эта статья была повторена, нѣсколько позднѣе, въ „Извѣстіяхъ“ Географическаго Общества.

²⁾ „О задачахъ русской этнографіи (нѣсколько справокъ и общихъ замѣчаній)“. Москва, 1889 (Изъ „Этнографическаго Обзорія“).

жить сибиряка у
чтобы сложиться
русскимъ началъ
лѣнія бонапарта
детъ привито е
свою мощь въ
наблюденіяхъ .
Лейеля, Дарви
больдта; тогда

туры, или въ видѣ изслѣдованій нѣмецко-русскихъ ученыхъ, начавшихся съ академическихъ экспедицій первой половины XVIII-го вѣка, становятся болѣе сознательными къ концу вѣка, стремятся принять научную форму съ конца двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, и затѣмъ, подъ вліяніемъ европейской новой филологіи и изученія народнаго права, приобрѣтають дѣйствительно научный характеръ, развившись особливо при параллельномъ дѣйствіи тѣхъ общественныхъ условій, какія создали у насъ увлеченіе идеей „народа“. Известно, что возростаніе идеи „народа“, совпадающее съ лучшими движеніями въ исторіи нашей общественности, къ нашему времени принимало съ одной стороны чисто практическій характеръ—въ стремленіи къ освобожденію крестьянъ, съ другой—характеръ идеалистическій. Это послѣднее направленіе было въ началѣ прямой романской; потомъ оно осложняется теоріями нѣмецкой философіи, развивается на славянофильство и западничество, а еще позднѣе испытываетъ воздѣйствія западнаго литературнаго и теоретическаго социализма, въ родствѣ съ которымъ находится и доморощенное народничество. Но если въ нашемъ движеніи замѣчаются разнородныя отголоски европейской литературы и науки,—и послѣдняя воздѣйствовала на наши этнографическія изученія самымъ очевиднымъ образомъ,—внутренняя основа дѣла создана собственными внушеніями народнаго чувства и общественнаго сознанія, и не слѣдуетъ уменьшать самостоятельнаго труда нашей литературы, и въ частности народовѣднія: какъ поэтический реализмъ составляетъ въ большой мѣрѣ самобытный результатъ и заслугу нашей литературы, такъ интересъ къ изученію народа, почти неизмѣнно соединявшійся съ участіемъ къ тяжелому матеріальному положенію народныхъ, особливо крѣпостныхъ, массъ, развивался самостоятельно и естественно, особенно съ конца прошлаго вѣка, при первыхъ успѣхахъ просвѣщенія. Въ наше время онъ дѣлался въ лучшей, наиболѣе восприимчивой части общества поглощающимъ нравственнымъ интересомъ, и „сближеніе съ народомъ“, „хожденіе въ народъ“, „опрошеніе“—при всѣхъ ихъ крайностяхъ, объясняемыхъ частными условіями времени, —заставляютъ угадывать глубокой нравственный инстинктъ, которому, быть можетъ, предстоитъ развиваться въ здоровое и сильное общественное начало.

Въ теченіе настоящаго изложенія мы видѣли, что развитіе этнографическаго изслѣдованія стояло вообще въ тѣсной связи, прямой или косвенной, съ общимъ ходомъ движенія общественнаго и научно литературнаго. Съ своей стороны этнографическое знаніе оказывало весьма существенную поддержку этому движенію. При всѣхъ пробѣлахъ нашей этнографіи въ настоящее время, она выдвигается

самые разнообразные интересы общественные, литературные и научные, и не раз доставляла имъ важную опору фактического изученія народной жизни. Мы указывали выше слова Костомарова о связи этнографіи съ исторіей, и нѣтъ сомнѣнія, что помощь этнографіи способствовала новой, болѣе правильной постановкѣ многихъ вопросовъ прошедшаго нашей народности. Только съ успѣхами этнографическаго пониманія выясняются, хотя еще не рѣшены, вопросы о формациі самой русской народности въ ея различныхъ варіаціяхъ; этнографія впервые указала на историческій процессъ развитія народнаго міровоззрѣнія, давала первую возможность представить наглядно и реально, опредѣленными чертами народно-поэтическаго преданія и бытового обычая, ту сущность „народности“, которая въ прежнее время понималась только въ неясныхъ теоретическихъ предположеніяхъ или въ мистическихъ ожиданіяхъ, если не въ грубомъ смыслѣ неподвижности и застоя. Этнографическія изученія въ первый разъ, хотя не вдругъ, дали возможность войти въ міръ народной поэзіи и, опять, смѣнить прежнее неопредѣленное представленіе болѣе или менѣе точнымъ указаніемъ ея архаическаго содержанія и новѣйшихъ наслоеній, связи ея съ національнымъ бытомъ, а вмѣстѣ и съ запасомъ обще-европейскаго или даже европейско-азиатскаго поэтическаго преданія, о чемъ прежде даже не подозревали. Очевидно, что при этомъ анализѣ, возможность котораго дана была съ одной стороны успѣхами историко-литературной критики, а съ другой новыми матеріалами этнографіи, получалось совсѣмъ иное построеніе исторіи народно-поэтическаго развитія: мы указывали въ другомъ мѣстѣ, какъ, съ развитіемъ этихъ изученій, рѣзко измѣнялась реставрація народно-поэтической старины и темный обликъ ея выступалъ въ болѣе и болѣе ясныхъ очертаніяхъ. Современная народная жизнь только съ успѣхами этнографіи становится доступной для литературнаго изображенія въ ея неподдѣльныхъ чертахъ. Чрезвычайно характеренъ фактъ той экспедиціи, гдѣ между прочимъ лучшіе писатели, работавшіе надъ изображеніемъ народнаго быта, были приглашены къ чисто этнографическому изслѣдованію одной области этого быта. Чрезвычайно знаменательно и то явленіе, когда съ освобожденіемъ крестьянъ, съ установленіемъ первыхъ зачатковъ земской самостоятельности, открылись тѣ громадныя труды, которые направлены были на изученіе народнаго экономическаго быта, или когда рядомъ съ тѣмъ началось изученіе народнаго юридическаго обычая—вмѣстѣ и для научныхъ, и для правительственныхъ цѣлей, а наконецъ первыя заботы о правильной постановкѣ народной школы. Только съ успѣхами бытовыхъ изученій могло явиться болѣе правильное и реальное пониманіе народныхъ элементовъ прежней исторіи и со-

временной народной жизни. Между прочимъ въ первый разъ могло явиться спокойное изученіе раскола: нѣкогда, и еще весьма недавно, вызывая только церковно-административныя преслѣдованія, онъ былъ почти закрытъ отъ спокойнаго изученія; теперь онъ въ первый разъ находилъ себѣ истолкованіе историческое и бытовое, въ первый разъ встрѣчалъ научный интересъ и общественное участіе. Не останавливаемся на многихъ другихъ примѣрахъ, гдѣ объясненія науки совпадали съ внушеніями общественнаго чувства и съ своей стороны развивали его: въ общественномъ пониманіи мало-по-малу уничтожается та пропасть, какая дѣлила нѣкогда „общество“, „публику“ отъ „народа“, и все болѣе на мѣсто теоретическаго произвола становится реальное знаніе и возможность здраваго идеализма. Тѣ заслуженные дѣятели, которые совершали богатыя открытія въ этнографіи, какъ Рыбниковъ, какъ Гильфердингъ; тѣ ученые, которые, усвоивая приемы западной науки, полагали основаніе научному объясненію народнаго преданія, какъ Буслаевъ,—не называемъ именъ другихъ достойныхъ дѣятелей и множества скромныхъ тружениковъ на поприщѣ этнографическаго знанія, — рядомъ съ пріобрѣтеніями для науки дѣлали и великое пріобрѣтеніе для уразумѣнія истинныхъ началъ и потребностей народной жизни. Въ трудахъ этнографіи въ особенности обнаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ, что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возрастать наше нравственно-общественное и національное самосознаніе, въ которомъ и заключено истинно народное дѣло.

самые
ные,
чени
связи
граф
вопр
граф
о ф
этно
род
гла
пр
пр
по
с
р
и
и
и
и

weselne (ч. I), Краковъ, 1869; St. Sw., Listy z Podlasia (Głos, 1887, № 22, 36, 45, 46).

Глава XII (стр. 393). Вопросъ о судьбѣ Кіева и кіевской земли послѣ монгольскаго нашествія поднять снова въ книгѣ М. С. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія“, Кіевъ, 1891 (большой томъ, изъ кіевскихъ „Универс. Извѣстій“, 1891), стр. 427 и д. Авторъ склоняется на сторону взглядовъ Максимовича, В. Б. Антоновича и др., отрицая запустѣніе Кіевской земли и занятіе ея новымъ населеніемъ, и принимаетъ, напротивъ, непрерывность основнаго народнаго типа, лишь осложнившася новыми примѣсами послѣ монгольской эпохи.

Дополненія (стр. 420). 1 декабря 1891, телеграфъ принесъ извѣстіе о кончинѣ А. А. Потебни, въ Харьковѣ.

Томъ IV, отд. второй, глава I. Уже во время печатанія этого тома мы получили книгу А. А. Титова: „Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири“ (изданіе Г. Юдина). Москва, 1890. Далѣе въ текстѣ упомянуты нѣкоторыя статьи этой книги; отмѣтимъ еще, что здѣсь изданъ текстъ статьи: „О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточнѣй странѣ и о языцѣхъ розныхъ“, изслѣдованной г. Анучинымъ и напечатанной г. Титовымъ по одной изъ рукописей Погодинскаго собранія въ Публ. Библіотекѣ (стр. 1—6). Далѣе здѣсь издана вновь „Historia de Sibiria“ (Крижанича), вѣкогда напечатанная въ лат. подлинникѣ и рускомъ переводѣ Г. И. Спасскимъ, который не зналъ тогда имени ея автора. Въ изданіи г. Титова статья, переизданная по латинскимъ рукописямъ Публ. Библіотеки, снабжена и новымъ русскимъ переводомъ (стр. 115—216).

Глава IX (стр. 361). Мы назвали статистическія работы, принятія въ Восточной и Западной Сибири. Считаемо нелишнимъ дать о нихъ болѣе подробное библіографическое указаніе. Первое изъ этихъ изданій называется:

„Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Иркутская губернія“. Томъ I. Ирк. 1889. 4°. Томъ II, въ 5 выпускахъ, 8°. М. 1890.

Во введеніи 1-го выпуска II тома подробно изложено происхожденіе этого замѣчательнаго труда, исполненнаго чинами министерства госуд. имуществъ совмѣстно съ лицами, спеціально приглашенными для этихъ работъ иркутскимъ ген.-губернаторомъ. Программа составлена была первоначально этими послѣдними лицами: это были Н. М. Астыревъ (по возвращеніи въ Россію замѣщенный М. М. Дубенскимъ), Л. С. Личковъ и Е. А. Смирновъ. Работы предприняты были по

връх ихъ поступленія, не ожидая ихъ окончательной обработки
цѣлому краю. До сихъ поръ явилось въ печати слѣдующее:

— „Матеріалы для изученія экономическаго быта государствен-
ныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“. Спб. 1888—91,
1 томовъ.

Вып. 1-й. Экономическій бытъ госуд. крестьянъ Богандинской,
карской, Кашегальской, Черевинцевской и Яровской волости, Тю-
менскаго округа, Тобольской губерніи,—С. К. Патканова.

Вып. 2-й. Такое же описаніе другихъ четырехъ волостей того же
округа,—С. С. Пчелина.

Вып. 3-й, со вторымъ заглавіемъ: Экономическій бытъ государств.
крестьянъ Ишимскаго округа, Тобольской губерніи. Изслѣдованіе А. А.
Кауфмана. Часть I. 1889.

Вып. 4-й. Описаніе тринадцати волостей Тюменскаго округа,—
Г. И. Соколова и В. Н. Горемыкина.

Вып. 5-й (продолженіе 3-го). Часть II. Спб. 1889.

Вып. 6-й. Эконом. бытъ госуд. крестьянъ Тюкалинскаго округа,
Тобольской губ.,—В. Я. Завадовскаго.

Вып. 7-й. Эконом. бытъ госуд. крестьянъ Тарскаго округа, Тоб.
губ.,—П. И. Соколова. 1890.

Вып. 8-й, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. крестьянъ
Бурганскаго округа, Тоб. губ. Изслѣдованіе Н. О. Осипова. Томъ I.
Спб. 1890.

Вып. 9-й, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. кр. и осѣд-
лыхъ инородцевъ Туринскаго округа, Тоб. губерніи. Изслѣдованіе
А. А. Кауфмана. Часть I. Отдѣлъ I. Спб. 1890.

Вып. 10, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. кр. и ино-
родцевъ Тобольскаго округа, Тоб. губ. Изслѣдованіе С. К. Патканова.
Часть I. Спб. 1891.

Вып. 11-й (продолженіе 9-го, съ тѣмъ же заглавіемъ) Часть I.
Отдѣлъ II. Спб. 1891.

Вып. 12-й (продолженіе 10-го, съ тѣмъ же заглавіемъ). Часть II.
Спб. 1891.

Вып. 13-й (продолженіе 9-го и 11-го, съ тѣмъ же заглавіемъ).
Часть II. Спб. 1891.

Вообще въ программу описанія или разслѣдованія вошли слѣдую-
щіе предметы, которымъ обыкновенно и посвящены отдѣльныя главы:
топографическій и климатическій очеркъ края; населеніе; земельное
довольствіе; казенные и крестьянскіе лѣса; казенныя оброчныя статьи;
отношенія крестьянъ къ лѣсамъ и землямъ частныхъ владѣльцевъ;
источники благосостоянія крестьянъ и инородцевъ; податное обложе-

20100828

... ~~ТАБЛИЦА~~ БИЛЕТЫ НЕСКОЛЬКИХ семей разной сте-
... ~~ТАБЛИЦА~~ : ПРОДОЛЖЕНИЕ: НАКОНЕЦ, ТАБЛИЦЫ.

Исследование, которое конечно
некоторые исследования
как напр. в особенности в
Афанасова: это цѣлые обширные
характеръ страны, мѣстномъ
Исследование эконо-
и географическимъ, и черты по-
то основываются на вниматель-

[illegible]

...и повтора" и ... бу-
... этнографами из самих брать
... на средства хамб-... Д. Г.
... Восточно-Сибирского Отдела 1880.

К О Н Е Ц Ъ .

УКАЗАТЕЛЬ.

- Аблесимовъ I, 42. 64. 71.
 Абрамовъ, Н. А. IV, 223. 320. 329.
 351. 360. 361. 382. 402. 403.
 Абрамовъ (Федосѣевецъ) II, 348.
 Абулгази Багадуръ-ханъ IV, 343. 386.
 Аввакумъ, архим. IV, 383.
 Аввакумъ, протопопъ II, 324.
 Августинъ, арх. I, 321.
 Авдыковский, Орестъ III, 414.
 Авдѣва, Екатерина IV, 359. 443—445.
 447.
 Авдѣвъ, М. II, 357. 366.
 Аверинъ, К. А. I, 224.
 Авесовъ см. Потанинъ, Г. Н.
 Авриль, іезуитъ IV, 214.
 Агапитовъ, Н. IV, 301. 381.
 Ададуровъ I, 172.
 Адамъ, Люсьенъ IV, 402.
 Аделунгъ, Фр. I, 192. 222—224. IV, 205.
 206. 211. 213. 215.
 Адриановъ, А. В. IV, 352. 370. 381.
 Аксаковы II, 69.
 Аксаковъ, Ив. I, 197. II, 187. 239. 353.
 354. IV, 96. 138.
 Аксаковъ, К. I, 33. 35. 46. 161. 166.
 II, 40. 76. 160. 163. 165. 172. 189—
 219. 237. 238. 240. 247. 322. 354.
 371. 372. III, 104. 156. 158. 159. 219.
 Аксаковъ, С. Т. I, 63. II, 192. 344.
 353. 354. III, 16. 17.
 Александръ I, имп. I, 27. 38. 98. 177.
 209. 214. 271. 286. 314. IV, 51. 354.
 Александръ II, имп. II, 157.
 Алексѣвъ, Иванъ II, 138.
 Алексѣвъ, Петръ свящ. I, 161. 174—
 177.
 Алексѣй Михайловичъ, царь I, 138.
 185. IV, 198. 334—336. 423. 425. 428.
 Аленычъ IV, 303.
 Алмазовъ, Б. II, 355.
 Альбовъ, М. II, 227.
 Альбвистъ, А. IV, 395. 397. 402. 406.
 Альфтанъ II, 306.
 Амперъ III, 169.
 Анастасевичъ I, 224. 228.
 Андрашко IV, 214.
 Андреевскій, И. Е. II, 32. 310.
 Андреевъ, Ф. III, 401.
 Андреевъ IV, 352.
 Андреа, Рих. IV, 322.
 Андриевичъ, В. К. IV, 351. 365.
 Андриевскій, А. III, 389.
 Андриолли IV, 318.
 Андрияшевъ IV, 181.
 Анжу IV, 278. 282. 283.
 Анимелле IV, 77. 78.
 Анна, импер. I, 107. 137. 179. 317.
 Анненковъ, П. В. I, 283. II, 325. 350.
 357. 358. 403.
 Антоній IV, 222.
 Антоновичъ, В. Б. I, 34. II, 321—326.
 328. III, 16. 102. 103. 150. 183. 185.
 217. 272. 289. 324. 337—339. 350.
 360. 362—366. 373. 381. 386—389.
 392—398. 410. 420. IV, 123. 459.
 Автоновскій, А. А. I, 196.
 Антыпенко I, 362.
 Авучинъ, Д. Н. II, 317. 320. 321. IV,
 185—192. 202. 333. 440. 442. 453.
 Аполлосъ, еп. Орлов. I, 186.
 Аппель, К. IV, 168.
 Аргентовъ, свящ. IV, 302. 403.
 Аристовъ, Н. Я. II, 172. 174. 227. 333.
 Арнимъ II, 94.
 Арнкнѣль (Аркенль) I, 76. II, 100.
 Арсеньевъ, К. И. I, 332. IV, 72. 83.
 Арсеньевъ, К. К. II, 409.
 Арсеньевъ, Ю. В. IV, 197. 200. 337. 338.
 Артемовскій-Гулакъ, см. Гулакъ-Арте-
 мовскій.
 Артемьевъ, А. И. II, 307. 309. 312.
 Артхусъ, Готардъ IV, 206. 207. 215.
 Архангельскій, А. С. II, 316. 317. 324.
 IV, 140.

- Арцыбашевъ I, 28. 223. II, 2. IV, 68.
 Аспелинъ IV, 406.
 Астыревъ IV, 351. 363. 370—372. 432. 443. 447. 459.
 Асцелинъ I, 138. IV, 201.
 Аткинсонъ IV, 320.
 Ахенваль I, 173.
 Ахте IV, 295. 296. 301.
 Аванасьева, А. Н. I, 33. 34. 69. 268. 269. 303. 353. II, 20. 30. 39. 40. 52. 53. 54. 68. 82. 99. 110—133. 138. 139. 144. 146. 151. 152. 220. 232. 233. 237. 240. 247. 254. 255. 270. 277. 280. 285. 295. 325. 326. 336. III, 168. 177—179. 186. 351. IV, 74. 124. 164.
 Аванасьева, Д. П, 306.
 Аванасьева-Чужбинский, А. С. II, 57. 58. 362. III, 338.
 Баадеръ I, 285. 286.
 Багалъй, Д. И. II, 322. III, 381. 394.
 Баилъ, см. Бэйль.
 Байеръ I, 19. 193. 364. 366. 369.
 Байковъ, Ѳеодоръ Исаковъ IV, 198. 213. 214.
 Байковъ IV, 352.
 Бакмейстеръ, Лудв. I, 97. 106. 193.
 Балнскій IV, 38. 39. 57. 80. 83.
 Балыка-Вожокъ III, 381. 399.
 Бальмеръ IV, 322.
 Бандтке, Юрій Сам. IV, 25. 33. 37. 38.
 Банзаровъ, Дорджи IV, 387. 397. 400. 410. 411.
 Бантышъ-Каменскій, Дм. Ник. III, 113. 192. 241. 341.
 Бантышъ-Каменскій, Николай I, 27. 223. III, 241. IV, 364.
 Барановичъ, Лазаръ IV, 32.
 Барановичъ, М. II, 306.
 Барановскій IV, 323.
 Барантъ II, 7.
 Баратынскій, Евгений III, 17. 340.
 Баренцъ IV, 189.
 Бароній I, 39. 137. 176.
 Барончъ-Садокъ III, 292.
 Барсовъ, Антонъ I, 92. 174.
 Барсовъ, Ельпидифоръ В. I, 29. 75. II, 220—225. 229. 311. 319. 321. 324. 326. III, 105.
 Барсовъ, Н. П. II, 229. III, 85.
 Барсовъ, П. П. II, 139.
 Барсуковъ, Ив. IV, 297. 368.
 Барсуковъ, Н. П. I, 277. 290. 291. 311. 378. 383. II, 316. 324. III, 105. 112.
 Бартевевъ, П. Ив. I, 175. 341. II, 314. IV, 236.
 Бартошевичъ IV, 447.
 Барчъ II, 293.
 Баршевъ, С., моск. проф. I, 367. II, 110.
 Барыковъ, Ѳ. Л. II, 332. 334.
 Барцевскій Янъ IV, 45. 61. 62.
 Басовъ IV, 247. 250.
 Бастіанъ IV, 407.
 Баттѣ I, 376.
 Батюшковъ, Константинъ II, 228.
 Батюшковъ, Помпей III, 393. 398. IV, 103. 104. 115. 119. 131. 136. 137.
 Батюшковъ, Ѳед. Дм. III, 424. 458.
 Баузе I, 21. 161. 195. 196. 223. 318. 319. IV, 31.
 Бауманъ IV, 121.
 Баховъ IV, 251.
 Б. д-ръ, см. Лебединцевъ.
 Бѣзигъ, Ф. Е., д-ръ II, 329.
 Безобразовъ, В. П. II, 311.
 Безсоновъ, П. А. I, 34. 74. 269. 305. 306. II, 63. 82. 83. 105. 215. 218—222. 225. 239—247. 270. 284. 326. 327. III, 12. 183. 185. 373. 394. IV, 23. 37. 39. 40. 41. 55. 82. 114. 117. 121—123. 125. 141—146. 150. 212.
 Бевъ-Корниловичъ, М. О. IV, 65. 79.
 Бекетовъ, Платонъ I, 223. 225.
 Беккеръ II, 39.
 Бѣкъ II, 4.
 Белецкий-Носенко III, 340.
 Белькуръ IV, 247. 272—275. 316.
 Бемъ, педагогъ II, 362.
 Бенедиктовъ I, 256.
 Бенедиктъ, полякъ IV, 316.
 Бенкендорфъ, гр. I, 233. 392.
 Бѣнкенъ IV, 323.
 Бенфей II, 113. 232. 255. 262. 264. 268. 427.
 Бенъовскій IV, 247. 268. 271. 316.
 Бергманъ II, 138.
 Берманъ, Л. Т. IV, 154.
 Бѣрней IV, 284.
 Бергъ, генералъ IV, 291.
 Бергъ, Н. IV, 403.
 Бергъ, Н. В. IV, 112.
 Бережковъ III, 393.
 Березинъ IV, 4. 387.
 Березовскій IV, 306.
 Беренштамъ, В. Л. III, 151.
 Бержеронъ I, 138.
 Берингъ I, 99. 100. 101. 102. 108. IV, 181. 216. 223. 224. 229. 248—250. 263. 266.
 Берхъ, Василій Н. IV, 249. 332.
 Берында I, 176.
 Бессель I, 137.
 Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. I, 108. 134. 135. 140. II, 20. 115. 160. 164. 172. 191.
 Бѣтлингъ IV, 288. 387. 403.
 Бехтеревъ II, 310.
 Бибиновъ, Д. Г. I, 382. III, 387.
 Бибиновъ, И. Г. II, 308.
 Билингъ IV, 247. 250. 262. 263. 268.
 Бильбасовъ II, 177. 180.
 Биларскій I, 33. 187. II, 239. 240.
 Виронъ I, 154. 365.

- Бичеръ-Стоу, г-жа П, 353.
 Бичи IV, 320.
 Блеръ I, 376.
 Блинговъ, свящ. II, 310.
 Блюхъ II, 311.
 Блонскій III, 292.
 Блонскій, Рафалъ IV, 318.
 Блонскій, Т. К. III, 334.
 Блуменбахъ IV, 205. 394.
 Блументростъ IV, 229.
 Блюммеръ, Л. IV, 372.
 Боборыкинъ, П. Д. II, 67.
 Бобржинскій IV, 40.
 Бобриковъ, Г. И. II, 307.
 Бобринскій, А. А., гр. III, 392.
 Бобровниковъ IV, 387.
 Бобровский, князь I, 322.
 Бобровский, П. О. II, 306. IV, 65. 81.
 82. 107—110. 115. 138. 458.
 Бобынинъ I, 197.
 Богдановичъ I, 72. 185.
 Богдановъ, А. П. II, 317. 320. 321.
 Богдановъ, Андрей I, 130.
 Богдановъ, Леонтій II, 63.
 Богдановъ, М. IV, 303.
 Богишичъ II, 338.
 Боголюбовъ, А. А. II, 307.
 Богородскій IV, 402.
 Богословскій, Н. II, 311.
 Бохуэнъ-де-Куртена, И. А. II, 345. III,
 261. IV, 168.
 Бодянский, О. М. I, 31. 34. 35. 277.
 312. 316. 356. 374. 375. 378. 379.
 383. II, 49. 69. 191. 195. 221. 225.
 312. 318. 324. 344. 424. III, 1. 15. 27.
 92. 104. 113. 124. 125. 130. 132. 136—
 138. 165. 185. 192. 211. 244. 303. 313.
 370.
 Боккаччио I, 172. II, 183.
 Бокль II, 162. 424.
 Болдоновъ IV, 410.
 Болотовъ, А. Т. II, 177. 185.
 Болтинъ I, 26. 77. 94. 113. 134. 135.
 138. 139. 147—159. 161. 185. 188.
 189. II, 197. 331.
 Болховитиновъ, Евг., см. Евгений, ми-
 трополитъ.
 Большаковъ I, 224.
 Бопланъ III, 412.
 Боппъ I, 33. II, 5. 37. 39. 122. 214.
 345. 424. III, 296.
 Боржковский, В. III, 411.
 Бораковский II, 322.
 Боричевскій I, 361. 377. IV, 78.
 Борковский-Дунинъ, гр. III, 251. 252.
 Борковский, Лешко III, 230.
 Боровиковскій III, 93. 148. 345.
 Бородзичъ III, 46.
 Боровдинъ I, 223.
 Воршохъ IV, 303.
 Боткинъ, Василій II, 45. 359.
 Бояркинъ, А. III, 80.
 Брайловскій, С. III, 410.
 Брандтъ, Адамъ IV, 214. 215.
 Брандтъ, Р. I, 36. II, 345.
 Брандтъ, зоологъ IV, 288. 294.
 Бреза III, 297.
 Брикнеръ, А., филологъ II, 299. IV,
 140. 171.
 Брикнеръ, А. Г. II, 171. 344.
 Бриль IV, 402.
 Бродвинскій, К. III, 25. 26. 93. 122—
 125. 128. 247. 290. IV, 29. 46.
 Брокъ II, 320.
 Броневскій, Вл. I, 230.
 Броунъ III, 412.
 Брыкинскій III, 299.
 Брылкинъ, А. IV, 299.
 Брюло, К. IV, 353.
 Брянцевъ I, 318.
 Брюсъ I, 39.
 Буало I, 39. 93.
 Бубликъ, В. III, 392.
 Буддей I, 137.
 Будиловичъ, А. I, 35. 161. 166—169.
 171. II, 345.
 Бухный IV, 32.
 Будогоскій IV, 300.
 Буйницкій, Кав. IV, 61. 63.
 Булгаковъ, О. II, 315.
 Булгаринъ, Оаддей I, 389. II, 193. 395.
 III, 97. 312.
 Буле I, 21. 223. 318. 322.
 Буличъ, Н. I, 182.
 Булычевъ, Н. IV, 403.
 Буняковский, В. II, 311.
 Бурачокъ, С. I, 358. 360.
 Бурнашевъ, Тим. Степ. IV, 352.
 Буслаевъ, О. И. I, 10. 33—35. 72. 161.
 166. 203. 316. 323. 326. 329. 350. 385.
 II, 39. 54. 74—87. 92. 94. 105—112.
 115. 126—139. 143. 147. 151. 157.
 158. 189. 190. 220. 226. 230—241.
 245—247. 253—255. 269. 270. 284.
 295. 316. 317. 324. 327. 344. 345.
 420. 424—426. III, 101. 168. 186.
 315. IV, 146. 457.
 Буссе IV, 263.
 Буссе, Н. В. IV, 295.
 Буссе, О. О. IV, 295.
 Бутаковъ IV, 303.
 Бутковъ I, 29. 366. 377. II, 2.
 Бутковъ, ст.-секр. II, 71.
 Буцинскій, П. III, 396. IV, 225. 361.
 415—418. 423—426.
 Бушнъ, А. II, 307. 311. IV, 147.
 Бушъ IV, 220.
 Быковский III, 298.
 Быковъ, П. IV, 139.
 Быховцевъ, С. А. II, 307.
 Бычковъ, А. О. I, 34. II, 313. III, 88.
 Бѣлевскій, Августинъ III, 132. 278.
 293. 389. IV, 31. 317.
 Бѣлинскій I, 218. 236. 240. 248. 273.
 343. 356. 359. 375. 391. 394—404.
 407—410. 415—418. 422. II, 15. 17.

19. 45. 75. 84. 92. 133—136. 191 — 193. 202. 228. 324. 325. 353 — 355. 361. 395. III, 101. 167. 216. 388.
- Бѣловъ, Е. А. II, 323.
- Бѣлозерская, Н. А. III, 151.
- Бѣлозерскій, Н. М. III, 149.
- Бѣлокопытенко III, 368.
- Бѣлоусъ III, 292.
- Бѣльскій, купецъ I, 306. 306. 308.
- Бѣлявскій IV, 402.
- Бѣляевъ, Ив. I. I, 33. 35. 307. II, 54. 164. 165. 172. 225. 312. 322. 323. 328. 333. III, 107. IV, 137.
- Бѣляевъ, Плы III, 217. 219.
- Бѣрепскій III, 175.
- Беръ, Б. М. I, 267. 274. II, 52. IV, 304—306. 211. 249. 286. 288. 291.
- Бѣль (Балъ) I, 23. 99. 93. 137. 140. 151. 152.
- Бѣлинъ I, 56. 96. 173. III, 169. IV, 346. 350.
- Вагановъ IV, 289.
- Важлевичъ III, 59. 134. 136. 225—228. 251. 292. 326. 414. IV, 31.
- Вагнъ, В. И. IV, 351. 364. 368. 375.
- Вагнеръ, Иоганнъ-Людвиг IV, 275. 276.
- Вагнеръ, новый писатель о Сибирь IV, 322.
- Вайгель, Л. III, 293.
- Вайтъ IV, 321.
- Вайль IV, 407.
- Ваксгутъ I, 323.
- Вакъ, Христіанъ I, 140.
- Валихановъ, Чоканъ IV, 303. 374. 387. 297—400. 410. 411.
- Валицкій, А. О. III, 422.
- Валуевъ, Дмитрій II, 40. 54.
- Вальхъ I, 137.
- Вамбергъ IV, 386. 406.
- Вамбо-Цэрэновъ IV, 400.
- Ванке, Анна III, 299.
- Варсвій I, 96. 137.
- Варенцовъ I, 34. II, 82. 83. 105. II, 136. 224. 326.
- Варлаамъ, епископъ IV, 356.
- Вартовъ III, 169.
- Василевскій, Талей III, 251.
- Василенко, Викт. Ив. III, 403.
- Василій Мангазейскій, сибирскій мученикъ IV, 433.
- Васильевскій III, 162. IV, 13. 133.
- Васильевъ, ориент. IV, 387.
- Васильевъ, В. IV, 72.
- Васильевъ, Мартынъ IV, 334.
- Васильевъ, М. Б. III, 410. 411.
- Васильчиковъ, кн. II, 330. 331.
- Васковскій, А. IV, 72.
- Ватсовъ IV, 54.
- Вахрамѣевъ I, 29.
- Ватсонъ IV, 224. 349.
- Ватсонъ, Олеска, см. Залъскій, В.
- Веберъ, санскритологъ II, 147. III, 423.
- Веберъ, пис. о русской ист. IV, 223.
- Введенскій, Ир. II, 46.
- Вейсбергъ, П. И. II, 67. 238.
- Вейпрехтъ IV, 196.
- Велемиръ III, 136.
- Велькеръ III, 177.
- Величко, Самуилъ III, 193.
- Вельгманъ I, 315. 238. 340. II, 33. III, 17. 95.
- Венгеровъ II, 115. 191. 215. 372. IV, 361. 371. 397. 440.
- Венелинъ I, 31. 231. 315. 362—364. 368. 370. 377. II, 23. 24. III, 301—319.
- Веняковъ IV, 248. 280. 282. 286. 290. 309—311. 320.
- Вербицкій, В. И. IV, 377.
- Вербицкій, Н. А. III, 406.
- Веревкинъ, М. J. IV, 129.
- Верещагинъ IV, 401.
- Вержбицкій, Л. III, 300.
- Вериго, Владиславъ IV, 172.
- Верковичъ II, 319.
- Версиловъ, Н. IV, 301.
- Верхратскій III, 411. 416.
- Веселовскій, Александръ I, 35. II, 82. 83. 138. 153. 224. 228. 246. 252—296. 312. 327. 422. 423. 427. III, 183. 186. 353. 367. IV, 140. 458.
- Веселовскій, Алексѣй I, 204. 234. II, 144. 145. 184.
- Веселовскій, К. II, 311.
- Весинъ, Л. I, 95. 97. 98.
- Вестфаль, Л. Г. II, 82. 327.
- Вешняковъ, В. И. II, 328.
- Видманъ, К. III, 292.
- Видъ, Антоновъ IV, 302. 333.
- Вико I, 334. II, 63.
- Викторовъ, А. Е. I, 34. II, 138. 313. 316.
- Виллонъ IV, 267.
- Виллоубъ IV, 196. 323.
- Вильмарке III, 102.
- Вильменъ II, 90.
- Вильсонъ, Н. II, 306.
- Вильсонъ, И. II, 307. 309.
- Винкельманъ II, 15.
- Винклеръ IV, 406.
- Винскій II, 177.
- Витвицкій III, 292.
- Витевскій, В. II, 311.
- Витзень IV, 183. 209. 212. 213. 343. 384. 386.
- Витковский, Н. И. IV, 381.
- Витней (Whitney) IV, 406.
- Виторъ III, 253.
- Витневскій IV, 286.
- Вюлле-ле-Дюль II, 83.
- В., К. III, 408.
- Владимировъ, П. В. II, 317. III, 405. IV, 139. 140. 149. 171.
- Владимирскій-Будановъ II, 323. 337. III, 389. 395.

- Влангали IV, 303.
 Власть III, 425.
 Вовчокъ-Марко, см. Марко-Вовчокъ.
 Вогонди IV, 247. 265.
 Вогю, Мальхиоръ II, 343.
 Воеводскій, А. Ф., проф. II, 29. 319. 343.
 Воейковъ, А. I, 291. III, 81.
 Воейковъ, строитель Верхотурья IV, 417.
 Войничловичъ, Л. III, 44. 49.
 Войничскій, К. В. III, 93. 114. 120. 133. 136. 138. 169. 175. 255. IV, 57.
 Воинскій, Конст. IV, 318.
 Волковъ, О. Г., актеръ I, 71. 72.
 Волковъ, О. К. III, 360.
 Вольнеръ II, 82. 295. 327.
 Вологдинъ II, 408.
 Вольнеръ IV, 91.
 Вольтеръ I, 23. 59. 89. 92. 144. 153. 156. 173. 285. 286. IV, 237. 273. 275.
 Вольтеръ, Э. II, 427.
 Вольфъ, философъ I, 22. 133. 138. 272.
 Вольфъ, Фридрихъ-Августъ II, 4. III, 178.
 Вольфъ, нов. нѣм. ученый II, 150. 255.
 Вольфъ, М. О. I, 346. IV, 63. 169. 170. 382.
 Вольфъ III, 169.
 Вольфъ IV, 386.
 Вороничъ, епископъ III, 125. 246.
 Воропоновъ II, 333. 339.
 Воротынскій, И. А., князь IV, 335.
 Востоковъ, А. X. I, 27. 29 — 31. 223. 224. 230. 232. II, 37—39. 136. 147. 312. 313. 344. III, 102. 326. IV, 34. 68. IV, 337.
 Водеъ III, 97.
 Врангель IV, 251. 278. 282—284. 291. 298. 384. 403.
 Вр—ль, М. А. III, 418.
 Вревскій, А. Б., баронъ II, 307.
 Вронскій-Гоэнэ III, 261.
 Вруцевичъ, М. С. IV, 403.
 Вукъ Стефановичъ, см. Караджичъ.
 Вяземскій, Петръ, кн. I, 218. 221. 234. 383. 406, III, 17.
 Вяземскій, Пав. П., кн. I, 29. II, 226. 314—316.
 Гаардтъ IV, 406. 407. 408.
 Гавень IV, 259.
 Гавриилъ, митроп. I, 186. IV, 355.
 Гагаринъ, М. П., кн. IV, 221—223. 434.
 Гагемейстеръ II, 311. IV, 351. 362. 384. 401.
 Газе, пасторъ I, 127.
 Газе, византийскій I, 225.
 Гакстаузенъ, баронъ II, 331. 380.
 Галаганъ, Г. П. III, 357. 358.
 Галаховъ, А. Д. I, 35. 205. II, 76. 145. 184. 238. 325. 421.
 Галашъ III, 123.
 Галка, Геремія, см. Костомаровъ.
 Галка, галичанинъ III, 292.
 Галламъ I, 273.
 Галлей I, 138. IV, 235.
 Галятковский IV, 32.
 Гаммеръ-Пургшталь I, 225. IV, 386.
 Ганка III, 140.
 Ганкевичъ, Клем. III, 417.
 Ганстенъ IV, 278. 285. 319.
 Ганушъ, миеологъ III, 179.
 Ганушъ, Янъ III, 417.
 Гарелинъ, Я. П. II, 310.
 Гарновскій II, 177.
 Гастеръ II, 296.
 Гасфордъ IV, 398.
 Гаттала II, 147.
 Гатцукъ, А. II, 83. III, 105.
 Гатцукъ, Н. III, 217. 345.
 Гаушъ, Моризъ II, 138.
 Гацискій, А. С. II, 310.
 Г—въ, В. А. IV, 370.
 Гвоздевъ IV, 247. 248.
 Гебгарди I, 295.
 Гебель I, 220.
 Геблеръ IV, 286.
 Гегель I, 272. 285. 367. II, 61. 63. 192.
 Гегстремъ IV, 259.
 Геденштромъ IV, 278. 280. 352.
 Гедеоновъ II, 162. 323.
 Гедерихъ I, 76.
 Гейне, филологъ II, 102.
 Гейне, поэтъ II, 45.
 Гейнсусъ I, 137.
 Гейнцельманъ IV, 321.
 Геласій, архимандритъ IV, 127.
 Геллертъ I, 173.
 Гельбингъ II, 177.
 Гельвецій I, 90.
 Гельмерсенъ, П. А. II, 307. 311. IV, 281. 285. 286. 288. 291. 294. 301. 302.
 Гельмольдъ I, 76. 295.
 Гемпель II, 67.
 Гендловицъ III, 412.
 Геннади I, 228. 277. 367. II, 115.
 Генъ II, 321.
 Георгъ I, 21. 99. 106. 109. IV, 247. 255—261. 267. 382. 384. 385. 401. 405.
 Гербель III, 342.
 Герберштейнъ I, 86. 224. 295. IV, 190. 202. 203. 213. 333.
 Гөрвинусъ I, 33.
 Гердеръ I, 334. II, 4. 252. 255. III, 118. 125. 169.
 Гермманъ IV, 203.
 Германъ, Готтфридъ II, 4. III, 178.
 Германъ I, 106.
 Геродотъ I, 364. III, 296. 392. IV, 201.
 Гёрресъ III, 169.
 Герценъ, А. И. I, 330. 332. 337. II, 21. 40. 45. 47. 84. 174. 189. 193. 331. 380. 424.
 Гёрцъ, К. II, 138.

- Герье П. 15. 17.
 Гессель Герардъ IV, 206. 206. 211.
 333. 334.
 Гете П. 415. III, 118. 127. 168.
 Гиббонъ I. 373.
 Гигель Николентій I, 69. 294. III, 74.
 161.
 Гиге I. 373. II, 7.
 Гикль (Hiekisch) IV, 402.
 Гиллеръ Агатонъ IV, 315. 318.
 Гилъ IV, 320.
 Гильденштедтъ I, 21. 99. 105. 106. 109.
 IV, 255.
 Гильдебрандъ IV, 101. 121—123. 153.
 154. 161.
 Гильбердингъ А. О. I, 29. 34. 35. 226.
 II, 52. 65. 82. 191. 220—223. 226.
 229. 230. 238. 246. 285. 326. 333.
 III, 219. 349. IV, 147. 308. 457.
 Г. К. III, 408.
 Глаголевъ А. III, 50.
 Глазенацъ III, 47.
 Глазуновъ, Иванъ IV, 258.
 Глазуновъ, Н. III, 11.
 Глазъ IV, 290. 296.
 Глинна, Гр. I, 72. 73.
 Глинна, О. I, 294. 307. 338.
 Глюгеръ IV, 458.
 Глорантовъ П. 227.
 Глюковъ, Леонидъ III, 217. 368.
 Гмелинъ старш. I, 50. 55. 99—106. 143.
 IV, 224—237. 255. 259—264. 267.
 304. 339. 346—348. 382. 384. 402.
 443. 445.
 Гмелинъ младшій I, 99. 100. 106. 173.
 IV, 255. 259.
 Гмелины I, 21.
 Гиббонъ I, 400. III, 36.
 Гюль I, 176.
 Гоббс IV, 343.
 Гоббс (Гоббс) I, 23. 138. 140.
 Говорский IV, 55. 93. 97. 106. 115. 119.
 123. 136.
 Гольдъ, Н. Р. I, 41. 43. 45. 254. 239.
 240. 261. 263. 336. 344. 357. 374. 380.
 386. 414. 416. 418—424. II, 51. 56.
 141. 196. 222. 324. 325. 346. 382—
 386. 389. 395. 408. 421. III, 9. 11.
 15. 28—30. 38. 39. 97. 111. 14. 142.
 149. 150. 157. 222—224. 225. 227.
 229. 237. 388. IV, 144.
 Гольдманъ IV, 32. 315. 314.
 Гольдманъ Сигизмундъ I, 144. IV, 197. 206.
 212.
 Гольдманъ, И. IV, 421.
 Гольдманъ Петръ Ивановичъ IV, 333.
 337. 406.
 Гольдманъ-Михаилъ IV, 192.
 Гольдманъ, Юзефъ III, 35. 36. 125.
 133. IV, 23. 28.
 Гольдманъ IV, 221.
 Гольдманъ, А. Н. I, 37. 386. 39.
 III, 35. 117.
 Голлицынъ, В. В., князь IV, 199.
 Голлицынъ, Д. М., кн. I, 39. 137. 138.
 Голлицынъ, С. М., кн. I, 331.
 Голлицынъ, Эмиль, кн. IV, 283.
 Голлицынъ, кн. (Петр. время) I, 62.
 Головацкий, Як. I, 34. II, 154. 313.
 III, 113. 124. 132. 134. 137. 138. 141.
 223—228. 237—240. 250. 251. 292.
 326. 413. 414. 417. 424. 425. IV, 136.
 Головачовъ, А. А. II, 329. 333.
 Головинскій, П. III, 398.
 Головинъ, В. В. I, 62.
 Головинъ IV, 249.
 Головинъ, строитель Верхотуры IV,
 417.
 Головинъ, А. В. II, 56. 61. 145. 426.
 IV, 147.
 Головинъ, В. М. IV, 281. 283.
 Головинковъ IV, 351. 370.
 Голохвастовъ I, 351.
 Голохвастовъ, П. Д. II, 317.
 Голубевъ, П. А. IV, 351. 370.
 Голубевъ С. III, 338. 405.
 Голубинскій, протоиерей I, 272. 368.
 Голубинскій Е. I, 35. II, 276. III, 303.
 Голубовъ, П. А. IV, 295.
 Голубовскій П. III, 392—394.
 Голубовъ IV, 344. 347. 349.
 Голый-Гнатко III, 103.
 Голышевъ II, 310.
 Голубовъ, И. Г. IV, 400.
 Голлати Н. I. II, 320. 321.
 Гончаровъ, Н. А. II, 57. 60. 360. IV,
 371.
 Горбачевскій, Н. IV, 128.
 Горбуновъ, Н. О. II, 67.
 Горюновъ, Петръ IV, 320.
 Горюнь IV, 318.
 Горюшко П. 333.
 Горюхины, В. Н. IV, 461.
 Горюновъ, В. П. III, 374. 381. 389. 405.
 409. 411. 417.
 Горюшковъ IV, 157.
 Горюшъ, А. В. I, 54. II, 313. 324.
 Готтхардовъ IV, 421.
 Готтхардовъ I, 319. 320.
 Готтхардовъ Фр. II, 157.
 Готтхардъ, Ф. К. IV, 255. 294. 360.
 Готтхардъ II, 425.
 Готтхардъ, Сес. III, 93. 247—249. 253.
 IV, 63.
 Готтхардъ, Мих. III, 32. 198. 199. 249.
 256. 275. IV, 33.
 Готтхардъ, А. П. 310. 333.
 Готтхардъ, Савость I, 295.
 Готтхардъ III, 323.
 Готтхардъ, Г. Е. I, 338. II, 15. 16.
 III, 41. 42. 44. 46. 54. 54. 110. 395.
 421. 424. III, 388.
 Готтхардъ II, 345.
 Готтхардъ IV, 298.
 Готтхардъ, Сес. 344. 345. 350. II, 147. 345.
 352. III, 312. 324. 326. IV, 32.

- Грибоѣдовъ II, 196. 395. III, 96.
 Григоровичъ, В. И. I, 29. 35. 375. II, 54. 313. 324. 344. III, 92. 105. 107.
 Григоровичъ, Д. В. I, 44. 423. II, 60. 73. 203. 353. 357. 361. 370.
 Григоровичъ, протоер. I, 223. 224. 377. IV, 65. 69. 70. 125—128. 149.
 Григорьевъ, Аполлонъ I, 217. 218. 303. 396. 397. 401. 405. 415. II, 355. 356.
 Григорьевъ, В. В. I, 29. II, 46. IV, 80. 293. 387.
 Григорьевъ, Вас. свящ. I, 186.
 Гриммъ, О. IV, 303.
 Гриммъ, Яковъ I, 30. 33. 323. II, 5. 37—39. 75. 78. 80. 83—85. 91—127. 131. 134. 145. 150—152. 190. 240. 241. 253. 255. 262. 268. 282. 344. III, 118. 166. 169. 170. 177—179. 296.
 Гриммы братья II, 89. 424. 425.
 Гроза, Александръ III, 249. IV, 61.
 Гротъ, Я. К. I, 161. 340—348. II, 177. 312. 325. 345. III, 78. IV, 254. 281. 283. 335.
 Грушевскій, М. IV, 459.
 Грынцевичъ, Талько-Ильговскій III, 297. 300.
 Грыфъ, Альбертъ III, 294.
 Губернатисъ, см. Де-Губернатисъ.
 Гуго Гроцій I, 39. 137.
 Гуковский, К. IV, 138.
 Гулак-Артемевскій I, 361. III, 90—94. 164. 168. 256.
 Гуляевъ, С. II, 326. IV, 370. 446. 447.
 Гульвиусъ IV, 207.
 Гумбольдтъ, А. I, 96. IV, 285—287. 302. 319. 320.
 Гумбольдтъ, Вильгельмъ II, 37. 39. III, 423.
 Гурьяновъ I, 300.
 Гуссъ I, 337.
 Густавичъ, Брониславъ III, 300.
 Гутковский IV, 398.
 Гуттенъ-Чапскій IV, 295.
 Гущалевичъ III, 292.
 Гэбершемъ IV, 320.
 Гюйгенсъ I, 39.
 Гюльманъ IV, 386.
 Гютри I, 323.
 Гюттнеръ III, 124.
- Давиденко, И. III, 342.
 Давидова, г-жа II, 157.
 Давыдовъ, И. И. II, 51. 137. III, 314. 422. IV, 35.
 Давыдовъ, лейтенантъ IV, 280. 281. 403.
 Д'Аламберъ I, 23.
 Даль, В. И. I, 30. 34. 269. 273. 301. 305. 314. 315. 338. 340—355. 377. 390. 404. 405. 416—419. II, 2. 49. 56. 73. 84. 313. 345. 401. 423. III, 95. 142. 168. 368. 369. IV, 150. 167. 291.
- Дамаскинъ, еп. I, 290.
 Дамаскинъ-Рудневъ I, 161. 179. 194—196.
 Дамбергъ II, 296.
 Даміанъ, пресвитеръ IV, 31.
 Данилевскій, Г. П. II, 60. III, 370.
 Данилевскій, Н. II, 383.
 Даниловъ, Кирша, см. Кирша Даниловъ.
 Даниилъ Заточникъ I, 315.
 Даниилъ, игуменъ I, 310.
 Даниловичъ, Игнатій III, 93. IV, 29. 70.
 Даничичъ II, 147.
 Данковъ I, 186.
 Данковский II, 357. 358.
 Д'Анкона II, 426.
 Дантъ I, 172. II, 90. 183. 278. 425. III, 288.
 Дарвинъ II, 391.
 Даревскій-Верито IV, 63.
 Дашкевичъ Н. П. II, 144. 250. 292. 293. 322. III, 7. 15. 16. 83. 97. 105. 137. 146. 147. 165. 188. 214. 244. 271. 277. 324. 338. 381. 393. 406. IV, 138.
 Дашкова, княгиня I, 161. 178. 179. 186. II, 177.
 Дверницкій, Е. III, 392.
 Де-Волланъ, А. Гринг. III, 417.
 Де-Гинъ IV, 386.
 Де-Губернатисъ II, 265. 426. III, 366. 423.
 Дёдерлейнъ II, 100.
 Дежневъ, Семенъ IV, 195. 219. 323.
 Де-Квейросъ (де-Квиръ) IV, 206. 207.
 Де-Лагарди, графъ III, 409.
 Де-Лангъ IV, 268.
 Де-ла-Нёвилъ IV, 214.
 Де-ла-Флизъ III, 193.
 Де-Ливропъ, В. Ф. II, 307.
 Делиль, академикъ I, 19. 96. IV, 224. 225. 263. 264.
 Дельвингъ, баронъ I, 304. II, 368. III, 17. 340.
 Дембовецкій, А. С. IV, 125. 158. 161.
 Демидовъ, П. А. I, 61. 226. 305.
 Деммертъ II, 333.
 Дёнлопъ-Либрехтъ II, 427.
 Де-Пуле, М. II, 115. III, 89. 92. 146. 147. 149. 165. IV, 19.
 Державинъ I, 24. 41. 42. 59. 65. 73. 185. 234. 238. 249. 265. 348. 411. II, 90. 177. 179. III, 309. IV, 35. 254. 281.
 Деруновъ II, 310.
 Десницкій I, 91. 92. 94. 185.
 Дестунисъ II, 33.
 Де-Ту I, 138.
 Дешко III, 418.
 Джемсонъ III, 169.
 Джемсъ, Ричардъ II, 48. 52. 326.
 Дженкинсонъ IV, 189. 190. 333.
 Джеффрисъ, Том. IV, 264.

- Герье П. 15. 17.
 Гессель, Герардъ IV, 205. 206. 211. 333. 334.
 Гете П. 415. III, 118. 127. 168.
 Гиббонъ I, 273.
 Гизель, Иннокентій I, 69. 294. III, 74. 160.
 Гизо I, 273. II, 7.
 Гизинъ (Hickisch) IV, 402.
 Гиллеръ, Агагонъ IV, 315. 318.
 Гилль IV, 320.
 Гинденштедтъ I, 21. 99. 105. 106. IV, 255.
 Гилтсбраунтъ IV, 101. 121—123. 154. 161.
 Гиллфердингъ, А. О. I, 29. 31. 35. II, 52. 65. 82. 191. 220 — 223. 229. 230. 238. 246. 285. 326. III, 219. 319. IV, 117. 308. ;
 Г. К. III, 408.
 Глазовъ, А. III, 80.
 Глазенацъ III, 47.
 Глазуновъ, Иванъ IV, 258.
 Глазуновъ, П. III, 11.
 Глель IV, 290. 296.
 Глинка, Гр. I, 72. 73.
 Глинка, О. I, 294. 307. 33.
 Гюбнеръ IV, 458.
 Гюриановъ П, 227.
 Губовъ, Леонидъ III.
 Гуминъ старш. I, 80. ;
 IV, 224 — 237. 255. 304. 339. 346 — 348. 443. 445.
 Гуминъ младшій I
 IV, 255. 259.
 Гуминъ I, 21.
 Гундичъ I, 400. I;
 Гуаръ I, 176.
 Губаль IV, 343.
 Губель (Губези)
 Говоревъ IV, ;
 123. 130.
 Гоголь, Н. В.
 240. 261. 2;
 305. 414. ;
 141. 435.
 142. 436.
 143. 437.
 144. 438.

372. 375. 376. Зерянинъ, А. П. III, 423.
 Зигель I, 36.
 Зизавій IV, 32. 35. 170.
 Златовратскій I, 44. II, 73. 208. 370.
 408. 413—416.
 Знаменскій, истор. церкви I, 35. 147.
 III, 424.
 Зонтагъ I, 221.
 Зостъ, А. IV, 328. 364.
 Зотовъ IV, 121.
 Зубко, Антоній IV, 138.
 Зубрицкій, Денисъ III, 106. 113. 124.
 418. IV, 69.
 Зугенгеймъ, Самуилъ II, 329.
 Зуевъ, В. I, 100. 107. 109. 111. IV, 247.
 255. 256. 268. 261.
 Ибнъ-Батута IV, 203.
 Ибнъ-Фадланъ II, 156.
 Ибрагимовъ IV, 400.
 Иванисевъ II, 322. 333. III, 31. 381.
 386—388. IV, 128.
 Ивановскій, А. А. IV, 405. 447.
 Ивановскій, А. Д. I, 316.
 Ивановскій, археологъ II, 321.
 Ивановъ, А. Ф. II, 67.
 Ивановъ, Ник. Ал. I, 134.
 Ивановъ, Н. И. свящ. I, 284.
 Иванъ III I, 243. 244. 285.
 Иванъ Грозный I, 59. 185. 195. 216.
 217. 244. 253. 254. IV, 184.
 Иванюковъ II, 328.
 Ивацевичъ III, 133.
 Иващенко, П. С. III, 360.
 Игнатъевъ, сиб. ген.-губ., гр. IV, 351.
 363.
 Игумновъ, А. В. IV, 352.
 Идесъ Исбранъ IV, 214.
 Иконниковъ II, 324. III, 395.
 Иловайскій I, 231. 307. II, 162. 322.
 Ильинъ IV, 283.
 Илькевичъ III, 292. 345.
 Ильминскій IV, 387. 405.
 Ильницкій, Л. В. III, 373.
 Имгофъ I, 138.
 И. Н. III, 410.
 Иннокентій Борисовъ, іерархъ III, 17.
 20. 31. 36. 152.
 Иннокентій, сибирскій, св. IV, 316.
 Иностранцевъ II, 321. IV, 306.
 Иноходцовъ I, 88. 100. 109. 110. 113.
 126. 132. 133. 147. 180. 183. 184. 187.
 IV, 256.
 Иречекъ, Константинъ II, 319.
 Исаевичъ, С. Н. III, 409.
 Исаевъ, А. II, 338.
 Исаевъ, Савва, свящ. I, 186.
 Иславинъ IV, 401.
 Истомина, Ф. М. II, 348. III, 414. 417.
 IV, 162. 163.
 Ищенко, Андрей III, 408.

- Іакинѣъ, о. IV, 382. 387.
 Іоаннъ Ант., имп. I, 320.
 Іоаннъ, экз. болгарскій I, 149. 224.
 Іовій, Павелъ I, 295.
 Іостъ IV, 321.
 Іохеръ I, 137.

 К., А. А. IV, 363.
 Кабе II, 45.
 Каблукъ II, 311. 333. 343.
 Кавелинъ, К. Д. I, 33. 35. 268. 303.
 363. 407. 413. II, 12. 19—32. 36. 39.
 52. 54. 78. 110—112. 126. 160. 164.
 333. 336. 340. 377. 379. 383. III, 156.
 Кавелинъ, А. IV, 72, 77.
 Казнаковъ IV, 375.
 Кайндль III, 419.
 Кайсаровъ I, 72, 294.
 Калайденскій, К. III, 175.
 Калайдовичъ, Конст. I, 27. 29. 31. 149.
 196. 203. 223—229. 282. 307. 319.
 362. 373. II, 37. 38. 239. 313. III,
 14. 41. 54. 57. 82. 85. 123. IV, 37.
 68. 69. 145.
 Калатилинъ III, 123.
 Калачовъ, И. В. IV, 402.
 Калачовъ, Н. В. I. 33. 35. 72. 147. 159.
 323. 333. 385. II, 30. 32. 36. 48. 52.
 54. 80. 112. 141. 336. 338. III, 412.
 IV, 128.
 Калачовъ, Посошокъ II, 30.
 Калашниковъ, И. Т. IV, 372.
 Калининка, ксендзъ IV, 40.
 Калиновскій, Григорій III, 11. 412.
 Калининскій III, 351.
 Калитовскій, Ом. III, 417.
 Каллашъ II, 295. 343. 427. III, 410.
 Калмыковъ II, 336.
 Калугинъ IV, 91.
 Калужняцкій II, 227. III, 417.
 Каманнитъ III, 379.
 Каменскій, Дужикъ IV, 316.
 Кантемиръ, Ант. I, 39. 48. 53. 118. 255.
 272. 367. II, 182. 325.
 Кантъ II, 3. III, 422.
 Капустинъ, М. II, 54.
 Капустинъ, С. II, 333. 334. IV, 370.
 398. 448.
 Карабановъ I, 225.
 Караджичъ, Вукъ I, 32. 231. 232. III,
 14. 93. 118. 119. 123. 125. 169. 250.
 423.
 Каразинъ, В. Н. I, 319. II, 89—94.
 Карамзинъ, Н. М. I, 19. 25—29. 42.
 43. 60. 90. 134. 177. 180. 196. 203—
 205. 208—219. 222. 225. 229. 230.
 234. 239. 242. 252. 255. 277. 284.
 287. 294. 295. 309. 315. 319. 320. 348.
 357. 366. 367. 399—404. 410. 412.
 414. II, 11. 13. 18. 33. 160. 162. 164.
 182. 186. 197. 323. 325. 395. III, 52—
 54. 57. 77. 78. 89. 96. 116. 162. 241.
 309. 344. IV, 20. 25. 68. 83. 104. 198.
 327—331. 350. 357.
 Каратаевъ II, 313.
 Карауловъ I, 71.
 Карловичъ, Янъ III, 291. 425.
 Карновичъ, Е. I, 419. II, 198.
 Каряевъ, З. Я. III, 45, 47.
 Карпинскій, сост. польск. геогр. сло-
 варь IV, 83.
 Карпинскій, галицкій этногр. III, 292.
 Карпинскій IV, 168.
 Карповъ, Геннадій III, 112. 212. 213.
 219.
 Карскій, Е. II, 345. IV, 151. 168. 171.
 Карцевъ, Е. II, 339.
 Каръевъ, Н. II, 384.
 Каспари II, 83.
 Касперовъ, В. И. II, 348.
 Кастеринъ, А. И. I, 301.
 Касторскій, М. II, 132. III, 179.
 Кастренъ I, 29. IV, 360. 382. 367—375.
 402. 406—409. 414. 431. 445.
 Катановъ IV, 387. 400. 410. 411.
 Катковъ, М. Н. I, 33. II, 228. 253. III,
 315. 403. IV, 96.
 Катрфажъ IV, 407.
 Каульбарсъ IV, 300.
 Кауфманъ, А. IV, 363. 443. 461. 462.
 Кауфманъ, И. II, 307.
 Каченовскій, Д. И. III, 89.
 Каченовскій, М. Тр. I, 28. 31. 225.
 235. 242. II, 23. 24. 37. III, 108. 164.
 IV, 31. 34.
 Качичъ-Міюничъ III, 123.
 Качковскій, М. III, 225.
 Кашинъ, изд. пѣсень I, 300.
 Кашинъ, Н. IV, 301. 302. 441.
 Качининъ-Самаринъ, II, 82. 229. 327.
 Квиръ-де, см. Де-Квейрость.
 Квитка I, 361. III, 15. 16. 93. 94. 109.
 165. 204. 208. 210. 286. 303. 307.
 Кедровъ IV, 200.
 Кейзерлингъ IV, 294.
 Кейслеръ II, 333.
 Кельбергъ IV, 302.
 Кельсіевъ, А. II, 321.
 Кельсіевъ, В. I, 269. II, 111. 173.
 Кемцъ IV, 288.
 Кеннанъ, Джоржъ IV, 321.
 Кентржинскій, Войтъхъ III, 389.
 Кенпенъ, П. Ив. I, 222. 223. 224. II,
 37. 308. III, 40. 42. 49. 65. 77. 85.
 IV, 77. 291. 391. 401.
 Кераръ IV, 242.
 Керлей IV, 318.
 Кернъ I, 330.
 Керцелли II, 320.
 Кесслеръ IV, 303. 305.
 Килберъ IV, 403.
 Киприанъ, архієпископъ IV, 326. 425—
 427.
 Кириллъ Туровскій I, 149. 224.
 Кириловъ I, 96. 108. 127.

- Киркоръ, А. III, 293. 297. IV, 41. 56.
 57. 63. 64. 72. 78. 80. 81. 83. 96.
 153. 169—171.
 Кирпичниковъ, А. И. I, 35. II, 82. 115,
 292. 327.
 Кирхнеръ I, 176.
 Кирша Даниловъ I, 61. 75. 149. 203.
 226—230. 305. 307. II, 52. 63. 228.
 288. 325. III, 123.
 Киръевская I, 221.
 Киръевскіе I, 344.
 Киръевскій, И. В. I, 240. 382. 383.
 385. III, 17.
 Киръевскій, Петръ I, 30. 31. 34. 46.
 74. 221. 303. 305. 353. 382. 404. 405.
 II, 2. 49. 66. 68. 83. 106. 136. 194.
 220—222. 231. 238—246. 284. 326.
 346. 354. III, 31. 166. 168. 183. IV,
 145. 146.
 Киселевъ, А., сваш. IV, 382.
 Кистяковский, А. О. II, 337. 338. III,
 350. 352. 355. 356. 381. 405. 410.
 Китовичъ, Андрей IV, 38.
 Китлицъ IV, 321.
 Клапротъ IV, 382. 386.
 Кларкъ, П. IV, 402.
 Клаусъ II, 333.
 Клейнмихель II, 56.
 Клеменцъ, Д. IV, 382.
 Климанъ IV, 259.
 Клингштедтъ IV, 259.
 Клоссовскій III, 360.
 Ключерій I, 138.
 Ключаревъ I, 226. 227.
 Ключевскій, В. О. I, 393. 401. 423. II,
 160. 165. 315. 323. 324.
 Клячко, Юліанъ IV, 64.
 Княжевичъ, Д. М. I, 266.
 Княжнинъ I, 185.
 Кобоко IV, 338.
 Кобылецкій, Іосифъ IV, 318.
 Ковалевскій, М. М. II, 318. 319. 321.
 III, 404.
 Ковалевскій, О. IV, 387.
 Ковальскій, астрономъ IV, 294. 360.
 Кожанчиковъ, Д. Е. II, 63. 67. 72.
 141.
 Козакевичъ IV, 290. 295.
 Козинскій I, 173. IV, 242.
 Козловскій III, 400.
 Козодавлевъ, О. П. I, 186.
 Козминъ IV, 282. 283.
 Кокоревъ, В. А. IV, 361.
 Кокоревъ, И. Т. II, 73. 355. 364. 365.
 366. 284.
 Колеса, Янъ III, 299.
 Колларъ III, 97. 118. 140. 147. 158.
 169. 175. 250.
 Коллинъ IV, 320.
 Коллонтай III, 292. IV, 31.
 Колмачевскій, Л. II, 82. 294.
 Колмогоровъ IV, 449.
 Колосовъ, М. I, 35. II, 238. 314. 345.
 III, 313. 335. IV, 168.
 Колычевъ I, 72.
 Коль, Іог. Петръ I, 19. 192. 193.
 Кольбергъ, Оскаръ III, 259. 278. 289—
 294. 298. 300. 349. 353. 410.
 Кольцовъ II, 346.
 Колюпановъ, Н. П. II, 20. 21. 331.
 Комаровъ, М. III, 146. 255. 411.
 Компаретти II, 426.
 Конарскій III, 276. IV, 317.
 Кондаковъ, Н. П. II, 321. 343. 344.
 III, 392.
 Кондратовичъ, О. III, 396.
 Кондратовичъ (см. Сырокомля).
 Кондратьева, г-жа IV, 321.
 Конисскій, А. III, 217.
 Конисскій, Георг. I, 374. III, 91. 112.
 113. 185. 193. 303. IV, 69.
 Конопка III, 290. 291.
 Константиновичъ, Н. III, 399.
 Константинъ Николаевичъ, вел. князь
 II, 48. 55—57. 71.
 Конъ, Альбинъ II, 343. IV, 318. 322.
 Коперникъ I, 39. 81. 114.
 Коперницкій III, 297—299.
 Копецъ, Іосифъ IV, 316. 317.
 Копитаръ I, 32. III, 125. 240. 241.
 313. 314.
 Корево, А. П. 306. IV, 65. 80. 82.
 Корженевская, г-жа III, 46.
 Коріандеръ, Э. В. IV, 323.
 Коркуновъ, Н. П. 338.
 Корнелъ I, 59. 93. 173.
 Корниловъ, И. П. IV, 122.
 Корниловъ, сенаторъ IV, 359.
 Короленко, Вл. Г. IV, 319. 372.
 Короленко, Пр. П. III, 397.
 Коротынский IV, 64.
 Корсакевичъ, сваш. IV, 126.
 Корсаковъ, Д. I, 137. II, 322.
 Корсаковъ, П. I, 358.
 Корсунъ (Корсуновъ), А. А. III, 93.
 151. 153. 185.
 Корфъ, баронъ, преа. Ав. Н. IV, 349.
 Корфъ, М. А., баронъ I, 281. II, 154.
 Коршъ, В. О. II, 292. 426.
 Коршъ, Е. О. II, 34.
 Коссаковский, генералъ IV, 119.
 Коссовичъ, К. А. II, 83.
 Коссовъ IV, 32.
 Костенко IV, 304.
 Костинъ, Н. IV, 305.
 Костомаровъ I, 31. 33. 303. 316. 362.
 374. 375. 383. II, 22. 40. 49. 110.
 138. 143. 160. 163. 165. 167—170.
 172. 177. 189. 196—198. 226. 230.
 238. 320—324. 328. 344. III, 1. 12.
 15. 37. 90—93. 103. 104. 132. 139.
 141. 146. 151—190. 193. 194. 200.
 206. 210—212. 215—221. 261. 274.
 280. 296. 301. 323. 330. 344. 367.
 371.

389. 395—397. 408. IV, 4. 19. 28. 93.
—95. 128. 139. 199. 222.
Костровъ, Ермакъ П, 423.
Костровъ, князь П, 337. IV, 302. 401—
403. 446.
Котельниковъ I, 88. 132. 180. 184.
Котеланскій П, 333. III, 400.
Котлубицкій П, 177.
Котляревскій, А. А. I, 35. 319. 326.
346. II, 79. 99. 111. 115. 122. 126.
130. 132. 133. 138. 143—146. 162.
244—246. 314. 344. 345. III, 16. 106.
175. 178. 217. 324. 421.
Котляревскій, И. П. I, 373. III, 7. 15.
93. 94. 103. 227. 233. 345. 406. 408.
Котошихинъ I, 19. II, 176.
Котта IV, 302. 319.
Коттрель IV, 320.
Кохановская, г-жа П, 206. 353. 354.
403—407. III, 307.
Кохановскій III, 122. IV, 42.
Кохрэнъ IV, 278. 284.
Коцебу I, 224.
Коцебу, морен. IV, 278. 281. 384.
Коповскій, В. III, 225. 236.
Кочетовъ, протоиер. I, 352. 353.
Кочубинскій, А. I, 35. 225. III, 105.
Кошелевъ, А. И. I, 419. II, 332. 333.
Кошелевъ, Д. IV, 280.
Кошкаревъ I, 100.
Кояловичъ, М. О. III, 159. 212. IV,
16—19. 26. 28. 96. 101. 105—107.
125. 131. 138. 139. 147.
Крамаренко, И. В. I, 374. III, 27.
Крамеръ IV, 310.
Кранцъ I, 76.
Красинскій III, 97.
Красницкій III, 86. 122.
Красновъ, Н. II, 306. III, 398.
Красноперовъ, И. II, 311.
Красовскій, цензоръ I, 180. 359. II, 390.
Красовскій, Иоаннъ, свящ. I, 186.
Крауъ, кенигсб. проф. I, 192.
Крауъ II, 280.
Крачковскій IV, 101. 124. 138. 154.
163. 164.
Крашевскій, Иосифъ-Игнатій IV, 40.
56. 57. 80. 104. 114.
Крашенинниковъ, Ст. I, 19. 21. 86. 87.
99. 108. 109. IV, 216. 224. 225. 236.
255. 259. 261. 346. 403.
Кребсъ, Вероника III, 396.
Крейцеръ, Георгъ-Фр. III, 177. 178.
Крекшицъ IV, 341.
Крекъ, Григорій II, 296.
Креницынъ IV, 250. 266.
Крестининъ I, 19. 109. 128. 129.
Крестининъ-сынъ I, 128.
Крживоблоцкій II, 306.
Кривошапкинъ, М. О. II, 337. IV, 302.
361. 361. 384. 402. 447.
Крижаничъ, Юрій I, 19. 32. II, 239.
III, 211. IV, 183. 211. 212. 353.
Кромеръ I, 296.
Кронебергъ III, 90. 164.
Кронманъ IV, 335.
Кронъ, Юлій II, 277.
Кропоткинъ, князь IV, 300. 301. 308.
Кротковъ П, 339.
Кругъ, академикъ I, 19. 222—224. II,
197. IV, 68.
Круженштернъ IV, 278—281. 291. 384.
Крупенинъ IV, 184.
Круповичъ, М. IV, 127.
Крушевскій II, 345.
Крыжановскій, С. П. III, 31. 392.
Крыловъ, Ив. А. I, 41. 238. 240. 260.
405. 412. 414. III, 207.
Крыловъ, Никита II, 110.
Крыловъ, сиб. сгѣдователь IV, 434.
Кубаревъ I, 277. 312. 378. II, 2.
Кудравцевъ, проф. II, 42. 424. 425.
Кузнецовъ, Д. Л. IV, 364.
Кузнецовъ, Инн. IV, 367.
Кузнецовъ, Ю. П. IV, 147. 148. 169.
Кузьмичевскій, П. III, 381. 389. 408.
Кукольникъ, Нест. I, 415.
Кукольникъ, П. III, 53. IV, 80.
Кукульевичъ IV, 212.
Кузь IV, 248. 262. 266. 267.
Кузлинскій, И. I, 360. IV, 94.
Кулишеръ II, 29. 343.
Кулишъ, Пантел. I, 374. II, 322. 353.
III, 28. 33. 86. 141. 149. 151. 163.
184. 188—222. 248. 257. 280. 301.
368. 396. IV, 63. 91.
Кульженко III, 392.
Кульчицкій IV, 316.
Кулюмбашъ, см. Лебединцевъ, О.
Куникъ, А. А. I, 29. II, 162. 323. III,
394.
Кунцевичъ, Иосафатъ IV, 96. 118.
Куно Фишеръ II, 293.
Кунъ II, 112. 115—119. 122. 124. 129.
150. 232. 256. 265.
Куперъ II, 417.
Куплеваскій II, 333.
Купчанко, Г. И. III, 360. 377. 418.
Курбскій, князь I, 11.
Куропаткинъ IV, 303.
Курочкинъ, Н. С. II, 67.
Кутневичъ I, 368.
Куторга М. II, 42.
Кухаренко III, 217.
Кухарскій I, 322. III, 117. 119. 247.
Кушелевскій IV, 191.
Кушинъ, П. IV, 72.
Кушевскій IV, 372.
Кюве IV, 255. 258.
Кюхельбекеръ, В. К. I, 221. 231. III,
340. IV, 43.
Лавелъ, Эмиль II, 391.
Лавренко, В. III, 377.
Лавровскій, Н. II, 327. III, 421. 422.

- Лавровский, П. I, 35. II, 76. 133. 152. 157. 227. III, 217. 315—324. 336. 338. 421—423.
 Лагарпъ I, 376.
 Лаговскій II, 326.
 Лагусъ, Вильгельмъ IV, 261.
 Лада-Заблюцкій IV, 61.
 Ладыженскій IV, 289.
 Лажечниковъ I, 217. 242. 333. 390. 415. III, 17. 95.
 Лазаревскій, А. М. II, 322. 328. III, 217. 388. 389. 395. 398—400.
 Лазаревскій, беллетр. II, 357.
 Лайтфутъ I, 176.
 Лаксманъ, Эрикъ IV, 261. 353.
 Лалошъ II, 333.
 Ламанскій, В. И. I, 35. II, 52. 362. 427. III, 88. 93—97. IV, 396.
 Ламанскій, Е. И. IV, 301.
 Ламаркъ IV, 258.
 Ламбинъ II, 162.
 Ланкенау IV, 322.
 Ланской, С. С. II, 308.
 Лануа IV, 322.
 Ланеруъ IV, 267. 268.
 Лаптевъ, собир. рукописей I, 225.
 Лаптевъ, Дм. IV, 248. 249.
 Лаптевъ, М. II, 306.
 Лаптевъ, Харитонъ IV, 249.
 Лаптевы IV, 247. 249.
 Ларионовъ IV, 363.
 Лассениусъ IV, 248. 249.
 Лассенъ II, 5.
 Латкинъ II, 165.
 Лахманъ II, 4.
 Лапаруъ II, 138.
 Лебедевъ, Амфианъ III, 388.
 Лебедевъ, Н. IV, 167.
 Лебедевъ, П. И. III, 422.
 Лебединцевъ, П. Г. III, 392.
 Лебединцевъ, Теоф. Г. III, 362. 381. 390. 391. 395. 396. 410.
 Лебединъ, М. IV, 105. 114.
 Левашовъ IV, 250. 266.
 Левитовъ I, 44. II, 73. 408.
 Левицкій, Ив. III, 389. 395. 399.
 Левицкій, И. Е., галичанинъ III, 413.
 Левицкій, Г., галичанинъ III, 26. 228. 240. 326. 345.
 Левицкій, О. И. III, 381. 398. 405. IV, 136.
 Левченко III, 338. 362. 410.
 Левшинъ I, 228.
 Ледебуръ IV, 278. 285. 319.
 Леже, Л. II, 327.
 Лейбницъ I, 80. 81. 89.
 Лейкинъ, Н. А. II, 67.
 Деклеркъ I, 77. 149. 150. 155—157.
 Лелевель, Иоакимъ I, 231. III, 38. 45. 48—55. 57. 58. 75. 83. 84. 114. 117. 119. 247. IV, 29. 38. 131.
 Леммъ IV, 303.
 Лемъ IV, 259.
 Ленцъ IV, 288.
 Лео I, 33.
 Леонидъ, архимандритъ II, 317.
 Леоновъ IV, 126.
 Леонтовичъ II, 323. 328. 333.
 Леонтьевъ, П. М. II, 424. 428. III, 108.
 Лепехинъ I, 19. 21. 86—88. 93. 99. 106. 109. 110. 113. 118—126. 129. 132. 133. 146. 149. 161. 178—189. 196. IV, 255. 256. 259. 261. 384. 401.
 Лепкій, Даниилъ III, 414. 418.
 Ле-Пренсъ IV, 243.
 Лербергъ I, 19. 222. 224. II, 197. IV, 68.
 Лермонтовъ I, 43. 350. 359. 390. 419—421. II, 50. 346. 352. 353. 396.
 Леруа-Болье II, 342.
 Лерхъ IV, 382.
 Лессепсъ IV, 247. 267. 268.
 Лессингъ I, 90. 93. II, 15.
 Лешковъ II, 333.
 Лещинскій, Филофей IV, 316. 330.
 Либровичъ IV, 313. 314. 316—319.
 Ливановъ, О. I, 38.
 Линде I, 231. 322. III, 114. 119. IV, 25. 29—37. 150. 167.
 Линденау IV, 349.
 Линней IV, 226. 255. 260. 353.
 Линниченко, И. А. III, 389. 413.
 Липинскій III, 290.
 Липинскій, Тимофей IV, 38.
 Липовцовъ, С. В. IV, 353.
 Лисенко, Н. В. III, 350. 360.
 Лисянскій IV, 278—281.
 Литке I, 33. IV, 278. 282. 291. 384.
 Личковъ IV, 363. 370. 459.
 Лиутпрандъ II, 276.
 Лобачевскій III, 396.
 Лобекъ III, 178.
 Лобко, Л. Л. II, 307.
 Лобода, см. Лебединцевъ, О.
 Лобойко III, 124. IV, 29. 69.
 Ловицъ I, 100. 101. 109. 110. IV, 256.
 Логанъ, Захарій IV, 269.
 Ловинскій, Иосифъ III, 26. 135. 145. 174. 228. 238. 292. 326.
 Локкъ I, 23. 138. 173.
 Ломоносовъ, А. М. IV, 302.
 Ломоносовъ, М. В. I, 19. 22. 25. 26. 40—42. 45. 53. 58. 59. 64. 65. 73. 81. 82. 87—89. 93. 113. 116. 117. 118. 132. 133. 140. 144—146. 149. 161. 165—169. 171. 174. 179. 187. 188. 195. 198. 200. 238. 239. 252. 254. 340. 348. 366. 367. II, 8. 90. 147. 171. 176—179. 182. 185. 195. 196. 205. 214. 325. 346. 385. 395. III, 233. 309. 334. IV, 35. 227. 251. 254. 300. 344.
 Лоначевскій, А. III, 339. 360. 376. 377.
 Лонгиновъ, А. В. III, 393. IV, 136.
 Лонгиновъ, М. Н. II, 325.
 Лопатинъ IV, 300.
 Лопухинъ I, 224.
 Лугининъ II, 331. 339.
 Лужинскій, В. IV, 138.

- Лукашевичъ, Иванъ Як. III, 343.
 Лукашевичъ, Иосифъ IV, 26. 38.
 Лукашевичъ, Л. III, 255.
 Лукашевичъ, Платонъ III, 133. 139—146. 174. 191. 195. 215.
 Лукничъ, Василь III, 418.
 Лукіанъ III, 296.
 Лукьяновъ, свящ. I, 87. II, 177. 324.
 Лумбуновъ, Ю. Н. IV, 400.
 Лунинъ, проф. II, 42. III, 90. 168.
 Лупулеску III, 396.
 Лучицкій III, 381. 399. 404. 405.
 Лучкай III, 326.
 Львовъ, Леонидъ IV, 402.
 Львовъ, Н. I, 64. 70. 72.
 Лясковъ, Н. С. II, 67. 173. 174. 404. 406. 407.
 Лэнсдель IV, 321.
 Любичъ-Хоецкій IV, 316.
 Любранскій, Зоріанъ III, 49. 50.
 Лютеръ I, 172.
 Лялинъ, В. IV, 128.
 Ляховъ IV, 247, 251.

 Маакъ II, 305. IV, 297—301. 384. 402.
 Мавро Урбинъ I, 137. 295.
 Магнитскій, В. II, 326.
 Магницкій, М. Л. I, 213. 358. 380. II, 19. 395. III, 53. 117. IV, 97.
 Магура III, 416.
 Маевскій IV, 55.
 Мазараки III, 392.
 Майербергъ I, 86. 224. IV, 213.
 Майеръ III, 297.
 Майковъ, А. А. I, 35. II, 76.
 Майковъ, Аполлонъ II, 357.
 Майковъ, Вал. I, 64. 72. II, 134.
 Майковъ, Л. I, 75. 188. II, 52. 82. 145. 220. 224. 225. 228—230. 295. 307. 312. 316. 317. 326. IV, 222. 329. 330. 363. 395. 397.
 Майновъ, В. II, 338. IV, 321.
 Макарій, митр. I, 35. II, 324.
 Макаровъ I, 300.
 Макаровъ, М. I, 338. III, 79. 80.
 Макаровъ, Н. III, 343.
 Максимовичъ, Іоаннъ III, 16. IV, 330.
 Максимовичъ, Левъ I, 98.
 Максимовичъ, М. А. I, 31. 240. 247. 273. 316. 373. 374. 375. 377. 410. II, 84. 166. 191. 225. III, 1. 11. 14—37. 57. 81. 84. 86. 87. 95. 103—105. 124. 133. 136. 140. 166. 169. 174. 193. 195. 198. 200. 205—210. 215. 217. 247. 303. 312—315. 320—324. 335. 337. 344. 351. 459.
 Максимовичъ, академикъ IV, 299.
 Максимовъ, Евг. III, 395.
 Максимовъ, С. В. I, 340. II, 48. 55—60. 67. 70—73. 337. 344. 346. 362. IV, 147. 169. 371. 372.
 Максимъ изъ Василькова III, 16.

 Максимъ Грекъ I, 11.
 Макушевъ, В. I, 35. III, 417.
 Макшеевъ, А. И. IV, 303. 338.
 Макферсонъ II, 64.
 Малеръ I, 93.
 Малиновская, Ванда III, 299.
 Малиновскій I, 27. 29. 223. 224. 378. IV, 68.
 Малиновскій, Николай, польскій ученый IV, 40, 57. 64. 114.
 Малыгинъ IV, 248.
 Малышевскій, И. И. III, 389. 393. 405. IV, 136—138.
 Мальчевскій, Антонъ III, 93. 247—249.
 Мальчевскій, К. IV, 72.
 Манджура III, 410.
 Манкіевъ (Хилковъ) I, 20.
 Маннгардтъ, Вильгельмъ II, 100—103. 115. 116. 119. 122—125. 150. 232. 255. 268.
 Мансветовъ II, 227.
 Манъ II, 425.
 Маныгинъ-Невструевъ IV, 248.
 Маньковскій IV, 60, 61, 72.
 Маракуевъ, В. IV, 258.
 Маріанскій, А. IV, 316.
 Маркевичева, М. А., см. Марко Вовчокъ.
 Маркевичъ, Н. А. III, 193. 339—343. 347. 351.
 Марковичъ, О. В. III, 368. 369.
 Марковичъ, Яковъ I, 130. III, 11.
 Марко Вовчокъ II, 360. 369. III, 149. 217. 222. 286. 307. 370.
 Марковъ, И. I, 360.
 Марко-Поло IV, 201. 399.
 Маркъ II, 391.
 Марлинскій II, 423.
 Мармье III, 169.
 Мартини I, 71.
 Мартини-Лагуна IV, 261.
 Мартиньеръ I, 137. 358. 327.
 Мартосъ, Алексій IV, 359.
 Мартыновъ II, 357. 358.
 Марциновскій IV, 126.
 Марчинскій III, 278.
 Масальскій I, 242.
 Маскелль II, 157.
 Масса, Исаакъ IV, 183. 203—211. 215. 312. 331—334.
 Мастакъ, см. Бодянский.
 Матвѣевскій I, 224.
 Матвѣевъ, бояринъ IV, 199.
 Матвѣевъ, Андрей I, 39.
 Матвѣевъ, П. А. II, 336—339.
 Матинскій, М. I, 71.
 Матюшкинъ IV, 278. 282. 283.
 Мауреръ II, 391.
 Маусъ III, 124.
 Маттен I, 21. 223. 318. 322.
 Мацѣвичъ III, 410.
 Мацѣевскій III, 93. 114. 119. 247.
 Мачтетъ IV, 372.

- М. Е. IV, 58.
 Меглицкій IV, 295.
 Медвѣдевъ, Сильвестръ I, 192. II, 138.
 Медынцевъ I, 225.
 Межовъ I, 341. II, 300—302. 309. 325.
 329. 338. 427. IV, 319. 322. 330. 339.
 364. 367. 368. 405. 447.
 Мёзеръ II, 96.
 Мей II, 357.
 Мейенъ IV, 302.
 Мейербергъ, см. Майербергъ.
 Мейеръ, Д. II, 42—44.
 Мейеръ, живописецъ IV, 300.
 Мейеръ IV, 288.
 Мейеръ IV, 303.
 Мелеціусъ, Агрикола II, 100.
 Мелиссино, И. И. I, 186.
 Мелисъ II, 343.
 Мельниковъ, П. И. I, 37. 269. 341. 423.
 II, 73. 174. 337. 355. 356. 360. 400.
 —403. 406. 407.
 Мельникъ, г-жа III, 392.
 Мельницкій, В. П. II, 60.
 Мельхиседекъ, архим. I, 332.
 Менетриё IV, 283.
 Ментцеліусъ IV, 215.
 Мериме I, 232.
 Меркаторъ IV, 189.
 Мертваго IV, 67.
 Мессершмидтъ I, 83. 84. 99. 107. IV,
 216. 219. 220. 224. 229. 382.
 Метлинскій I, 31. 316. 374. III, 15. 93.
 101. 139—142. 146—150. 167. 196.
 200. 215. 422.
 Меурсіусъ I, 176.
 Меоодій Патарскій I, 139.
 Мигурскій IV, 318.
 Миддендорфъ, А. Ѳ. II, 305. IV, 278.
 287—291. 294. 295. 298. 384. 403.
 Миклошнчъ II, 79. 147. 281. 345. III,
 326. 330. 423. IV, 168.
 Микучкій IV, 78, 149.
 Милетичъ III, 359.
 Миліусъ I, 106—108.
 Миллеръ, Всев. II, 246. 317—321. 327.
 343. 409. 427. 458.
 Миллеръ, Гер.-Фр. I, 19—22. 80. 84.
 85. 98. 99. 101. 103. 104. 108. 127.
 130. 134. 138. 142—146. 149. 193.
 II, 197. III, 113. 192. IV, 180. 189.
 199. 216. 224—226. 229. 230. 232.
 249. 255. 259. 261—267. 284. 304.
 320. 327—329. 332. 339—350. 363.
 364. 382. 384. 386. 433.
 Миллеръ, Іоанні-Бернардъ IV, 343.
 Миллеръ, Орестъ I, 35. II, 82. 83. 145.
 218. 220. 222. 229—239. 246. 247.
 270. 295. 327. 422. 427. IV, 155.
 Миллеръ, Ферд. IV, 301. 314. 402.
 Миллеръ, Фридрихъ IV, 402. 406. 407.
 Миллеръ, Ѳ. Б. II, 69.
 Миллеръ (Müller, F. A.) IV, 392.
 Мильнъ IV, 320. 321.
 Милюковъ, А. II, 60. 136. 145.
 Милютинъ, В. А. IV, 374. 400.
 Минаевъ, Д. Д. II, 67.
 Минаевъ, И. П. IV, 303.
 Мининъ IV, 249.
 Мировичъ, Петръ IV, 327. 328.
 Михаилъ Ѳедоровичъ, царь I, 138.
 291. IV, 334. 416. 424.
 Михайловскій, Ник. II, 372. 384.
 Михайловскій, Я. II, 340.
 Михайловъ, В. П, 306.
 Михайловъ, К. IV, 449.
 Михайловъ, М. Л. II, 57. 191.
 Михайловъ II, 357.
 Михаэлисъ I, 194.
 Михневичъ, Вл. II, 67.
 Миховъ IV, 202.
 Мицкевичъ I, 231. III, 38. 93. 96. 97.
 114. 117. 122. 201. 202. 247. 261.
 IV, 29. 43. 46. 60. 144. 317.
 Мишле II, 7. 331. 380.
 Мищенко, Ѳ. III, 393.
 Млака, Данило (Исидоръ Воробкевичъ)
 III, 418.
 Могила, Амвросій, см. Метлинскій.
 Могила, Петръ I, 174. III, 383.
 Могилинскій III, 313.
 Модерахъ IV, 344.
 Модестовъ II, 62. 64. 145.
 Можаровскій, А. II, 326.
 Молошниковъ I, 224.
 Молчановскій, Н. III, 393.
 Монастырскій III, 419.
 Моне II, 100.
 Монигетти II, 424.
 Монтеस्कьё I, 89. 90. 153. 173. 175. II,
 63. III, 253. IV, 240.
 Мордвиновъ, А. IV, 401—403.
 Мордвиновъ, Н. П. IV, 280.
 Мордовцева, А. Н. II, 138.
 Мордовцевъ, Д. Л. II, 310. III, 151.
 183. 188. 210. 356. 377. 396.
 Морозовъ, П. О. II, 141. 325.
 Морошенинъ, Ѳ. I, 231. 315. 338. 356.
 362. 363. 367—372. 377. II, 84.
 Мосоловъ, Н. Н. II, 307.
 Мочульскій II, 295. III, 424.
 Мошинская, Юзефа III, 298.
 Муцловъ II, 336. 337.
 Мундовъ, Андрюшка IV, 198.
 Муравьевъ, М. Никитичъ I, 196. 222.
 Муравьевъ, Мих. Никол., гр. II, 324.
 IV, 95.
 Муравьевъ, Ник. Ник., графъ IV, 290.
 295. 297. 309. 368.
 Муравьевъ, лейтенантъ IV, 248.
 Мурко II, 296. IV, 157. 171.
 Муръ, Томасъ III, 168.
 Мурье II, 157.
 Мусинъ-Пушкинъ, А. И. гр. I, 26. 140.
 185. 411.
 Мусинъ-Пушкинъ, М. Н. II, 55.
 Мухлинскій IV, 37. 80.

- Мухометовъ П**, 305. IV, 303. 367.
Мухометскій, князь П, 62.
Мухометъ Уоллесъ П, 342. 343.
Мухъ П, 162.
Мухометовъ П, 425.
Миллеръ, Максъ П, 112—126. 138. 139. 232. 265.
Миллеръ, Отфредъ П, 5. 6. 323. III, 177.
Миллеръ, капитанъ IV, 223.
Мюнстеръ, Себастьянъ I, 137. IV, 202.

Надеждинъ, Н. И. I, 29. 33. 37. 233—242. 244—275. 289. 310. 314. 367. 381. 404. 410. II, 52. 84. 345. III, 18. 19. 31. 81. 108. 313. 324. IV, 70. 291.
Назаревъ I, 44.
Нарбуттъ IV, 25. 39. 40. 54. 80. 104. 114. 119. 126. 171.
Нарушевичъ I, 231. 295. III, 93. 114. 122. IV, 42.
Нарышкинъ I, 128.
Науменко, В. П. III, 85. 86. 165. 186. 381. 389. 406. 408. 411.
Наумовъ I, 44. II, 73. 370. 408. IV, 372.
Неболинъ, Г. П. II, 311.
Неболинъ, П. Ив. II, 337. 344. IV, 212. 327. 330—332. 338. 350. 353. 367.
Невельской IV, 290. 295. 349.
Неводчиковъ IV, 247. 250.
Неволинъ I, 33. II, 42. 43.
Невоструевъ II, 313.
Недешевъ IV, 168.
Недѣльскій, Софронъ III, 415.
Незеленовъ I, 35. 134. II, 325.
Нейманъ IV, 314.
Нейманъ, Ц. III, 294. 299. 381. 389. 409.
Некрасовъ, Ив. П, 246.
Некрасовъ, Н. А. I, 41. 44. 350. 423. II, 346. 353. IV, 372.
Нелединскій-Мелецкій П, 368.
Немоновскій IV, 318.
Неплюевъ II, 177. 185.
Несѣловскій III, 47.
Несторъ, летопис. I, 20. 75. 76. 141. 149. 157. 223. 293. 294. 325. IV, 165.
Несторъ-Искандеръ II, 317.
Неустроевъ I, 98. II, 325.
Нефедовъ, Ф. Д. I, 44. II, 321. 348. 408.
Нечаевъ, казакъ IV, 275.
Н. И. У. III, 48.
Нибуръ I, 334. II, 5. 67.
Никитенко, А. В. I, 341. 353. 376. 379. 414. II, 56. 203. 325. III, 112. 387.
Никитинъ, В. Н. II, 67.
Никитскій II, 322. 323.
Никофоровскій IV, 157. 158.
Николаевъ, якутъ IV, 400. 410. 434.

Николай, архим. IV, 138.
Николай I, имп. I, 28. 31. 38. 177. 233. 270. 287. 288. 314. 387. 392. IV, 356.
Николайчичъ, Ф. Д. III, 411.
Николь, аббатъ I, 286.
Никольскій, А. IV, 302.
Никольскій, И. Н. I, 392. 409.
Никонъ, патр. I, 244. II, 172. 174.
Нилъ, архіепископъ IV, 402.
Новиковъ II, 227. III, 359.
Новалисъ II, 94.
Новиковъ, Н. И. I, 20. 25. 26. 35. 42. 45. 54. 72. 104. 118. 129. 133. 134. 149. 150. 155. 156. 183. 194. 195. 225. 305. 317—319. 382. 411. II, 177—180. 183. 196. 325. 395. III, 11. 309. IV, 329. 364.
Новиковъ, основ. малоросс. общ. III, 91.
Новицкій, Григорій П, 229. 230. IV, 216. 221. 222. 329. 338. 384. 402.
Новицкій, Ив. II, 322. 328. III, 217. 350. 377—381. 392. 395. 398. 400. 404.
Новицкій, Илья IV, 222. 223.
Новицкій, Орестъ II, 174.
Новосельскій (Марциновскій) III, 278. 294—296. 370.
Нодъ III, 292.
Нодье, Шарль III, 169.
Ноксъ (Клох) IV, 321.
Номисъ (Симоновъ) III, 217. 339. 367—369. 371.
Номтоевъ, Р. Н. IV, 400.
Нопицъ I, 322.
Норденшельдъ IV, 196. 252. 284. 322. 323. 335. 336.
Нордквистъ, О. А. IV, 403.
Норманъ, Альфредъ II, 56.
Норовъ, А. С. I, 382.
Носовичъ, Ив. Ив. II, 326. IV, 78. 125. 149—153. 165—168.
Ность, С. Д. III, 363.
Нѣговскій, Мих. Вас. III, 420. 421.
Нѣмцевичъ I, 231. III, 48. 96. 117. IV, 31.

Оболенскій, Д. А., князь II, 56.
Оболенскій, Мих., кн. II, 316. IV, 203—207. 211.
Обручевъ, Н. Н. II, 307.
Овидій I, 178.
Овцынъ IV, 248. 249.
Огаревъ, Н. Пл. I, 331. 337. II, 45.
Оглобинъ IV, 336. 338.
Огоновскій, О. III, 225. 233. 327—335. 338. 375. 413. 416.
Огородниковъ, Е. П., 309.
Огородниковъ, С. П., 338.
Одоевскій, кн., В. Ф. I, 221. 289. 410. II, 203. III, 17.
Одынецъ III, 49. 97. IV, 64.

- Оверецковский I, 19. 21. 88. 99. 109.
 110. 113. 124. 126. 129. 132. 133. 146.
 180. 183. 184. 187. 198.
 Оксеновъ, А. В. IV, 185. 351. 368. 369.
 Олеарій I, 86. 114. 138. 242. III, 161.
 IV, 190. 213. 215.
 Оленинъ, А. Н. I, 223. 378. IV, 353.
 Ольшвангеръ IV, 91.
 Онихевичъ III, 225. 252. 414.
 Опперманъ III, 84.
 Орановскій, А. П. 306.
 Оргельбрандъ IV, 57.
 Орловъ, А. А. I, 261.
 Орловъ, В. П. 311. 333.
 Орловъ, гр., В. Г. I, 173.
 Орловъ, поручикъ IV, 402.
 Орфановъ, М. И. IV, 318. 351. 371.
 372. 441. 447.
 Оршанскій П, 337. 339.
 Осадца III, 326.
 Освѣдчикъ III, 364. 381. 389. 399.
 Осиповъ, Н. IV, 461.
 Основьяненко, см. Квятка.
 Оссіанъ III, 253.
 Оссовскій III, 297.
 Оссолинскій IV, 31.
 Осташевскій III, 370.
 Островскій, А. Н. I, 303. 423. II,
 48. 55—59. 355. 360. 356. 362. 369.
 374.
 Островскій, Андрей I, 186.
 Островскій, Эдвардъ IV, 315.
 Островскій-Лохвицкій III, 399.
 Отвиль III, 412.
 Ошурковъ, В. А. IV, 215.
- Павель, еп. нижег. I, 186.
 Павель, нмц. I, 88. 178. 341. IV, 251.
 254.
 Павликъ, М. III, 419.
 Павлиновъ IV, 363.
 Павлищевъ IV, 104.
 Павловичъ, офиц. ген. шт., В. П. 306.
 Павловичъ, галич. III, 292.
 Павловскій, А. IV, 403.
 Павловскій, Алексѣй III, 26. 310—312.
 345.
 Павловскій, Ив. III, 343.
 Павловскій III, 105.
 Павловъ, А. С. II, 138. 139. 276.
 Павловъ, А., путешеств. IV, 371. 372.
 Павловъ, М. Г. I, 363. 367.
 Павловъ, П. П. II, 40. 160.
 Павловъ, лейтенантъ IV, 248.
 Павлуцкій, въ XVIII в. IV, 248. 316.
 Павлуцкій, А. IV, 382.
 Павскій П. 78. 80. 147. 345.
 Падринъ IV, 301.
 Падура, Гимко III, 223. 249. 252—257.
 275. 277.
 Паландеръ, Э. IV, 261.
 Палацкій I, 32. III, 119. 179.
- Палій III, 95.
 Палладій, архим. IV, 300. 301.
 Палласъ I, 21. 80. 84. 99. 103. 105—
 111. 127. 128. 132. 173. 191. 192. IV,
 219. 247. 250. 255—262. 267. 270. 320.
 382. 384. 385. 401.
 Пальшау I, 71.
 Памфиловъ, свящ. I, 175. 186.
 Панаевъ, Ив. Ив. I, 235. 237. 289. 291.
 II, 191.
 Панинъ, А. Н. I, 330.
 Парвезъ, Альфонсъ IV, 313.
 Парижинъ I, 301.
 Парчевскій IV, 114.
 Паскевичъ I, 71.
 Пассекъ, Вадимъ I, 314. 315. 329—
 340. 375. II, 34. III, 92. 95. 100.
 221. 303.
 Пасторіусъ III, 412.
 Паткановъ, С. IV, 461.
 Паули Жегота III, 114. 120. 132. 133.
 136—138. 169. 174. 290. 292. 425.
 IV, 43. 51.
 Паули IV, 401.
 Паулини III, 359.
 Пауша, Антоній IV, 318.
 Пахманъ, С. I, 35. II, 337.
 Пайеръ IV, 196.
 Пайманъ III, 236.
 П. Е. IV, 77.
 Пежемскій IV, 332. 367.
 Пекарскій I, 84. 85. 101. 105. 108. 114.
 128. 129. 135. 137. 142. 143. 166. 193.
 II, 44. 168. 312. 325. III, 78. IV,
 200. 206. 207. 215. 221. 226. 242.
 263—265.
 Пѣльманъ III, 412.
 Первольфъ П, 162.
 Перевощиковъ I, 383.
 Перетятковичъ II, 322.
 Перець II, 7.
 Пермикинъ IV, 302.
 Перовскій, В. А. I, 343.
 Перовскій, Л. А. I, 343. II, 307. IV,
 58. 105.
 Перси III, 169.
 Пестель, сиб. ген.-губ. IV, 434. 435.
 Пестовъ IV, 351. 359.
 Петерманнъ IV, 322.
 Петерсъ IV, 288.
 Пети де-ла-Круа IV, 343.
 Петлинь, Ивашка, казакъ IV, 198. 214.
 334. 352.
 Петрарка I, 172.
 Петрашевскій II, 45.
 Петрей IV, 190.
 Петри, Э. Ю. IV, 322. 375. 376. 384.
 Петровъ, Н. П., проф. II, 313. 322.
 324. III, 7. 8. 11. 15. 16. 165. 188.
 194. 201. 340. 350. 375. 388. 406.
 406. IV, 136—138.
 Петровъ, Пав. Як. II, 424.
 Петровъ, казацк. атаманъ IV, 197. 193.

- Петрушевичъ, А. С. III, 230. 288. 292.
351. 413. 417.
- Петръ Великій I, 12. 14. 19. 22. 26.
38—40. 47. 51. 56. 58—62. 78. 79.
80. 82—85. 87. 90. 95. 96. 98. 108.
113. 114. 135. 136. 149. 154. 161.
164—167. 192. 193. 195. 196. 197.
199. 227. 230. 238. 244. 245. 254. 258.
259. 262. 264. 285. 286. 317. 348. 365.
366. 400. 406. 407. 410. II, 168—171.
176. 315. IV, 213. 216—221. 224. 238—
241. 271. 287. 341. 439.
- Петръ III, IV, 237, 238.
- Печерскій, см. Мельниковъ.
- Пешель II, 162. IV, 383. 384. 406—408.
- Пещуровъ IV, 296.
- Пигтѣ II, 112, 121.
- Пироговъ II, 61. 362.
- Пирожковъ IV, 410.
- Писарева, С. II, 316.
- Писаревскій III, 103.
- Писаревъ, Д. Ив. I, 397. II, 359.
- Писаревъ, генералъ III, 83.
- Писемскій, А. Ѳ. I, 44. 283. 303. 423.
II, 48. 55. 57. 59. 73. 355—357. 361.
362. 366. 370.
- Пискаревъ I, 224.
- Пискуновъ III, 338. 411. 416.
- Питра III, 353.
- Пишчевичъ, А. III, 396.
- Пляно-Карпиня I, 138. IV, 190. 201.
316. 343.
- Платерь, гр. IV, 63. 80.
- Платонъ, митр. I, 175. 176. 317. 321.
- Плетневъ I, 390. 410. 411. 413. 414.
III, 191.
- Плешкевичъ III, 239.
- Плещеевъ, С. I, 97. 104.
- Плотниковъ, В. II, 118.
- Плотниковъ, З. IV, 447.
- Плоховъ, Сергій IV, 361.
- Плутархъ I, 173. II, 33.
- Побѣдоносцевъ, К. П. II, 138. 328.
- Погодинъ, М. П. I, 20. 28. 29. 32. 134.
223—225. 240. 338. 344—347. 366.
369. 375. 377. 383. II, 2. 3. 10. 38.
39. 143. 162. 166. 168. 191. 197. 229.
323. 328. 420. III, 17. 20. 29. 31. 38.
57. 64. 66. 69. 81—85. 105. 134. 150.
164. 254. 319—324. 335. 336. 338. 344.
- Погожевъ, х-ръ II, 311.
- Подберезскій III, 296.
- Подвысоцкій II, 345.
- Пожарскій I, 224.
- Похитевъ IV, 308. 387.
- Познанскій, Б. III, 217. 282. 389. 399.
- Позняковъ IV, 406.
- Покровскій, В. Н. II, 311.
- Покровскій, Е. А. II, 320.
- Покровскій, Н. В. II, 344.
- Полевой, Ксенофонтъ III, 16. 17. 57.
63. 64. 67. 77. 80.
- Полевой, Н. А. I, 234—237. 242. 277.
304. 406. II, 2. 7. III, 42. 49. 54. 56.
66. 67. 80. 81. 95. 97.
- Полевой, П. Н. II, 343.
- Полетика IV, 302.
- Поливека II, 296.
- Поликарповъ, Ѳед. I, 176.
- Пол—нъ, Ир. III, 418.
- Половцовъ, А. В. II, 332. 334.
- Полоцкій, Симеонъ III, 332.
- Полтевъ, сиб. воевода IV, 434.
- Полторацкій, С. Д. I, 193.
- Полунинъ I, 20. 98. 142.
- Поль, Винцентій III, 255. 292.
- Полъновъ, Д. В. II, 64.
- Поляковъ, И. С. II, 311. IV, 222. 290.
300. 301. 308. 309. 371. 382.
- Полянский, Генрихъ III, 414.
- Помяловскій, Ник. II, 360.
- Пономаревъ, Андрей Ив. III, 424.
- Пономаревъ, С. П, 325. III, 16. 20. 22.
31. 34. 36. 86.
- Понятовскій, Иосифъ, князь III, 49. 50.
- Попко, Ив. III, 381. 397.
- Попова, Болеславъ III, 299.
- Поповъ, Александръ Н. I, 134. II, 54.
- Поповъ, Андрей I, 34. II, 226. 276.
313. IV, 197. 338.
- Поповъ, Мих. I, 64. 70—73. 77. 294.
300.
- Поповъ, Н. И. IV, 302. 380—383.
- Поповъ, Нилъ А. I, 134—136. 139—
141. 383. II, 318. 321. III, 105. 134.
- Поповъ, собиратель пѣсенъ II, 326.
- Поповъ (его пѣсенникъ) III, 123.
- Поповъ, ориенталистъ IV, 387.
- Порай-Кошницъ IV, 80.
- Портанъ II, 100.
- Португаловъ, В. О. II, 67.
- Порфирьевъ I, 35. II, 227. 324. III,
424.
- Поршинъ, В. IV, 359.
- Порядинъ IV, 400.
- Посниковъ, А. II, 310. 333. 334.
- Посошковъ I, 19. 53. II, 171. 176. 181.
- Поспѣловъ IV, 352.
- Постельсъ IV, 286.
- Потанинъ, Г. Н. II, 251. 295. 306. 337.
IV, 290. 293. 302—307. 338. 364.
367. 368. 370. 374. 400. 401. 440.
447. 458.
- Потановъ, генералъ IV, 119. 137.
- Потебня, А. А. I, 35. II, 76. 133. 147.
—153. 157. 158. 254. 280. 327. 345.
III, 186. 325. 326. 375. 389. 409. 410.
420. 424. IV, 168. 459.
- Потемкинъ I, 147. 175. 318.
- Потоцкій, Александръ, графъ III, 362.
264.
- Потоцкій, гр., археол. I, 285. III, 93.
- Потоцкіе III, 254. 277.
- Потѣкинъ, А. А. I, 44. 423. II, 48. 57.
58. 59. 73. 355. 357. 361. 362. 368.
370.

- Почобутъ III, 114. IV, 29. 119.
 Пошманъ IV, 401.
 Поярковъ IV, 195.
 Праховъ III, 392.
 Праць I, 26. 70. 71. 300. 302.
 Прейсъ II, 344. III, 105.
 Пржевальскій П, 305. IV, 290. 300.
 304. 305. 320. 402. 447.
 Пржездзецкій III, 278. IV, 41.
 Приборовскій III, 253. 255. 256.
 Прибыславскій III, 297.
 Прибыловъ IV, 247. 250—252.
 Приклонскій II, 348.
 Принтцъ, А. IV, 447.
 Проворовскій, кн. I, 319.
 Прокоповичъ Теофанъ, см. Теофанъ.
 Прончищевъ IV, 247—249. 289.
 Протасовъ I, 88. 132. 180. 184.
 Протопоповъ, М. А. II, 413.
 Прохоровъ, археологъ II, 344.
 Прохоровъ, Никифоръ II, 63.
 Пругаванъ А. С. II, 39. 342. 348.
 Прудонъ II, 63.
 Прускій IV, 458.
 Прыжовъ II, 344.
 Прютцъ IV, 335. 336.
 Птолемей IV, 201.
 Пуга, Аѳанасій I, 361.
 Пугачевъ I, 127. IV, 272.
 Пулавскій III, 48.
 Пурко IV, 318.
 Путимцевъ IV, 352.
 Путятинъ II, 57.
 Пуффендорфъ I, 23. 39. 93. 136—138.
 Пудило IV, 364.
 Пуччи II, 426.
 Пушкаръ III, 95.
 Пушкинъ А. С. I, 28. 30. 41. 43. 45.
 62. 177. 205. 217. 218. 221. 222. 232.
 236. 238—241. 249. 263. 303. 343.
 344. 346. 348. 350. 357. 359. 389.
 390—415. 419—424. II, 17. 50. 68.
 141. 192. 197. 324. 325. 346. 352.
 353. 355. 395. 396. III, 17. 18. 26. 29.
 30. 95—97. 207. 340. IV, 283.
 Пушкинъ, Савлукъ IV, 433.
 Пчелинъ IV, 461.
 Пчилка, Олена III, 30.
 Пшеницынъ IV, 352.
 Пыотровскій, Руфинъ IV, 318.
 Пѣвцовъ, М. IV, 302.
 Пѣтуховъ, Фил. IV, 361.
 Рабле II, 183.
 Равенстейнъ IV, 320.
 Равита Ф. III, 257.
 Рагузинскій, Савва I, 39.
 Раде II, 305. IV, 290. 296. 297.
 Радзивиллъ, князь III, 49.
 Радзивиллы IV, 32.
 Радичевъ, А. Н. I, 25. 42. 45. 54. 72.
 133. 156. 188. 203. 205. 206. 208—
 210. 215. 225. 406. II, 177. 180. 196.
 325. 395.
 Радловъ, В. III, 394. IV, 367. 376. 382.
 387. 401. 404. 406. 414.
 Радченко, Зинаида II, 326. IV, 162.
 Раевскій, М. II, 309.
 Раевскій IV, 363.
 Разинъ, Стенька I, 10. 11. 146.
 Разумовскій, гр. I, 172.
 Разумовскій IV, 341. 344. 346.
 Равчъ I, 295. 368.
 Райхманъ IV, 313. 315.
 Раковецкій, Игн.-Бен. III, 93. 114. 117.
 119. 125.
 Рамбо II, 82. 224. 295. 327. 343.
 Ранке I, 33.
 Расинъ, М. А. II, 157.
 Расинъ I, 59. 93. 144.
 Раумеръ I, 33.
 Раумеръ, Рудольфъ II, 80.
 Рафанловъ IV, 306.
 Рачинскій, А. В. IV, 115.
 Рачкій III, 359.
 Рейналь I, 153. 156.
 Рейнеке II, 58.
 Рейтсонъ III, 169.
 Рейтель III, 412.
 Рейфъ III, 296.
 Рейцъ I, 368.
 Роклю, Элизэ IV, 319.
 Ремезовъ, Семенъ IV, 324—329. 336.
 338. 343. 406.
 Ремюза, Абель IV, 386.
 Ренанъ II, 109.
 Ржевскій, А. А. I, 186.
 Ржевускій, Вацлавъ III, 253—255. 277.
 Ржевускій, Генрихъ III, 277.
 Ригельманъ, А. I, 130. III, 113. 192.
 Рижскій, Ив. I, 107.
 Рикордъ IV, 281. 291.
 Риль II, 206.
 Риттерсбергъ III, 123.
 Риттеръ I, 33. 107. II, 13. 312. IV, 278.
 282. 286. 287. 290—293. 296. 306.
 307. 315. 319.
 Риттихъ IV, 101—107. 109. 115. 139.
 Ришелье I, 242.
 Робертсонъ I, 173. IV, 265. 266.
 Ровинскій, Д. А. I, 34. 75. 325. 329.
 354. II, 142. 155—157.
 Ровинскій, П. А. I, 36. IV, 300. 302. 414.
 441. 442. 447.
 Розе, Густавъ IV, 286. 294.
 Розенкамппъ, бар. I, 377.
 Розовъ, А. И. IV, 371. 372.
 Рокосовская, Софія III, 299.
 Рольстонъ (Ralston) II, 82. 295. 327.
 Романовичъ-Славянскій II, 323. 328.
 III, 386. 387. IV, 128.
 Романовскій IV, 303.
 Романовъ, Д. II, 71.
 Романовъ, Е. Р. IV, 124. 125. 129. 153.
 155. 157. 161—163. 165. 171.

- Романовъ, Елиза II, 63.
 Романовъ, Н. II, 319.
 Романовъ, Савва II, 140.
 Рославскій-Петровскій, граф. I, 340.
 III, 422.
 Ростопчинъ I, 24. II, 177.
 Рокоссовъ, Ольга III, 299.
 Рубановскій IV, 160.
 Рубанъ, В. Г. I, 129. 130. III, 111.
 Руберовскій IV, 101. 124.
 Рубинскій I, 135. IV, 201.
 Рудавскій III, 217.
 Рудковскій, А. III, 396.
 Рудольфъ IV, 255.
 Рудорфъ II, 5.
 Рудченко, Н. Я. I, 34. II, 336. III, 339. 351. 362. 369—374. 377.
 Рудневскій, Сив. III, 275. 296—299. 370.
 Румовскій I, 19. 35. 132. 161. 190—195. 199.
 Румянцевъ, Н. П., гр. I, 29. 263. 223—226. 231. II, 225. III, 52. 53. 62. 65. IV, 69. 294. 251.
 Румянцевъ, П. А., гр. III, 113.
 Рутевъ, I. II, I, 215. III, 117. IV, 97.
 Руткевичъ IV, 255. 294.
 Рыбачъ, А. А. III, 357. 359. 373. 381. 402. 404.
 Рыбачъ, Н. IV, 445.
 Рысь-Билетъ IV, 320. 321.
 Рысо I, 59. 133. 156. II, 4. 396. 252. III, 253. IV, 241.
 Рысо, de Bouillon IV, 245.
 Рыськовъ, П. Н. I, 34. 226. II, 45. 61—64. 95. 92. 93. 106. 156. 221—224. 229. 231. 240. 241. 245. 311. 326. 346. III, 104. 457.
 Рыськовъ, С. III, 359. 366. 411.
 Рыськовъ, Е. С. I, 231. III, 15. 96. 117. IV, 372.
 Рыськовскій IV, 25. 41. 42.
 Рыськовъ, Николай I, 125. IV, 255. 259.
 Рыськовъ, Петра Ян. I, 19. 56. 105. 124. 127. 135. 155. 185.
 Рыськовъ, П. Г. I, 335. II, 30. 42. 110.
 Рыськовскій I, 44. II, 73. 359. 373. 405.
 Ры, Сив. IV, 321.
 Рыбенный II, 61.
 Рыбковъ IV, 442.
 С. А. IV, 123.
 Сабанъ I, 336.
 Сабитовъ II, 177.
 Саввантовъ, П. I, 277. 290.
 Савельевъ, А., собор. иеромонахъ иеромонахъ II, 329. III, 336.
 Савельевъ, Ас. IV, 433.
 Савельевъ, П. С. I, 29. 234. 257. 269. II, 45. 46. IV, 365. 387. 397.
 Савельевъ-Ростиславъ I, 231. 315. 362. 366. 368. 369. 372. 377. II, 51. 152. III, 44. 55. 54.
 Савинъ I, 33. II, 5. 6. 41.
 Савинскій II, 225. 236.
 Савосовъ IV, 124.
 Савосовъ IV, 32.
 Савосовъ III, 252.
 Савитковъ, М. Е. I, 45. 412. II, 30. 374. 400. III, 167.
 Саваринъ, Е. С. II, 27. 161. 194. 322. III, 191.
 Савосковскій, I. II, 321. 337. III, 31. 392.
 Савицскій III, 193.
 Савицъ, 14— I, 335.
 Савицковъ IV, 352.
 Савуновъ, А. П. IV, 125. 126. 136. 138.
 Сави I, 71.
 Савицъ IV, 347. 250. 262. 402.
 Савицъ I, 331.
 Саваровъ, В. П., 227.
 Саваровъ, Н. П. I, 29. 30. 61. 62. 72. 74. 75. 273. 276—278. 315. 325. 342. 354. 361. 374. 377. 378. 382. 413. II, 1. 25. 45. 53. 54. 59. 64. 240. 253. 275. 325. 401. III, 36. 37. 67. 112. 145. 166. 169. 174. IV, 197.
 Саво IV, 322.
 Савицъ I, 106.
 Савицскій, Парфенъ (Староушъ) Парк. Сиб. III, 59. 293—297.
 Савицскій II, 191.
 Савицъ I, 342.
 Савиъ IV, 330.
 Савицъ, А. IV, 301. 402.
 Савицковъ IV, 361.
 Савицковъ, В. М. I, 95. 100. 111. 112. 129. 132. 133. IV, 25—27. 65. 361.
 Савицскій II, I, III, 361. 399.
 Савицскій III, 406.
 Савицковъ II, 344. III, 351.
 Савицковъ IV, 345.
 Савицскій, П. IV, 301.
 Савицскій, В. I, 130. 415. II, 41. 335.
 Савицскій, М. П. 314. III, 105.
 Савицскій, А. Г. III, 417.
 Савицскій, вселенъ III, 292.
 Савицковъ, А. В. IV, 136. 177.
 Савицковъ, П. П. I, 34. 95. 108. II, 307. 311. 312. IV, 25. 169. 170. 199. 290—295. 303. 305—307. 367. 398.
 Савицковскій, А. П. 311. IV, 136.
 Савицковскій, Н. III, 193. 345. 347. 392. IV, 91.
 Савицковскій I, 362.
 Савицскій IV, 351. 356. 369.
 Савицковскій, см. Явлинскій.
 Савицскій III, 285. 289.
 Савицскій III, 175.
 Савиц-Мартенъ I, 225.
 Савиц-Симонъ II, 45.
 Савицъ, I. Н. I, 230.
 Савицъ, Н. Г. I, 340.

- Серафимовичъ, см. Пашковъ.
 Сербиновичъ IV, 104.
 Сервантесъ II, 425.
 Сергѣевичъ, В. И. I, 35. II, 160. 163. 165. 323. 337. 338.
 Серебренниковъ IV, 250.
 Серeda, Н. П., 311.
 Сестренцевичъ, Станиславъ III, 53. 114. IV, 153.
 Сибиряковъ IV, 322. 367. 462.
 Сиверсъ IV, 247. 269. 270.
 Сиверсъ, П. А. IV, 365.
 Симаковъ, Н. Е. II, 156. 157.
 Симеонъ, архієпископъ IV, 428.
 Симеонъ Полоцкій I, 81.
 Симоновскій I, 130. III, 113. 193.
 Симоновъ, см. Номиясъ.
 Синдъ IV, 266.
 Сисмонди I, 243. 273. II, 90. III, 253.
 Скабичевскій. А. М. I, 415. II, 232. 373. 413. III, 162. 425.
 Скальковский, А. II, 311. III, 193. 257. 381. 396.
 Скарга IV, 42.
 Скарятинъ IV, 85. 96.
 Скасси IV, 306. 307.
 Скимборовичъ III, 38. 45. 48. 49. 55.
 Скворода III, 92. 94.
 Скоморовскій III, 292.
 Скорина, Фр. I, 195. IV, 12. 30. 31. 139. 166.
 Скоттъ, Вальтеръ I, 217. 414. II, 33. III, 168. 169. 205. 208.
 Скребицкій, А. И. II, 328.
 Скуратовъ IV, 248. 249.
 Скурховичъ IV, 91.
 Славинецкій, Епифаній III, 332.
 Славутинскій II, 365. 367. 370.
 Слейданъ I, 39. 137. 138.
 Словацкій III, 97.
 Словоцовъ, И. Я. IV, 381.
 Словоцовъ, П. А. IV, 180. 223. 332. 351—359. 384. 403.
 Слѣпцовъ, В. А. I, 44. II, 73. 370. 408.
 Смаль-Стоцкій III, 417.
 Смирдинъ I, 228. IV, 282.
 Смирницкій III, 109. 345.
 Смирновъ, А. И., филологъ I, 35. II, 314. 345.
 Смирновъ, А., пис. по общ. праву II, 337.
 Смирновъ, Е. IV, 363. 459.
 Смирновъ, И. IV, 397.
 Смитъ, Адамъ IV, 94.
 Смотрицкій, Мелетій I, 252. IV, 32. 170.
 Смышляевъ, Д. П., 510.
 С—тъ, Н. И. II, 139.
 Снегиревъ, Ив. М. I, 30. 34. 273. 278. 282. 295. 306. 314—329. 343. 354. 376. 378—382. II, 2. 25. 33. 34. 53. 325. III, 94. 168. 174. 179. 344.
 Снѣгурскій III, 228. 242.
 Снѣжковъ, Антипа I, 361.
 Снядецкіе IV, 29. 119.
 Снядецкий III, 114.
 Собко I, 228.
 Соболевскій, А. И. I, 35. II, 345. III, 49. 324. 336—338. 393. 411. IV, 168.
 Согоновичъ II, 295.
 Соймоновъ, П. А. I, 186.
 Сокальскій III, 164.
 Соколовскій, поэтъ I, 331.
 Соколовскій, П. II, 332. 333. 338.
 Соколовъ, Матвей I, 36.
 Соколовъ, М. Е. II, 320.
 Соколовъ, Никита, студентъ I, 88. 100. 109—113. 132. 133. 180. 184. IV, 247. 255. 257. 261.
 Соколовъ, П. И. IV, 461.
 Соллогубъ, гр. II, 156.
 Солнцевъ, археологъ II, 344. IV, 133.
 Солнцевъ, князь, Гавріилъ IV, 361.
 Соловьевъ, Д. П., 326.
 Соловьевъ, С. М. I, 33. 134. 147. 158. 159. II, 10—25. 30—40. 78. 111. 112. 138. 160. 162—166. 168. 174. 176. 177. 195. 197. 322. 333. 344. III, 155. 156. 159. 187. IV, 19.
 Соловьевъ, С. Ѳ. IV, 297.
 Соловьевъ, Я. П., 328.
 Соловьевъ, Ѳ. IV, 403.
 Соловьевъ, сиб. промышленникъ IV, 250.
 Соломерецкіе IV, 32.
 Сомье, Ст. IV, 322. 401.
 Сопиковъ, Василій IV, 25. 30—36. 262.
 Спасовичъ III, 247.
 Спасскій, Гр. Ив. I, 150. IV, 198. 211—214. 217. 223. 284. 327—329. 332. 333. 337—339. 351—354. 382. 384. 459.
 Спафарій IV, 198—201. 214. 337. 338.
 Спенсеръ II, 162. 391.
 Сперанскій IV, 356. 367. 434. 435. 440.
 Срезневскій, И. И. I, 30. 31. 33—35. 72. 234. 268. 273. 277—279. 281. 311. 316. 332. 340. 346. 351. 356. 362. 374. 375. II, 48. 51. 52. 54. 63. 64. 112. 143. 147. 148. 150. 152. 157. 166. 215. 221. 226. 239. 280. 312. 324. 343—345. III, 1. 15. 27. 85. 88—94. 97—105. 109. 113. 140. 156. 164—169. 174. 175. 184. 185. 195. 215. 221. 250. 303. 313—320. 323—326. 422. IV, 149—151. 168. 198.
 Стадiongъ III, 236.
 Стадницкая III, 299.
 Стадницкій, Алекс., гр. III, 389.
 Стадницкій, Казиміръ IV, 40.
 Станкевичъ, Н. В. II, 192. 202. III, 108.
 Станюковичъ IV, 372.
 Старчевскій, А. В. I, 134. 340. III, 38. 45.
 Стасовъ, В. В. II, 52. 82. 83. 133. 154—156. 220. 235. 246—251. 269. 276. 295. 327. 344.
 Стаховичъ I, 303.
 Стахурскій, см. Свенцицкій.

- Зинковъ IV, 247. 250.
 Зеттеръ IV, 288.
 Зюковский I, 64. 168—170. 172. 178.
 . 193. 255. 323. 368. II, 182.
 Зандъ, О. Я. II, 320.
 Зенкій III, 264. IV, 42.
 Зюевъ II, 310.
 Зюговъ, В. II, 333. 334.
 Зюнский, Д. II. I, 226. III, 12. 14. 91.
 Зюнь I, 295.
 Зюнь, пѣвецъ былинъ II, 229. IV, 46. 447.
 Зюнь, С. И. II, 67.
 Зюнь IV, 301.
 Зюневъ, А. И. I, 220. IV, 70.
 Зюневъ, А. М. II, 177. 187.
 Зюневъ, И. П. I, 317.
 Зюневъ, И. С. I, 41. 44. 303. 350.
 422. 424. II, 56. 73. 84. 86. 203. 346.
 353. 354. 356. 360. 361. 370. 395. 400.
 III, 388.
 Зюневъ, Н. И. II, 21. 41.
 Зюнский, Казимиръ III, 136. 138. 278. 292.
 Зюриновичъ, О. IV, 78. 83. 137.
 Зюновъ, И. И. IV, 212. 214. 215. 351. 368. 369.
 Зюшкевичъ, Евстафій, гр. IV, 37. 41. 45. 57. 58. 75. 76. 114. 117—120. 127. 154. 157. 171.
 Зюшкевичъ, Конст., гр. IV, 41. 171.
 Зюрри, Амедей II, 7.
 Зюрри, Августинъ II, 7. III, 162.
 Зюльоръ II, 162.
 Зюменецъ, Василій, атаманъ IV, 197.
 Зюрия, А. О. I, 35.
 Зюваровъ, А. С., гр. I, 29. 281. 306. 326. II, 139. 313. 320. 321. III, 344. IV, 382.
 Зюваровъ, С. С., гр. I, 265. 381. 383. 386. II, 49. 56. III, 20. 21. 36. 53. 106.
 Зюрюмовъ, Степанъ IV, 361.
 Зюдъла, Северинъ III, 300. IV, 458.
 Зюейскій, Корнелій IV, 64.
 Зюфальви II, 157. IV, 386.
 Зюландъ III, 168.
 Зюлфила II, 79.
 Зюманецъ, О. II, 333.
 Зюндольскій, В. М. I, 29. 277. II, 139. 313.
 Зюнковскій, А. М. II, 20.
 Зюбинъ, Мавро, см. Мавро Зюбини.
 Зюсинъ II, 239.
 Зюсохцевъ, А. IV, 301. 402.
 Зюспенскій, В. II, 293.
 Зюспенскій, Гавриилъ I, 27. 223. IV, 68.
 Зюспенскій, Глѣбъ I, 44. 418. II, 73. 207. 370. 373. 406—413. 415. 422.
 Зюспенскій, Николай II, 370. 408.
 Зюстіановичъ, Н. III, 223. 229.
 Зюстриловъ I, 29. 108. 375. 383. II, 2. 50. 168. III, 152. 155. IV, 221. 350.
 Зюшаровъ, Н. IV, 447.
 Зюшинскій II, 237.
 Зюабриусъ I, 76. 137.
 Зюаворскій, свящ. II, 326.
 Зюадѣевъ, генералъ II, 378. 383.
 Зюальтъ I, 21. 99. 106. 109. IV, 247. 255. 256. 260. 261. 329. 384.
 Зюалютинскій, Казимиръ IV, 37.
 Зюаминдинъ, А. I, 75. II, 238. 317. 319.
 Зюанъ-деръ-Линде IV, 203. 205. 207. 211.
 Зюедченко, А. П. II, 305. IV, 303.
 Зюедьковичъ III, 286. 418.
 Зюейербахъ II, 63. 424.
 Зюелинская, Ева IV, 318.
 Зюелидинъ, Е. Д. III, 397.
 Зюельдманъ, О. А. II, 307.
 Зюенчикъ, Евгений III, 414. 418.
 Зюеть II, 357.
 Зюиларетъ, патриархъ IV, 425.
 Зюиларетъ Черниговскій I, 35. 130. II, 111. 145.
 Зюилимоновъ, Е. Д. II, 139. 140. 344. 400.
 Зюилипповъ, Н. Н. II, 57.
 Зюиловей, митрополитъ IV, 221. 222.
 Зюинъ Магнусенъ II, 100.
 Зюиншъ IV, 321.
 Зюикте I, 335. II, 5.
 Зюишеръ, I. О. I, 21. 99. 104. 106. IV, 180. 189. 199. 216. 224. 225. 259. 261. 267. 324. 327. 346. 348—350. 377. 406.
 Зюишъ, Зеновъ (Падалица) III, 296.
 Зюлемингъ, Констанція III, 52.
 Зюлеровскій II, 333.
 Зюлетчеръ I, 86. 379. 383. III, 107. IV, 190.
 Зюлизъ, де-ла, см. Де-ла-Флизъ.
 Зюлоринскій, В. М. IV, 364.
 Зюлоринскій, Т. I, 36.
 Зюойницкій, И. II, 337. 338.
 Зюонтевелъ I, 23.
 Зюонъ-Визинъ I. 25. 41. 56. 59. 65. 72. 118. 181. 185. 411. II, 180. III, 309.
 Зюоріэль II, 7. III, 125. 169.
 Зюорстеръ IV, 267.
 Зюортинскій III, 393.
 Зюортисъ III, 93.
 Зюортуатовъ, Ф. А. II, 318.
 Зюотій, арх. I, 291. 358. 380. II, 324. 395.
 Зюранко, Иванъ III, 299. 419.
 Зюранко, Ольга III, 414.
 Зюрантъ IV, 119.
 Зюратеркулусъ, см. Лебединцевъ, О.
 Зюрейтагъ I, 341.
 Зюренъ I. 29. 222. 224. II, 197. IV, 387.
 Зюричай III, 123.
 Зюричъ III, 97.
 Зюришъ I, 138.
 Зюроловъ, собир. рукописей I, 29.
 Зюроловъ, Н. IV, 395.

- провъ I, 26. 42. 65—75. 77. 220. 228.
 — 294. 300. 301. 303. 305. 307. II, 183.
 III, 11.
 пинъ, Н. II, 310.
 провъ II, 311. IV, 250.
- Иблевская, Северина III, 299.
 Иденъ I, 287.
 Иейноха IV, 40.
 Илаууровъ IV, 247. 251. 252. 266. 283.
 Иамиссо, Адальбертъ IV, 281. 282.
 Иангинъ IV, 352.
 Иантъ д'Отерошъ IV, 235—247. 268.
 Иараневичъ III, 413. 417. IV, 172.
 Иармуа I, 29.
 Иафарикъ I, 32. 251. 323. 363. III, 39.
 76. 97. 106. 119. 123. 125. 179. 314.
 IV, 77. 81. 167.
 Иафонскій I, 130. III, 11.
 Иахматовъ, А. И. II, 290. 345.
 Иаховская, вн. II, 157.
 Иашкевичъ, Маркіанъ III, 134. 136.
 225—229. 239. 251. 292. 414. 416.
 Иашковъ, С. IV, 254. 351. 368. 374.
 Иавановичъ I, 172.
 Иварцъ, масонъ I, 287.
 Иварцъ, нѣм. мнѣологъ II, 112—117.
 122. 124. 129. 232. 255.
 Иварцъ, сиб. исслѣд. IV, 295. 296. 302.
 Ивенъ III, 177.
 Иебунинъ IV, 296.
 Иевалье III, 412.
 Шевченко I, 341. 361. 362. 375. III, 10.
 16. 36. 153. 156. 157. 163. 167. 194.
 203. 210. 215—217. 222. 239. 278.
 280. 286. 301. 307. 355. 373. 416. IV,
 93. 123.
 Шевыревъ С. П. I, 252. 256. 338. 365.
 II, 69. 110. 145. 191. 195. 423. III,
 21. 164. 166.
 Шёгрень I, 29. IV, 387. 391.
 Шейковский, К. III, 411. 416.
 Шейнъ, П. В. I, 34. II, 48. 68. 69. 82.
 136. 238. 313. 326. IV, 125. 154—158.
 163. 171.
 Шекспиръ I, 90. 92. II, 90. 183. III,
 121. 208. 210. 288.
 Шелеховъ, IV, 247. 250—254. 262.
 Шеллингъ I, 32. 285. 323. 334. 367. II,
 5. 240. 241. 244. 245. 424.
 Шепелевичъ III, 424.
 Шеппингъ, Д. О. II, 132. 216.
 Шереметьевъ, Ѳеодоръ I, 138.
 Шереръ II, 99. 101.
 Шестаковъ IV, 247. 248.
 Шеховичъ, Северинъ III, 418.
 Шешковский I, 23. 205. 208. 318. IV, 355.
 Шигаринъ IV, 91.
 Шидловскій, Игнатій IV, 37. 58.
 Шиллеръ I, 218. 220. II, 415. III, 148.
 342.
- Шимановъ, А. Л. III, 402. 403.
 Шиманскій IV, 319.
 Ширинскій-Шихматовъ I, 387.
 Шифнеръ, Антонъ II, 246. 295. IV,
 314. 389. 404.
 Шипацкій-Иличъ III, 198.
 Шипковъ I, 31. 180. 218. 252. 349. 353.
 357. II, 51. III, 14. 26. 53. 117.
 Шипшмаревъ IV, 300. 301.
 Шлагинтвейтъ IV, 399.
 Шлегель I, 323. II, 90. 94.
 Шлейрмахеръ II, 5.
 Шлейхеръ II, 345. III, 330.
 Шлёцеръ I, 19. 20. 22. 26. 28. 80. 86.
 134. 144—146. 149. 150. 187. 193.
 222. 318. 364. 366. 369. 411. II, 8.
 17. 197. III, 79. IV, 259. 348. 353.
 Шлоссеръ II, 5. 6.
 Шлякинъ, И. А. II, 316. III, 405.
 IV, 11.
 Шмидтъ, А., оф. генер. шт. II, 306.
 Шмидтъ, Ѳ. Б., натуралистъ II, 305.
 IV, 281. 290. 296. 314.
 Шмидтъ, акад., ориенталистъ IV, 382.
 387.
 Шнейдеръ, Т., см. Лебединцевъ, Ѳ.
 Шпоковичъ, С. IV, 136.
 Шопенъ III, 290.
 Шоттъ, ориенталистъ IV, 386. 406.
 III, II, III, 11.
 Шпангебергъ I, 102. 108.
 Шперкъ, Францъ IV, 300.
 Шпигоцкій, А. Г. I, 374. III, 27.
 Шпилевскій, П. М. IV, 25. 46. 63. 65.
 72—78. 121. 127.
 Шпилевскій, С. М. II, 311.
 Шпрадеръ II, 162.
 Шренкъ IV, 281. 286. 299. 303. 401.
 Штейнталь II, 138. 424. 425.
 Штелинь I, 193. 194. IV, 247. 265.
 Штеллеръ, см. Стеллеръ.
 Штеръ IV, 351. 362.
 Штиглицъ, Н. II, 309.
 Штирнеръ, Максъ II, 63.
 Штраменбергъ I, 84. 138. IV, 216. 220.
 221. 237. 272. 343. 382. 384.
 Штраусъ, Давидъ II, 102.
 Штраухъ IV, 305.
 Шуваловъ, А. П. I, 173. IV, 242.
 Шуваловъ, И. И. I, 186.
 Шуйскій IV, 40.
 Шульгинъ, Виталій III, 370.
 Шульгинъ, Иванъ IV, 282.
 Шульгинъ, Я. III, 396.
 Шульковский, Ѳ. I, 360.
 Шульдъ IV, 265. 266.
 Шумахеръ, акад. I, 144. IV, 341.
 Шуховъ I, 224.
 Шюпъ, К. II, 100.
- Шаповъ I, 38. 108. II, 160. 164. 172—
 175. 226. 227. 305. 322. 324. 333. III,

67. IV, 300. 368. 414. 436—441. 443.
 Щеголовъ, И. IV, 181. 199. 350. 351. 364. 365.
 Щеголенковъ П, 63.
 Щедринъ, см. Салтыковъ.
 Шекатовъ, А.о. I, 98.
 Шепкина, г-жа П, 344.
 Шепкинъ, Д. М. II, 132.
 Шепкинъ, М. С. III, 207.
 Шербаговъ, М. М., кн. I, 26. 104. 147. 150. 185. II, 325.
 Шербина П, 333. 338. III, 381. 395. 401.
 Шукинъ, Н. С. IV, 71. 359. 403.
 Шуровскій IV, 286. 302.
- Эбертъ П, 425.
 Эварницкій III, 381. 392. 396.
 Эверсъ I, 29. 222. 224. II, 7. 23. 197. IV, 68. 339.
 Эдельсонъ П, 355.
 Эдемовъ, Н. II, 338.
 Эденъ IV, 320. 321.
 Эйлеръ, Леонардъ I, 19. 89. 132. 182. II, 8.
 Эйлеръ, астрономъ IV, 255. 256.
 Эйхвальдъ IV, 382.
 Эйхгорнъ П, 5.
 Экономидъ III, 296.
 Элмсъ III, 169.
 Эльсницъ IV, 322.
 Энгель, Самуилъ IV, 247. 264. 265.
 Энгельгардтъ, А. Н. II, 331. 383.
 Энгельгардтъ, Е. А., дир. лиц. III, 116. IV, 282. 284.
 Энгельгардтъ, Морицъ IV, 285. 339.
 Энгельманъ II, 328.
 Эрбелотъ IV, 343.
 Эрбенъ III, 97.
 Эрдманъ IV, 387.
 Эремичъ IV, 91.
 Эренбергъ IV, 286.
 Эрисманъ, д-ръ П, 311.
 Эрихсонъ IV, 288.
 Эркертъ IV, 101—110. 139.
 Эрманъ, IV, 282. 285. 319. 320. 404.
 Эртель, А. И. II, 370. 403.
 Этцель IV, 322.
 Эшенбургъ I, 376.
- Юдинъ, Г. В. IV, 334. 367. 459.
 Юзовъ П, 239. 390.
 Юльгъ IV, 387.
 Юматовъ IV, 96.
 Юнгманъ III, 119.
- Юндивилло IV, 80.
 Юргентъ Бона Мейеръ II, 425.
 Юренскій, Ив. IV, 447.
 Юркевичъ, проф. II, 427.
 Юркевичъ П, 77.
 Юрчичъ III, 359.
 Юсть Липсій I, 39. 137.
- Яблонскій, К. III, 136. 254. 255.
 Яворскій III, 269. 262—272. 275. 281. IV, 41.
 Яворскій, аз. путеш. IV, 320.
 Ягичъ, И. В. I, 35. II, 82. 227. 252. 258. 270. 273. 282—292. 295. 296. 327. 345. III, 184. 186. 337. 338. 373. 417. IV, 140. 157.
 Ягужинскій, гр. I, 71.
 Ядринцевъ П, 305. 334. 337. IV, 185. 215. 281. 302. 322. 330. 350. 351. 357. 367. 368. 373 — 377. 383. 400. 407—411. 414. 442. 448.
 Языковъ, Д. Д. II, 61. 420. III, 105. IV, 368. 447.
 Языковъ, Д. И. I, 29. 150.
 Языковъ, Н. М. III, 17.
 Якобій IV, 253. 254.
 Яковлевъ, А. II, 331.
 Яковлевъ, И. Т. I, 301.
 Якубовичъ, А. Ф. I, 226. 227. III, 14.
 Якушенинъ, Евг. I, 35. II, 310. 334. 336. 338. 339.
 Якушенинъ, Павелъ I, 34. II, 48. 65—68. 82. 105. 136. 138. 326. 346. III, 67. 166.
 Яковичъ де-Миріево I, 185. 192.
 Яковскій IV, 381.
 Яновскій, Б. В. II, 60.
 Янсонъ, Э. II, 311. 330.
 Янушевичъ IV, 318.
 Янчукъ, Н. А. II, 295. 321. 427. III, 291. 410. IV, 170. 171.
 Ярошевичъ, Иос. IV, 40. 57. 81. 83. IV, 104. 114. 458.
 Яхонтовъ, Илья IV, 225. 232.
 Яшуржинскій, X. III, 410.
- Федоровъ, Борисъ I, 180.
 Федоръ Борисовичъ, царевичъ IV, 203. 209. 334.
 Федоръ Ивановичъ, царь IV, 197. 417.
 Федченко, см. Федченко.
 Феофанъ Прокоповичъ I, 39. 87. 88. 136. 195. 254. II, 325.
 Фирсовъ, проф. II, 164. 322. IV, 184. 185.
 Фоминъ I, 109. 128. 129.

